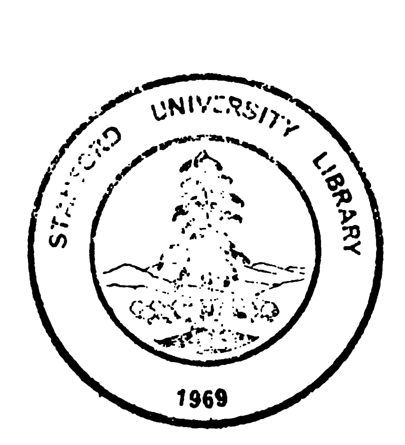

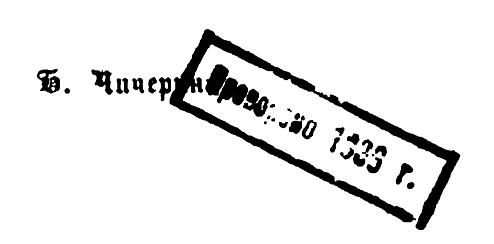
ОБЛАСТНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ

РОССІИ

ВЪ XVII-мъ ВѢКѢ.

сочиненіе

Б. Чичерина.

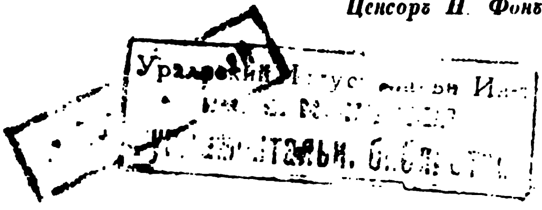

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.
1856.

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Февраля 16 дня 1856 года.

Ценсоръ И. Фонъ Крузе.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ПАМЯТИ

Тимоѳея Николаевича

ГРАНОВСКАГО.

Издавая въ свѣтъ первый свой опытъ, конченный два года тому назадъ, я считаю священнѣйшимъ долгомъ посвятить его памяти того, кто при жизни былъ для меня наставникомъ и руководителемъ. Если работа моя не будетъ безполезна, если я что нибудь могу сдѣлать для науки, то конечно я этимъ обязанъ ему И я осмѣливаюсь принести ему эту дань искренней любви и благодарности въ сознаніи, что какъ бы ни было слабо мое произведеніе, я въ этомъ трудѣ былъ руководимъ не полемическою цѣлью, не стремленіемъ перенести въ прошедшее страсти настоящаго, а однимъ желаніемъ истины, которую онъ такъ горячо любилъ и къ которой умѣлъ внушить другимъ такое уваженіе Но увы! не живому наставнику приносится эта дань отъ ученика; она несется на свѣжую могилу, орошенную и орошаемую столькими слезами. Новыми трудами и неослабною дѣятельностью можемъ мы почтить

память усопшаго, но намъ не доведется уже слышать отъ него слово совѣта или ободренія, а кто лучше его умѣлъ дать совѣтъ или ободрить начинающаго? Въ немъ всякій изъ насъ находилъ безпристрастнаго, хотя и снисходительнаго судью и цѣнителя; въ вѣрномъ его сужденіи могли мы познать мѣру своихъ силъ и настоящее призваніе каждаго; въ широкомъ его воззрѣніи на жизнь и исторію находили мы смягченіе слишкомъ односторонняго или рѣзкаго направленія, въ его сочувствіи вѣчное побужденіе къ знанію и труду. Но свѣтильникъ, насъ озарявшій, погасъ, и отнынѣ мы предоставлены собственнымъ силамъ. Мы должны ощупью идти впередъ, съ опасностью миновать истинную дорогу, съ недовѣріемъ, а можетъ быть иногда и съ слишкомъ большимъ довѣріемъ къ самимъ себѣ, и храня только въ памяти неизгладимый образъ и незабвенные уроки. Эта святыня, завѣщанная намъ его жизнью, сдѣлалась еще драгоцѣннѣе послѣ его смерти. Нося ее въ сердцѣ, мы можемъ смѣлѣе идти въ путь, какъ бы съ талисманомъ, предохраняющимъ отъ всякаго зла. Не изсякнетъ любовь къ мысли и рвеніе къ труду въ томъ, кто живо запечатлѣлъ въ себѣ образъ благороднаго наставника, во всей его поэтической прелести, во всей его нравственной красотѣ. Голосъ его какъ будто бы еще сильнѣе слышится изъ-за гроба, призывая воспитанныя имъ поколѣнія къ святому дѣлу, которому онъ посвятилъ свою жизнь—къ служенію истинѣ и наукѣ, къ подвигамъ на пользу просвѣщенія. Это былъ человѣкъ, память о которомъ долго и долго будетъ жить въ людяхъ. Во многихъ концахъ Россіи сохранится къ ней благоговѣйная признательность;

для многихъ останется она драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ души, и также какъ нынѣ, черезъ много лѣтъ будетъ сжиматься сердце при мысли объ его утратѣ. Это былъ человѣкъ, какого въ другой разъ уже не встрѣтишь въ жизни, и сокрушаясь о немъ, невольно вспоминаешь стихи великаго трагика:

He was a man, take him for all in all,
You shall not look upon his like again. (*)

(*) Это былъ человѣкъ,—съ какой стороны его ни возьми,—подобнаго ему въ другой разъ не увидишь.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Исторія областныхъ учрежденій Россіи въ XVII-мъ вѣкѣ обнимаетъ періодъ, который простирается отъ вступленія на престолъ Михаила Ѳедоровича до преобразованій Петра В., начавшихся учрежденіемъ земскихъ бурмистровъ въ 1699 году. Этотъ періодъ характеризуется повсемѣстнымъ введеніемъ воеводъ, чѣмъ онъ отличается отъ XVI-го вѣка, въ которомъ воеводское управленіе было исключеніемъ. Воеводы учреждены были по всей Россіи въ смутное время начала XVII-го вѣка, но эпоха безпорядковъ и междоусобій не могла войдти въ изложеніе правильнаго устройства областныхъ учрежденій; она составляетъ переходъ отъ XVI-го вѣка къ XVII-му. Не вошли также въ составъ моего изслѣдованія учрежденія Малороссійскія и казацкія, которыя, какъ совершенно отличныя отъ прочихъ, могутъ составить предметъ для отдѣльнаго разсужденія. Я ограничился изложеніемъ учрежденій Русскихъ и Сибирскихъ, но для лучшаго уразумѣнія ихъ характера я счелъ нужнымъ предпослать изслѣдованію историческое введеніе, содержащее въ себѣ все развитіе областныхъ учрежденій, предшествующее избранному мною періоду. Такой очеркъ необходимъ при всякомъ историческомъ розысканіи: только предъидущіе періоды жизни народа раскрываютъ намъ смыслъ послѣдующихъ; только недостатки предшествующихъ учрежденій дѣлаютъ понятнымъ значеніе по-

выхъ мѣръ и преобразованій. Но изложеніе этихъ недостатковъ погибшихъ учрежденій нашего народа да не будетъ принято за упрекъ его исторіи. Не съ укоромъ, не съ осужденіемъ должны мы обращаться къ ней, а съ любовью и съ желаніемъ сознать постепенный ходъ ея явленій. Каждому времени принадлежитъ однако свое дѣло, каждое имѣетъ свои условія, и мы не можемъ требовать отъ эпохи младенческой, чтобъ она носила на себѣ характеръ эпохи болѣе зрѣлой и развитой. Только взглядъ на первоначальную точку отправленія, на темныя стороны предшествующихъ періодовъ можетъ показать намъ всю ширину пройденнаго пути и заставить насъ принести дань благодарности тѣмъ дѣятелямъ, которые, сознавая недостатки своего времени, твердою рукою брались за исправленіе учрежденій, и возводили исторію на высшую точку развитія. Такимъ образомъ, только изложеніе системы кормленій, основанной на частномъ правѣ, откроетъ намъ значеніе великаго дѣла Московскихъ государей; только безпорядокъ, господствовавшій въ администраціи XVII-го вѣка дастъ намъ смыслъ преобразованій Петра Великаго. Точно также и при изложеніи учрежденій Петровскаго періода нужно было бы показать ихъ недостатки, чтобы постигнуть значеніе учрежденій Екатерины II-й, этой стройной, глубоко обдуманной системы законодательства, которая осталась почти безъ измѣненій до нашего времени. При такомъ только взглядѣ на исторію, при сознаніи темныхъ сторонъ предшествующихъ эпохъ мы увидимъ, что совершенныя преобразованія были не случайными распоряженіями, вызванными прихотью или временнымъ удобствомъ, но глубоко коренились въ жизни народа, и основывались на ясномъ пониманіи нуждъ и потребностей времени. Тогда только Русская исторія будетъ имѣть для насъ смыслъ, и представится намъ не капризнымъ сцѣпленіемъ несвязанныхъ между собою явленій, а живымъ теченіемъ событій, проникнутыхъ мыслью, и вытекающихъ одно изъ другаго на основаніи разум-

ныхъ законовъ. Для большаго уясненія этого историческаго хода, я счелъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя сравненія учрежденій Русскихъ съ современными имъ учрежденіями западныхъ государствъ. Это сравненіе покажетъ намъ, какъ общую связь Русской исторіи съ исторіею человѣчества, такъ и особенность Россіи, въ которой многое учреждалось правительственными мѣрами, что на Западѣ совершалось само собою, подъ вліяніемъ господствовавшаго въ немъ союзнаго духа. — Источники, которыми я пользовался при розысканіяхъ, были преимущественно — « Полное Собраніе Законовъ » и Акты, изданные Археографическою Коммиссіею. Я старался исчерпать ихъ возможно полнымъ образомъ, такъ чтобы мое разсужденіе составило по крайней мѣрѣ такое собраніе матеріаловъ, которымъ могли бы пользоваться будущіе изслѣдователи по исторіи Русскаго права. Источники эти чрезвычайно обильны, но разнообразіе учрежденій было такъ велико, что, не смотря на ихъ богатство, остается много пробѣловъ и много нерѣшенныхъ вопросовъ. Каждое новое изданіе актовъ прибавляетъ новые факты къ доселѣ изданнымъ матеріаламъ; такъ изданные въ 53-мъ г. акты, относящіеся до одного города Шуи, сообщаютъ намъ весьма любопытныя свѣденія, которыхъ не было въ изданныхъ до тѣхъ поръ памятникахъ и указахъ. Тоже должно сказать и о Воронежскихъ актахъ. Со временемъ вѣроятно много отыщется и другихъ. Невозможно слѣдовательно представить полной картины областныхъ учрежденій XVII-го вѣка; но того, что извѣстно, кажется, достаточно, чтобы понять существенный ихъ характеръ, а это — главное для уразумѣнія законовъ развитія нашей исторіи.

ВВЕДЕНІЕ.

Первоначально Славяне, какъ и всѣ другіе Европейскіе народы, жили мелкими союзами племенными, родовыми и общинными. Каждый союзъ, основанный на естественныхъ, кровныхъ отношеніяхъ, управлялся самъ собою выборными или наслѣдственными старшинами. На управленіи, какъ и на всемъ быту того времени, лежалъ патріархальный типъ, но исторія сохранила намъ слишкомъ мало извѣстій о правахъ и отношеніяхъ старшинъ. Обычай руководилъ всѣми дѣйствіями, и юридическіе памятники были совершенно излишни. Нѣсколько болѣе подробныя свѣдѣнія имѣемъ мы о томъ времени, когда этотъ патріархальный бытъ сталъ клониться къ упадку; при столкновеніи съ чуждыми племенами крѣпкая родовая связь должна была рушиться, и каждое лице, не сдержанное болѣе связью естественной и неподчиненное еще высшей связи государственной, выступило съ своею частною волею, съ своими частными правами и притязаніями. Тогда сложился порядокъ вещей, основанный на господствѣ личности и частныхъ ея правъ. Призваніе Варяговъ быстро подвинуло впередъ разложеніе первоначальнаго родоваго быта; они явились, какъ чуждый элементъ, который не могъ вмѣщаться въ родовыхъ отношеніяхъ. Самая дружина была основана на совершенно другихъ

началахъ, на добровольномъ согласіи каждаго лица, и этотъ характеръ она наложила на весь созданный ею общественный порядокъ. Князья, волею и неволею покорившіе славянскія племена, остались къ нимъ въ отношеніяхъ начальниковъ дружины къ жителямъ завоеванныхъ земель. Они пріобрѣли въ подчиненныхъ имъ областяхъ право суда и право на полученіе дани, но на эти права они смотрѣли единственно какъ на источники дохода, какъ на средство обогатить свою дружину. Всѣмъ своимъ стяжаніемъ дѣлились они съ своими товарищами и слугами: нѣкоторыя области они предоставляли себѣ, и ѣздили въ нихъ съ дружиною *на полюдье для* сбора податей и судебныхъ пошлинъ; другія волости они раздавали членамъ дружины, которые собирали эти доходы на себя.

Въ послѣдствіи времени князья сдѣлались осѣдлыми въ своихъ областяхъ; изъ начальниковъ дружины они превратились въ вотчинниковъ, но характеръ управленія остался тотъ же: не было еще понятія объ общественныхъ потребностяхъ, составляющихъ предметъ государственнаго управленія; какъ въ частномъ хозяйствѣ, вся цѣль состояла въ полученіи дохода княземъ и его слугами. Князь по-прежнему имѣлъ право суда и дани. То было тягло, лежавшее на землѣ; всѣ жители княжеской вотчины подвергались этимъ повинностямъ, точно также какъ суду и повинностямъ монастырскимъ подвергались всѣ жившіе на монастырскихъ земляхъ. Общимъ правиломъ было: «а судомъ и данью тянути по землѣ и по водѣ.» Кромѣ этихъ регальныхъ или скорѣе вотчинныхъ правъ, князь имѣлъ свои частныя земли, которыми онъ управлялъ хозяйственнымъ образомъ, свои угодья, мыты, пере-

возы и мосты. Со времени Татарскаго владычества къ этому присоединились выходъ или дань и тамга, которыя сначала взимались въ пользу Татаръ, впослѣдствіи же перешли въ казну княжескую. Такимъ образомъ, за исключеніемъ дани иноземнымъ побѣдителямъ, единственными предметами управленія были доходы и повинности, составлявшія собственность князя-вотчинника.

Самое управленіе носило тотъ же частный характеръ; доходы жаловались въ кормленіе княжескимъ слугамъ, отдавались на откупъ, или сбирались хозяйственнымъ образомъ княжескими прикащиками, носившими разныя наименованія, смотря по тому, какими доходами они завѣдывали. Для сбора дани были данщики, ямщики, для тамги — таможники, у мытовъ — мытчики, у мостовъ и перевозовъ — перевощики и мостовщики, для управленія княжескими имѣніями дворскіе, посельскіе и прикащики, конюшіе для сбора доходовъ на содержаніе конюшенъ, сокольничьи для сбора доходовъ на соколиную охоту, и многіе другіе. Наконецъ нѣкоторые доходы сбирались сотскими и старостами городскихъ общинъ и сельскихъ волостей. Община въ вотчинной Руси, лишенная собственнаго суда, имѣла одно значеніе: уплату податей и отправленіе повинностей въ пользу землевладѣльца. Когда землевладѣлецъ: князь, монастырь, или частное лице, управлялъ имѣніемъ хозяйственнымъ образомъ, онъ назначалъ въ него своего прикащика; но часто, какъ съ оброчнаго имѣнія, онъ только требовалъ извѣстныхъ податей и повинностей, предоставляя распоряженія самой общинѣ, и тогда этими доходами завѣдывали выборные сотскіе и старосты.

Изъ всѣхъ отраслей управленія для насъ важенъ одинъ судъ. Вообще судъ и полиція (разумѣя подъ этимъ словомъ мѣры для безопасности, продовольствія, промышленности, путей сообщенія, просвѣщенія и т. п.) составляютъ совокупность внутреннихъ потребностей общества ; финансы служатъ только средствомъ для достиженія этихъ цѣлей. Но судъ и полиція имѣютъ совершенно различный характеръ : судъ существуетъ для охраненія правъ , полиція для содѣйствія общественному благосостоянію; судъ имѣетъ въ виду права и дѣйствія отдѣльныхъ лицъ , полиція интересы всей совокупности лицъ. Поэтому полиція можетъ существовать только при развитой общественной формѣ, въ которой преобладаетъ начало государственное ; безъ суда же не можетъ существовать ни какое общество. Въ средніе вѣка были только зачатки полицейскихъ учрежденій: въ удѣльной Руси едва есть на нихъ слабые намеки. Судъ составлялъ единственную общественную потребность того времени , и характеръ суда прямо укажетъ намъ на начала общественнаго устройства въ удѣльномъ періодѣ.

Обыкновенно судъ отдавался въ кормленіе намѣстникамъ и волостелямъ. Первые вѣдали города съ станами, вторые — волости; но иногда власть намѣстниковъ распространялась на цѣлые уѣзды , то есть, на города съ станами и волостями, и въ такомъ случаѣ въ волостяхъ имъ принадлежала вира за душегубство (убійство) , а волостели вѣдали остальной судъ (1). Случалось даже, что «душегубствомъ тянули къ городу» не только волости , но и цѣлые уѣзды

(1) Акты Археогр. эксп. т. 1 й, № 123, 143, 144, 150.

другихъ городовъ (1). Это не было однакожъ общимъ правиломъ, и съ другой стороны изъ многихъ грамотъ видно, что душегубство вмѣстѣ съ остальнымъ судомъ бывало въ кормленіи за волостелями (2). Все это опредѣлялось не правительственными соображеніями, а частными правами, случайными историческими данными, расположеніемъ князя къ тому или другому кормленщику. Поэтому въ судебныхъ округахъ было величайшее разнообразіе, которое еще болѣе увеличивалось отъ раздѣленія ихъ на части. Въ удѣльный періодъ города и области дѣлились между князьями и переходили изъ рукъ въ руки, какъ частная собственность; право суда подвергалось той же участи, вслѣдствіе чего въ одномъ и томъ же городѣ могло быть вдругъ нѣсколько намѣстниковъ, изъ которыхъ каждый завѣдывалъ участкомъ своего князя. Если городъ или доходы раздѣлены были по третямъ, то намѣстникъ Великаго князя носилъ названіе большаго намѣстника, прочіе назывались третчиками или третниками. Иногда, вслѣдствіе раздѣла, князю доставалась даже не цѣлая доля въ судѣ и доходахъ, а только право держать въ извѣстной долѣ своего намѣстника на 4-й, 5-й, 6-й годъ, или даже полгода, послѣ чего это право переходило къ другимъ, до тѣхъ поръ пока не возвращалось къ нему по очереди (3). Эти случайныя историческія раздѣленія продолжали существовать, когда нѣсколько участковъ соединялось въ однѣхъ рукахъ; хозяинъ былъ одинъ, но доли оста-

---

(1) А. А. Э. № 115 й. Губная Московская запись.

(2) Тамъ же, № 23, 41, 46, 52, 53.

(3) Духовная грамота Ивана Васильевича III-го. Собр. Госуд. Грам. т. 1-й, № 144.

вались въ первоначальномъ видѣ, и въ каждую назначался особый намѣстникъ (1).

Взаимныя отношенія намѣстниковъ одного города опредѣлялись частными договорами князей или распоряженіями того князя, который дѣлилъ свое имѣніе между сыновьями; поэтому судоустройство не могло быть вездѣ одинаково. Въ договорѣ Рязанскаго Великаго князя Ивана Васильевича съ братомъ Ѳедоромъ Васильевичемъ постановлено, что душегубство, разбой и татьбу съ поличнымъ судитъ великокняжескій намѣстникъ вмѣстѣ съ третчикомъ. Въ отсутствіи послѣдняго судитъ одинъ намѣстникъ, «а третчикъ смотритъ своего прибытка» (своей трети въ доходѣ). Гражданскія дѣла между подданными обоихъ князей точно также судились обоими судьями вмѣстѣ, а въ отсутствіи третчика однимъ намѣстникомъ, но тяжбы подданныхъ младшаго князя судились однимъ его третчикомъ. Въ этихъ постановленіяхъ виденъ перевѣсъ старшаго князя надъ младшимъ. Это преимущество выражалось и въ томъ, что намѣстникъ старшаго князя имѣлъ исключительное право судить нарушенія таможенныхъ правилъ (2). Въ Московскихъ положеніяхъ о судѣ этой привиллегіи нѣтъ, но за то, съ другой стороны, въ случаѣ тяжбъ между крестьянами, жившими въ московскихъ станахъ въ селахъ младшихъ князей, волостели этихъ князей должны были въ ихъ отсутствіи докладывать дѣла Великому князю или большому намѣстнику, а не ѣздить съ докладомъ по другимъ городамъ (3). Здѣсь не было рѣчи объ

(1) С. Г. Г. т. 1-й, № 144.
(2) Тамъ же, № 127.
(3) Акты Археограф. эксп. г. 1-й, № 113.

общественной пользѣ; все опредѣлялось взаимными правами и отношеніями князей; поэтому судебное устройство всегда зависѣло отъ случайныхъ и временныхъ обстоятельствъ. Тоже было и въ каждомъ отдѣльномъ княжествѣ: городъ или волость могли быть пожалованы двумъ кормленщикамъ вмѣстѣ (1), и тогда судъ, по частному распоряженію Князя, или дѣлился между ними, или оставался нераздѣльнымъ. Въ первомъ случаѣ они судили вмѣстѣ только дѣла общія жителямъ, подчиненнымъ тому и другому,—это былъ такъ называемый вопчій (общій) судъ или смѣстный; во второмъ случаѣ они всегда судили вмѣстѣ, но пошлины брали за одного и дѣлили пополамъ (2).

Кормленіе жаловалось княземъ иногда на извѣстный срокъ (3), иногда безсрочно (4); иногда кормленіе, бывшее за отцами и дѣдами, утверждалось за сыновьями, внуками и другими родственниками и принимало характеръ наслѣдственности (5). Такое наслѣдственное кормленіе называлось иногда вотчиною и защищалось въ судѣ противъ притязаній постороннихъ лицъ (6). Кормленщику давалась ввозная грамота, въ которой, также какъ при раздачѣ помѣстій, жителямъ

---

(1) Одинъ изъ двухъ Костромскихъ намѣстниковъ билъ челомъ Ивану III-му, что имъ обоимъ въ Костромѣ *сытымъ быть* не съ чего. Великій князь далъ ему Владиміръ, а другому намѣстнику придалъ другую половину Костромы. Акты Истор. т. 1-й, № 110.

(2) Судебникъ 1550 года, ст. 74.

(3) Дополн. къ Акт. Истор. т. 1-й, № 215.

(4) Тамъ же. Собр. Гос. Грам. т. 2-й, № 46.

(5) Акты Археогр. экси. т. 1-й, № 6; Акты Юрид. № 161.

(6) Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи т. 2, часть 1-я, отдѣленіе 3-е, стр. 130.

предписывалось чтить его и слушать. Получивши кормленіе въ даръ, кормленщикъ могъ оставить его, когда хотѣлъ, и это не считалось нарушеніемъ служебныхъ обязанностей; такъ въ 1555 г. Иванъ Васильевичъ Грозный узналъ отъ архіепископа и дьяковъ, что намѣстникъ Новгородскій князь Палецкій отказалъ свое кормленіе, половину Новгорода, и ведъ своихъ пошлинныхъ людей (1).

Самое управленіе носило тотъ же характеръ частнаго владѣнія: какъ частные хозяева, намѣстники и волостели назначали въ зависѣвшія отъ нихъ должности своихъ людей—слугъ или холоповъ (2). Для суда они опредѣляли тіуновъ (посельскихъ тіуновъ), для разныхъ судебныхъ дѣйствій—вызова къ суду, отдачи на поруки, взысканій,—доводчиковъ и праветчиковъ, которые назывались также дворянами; но иногда и доводчики бывали судьями (3). Область кормленія дѣлилась между тіунами и доводчиками; намѣстники и волостели сажали ихъ по станамъ и мѣняли, когда хотѣли.

---

(1) Дополн. къ Акт. Историч. т. 1-й, № 88.

(2) Что тіуны, доводчики и праветчики дѣйствительно были холопы намѣстниковъ и волостелей, видно изъ слѣдующаго: 1) извѣстно правило судебника 1497 г.: «по тіувству и по ключу по сельскому холопъ.» 2) Въ судебникѣ 1550 г. ст. 63 сказано: «А тіунъ его дастъ правую грамоту, и онъ емлетъ на *государя своего* и на собя отъ печати потомужъ.» Государемъ же назывался хозяинъ холопа. И далѣе: «А кого намѣстничи и волостелины *люди* учнутъ давать на поруки....» Послѣднее выраженіе встрѣчается во многихъ грамотахъ. Московскіе недѣльщики также посылали съ приставными памятями племянниковъ своихъ и людей, но это было запрещено судебникомъ 1550 года.

(3) Акты Историч. т. 1-й, № 299.

Кормленщики, ихъ тіуны и доводчики получали кормъ отъ подчиненныхъ имъ жителей. Намѣстникъ и волостель при въѣздѣ въ городъ или волость получали *въѣзжее*, кто что принесетъ, потомъ на праздники два или три раза въ годъ (на Великъ день, то есть, Святую недѣлю, на Петровъ день и на Рождество Христово, а иногда только на два послѣдніе праздника) кормъ натурою или деньгами; тіуны получали также кормъ, доводчики и праветчики — поборы (1). Вторымъ источникомъ дохода служили судебныя пошлины: доводчики, которые ѣздили для вызова отвѣтчика и отдачи его на поруки, получали за это *ѣздъ* или *хоженое*; если нужно было его сковать, взыскивалось *желѣзное*. Судьи получали различныя пошлины, смотря по тому — былъ ли виноватъ истецъ или отвѣтчикъ, кончалось ли дѣло судомъ, или тяжущіеся мирились до произнесенія приговора; если дѣло рѣшалось приговоромъ судьи, и виноватъ былъ отвѣтчикъ, то взыскивался обыкновенно *противень* противъ иска истца, то есть, пошлины ровныя цѣнѣ иска. Особыя пошлины получалъ кормленщикъ за приложеніе печати, а дьякъ за письмо. Всѣ эти пошлины кормленщикъ получалъ съ судебныхъ дѣйствій, предпринимаемыхъ въ пользу тяжущихся; ему же принадлежала и пеня съ преступниковъ: «А побьются на полѣ въ душегубствѣ, или въ пожегѣ, или разбоѣ, или въ татьбѣ (въ нѣкоторыхъ также въ ябедничествѣ) и убитой въ казни и продажѣ (пенѣ) намѣстнику (или

---

(1) Замѣчательно, что въ древнѣйшей уставной грамотѣ, въ Двинской, нѣтъ ни слова о въѣзжемъ, о кормѣ, о свадебномъ и о выводной куницѣ.

волостелю) и его тіуну.» Штрафованіе было произвольное; судья извлекалъ изъ преступника все, что̀ могъ. Только въ одной уставной грамотѣ, въ Двинской, положено съ вора взыскивать въ первый разъ пеню, равную поличному, во второй же разъ «испродать, не жалуя.» По судебникамъ все имущество лихаго человѣка, за исключеніемъ того, что̀ принадлежало истцу, должно было идти намѣстнику и его тіуну. Особенный разрядъ составляли преступленія явныя, которыя оставляли видимые слѣды или знаки: таковы были душегубство, разбой и татьба съ поличнымъ, изъ которыхъ само собою, безъ всякаго иска, раждалось право кормленщика на извѣстную пеню (1). Поэтому воровство съ поличнымъ и воровство безъ поличнаго, убійство, которое доказывались истцемъ, и убійство, которое открывалось по найденному мертвому тѣлу, часто подлежали совершенно различнымъ судьямъ (2). Если убійцы не было на лицо, пеня взыскивалась съ того стана, волости или города, гдѣ

(1) Зажигательство сюда не относилось вѣроятно потому, что пожары только въ исключительныхъ случаяхъ были слѣдствіемъ преступленія.

(2) Первое видно изъ многихъ жалованныхъ грамотъ, въ которыхъ вотчинникамъ и монастырямъ дается право судить воровство простое, между тѣмъ какъ татьба или разбой съ поличнымъ остаются въ вѣдомствѣ намѣстниковъ и волостелей. Второе видно изъ нѣкоторыхъ уставныхъ грамотъ. Акты Арх. эксп. т. I-й, № 143, 144, 150, 183. Въ послѣдней сказано: «А побьются.... въ душегубствѣ.... а самъ убитой въ казни и въ продажѣ волостелю.» И далѣе: «А учинится душегубство въ бобровыхъ деревняхъ, и волостелю Кривандинскому и его тіуну душегубство не судити; судити душегубство намѣстникомъ Володимерскимъ.» Перваго рода убійство судилось гражданскимъ судомъ и доказывалось истцемъ, какъ всѣ прочіе гражданскіе иски.

найдено было мертвое тѣло; эта пеня называлась *вирою или вѣрою за голову*, также *поголовщиною*. Если поймавшій вора съ поличнымъ отпускалъ его, неявивъ судьѣ, съ него взыскивалась пеня за *самосудъ*. Понятіе о самосудѣ тѣсно связано было съ правомъ судьи на штрафованіе явныхъ преступниковъ: самосудомъ называлась не всякая самовольная расправа, а единственно то, если поймавшій вора съ поличнымъ отпускалъ его на свободу, и тѣмъ лишалъ дохода судью, «а опричь того самосуда нѣтъ.» Въ Двинской грамотѣ положено было, если случится бой на пиру, и противники помирятся, не вышедши изъ пира, то намѣстникамъ и дворянамъ не брать ничего; если же они помирятся, вышедши изъ пира, то должны дать намѣстнику по куницѣ. Очевидно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ имѣлось въ виду не столько преступленіе, сколько доходное дѣйствіе, котораго общественное значеніе скрывалось за частнымъ; извѣстнаго рода преступленіе составляло какъ бы собственность судьи, которая во всякомъ случаѣ доставляла ему доходъ. Намѣстникамъ и волостелямъ постоянно принадлежали свадебныя пошлины: за свадьбу между жителями одного города или округа платилось *свадебное* или *новоженный убрусъ;* если же кто выдавалъ дочь замужъ за предѣлы города или округа, то платилась *выводная куница* (1). Наконецъ ко всѣмъ этимъ доходамъ иногда присоединялись разные другіе посторонніе, жалуемые кормленщику княземъ: такъ иногда давались въ кормленіе нѣкоторыя таможенныя пошли-

(1) О всѣхъ этихъ доходахъ см. уставныя грамоты, помѣщенныя въ 1-мъ томѣ Актовъ Археогр. эксп.

ны (1), явка съ гостей (2), мыты, перевозы (3) и другіе. Иногда кормленщикъ завѣдывалъ не только судомъ, но всею волостью со всѣми доходами, и часть ихъ выплачивалъ своему князю (4). Во всѣхъ этихъ случаяхъ намѣстники и волостели сбирали эти доходы *своими* пошлинниками, которые отличались отъ пошлинниковъ князя (5).

Таковы были доходы; что касается до самаго суда, то постановленное въ судебникахъ раздѣленіе на кормленіе съ боярскимъ судомъ и безъ боярскаго суда, и ограниченіе власти тіуновъ не встрѣчаются въ грамотахъ удѣльнаго періода; то были государственныя распоряженія, возникшія изъ потребности ограничить произволъ судей. Въ удѣльный періодъ не было такихъ правительственныхъ цѣлей; все совершалось частнымъ образомъ. Если дѣло было затруднительно, и судья не могъ самъ его рѣшить, онъ докладывалъ его кому хотѣлъ; это впрочемъ не было обязательно, а предоставлялось его собственной волѣ. Тіунъ докладывалъ своему государю, иногда князю или *человѣку старѣйшему*, боярину, дворецкому, казначею, и по ихъ слову рѣшалъ дѣло (6). Докладъ былъ частный способъ разрѣшать затрудненія; объ истанціяхъ, уста-

---

(1) Акты Археогр. эксп. т. 1-й, № 170, II.

(2) Тамъ же, № 123.

(3) Акты Юрид. № 161.

(4) «А кто моихъ бояръ иметь служити у моее княгини, а волости имуть вѣдати, дають княгини моей прибытка половину.» Дух. В. Кн. Семена Ивановича. С. Г. Г. т. 1-й, № 24.

(5) Акты Археогр. эксп. т. 1-й, № 123, 170, II; Дополн. къ Акт. Истор. т. 1-й, № 132.

(6) Акты Юрид. № 4, 7, 14, 21, 22.

новляемыхъ законами, не было еще понятія (1). Поэтому и аппелляція не существовала; но въ случаѣ притѣсненій намѣстниковъ, волостелей, ихъ тіуновъ и доводчиковъ можно было жаловаться князю (2). Поводомъ къ жалобамъ могли быть не только злоупотребленія, но и самая неопредѣленность правъ: обыкновенно предписывалось кормленщику *ходить по пошлинѣ*, но часто обычай былъ недостаточенъ. Еще въ 1530 году Лопари жаловались Великому князю, что Новгородскіе подъячіе берутъ съ нихъ виры за голову по 12 рублей, а въ жалованной грамотѣ, данной имъ Василіемъ Ивановичемъ, не сказано, сколько имъ давать виры; Великій князь велѣлъ имъ давать по 4 рубли (3). Въ откупной Обонежской грамотѣ сказано: «а корму имъ имати собѣ и конемъ довольно» (4). Для устраненія подобныхъ жалобъ Великіе князья давали жителямъ отдѣльныхъ общинъ или

---

(1) Даже во время московскаго государства оставался этотъ частный способъ переноса дѣлъ: судьямъ предписывалось докладывать дѣло царю, «если дѣла за чѣмъ вершить будетъ не мочно.»

(2) «А надъ кѣмъ учинятъ продажу сильно, а ударятъ ни на нихъ челомъ....» Двинская грамота Акт. Археогр. эксп. т. 1-й, № 13. «А кому будетъ.... обида отъ намѣстниковъ и отъ волостелей и отъ тіуновъ обида и отъ доводчиковъ и они сами сроки наметываютъ на намѣстниковъ и на волостелей и на ихъ людей.» Устав. Бѣлоз. грам. Акт. Археогр. эксп. т. 1-й, № 123. «А кому будетъ Онежаномъ волостнымъ людемъ и становымъ отъ намѣстника и отъ его тіуна и отъ доводчика и отъ иныхъ отъ намѣстничьихъ людей и отъ иныхъ отъ нашихъ людей отъ стороннихъ какова гибель въ силѣ и въ продажѣ и въ протравѣ и въ иныхъ въ обидныхъ дѣлѣхъ, и они на тѣхъ сами срокъ наметываютъ, да срокъ имъ чинятъ стати передо мною передъ Великимъ княземъ.» Акты Археограф. экспед. т. 1-й, № 181. С. Г. Г. т. 1, № 34.

(3) С. Г. Г. т. 1-й, № 158.

(4) Акт. Археограф. эксп. т. 1-й, № 27.

округовъ уставныя грамоты, въ которыхъ опредѣлялись права судей.

Судебная власть кормленщиковъ распространялась на жителей пожалованнаго имъ округа; въ судебникахъ постановлено, что если изъ Москвы посланъ будетъ недѣльщикъ для вызова отвѣтчика къ суду, и оба тяжущіеся будутъ одного города, или одной волости, то недѣльщикъ долженъ поставить ихъ обоихъ передъ намѣстникомъ, волостелемъ или тіуномъ того округа, гдѣ они живутъ; иначе онъ лишается ѣзда. Но эта судебная власть подвергалась многимъ ограниченіямъ: жалованныя грамоты епископамъ, монастырямъ и частнымъ лицамъ освобождали ихъ самихъ, людей ихъ и крестьянъ отъ суда намѣстниковъ и волостелей. Нѣкоторыя лица получали право судиться только у князя; обыкновенно въ жалованныхъ несудимыхъ грамотахъ частнымъ лицамъ постановлялось, что всѣ жалобы на нихъ самихъ, дѣтей ихъ и прикащиковъ подлежатъ суду князя, или того, кому князь прикажетъ судить. Такое же право предоставлялось архимандритамъ и игуменамъ монастырей (1) и ихъ прикащикамъ (2): намѣстники же митрополита, его волостели, прикащики и десятинники всегда судились самимъ Великимъ княземъ (3). Духовенство по церковнымъ правиламъ подлежало одному духовному суду, но и здѣсь бывали частыя исключенія: царскими жалованными грамотами архимандриты, игумены и священники въ гражданскихъ дѣлахъ съ по-

(1) Акт. Археограф. эксп. т. 1-й, № 88, 124; Акты Истор. т. 1-й, № 83, 87, 88.

(2) Акты Археогр. эксп. т. 1-й, № 51, 60.

(3) Тамъ же, № 9, 75.

сторонними лицами освобождались отъ суда духовныхъ властей и получали право судиться однимъ княземъ и его боярами. Хотя соборомъ 1551 года отмѣнены всѣ такія жалованныя грамоты, какъ противныя церковнымъ уставамъ (1), однако же онѣ продолжали существовать, и гражданскія тяжбы духовенства по-прежнему судились свѣтскимъ судомъ. Относительно людей и крестьянъ, поселенныхъ на церковныхъ земляхъ, существовали различныя правила: ханскіе ярлыки утвердили за митрополитами право полнаго суда надъ ихъ людьми и крестьянами. Въ договорной грамотѣ Рязанскаго Великаго князя Ивана Васильевича съ братомъ положено: «А судъ мой Великаго князя и твой моего брата надъ владычними людьми въ душегубствѣ, разбоѣ и въ татьбѣ, а межъ моихъ людей и владычнихъ людей судъ и приставъ вопчій, а межъ владычнихъ людей владыченъ судъ. А что въ моей и твоей отчинѣ монастыри, и межъ своихъ людей монастыри судятъ сами» (2). Въ уставной грамотѣ Великаго князя Василія Дмитріевича и митрополита Кипріана о церковныхъ судахъ, относящейся къ концу XIV или къ началу XV-го вѣка, сказано: «А что села *пошлые* манастырскіи, въ тѣ села инѣ Великому Князю невсылати, ни судити: вѣдаютъ ихъ и судятъ игумены, а будетъ судъ смѣсной, ино прибытокъ на полы» (3). Это относилось къ селамъ пошлымъ, то-есть, стариннымъ (4). Когда же князь вновь жаловалъ

---

(1) Акты Историч. т. 1-й, № 153.

(2) С. Г. Г. т. 1-й, № 127.

(3) Акт. Археогр. эксп. т. 1-й, № 9.

(4) Вѣроятно пошлыми селами названы въ этой грамотѣ тѣ, которыя принадлежали монастырямъ при Алексѣѣ митрополитѣ, ибо не-

село монастырю, или если монастырь покупалъ земли, на которыхъ лежали княжескій судъ и повинности, то отчужденіе княжескихъ правъ въ пользу монастыря совершалось посредствомъ жалованныхъ грамотъ; притомъ, такъ какъ это былъ даръ, то при каждомъ отдѣльномъ пожалованіи воля князя рѣшала, какіе доходы онъ отдавалъ монастырю, и какіе онъ оставлялъ за собою. Поэтому жалованныя грамоты бывали различнаго содержанія: одни монастыри и епископы получали надъ своими людьми и крестьянами право полнаго суда съ душегубствомъ, разбоемъ и татьбою съ поличнымъ; другимъ предоставлялось право суда во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ душегубства, которое оставалось за намѣстниками и волостелями; третьимъ право суда, за исключеніемъ душегубства и разбоя съ поличнымъ; четвертымъ — за исключеніемъ душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ; нѣкоторымъ наконецъ жаловалось то право, что душегубство или татьба съ поличнымъ судились не намѣстниками, а самимъ княземъ (1). Такимъ образомъ преступленія, составлявшія княжескій доходъ, дробились, какъ частная собственность, и жаловались различнымъ судьямъ. Точно такія же жалованныя грамоты съ такими же видоизмѣненіями давались и частнымъ лицамъ. При пожалованіи селъ или деревень въ вотчину, судъ исчислялся въ числѣ прочихъ принадлежностей,

---

редъ этимъ сказано: «Борисоглѣбскій монастырь и съ селы, какъ тягли издавна и при Олексѣи митрополитѣ потомужь и нынѣча потянутъ.» Вообще въ этой грамотѣ безпрестанныя ссылки на пошлину или обычаи временъ митрополита Алексѣя.

(1) Д. къ А. Истор. т. 1 й, № 189; А. А. Э. т. 1-й, № 73, 99.

но нѣкоторыя статьи князь могъ оставить за собою (1). Во всѣхъ этихъ случаяхъ право суда принадлежало митрополиту, епископу, монастырю или частному лицу только въ дѣлахъ между подчиненными ему людьми; если же истецъ и отвѣтчикъ подлежали разнымъ судьямъ, то наряжался судъ смѣстный или *вопчій*. Право суда надъ подчиненнымъ ему лицемъ принадлежало судьѣ, какъ частная собственность, которой онъ не могъ быть лишенъ; поэтому дѣло, возникшее между тяжущимися, подсудными двумъ различнымъ судьямъ, влекло за собою участіе въ судѣ обоихъ судей, что̀ и называлось смѣстнымъ судомъ. Самый судъ былъ здѣсь дѣломъ второстепеннымъ; главнымъ былъ доходъ, который всегда раздѣлялся между судьями. Способъ дѣленія былъ впрочемъ различенъ: иногда прибытокъ дѣлился пополамъ, иногда постановлялось, что тяжущіеся, правый и виноватый, «въ правдѣ и винѣ» тому судьѣ, которому они подсудны, то есть послѣдній во всякомъ случаѣ, получалъ тѣ пошлины, которыя слѣдовало взыскать съ подчиненнаго ему лица (2). Судили же иногда оба судьи

---

(1) Пожаловали есми слугу своего Дмитрея Иванова сына Мирославича своимъ Великого Князя селомъ Сковороденскомъ съ деревнями, со всѣмъ тѣмъ, что къ тому селу потягло, и съ хлѣбомъ землянымъ, опроче душегубства и разбоя съ поличнымъ.» А. А. Э. т. 1-й, № 160.

(2) Между прочимъ: «А будетъ судъ смѣсной игуменовымъ людемъ съ волостными люди и волостели мои судятъ, а игуменъ съ ними судитъ, или кому прикажетъ, а въ правдѣ и винѣ и въ посулѣхъ и въ переводѣхъ, въ всѣхъ судовыхъ пошлинахъ мои волостели и ихъ тіуны знаютъ себѣ своего человѣка во всемъ, а въ манастырского въ ихъ человѣка не вступаются ни въ праваго, ни въ виноватаго, а игуменъ съ братьею и ихъ приказникъ не вступаются въ ихъ человѣка въ волостнаго, ни въ праваго, ни въ виноватаго никакими дѣлы, а

вмѣстѣ, какъ опредѣлено въ бо̀льшей части жалованныхъ грамотъ, иногда судилъ судья истца (1), иногда же судья отвѣтчика (2), какъ постановлено въ видѣ общаго правила въ Царскомъ судебникѣ, а другой судья «за нимъ идетъ, своего прибытка смотритъ.» Въ нѣкоторыхъ случаяхъ смѣстный судъ предоставлялся самому князю, или назначенному имъ лицу (3). Смѣстный судъ между жителями разныхъ княжествъ судили на основаніи договорныхъ грамотъ бояре обоихъ князей; въ случаѣ несогласія они избирали третейскаго судью, иногда по взаимному соглашенію, иногда митрополита, иногда одного изъ князей. Эти правила постановлялись *для* гражданскихъ исковъ, но если житель одного удѣла совершалъ преступленіе въ другомъ, смѣстный судъ не всегда имѣлъ мѣсто; подсудность опять опредѣлялась договорами или частными распоряженіями князей. Въ Москвѣ въ концѣ XV-го вѣка жители удѣльныхъ княжествъ, пойманные съ поличнымъ, судились и наказывались намѣстниками и третчиками; но если ихъ обвиняли въ другомъ «пенномъ дѣлѣ», они «ставили за собою своего судью.» Это послѣднее распоряженіе сдѣлано было Великою княгинею Софьею при Василіѣ Дмитріевичѣ; прежде этого не было. Тверитянинъ, пойманный съ поличнымъ, также судился и наказывался въ Москвѣ, пойманный же въ пенномъ дѣлѣ, отдавался на поруки и судился въ Твери (4).

знаютъ себѣ своего человѣка манастырскаго, въ правдѣ и въ винѣ и въ посулѣ и въ пересудѣ и въ всѣхъ судовыхъ пошлинахъ.» А. А. Э. т. 1-й, № 95.

(1) Двинск. гр. А. А. Э. т. 1-й, № 13, также № 196.

(2) А. А. Э т. 1-й, № 115, 196; Царскій Судебн. ст. 30.

(3) А. А. Э. т 1-й, № 15, 379.

(4) А. А. Э. т. 1-й, № 115.

Таковъ былъ судъ намѣстниковъ и волостелей, но кромѣ того право суда отдавалось въ кормленіе и другимъ лицамъ: дворецкому, конюшему (1), ловчему (2), ключнику (3), въ дворцовыхъ селахъ посельскимъ (4); иногда писцы судили тяжбы о земляхъ (5). Наконецъ иногда судъ отдавался на откупъ; по крайней мѣрѣ такъ дѣлалось въ Новгородскихъ областяхъ, гдѣ господствовала таже система, которая существовала въ остальныхъ княжествахъ (6).

Изъ этого обзора можно заключить, что въ удѣльный періодъ въ вотчинной Руси судъ имѣлъ характеръ не общественной должности, а частной собственности; онъ 1) какъ частная собственность, дѣлился между князьями, дробился на участки, на года; точно также и кормленщики въ одномъ и томъ же городѣ получали право суда въ раздѣлъ на участки. 2) Судъ передавался по частному праву: князь не назначалъ сановниковъ для управленія дѣлами, а извѣстныя права, извѣстные доходы *жаловалъ* въ кормленіе, временное или наслѣдственное, или отдавалъ на откупъ. Поэтому кормленщикъ покидалъ кормленіе, когда хотѣлъ, какъ свое добро, которымъ не желалъ болѣе пользоваться. 3) Судъ отчуждался въ частныя руки жалованными грамотами частнымъ лицамъ и монастырямъ; это отчужденіе не было государственною мѣрою, которою извѣстному разряду лицъ пре-

---

(1) Доп. къ А. И. т. 1-й, № 48.

(2) А. А. Э. т. 1-й, № 150.

(3) А. И. т. 1-й, № 163.

(4) А. А. Э. т. 1-й, № 201, 240.

(5) А. Ю. № 8, 10, 11, 14.

(6) А. А. Э. т. 1-й, № 27; С. Г. Г. т. 1-й, № 11: «А за Волокъ ти, княже, своего мужа не слати продаяти ти дань свою Новгородцю.»

доставлялось право суда надъ подчиненными имъ людьми, а подаркомъ князя вслѣдствіе расположенія его къ извѣстному лицу. 4) При этомъ отчужденіи самый судъ дробился на части, какъ частный доходъ, состоящій изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ статей; одна доходная статья жаловалась одному лицу, другая другому, одинъ получалъ ихъ болѣе, другой менѣе. 5) Самое управленіе имѣло совершенно видъ владѣнія на частномъ правѣ; кормленщикъ управлялъ не *на князя*, а *на себя*; главною цѣлью было полученіе дохода, «чѣмъ мочно быти сытымъ», отправленіе же суда служило только средствомъ къ обогащенію. Поэтому самыя преступленія имѣли значеніе не общественное, а частное; они были доходныя дѣйствія, изъ которыхъ судья извлекалъ прибытокъ, на преслѣдованіе которыхъ онъ имѣлъ исключительную привилегію, составлявшую одну изъ самыхъ выгодныхъ статей кормленія. Какъ частною собственностью, кормленщикъ управлялъ кормленіемъ посредствомъ людей своихъ и холоповъ. Самое сужденіе дѣлъ носило частный характеръ: не было инстанцій, но судья докладывалъ дѣло, кому хотѣлъ, если встрѣчалъ затрудненія. 6) Вслѣдствіе этого же владѣльческаго характера суда, подсудность разрѣшалась не видами общественнаго блага, а правомъ судьи на доходы съ суда надъ извѣстными лицами; отсюда судъ *смѣстный* или *вопчій*. 7) Наконецъ на тотъ же частный характеръ указываютъ привилегіи, освобождавшія нѣкоторыя лица отъ подсудности областнымъ судьямъ. Общественная должность имѣетъ равную силу для всѣхъ: нѣкоторые разряды лицъ могутъ, по особенному своему положенію, подлежать особеннымъ судилищамъ,

но частныя изъятія противны общественному порядку и существуютъ только въ такихъ формахъ общества, гдѣ господствуетъ частное право. Можно еще замѣтить, что въ монастырскихъ и церковныхъ имѣніяхъ, гдѣ управленіе основано было на владѣльческомъ правѣ, система управленія была таже, что и въ княжескихъ земляхъ.

Такое состояніе общественнаго быта можетъ показаться намъ страннымъ; мы такъ далеко ушли отъ него, что явленія прошедшаго дѣлаются для насъ неразгаданными, и можно подумать, что Русь была дикою страною, гдѣ господствовали произволъ и насиліе. Но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Такой порядокъ суда былъ неминуемымъ послѣдствіемъ господства частнаго права въ общественной жизни, а быть, основанный на частномъ правѣ, составляетъ одно изъ существенныхъ явленій въ исторіи человѣчества. Не въ одной Руси господствовалъ такой порядокъ; черезъ него прошли всѣ историческіе народы новаго міра, потому что только этимъ путемъ можно было достигнуть высшаго духовнаго союза государственнаго. Когда разрушается первоначальный общественный союзъ, основанный на кровныхъ, племенныхъ и родовыхъ началахъ, тогда временно пропадаетъ сознаніе объ обществѣ, какъ объ единомъ, нераздѣльномъ цѣломъ; личности распадаются врозь, и водворяется господство частнаго права. Оно бесспорно имѣетъ многія темныя стороны, но именно это и показываетъ необходимость дальнѣйшаго хода впередъ; оно ведетъ къ установленію государственнаго порядка, и составляетъ залогъ будущей его прочности. Нужно исчерпать извѣстную форму общественной жизни до край-

нихъ ея предѣловъ, чтобы послѣдующая форма развилась во всемъ своемъ блескѣ. Такимъ образомъ если бы въ средніе вѣка судейскій произволъ не имѣлъ такого простора, не были бы изданы въ послѣдующій періодъ благодѣтельныя уставныя грамоты, если бы намѣстники и волостели не были чистыми кормленщиками, а были бы на половину представителями общественной власти, то Московскіе государи не стали бы ихъ уничтожать, и не замѣнили бы кормленій новымъ порядкомъ, основаннымъ на началѣ государственномъ. Кромѣ того кормленія имѣли и свою выгодную сторону: то, что въ развитомъ государствѣ кажется уродливымъ явленіемъ, то въ юномъ обществѣ составляетъ необходимость, потому что существующія условія жизни не допускаютъ еще высшей, развитой формы общественныхъ учрежденій. Такимъ образомъ при безпрестанныхъ междоусобіяхъ князей, при неосѣдлости народонаселенія, при отсутствіи единой, крѣпкой и могущественной общественной власти, при недостаткѣ правительственныхъ средствъ, при отсутствіи крѣпкихъ общинныхъ союзовъ, преступленія оставались бы всегда ненаказанными, если бы ихъ преслѣдованіе не было соединено съ выгодами частныхъ лицъ. Отдача суда въ частное владѣніе намѣстникамъ и волостелямъ служило для князей обезпеченіемъ въ томъ, что судья не откажетъ истцу въ судѣ, что преступники будутъ наказаны, что воры и разбойники будутъ по возможности истребляемы. Въ самомъ дѣлопроизводствѣ произволъ судей могъ быть ограниченъ мѣстными или общими обычаями и положеніями Русской правды, хотя мы собственно не знаемъ, до какой степени они имѣли обязательную силу, и должны сознаться, что

вообще такихъ ограниченій было мало; ибо послѣдующія уставныя грамоты были вызваны именно этимъ недостаткомъ законныхъ постановленій. Но во всякомъ случаѣ на притѣсненія судей можно было всегда жаловаться князьямъ, которые безъ сомнѣнія не отказывали угнетеннымъ въ правосудіи. Однимъ словомъ, кормленія составляютъ явленіе необходимое при тогдашнихъ условіяхъ общественной жизни; они тѣсно связаны со всѣмъ устройствомъ быта, основаннаго на частномъ правѣ, а черезъ такой бытъ долженъ пройдти всякій народъ, которому не суждено остаться въ младенческомъ состояніи, и который долженъ играть роль въ исторіи человѣчества новаго времени. Это будетъ еще очевиднѣе, когда мы разсмотримъ средневѣковыя учрежденія на Западѣ, которыя были основаны на тѣхъ же началахъ съ нѣкоторыми только видоизмѣненіями. Но прежде этого необходимо бросить взглядъ на другую форму общественной жизни средневѣковой Руси — на вольную общину.

Въ Новгородскихъ областяхъ, составлявшихъ вотчину Великаго Новгорода, господствовалъ тотъ же порядокъ: судъ отдавался въ кормленіе, на откупъ, въ наслѣдственное владѣніе; нѣкоторыя области даже откупались отъ княжескаго суда. Но въ самой Новгородской общинѣ судъ имѣлъ другой характеръ; онъ равно распространялся на всѣхъ безъ изъятія, «на боярина, на житьего и на молодшаго человѣка», не дѣлился, не отчуждался, не отдавался въ кормленіе и на откупъ, а имѣлъ значеніе общественной должности. Устройство этой должности совершенно опредѣлялось характеромъ Новгородскаго быта: договорная община не имѣетъ въ себѣ крѣпкихъ жизненныхъ

началъ и прочныхъ учрежденій, какъ община, основанная на естественныхъ, родовыхъ отношеніяхъ, или какъ община, проникнутая началомъ государственнымъ. Тамъ, гдѣ въ основаніи всего общественнаго устройства лежитъ личная воля и согласіе каждаго, неминуемы раздоры, борьба партій, господство силы. Поэтому договорная община, будучи не въ состояніи управляться сама собою, иногда призываетъ себѣ посредника извнѣ; но самое подчиненіе этому посреднику, основанное опять же на договорѣ и согласіи каждаго гражданина, не имѣетъ обязательной силы для всѣхъ; при всякомъ случаѣ можетъ быть воззваніе къ самимъ гражданамъ, и вслѣдствіе того новые раздоры, новыя кровопролитія. Таковъ былъ характеръ суда въ Новгородѣ: верховнымъ судьею былъ призванъ извнѣ посредникъ – князь, котораго власть всякій разъ утверждалась договоромъ. Но каждый гражданинъ, по каждому частному иску могъ созывать народное вѣче и предложить ему свое дѣло на рѣшеніе. Если на вѣчѣ было согласіе, то оно само тотчасъ исполняло свой приговоръ; если же согласія не было, происходила драка, и дѣло рѣшалось силою. Притомъ, такъ какъ вѣче не было собраніемъ, созываемымъ въ установленныхъ законныхъ формахъ, а случайною сходкою гражданъ, то могло быть въ одно время нѣсколько разныхъ вѣчей; обиженный созывалъ одно, обвиненный другое, и споръ опять рѣшался кровопролитіемъ (1). Преступленія не могли быть разсматриваемы здѣсь, какъ доходныя дѣйствія, изъ

---

(1) Все это прекрасно изложено въ изслѣдованіи г. Соловьева объ отношеніяхъ Новгорода къ Великимъ Князьямъ стр. 2, 3.

которыхъ судья извлекалъ прибытокъ; преступникъ нарушалъ общественный миръ и за это подвергался изверженію изъ общиннаго союза: имущество его предавалось разграбленію, а самъ онъ выдавался князю на *потокъ* или изгнаніе. Но иногда само вѣче, схвативъ преступниковъ, бросало ихъ въ Волховъ—чистая форма мести. Въ гражданскихъ дѣлахъ напротивъ судъ имѣлъ характеръ часто посредническій. Это лучше всего выражается въ учрежденіи судебныхъ докладчиковъ: на судѣ посадника (съ княжескимъ намѣстникомъ) и тысяцкаго судили по два боярина, да по два житьихъ мужа, избираемыхъ каждымъ тяжущимся; на судѣ княжескаго тіуна судили приставы, по одному отъ каждой тяжущейся стороны, да кромѣ того у доклада были выборные отъ всѣхъ пяти концевъ, по боярину и по житьему отъ каждаго конца. Судьи, избираемые самими тяжущимися, ясно указываютъ на третейскій судъ.

Таковы были основныя начала средневѣковаго судоустройства въ Россіи. На западѣ судъ имѣлъ тотъ же характеръ: Русской вотчинной системѣ соотвѣтствовала тамъ система феодальная; ленное право было также правомъ собственности, которое князь на основаніи частнаго договора передавалъ въ потомственное владѣніе своимъ слугамъ и вассаламъ. Въ числѣ этихъ ленныхъ правъ было и право суда: Князь (король, герцогъ, императоръ) былъ верховнымъ собственникомъ суда, и эту собственность онъ отдавалъ въ ленное владѣніе графамъ и другимъ вассаламъ, которые въ свою очередь передавали ее своимъ слугамъ. Этотъ частный характеръ суда отражался на всѣхъ судебныхъ учрежденіяхъ. На западѣ существовали въ средніе вѣка

тѣже судебныя пошлины, тоже право на преступленія (Blutbann), тоже отсутствіе апелляціи, тѣже изъятія и привилегіи, какъ и въ древней Россіи; но въ судебномъ устройствѣ той и другой страны было однако же два важныхъ различія: 1) кормленіе было почти всегда временнымъ, ленное владѣніе напротивъ всегда потомственнымъ. Причина этого различія лежала въ особенностяхъ народнаго духа того времени: на западѣ, какъ дворянинъ, такъ и крестьянинъ заключали съ своими господами договоры постоянные, вступали въ прочные, потомственные союзы; на Руси напротивъ бояре, слуги и крестьяне никогда не вступали въ прочные, потомственные союзы, а, сохраняя личную независимость, заключали только временные договоры, которые разрывались при первомъ удобномъ случаѣ. Поэтому они не могли пріобрѣсти въ собственность предоставляемыхъ имъ княземъ вотчинныхъ правъ, а получали ихъ только во временное владѣніе. 2) Это преобладаніе союзнаго начала на западѣ произвело и другое явленіе, котораго не было въ вотчинной Руси—участіе въ судѣ цѣловальниковъ. По древнегерманскому праву приговоръ произносился общиною или ея представителями; судья только держалъ судъ и исполнялъ приговоръ. Эта древняя форма суда сохранилась и при разрушеніи общиннаго устройства, но приняла другой характеръ: вмѣсто представителей общины, каждый вассалъ частнымъ договоромъ съ господиномъ обязывался сидѣть у него въ судѣ. Вассалы одного разряда и другіе свободные слуги, будучи въ потомственномъ союзѣ съ господиномъ, составляли мелкую сословную корпорацію, которой каждый членъ судился равными себѣ вассалами и слугами;

господинъ, владѣлецъ суда, только держалъ судъ, приговоръ же произносили равные (pares). Напротивъ въ вотчинной Россіи, гдѣ лице не примыкало къ прочнымъ мелкимъ союзамъ, а сохраняло себя въ своей отдѣльности и независимости, не могло быть цѣловальниковъ въ судѣ; каждый слуга заключалъ съ господиномъ только временный договоръ, съ прочими слугами онъ вовсе не былъ въ союзѣ. Такимъ образомъ, между тѣмъ какъ на Руси право суда было чистою собственностью, на западѣ оно было правомъ собственности, видоизмѣненнымъ участіемъ союзнаго начала. Съ другой стороны и въ средневѣковыхъ городскихъ общинахъ на западѣ мы находимъ тѣже черты, которыя встрѣчаются въ судебномъ устройствѣ Новгорода: въ XIII вѣкѣ въ Итальянскихъ городахъ было общимъ правиломъ призывать изъ чужаго города третейскаго судью, подеста, съ которымъ община всякій разъ заключала договоръ. Въ западныхъ городахъ, также какъ и въ Новгородѣ, встрѣчается участіе въ судѣ самой общины, особенно если отвѣтчикъ не хотѣлъ идти на судъ къ установленнымъ властямъ; въ судѣ постоянно засѣдаютъ цѣловальники; преступленія считаются нарушеніемъ договора, и часто наказываются потокомъ и разграбленіемъ, послѣднее нерѣдко самою общиною. Но вообще городовыя учрежденія на западѣ представляютъ гораздо болѣе разнообразія, вслѣдствіе многочисленности вольныхъ городовъ, и гораздо болѣе юридической опредѣленности, нежели въ Новгородѣ. Послѣдняя черта опять выражаетъ большую крѣпость союзнаго начала: чѣмъ болѣе развита общественность, тѣмъ опредѣленнѣе юридическій бытъ; напротивъ гдѣ общественныя явленія предо-

ставлены случайности, тамъ личная воля каждаго гражданина имѣетъ гораздо болѣе простора.

Изложенныя начала судебнаго устройства отражаютъ въ себѣ характеръ всей общественной жизни среднихъ вѣковъ; Славянскій міръ и западный, при поверхностномъ различіи явленій, представляютъ глубокое тождество основныхъ началъ своего быта. И здѣсь и тамъ все средневѣковое гражданское общество зиждется на началахъ частнаго права; собственность и свободный договоръ лежатъ въ основаніи всѣхъ учрежденій и составляютъ двѣ господствующія формы гражданской жизни: первая, какъ системы вотчинная и феодальная, — вторая, какъ вольная община. Но при этомъ тождествѣ основныхъ началъ общественной жизни есть однакоже и различіе, состоящее въ томъ, что на западѣ преобладали мелкіе союзы, а на Руси каждая отдѣльная личность обособлялась въ своей частной сферѣ.

Въ этомъ мы еще болѣе убѣдимся, бросивши бѣглый взглядъ на средневѣковыя учрежденія западныя и Русскія. И здѣсь и тамъ верховная власть, за исключеніемъ вольныхъ городовъ, принадлежитъ вотчиннику, землевладѣльцу, какъ бы онъ ни назывался — князь, король, герцогъ и т. п. Право собственности, начало частнаго права, лежитъ слѣдственно въ основаніи всего общественнаго устройства, и до сихъ поръ еще въ Англіи, сохранившей черты средневѣковаго быта, король считается собственникомъ всей земли. Основанная на частномъ правѣ, верховная власть передается также по частному праву, но здѣсь является различіе между западными гасударствами и Русью: тамъ земля передается обыкновенно въ наслѣдство по

праву майоратства, и младшій братъ получаетъ участокъ, какъ вассалъ старшаго,—здѣсь земля дѣлится между всѣми сыновьями. Въ этомъ опять видно преобладаніе союзнаго начала на западѣ: живущіе на землѣ люди составляютъ союзъ, который не дѣлится, не дробится, но цѣликомъ переходитъ въ руки новаго землевладѣльца. Майоратъ есть измѣненіе частнаго права въ пользу союза, тогда какъ дѣленіе земли на части выражаетъ чистое господство частнаго права. Надобно прибавить, что право майоратства существовало не при одномъ наслѣдованіи верховной власти, но проникало во всѣ вотчинные союзы, которые составляли феодальное общество.

Отношенія князя къ слугамъ опредѣлялись и здѣсь и тамъ свободнымъ договоромъ. У насъ существовало правило: «а боярамъ и слугамъ вольнымъ воля.» На западѣ рыцарь дѣлался вассаломъ своего господина черезъ то, что онъ получалъ отъ него извѣстный участокъ земли, который обусловливалъ и служебныя его обязанности, или дѣлался владѣльцемъ извѣстной должности, которая опредѣляла его отношенія къ господину. Но здѣсь является опять чрезвычайно важное различіе, то, можетъ быть, которое болѣе всего опредѣлило различіе историческаго развитія западныхъ государствъ и Россіи. Феодальный владѣлецъ вступалъ въ прочный, наслѣдственный союзъ съ своимъ господиномъ, тогда какъ бояре и слуги заключали съ князьями временные, случайные договоры, и при малѣйшемъ неудовольствіи тотчасъ отъѣзжали къ другимъ. Это имѣло неисчислимыя послѣдствія: феодальный владѣлецъ сдѣлался осѣдлымъ, получилъ преимущественное значеніе землевладѣльца, укрѣпился на своей землѣ, построилъ

себѣ зàмокъ, сталъ во главѣ постояннаго мелкаго союза своихъ собственныхъ вассаловъ и слугъ, и такимъ образомъ устроилъ на своихъ владѣніяхъ маленькое общество, которое давало ему силу и возможность стоять за свою самостоятельность. Напротивъ того бояре и слуги, переходя съ мѣста на мѣсто, не могли получить значенія землевладѣльцевъ, не могли укрѣпиться на своей землѣ и стать во главѣ прочнаго владѣльческаго союза. Они оставались при своемъ личномъ обособленіи, болѣе всего дорожили личною свободою, и существеннымъ своимъ правомъ считали право отъѣзда, которое давало имъ возможность пользоваться этою свободою. За это право они стояли, когда образовалось Московское государство, за это казнилъ ихъ Иванъ Васильевичъ Грозный, но разумѣется борьба съ отдѣльными лицами не могла быть такъ упорна, какъ борьба западныхъ королей съ феодальными владѣльцами, которые, во главѣ своихъ феодальныхъ союзовъ, стояли за независимость свою отъ господина, землею котораго они владѣли.

Точно также, какъ бояре и слуги, крестьяне переходили у насъ съ мѣста на мѣсто и вступали съ поземельными владѣльцами въ договоры временные. Черезъ это они сохраняли свою личную независимость, но отношеніе ихъ къ землѣ имѣло менѣе прочности, и союзъ владѣльческой общины не могъ быть такъ крѣпокъ, какъ онъ былъ на западѣ, гдѣ отношенія крестьянъ къ владѣльцу были всегда наслѣдственныя. Эта наслѣдственность превращала даже поземельную зависимость въ личную (Hörigkeit). Крестьянинъ дѣлался крѣпкимъ землѣ, и право собственности переходило черезъ землю и на самое лице до такой степени,

что поселенный на чужой землѣ впродолженіе года со днемъ дѣлался его крѣпостнымъ, также какъ у насъ дѣлался холопомъ принявшій на себя должности сельскаго тіуна или сельскаго ключника. Эта прочность владѣльческихъ отношеній давала крѣпость общинному владѣльческому союзу: крестьяне подчинялись своему особенному дворовому праву (Hofrecht), и каждая вотчина имѣла свой дворовый судъ (Hofgericht), гдѣ предсѣдательствовалъ землевладѣлецъ или его слуга, а засѣдали обыкновенно цѣловальники изъ крестьянъ. У насъ также были вотчинные суды, но это право даровалось вотчинникамъ, какъ особенная милость князя; иначе крестьяне подлежали общему суду княжескихъ кормленщиковъ. Такія жалованныя грамоты давались преимущественно духовенству, и гораздо рѣже боярамъ и слугамъ, которые, переходя съ мѣста на мѣсто, менѣе дорожили своимъ поземельнымъ значеніемъ. Отъ этой неосѣдлости землевладѣльцевъ и крестьянъ владѣльческій элементъ, связывающій общину, былъ гораздо слабѣе, нежели на западѣ. Тогда какъ баронъ, сильный своимъ поземельнымъ значеніемъ, старался округлить и обособить свои владѣнія, русскій помѣщикъ или вотчинникъ искалъ только независимости своего собственнаго лица и менѣе дорожилъ землею; поэтому онъ менѣе старался о распространеніи своихъ владѣній, и многія земли могли оставаться въ сторонѣ отъ вліянія владѣльческихъ элементовъ. Это были такъ называемыя черныя земли, которыя принадлежали князю, но не управлялись на вотчинномъ правѣ, а только платили князю извѣстныя подати и несли въ его пользу извѣстныя повинности. Здѣсь общинная связь была еще слабѣе, нежели на

другихъ земляхъ; каждый владѣлъ своимъ участкомъ совершенно независимо отъ другихъ, и единственное значеніе общины заключалось въ уплатѣ податей и въ отправленіи повинностей, которыя при отсутствіи владѣльческаго управленія возлагались не на каждаго отдѣльно, но на всѣхъ вмѣстѣ. Подобныя сельскія общины, ушедшія отъ вліянія владѣльческихъ элементовъ, были, какъ исключеніе, и на западѣ въ нѣкоторыхъ Швейцарскихъ кантонахъ, но здѣсь онѣ имѣли гораздо болѣе крѣпости, нежели на Руси: общины имѣли здѣсь свои земли, принадлежавшія имъ въ собственность, свои дѣла, своихъ правителей, свой судъ: онѣ составляли замкнутые, самостоятельные союзы, и нѣкоторыя получили даже державныя права; однимъ словомъ, это были общины совершенно свободныя, основанныя на взаимномъ договорѣ ихъ членовъ.

Свободныя общины составляли вторую форму общественной жизни среднихъ вѣковъ, но по существу своему эта форма принадлежала болѣе городовой общинѣ, нежели сельской. Въ городахъ люди соединяются на болѣе тѣсномъ пространствѣ, нежели въ селахъ, что̀ способствуетъ союзному духу; кромѣ того городскія стѣны доставляютъ жителямъ возможность защищать свою независимость, что̀ гораздо труднѣе въ открытыхъ селеніяхъ. Но какъ Русская владѣльческая община была слабѣе, нежели западная отъ неосѣдлости господъ и крестьянъ и отъ меньшаго вліянія связывающаго общину владѣльческаго элемента, такъ и свободная или договорная община была слабѣе отъ меньшаго развитія союзнаго духа. Весь западъ былъ усѣянъ договорными общинами, которыя всѣ въ большей или меньшей степени отстаивали свою самостоя-

тельность; въ Россіи же напротивъ договорныя общины находились только, какъ исключеніе, на границахъ государства, въ Новгородѣ и Псковѣ. Въ остальной Россіи городовыя общины, игравшія нѣкоторую роль въ началѣ удѣльнаго періода, были остатками патріархальнаго быта, которыя съ усиленіемъ вотчинной власти князей совершенно потеряли свое значеніе, и если является кое-гдѣ договорное начало, то въ такихъ слабыхъ зачаткахъ, что оно не могло имѣть никакого дальнѣйшаго развитія. На западѣ города составляли замкнутыя общины, дававшія членамъ право гражданства; они имѣли свое право, свои постоянныя учрежденія, которыя дѣйствовали на основаніи законныхъ положеній; почти всѣ имѣли свои самостоятельныя власти, такъ что призваніе правителей извнѣ, показывающее низшую ступень городоваго быта, является, какъ исключеніе, при упадкѣ городовой жизни въ Италіи. Въ Новгородѣ напротивъ это было постояннымъ правиломъ; городовое право вовсе не существовало, право гражданства было понятіе неизвѣстное, постоянныя юридическія правила распространялись на немногіе случаи, а большею частью все совершалось на основаніи временныхъ постановленій, принятыхъ случайнымъ образомъ, нерѣдко послѣ кровопролитныхъ дракъ. Наконецъ западные города заключали внутри себя множество мелкихъ союзовъ, цеховъ, корпорацій, которые всѣ имѣли свое устройство, свои уставы, свои власти. Въ Русскихъ городахъ напротивъ встрѣчаются корпораціи въ весьма слабыхъ зачаткахъ; были цѣлыя свободы, заселенныя людьми, занимающимися однимъ ремесломъ, какъ и теперь есть подобныя селенія, но онѣ не имѣли никакого юридическаго

устройства и никогда не составляли корпоративныхъ союзовъ.

Союзный духъ, образовавшій на западѣ феодальные и общинные союзы, имѣлъ значительное вліяніе и на образованіе сословій. Средневѣковыя сословія основаны были на томъ положеніи, что права каждаго лица зависятъ отъ его частной жизни, отъ его занятій и передаются наслѣдственно, какъ частная собственность. Этимъ они отличаются отъ сословій новаго времени, которыя имѣютъ уже государственное значеніе и получили каждое извѣстныя обязанности въ отношеніи къ государству. На западѣ лица, имѣвшія извѣстныя занятія, находились вмѣстѣ съ тѣмъ въ постоянномъ союзѣ между собою; рыцари соединялись одними обязанностями въ отношеніи къ господину, горожане общиннымъ городскимъ союзомъ, крестьяне отношеніями къ землевладѣльцу. Отсюда произошло то, что цѣлые разряды лицъ получили одинакія права, и сословія составили замкнутые союзы, вступленіе въ которые могло совершаться только на основаніи законныхъ правилъ. Тоже самое начало существовало и на Руси; были служилые люди, посадскіе и крестьяне, но безпрерывные ихъ переходы съ мѣста на мѣсто препятствовали образованію сословныхъ союзовъ. Вмѣсто того сословное право распредѣлилось по отдѣльнымъ личностямъ и выразилось въ мѣстничествѣ: каждое отдѣльное лице имѣло наслѣдственное право на извѣстное положеніе въ обществѣ, и этимъ оно не только не входило въ союзъ съ другими, а напротивъ становилось въ противоположеніе ко всѣмъ лицамъ того же разряда, и отстаивало свои права отдѣльно отъ другихъ. Законныхъ правилъ для поступленія въ сословіе не было, но если низшій

уравнивался съ высшимъ, послѣднiй считалъ себя обезчещеннымъ и начиналъ тяжбу. Понятiе о чести, тѣсно связанное съ сословнымъ значенiемъ лица, было такимъ образомъ не сословное, какъ на западѣ, а чисто личное; каждое лице имѣло свою особенную честь, опредѣляемую его частными родственными и общественными отношенiями и совершенно отличную отъ чести другихъ людей того же разряда. Мѣстничество было крайнимъ и самымъ яркимъ выраженiемъ личности, которая преобладала въ Россiи, между тѣмъ какъ на западѣ господствовалъ союзный духъ, хотя и здѣсь и тамъ общественная жизнь была основана на однихъ началахъ, на началахъ частнаго права, въ основанiи которыхъ лежитъ понятiе о личности съ ея особенной, частной сферой.

Это различiе опредѣлило и различiе историческаго хода при образованiи государства. Частное право не можетъ основать прочныхъ общественныхъ учрежденiй; возникши изъ развитiя личности, созданный имъ бытъ разрушается анархическимъ дѣйствiемъ собственныхъ началъ и ведетъ къ необходимости новыхъ формъ, основанныхъ на противоположномъ началѣ, на началѣ общественномъ. Эта новая форма общественной жизни есть государство и почти въ одно время на востокѣ и на западѣ оно возникаетъ на развалинахъ средневѣковыхъ учрежденiй.

Не вдругъ однако же измѣняется бытъ; въ законахъ и въ жизни долго еще сохраняются начала частнаго права, и только медленнымъ процессомъ развитiя государство, освобождаясь отъ нихъ, образуетъ изъ себя правильный организмъ, проникнутый однимъ общественнымъ началомъ. При возникновенiи же государства

средневѣковые элементы противопоставили ему свои старыя притязанія и вступили въ борьбу съ новымъ порядкомъ вещей. Это явленіе было какъ въ Россіи, такъ и на западѣ, но западные феодальные владѣльцы и города, образуя крѣпкіе союзы, могли бороться открытою силою, тогда какъ бояре и слуги, безсильные въ своемъ обособленіи, могли противопоставить государственному порядку только отъѣзды, крамолы и свои личныя притязанія. Западные государи стремились къ уничтоженію слишкомъ большой самостоятельности мелкихъ союзовъ; Московскіе государи напротивъ того должны были прекратить слишкомъ большое обособленіе личностей и образовать союзы, которые могли бы служить орудіями государственной власти. То, что на западѣ образовалось само собою вслѣдствіе господства союзнаго духа, то у насъ учреждено правительствомъ на основаніи государственныхъ потребностей.

Создавши государственное единство, Московскіе государи не стали разрушать и передѣлывать на новый ладъ элементы средневѣковой жизни; они только *укрѣпили* ихъ, заставивъ ихъ подчиниться общественной власти. Бояре и слуги обязаны были службою и стали писаться холопами, крестьяне и городскіе жители были укрѣплены къ своимъ жилищамъ; каждый долженъ былъ служить государству, *тянуть тягло*, на своемъ мѣстѣ. Такимъ образомъ на всѣ сословія возложены были общія для каждаго изъ нихъ обязанности, которыя дали имъ сословное единство, и изъ собранія лицъ превратили ихъ въ государственные союзы. Частное княжеское хозяйство превратилось въ государственное, но управленіе сохранило прежній финансовый характеръ. Государство было еще слишкомъ юно, чтобы много

заботиться объ общественныхъ потребностяхъ — промышленности, образованіи: прежде всего нужно было устроить правительственныя учрежденія, доставить государству матеріальныя средства, и вслѣдствіе этого финансы составляли главную цѣль управленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ государственный организмъ не былъ еще довольно развитъ, чтобы новымъ потребностямъ удовлетворять собственною дѣятельностью; все совершалось повинностью, и лица, ее отправлявшія, несли всю отвѣтственность за исполненіе. Такимъ образомъ все должно было служить государственнымъ цѣлямъ, и учрежденія того времени составляютъ обширную систему повинностей, которая господствовала до самыхъ временъ Екатерины II-й.

Этотъ характеръ учрежденій отразился и на органахъ областнаго управленія. Въ удѣльный періодъ княжескіе доходы отдавались въ кормленіе, или собирались прикащиками и общинными начальниками. Изъ этихъ трехъ формъ управленія первая была совершенно несовмѣстна съ государственнымъ порядкомъ; общество не можетъ отчуждать свои права въ частныя руки. Поэтому Московскіе государи прежде всего старались опредѣлить и ограничить власть намѣстниковъ и волостелей, передавали права ихъ другимъ органамъ управленія и наконецъ совершенно уничтожили систему кормленій. Въ уставныхъ грамотахъ, которыя жаловались отдѣльнымъ общинамъ въ концѣ XV-го и въ началѣ XVI-го вѣка, опредѣлялось количество корма и пошлинъ, платимыхъ намѣстникамъ, волостелямъ и ихъ людямъ, и полагались нѣкоторыя ограниченія ихъ власти, именно: опредѣлялось, сколько намѣстникъ или волостель долженъ

держать тіуновъ и доводчиковъ, и въ какихъ мѣстахъ, запрещалось перемѣнять ихъ ранѣе года, предписывалось раздѣлить доводчикамъ судебный округъ, такъ чтобы ни одинъ не ѣздилъ въ раздѣлъ другаго; самимъ кормленщикамъ и ихъ тіунамъ запрещалось ѣздить по округамъ, доводчику же позволялось ѣздить только два раза въ годъ, одному или самъ-другъ съ одною лошадью, и не почевать тамъ, гдѣ онъ обѣдалъ. Кормъ и поборы запрещалось имъ взыскивать самимъ; сотскіе сбирали ихъ въ станахъ и платили въ городѣ кормленщикамъ и ихъ людямъ. Наконецъ запрещалось брать виру или пеню за нечаянную смерть, и въ случаѣ жалобы на судей жителямъ округа позволялось самимъ назначать срокъ, въ который они должны были стать къ суду передъ Великимъ княземъ.

Всѣ эти положенія имѣли въ виду избавить подсудныхъ жителей отъ произвольныхъ поборовъ и притѣсненій. Кромѣ того въ судебникахъ установлено ограниченіе самой судебной власти кормленщиковъ. Кормленія раздѣлены на кормленія съ боярскимъ судомъ и безъ боярскаго суда. Судебникомъ 1497-го года запрещено было намѣстникамъ и волостелямъ, которые держатъ кормленія безъ боярскаго суда, штрафовать, казнить и освобождать преступниковъ безъ доклада; они также лишены были права давать холопу и рабѣ правыя грамоты на господина и отпускныя, выдавать безъ доклада холопа и рабу и давать на нихъ бѣглыя грамоты. Эти ограниченія относились и къ тіунамъ тѣхъ намѣстниковъ и волостелей, которые держали кормленія съ боярскимъ судомъ. Въ царскомъ судебникѣ ограниченъ былъ и судъ боярскій: запрещено было давать безъ доклада правыя и бѣглыя

грамоты и безъ доклада штрафовать, казнить или отпустить вора, убійцу и всякаго лихаго человѣка. Отличіе суда боярскаго отъ кормленія безъ боярскаго суда по второму судебнику состояло въ томъ, что кормленщикъ, имѣвшій судъ боярскій, могъ давать на холоповъ полныя грамоты и докладныя, чего не могли давать другіе. Намѣстники Новгородскіе и Псковскіе считались выше другихъ; только тѣ отпускныя были дѣйствительны, которыя даны были съ доклада боярскаго въ Москвѣ или съ доклада Новгородскихъ и Псковскихъ намѣстниковъ. Но важнѣйшимъ ограниченіемъ власти намѣстниковъ и волостелей было введеніе въ судъ старостъ и цѣловальниковъ. Въ первый разъ въ Бѣлозерской грамотѣ 1488 года запрещено намѣстникамъ и ихъ тіунамъ судить безъ сотскихъ и безъ добрыхъ людей; въ судебникѣ Ивана III общимъ правиломъ постановлено, чтобы на судѣ были дворскій, староста и лучшіе люди; наконецъ въ судебникѣ Ивана IV велѣно тамъ, гдѣ до тѣхъ поръ не было старостъ и цѣловальниковъ, быть старостамъ и цѣловальникамъ и земскому дьяку для письма судныхъ дѣлъ. Первоначально *добрые люди* были ничто иное, какъ свидѣтели при судѣ; если судебный списокъ посылался къ докладу и возникалъ споръ объ его правильности, если кто жаловался на обиды и притѣсненія судьи, они могли свидѣтельствовать о томъ, какъ происходилъ судъ. Нѣтъ причины думать, чтобы они были выборные; число ихъ было произвольно, при каждомъ дѣлѣ были особые свидѣтели, понятые; даже въ одномъ и томъ же дѣлѣ при производствѣ суда были одни свидѣтели, при размежеваніи спорныхъ земель другіе (1).

(1) Акты Юрид. № 20.

Но при Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ вмѣсто сотскихъ и добрыхъ людей учреждены были старосты и цѣловальники; понятые превратились въ постоянную, выборную, присяжную должность (1). Значеніе ихъ осталось прежнее: они сидѣли въ судѣ, какъ свидѣтели; земскій дьякъ составлялъ судный списокъ, который они, приложивъ къ нему руки, отдавали кормленщику, отъ котораго получали списокъ, составленный его дьякомъ. Но къ этому присоединились и другія обязанности: если люди намѣстниковъ и волостелей отдавали кого нибудь на поруки и поручителей не было, то они не могли ихъ уводить къ себѣ и ковать въ желѣза, не явивъ въ городѣ городовому прикащику, дворскому, старостѣ и цѣловальникамъ, а въ волости старостѣ и цѣловальникамъ; иначе послѣдніе могли, по просьбѣ родственниковъ, освободить обвиненнаго и взять безчестіе на томъ, кто его сковалъ.

Такимъ образомъ участіе въ судѣ выборнаго начала служило обезпеченіемъ противъ притѣсненій намѣстниковъ и волостелей; но этимъ не ограничилось его значеніе: не только судебныя, но полицейскія и финансовыя дѣла предоставлены были самостоятельному управленію общинъ. Съ возникновеніемъ государственнаго начала явилась потребность установить въ госу-

(1) Добрые люди и цѣловальники въ судебникѣ отличаются другъ отъ друга: «и тѣмъ волостелемъ посылати о томъ, выбираючи тѣхъ же волостей лутчихъ людей, да цѣловальника одного или дву.» Что цѣловальники сдѣлались постоянною должностію, видно какъ изъ самого ихъ имени, такъ и изъ того, что они имѣли разныя не-судебныя обязанности: люди намѣстниковъ и волостелей являли имъ тѣхъ, которыхъ отдавали на поруки,—городовые старосты, сотскіе и десятскіе вручали имъ разметныя книги. Слѣдственно они не выбирались для каждаго судебнаго дѣла, а занимали постоянную должность.

дарствѣ безопасность и тишину, оградить частныя лица отъ разбоевъ и грабежей. Въ системѣ кормленій преслѣдованіе воровъ и разбойниковъ было личнымъ интересомъ кормленщиковъ, которые извлекали изъ этого доходъ. Но такой частный интересъ былъ недостаточенъ для достиженія общественной цѣли и несовмѣстенъ съ государственнымъ началомъ; поэтому Московскіе государи стали посылать въ области сыщиковъ для искорененія разбоевъ. Сыщики, не имѣя подчиненныхъ служителей и командъ, производили преслѣдованіе, розыскъ и казнь посредствомъ жителей области; избавленные отъ всякаго контроля, они эту власть употребляли во зло и тѣмъ возбуждали множество жалобъ на притѣсненія. При такомъ недостаткѣ государственныхъ средствъ, естественно было предоставить искорененіе разбоевъ самимъ жителямъ области, возложивъ на нихъ и отвѣтственность за успѣхъ; областные жители избавлялись этимъ отъ притѣсненій, а государство получало обезпеченіе въ исполненіи мѣръ для общественной безопасности. Такъ возникли губныя грамоты, которыя сначала давались отдѣльнымъ общинамъ и областямъ — селамъ, принадлежавшимъ частнымъ лицамъ и монастырямъ, городамъ, волостямъ и цѣлымъ уѣздамъ. Иногда преслѣдованіе и наказаніе воровъ и разбойниковъ предоставлялось установленнымъ уже общиннымъ властямъ: въ частныхъ селахъ прикащикамъ съ крестьянами (1), въ городахъ сотскимъ, старостамъ, десятскимъ и лучшимъ людямъ вмѣстѣ съ городовыми прикащиками (2), въ сельскихъ

(1) Акты Археогр. эксп. т. 1-й, № 194.

(2) Тамъ же, № 192.

общинахъ старостамъ и лучшимъ людямъ (1); но большею частью учреждались особые губные старосты и цѣловальники. Въ судебникѣ 1550 года постановлено общимъ правиломъ, чтобы вѣдомыхъ разбойниковъ судили губные старосты, а намѣстники бы въ ихъ судъ не вступались; вѣдомыхъ же воровъ велѣно судить по губнымъ грамотамъ (2). Въ губной грамотѣ 1549 года (3) предписано вѣдомыхъ воровъ судить губнымъ старостамъ вмѣстѣ съ волостелями и ихъ тіунами; пеня принадлежала волостелю, казнь же совершалась губными старостами. Но въ 1555 году въ дополнительныхъ статьяхъ къ судебнику постановлено, чтобы вообще губные старосты вѣдали разбойныя и татиныя дѣла. Преслѣдованіе и поимка воровъ и разбойниковъ а также и обыскъ возложены были на всѣхъ жителей общины; казнь положена на ихъ души, но вмѣстѣ съ тѣмъ община несла и всю отвѣтственность: «А впредъ которыхъ людей розбойники розобьютъ въ тѣхъ селѣхъ и деревняхъ или иные села и деревни близко, а вы всѣ не учнете межъ себя розбойниковъ обыскивати и имати и казнити, или которые люди не учнутъ являти тѣхъ людей, которые у нихъ на подворьѣ ставятся, и вамъ отъ меня отъ Великого князя быти въ казни и въ продажѣ; а тѣхъ людей иски, которыхъ розбойники розобьютъ въ тѣхъ селѣхъ и въ деревняхъ, или иные села и деревни кои близко, велѣти имати на всѣхъ на васъ вдвое безъ суда» (4). Если лихой человѣкъ скрывался, старостамъ предпи-

---

(1) Акты Археогр. эксп. т. 1-й, № 234, 250.

(2) Судебн. ст. 60.

(3) Акты Археогр. эксп. т. 1-й, № 224.

(4) А. А. Э. т. 1-й, № 192, 194.

сывалось *намётывать* его на тѣхъ людей, которые жили съ нимъ въ посадахъ на одной улицѣ, а въ станахъ и волостяхъ въ одной деревнѣ, и велѣть имъ, *добывъ его*, ставить передъ собою (1). Иногда эта обязанность возлагалась на учрежденныхъ для преслѣдованія воровъ и разбойниковъ сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ, и если они лихаго человѣка, который жилъ въ ихъ сотнѣ, не могли добыть, то на нихъ правился искъ истца, да кромѣ того съ нихъ взыскивалась пеня, чтобы впредь у нихъ въ сотнѣ не было лихихъ людей (2).

Такимъ образомъ судебно-полицейская отрасль суда была отнята у намѣстниковъ и волостелей, и поручена управленію выборныхъ. Но это былъ только первый шагъ, и вскорѣ многимъ общинамъ предоставлено было полное право суда. Въ системѣ кормленій, гдѣ судопроизводство было источникомъ частныхъ доходовъ, гдѣ личный интересъ кормленщиковъ былъ важнѣйшимъ побужденіемъ къ исполненію судебной должности, неминуемы были частыя жалобы на притѣсненія намѣстниковъ и волостелей. Съ другой стороны злоупотребленія вызывали сопротивленіе, и часто кормленщики не имѣли довольно средствъ для усмиренія непокорныхъ. Поэтому они съ своей стороны жаловались царю, что посадскіе и волостные жители не даются имъ подъ судъ и на поруки, бьютъ ихъ и кормовъ имъ не платятъ. При недостаткѣ матеріальныхъ средствъ и отсутствіи контроля опять естественно было предоставить судъ самимъ общинамъ, обязавъ ихъ платить судебные доходы уже не кормленщикамъ,

(1) А. А. Э. т. 1-й, № 234.

(2) А. А. Э. т. 1-й, № 250, т. 2-й, № 32.

а государству. Это было совершено Иваномъ Грознымъ, который въ 1555-мъ году пишетъ (1), что онъ, жалуя крестьянство, отставилъ намѣстниковъ, волостелей и праветчиковъ, а за ихъ доходы и за судебныя пошлины велѣлъ посадскихъ и крестьянъ пооброчить деньгами; поэтому онъ во всѣхъ городахъ и волостяхъ для суда и сбора доходовъ велѣлъ учредить *излюбленныхъ старостъ*, « которыхъ себѣ крестьяне межъ себя излюбятъ и выберутъ всею землею.» Этотъ указъ не былъ исполненъ повсемѣстно; города и волости продолжали отдаваться въ кормленіе; но многимъ общинамъ даны были уставныя грамоты съ правомъ собственнаго суда. Это было важнымъ шагомъ впередъ: судъ изъ частнаго владѣнія превратился въ общественную должность. Прежніе частные доходы, кормы, виры, судебныя пошлины уничтожены и замѣнены общимъ оброкомъ въ пользу государства; въ иныхъ мѣстахъ остались нѣкоторые доходы въ прежнемъ видѣ, именно судебныя пошлины (2), новоженный убрусъ и выводная куница (3), но они поступали уже не къ судьямъ, а въ царскую казну. Иногда излюбленнымъ старостамъ предоставлялось право судить какъ гражданскія, такъ и губныя дѣла (4), иногда послѣднія судились особенными губными старостами. Наконецъ въ нѣкоторыхъ уставныхъ грамотахъ губныя дѣла предписывалось судить тѣмъ и другимъ вмѣстѣ (5). Для огражденія тяжущихся и под-

(1) А. А. Э. т. 1-й, № 242, 243.

(2) А. А. э. т. 1-й, № 242. Судебныя пошлины здѣсь возстановляются для уменьшенія количества напрасныхъ исковъ.

(3) А. А. э. т. 1-й, № 237; т. 2-й, № 52.

(4) Тамъ же, № 234, 236.

(5) Акты Историч. т. 1-й, № 165.

судимыхъ отъ обидъ и притѣсненій у излюбленныхъ судей, также какъ и у кормленщиковъ, сидѣли на судѣ выборные лучшіе люди или цѣловальники, которые присутствовали также при обыскахъ и всякихъ дѣлахъ и употреблялись для разсылокъ; для письма выбирался земскій дьякъ. Дѣла между жителями различныхъ округовъ судились въ Москвѣ, кромѣ губныхъ дѣлъ, которыя рѣшались на мѣстѣ (1); но если уставная грамота давалась цѣлому округу, состоявшему изъ нѣсколькихъ волостей, то дѣла между жителями этихъ волостей судились волостными судьями обоихъ округовъ вмѣстѣ (2). Въ Москву также присылались дѣла, въ которыхъ судьи встрѣчали затрудненіе, « которыхъ за чѣмъ вершить не мочно. » Наконецъ съ предоставленіемъ общинамъ собственнаго суда увеличена и отвѣтственность судей. «А учнутъ тѣ выборные старосты и цѣловальники судити не прямо, и другу въ судѣ учнутъ норовити, а недругу мстити, и посулы и поминки имати, и нашего царьскаго и земскаго дѣла по нашему крестному цѣлованію не учнутъ беречи и правити по нашему уложенью, и учинится каково лихо ихъ хитростью или небреженіемъ, а доведутъ на нихъ, и уличатъ ихъ въ томъ, и тѣхъ судей и цѣловальниковъ казнити смертною казнію безъ отпросу, а животы ихъ и статки взяти да раздати исцомъ, а досталь тѣмъ людямъ, кто на нихъ доведетъ » (3). За безпорочное же отправленіе должности обѣщаны льготы и награды.

---

(1) Акт. Археограф. эксп. т. 2-й, № 52.

(2) Тамъ же, т. 1-й, № 250.

(3) Тамъ же, т. 1-й, № 242, 243.

Кромѣ судебнаго и полицейскаго управленія выборнымъ людямъ дано обширное участіе и въ финансовыхъ дѣлахъ: ко всякимъ сборамъ — таможеннымъ, кабацкимъ, къ рыбнымъ ловлямъ и т. д. выбирались головы и цѣловальники изъ посадскихъ и уѣздныхъ людей; какъ скоро являлась новая потребность, требовались новые цѣловальники. Эта была служба тѣмъ болѣе тягостная, что съ нею соединялась вся отвѣтственность за сборы: если собрано было менѣе доходовъ, нежели въ прежніе годы, то остальное взыскивалось съ выборныхъ, а если ихъ имущество было недостаточно, то съ тѣхъ, которые ихъ выбирали. Сборъ податей также предоставленъ былъ выборнымъ отъ общинъ, но и это часто имѣло характеръ повинности. Примѣръ яснѣе покажетъ дѣло: въ 1556 году велѣно было въ Новгородской области всѣмъ служилымъ людямъ, церковно-служителямъ и крестьянамъ выбрать изъ каждой пятины по боярскому сыну, да по три или по четыре человѣка лучшихъ людей, да изъ погоста по человѣку, и тѣмъ выборнымъ старостамъ сбирать всякія подати и привозить ихъ въ Новгородъ. Царь пишетъ Новгородскимъ дьякамъ, что если изъ которыхъ пятинъ прислали имъ старостъ несполна, то они за ними послали бы приставовъ, доправивъ на нихъ тройные прогоны, а на иныхъ, смотря по дѣлу, наложили бы пеню. Дьякамъ же онъ предписываетъ всѣ подати собрать тотчасъ безъ недобора, иначе посланъ будетъ по нихъ приставъ со взысканіемъ тройныхъ прогоновъ, и кромѣ того они будутъ подъ великой опалой и пенею (1). Царь требовалъ

---

(1) Дополн. къ Акт. Истор. т. 1-й, № 94.

собранныхъ денегъ отъ дьяковъ во что̀ бы ни стало,— дьяки же въ свою очередь возлагали всю отвѣтственность на выборныхъ. Это было не управленіе общины собственными дѣлами, а выборъ людей « къ Государеву дѣлу » на царскую службу.

Такимъ образомъ общинное начало получило значительное участіе въ земскомъ управленіи; это было явленіе новое, созданіе Московскихъ государей. На западѣ средневѣковыя общины, отдѣлившись отъ феодальнаго міра, составили замкнутые въ себѣ союзы съ собственнымъ судомъ и управленіемъ; государство, заставъ ихъ въ этомъ обособленіи, уничтожило несовмѣстныя съ общественнымъ порядкомъ державныя права, но оставило имъ право самостоятельнаго управленія внутренними ихъ дѣлами. Напротивъ того въ удѣльной Россіи, вслѣдствіе бо̀льшей подвижности народонаселенія и меньшей крѣпости союзнаго начала, не было такихъ замкнутыхъ въ себѣ общинъ, за исключеніемъ Новгорода и Пскова, которые Московскими государями сравнены были съ прочими Русскими городами. Но, какъ во множествѣ другихъ явленій, такъ и здѣсь, то, что на западѣ произошло само собою, вслѣдствіе стремленія отдѣльныхъ лицъ къ прочнымъ союзамъ, то у насъ было установлено государствомъ. Сознавая въ себѣ новыя потребности, стремясь къ водворенію общественнаго порядка, оно нуждалось въ органахъ управленія. Намѣстники и волостели не могли быть для него орудіями; система кормленій, основанная на частномъ правѣ, была несовмѣстна съ новымъ порядкомъ вещей и должна была мало по малу исчезнуть передъ нимъ. Собственною дѣятельностью государство также не могло удовлетворить обществен-

нымъ потребностямъ: у него было еще слишкомъ мало матеріальныхъ средствъ; государственный организмъ, созидаясь мало по малу, былъ еще въ такомъ хаотическомъ состояніи, при которымъ правильная дѣятельность и контроль были невозможны. Оставалось одно: искать обезпеченія въ отвѣтственности частныхъ лицъ и общинъ, возложивъ на нихъ всѣ обязанности общественнаго управленія. Это былъ тотъ порядокъ, который можно назвать системою повинностей: государство обязало всѣхъ службою, объявляло свои требованія, а большую часть исполненія предоставляло самимъ подданнымъ. Отсюда возникли система поручительства и выборное начало. Для обезпеченія правильнаго исполненія должности, отъ должностнаго лица требовалось, чтобы оно представило по себѣ поручителей; стрѣльцы, пушкари и другіе служилые люди, дьяки, даточные люди, цѣловальники и т. п. не иначе вступали въ должность, какъ съ достаточнымъ поручительствомъ. Но поручительство было частнымъ способомъ обезпеченія; это былъ остатокъ средневѣковой системы. Въ выборномъ же началѣ выражалась уже государственная обязанность; оно было ничто иное, какъ обязательное поручительство общины съ отвѣтственностью въ случаѣ плохаго исполненія должности; выборъ цѣловальниковъ былъ тяжкою службою, отправляемою по-очереди, отъ которой искали освобожденія въ видѣ милости. Такимъ образомъ дѣятельность общинъ была вызвана государственнымъ началомъ, не какъ право самостоятельнаго управленія внутренними дѣлами общины, а какъ общественная повинность для удовлетворенія государственнымъ потребностямъ. Таже система господствовала въ Римскомъ

государствѣ, гдѣ отвѣтственность за исполненіе общественныхъ дѣлъ возложена была на городскія куріи, и служебныя обязанности были до того тяжки, что почесть обратилась въ наказаніе. Государство разрушающееся и государство возникающее держатся на однихъ началахъ; не имѣя достаточно крѣпости въ собственной огранизаціи, они всю дѣятельность слагаютъ на отдѣльныя лица, сословія и общины. Поэтому когда государство крѣпнетъ въ самомъ себѣ, когда умножаются его средства, и его учрежденія развиваются въ стройное цѣлое, тогда система повинностей замѣняется собственною дѣятельностью государства и вмѣстѣ съ тѣмъ элементъ общинный мало по малу вытѣсняется элементомъ приказнымъ.

Отправленіемъ общественныхъ повинностей завѣдывали выборные отъ общинъ, но для распоряженій со стороны государства необходимы были другіе органы управленія. Таковы были приказные люди — дьяки и городовые прикащики; первые назначались въ важнѣйшіе города, какъ напримѣръ, въ Новгородъ и Псковъ, вторые въ менѣе значительные. Дьяки не были товарищами намѣстниковъ, какъ въ послѣдствіи они были товарищами воеводъ: намѣстникъ зналъ свое кормленіе, дьяки же завѣдывали всѣми государственными дѣлами. Такъ въ 1510 году, по уничтоженіи Псковской вольности, Великій князь назначилъ въ Псковъ двухъ намѣстниковъ, а дьякамъ велѣлъ вѣдать—одному дѣла приказныя, другому дѣла ямскія (1). Въ Новгородѣ въ половинѣ XVI-го вѣка одна половина города была въ кормленіи за намѣстникомъ, другая завѣдывалась дьяками въ пользу царя. Дьяки Новгородскіе

(1) Карамзинъ, т. VII, стр. 42, 43.

сбирали для намѣстника кормы (1), строили его хоромы (2); они судили вмѣстѣ съ намѣстникомъ и половину судебныхъ пошлинъ сбирали въ царскую казну, тогда какъ другая половина шла намѣстнику (3). Если намѣстникъ или другой кормленщикъ съѣзжалъ съ кормленія, имъ предписывалось вѣдать кормленіе на царя, пока не назначался другой кормленщикъ и тогда они послѣднему передавали пожалованную ему власть (4). Дѣла распорядительныя, помѣстныя, финансовыя были въ исключительномъ вѣдомствѣ дьяковъ (5), равно какъ и всѣ спорныя дѣла по части финансоваго управленія (6). Даже

---

(1) Дополн. къ Акт. Истор. т. 1-й, № 54.

(2) Тамъ же, № 106.

(3) Тамъ же, № 53, 60, 109.

(4) Тамъ же, № 86, 87, 105, 108, 109.

(5) Только въ Новгородской таможенной грамотѣ 1571 года намѣстники вмѣстѣ съ дьяками отдаютъ на вѣру таможенный сборъ въ Опричинѣ. Но всѣ распоряженія предоставлены одникъ дьякамъ: имъ отдаются таможенныя книги и деньги, они выбираютъ товары для государя, они разрѣшаютъ затрудненія, отписываютъ на государя дворы тѣхъ, у кого торговые люди ставились мимо гостинаго двора. См. С. Г. Г. т. 2-й, № 43. Въ другихъ же грамотахъ и прежде и послѣ этого времени таможенныя пошлины всегда отдаются на вѣру одними дьяками, такъ что вѣроятно приведенный примѣръ былъ только временнымъ исключеніемъ въ Опричинѣ. См. Доп. къ А. Истор. т. 1-й, № 116; А. Арх. Экоп. т. 1-й, № 298; С. Г. Г. т. 2. № 55, 56, 57. Въ одной грамотѣ предписывается намѣстнику вмѣстѣ съ дьяками выдать жалованье ратнымъ людямъ, но намѣстникъ въ это время былъ назначенъ воеводою. Доп. къ А. Ист. т. 1-й, № 80. Въ другихъ грамотахъ это возлагается на дьяковъ. Тамъ же, № 68, 91. Нѣкоторыя незначительныя распоряженія предоставлялись иногда намѣстнику вмѣстѣ съ дьяками, но почти всегда эти дѣла завѣдывались одними дьяками. См. множество грамотъ въ 1-мъ томѣ Дополн. къ Акт. Истор.

(6) Доп. къ Акт. Ист. т. 1-й, № 51. Одно такое дѣло прислано было намѣстнику, а дьяки то дѣло у него взяли, потому что «судъ ихъ.»

судебныя дѣла часто рѣшались одними дьяками: по челобитнымъ о спорныхъ земляхъ, о неправильномъ вывозѣ крестьянъ, о займахъ, царь писалъ иногда намѣстнику и дьякамъ вмѣстѣ, иногда же однимъ дьякамъ, предписывая имъ рѣшить дѣло или прислать его въ Москву, если окажется какое нибудь затрудненіе (1). Вѣроятно намѣстникъ получалъ при этомъ слѣдующую ему половину судебныхъ пошлинъ, но при недостаткѣ данныхъ невозможно опредѣлить, на какомъ основаніи эти судебныя дѣла предоставлялись рѣшенію однихъ дьяковъ. Кромѣ того нѣкоторыя общины и частныя лица жалованными грамотами избавлялись отъ суда намѣстниковъ и получали право быть судимыми одними дьяками (2). Точно также и городовые прикащики существовали рядомъ съ намѣстниками (3), вѣдая дѣла земскія, полицейскія и финансовыя (4).

Эти три элемента областнаго правленія — кормленщики, общины и приказные люди—существовали рядомъ и находились другъ къ другу въ различныхъ отношеніяхъ: въ иныхъ мѣстахъ судъ предоставленъ былъ кормленщикамъ, въ другихъ мѣстахъ ихъ вовсе не было; нѣкоторыя общины имѣли полное право собственнаго суда и управленія, въ другихъ выборные люди состояли подъ распоряженіемъ приказныхъ лю-

(1) Доп. къ Акт. Ист. т. 1-й, № 51.

(2) Жалованная грамота Лопарямъ С. Г. Г. т. 1-й, № 158; Доп. къ Акт. Ист. т. 1-й, № 51, стр. 84: «а у Ивана Шатилова царская грамота, что людей его и крестьянъ судити вамъ, дьякомъ нашимъ, во всякихъ дѣлѣхъ.»

(3) Акты Истор. т. 1-й, № 200.

(4) Тамъ же, № 145, 148, 176, 195; А. Арх. эксп. т. 1-й, № 177, 182, 313, 337.

дей. Съ большимъ развитіемъ государственнаго начала эти правительственные органы оказались недостаточными: кормленія вовсе были несогласны съ новымъ порядкомъ вещей; общинное управленіе было слишкомъ разрозненно и слишкомъ мало подлежало вліянію центральной власти; приказные люди, лишенные военной власти, не имѣли достаточно средствъ для управленія. Явилась потребность такой власти, которая, вооруженная достаточною силою, и сосредоточивая въ себѣ все высшее управленіе земскими дѣлами, была бы представителемъ правительства въ областяхъ. Такая власть была установлена въ воеводахъ. Сначала воеводы назначались въ города только на время войны; такъ въ 1555 году, по случаю войны съ Шведами, намѣстникъ Новгородскій князь Палецкій назначенъ былъ въ Новгородѣ воеводою вмѣстѣ съ княземъ Щенятевымъ; дьякамъ Новгородскимъ велѣно было слушаться ихъ и заниматься производствомъ всѣхъ поручаемыхъ имъ дѣлъ (1). Но кажется, что еще при Иванѣ Грозномъ въ Новгородѣ были постоянные воеводы и притомъ рядомъ съ намѣстниками; это видно изъ жалованной грамоты 1597 года Введенскому монастырю, въ которой сказано, что была у нихъ жалованная грамота Ивана Грознаго, которою они освобождены были отъ суда Новгородскихъ намѣстниковъ и ихъ тіуновъ и земскихъ судей, а судили ихъ Новгородскіе бояре и воеводы, въ одинъ срокъ въ году, безпошлинно (2). Въ новозавоеванныхъ городахъ, гдѣ нужна была крѣпкая власть, всегда назначались воеводы, которые завѣдывали всѣми военными и гражданскими дѣлами.

(1) Дополн. къ Акт. Ист. т. 1-й, № 76.
(2) Тамъ же, № 111.

Въ 1563 году Полоцкимъ воеводамъ съ товарищами наказано было вѣдать ратное и земское дѣло, городовое строеніе, таможенный сборъ, откупныя бани, судъ, полицію и обо всемъ писать государю; главный воевода носилъ названіе намѣстника Полоцкаго. Для суда велѣно было назначить голову изъ дворянъ, — для письма — выбрать въ земскіе дьяки человѣка два изъ земскихъ людей, а въ судѣ быть съ ними двумъ бурмистрамъ, и самому воеводѣ надзирать, чтобы не было отъ нихъ никому обиды и насильства (1). Въ Казани, въ Астрахани, въ Сибири, послѣ ихъ покоренія, учреждены были воеводы: въ 1580 году упоминается воевода и намѣстникъ Смоленскій, въ 1581 году — воеводы Нижегородскій и Свіяжскій, въ 1598 году — воеводы въ Новгородскихъ пригородахъ. На Двину, гдѣ съ 1553 года были одни земскіе судьи, въ 1584 году въ первый разъ присланы были два воеводы, которые, построивъ городъ Архангельскъ, уѣхали въ Москву; послѣ нихъ назначались приказные люди—дѣти боярскіе. Въ 1587 году пріѣхалъ переписывать Двинскихъ жителей князь Звенигородскій, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ у нихъ воеводою и съ тѣхъ поръ постоянно присылались воеводы (2). Въ смутное время, въ началѣ XVII-го вѣка, когда войны и мятежи распространились по всей землѣ и всюду необходимо было присутствіе военной силы, воеводы являются почти во всѣхъ городахъ; со временъ Михаила Θеодоровича они составляютъ общее учрежденіе для всей Россіи (3).

---

(1) Акты Истор. т. 1-й, № 169.

(2) Двинскій лѣтописецъ Древн. Вивліоѳ. т. 18.

(3) На Азовскомъ соборѣ купцы говорятъ: «А при прежнихъ го-

Установленіе воеводъ было усиленіемъ правительственнаго начала въ областномъ управленіи; съ этимъ вмѣстѣ другіе органы управленія должны были измѣниться. Приказные люди превратились въ товарищей воеводъ или въ ихъ подчиненныхъ; только тамъ, гдѣ не было воеводъ, они продолжали самостоятельно управлять земскими дѣлами. Намѣстники и волостели, мало по малу вытѣсняемые воеводами, наконецъ совершенно исчезли и со временъ Михаила Θеодоровича болѣе не встрѣчаются (1). Судебная власть ихъ перешла къ воеводамъ, но уже совершенно въ другомъ видѣ: воевода не сбиралъ кормовъ съ подсудныхъ ему жителей, не взыскивалъ виръ, не извлекалъ дохода изъ суда и преступныхъ дѣйствій, не управлялъ посредствомъ своихъ слугъ и холоповъ, подлежалъ отчетности и отвѣтственности. Намѣстникъ завѣдывалъ дѣлами *на себя*, воевода *на царя*. Намѣстникъ былъ кормленщикъ, воевода правитель. Общинное начало также было стѣснено воеводами: судъ выборныхъ старостъ ограничивался слишкомъ тѣсными предѣлами и не могъ удовлетворять всѣмъ потребностямъ. Ѣздить въ Москву по всякому дѣлу, возникающему между жителями различныхъ общинъ или округовъ было неудобно; нуженъ былъ областной судья, и судъ отъ выборныхъ общины перешелъ къ воеводамъ, которые притомъ имѣли уже судебную власть, переданную имъ отъ намѣстни-

---

сударихъ въ городѣхъ вѣдали губные старосты, а посадскіе люди судилися сами промежъ себя, и воеводъ въ городѣхъ не было, а воеводы были посыланы по прежнихъ государей указу только въ украинные города для береженія отъ тѣхъ же Турскихъ и Крымскихъ и Нагайскихъ Татаръ. С. Г. Г. т. 3-й, № 113. Также Временникъ 1849 г. кн. 3-я, смѣсь стр. 6—8.

(1) См. примѣчаніе.

ковъ и волостелей. Сначала воеводы судили вмѣстѣ съ выборными: въ Полоцкѣ, какъ сказано выше, засѣдали въ судѣ два бурмистра; на Двинѣ, на Бѣлоозерѣ были цѣловальники (1), которые не только сидѣли въ судѣ, но вмѣстѣ съ воеводами произносили приговоръ (2). Это былъ остатокъ общиннаго суда, но послѣ 1613 года цѣловальники были отмѣнены, и воеводы стали судить одни (3). Въ слѣдующій періодъ въ вѣдомство воеводъ перешли губныя дѣла; такимъ образомъ съ развитіемъ государства дѣятельность общинъ стѣснялась и уступала мѣсто дѣятельности правительственной. Въ періодъ времени отъ Михаила Ѳеодоровича до Петра Великаго выборные отъ общинъ имѣли еще значительное участіе въ земскихъ дѣлахъ; съ уничтоженіемъ кормленій оставалось два элемента — общинный и правительственный, которые раздѣляли между собою все областное управленіе. Выборное начало существовало для тѣхъ дѣлъ, которыя возлагались на общины, какъ повинность, правительственное начало или приказное для тѣхъ, которыя завѣдывались собственною дѣятельностью государства.

Примѣчаніе. Въ жалованныхъ грамотахъ монастырямъ и послѣ 1613 года упоминаются намѣстники, волостели, ихъ тіуны, виры и всѣ прежнія судебныя учрежденія, но изъ этого нельзя заключить, что дѣйствительно эти учрежденія продолжали существовать:

---

(1) Двинскій лѣтописецъ Др. Вивліоѳ., т. 18; Акты Юр. № 27.

(2) Акты Юрид. № 26.

(3) На Двинѣ первый воевода, присланный отъ Михаила Ѳеодоровича, не велѣлъ земскимъ судьямъ быть съ собою въ товарищахъ. Двинск. лѣтоп.

1) многія жалованныя грамоты были только подтвержденіемъ прежнихъ, которыя переписывались въ прежнемъ видѣ на имя новаго государя; такъ еще въ 1662 году жалованною грамотою Московскому Ново-дѣвичьему монастырю, данною въ подтвержденіе прежнихъ грамотъ, слуги и крестьяне этого монастыря избавляются отъ суда намѣстниковъ Владимірскихъ, Московскихъ, Новгородскихъ, Кашинскихъ, Дмитровскихъ, Вяземскихъ и другихъ, также волостелей и ихъ тіуновъ, между тѣмъ какъ всѣ эти лица давно уже перестали существовать. 2) Даже новыя жалованныя грамоты часто писались по старой обычной формѣ, въ которой сохранялись прежнія исчезнувшія имена; такъ въ жалованной грамотѣ 1615 года Ново-спасскому монастырю упоминаются намѣстники Новгородскіе и Двинскіе и ихъ тіуны. Въ нѣкоторыхъ грамотахъ монастырскіе люди и крестьяне просто освобождаются отъ суда намѣстниковъ и волостелей по городамъ и волостямъ, между тѣмъ какъ по крайней мѣрѣ слѣдовало бы упомянуть и о воеводахъ. Иногда же новыя формы перемѣшиваются съ старыми, такъ что въ одной и той же грамотѣ говорится то о намѣстникахъ и волостеляхъ, то о воеводахъ и приказныхъ людяхъ. Случалось наконецъ, что вдругъ подтверждались и переписывались на имя новаго царя двѣ грамоты, изъ которыхъ одна противорѣчила другой; таковы грамоты въ Акт. Археогр. эксп. т. 3-й, № 36 и 37. Такимъ образомъ на этихъ жалованныхъ грамотахъ основаться нельзя, если нѣтъ подтвержденія въ другихъ памятникахъ. Но этого подтвержденія нигдѣ нѣтъ: въ жалованныхъ грамотахъ торговымъ людямъ вездѣ упоминается только о судѣ воеводъ и приказныхъ людей.

Въ 1616 году Троицкій монастырь велѣно было вѣдать въ одномъ приказѣ Большой Казны и о томъ посланы грамоты въ города къ воеводамъ, дьякамъ, приказнымъ людямъ и всякимъ посланникамъ; о намѣстникахъ и волостеляхъ ни слова. Точно также и всѣ другія грамоты писались единственно къ воеводамъ и приказнымъ людямъ. Даже въ тѣхъ жалованныхъ грамотахъ, которыя передѣлывались на новый ладъ, а не просто переписывались съ другихъ, говорится о прикащикахъ, а не объ намѣстникахъ и волостяхъ (см. Акт. Археогр. эксп. т. 1-й, № 243; т. 3-й, № 126). Намѣстники были однакоже и во времена Романовыхъ, но съ совершенно другимъ значеніемъ: знатнымъ лицамъ давалось имя намѣстника какого нибудь города, какъ почетный титулъ, и чѣмъ значительнѣе былъ городъ, тѣмъ важнѣе былъ титулъ намѣстника. Такъ напримѣръ въ 1629 году велѣно было Новгородскому воеводѣ князю Пожарскому въ сношеніяхъ съ правителями Шведскихъ городовъ писаться намѣстникомъ Суздальскимъ (Акт. Арх. эксп. т. 3-й, № 181). Въ договорной грамотѣ 1634 года между Русскимъ дворомъ и Голштинскимъ знатнѣйшіе Русскіе уполномоченные подписываются намѣстниками Тверскимъ и Новоторжскимъ.

ОБЛАСТНОЕ ДѢЛЕНІЕ.

Земли Московскаго государства раздѣлялись на уѣзды, центромъ которыхъ обыкновенно были города. Величина уѣздовъ была чрезвычайно разнообразна: Новгородскій уѣздъ обнималъ большую часть земель, присоединенныхъ къ Московскому государству при покореніи Новгорода, и заключалъ въ себѣ нѣсколько пригородовъ съ ихъ уѣздами (1); Двинскій уѣздъ заключалъ въ себѣ всю прежнюю Двинскую область, а другіе уѣзды напротивъ того были небольшими округами, приписанными къ незначительнымъ городамъ. Суздаль, Шуя, Переяславль Залѣсскій и другіе города, принадлежащіе теперь къ одной губерніи, въ то время составляли самостоятельные уѣзды. Почти каждый городъ имѣлъ свой уѣздъ, хотя это не было общимъ правиломъ. Въ Вятскомъ уѣздѣ, напримѣръ, было пять городовъ, которые всѣ находились въ управленіи одного воеводы.

---

(1) Акты Истор. т. 5, № 49: «Въ Новгородскій уѣздъ во всѣ пятины и пригороды.» Дополн. къ Акт. Истор. т. 1-й, № 130: «въ Ноугородцкомъ уѣздѣ въ Вотцкой пятинѣ въ Ладожскомъ присудѣ.» — Но иногда Новгородскій уѣздъ принимается въ тѣсномъ смыслѣ и отличается отъ Ладожскаго уѣзда. Дополн. къ Акт. Историч. т. 3-й, № 82, II. Точно также и Псковской уѣздъ отличается отъ уѣздовъ Псковскихъ пригородовъ; Акты Археогр. эксп. т. 3-й, № 197; Акты Историч. т. 3-й, № 128. Псковской уѣздъ назывался даже иногда «Псковскимъ государствомъ». Доп. къ А. И. т. 5, № 1, стр. 1 и слѣд.

Это раздѣленіе не было сдѣлано съ государственною цѣлью, въ видахъ государственнаго управленія, не было остаткомъ средневѣковыхъ учрежденій. Изъ примѣра Новгородскаго уѣзда видно, что основаніемъ уѣзднаго дѣленія были иногда владѣнія, присоединенныя къ Московскому государству; а такъ какъ средневѣковыя владѣнія опредѣлялись могуществомъ князей и общинъ и разными случайными обстоятельствами, то и дѣленіе, основанное на нихъ, должно было быть чрезвычайно разнообразно и пестро. Впрочемъ не одни поземельныя владѣнія опредѣляли уѣздное раздѣленіе Московскаго государства; оно возникло большею частью изъ прежнихъ судебныхъ учрежденій, вслѣдствіе чего уѣздъ назывался иногда *присудомъ*, то есть, округомъ, на который распространялась судебная власть кормленщика (1). Въ средніе вѣка каждый городъ съ извѣстнымъ округомъ отдавался въ кормленіе намѣстнику; въ тѣхъ же округахъ, гдѣ не было городовъ, центромъ служили станы, въ которыхъ жили кормленщики и ихъ тіуны (2). Опредѣленіе судебныхъ округовъ могло имѣть различныя основанія, но по недостатку данныхъ невозможно сказать объ этомъ что нибудь положительное. Такъ какъ большая часть городовъ были построены князьями, то можно полагать, что они же приписывали къ городамъ округи, которые они отдавали въ кормленіе намѣстникамъ. Можетъ быть, основаніемъ этому приписанію служили иногда древнія патріархальныя и племенныя дѣленія, но объ этомъ не сохранилось никакихъ извѣстій.

---

(1) Дополн. къ А. Истор. т. 1-й, № 116, 120; Акт. Арх. эксп. т. 1-й, № 243.

(2) Акты Археограф. эксп. т. 1-й, № 234.

Вѣроятно также, что князья, пріобрѣтая покупкою и оружіемъ новые города и округи, отдавали ихъ въ кормленіе отдѣльно отъ другихъ. Во всякомъ случаѣ все это совершалось на основаніи частныхъ соображеній; общихъ государственныхъ видовъ здѣсь не было, потому что въ средніе вѣка вовсе не было государственныхъ понятій.

Московскіе государи оставляли эти средневѣковые округи въ томъ видѣ, какъ они находили ихъ по мѣрѣ соединенія отдѣльныхъ княжествъ и областей въ Московское государство. Но для удобства управленія или по другимъ причинамъ, напримѣръ, по просьбѣ жителей, или для уравненія податныхъ обязанностей округовъ дѣлались иногда частныя измѣненія: нѣкоторыя земли отдѣлялись отъ однихъ уѣздовъ и присоединялись къ другимъ, или составляли самостоятельные округи (1). Кромѣ того съ возникновеніемъ государства чувствовалась потребность большихъ правительственныхъ округовъ, нежели каковы были уѣзды. Но и здѣсь принимались только частныя мѣры: меньшіе города приписывались къ большимъ и составляли ихъ пригороды. Примѣръ былъ данъ Новгородомъ и Псковомъ, которые уже въ средніе вѣка имѣли свои пригороды. Тоже самое было сдѣлано съ новозавоеванными

---

(1) Акты Арх. эксп. т. 3-й, № 293. Акты Истор. т. 5, № 8. Временникъ 1851 г. кн. II стр. 91. Послѣднее относится къ XVI вѣку: въ 1501 году Великій князь велѣлъ отписать отъ Новгорода два погоста, которые изстари были Новгородскаго уѣзда, и придалъ ихъ къ Ладогѣ пятномъ и душегубствомъ. Заонежскіе и Лопскіе погосты были отдѣлены отъ Новгородскаго уѣзда и составили отдѣльное управленіе. Тоже было сдѣлано съ Старою Русою, бывшею прежде Новгородскимъ пригородомъ; впослѣдствіи Сумерская волость, принадлежавшая къ Старо-русскому уѣзду, составила отдѣльный округъ.

областями: къ Казани, Астрахани, къ Тобольску, къ Томску приписаны были меньшіе города, которые, имѣя своихъ воеводъ, подчинялись однакоже воеводамъ главныхъ городовъ. Такой обширный округъ назывался иногда разрядомъ, потому что въ главномъ городѣ учреждался разрядъ для управленія служилыми дѣлами округа; весьма часто употребляются выраженія: города Новгородскаго, Тобольскаго, Томскаго разрядовъ. Въ послѣдствіи времени и другіе города сдѣлались центрами такихъ округовъ: Бѣлгородъ имѣлъ свои пригороды, Симбирскъ имѣлъ свои пригороды, а въ концѣ XVII-го вѣка и въ средней Россіи начали приписывать одни города къ другимъ. Въ 1692 году къ Ярославлю были приписаны Ростовъ и Переяславль Залѣсскій, а воеводы послѣднихъ были упразднены (1). Эти приписанія совершались иногда съ административною, съ военною цѣлью, но иногда это дѣлалось по чисто-случайнымъ соображеніямъ. Такъ напримѣръ, въ 1687 году Верхотурье вмѣстѣ съ Пелымомъ и Туринскомъ отдѣлено было отъ Тобольскаго разряда и составило отдѣльный округъ, потому что въ Верхотурьѣ была застава, на которой осматривали пожитки сибирскихъ воеводъ при ихъ проѣздѣ въ Сибирь, и Тобольскіе воеводы, вѣдая Верхотурье, могли пользоваться своею властью, чтобы освободиться отъ осмотра (2). Вообще приписаніе малыхъ городовъ къ большимъ, совершаемое безъ всякихъ общихъ соображеній, доставляло частныя удобства, но нисколько не уменьшало пестроты уѣзднаго дѣленія, и, какъ увидимъ ниже, еще болѣе осложняло управленіе.

---

(1) Полн. Собр. Зак. № 1442.

(2) Акты Историч. т. 5, № 162.

Уѣзды раздѣлялись на станы и волости. Волость вѣроятно была первоначальнымъ общиннымъ дѣленіемъ славянскихъ племенъ, соотвѣтствовавшимъ нѣмецкой маркѣ. Крестьяне въ древности жили разрозненно, села и деревни состояли изъ немногихъ дворовъ, такъ что первою общественною единицею была волость. Вотчины, пріобрѣтенныя князьями, частными лицами и монастырями на волостной землѣ, входили въ составъ волости, несли однѣ подати и повинности, подчинялись однимъ судьямъ, на сколько онѣ не были освобождены отъ этого жалованными грамотами. Однако же иногда эти частныя земли отличались отъ волостныхъ; напримѣръ: « Серпуховъ со всѣми волостями и со княженьскыми селы и съ манастырскыми селы, а Хотунь потомужъ со всѣми волостми и селы и т. д. » (1). Точно также и подъ именемъ становыхъ и волостныхъ людей разумѣлись иногда всѣ жители, но обыкновенно, а въ позднѣйшее время всегда, крестьяне, принадлежавшіе частнымъ лицамъ и монастырямъ, отличались отъ становыхъ и волостныхъ людей (2). Со временемъ эти новые элементы—земли дворцовыя, церковныя и частныя, въ большей части Россіи разрушили первоначальное волостное дѣленіе. Въ XVII вѣкѣ помѣстныя и вотчинныя земли не имѣли уже никакой связи съ черными землями, составлявшими собственную волость; онѣ не подчинялись волостнымъ старостамъ и цѣловальникамъ, платили подати и отправ-

---

(1) Акты Археограф. эксп. т. 1-й, № 115.

(2) Безразлично употребляются эти названія въ Актахъ Археогр. эксп. т. 1-й, № 123, во всѣхъ же жалованныхъ грамотахъ отличаются тѣ и другіе крестьяне. См. также А. Арх. эксп. т. 4-й, № 146, гдѣ волостными крестьянами названы одни черные.

ляли повинности сами по себѣ, отдѣльно отъ другихъ. Дворцовыя земли имѣли также свое особенное управленіе; монастырскія и церковныя земли жалованными грамотами большею частью сравнены были съ помѣщичьими, такъ что первоначальное дѣленіе сохранилось только на сѣверѣ, гдѣ менѣе было вотчинныхъ элементовъ. Кромѣ того это первоначальное естественное дѣленіе измѣнялось и административнымъ образомъ: для описанія становъ и волостей посылались въ уѣзды писцы, которые приписывали земли къ отдѣльнымъ станамъ и волостямъ самымъ безпорядочнымъ образомъ, и этимъ такъ исказили первоначальные округи, что въ концѣ XVII-го вѣка ихъ уже не возможно было узнать (1).

Если волости были остатками древняго общиннаго быта, то станы были напротивъ чисто административнымъ дѣленіемъ. Становъ называлось мѣсто, дворъ, гдѣ становился судья или доводчикъ, а поэтому и самый округъ, находившійся въ его вѣдомствѣ. Такъ какъ и волостели жили въ станахъ, то иногда волость называлась станомъ; оба названія смѣшивались (2). Обширная волость могла даже дѣлиться на нѣсколько становъ, если волостель раздѣлялъ ее между своими тіунами (3). Но собственно станами въ отличіе отъ волостей назывался округъ, приписанный къ городу и отдаваемый въ кормленіе намѣстнику, почему станы

(1) Полн. Собр. Закон. № 832, ст. 2.

(2) «Артемоновлю стану старосту и всѣхъ крестьянъ тое волости.» Акт. Арх. эксп. т. 1-й, № 144. «А случится судъ смѣстной городскимъ людемъ и усольскимъ и въ волостяхъ становымъ людемъ съ монастырскими людми.» Тамъ же, № 200; также т. 2-й, № 85.

(3) Временникъ 1853 г. кн. 11, стр. 45, статья г. Бѣляева.

въ грамотахъ называются иногда станами городскими (1). Намѣстникъ раздѣлялъ округъ между своими тіунами и доводчиками; каждый имѣлъ свой станъ, и доводчикамъ запрещалось переѣзжать изъ стана въ станъ или изъ раздѣла въ раздѣлъ (2). Уставныя грамоты часто опредѣляли мѣста, гдѣ должны были жить тіуны и доводчики, ибо постоянное ихъ присутствіе было обременительно для жителей; каждый старался отклонить это отъ себя и возникали жалобы, какъ скоро станъ переносился съ прежняго мѣста на другое (3). Такъ какъ станы принадлежали къ городамъ, то они по смерти князя дѣлились на части вмѣстѣ съ городомъ, волости же обыкновенно поступали нераздѣльно къ тому или другому наслѣднику (4). Иногда станъ имѣлъ болѣе обширное значеніе и заключалъ въ себѣ нѣсколько становъ и волостей. Это дѣлалось въ видахъ управленія: такъ напримѣръ, на Вагѣ, гдѣ не было города, въ Шенкурскомъ стану былъ намѣстникъ, а въ Вельскомъ стану тіунъ; къ обоимъ станамъ приписано было по нѣскольку становъ и волостей (5).

---

(1) Городъ Галичъ съ станы городскими и со всѣми волостми.» С. Г. Г. т. 1-й, № 51. «А становъ къ городу: Городецкій станъ, да Напорожскій станъ, да Заозерскій станъ.» Акт. Археогр. эксп. т. 1-й, № 123.

(2) Акты Археогр. эксп. т. 1-й, № 123, 181.

(3) Акты Истор. т. 1-й, № 70, 299.

(4) «А городъ дѣтемъ моимъ и станы на полы; а сыну моему князю Семену станы на сей сторонѣ Волги пониже Городца да Бѣлогородье (волость), а сыну князю Ярославу станы на оной сторонѣ Волги повыше Городца, да Юрьевецъ (волость). А станы дѣти мои подѣлятъ ровно, а у котораго болѣе будетъ въ станахъ, и тотъ тому сступится.» С. Г. Г. т. 1-й, № 39.

(5) Акты Археогр. эксп. т. 1-й, № 234.

Такимъ образомъ дѣленіе на станы и волости возникло изъ отличія города отъ волостей и изъ судебнаго порядка, господствовавшаго въ системѣ кормленій. Съ уничтоженіемъ этой системы, съ повсемѣстнымъ учрежденіемъ воеводъ весь уѣздъ подчинился одной судебной власти; различіе между городскимъ округомъ и волостями исчезло. Отдѣльные станы и волости сохранили свое значеніе только для земскаго управленія, но и здѣсь первоначальные округи совершенно измѣнились вслѣдствіе наплыва вотчинныхъ элементовъ, которые не подчинялись земскимъ властямъ. Не смотря на то, прежнее дѣленіе сохранялось до временъ Петра Великаго. Въ писцовомъ наказѣ 1680 года велѣно было станы и волости межевать по прежнимъ писцовымъ книгамъ и по старымъ межамъ и гранямъ. Но прежнее дѣленіе совершенно уже исказилось: земли, приписанныя по писцовымъ книгамъ къ одному округу, часто находились посреди другихъ, такъ что межевать ихъ было невозможно (1). Петръ Великій уничтожилъ это дѣленіе и замѣнилъ его другимъ, приспособленнымъ къ новому порядку управленія.

Въ Новгородскомъ уѣздѣ волостямъ соотвѣтствовали погосты; иногда даже эти названія употреблялись безразлично для означенія одной и тойже мѣстности (2). Но обыкновенно волостью называлось собра-

(1) Полн. Собр. Законовъ, № 832, ст. 2.

(2) Доп. къ Акт. Истор. т. 1-й, № 113: «пожаловалъ въ Шелонской пятинѣ тою нашею оброчною волостью Любынскимъ погостомъ.» Временникъ 1851 г. т. 11, стр. 118: «и ставятъ тотъ дворъ всею волостью Городвенскаго погоста и Корбосельскаго.» Сумерскій погостъ Акт. Арх. эксп. т. 3-й, № 91, Сумерская волость Доп. къ Акт. Истор. т. 3-й № 67; Зюздинскій погостъ и Зюздинская волость Акт. Арх. эксп. т. 2-й, № 69.

ніе. нѣсколькихъ деревень безъ всякаго впрочемъ административнаго значенія: нѣсколько деревень, находившихся въ одной мѣстности и принадлежавшихъ одному лицу, назывались волостью или волосткою, разбросанныя же деревни считались особо. Поэтому погостъ состоялъ изъ волостей, селъ и деревень, принадлежавшихъ разнымъ хозяевамъ — Великому князю, монастырямъ и частнымъ лицамъ (1). Слово: погостъ означало мѣсто, гдѣ стояла церковь (2), и это названіе было перенесено на весь церковный приходъ, который въ древнѣйшія времена вѣроятно совпадалъ съ первоначальнымъ общиннымъ или волостнымъ дѣленіемъ (3). Поэтому многіе погосты носили двоякое

(1) См. Окладную книгу, изданную въ 11-й кн. Временника Общества ист. и древн. Росс. за 1851 г.

(2) Погостъ Ильинскій. А на погостѣ церковь Ильи пророка (тамъ же). «Межа учинена отъ погоста, гдѣ стоитъ церковь улицею.» Акты Истор. т. 3-й, № 151.

(3) См. объ этомъ и вообще о погостахъ вышедшее въ 1853 г. сочиненіе г. Неволина въ «Запискахъ Географическаго Общества» кн. 8-я. Учрежденіе погостовъ по Мстѣ и Лугѣ приписывается Ольгѣ, но такъ какъ она во время путешествія была еще язычницею, также какъ и народъ, то г. Неволинъ полагаетъ, что погостами назывались также мѣста языческаго богослуженія и что Ольга установила эти мѣста, или что она на мѣстахъ религіознаго богослуженія установила центры гражданскихъ союзовъ. Но невозможно доказать, что мѣста языческаго богослуженія назывались погостами; трудно также предположить, чтобы такія мѣста не существовали прежде Ольги, и еще невѣроятнѣе, чтобы Ольга установила раздѣленіе на гражданскіе округи. Округи, подобные погостамъ, существуютъ у всѣхъ патріархальныхъ народовъ, какъ первоначальное дѣленіе, а во времена Ольги князья вовсе не имѣли въ виду правильной администраціи. Предлагаю другую догадку: Ольга ѣздила въ Новгородъ, какъ язычница, но преданіе не знаетъ хронологіи: она была первою русскою христіанскою княгинею, она причтена къ лику святыхъ, и ничто не могло быть естественнѣе, какъ приписать ей учрежденіе христіанскихъ погостовъ въ

названіе: одно, заимствованное отъ рѣкъ, урочищъ и т. п., другое отъ имени святаго, которому посвящена была церковь; такъ напримѣръ были погосты Никольскій Шунскій, Спасскій Выгозерскій, Егорьевскій Толвуйскій, Петровскій Челможскій и т. д. (1). Въ одномъ погостѣ могло быть нѣсколько церквей, но главная или старая была одна, остальныя же, вновь воздвигнутыя, назывались выставочными (2), и, считаясь въ приходѣ старыхъ церквей, пособляли имъ въ платежѣ церковныхъ пошлинъ, на сколько онѣ получали собственныхъ прихожанъ (3). Погосты встрѣчаются и въ другихъ Русскихъ областяхъ—въ Пермскомъ уѣздѣ, въ Чердынскомъ, во Владимірскомъ, въ Ярославскомъ, въ Вяземскомъ (4); но здѣсь обыкновенно этимъ именемъ означалось только село, въ которомъ находилась церковь, напримѣръ: «Погостъ Ныробъ, а въ немъ церковь Николы Чудотворца Ныробскій, а въ погостѣ восемь дворовъ крестьянскихъ, да дворъ бобыльскій» (5). Иногда же и цѣлая волость или станъ назывались погостомъ (6). Но въ остальной Россіи названіе становъ и волостей погостами встрѣ-

---

тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она путешествовала и оставила слѣды своего пребыванія.

(1) Акты Истор. т. 4 й, № 431. Другихъ примѣровъ очень много.

(2) «По погостомъ священникомъ и дьякономъ старыхъ церквей и выставочныхъ.» Доп. къ А. Истор. т. 4, № 43; «попы погостовъ и выставочныхъ церквей.» Акты Истор. т. 5-й, № 244.

(3) Акты Историч. т. 1-й, № 150.

(4) Акты Археогр. эксп. т. 2-й, № 69; Акты Истор. т. 2-й, № 74, т. 3-й, № 119, 120, 159; Доп. къ Акт. Истор. т. 3-й, № 21.

(5) Акты Истор. т. 3-й, № 149.

(6) Зюздинская волость и Зюздинскій погостъ употребляются безразлично. Акты Арх. эксп. т. 2-й, № 69; также Ильвинскій станъ, Ильвинскій погостъ. Акты Археогр. эксп. т, 3-й, № 293.

чается только, какъ исключеніе; общее дѣленіе на погосты существовало только въ Новгородскихъ земляхъ. Погосты иногда съ административною цѣлью соединялись въ станы, и тогда станъ носилъ имя главнаго погоста (1). Нѣкоторые погосты приписаны были къ Новгородскимъ пригородамъ и составляли ихъ уѣзды, но большая часть погостовъ вмѣстѣ съ городами и ихъ уѣздами входили въ составъ пятинъ. Весь Новгородскій уѣздъ раздѣленъ былъ на пять пятинъ: Обонежскую, Деревскую, Бѣжецкую, Шелонскую и Вотскую; каждая пятина дѣлилась на половины. Это было административное раздѣленіе Московскихъ государей (2), которое впрочемъ не ограничивалось Новгородскими землями; въ другихъ областяхъ встрѣчается соотвѣтствующее этому раздѣленіе на трети и чети. Важскій уѣздъ раздѣлялся на четыре чети: Шенкурскую, Кокшенскую, Подвинскую и Верховажскую (3); трети встрѣчаются въ Переяславскомъ уѣздѣ (4) и въ Вологодскомъ (5). Всѣ эти раздѣленія были учрежденіемъ Московскихъ государей; вѣроятно они имѣли въ виду облегченіе управленія раздробленіемъ на участки слишкомъ большихъ уѣздовъ. Но это была мѣра частная: исторически возникшее нера-

---

(1) «Обонежскіе пятины Выгозерскаго стану Егорьевскаго погосту Акты Истор. т. 3-й, № 151. «Ѣхати.... въ Оштинскій и въ Водлозерскій станъ во всѣ погосты» Акты Ист. т. 1-й, № 51. «Ѣхати въ Обонежскую пятину въ Оштинскій станъ въ Государевѣ во оброчные волости: въ Никольскій погостъ въ Оштинскій и т. д. Доп. къ Ак Истор. т. 1-й, № 169.

(2) См. сочиненіе г. Неволина.

(3) Акты Археограф. эксп. т. 1-й, № 112.

(4) Тамъ же, № 144.

(5) Акты Юрид. № 293.

венство нѣсколько смягчалось, но дѣленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и управленіе, дѣлалось еще болѣе сложнымъ и запутаннымъ. Самыя эти дробныя части продолжали иногда существовать, потерявши уже прежній административный смыслъ. Новгородскія пятины, напримѣръ, въ XVII вѣкѣ не имѣли уже никакого административнаго значенія; правительственными округами были половины пятинъ, изъ которыхъ каждая управлялась губнымъ старостою. Не видать также, какое административное значеніе имѣло раздѣленіе на трети и чети.

Псковская область съ уѣздами Псковскихъ пригородовъ раздѣлялась на губы (1); это раздѣленіе встрѣчается въ 1505 году и въ Новоторжскомъ уѣздѣ (2). Оно соотвѣтствовало станамъ, волостямъ и погостамъ и не имѣло никакого отношенія къ губнымъ округамъ, введеннымъ Московскими государями для губнаго управленія. Что касается до послѣдняго раздѣленія, то оно измѣнялось съ развитіемъ государственнаго порядка. Сначала губныя грамоты давались безразлично цѣлымъ уѣздамъ, волостямъ, посадамъ и даже селамъ, принадлежавшимъ одному владѣльцу; каждый округъ, которому давалась такая грамота, составлялъ отдѣльную губу, такъ что это дѣленіе не имѣло никакой опредѣленности Но въ періодъ времени отъ Михаила Θеодоровича до Петра Великаго губное раздѣленіе большею частью совпадало съ уѣзднымъ, хотя и были нѣкоторыя исключенія: такъ напр. въ Новгородскихъ областяхъ каждая половина пятины составляла отдѣльную губу; въ Шуйскомъ уѣздѣ въ 1670 и 1682 годахъ губными дѣлами

(1) Акты Археограф. эксп. т. 3-й, № 133.

(2) Тамъ же, т. 1-й, № 141.

завѣдывали суздальскіе воеводы (1), между тѣмъ какъ въ 1667, въ 1680 и въ 1700 годахъ въ Шуѣ были свои губные старосты, слѣдственно въ первомъ случаѣ Шуя принадлежала къ одной губѣ съ Суздалью, а во второмъ образовала съ своимъ уѣздомъ отдѣльную губу. Такимъ образомъ губа составляла отдѣльный округъ, который обнималъ собою болѣе или менѣе пространства и измѣнялся смотря по частнымъ соображеніямъ правительства.

Но этимъ не ограничивались административныя раздѣленія: для платежа податей и отправленія повинностей села, станы, волости и даже цѣлые уѣзды складывались въ такіе податные округи, которые не имѣли постояннаго значенія. Частная практическая цѣль каждый разъ рѣшала, какія общины и уѣзды должны нести извѣстную повинность вмѣстѣ, и какія порознь. Для каждой повинности былъ свой округъ, своя *кость*, какъ это иногда называлось, и эта *кость* могла безпрестанно измѣняться вслѣдствіе частныхъ видовъ правительства. Отъ этого происходили безпрерывныя жалобы на излишнее отягощеніе, и споры, которые рѣшались отдѣленіемъ извѣстныхъ общинъ отъ округа и присоединеніемъ ихъ къ другому. Такъ напримѣръ въ 1625 году посадскіе люди города Шуи пишутъ въ поданной царю жалобѣ, что они списаны въ одной кости съ разными помѣщиками и вотчинниками Шуйскаго уѣзда для выбора въ Шую губнаго цѣловальника, и когда былъ цѣловальникъ отъ уѣздныхъ людей, они давали ему подмогу; нынѣ же цѣловальникъ поставленъ отъ посада, а уѣздные люди не даютъ ему подмоги и не хотятъ его перемѣнить.

(1) Описаніе Шуи №№ 45, 39, стр. 41, 43 и 307.

Поэтому впредь имъ съ ними въ одной кости быть невозможно. А прежде съ ними въ одной кости написанъ былъ цѣловальникъ отъ вотчины Шартомскаго монастыря, которая теперь отписана въ другія кости. Шуяне просили царя, чтобы онъ велѣлъ ту вотчину списать съ ними по прежнему въ одну кость, что̀ царь и разрѣшилъ (1). Въ 1613 году по просьбѣ архимандрита Спасо-Евѳиміева монастыря велѣно было монастырскую вотчину отписать отъ Ростовскаго яма и приписать къ Владимірскому, а вмѣсто того къ тому ямскому охотнику, у котораго отпишутъ вотчину, приписать изъ прописныхъ земель Ростовскаго уѣзда (2). Чердынцы, Вятчане, Кайгородцы и Усольцы вмѣстѣ отправляли ямскую гоньбу въ Сибирь, вслѣдствіе чего у нихъ были безпрестанные споры и счеты.

Областное дѣленіе Московскаго государства, возникшее изъ историческихъ случайностей удѣльнаго періода, изъ судебныхъ округовъ, потерявшихъ всякое значеніе, не представляло правильной, однообразной системы, а было накопленіемъ разнородныхъ наростовъ. Правительство, имѣя въ виду порядокъ управленія, нѣсколько уравнивало эту неправильность, но мѣры были частныя, и дѣленіе еще болѣе осложнялось и запутывалось. Если округъ былъ слишкомъ великъ, онъ дѣлился на части, которымъ въ другихъ областяхъ не было соотвѣтствія; если старое раздѣленіе не подходило подъ новую потребность, тотчасъ дѣлалось новое дѣленіе, являлась новая группа, которая опять измѣнялась вслѣдствіе частныхъ цѣлей и потребностей. Это должно было воздѣйствовать и на

(1) Описаніе Шуи № 14.

(2) Акты Археогр. экси. т. 3-й, № 8.

самое управленіе: гдѣ нѣтъ правильнаго дѣленія, не можетъ быть и правильнаго управленія; сложность одного ведетъ къ запутанности другаго. Невозможно было, напримѣръ, воеводамъ Шуйскому или Суздальскому, которые управляли небольшими уѣздами, предоставить одинакую власть съ воеводою Новгородскимъ, подъ начальствомъ котораго было обширное пространство земель съ нѣсколькими городами. Различная степень власти правителей и вслѣдствіе того отсутствіе общей административной системы были неминуемымъ слѣдствіемъ неправильнаго областнаго дѣленія, или, лучше сказать, во всѣхъ этихъ явленіяхъ выражалась одна черта общественной жизни того времени—отсутствіе правильной государственной организаціи.

Въ связи съ неправильностью областнаго дѣленія находилась лѣствица городовъ. Города раздѣлялись на большіе, средніе и меньшіе, но въ каждомъ изъ этихъ разрядовъ города имѣли не одинакую стень важности. Самыми значительными городами считались Новгородъ, Псковъ, Смоленскъ, Полоцкъ, Казань, Астрахань, Тобольскъ и Томскъ (1). Они имѣли наибольшіе округи, въ нихъ посылались воеводами знатнѣйшія лица, которымъ предоставлялось наиболѣе власти. Вообще города имѣли своего рода честь, которая зависѣла отъ степени, занимаемой ими на городовой лѣствицѣ, по которой они могли повышаться или понижаться, смотря по обстоятельствамъ. Такъ въ 1692 году Ярославль велѣно было писать въ грамотахъ отчиною, а находящуюся въ немъ приказную избу именовать приказною палатою (2). Вмѣстѣ съ тѣмъ къ нему приписаны

(1) Котошихинъ гл. VIII.

(2) Полн. Собр. Зак. № 1445

были Переяславль и Ростовъ, что указываетъ на связь чести съ значительностью уѣзда. Расположеніе членовъ извѣстнаго разряда по лѣстницѣ встрѣчается во многихъ учрежденіяхъ древней Россіи и служитъ признакомъ несовершенства тогдашняго быта. Развитое государство, отправляясь отъ общаго начала, отъ государственнаго порядка, всюду вводитъ правильность и однообразіе, уравниваетъ всѣ лица, мѣста и власти, принадлежащія къ одной категоріи, и только тамъ, гдѣ этого требуетъ самая сущность общественной организаціи, установляетъ извѣстные разряды, подъ которые подходятъ всѣ однородные члены. Напротивъ государство, недавно возникшее изъ хаотической массы разнообразныхъ и случайныхъ особенностей, не тотчасъ передѣлываетъ ихъ сообразно съ собственными теоретическими началами, но, отправляясь отъ частностей, только видоизмѣняетъ ихъ согласно съ своими практическими требованіями. Поэтому оно неравенства не уничтожаетъ, а располагаетъ его лѣствицею, если уже оно само собою не расположилось такимъ образомъ. Этимъ придается ему нѣкотораго рода правильность, и управленіе дѣлается болѣе удобнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ неравенство остается и неминуемо влечетъ за собою другія неравенства и безпорядки. Такимъ образомъ различное значеніе городовъ должно было вести къ различному значенію самыхъ правителей и къ неравенству предоставленной имъ власти.

ВОЕВОДЫ И ПРИКАЗНЫЕ ЛЮДИ.

Управленіе извѣстнымъ округомъ поручалось воеводѣ или приказному человѣку. Воеводы обыкновенно назначались въ каждый городъ съ уѣздомъ, но такъ какъ нѣкоторые уѣзды обнимали собою множество городовъ съ ихъ уѣздами, другіе же содержали въ себѣ только одинъ городъ съ станами и волостями, то число городовъ, находившихся въ вѣдомствѣ одного воеводы, было весьма различно. Иногда два, три города, бывшихъ прежде въ отдѣльномъ управленіи, соединялись вмѣстѣ и поручались одному воеводѣ (1). Иногда назначались воеводы въ станы и волости, но это было рѣдкое исключеніе. Въ челобитной крестьянъ Вѣницкаго погоста въ 1676 году встрѣчается извѣстіе о воеводахъ, которые послѣ 1629 года сидѣли въ Оштинскомъ стану, но потомъ были отмѣнены (2). Въ 1649 году назначенъ былъ воевода въ Сумерскую волость и Ставрополье, потому что крестьянъ и бобылей этой волости велѣно было устроить въ солдатскую службу. Прикащикъ, управлявшій этимъ округомъ, былъ отозванъ въ Москву, и воеводѣ приказано было вѣдать

---

(1) Какъ сказано выше, въ 1692 г. Ростовъ и Переяславль Залѣсскій отданы были въ вѣдомство Ярославскаго воеводы. Прежніе воеводы и губные старосты этихъ городовъ отмѣнены, и велѣно быть въ нихъ отставнымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ тѣхъ же городовъ по разсмотрѣнію воеводы. Полн. Собр. Зак. № 1411, 2.

(2) Акты Истор. т. 5-й, № 13.

крестьянъ во всѣхъ дѣлахъ судомъ и управою и учить ихъ солдатскому строю (1). Въ дворцовыхъ городахъ и волостяхъ были особенные воеводы. Въ Москвѣ вовсе не было воеводъ; дѣлами завѣдывали приказы, но такъ какъ они вмѣстѣ съ тѣмъ были мѣстами центральнаго управленія Московскаго государства, то они не могутъ войдти въ изслѣдованіе объ областныхъ учрежденіяхъ. Поэтому слѣдуетъ разсмотрѣть управленіе: 1) воеводъ главныхъ городовъ, 2) воеводъ приписныхъ городовъ, 3) приказныхъ людей, 4) дворцовыхъ воеводъ и приказныхъ людей. Существенныя черты управленія были у всѣхъ однѣ и тѣже; поэтому управленіе воеводъ главныхъ городовъ будетъ изложено подробнѣе, а въ остальныхъ разрядахъ показаны будутъ только отступленія отъ общихъ правилъ.

1) Воеводы главныхъ городовъ.

Въ главные города обыкновенно назначались воеводы съ товарищами, но въ незначительные города иногда назначался воевода и безъ товарищей (2). Товарищами главныхъ или первыхъ воеводъ бывали вторые и третьи воеводы, дьяки и подъячіе; послѣдніе въ отличіе отъ подъячихъ, занимавшихся просто письмоводствомъ, назывались подъячими съ приписью, потому что доношенія въ Москву посылались за ихъ приписью. Число товарищей было различно, смотря по значительности города: иногда при воеводѣ былъ

(1) Доп. къ Акт. Истор. т. 3-й, № 65.

(2) Въ 1661 г. въ Ростовѣ при двухъ, слѣдовавшихъ другъ за другомъ воеводахъ, не было ни дьяка, ни подъячаго. (Акты Историч. т. 4-й, № 159).

одинъ подъячій, иногда одинъ дьякъ; въ знатныхъ городахъ—въ Новгородѣ, Псковѣ, Астрахани, Казани, Тобольскѣ, бывало по два и по три дьяка съ однимъ, двумя или тремя воеводами. Даже въ одномъ и томъ же городѣ въ разныя времена число товарищей бывало различно: такъ напримѣръ въ Новгородѣ въ 1622 году былъ одинъ воевода съ дьякомъ, въ 1623 одинъ воевода съ двумя дьяками, въ 1629 и 1632 — два воеводы и два дьяка, въ 1636 году опять одинъ воевода и одинъ дьякъ. Такія же измѣненія были и въ Псковѣ: въ 1619 году тамъ было три воеводы и одинъ дьякъ, въ 1623 два воеводы и дьякъ, въ 1631 — два воеводы и два дьяка, въ 1643 одинъ воевода съ дьякомъ. Нерѣдко, особенно въ Сибири, товарищами главныхъ воеводъ назначались ихъ сыновья (1); родственныя отношенія имѣли еще большое значеніе въ государственной службѣ. Въ большіе города посылались въ воеводы сановники высшихъ чиновъ, бояре и окольничьи, а съ ними въ товарищи: съ боярами—окольничьи, стольники и дьяки, съ окольничьими — стольники и дьяки. Въ менѣе значительные города назначались стольники и дворяне и съ ними дьяки или подъячіе (2). Но и это не было общимъ правиломъ: въ Астрахань, напримѣръ, обыкновенно главнымъ воеводою назначался бояринъ, но въ 1628 и 29 годахъ главными воеводами были стольники.

Какія были отношенія воеводъ къ товарищамъ? Обыкновенно въ наказахъ предписывалось всѣ дѣла дѣлать вмѣстѣ, заодно, безъ всякой розни (3), или

(1) Полн. Собр. Зак т. 3-й, № 1594, 1835.

(2) Котошихинъ гл. VIII.

(3) Акты Астор. т. 3-й, № 154, 168. Въ послѣднемъ случаѣ товарищемъ былъ подъячій.

« государевымъ дѣломъ промышляти собча » (1); грамоты государя писались ко всѣмъ вмѣстѣ и доношенія воеводъ съ товарищами писались отъ имени всѣхъ. Слѣдственно управленіе было коллегіальное, а не бюрократическое, но эта коллегіальность не имѣла никакой юридической опредѣленности: не было постановлено, какимъ образомъ рѣшать дѣла въ случаѣ несогласія — большинствомъ ли голосовъ или на основаніи мнѣнія главнаго воеводы. Рѣшеніе было предоставлено частному соглашенію правителей; имъ предписывалось править мирно, а ладили они, какъ знали. Если же они не могли согласиться и жили во враждѣ, то оставалось одно средство — наказывать за ссоры, что̀ и дѣлало правительство. Въ 1523 и 24 годахъ Астраханскіе воеводы и дьяки « межъ себя во всякихъ государевыхъ дѣлахъ чинили рознь и несогласіе и другъ на друга писали ко Государю во многихъ государевыхъ дѣлахъ, и тою своею рознью государеву дѣлу чинили поруху, а станичнымъ, служилымъ, жилецкимъ и всякимъ пріѣзжимъ людямъ дѣлали волокиту многую », за что̀ они должны были подвергнуться жестокому наказанію и опалѣ, но оба воеводы умерли до приговора, дьяки же « за ту ихъ рознь и несогласіе » были наказаны: все ихъ имущество было конфисковано, и помѣстья и вотчины розданы другимъ (2). Это однакоже не помогало, и въ случаѣ ссоры главный воевода дѣйствовалъ иногда совершенно самовластно: въ 1668 году Тобольскій воевода Годуновъ, поссорившись съ товарищемъ, княземъ Бѣльскимъ, и съ дьякомъ Ждановымъ, отказалъ имъ отъ

(1) Доп. къ Акт. Ист. т. 3-й, № 20.

(2) Акты Истор. т. 3-й, № 154.

государевыхъ дѣлъ и не велѣлъ имъ съѣзжать съ своихъ дворовъ. Они писали другъ на друга къ государю, и присланъ былъ указъ, чтобы князю Бѣльскому и Жданову ѣхать въ Москву. Годуновъ выслалъ Бѣльскаго, давъ ему одну маленькую лодку безъ всякихъ снастей, велѣлъ его отбить отъ берега, и тотъ отправился съ великою нуждою съ своими людьми. Жданова же онъ не отпустилъ, и за нимъ присланъ былъ изъ Москвы нарочный гонецъ. Черезъ два года однакоже пріѣхалъ изъ Москвы сыщикъ для производства слѣдствія, и Годунова велѣно было выслать въ Москву (1). Иногда же и товарищи самовольно препятствовали исполненію дѣлъ: въ 1591 году государь велѣлъ Астраханскому большому воеводѣ князю Троекурову испытать найденную известь; Троекуровъ для обжиганія просилъ у товарища и у дьяка подмастерья изъ каменщиковъ, но они ему подмастерья не дали, и когда онъ потомъ давалъ имъ самимъ обжигать известь, они отказались, говоря, что имъ до того дѣла нѣтъ, на что̀ большой воевода жаловался царю (2). Въ 1650 году товарищъ Томскаго воеводы Илья Бунаковъ не хотѣлъ сидѣть въ съѣзжей избѣ, вмѣстѣ съ воеводою и дьякомъ, и вѣдать съ ними царскія дѣла, а перешелъ на казацкій дворъ, гдѣ началъ одинъ управлять дѣлами, и писать къ царю отъ одного своего имени. Томскіе служилые люди, подговоренные имъ, отказали въ повиновеніи воеводѣ и дьяку, и не хотѣли быть у нихъ подъ судомъ, подъячіе же дѣйствовали за одно съ Бунаковымъ. За такое ослушаніе послѣдній подвергся однако жестокому наказанію; его

(1) Др. Русск. Вивліоѳ. т. 3-й. Записки къ сибирской исторіи.

(2) Акты Историч. т 1-й, № 230.

били кнутомъ по царскому указу на Томской площади, и отправили въ Москву (1).

Хотя воеводы съ товарищами вмѣстѣ рѣшали дѣла, однакоже каждый имѣлъ нѣкоторые особенные предметы вѣдомства. Вообще военными дѣлами завѣдывали воеводы; хотя и дьяки были при нихъ «для государевыхъ полковыхъ и городовыхъ и всякихъ расправныхъ дѣлъ» (2), но воеводы одни ходили въ походъ, дѣлали военныя распоряженія и держали у себя городовые ключи. Астраханскій большой воевода завѣдывалъ городомъ и ключи держалъ у себя, въ острогѣ же былъ второй воевода, который хранилъ острожные ключи (3). Большой воевода печаталъ всѣ дѣла, но не иначе, какъ при товарищахъ (4); печать хранилась въ приказной избѣ, иногда за печатью всѣхъ правителей (5), иногда однихъ воеводъ (6), иногда одного перваго человѣка (7). Большой воевода держалъ у себя также ключи пороховой и свинцовой казны (8); онъ же выдавалъ жалованье своимъ товарищамъ (9). Воеводы приписныхъ городовъ иногда писали къ одному большому воеводѣ, и наоборотъ, грамоты въ пригороды посылались иногда отъ имени большаго воеводы безъ товарищей (10). Въ 1650 году

(1) Дополн. къ Акт. Истор. т. 3-й, № 68.
(2) Акт. Арх. эксп. т. 4-й, № 206.
(3) Акты Истор. т. 1-й, № 230, т. 3 й, № 154.
(4) Полн. Собр. Зак. т. 3-й, № 1579, т. 4-й, № 1792.
(5) Полн. Собр. Зак. т. 3-й, № 1579.
(6) Акты Историч. т. 3-й, № 154.
(7) Полн. Собр. Зак. т. 3-й, № 1697; Акты Истор. т. 3-й, № 134.
(8) Полн. Собр. Зак. т. 3-й, № 1738.
(9) Акты Истор. т. 3-й, № 168.
(10) Акты Истор. т. 4-й, № 52, 54, 63; т. 5-й, № 114.

велѣно было Астраханскіе пригороды — Терскій городъ и Черный Яръ вѣдать двумъ первымъ Астраханскимъ воеводамъ, между тѣмъ какъ въ это время въ Астрахани было трое воеводъ, да два дьяка (1). Иногда воеводскимъ товарищамъ поручались нѣкоторыя особенныя дѣла. Въ 1591 году велѣно было Астраханскому большому воеводѣ дать денегъ третьему и четвертому воеводамъ и одному изъ дьяковъ на постройку городовыхъ укрѣпленій (2); иногда воеводскимъ товарищамъ поручалось производство переписи уѣздныхъ жителей (3). Выше было сказано, что воевода просилъ у товарища и у дьяка подмастерья изъ каменьщиковъ и получилъ отказъ. Въ 1602 году велѣно было надъ соляными промыслами надзирать Верхотурскому письменному головѣ, который былъ товарищемъ воеводы (4). Но всѣ эти различія въ вѣдомствѣ были частныя и случайныя; вообще же воеводы съ товарищами завѣдывали одними и тѣми же дѣлами, хотя для удобства управленія извѣстное дѣло могло иногда поручаться тому или другому. Только нѣкоторые предметы постоянно предоставлялись исключительному вѣдомству дьяковъ и подъячихъ. Воеводы были большею частью безграмотные, не умѣли считать; поэтому письмоводство и счетоводство всегда зависѣли отъ однихъ дьяковъ и подъячихъ, на которыхъ лежала и отвѣтственность въ приходѣ и расходѣ денежной казны и всякихъ запасовъ. Такимъ образомъ, кромѣ нѣкоторыхъ дѣлъ, не было ни юридическаго

(1) Акты Истор. т. 4-й, № 40.
(2) Тамъ же, т. 1-й, № 230.
(3) Тамъ же, т. 3-й, № 286.
(4) Тамъ же, т. 2-й, № 39.

опредѣленія отношеній, ни точнаго разграниченія вѣдомства; все рѣшалось частными и временными потребностями, личными отношеніями правителей; если они не могли ужиться вмѣстѣ, ихъ смѣняли или наказывали. Законодательство еще недавно вышло изъ того періода, гдѣ все предоставлено было частному праву и личному усмотрѣнію, и не успѣло освободиться отъ прежнихъ обычаевъ. Понятіе о различіи коллегіальной формы управленія и бюрократической предполагаетъ уже развитое сознаніе объ администраціи, котораго не было еще въ Московскомъ государствѣ. Поэтому въ однихъ и тѣхъ же дѣлахъ управленіе поручалось одному лицу, если дѣлъ было мало, а если ихъ было много, давались ему помощники или товарищи. Одно было при этомъ правило, которое въ настоящій періодъ наблюдалось почти постоянно: товарищами могли быть только люди одного назначенія съ главнымъ лицемъ. Воеводскіе товарищи назначались царемъ, также какъ и самые воеводы, и потому могли править съ ними вмѣстѣ; въ другихъ отрасляхъ управленія было иначе, какъ увидимъ ниже.

Въ случаѣ отлучки воеводы, дѣлами правилъ товарищъ; если же товарища не было, воевода самъ назначалъ исправляющаго должность. Въ 1688 году Нерчинскій воевода, отлучившись для отпуска въ Москву соболиной казны, велѣлъ быть въ Нерчинскѣ до своего пріѣзда Никифору Пареентьевичу (неизвѣстно, кто онъ былъ) и вѣдать Нерчинскій острогъ, казну и всѣхъ жителей, производить между ними судъ и расправу, и наказывать преступниковъ, кромѣ виновныхъ въ воровствѣ, разбоѣ, убійствѣ и волшебствѣ, о которыхъ онъ долженъ былъ писать къ воеводѣ, а до полученія

отвѣта держать ихъ скованныхъ (1). Въ случаѣ смерти воеводы должность его до царскаго указа также исправлялась товарищемъ. Если воевода отлучался на службу, назначался иногда временный воевода до его возвращенія (2). Но какъ поступалось, когда при воеводѣ не было товарища? Законъ этого не опредѣлялъ; вѣроятно на мѣсто умершаго поступалъ городовой прикащикъ или губной староста, ибо при смѣнѣ воеводы, если не назначался новый, обыкновенно предписывалось быть на его мѣстѣ губному старостѣ или кому нибудь изъ отставныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ (3). Если же въ городѣ не было ни городоваго прикащика, ни губнаго старосты, дѣло могло рѣшаться разными случайными обстоятельствами. Въ 1699 году, по смерти Нерчинскаго воеводы Самойлы Николева, Нерчинскіе дѣти боярскіе, служилые и жилецкіе люди просили малолѣтнаго сына его принять на себя его должность, чтò онъ и сдѣлалъ. Господство родственныхъ отношеній, обычай назначать сына товарищемъ отца опредѣлили здѣсь выборъ жителей, которые за недостаткомъ законнаго постановленія, взяли на себя назначеніе временнаго воеводы. Царь утвердилъ ихъ выборъ, и не смотря на несовершеннолѣтіе Николева, назначилъ его за службу отца Нерчинскимъ воеводою, но такъ какъ онъ по молодости лѣтъ не могъ управлять безъ руководства, то царь велѣлъ быть съ нимъ подьячему съ приписью, а дядѣ его, воеводѣ Иркутскому, приказалъ надзирать за племянникомъ (4). Въ этомъ назначеніи ма-

(1) Акты Историч. т. 5-й, № 173.
(2) Акты Археогр. эксп. т. 4-й, № 206.
(3) Полн. Собр. Зак. т. 1-й, № 313.
(4) Акты Историч. т. 5, № 283.

лолѣтняго за службу отца виденъ остатокъ прежняго характера государственной службы, когда должность считалась не исполненіемъ общественнаго дѣла, а наградою или кормленіемъ; это мы увидимъ еще ниже.

Во всякомъ случаѣ замѣненіе умершаго воеводы было временное, до новаго назначенія. Воеводы назначались царскимъ указомъ, выдаваемымъ изъ того приказа, въ вѣдомствѣ котораго состоялъ городъ, куда посылался воевода. Въ царствованіе Михаила Ѳедоровича случалось иногда, что воеводы небольшихъ городовъ назначались по просьбѣ самихъ жителей (1), но это было исключеніе; обыкновенно же они выбирались царемъ изъ числа просителей. Служилый человѣкъ, желавшій получить воеводство, являлся въ приказъ съ подписною челобитною. Не объяснено, какая это была челобитная, но обыкновенно онѣ выдавались изъ приказовъ за подписью дьяка въ удостовѣреніе какого нибудь обстоятельства; здѣсь, вѣроятно, это было свидѣтельство, что проситель находится не у дѣлъ. Запрещено было принимать такія просьбы болѣе, нежели за полгода до исполненія срока назначенія того воеводы, на мѣсто котораго желалъ поступить проситель. Если же кто подавалъ подписную челобитную, а уже прежде того назначенъ былъ на это мѣсто другой по поданной же челобитной, то велѣно было докладывать о томъ царю (2). Въ 1677 году вообще запрещено было безъ именнаго указа перемѣнять воеводъ и приказныхъ людей, и опредѣлять на ихъ мѣсто другихъ (3).

---

(1) Временникъ 1849 г. кн. 4-я матеріалы стр. 32, 38, 39, 50.

(2) Полн. Собр. Зак. № 661.

(3) Тамъ же, № 704.

Просители обыкновенно писали въ своихъ челобитныхъ: «прошу отпустить покормиться» (1). Хотя кормленія и были уничтожены, какъ несообразныя съ государственнымъ началомъ, но фактически долго еще сохранялись черты прежняго частнаго характера управленія; обычай, установленный вѣками, не вдругъ искореняется. Воеводы не получали болѣе корма, сбирали судебныя пошлины въ казну, а не на себя; имъ запрещено было брать взятки, но было множество доходовъ, добровольныхъ приношеній, которыми они могли нажиться, вслѣдствіе чего воеводства и приказныя должности считались управленіемъ *корыстовыхъ дѣлъ* (2). Правительство это знало, и, само находясь подъ вліяніемъ старинныхъ формъ быта, смотрѣло на эти мѣста, какъ на такія должности, которыя могли служить наградою за службу. Военная служба была собственно обязанностью дворянина; гражданская же считалась отдохновеніемъ отъ трудовъ, награжденіемъ за военные подвиги, доходомъ, пожалованнымъ за прежнюю службу. Поэтому военная служба имѣла нѣкоторыя преимущества: ратные воеводы во время службы не отвѣчали въ гражданскихъ тяжбахъ, тогда какъ городовымъ воеводамъ запрещено было отговариваться службою, «потому что то служба не полковая»; за нихъ должны были отвѣчать въ Москвѣ ихъ родственники, люди или друзья. Исключеніе составляли воеводы Астраханскіе, Сибирскіе и Терскіе, которые по дальности разстоянія освобождены были отъ

---

(1) Голиковъ Доп. т. 3-й, стр. 424.

(2) С. Г. Г. т. 3-й, № 113. См. любопытную челобитную во Временникѣ 1849 г. кн. 4-я матеріалы, стр. 42.

всякихъ исковъ до окончанія службы (1). Вслѣдствіе того же воззрѣнія на гражданскую службу предписывалось иногда въ гражданскіе правители опредѣлять людей не годныхъ въ военную службу; въ 1661 году велѣно было въ воеводы и приказные люди отпускать раненныхъ и плѣнниковъ *за полонное терпѣніе*, и впредь не раненныхъ не опредѣлять въ эти должности до указа (2). Выше было упомянуто о назначеніи малолѣтняго воеводою за службу отца, но лучшимъ доказательствомъ, что прежній характеръ кормленій отзывался еще въ государственной службѣ того времени, служитъ извѣстный разсказъ Татищева. Одинъ дворянинъ просилъ царя Алексѣя Михайловича о воеводствѣ. Царь послалъ спросить въ Разрядъ, есть ли свободный городъ, въ которомъ бы можно нажить пять или шесть сотъ рублей? и нашелся такой, а именно Кострома. Царь, пославъ его туда, сказалъ, чтобы онъ, наживъ деньги, купилъ себѣ деревню. Воевода, отслуживъ урочные годы, донесъ государю, что онъ нажилъ только 400 рублей. Государь велѣлъ тайно развѣдать, правду ли онъ сказалъ, и такъ какъ нашлось, что онъ бралъ только то, что ему приносили, а ничего не вымогалъ неправдою, то царь этому доброму человѣку велѣлъ дать другой, болѣе нажиточный городъ. Въ приказахъ, откуда отпускались воеводы, это было источникомъ большихъ злоупотребленій: въ Разрядѣ и въ Казанскомъ Дворцѣ, говоритъ Татищевъ, были сдѣланы оклады, что за каждый городъ взять, и кто платилъ, тотъ и получалъ ихъ. Воеводы, надѣясь на своихъ продавцевъ, смѣло грабили, и хотя

(1) Уложеніе, гл. X, ст. 149.

(2) Полн. Собр. Зак. № 295.

были на нихъ челобитчики, но продавецъ города ревностно ихъ защищалъ (1).

Просителей было много, доходы значительны; поэтому воеводства, какъ прежде кормленія, давались на извѣстные сроки. Съ другой стороны въ этомъ могла быть и государственная цѣль — уменьшеніе злоупотребленій: воевода, усѣвшійся на мѣстѣ, пустившій корни въ извѣстной странѣ, легче могъ получать разные неправильные доходы, а кратковременность срока и надежда получить новое воеводство, если не будетъ жалобъ на управленіе, могли служить нѣкоторымъ обузданіемъ лихоимству. Кромѣ того самая дѣйствительная отчетность была при смѣнѣ воеводъ; за отсутствіемъ постояннаго надзора и контроля нужно было прибѣгать къ частымъ перемѣнамъ правителей. До самыхъ временъ Екатерины II-й правительство употребляло подобныя средства для ограниченія злоупотребленій; при Аннѣ Ивановнѣ велѣно было опредѣлять воеводъ на два года, и продолжать этотъ срокъ не иначе, какъ по просьбѣ жителей. Иногда однакоже воеводы назначались на неопредѣленный срокъ, и тогда злоупотребленій было гораздо болѣе. «Когда, говоритъ Татищевъ, не болѣе трехъ лѣтъ жаловали, то воеводы грабить и обиды дѣлать опасались; но какъ оныя стали продавать, не смотря годности человѣка и безперемѣнно опредѣляли, то въ такое состояніе привело дѣла и состояніе народа, что упоминать жалко и стыдно.» Трехъ-лѣтній срокъ былъ обыкновенный (2), рѣдко онъ бывалъ продолжи-

(1) Голиковъ, Доп. т. 3-й, стр. 427.

(2) Въ Тобольскѣ воеводы почти постоянно смѣнялись черезъ три года или около того. См. Др. Вивліоѳ. т. 3-й. Записки къ Сибирской исторіи.

тельнѣе, но часто былъ короче: въ Шуѣ съ 1613 года до 1689-го, въ теченіе 76 лѣтъ было 52 воеводы, слѣдственно на каждаго приходится среднимъ числомъ менѣе полутора года (1); въ числѣ ихъ многіе пробыли не болѣе года. Въ Якутской области съ 1645 до 1652 года перемѣнилось пять воеводъ, но съ 52-го до 58-го былъ одинъ воевода Лодыженскій. Въ 1695 году велѣно было въ Сибирскихъ городахъ, кромѣ Тобольска, воеводамъ быть безперемѣнно по 4, 5 и 6 лѣтъ, « смотря по человѣку, если который учнетъ Великихъ Государей дѣла дѣлать и доходы собирать радѣтельно сполна. » Причина этого продолженія срока была впрочемъ частная, вытекавшая изъ особеннаго положенія Сибири: въ частыя двухъ-годичныя перемѣны воеводы провозили въ Сибирь безпошлинно много товаровъ и корчемнаго вина, отчего происходили уменьшеніе питейной продажи и убытокъ царской казнѣ. Кромѣ того отъ дальнихъ проѣздовъ были большіе расходы на строеніе судовъ и на прогонныя деньги, ямщики же и другіе, которые снабжали подводами проѣзжающихъ воеводъ, страдали отъ ихъ притѣсненій (2). Иногда случалось, что сами жители просили царя оставить долѣе срока воеводу, которымъ они были довольны; такъ напримѣръ, въ 1668 году Шуяне въ поданной государю челобитной писали, что воевода Борковъ не дѣлаетъ имъ никакихъ обидъ и

---

(1) Описаніе Шуи; здѣсь насчитано ихъ 35; но два пропущены, какъ видно изъ приложенныхъ актовъ, именно: И. И. Борковъ въ 1665 — 66 годахъ (№ 39, 41); онъ же былъ опять въ 1668 году, и Б. И. Протопоповъ въ 1679 г. (№ 57). Дополнительный списокъ Шуйскихъ воеводъ — въ старинныхъ Актахъ, изданныхъ въ 1853 году.

(2) Полн. Собр. Зак. № 1511.

притѣсненій, и просили оставить его на третій годъ, что и было сдѣлано (1).

Воеводскіе товарищи и дьяки обыкновенно назначались и смѣнялись вмѣстѣ съ большимъ воеводою, но нерѣдко бывали исключенія: въ Новгородѣ въ 1622 году былъ воеводою князь Мезецкій и съ нимъ дьякъ Милославскій, въ 1623 воеводою былъ князь Ромодановскій и съ нимъ дьяки Милославскій и Семеновъ, въ 1624 Милославскій былъ замѣненъ Опраксинымъ, а въ 1625 остались князь Ромодановскій и Опраксинъ. Въ Тобольскъ въ 1625 году посланы были воеводами князь Трубецкой и Вельяминовъ; первый вскорѣ умеръ, но Вельяминовъ остался при его преемникѣ, князѣ Хованскомъ, и уже въ 1627 году былъ смѣненъ Волынскимъ, который вмѣстѣ съ Хованскимъ былъ отозванъ въ 1628 году.

Воеводамъ съ товарищами при назначеніи давался наказъ для руководства въ управленіи ввѣреннымъ округомъ. Не было общей административной системы, общаго законодательства относительно управленія; все ограничивалось частными правилами, которыя предписывались отдѣльнымъ лицамъ. Поэтому наказы бывали весьма различны: одни были чрезвычайно обширны и содержали въ себѣ подробныя наставленія правителямъ, другіе ограничивались немногими указаніями. Разумѣется, чѣмъ обширнѣе были власть воеводы и кругъ его дѣятельности, тѣмъ и наказъ былъ подробнѣе. Каждому воеводѣ давался отдѣльный наказъ; прежними наказами и грамотами онъ могъ руководствоваться по усмотрѣнію; « а что въ прежнихъ наказахъ и грамотахъ добро и прибыльно, и имъ дѣлать

(1) Старинные Акты Шуи, № 104.

тѣ дѣла по прежнимъ наказамъ и грамотамъ, а что въ прежнихъ наказахъ и грамотахъ написано, а нынѣ быть непристойно, имъ дѣлать тѣ дѣла, смотря по тамошнему дѣлу, какъ будетъ пригоже» (1). Не только прежніе, но и настоящіе наказы не были совершенно обязательны: «буде въ сихъ вышеписанныхъ статьяхъ что явится къ нынѣшнему дѣлу и времени ко исправленію несогласно, и чего будетъ дѣлать не мочно и казнѣ убыточно, а всякаго чина людямъ тягостно, и воеводамъ съ товарищи въ тѣхъ статьяхъ чинить по своему правому разсмотрѣнію, какъ бы казнѣ было прибыльнѣе, и людямъ не въ разореніе, безъ всякаго пристрастія, памятуя страхъ Божій и крестное цѣлованіе» (2). Иногда впрочемъ повелѣвалось, если «чего воеводѣ за какою тягостью или за противностью наказу и грамотамъ, невозможно учинить безъ указа, и о томъ писать въ приказъ» (3), которому подчиненъ воевода. Но это было рѣдкое правило, встрѣчающееся только въ позднѣйшихъ наказахъ, обыкновенно же предписывалось «дѣлать по сему наказу, и смотря по тамошнему дѣлу и по своему высмотру, какъ будетъ пригоже, и *какъ ихъ Богъ вразумитъ*» (4). Понятно, какой просторъ давался произволу. Для отвращенія проистекающихъ отсюда злоупотребленій Петръ Великій въ 1695 году велѣлъ выписать изъ наказовъ статьи отдѣльно для каждаго города, закрѣпивъ ихъ подписями думныхъ людей, съ приложеніемъ

(1) Наказы Тобольскимъ воеводамъ. Полн. Собр. З. № 1594: Доп. къ А. И. т. 4-й, № 138.

(2) Тамъ же.

(3) Наказъ Тюменскому воеводѣ 1699. Полн. Собр. Зак. № 1670.

(4) Акты Истор. т. 5-й, № 240. Эти выраженія находятся почти во всѣхъ наказахъ.

царской печати. Эти статьи посланы были въ города и положены въ съѣзжія избы «впредь для иныхъ воеводъ.» Списки съ этихъ статей велѣно было отдать въ земскія избы съ тѣмъ, чтобы земскіе люди повиновались воеводамъ только въ томъ, что написано въ статьяхъ; если же воевода начнетъ поступать не по статьямъ, то они должны были, не слушая его, послать въ Москву челобитную съ изложеніемъ воеводскихъ злоупотребленій и съ указаніемъ на нарушенныя статьи (1). Этотъ указъ, кажется, ограничивался одною Сибирью (2), но во всякомъ случаѣ это былъ важный шагъ впередъ: если наказы не были сдѣланы общими для всей земли, то по крайней мѣрѣ въ каждомъ отдѣльномъ городѣ правила сдѣлались постоянными, и положены предѣлы произволу.

Наказъ выдавался за мѣсяцъ до отправленія воеводы на мѣсто назначенія (3); получивъ его, воеводы отправлялись въ путь. Имъ давались подводы, смотря по чину и по знатности города, въ который они были назначены: боярамъ и воеводамъ Тобольскимъ давалось по 25 подводъ, стольникамъ по 20, товарищамъ ихъ по 15 съ казенными прогонами, дьякамъ по 12, письменнымъ головамъ по 10 съ ихъ прогонами; Томскимъ большимъ воеводамъ по 20, товарищамъ ихъ по 13 съ казенными прогонами; Томскимъ дьякамъ по 11 съ ихъ прогонами; воеводамъ городовъ Тобольскаго и Томскаго разрядовъ — Березовскимъ, Тарскимъ,

---

(1) Полн. Собр. Зак. № 1511.

(2) Въ началѣ указа говорится объ опредѣленіи воеводъ въ Сибирь, потомъ о злоупотребленіяхъ сибирскихъ воеводъ, наконецъ излагается этотъ указъ.

(3) Полн. Собр. Зак. № 661.

Сургутскимъ по 13, Пелымскимъ, Кемскимъ, Красноярскимъ, Енисейскимъ, Нарымскимъ по 12, Мангозейскимъ по 14, Илимскимъ по 17, Якутскимъ по 30 подводъ съ ихъ прогонами, а подъ запасы на второй и третій годъ давались подводы людямъ вполовину противъ первыхъ отпусковъ (1). Изъ этого видно, какъ всѣ города распредѣлялись по извѣстной лѣствицѣ и какъ различна была степень значительности воеводъ. Подорожныя туда и обратно послѣ смѣны выдавались изъ ямскаго приказа, потому что подорожныя, которыя давались въ Сибири, по злоупотребленію писались на гораздо большее число подводъ, нежели слѣдовало (2). Но часто воеводы брали сверхъ подорожныхъ много лишнихъ подводъ, отчего ямщики разорялись. Вслѣдствіе ихъ жалобы въ 1686 году велѣно было Сибирскимъ воеводамъ и приказнымъ людямъ отъ Тотьмы до Верхотурья и обратно отъ Соликамска до Тотьмы давать подводы безъ прогоновъ, а отъ Верхотурья въ Сибирскихъ городахъ не иначе, какъ за прогоны (3). Вѣроятно въ это время не давалось уже казенныхъ прогоновъ. Огромное число подводъ было необходимо, потому что воеводы, особенно при отправленіи въ дальніе города, везли съ собою множество казенныхъ и частныхъ запасовъ. Они пользовались этимъ случаемъ, чтобы провозить съ собою безпошлинно товары и корчемное вино. Для отвращенія этихъ злоупотребленій, которыя имѣли мѣсто преимущественно въ Сибири, Сибирскимъ воеводамъ позволялось везти съ собою только извѣстное

(1) Акты Историч. т. 5-й, № 25.

(2) Тамъ же.

(3) Акты Историч. т. 5-й, № 143.

количество вина и запасовъ, которое означалось въ выдаваемой имъ проѣзжей грамотѣ. По этой грамотѣ Верхотурскіе воеводы и таможенные головы съ цѣловальниками, осматривали поклажу, и все, что оказывалось лишняго, отбирали въ казну (1). Росписи провозимымъ вещамъ сохранялись въ Сибирскомъ приказѣ и на Верхотурской таможенной заставѣ, и когда воеводы ѣхали обратно изъ Сибири, имущество ихъ сличалось съ этими росписями, и все лишнее съ нѣкоторыми исключеніями отбиралось въ казну (2). Это дѣлалось для того, чтобы воеводы не могли слишкомъ нажиться въ свое управленіе. Воеводы иногда вывозили съ собою ссыльныхъ изъ Сибири; поэтому велѣно было имъ подавать роспись тѣмъ людямъ, которыхъ они брали съ собою, и при обратномъ проѣздѣ, если оказывались лишніе, они должны были показать, откуда ихъ взяли (3).

Пріѣхавъ на мѣсто, воеводы съ товарищами принимали должность отъ своихъ предшественниковъ; имъ давались: 1) печать города, городовые и острожные ключи; 2) уложенная книга (послѣ 1649 г.) прежніе наказы и грамоты; 3) именные списки служилымъ людямъ, по которымъ новый воевода долженъ былъ пересмотрѣть ихъ всѣхъ на лицѣ, и списки всякимъ жилецкимъ людямъ — посадскимъ и уѣзднымъ; 4) приходныя и расходныя книги казнѣ и запасамъ, книги писцовыя, переписныя, дозорныя, оброчныя, ясачныя, по которымъ сбирался ясакъ, окладныя росписи жалованью, выдаваемому разнымъ лицамъ и проч.;

(1) Акты Историч. т. 3-й, № 31.

(2) Тамъ же. т. 4-й, № 197.

(3) Полн. Собр. Зак. № 1670.

5) всѣ дѣла, находившіяся въ приказной палатѣ; 6) огнестрѣльный снарядъ, порохъ и всякіе артиллерійскіе запасы, которые воеводы и дьяки должны были осмотрѣть сами въ присутствіи городничихъ или городовыхъ прикащиковъ, гдѣ они были, и пушкарей лучшихъ людей. При нихъ же перемѣривались и перевѣшивались порохъ и другіе припасы, и все это записывалось въ книги самими дьяками; 7) денежная казна, хлѣбные и другіе запасы. Для перемѣра хлѣбныхъ запасовъ обыкновенно выбирались сынъ боярскій, подъячій и цѣловальники, лучшіе люди; иногда же пріемъ всѣхъ этихъ запасовъ возлагался на дьяковъ, которые повѣряли количество по росписямъ, и если чего не доставало, взыскивали съ тѣхъ, которые ими завѣдывали (1).

Пересмотрѣвши все и переписавши дѣла и казну, новые воеводы росписывались съ старыми въ принятіи должности, мѣнялись съ ними росписными списками (2), и отпускали ихъ въ Москву, Послѣ этого дьяки считали своихъ предшественниковъ по приходнымъ и расходнымъ книгамъ въ деньгахъ и запасахъ со времени ихъ назначенія до смѣны (3), и если чего не доставало, взыскивали съ нихъ тотчасъ. Такимъ образомъ отвѣтственность за приходъ и расходъ падала на дьяковъ, но иногда, какъ исключеніе, ей подвергались и воеводы. Обыкновенно въ наказахъ предписывалось росписаться съ воеводами и счесть дьяковъ (4), или росписаться съ воеводами и дьяками

---

(1) Полн. Собр. Зак. № 1792; Наказъ Астрах. воеводѣ 1694 г.

(2) Доп. къ Акт. Истор. т. 4-й, № 134.

(3) Полн. Собр. Зак. № 1579.

(4) Наказъ Астрах. воеводѣ. Акты Истор. т. 3-й, № 134.

и счесть дьяковъ (1), притомъ такъ, что если при воеводской перемѣнѣ дьякъ оставался прежній, онъ не подвергался этой ревизіи (2); но въ двухъ наказахъ Якутскимъ воеводамъ 1651 и 1658 годовъ (3) повелѣвается счесть въ приходѣ и расходѣ какъ дьяковъ, такъ и воеводу, и если что̀ взочтутъ на нихъ, то доправить сполна. Если при воеводѣ вовсе не было ни дьяковъ, ни подъячихъ, тогда ревизіи подвергался самъ воевода, и начетъ правился на немъ (4). Въ 1697 году общимъ правиломъ постановлено, чтобы въ Сибирскихъ городахъ новые воеводы считали прежнихъ въ казнѣ, и если начета не окажется, давали бы имъ проѣзжія памяти съ означеніемъ, что отчетъ они отдали, и начета не оказалось, и что они отпущены въ Москву. Смѣненный воевода долженъ былъ съ этою памятью явиться въ Сибирскій приказъ. Причина этого постановленія была та, что прежніе воеводы, не дождавшись преемниковъ и не давъ отчета, притворялись больными, и тайно уѣзжали изъ городовъ, безъ царскихъ указовъ и безъ грамотъ изъ Сибирскаго приказа, отъ чего казна терпѣла убытки (5). За такой самовольный отъѣздъ въ 1696 году, а можетъ быть и прежде, положенъ былъ штрафъ, сначала въ 200 рублей, а потомъ въ 500 (6). Если же новые воеводы и дьяки сами пренебрегали своею обязан-

(1) А. И. т. 3-й, № 154; Полн. Собр. Зак. № 1792.

(2) Акты Арх. эксп. т. 4-й, № 206; Доп. къ А. Истор. т. 4-й, № 134.

(3) Доп. къ Акт. Ист. т. 3-й, № 83; т. 4-й, № 46.

(4) Акты Истор. т. 3-й, № 135; т. 4-й, № 159; Доп. къ А. И. т. 3-й, № 18.

(5) Полн. Собр. Зак. № 1596.

(6) Тамъ же, № 1547; Акты Истор. т. 5-й, № 255.

ностью, тогда при смѣнѣ отъ нихъ требовался отчетъ не только за себя, но и за предшественниковъ. Въ 1697 году Казанскому воеводѣ съ товарищами велѣно было у прежнихъ дьяковъ взять сказки, считали ли они своихъ предшественниковъ, а также и подъячихъ, которые были при нихъ у прихода и расхода казны, и есть ли у нихъ закрѣпленные счетные списки? Если они ихъ не считали, то требовать отъ нихъ отчета и за управленіе предшественниковъ и что̀ окажется начета, то̀ все доправить на нихъ; если же они предшественниковъ считали, но начета не доправили, то все-таки взыскать съ нихъ начетъ (1). Еще замѣчательнѣе наказы Якутскимъ воеводамъ: въ 1651 году посланнымъ на Лену воеводѣ Лодыженскому и дьяку Тонково приказано было счесть прежняго воеводу Акинфова и дьяка Степанова; если же Акинфовъ не счелъ своего предшественника воеводу Францбекова и дьяка Степанова, который оставался при немъ, то Лодыженскій и Тонково должны были счесть и послѣднихъ со времени ихъ пріѣзда до пріѣзда Акинфова (2). Въ 1658 году посылаются новые воевода и дьякъ; имъ предписывается счесть Лодыженскаго и Тонково, если же послѣдніе не считали Акинфова, Францбекова и дьяка Степанова, то считать и этихъ съ пріѣзда ихъ до отъѣзда, и весь начетъ взыскать съ Лодыженскаго и его товарища (3). Изъ этого видно, въ какомъ состояніи была отчетность того времени: послѣ семилѣтняго управленія неизвѣстно было — счелъ ли воевода своихъ предшественниковъ, или нѣтъ; конечно,

(1) Полн. Собр. Зак. № 1379.

(2) Доп. къ Акт. Истор. т. 3-й, № 83.

(3) Тамъ же, т. 4-й, № 46.

этому способствовала дальность разстоянія. Правило считать прежнихъ воеводъ и дьяковъ со времени пріѣзда до смѣны показываетъ, какъ недостаточны были ежегодно посылаемые въ Москву отчеты. Часто они вовсе не посылались, и въ такомъ случаѣ при смѣнѣ предписывалось не прежде отпускать дьяка, какъ заставивъ его сдѣлать смѣтные и помѣтные списки для отправленія въ Москву (1).

Всѣ эти распоряженія имѣли въ виду чисто финансовую цѣль; смѣняемый воевода не подвергался отвѣтственности за другія дѣла, если не было на него особеннаго челобитья царю. Когда же возникали жалобы, новому воеводѣ предписывалось произвести слѣдствіе о злоупотребленіяхъ предшественника, давать ему очныя ставки съ обиженными и отдавать просителямъ отнятое у нихъ насильно (2). Въ началѣ царствованія Петра Великаго, когда вообще правительство начало принимать сильныя мѣры для ограниченія воеводскаго произвола, смѣняемыхъ воеводъ стали подвергать такому розыску даже когда не было на него особенныхъ обвиненій. Въ наказѣ Тюменскому воеводѣ 1699 года (3) сказано: « которыя государевы дѣла прежній воевода до пріѣзда новаго по правдѣ, а не своею виною и оплошкою дѣлать не успѣлъ, и новому воеводѣ дѣлать тѣ дѣла по наказу, по статьямъ и по грамотамъ. А если прежній воевода для своихъ прихотей и взятокъ, или оплошкою и лѣностью какое дѣло по грамотамъ не дѣлалъ, и въ томъ казнѣ учинилъ помѣху и повреждение, и о томъ того воеводу,

(1) Доп. къ Акт. Истор. т. 4-й, № 46.

(2) Тамъ же.

(3) Полн. Собр. Зак. № 1670.

не испуста изъ города, допрашивать, и розыскивать накрѣпко, и что онъ казнѣ учинилъ убытка, или кому какое разореніе навелъ, и то все на немъ доправить, и государево взять въ казну, а челобитчиково отдать, кому надлежитъ, съ роспискою.»

Принявъ должность, воеводы съ товарищами должны были написать къ царю съ нарочнымъ гонцемъ, котораго числа они прибыли на мѣсто, сколько приняли въ городѣ огнестрѣльнаго снарада, всякихъ запасовъ, денегъ и дѣлъ, и сколько они съ предшественниковъ взыскали по счету денегъ, хлѣба и всякихъ другихъ доходовъ. Всему этому посылались въ Москву росписные и смѣтные списки за приписью дьяка или подъячаго. Эти списки и описи подавались въ тотъ приказъ, которому подчиненъ былъ городъ, и тамъ сравнивались съ прежними для усмотрѣнія прибыли или убыли (1). Сибирскимъ воеводамъ предписывалось тотчасъ по пріѣздѣ собрать къ себѣ въ съѣзжую избу или приказную палату всякихъ служилыхъ и жилецкихъ людей, и сказать имъ царское жалованное слово: что государь пожаловалъ ихъ, велѣлъ имъ давать свое государево жалованье по окладамъ сполна, и велѣлъ ихъ беречь и разсматривать ихъ нужды, чтобы имъ ни отъ кого не было нужды и тѣсноты и убытковъ и продажи и налоговъ, и они бы царскимъ милостивымъ призрѣніемъ и жалованіемъ жили въ тишинѣ и покоѣ и промыслами своими промышляли безъ опасенія; если же отъ кого нибудь имъ будетъ обида или насильство, то чтобы они приносили челобитныя воеводѣ и дьяку, которымъ велѣно расправу чинить по правдѣ, и беречь ихъ отъ всякихъ убытковъ. Потомъ воеводы съ това-

(1) Доп. къ А. И. т. 4-й, № 134; Полн. Собр. З. № 1879.

рищами должны были созвать къ себѣ пріѣзжихъ, торговыхъ и промышленныхъ людей, и имъ также сказать государево жалованное слово: что прежніе Сибирскіе воеводы и дьяки дѣлали имъ многія обиды и продажи и тѣсноты самовольствомъ, не по государеву указу, и нуждъ ихъ не разсматривали, и управы между ними прямой не чинили, и брали съ нихъ посулы и поминки; и государь своимъ царскимъ милостивымъ осмотрѣніемъ велѣлъ ихъ отъ всякихъ обидъ и насильствъ беречь накрѣпко, и на торговлю велѣлъ имъ ѣздить свободно, безъ всякаго задержанія, и нужды ихъ разсматривать, чтобы они въ его царскомъ милостивомъ призрѣніи жили безъ всякаго опасенія; а кто ихъ чѣмъ обидитъ, на тѣхъ бы они приносили челобитныя воеводѣ и дьяку, которые имъ управу учинятъ, и впредь ихъ будутъ беречь. Послѣ Русскихъ людей созывались въ съѣзжую избу инородцы—ясачные князьки и волостные лучшіе люди, при чемъ воевода и дьякъ надѣвали цвѣтное платье, и Русскимъ людямъ приказывали быть въ цвѣтномъ же платьѣ и въ полномъ вооруженіи. Инородцамъ также говорилось царское жалованное слово: что прежде того отъ воеводъ, отъ головъ, отъ приказныхъ людей, дѣтей боярскихъ, атамановъ, стрѣльцовъ, казаковъ и ихъ братьи, и отъ ясачныхъ и отъ иныхъ всякихъ людей было имъ небереженье, и налоги и продажи великія, и ясакъ съ нихъ сбирали лишній не по царскому указу, а воеводы за тѣмъ не смотрѣли и суда имъ не давали, и въ волости къ нимъ для сбора ясака воеводы посылали дѣтей боярскихъ и толмачей и казаковъ, которые брали съ нихъ посулы и поминки; и государь пожаловалъ ихъ, велѣлъ имъ на тѣхъ людей,

кто ихъ чѣмъ обидитъ или возметъ посулы и поминки, давать судъ и сыскъ праведный и расправу, и отъ Русскихъ и отъ всякихъ людей велѣлъ ихъ оборонять, чтобы ни отъ кого имъ насильства и налоговъ не было; а они бы царю служили по присягѣ, и обо всякой шатости и измѣнѣ извѣщали воеводу и дьяка. Сказавъ имъ царское слово, воевода долженъ былъ напоить и накормить ихъ достаточно отъ государя, а не отъ себя, и потомъ распустить ихъ по домамъ (1). Это повторялось при каждой смѣнѣ; каждый воевода говорилъ, что предшественники его грабили, и разоряли жителей, но что впредь этого не будетъ. Эти выраженія сдѣлались даже обычною формою, которая повторялась во всѣхъ наказахъ.

Воеводы жили на воеводскомъ дворѣ, который строился жителями управляемаго ими уѣзда (2). Но присутственнымъ мѣстомъ была съѣзжая изба, которая называлась также приказною избою или палатою. Послѣднее названіе давалось только присутственнымъ мѣстамъ знатныхъ городовъ, и когда повышалось значеніе города, перемѣнялось и названіе присутственнаго мѣста. Такъ въ 1692 году Ярославль велѣно было въ грамотахъ писать отчиною, а приказную избу называть палатою (3). Въ приказной избѣ хранилась государева городская печать, которою печатались всѣ дѣла; она сохранялась въ ящикѣ, какъ сказано выше, за печатью или одного большаго воеводы или воево-

---

(1) Доп. къ Акт. Ист. т. 4-й, № 46. Это повторяется впрочемъ во всѣхъ наказахъ Сибирскимъ воеводамъ.

(2) Описаніе Шуи стр. 39.

(3) Полн. Собр. Зак. № 1443.

ды съ товарищами; имъ запрещено было держать ее у себя на дому (1).

Приказная изба раздѣлялась на столы; въ Нижегородской съѣзжей избѣ въ 1663 году (2) были: 1) денежный столъ, въ которомъ хранились казна, приходныя и расходныя книги, смѣтные и росписные списки и копіи съ разныхъ царскихъ грамотъ; 2) судный столъ, гдѣ содержались: переписная книга царскимъ грамотамъ, книги для записки судныхъ вершеныхъ и невершеныхъ дѣлъ, также дѣлъ объ убійствахъ и о дѣлателяхъ фальшивой монеты, книги для записки прихода судебныхъ пошлинъ, книги для записки кабалъ и жилыхъ записей, книги сбора денегъ на выкупъ плѣнныхъ; наконецъ въ судномъ столѣ хранились и деньги, полученныя отъ сбора на выкупъ плѣнныхъ, отъ сбора за даточныхъ конныхъ людей и за даточныя подводы, пошлины съ кабалъ и жилыхъ записей, и штрафныя деньги съ монастырскихъ кирпичниковъ за кирпичь; 3) сыскный столъ; не сказано, что въ немъ содержалось и трудно даже сдѣлать объ этомъ предположеніе, ибо дѣла объ убійствахъ и фальшивой монетѣ были въ судномъ столѣ; но подьячій сыскнаго стола вѣдалъ полуполтинный сборъ; 4) помѣстный и ямской столъ содержалъ въ себѣ царскія грамоты о помѣстныхъ дѣлахъ, отказныя и отдѣльныя книги и списки съ обысковъ, грамоты изъ ямскаго приказа, книги для записки сбора и раздачи

(1) Акты Историч. т. 3-й, № 134.

(2) Доп. къ Акт. Истор. т. 4-й, № 134, III. Росписной списокъ, посланный воеводою въ Москву по принятіи должности. Это единственный извѣстный мнѣ документъ о внутреннемъ устройствѣ съѣзжихъ избъ.

ямскихъ денегъ, книги записныя дворовымъ и лавочнымъ мѣстамъ, наконецъ нѣсколько денегъ. Былъ также воеводскій ящикъ, но содержаніе его неизвѣстно. Изъ этихъ скудныхъ извѣстій видно, что дѣла распредѣлялись по столамъ безъ всякой правильной системы: въ этомъ, какъ и во всемъ, выражалось то отсутствіе порядка, которымъ отличалась администрація Московскаго государства. Вѣроятно это распредѣленіе было не вездѣ одинако: въ Новгородской съѣзжей избѣ подъячіе сидѣли у разрядныхъ, у четвертныхъ (финансовыхъ), у помѣстныхъ, у судныхъ и у ямскихъ дѣлъ (1); тамъ же, гдѣ въ съѣзжей избѣ былъ всего одинъ подъячій, не могло быть и раздѣленія на столы.

Число подъячихъ, сидѣвшихъ за столами, было различно, смотря по знатности города и по количеству дѣлъ. Изъ росписи 1647 года (2) видно, что въ Новгородѣ въ это время въ съѣзжей избѣ было 25 человѣкъ подъячихъ, въ Новгородскихъ пригородахъ: Ладогѣ и Порховѣ всего по одному, въ Псковѣ 21, въ Псковскомъ пригородѣ Старой Русѣ 3, въ Вологдѣ 11, въ Нижнемъ 15, въ Архангельскѣ 12, въ Вяткѣ 13, въ Каргополѣ 6, въ Соликамскѣ 1, въ Чердыни тоже; но въ Псковскихъ пригородахъ: Изборскѣ, Островѣ и Гдовѣ велѣно было въ съѣзжихъ избахъ вмѣсто подъячихъ быть у дѣла пушкарямъ, по 10 человѣкъ въ городѣ.

Подъячіе съѣзжихъ избъ не имѣли всѣ одинакихъ чиновъ и преимуществъ; здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, вмѣсто общихъ разрядовъ, опре-

(1) Доп. къ Акт. Истор. т. 3-й, № 36.

(2) Тамъ же.

дѣляемыхъ потребностями управленія, была лѣствица, на которой каждый занималъ свое особенное мѣсто, такъ что не было почти двухъ лицъ, имѣвшихъ одинакое значеніе. Это видно изъ окладовъ жалованья, которое имъ давалось: въ Новгородской съѣзжей избѣ первый подъячій получалъ 30 рублей, двое по 25, одинъ 23, одинъ 20, одинъ 15, трое по 12 рублей, одинъ человѣкъ 11, одинъ 8, трое по 6, одинъ 5½, одинъ 5, одинъ 4½, одинъ 4, одинъ 3, трое по 2 рубли и двое по рублю: слѣдственно на 25 человѣкъ было 16 различныхъ окладовъ, 16 различныхъ ступеней, по которымъ двигались служащія лица. Въ другихъ городахъ было другое количество степеней, и другіе оклады жалованья: въ Нижнемъ Новгородѣ, напримѣръ, на 15 подъячихъ было 10 различныхъ окладовъ: первый получалъ 30 рублей, второй 20; низшимъ окладомъ было 6 рублей. Въ 1657 году велѣно было по прежнему указу во всѣхъ городахъ, подвѣдомственныхъ хлѣбному приказу давать жалованья старымъ подъячимъ — первой статьѣ 10 рублей, второй 7, третьей 5 рублей (1).

Подъячіе были въ иныхъ мѣстахъ выборные, въ другихъ назначенные отъ правительства; выборные получали иногда подмогу отъ посадовъ и уѣздовъ (2), иногда жалованье изъ казны. Въ 1657 году велѣно было въ Переяславлѣ Рязанскомъ стольникамъ, стряп-

(1) Полн. Собр. Зак. № 212.

(2) Описаніе Шуи № 10: «И дьячки, де, у нихъ въ Шуѣ въ приказѣ свои, и подмоги, де, имъ даютъ они съ Шуи съ посаду и съ уѣзду.» Въ 1646 г. Пермяки жаловались, что съ нихъ на жалованье подъячимъ берутъ найму по 26 рублей на человѣка, между тѣмъ какъ въ другихъ городахъ жалованье дается изъ казны; царь велѣлъ давать имъ казенное жалованье. Акты Истор. т. 4-й, № 10.

чимъ и дворянамъ Московскимъ, жильцамъ, Рязанскимъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ и всякихъ чиновъ служилымъ и жилецкимъ людямъ выбрать трехъ человѣкъ подъячихъ, добрыхъ и способныхъ къ дѣламъ, такихъ, которые любы всему городу и у которыхъ отцы не находятся ни въ военной службѣ, ни въ тяглѣ. Выборные списки за подписью всѣхъ городскихъ жителей велѣно было прислать въ Разрядъ, а новымъ подъячимъ давать государево жалованье: первому человѣку 10 рублей, второму 7, третьему 5, но больше того подъячихъ не опредѣлять (1). Въ этомъ случаѣ выбирали всѣ городскіе жители, какъ дворяне, такъ и посадскіе, но въ 1691 году въ городахъ и дворцовыхъ селахъ выборъ подъячихъ предоставленъ былъ посадскимъ людямъ и крестьянамъ, которые должны были выбирать ихъ изъ всякихъ чиновъ, «изъ какихъ пригоже», кромѣ тяглыхъ людей (2). Подъячіе, опредѣляемые правительствомъ, назначались царскими указами или по усмотрѣнію воеводъ; въ Сибирь посылались подъячіе изъ Москвы (3). Случалось иногда, что желающій опредѣлиться въ подъячіе въ извѣстное мѣсто, подавалъ о томъ просьбу государю, который предписывалъ воеводѣ опредѣлить его, если найдетъ его способнымъ, и если прежній подъячій почему нибудь окажется негоднымъ (4). Иногда воеводѣ предоставлялось назначить имъ жалованье, смотря по службѣ и по работамъ, но обыкновенно установлялись постоянные оклады (5).

(1) Полн. Собр. Зак. № 213.

(2) Акты Археогр. эксп. т. 4-й, № 302.

(3) Доп. къ Акт. Истор. т. 2-й, № 100.

(4) Акты Истор. т. 4-й, № 10; Доп. къ А. Истор. т. 2-й, № 72.

(5) Акты Истор. т 4-й, № 10; Доп. къ А. И. т. 3-й, № 36 Полн. Собр. Зак. № 213.

Въ позднѣйшихъ наказахъ воеводамъ не первостепенныхъ городовъ запрещалось собственною властью принимать подъячихъ въ приказныя избы, отставлять и перемѣнять назначенныхъ царскими указами и грамотами изъ Разряда и давать имъ безъ указа жалованье и земли (1). Во всѣхъ этихъ мѣрахъ видна попытка установить постоянные штаты; этого требовалъ казенный интересъ, который въ это время вездѣ стоялъ на первомъ планѣ. Но учрежденные штаты разнообразились до безконечности: вслѣдствіе различной важности городовъ и различнаго количества дѣлъ число подъячихъ нигдѣ не было одинаково; установлялись извѣстные разряды, но и они были различны въ разныхъ городахъ. Также неопредѣленны были способъ полученія жалованія и въ особенности способъ назначенія лицъ: нужны были подъячіе, а опредѣлялись они различно, смотря по мѣстнымъ потребностямъ и по случайнымъ обстоятельствамъ.

Кромѣ подъячихъ въ съѣзжей избѣ были пристава или недѣльщики, разсыльщики и сторожа; первыя двѣ должности доставляли нѣкоторые доходы, потому что пристава и разсыльщики посылались по частнымъ дѣламъ и получали за это вознагражденіе отъ тяжущихся. Поэтому должность эту часто исправляли пушкари и затинщики, которымъ она предоставлялась вмѣсто казеннаго жалованья (2).

Въ приказной избѣ воевода управлялъ ввѣреннымъ ему уѣздомъ, вѣдалъ «государево и земское дѣло»,

---

(1) Наказы Ольшанскому воеводѣ 1687 г. Акты Историч. т. 5-й, № 161; Ярославскому 1698 г. Полн. Собр. З. № 1630; Владимірскому 1701 г. Полн. Собр. Зак. № 1836.

(2) Доп. къ Акт. Истор. т. 2-й, № 48. т. 3-й, № 36.

или «ратное и земское дѣло». Вообще имъ приказывалось вѣдать всякія дѣла: сюда принадлежали: 1) нѣкоторыя духовныя дѣла, 2) дѣла иностранныя, 3) военныя, 4) разрядныя, 5) помѣстныя, 6) судебныя, 7) полицейскія, 8) финансовыя. Не всѣмъ впрочемъ воеводамъ предоставлялось вѣдомство всѣхъ этихъ дѣлъ; во многихъ наказахъ встрѣчаются только постановленія о дѣлахъ судебныхъ и полицейскихъ (1). Иностранныя дѣла завѣдывались только пограничными воеводами, финансовыя предоставлялись иногда другимъ лицамъ, военныя существовали только тамъ, гдѣ были укрѣпленія и войско. Впрочемъ, это будетъ яснѣе изъ подробностей.

1) *Духовныя дѣла.*—Къ дѣламъ, принадлежавшимъ къ вѣдомству церкви, относились не только дѣла, касавшіяся до вѣры и до церковнаго управленія, но множество дѣлъ гражданскихъ. Въ средніе вѣка государство не существовало, и церковь составляла отдѣльный міръ, противоположный гражданскому обществу, міръ, основанный на началѣ нравственно-религіозномъ, и имѣвшій въ своемъ вѣдомствѣ всѣ нравственныя и семейныя дѣла. Этотъ порядокъ остался и при образованіи Московскаго государства: гражданскіе правители не вмѣшивались въ церковное управленіе; воеводамъ запрещено было вступаться въ духовныя дѣла и въ духовный чинъ (2). Но Московская Русь не знала общихъ правилъ; безпрестанно дѣлались исключенія. Кромѣ того свѣтская власть, постоянно усиливаясь, всюду выказывала свою дѣятельность и предоставляла

(1) Акты Истор. т. 4-й, № 159. Временникъ 1849 г. кн. 4-я матеріалы, стр. 36, 43, 44, 47, 50.

(2) Акты Археогр. эксп. т. 4-й, № 176; Акты Истор. т. 5-й, № 93.

иногда воеводамъ нѣкоторыя дѣла, въ которыхъ требовалось содѣйствіе гражданскихъ правителей. Сюда принадлежали: 1) постройка и починка церквей на казенный счетъ. Въ 1661 году Новгородскому воеводѣ и дьяку велѣно было осмотрѣть и описать въ Новгородѣ и Новгородскомъ уѣздѣ ветхія ружныя церкви (1) и всякое церковное строеніе и, сдѣлавъ смѣту, что̀ нужно на починки и на новую утварь, донести о томъ государю (2). Но иногда воеводѣ просто предписывалось построить церковь, и уже послѣ построенія прислать въ Москву счетъ всѣмъ издержкамъ (3). 2) Отведеніе земель церквамъ и монастырямъ и выдача ружнаго жалованья. Ругу запрещалось измѣнять самовольно; но количество отводимыхъ земель предоставлялось иногда собственному усмотрѣнію воеводы, которому предписывалось только устроить монастырь землями, «чѣмъ мочно сытымъ быти» (4), и потомъ донести государю о сдѣланныхъ распоряженіяхъ. Иногда воевода дѣлилъ церковныя земли между священниками, назначая каждому свой участокъ, «чтобы ни одинъ не былъ обиженъ.» О раздѣлѣ онъ доносилъ въ Москву, куда посылалъ и переписныя книги церковнымъ землямъ и угодьямъ; другой же экземпляръ этихъ книгъ оставлялся въ съѣзжей избѣ (5). 3) Когда царь утверждалъ новаго монастырскаго строителя или игумена, воеводѣ обыкновенно предписывалось отказать старому строителю, велѣть его счесть въ

(1) Это были церкви, которыхъ причетъ получалъ ругу, то есть, жалованье отъ казны.

(2) Акты Археогр. эксп. т. 4-й, № 129.

(3) Акты Истор. т. 5-й, № 121.

(4) Тамъ же, т. 3-й, № 103.

(5) Доп. къ Акт. Ист. т. 2-й, № 84.

приходѣ и расходѣ монастырской казны и счетный списокъ прислать въ Москву. Послѣ того воевода дѣлалъ опись всему церковному имуществу, и по описи сдавалъ его новому строителю или игумену (1). 4) Содѣйствіе церковному начальству въ разныхъ дѣлахъ принадлежало также къ вѣдомству воеводъ: если епископъ или даже священникъ для какихъ либо церковныхъ дѣлъ присылалъ просить у воеводы приставовъ, стрѣльцевъ или пушкарей на ослушниковъ, воевода долженъ былъ тотчасъ давать ихъ, сколько было потребно, иначе епископъ могъ жаловаться на него государю (2). Въ 1622 году Верхотурскому воеводѣ велѣно было тѣхъ людей, которые не слушаютъ архіепископа и его десятильниковъ и въ духовныхъ дѣлахъ не подчиняются ихъ суду, наказывать, смотря по винѣ и по тому, что скажутъ или напишутъ воеводѣ архіепископъ и десятильники (3). Въ позднѣйшее время дѣлались нѣкоторыя ограниченія: въ наказѣ Казанскому воеводѣ 1697 года (4) постановлено, что если кто нибудь окажется прикосновеннымъ къ духовному дѣлу, и присланы будутъ о томъ памяти отъ митрополита, то посылать безъ всякаго задержанія даже и за знатными людьми, но смотрѣть накрѣпко, чтобы не было нападковъ; если же будутъ нападки или прежнія ссоры, то безъ розыска не исполнять требованій духовнаго начальства, а посылать дьяковъ говорить о томъ съ митрополитомъ. Здѣсь воеводѣ предоставлено судить о справедливости требованія.

(1) Акты Истор. т. 3-й, № 162. Доп. къ А. И. т. 4-й, № 30.
(2) Акты Ист. т. 4-й, № 107; т. 5-й, № 93, 100.
(3) Тамъ же, т. 3-й, № 113.
(4) Полн. Собр. Закон. № 1579.

Иногда самыя духовныя власти поручали воеводамъ надзоръ за исполненіемъ правилъ, касавшихся единственно до церковнаго причта; такъ въ 1657 году патріархъ Никонъ писалъ къ Костромскому воеводѣ, чтобы онъ въ Костромѣ, въ Костромскомъ уѣздѣ и въ пригородахъ велѣлъ новыя церкви освящать протопопу Костромскаго Богородицкаго собора, а не приходскимъ священникамъ, которые самовольно совершали освященіе (1). 5) Воеводы производили слѣдствія надъ раскольниками и другими церковными преступниками, которые присылались къ нимъ духовными властями; принявши ихъ, воеводы должны были писать о нихъ въ Москву и до указа держать ихъ въ тюрьмѣ (2). Для истребленія расколовъ недостаточно было одной церковной власти; поэтому соборы 1667 и 1681 годовъ положили раскольниковъ отсылать къ свѣтскому суду, а въ 1685 году постановлены были статьи для ихъ суда и наказанія (3). Впрочемъ духовнымъ властямъ предоставлено было право преслѣдовать ихъ, допрашивать и наказывать; но если обвиненные въ расколѣ, по ихъ усмотрѣнію, подлежали свѣтскому суду, они отсылали ихъ къ воеводамъ, которые не могли однакоже освобождать ихъ безъ вѣдома духовнаго начальства (4). Но при Петрѣ Великомъ иногда самимъ воеводамъ поручалось преслѣдовать раскольниковъ, производить надъ ними слѣдствіе и, написавъ государю, содержать ихъ подъ карауломъ до указа (5).

(1) Акты Истор. т. 4-й, № 107.

(2) Тамъ же, т. 5-й, № 93.

(3) Полн. Собр. З. № 412 гл. VII; Акты Истор. т. 5-й, № 75; Акты Археогр. эксп. т. 4-й, № 283.

(4) Акты Астор. т. 5-й, № 100.

(5) Акты Истор. т. 5-й, № 223, 1693 г.

6) Языческіе инородцы, желавшіе принять христіанство, могли приносить о томъ просьбы или въ приказную палату, или на дворъ митрополита (въ Тобольскѣ). Въ первомъ случаѣ воевода розыскивалъ, добровольно ли они хотятъ креститься, и если оказывалось, что добровольно, то отсылалъ ихъ на митрополичій дворъ; но если открывалось, что желавшій принять крещеніе совершилъ преступленіе, тогда воевода подвергалъ его наказанію, и послѣ того уже отсылалъ къ митрополиту, если виновный и послѣ наказанія повторялъ желаніе принять крещеніе. Во второмъ случаѣ митрополитъ посылалъ память въ приказную палату, чтобы узнать, нѣтъ ли на тѣхъ инородцевъ какой нибудь жалобы, и если оказывалась жалоба, они отсылались для розыска въ приказную палату (1). Въ Астрахани въ 1649 году велѣно было инородцевъ, желающихъ принять крещеніе, отсылать къ архіепископу, а кромѣ архіепископа, никому не крестить (2); въ другихъ же наказахъ воеводамъ просто предписывалось самимъ велѣть крестить инородцевъ, если они добровольно обращались въ христіанство (3). 7) Иногда воеводамъ поручался надзоръ за поведеніемъ священниковъ, и предоставлялась даже нѣкоторая власть надъ ними: въ 1640 году Важскому воеводѣ велѣно было, надѣливъ землями трехъ священниковъ Шенкурской соборной церкви, приказать имъ накрѣпко, чтобы они жили въ покоѣ и вражды бы между ними не было: «а будетъ

(1) Полн. Собр. Зак. № 1594, 1697 г

(2) Акты Истор. т. 4-й, № 32, стр. 109.

(3) Наказъ тобольскому воеводѣ 1664 г.; Доп. къ Акт. Истор. т. 4-й, № 138. Наказъ Нерчинскому воеводѣ. Полн. Собр. Зак. № 1835. Иногда же запрещалось крестить безъ царскаго разрѣшенія. Опис. Госуд. Архива Ст. Д. стр. 265.

учнутъ враждовать, и ты бъ ихъ отъ дурна унималъ и за непослушаніе смирялъ» (1). Это прямо противорѣчило правилу не вступаться въ духовный чинъ, но, какъ сказано, исключенія изъ всякихъ правилъ были нерѣдки въ древней Россіи. Еще замѣчательнѣе слѣдующій случай: въ 1643 году два священника въ Верхотурьѣ поссорились между собою и одинъ сказалъ другому непристойныя слова. Воевода отдалъ ихъ обоихъ за пристава, (то есть поручилъ приставу надзирать за ними и даже въ случаѣ нужды содержать подъ арестомъ, чтобы имѣть возможность представить ихъ къ суду по востребованіи), допрашивалъ ихъ въ съѣзжей избѣ, и допросъ отослалъ въ Москву; царь велѣлъ ему виновнаго отослать въ монастырь на смиреніе (2). 8) Воеводамъ иногда поручался надзоръ за исполненіемъ прихожанами христіанскихъ обязанностей: въ 1650 году Туринскому воеводѣ велѣно было тѣхъ людей, которые не оказываютъ должнаго почтенія къ святымъ Божьимъ тайнамъ, жестоко наказывать и посылать въ монастырь на покаяніе до тѣхъ поръ, пока навыкнутъ имѣть страхъ Божій (3); въ 1660 году Новгородскимъ воеводамъ предписано было смотрѣть, чтобы священнослужители пасли церковь Божію, и обращали прихожанъ своихъ къ принесенію покаянія въ посты; если же кто изъ прихожанъ ослушается царскаго указа и покаянія не принесетъ, о томъ писать къ государю, и взявъ у священнослужителей именные списки ослушникамъ, присылать ихъ въ монастырскій приказъ. Но наказанія, какъ непокорнымъ

(1) Доп. къ Акт. Истор. т. 2-й, № 84, II.

(2) Акты Истор. т. 3-й, № 223.

(3) С. Г. Г. т. 3-й, № 141.

прихожанамъ, такъ и духовнымъ отцамъ, которые не обращали свою паству на путь истинный, и скрывали непокаявшихся, присуждались не воеводою, а самимъ государемъ (1). Наконецъ 9) неизвѣстно, на какомъ основаніи воеводы управляли иногда нѣкоторыми монастырскими вотчинами (2). — Большая часть этихъ дѣлъ не принадлежала къ постоянному вѣдомству воеводъ, а только въ случаѣ надобности поручалась имъ особенными царскими указами, такъ что весьма часто эти дѣла могли быть предоставлены совершенно другимъ лицамъ.

2) Иностранныя дѣла. — Воеводы знатныхъ городовъ могли сами отъ себя сноситься съ иностранными державами; власть ихъ въ этомъ отношеніи опредѣлялась обычаемъ, царскими указами и особенными наказами, которые давались имъ изъ посольскаго приказа. Обыкновенно имъ позволялось вести переговоры только съ тѣми государствами, съ которыми были постоянныя сношенія: «а съ которыми государьствы ссылокъ и писма у прежнихъ воеводъ не бывало, и воеводамъ и дьякомъ потому жъ собою мимо прежніе государевы указы о томъ не вчинати дѣлати, о всемъ сыскивая и примѣряясь къ прежнимъ государевымъ указамъ» (3). Здѣсь видимъ совершенное запрещеніе, но иногда предписывалось только съ тѣми государствами, съ которыми прежде не бывало сношеній «ссылаться со всякою крѣпостію и опасеніемъ и съ великимъ разсмотрѣніемъ, и примѣряясь къ прежнимъ указамъ и инымъ такимъ ссылкамъ, и писать о томъ ве-

(1) Акты Археогр эксп. т. 4-й, № 115.

(2) Тамъ же, т. 3-й, № 217.

(3) Акты Истор. т. 3-й, № 154. Нак. Астрах. воеводѣ.

ликому государю» (1). Нѣкоторыя дѣла воеводы могли разрѣшать сами собою, о другихъ же они не могли давать отвѣта безъ царскаго указа: «о какихъ будетъ дѣлѣхъ напередъ сего прежніе Астраханскіе бояре и воеводы въ тѣ государства по государеву указу отъ себя писывали, и имъ потому жъ и нынѣ противъ прежнихъ государевыхъ образцовыхъ грамотъ и боярскихъ и воеводскихъ отписокъ о тѣхъ дѣлѣхъ писати.... А будетъ учнутъ къ нимъ писать о какихъ великихъ дѣлѣхъ, и имъ о томъ писати ко государю къ Москвѣ, съ нарочными станичники тотчасъ, а тѣхъ государствъ посланникомъ и гонцомъ и торговымъ людемъ въ томъ отказывати тѣмъ, что у нихъ въ Астрахани о томъ царьскаго величества указу и повелѣнья нѣтъ, и они о томъ къ царьскому величеству отпишутъ» (2). Что считалось великимъ дѣломъ, этого невозможно опредѣлить изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній; вѣроятно сюда принадлежали политическія сношенія, новыя требованія и отношенія, ибо объ обыкновеніяхъ гражданскихъ и торговыхъ дѣлахъ воеводамъ предоставлялось вести переговоры отъ собственнаго лица. При Ѳедорѣ Алексѣевичѣ Астраханскимъ воеводамъ велѣно было о торговыхъ дѣлахъ сноситься съ Абазиньскимъ, Юргенскимъ, Дербентскимъ и Шамахинскимъ ханами также, какъ это дѣлалось при прежнихъ воеводахъ (3). Въ наказѣ 1699 года Новгородскому воеводѣ предоставлено было право самому рѣшать «обидныя дѣла», о которыхъ будутъ писать ему правители Литовскихъ и Нѣмецкихъ городовъ; при этомъ онъ дол-

(1) Наказъ Астрах. воев. Полн. Собр. Зак. № 1792.

(2) А. И. т. 3-й, № 154.

(3) П. С. З. № 1792.

женъ былъ руководствоваться наказомъ изъ посольскаго приказа. Если же какихъ нибудь дѣлъ ему нельзя было рѣшить самому, онъ долженъ былъ писать объ нихъ въ посольскій приказъ (1). Въ случаѣ обидъ со стороны жителей сосѣднихъ государствъ, воеводы могли сами писать къ ихъ правителямъ, требуя удовлетворенія (2). Вообще воеводамъ предписывалось доносить обо всѣхъ своихъ сношеніяхъ и переговорахъ съ иностранными державами посольскому приказу, а иногда также для вѣдома тому приказу, которому подчиненъ былъ городъ. Менѣе знатнымъ воеводамъ запрещено было о чемъ бы то ни было писать къ иностраннымъ государямъ и правителямъ отъ себя безъ царскаго указа; если же они получали отъ нихъ требованія объ удовлетвореніи въ гражданскихъ или другихъ дѣлахъ, воеводы должны были, по произведеніи слѣдствія, писать о томъ царю а, не получивши предписанія, не могли дать никакого отвѣта (3). Воеводамъ поручалось также посылать лазутчиковъ въ иностранныя государства (4), или провѣдывать обо всемъ черезъ торговыхъ людей (5), и о всякихъ вѣстяхъ доносить государю. Но запрещалось безъ царскаго указа начинать съ сосѣдами ссоры и ходить на нихъ войною, иначе, какъ для обороны (6).

Кромѣ сношеній съ иностранными державами, въ наказахъ изъ посольскаго приказа давались воеводамъ

(1) П. С. З. № 1738.

(2) Наказъ Вяземскимъ воеводамъ А. И т. 3-й, № 116.

(3) Наказъ воеводѣ Сумерской волости. Д. къ А. И. т. 3-й, № 65.

(4) Наказъ Вяземскимъ воеводамъ А. И. т. 3-й, № 116.

(5) П. С. З. № 1738.

(6) Тамъ же, № 1542, 1591.

инструкціи и относительно инородцевъ, находившихся въ болѣе или менѣе прочномъ подданствѣ Россіи. Воеводы должны были сноситься съ ними о всякихъ дѣлахъ, принимать ихъ пословъ, оберегать ихъ отъ обидъ, стараться непокорныхъ возвратить въ прежнее подданство переговорами или войною, заключать съ ними договоры, приводить ихъ къ присягѣ и брать у нихъ заложниковъ, по собственному усмотрѣнію. Иногда воеводамъ предоставлялась власть опредѣлять мѣста для кочевьевъ, иногда же эти мѣста назначались не иначе, какъ по царскому указу (1). Сибирскимъ воеводамъ предписывалось пріискивать новыя земли, приводить инородцевъ подъ государеву высокую руку и налагать на нихъ ясакъ, примѣняясь къ сбору съ другихъ ясачныхъ людей, и такъ чтобы казнѣ было прибыльно, а ихъ бы не ожесточить (2); но запрещалось вступать въ распри и начинать войну съ такими инородцами, которые своимъ количествомъ могли быть опасны, каковы напримѣръ были Калмыки и Башкирцы (3).

3) *Военныя дѣла.* Всѣ военныя дѣла завѣдывались воеводами. Въ случаѣ нападенія непріятеля или возмущенія въ подвластныхъ земляхъ и городахъ, воеводы или сами ходили въ походъ, оставляя товарищей для защиты города, или посылали своихъ товарищей, письменныхъ и стрѣлецкихъ головъ, а сами оставались въ городѣ. Если у нихъ не было достаточно войска, сосѣдніе воеводы, къ которымъ они посылали за помощью, должны были немедленно присылать нужное

(1) А. И. т. 4-й, № 32.

(2) П. С. З. № 1594.

(3) Тамъ же, № 1593, 1594.

число ратныхъ людей, оружія и запасовъ. Но воеводамъ, у которыхъ было небольшое количество войска, запрещалось посылать его въ дальнія мѣста и противъ сильныхъ непріятелей. Если для защиты нужно было поставить городъ въ осадное положеніе, воевода долженъ былъ писать къ царю объ указѣ (1), но иногда онъ самъ дѣлалъ распоряженія, и только доносилъ о томъ государю (2). Вообще воеводы должны были увѣдомлять государя обо всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ и сообщать ему всякія вѣсти. Разумѣется, всѣ эти военныя обязанности лежали большею частью на пограничныхъ воеводахъ; воеводы внутреннихъ городовъ часто не имѣли при себѣ даже достаточно служилыхъ людей для преслѣдованія воровъ и разбойниковъ.

Когда противъ непріятеля посылалось особенное войско подъ начальствомъ полковыхъ воеводъ, городовымъ воеводамъ поручалось высылать на службу помѣщиковъ того уѣзда и другихъ служилыхъ людей, и сбирать даточныхъ людей съ монастырскихъ вотчинъ, съ отставныхъ дворянъ, со вдовъ и недорослей, которые сами на службу не ѣздили. При этомъ воеводамъ угрожалось царскою опалою, наказаніемъ и вѣчнымъ разореніемъ безъ всякаго милосердія и пощады, если они по оплошности и нерадѣнію всѣхъ ратныхъ людей не высылали въ скоромъ времени (3). Роспись высланнымъ служилымъ людямъ съ увѣдомленіемъ о ихъ отправленіи присылалась въ Разрядъ. Но иногда

(1) А. И. т. 3-й, № 116.

(2) Тамъ же, т. 5-й, № 161.

(3) А. А. Э. т. 4-й, № 177; А. И. т. 4-й, № 149, 241; Доп. къ А. И. т. 4-й, № 26; П. С. З. № 50, 297.

для сбора ратныхъ людей и высылки на службу нѣтчиковъ (т. е. укрывавшихся отъ службы) посылались особенные сборщики изъ Москвы или отъ полковыхъ воеводъ (1). Это дѣлалось въ особенности тогда, когда воеводы по нерадѣнію или умышленно не высылали требуемыхъ людей (2). Сборъ даточныхъ и другихъ нужныхъ для войска людей также не всегда поручался воеводамъ: нѣкоторымъ монастырямъ прямо отъ царя присылались грамоты съ приказаніемъ собрать и выслать даточныхъ людей или прислать, вмѣсто людей, законное количество денегъ (3). Иногда самъ архіепископъ предписывалъ монастырямъ выслать для казенной надобности оружейныхъ мастеровъ, иногда это дѣлалось воеводою (4). Такъ какъ всѣ эти дѣла были временныя, то они всякій разъ особеннымъ указомъ поручались тому или другому лицу, хотя обычай и удобство заставляли большею частью предоставлять исполненіе воеводамъ.

Въ мирное время воеводы завѣдывали городскими укрѣпленіями, артиллеріею и войскомъ; если въ городѣ было нѣсколько воеводъ, первый держалъ городовые ключи, а второй острожные. Относительно постройки крѣпостей и починки городовыхъ укрѣпленій

(1) Въ 1615 году воевода Лыковъ послалъ сборщика на Бѣлоозеро для сбора помѣщиковъ на службу; Лыковъ писалъ Бѣлозерскому воеводѣ, чтобы онъ на ослушниковъ давалъ сборщику стрѣльцовъ, пушкарей и разсыльщиковъ и земскаго дьячка для письмоводства. А. И. т. 3-й, № 55. — Въ 1629 г. воеводамъ, посланнымъ противъ Крымскихъ Татаръ, не велѣно было посылать сборщиковъ въ Мещерскіе города, потому что для отысканія нѣтчиковъ тѣхъ городовъ посланы сборщики изъ Москвы. А. А. Э. т. 3-й, № 187.

(2) Доп. къ А. И. т. 4-й, № 146.

(3) А. И. т. 3-й, № 198, 201; А. А. Э. т. 4-й, № 82.

(4) А. А. Э. т. 4-й, № 83, 91.

разнымъ воеводамъ предоставлялась весьма различная власть: нѣкоторымъ предписывалось въ наказахъ осмотрѣть худыя мѣста и что̀ нужно велѣть починить служилымъ людямъ и жителямъ города и уѣзда (1); другіе же въ этомъ отношеніи подвергались нѣкоторымъ ограниченіямъ: Бѣлогородскому воеводѣ въ 1675 году предоставлена была починка поврежденныхъ укрѣпленій и даже, въ случаѣ нужды, постройка новыхъ, но не иначе, какъ съ вѣдома воеводы князя Ромодановскаго, который въ это время командовалъ войсками въ Малороссіи (2). Псковскому воеводѣ въ 1647 году велѣно было осмотрѣть въ Псковѣ каменный городъ, башни и стѣны, и если есть гдѣ худыя мѣста, велѣть смѣтить, сколько нужно матеріаловъ на поправку, и что̀ это будетъ стоить; написавъ все это по статьямъ, онъ долженъ былъ обо всемъ донести и прислать роспись въ Новгородскую Четверть. Самыя же худыя мѣста, которыя не могли оставаться безъ починки, онъ могъ по собственному распоряженію чинить по немногу, выдавая на это ежегодно рублей по 300, по 400, по 500 и болѣе, смотря по нуждѣ, такъ чтобы казнѣ не было большихъ убытковъ; наконецъ такія мѣста, которыя грозили обрушиться или повредиться совершенно, ему предоставлено было право поправлять за одинъ разъ, смотря по дѣлу, такъ чтобы впредь было надежно (3). Казанскому воеводѣ въ 1697 году велѣно было въ случаѣ нужныхъ починокъ или

(1) Наказы: Астрах. воевод. 1625 г. А И. т. 3-й, № 134. Кузнецкому 1625 г. тамъ же, № 135; Тобольскому 1664 г. Доп. къ А. И. т. 4-й, № 138; Тарскому 1697 г. П. С. З. № 1585; Верхотур. 1697 г. П. С. З. № 1593.

(2) А. А. Э. т. 4-й, № 206.

(3) Доп. къ А. И. т. 3 й, № 20.

построекъ осмотрѣть мѣста, и подлинно все описавши, донести о томъ въ приказъ Казанскаго Дворца, а безъ царскаго указа и безъ грамотъ по собственному усмотрѣнію ничего не строить (1). Такому же запрещенію подвергались и многіе другіе воеводы:, Новосильскіе, Орловскіе и другіе, какъ видно изъ царскихъ грамотъ и изъ ихъ отписокъ, въ которыхъ они просятъ указа о починкѣ ветхихъ городовыхъ укрѣпленій (2). Когда изъ Москвы приходило разрѣшеніе, воеводы дѣлали смѣту расходамъ, которую однакоже не посылали въ Москву на утвержденіе, но по окончаніи работъ они посылали отчетъ въ постройкахъ и починкахъ въ пушкарскій приказъ, а иногда и въ тотъ приказъ, которому подчиненъ былъ городъ. Однако въ 1631 году по донесенію Гдовскаго воеводы о необходимости поправить городовыя укрѣпленія приказано было Псковскому воеводѣ послать въ Гдовъ дворянина для составленія смѣты, которую велѣно было прислать на утвержденіе въ Новгородскую Четверть (3). Вообще дальнимъ воеводамъ и воеводамъ городовъ, подверженныхъ непріятельскимъ нападеніямъ, предоставлялось болѣе власти, потомъ что въ обоихъ случаяхъ разрѣшеніе изъ Москвы могло придти слишкомъ поздно.

Относительно построенія новыхъ городовъ и остроговъ существовали также различныя правила: въ Сибири при отправленіи экспедиціи, начальнику ея просто предписывалось строить остроги тамъ, гдѣ онъ сочтетъ нужнымъ, или же предписывалось построить острогъ

(1) П. С. З. № 1579.
(2) А. И. т. 4-й, № 216, т. 5-й, № 32.
(3) А. А. Э. т. 3-й, № 196.

въ извѣстномъ мѣстѣ (1). Въ 1649 году воеводамъ, посланнымъ въ Заонежскіе погосты велѣно было, пріѣхавъ на Олонецъ, осмотрѣть мѣста, удобныя для построенія города или острога, и осмотрѣвъ, построить, и по окончаніи работъ донести царю и прислать чертежъ съ описаніемъ города (2). Но въ томъ же году воеводѣ Сумерской волости предписано было найдти мѣсто, гдѣ можно построить острогъ и, осмотрѣвъ его, сдѣлать описаніе, которое съ планомъ мѣстности и чертежемъ построекъ прислать въ Москву, работы же не начинать до царскаго указа (3). Все это опредѣлялось частными обстоятельствами, мѣстностью, нуждою и т. п.

Городовыя укрѣпленія строились повинностью сошныхъ людей и помѣщиковъ одного или нѣсколькихъ уѣздовъ. Распредѣленіе участковъ по сохамъ дѣлалось воеводою вмѣстѣ съ дворянами, дѣтьми боярскими и лучшими людьми всякихъ чиновъ на основаніи писцовыхъ, переписныхъ и платежныхъ книгъ (4); для надзора за работами опредѣлялись дѣти боярскіе и самъ воевода смотрѣлъ за ними. Но сошные люди и помѣщики часто оказывались неисправными, или вовсе не слушались, и воевода, не имѣя средствъ ихъ принудить, просилъ о томъ царскаго указа, чтобы не подвергнуться опалѣ. Въ такихъ случаяхъ иногда, вмѣсто работы, съ сошныхъ людей сбирались деньги, и воевода отдавалъ постройку на под-

(1) А. И. т. 4-й, № 36, 217.
(2) Доп. къ А. И. т. 3-й, № 64.
(3) Тамъ же, № 65.
(4) А. И. т. 5-й, № 52.

рядъ (1), или самъ нанималъ плотниковъ на казенныя деньги (2).

Не всегда однакоже постройка и починка укрѣпленій поручались воеводамъ; иногда для этого посылались изъ Москвы особые горододѣльцы (3), нерѣдко иностранцы, свѣдущіе въ инженерной части, которые управляли работами, иногда совершенно независимо отъ воеводъ, иногда съ ихъ участіемъ и подъ ихъ надзоромъ. Така какъ въ Московскомъ государствѣ не было строгаго разграниченія вѣдомства и въ однихъ рукахъ соединялись самыя разнородныя дѣла, то и горододѣльцамъ давались разныя порученія, не имѣвшія никакого отношенія къ крѣпостному строенію. Такъ напримѣръ, въ 1661 году Кашинскому горододѣльцу поручено было по дворовымъ книгамъ описать и измѣрить городовые дворы и розыскать, кто по какому праву ими владѣетъ (4). Въ 1679 году должность горододѣльцевъ упразднена, и городовыя дѣла велѣно было вѣдать однимъ воеводамъ (5).

Наконецъ иногда постройка городовъ поручалась и частнымъ лицамъ; такъ напримѣръ, въ 1645 году гостю Михаилу Гурьеву велѣно было по его просьбѣ построить на Яикѣ каменный городъ, въ замѣнъ чего Яицкія и Эмбинскія рыбныя ловли отданы были ему на семилѣтнее безоброчное содержаніе; однако же для надзора за работами опредѣленъ былъ сынъ боярскій, подчиненный воеводѣ (6).

(1) А. И. т. 4-й, № 216, I.

(2) Тамъ же, т. 3-й, № 136.

(3) Тамъ же, т. 4-й, № 14; т. 5-й, № 52.

(4) Доп. къ А. И. т. 4-й, № 91.

(5) П. С. З. № 779.

(6) А. И. т. 4-й, № 40.

Не всѣ крѣпости находились въ вѣдомствѣ воеводъ: нѣкоторыя строились на монастырское иждивеніе съ разрѣшенія царя, и тогда всѣми укрѣпленіями и снарядами завѣдывали монастырскія власти. Иногда впрочемъ въ такія крѣпости назначались воеводы отъ царя; но это была временная мѣра, которая принималась въ особенности въ случаѣ войны, по прекращеніи же надобности крѣпость опять сдавалась монастырскому начальству (1). Точно также и частныя лица ставили иногда остроги съ царскаго разрѣшенія (2).

При воеводахъ находилось всегда извѣстное количество постояннаго войска, состоявшаго изъ стрѣльцовъ, пушкарей, затинщиковъ, воротниковъ и казаковъ. Они употреблялись не только для военныхъ дѣйствій, но и для всякихъ дѣлъ и разсылокъ; пушкари и затинщики служили иногда приставами въ съѣзжихъ избахъ. Въ 1647 году въ Новгородѣ было два стрѣлецкихъ приказа, состоявшихъ каждый изъ 500 стрѣльцовъ, въ Псковѣ было три приказа, состоявшихъ изъ 1300 человѣкъ (3); въ Ладогѣ было 100 стрѣльцовъ, въ Порховѣ 50, въ Вологдѣ 149, въ Нижнемъ 500, на Двинѣ 1000; въ Вяткѣ, Перми, Каргополѣ, Арзамасѣ ихъ вовсе не было. Пушкарей въ Новгородѣ было 30 человѣкъ, въ Псковѣ 84, въ Ладогѣ 6, въ Порховѣ 2, въ Вологдѣ 20, на Двинѣ 11, въ Нижнемъ ихъ вовсе не было, также какъ и въ Вяткѣ, Перми и другихъ городахъ. — Казаковъ въ Новгородѣ

(1) А. А. Э, т. 4-й, № 238; А. И. т. 4-й, № 140.

(2) Д. къ А. И. т. 5-й, № 10, VIII.

(3) Послѣдній приказъ изъ 300 человѣкъ былъ не полный. Иногда впрочемъ полный комплектъ состоялъ только изъ 300 человѣкъ. А. И. т. 1-й, № 227.

было 327, въ Псковѣ 100, въ Ладогѣ 104, въ Порховѣ и прочихъ поименованныхъ городахъ ихъ вовсе не было (1). Изъ этого видно, какъ различны и часто ничтожны были средства, которыми обладали воеводы; не мудрено, что имъ нерѣдко приходилось жаловаться на невозможность исполнять царскіе указы. Такъ напримѣръ, въ 1673 году Чухломскій воевода донесъ царю, что въ Чухломѣ пушкарей и воротниковъ всего 4 человѣка, а затинщиковъ и разсыльщиковъ совсѣмъ нѣтъ, и въ уѣздъ посылать не кого, отчего въ дѣлахъ происходитъ задержка и неисправность (2).

Главною военною силою были стрѣльцы; каждый приказъ, состоявшій изъ 500 человѣкъ, а иногда и менѣе, управлялся стрѣлецкимъ головою, который присылался изъ Москвы (3), и подчинялся воеводѣ. Въ позднѣйшее время ему запрещалось писать въ Москву объ какихъ бы то ни было дѣлахъ мимо воеводы; иначе онъ подвергался наказанію (4). Стрѣльцы всегда были въ командѣ у воеводы, который разсылалъ ихъ по всякимъ дѣламъ, заботился, чтобы оружіе было у нихъ въ исправности, и сами бы они были искусны въ стрѣльбѣ (5), смотрѣлъ, чтобы стрѣлецкіе головы не употребляли во зло своей власти, и охранялъ жителей отъ всякихъ обидъ и притѣсненій со стороны какъ стрѣлецкихъ начальниковъ, такъ и простыхъ стрѣльцовъ и прочихъ служилыхъ людей. Въ случаѣ жалобъ, воеводы должны были на стрѣлецкихъ головъ писать государю, прочихъ же они сами

(1) Доп. къ А. И. т. 3-й, № 36.
(2) А. И. т. 4-й, № 216, VIII.
(3) А. А. Э т. 3-й, № 167; Доп. къ А. И. т. 3-й, № 16.
(4) А. И. т. 3-й, № 207.
(5) А. А. Э. т. 4-й, № 206.

могли подвергать наказанію (1). Впрочемъ и здѣсь, какъ увидимъ ниже, права ихъ были чрезвычайно разнообразны. — Таковы же были обязанности воеводъ относительно солдатскихъ полковниковъ, маіоровъ и другихъ начальниковъ; солдатъ они должны были учить военному строю, дѣлали имъ смотры и наказывали ихъ за дурное поведеніе (2).

4) *Разрядныя дѣла*. На каждый городъ положенъ былъ извѣстный комплектъ постояннаго войска, который безъ царскаго указа запрещено было увеличивать; опредѣлять на службу (верстать) постороннихъ людей можно было только на выбылыя мѣста. Стрѣльцы набирались стрѣлецкими головами съ вѣдома или по приказанію воеводъ; при этомъ голова собиралъ на нихъ поручныя записи, которыя отдавалъ воеводѣ (3). Порука по служилыхъ людяхъ нужна была для того, чтобы въ случаѣ бѣгства ихъ со службы, взыскать съ поручителей деньги за выданное впередъ жалованье, за оружіе, за неправильно проданные казенные дома и т. п. Система частнаго обезпеченія проникала почти во всѣ служебныя отношенія Московскаго государства.

Воеводы верстали на выбылыя мѣста и другихъ чиновъ служилыхъ людей — пушкарей, затинщиковъ и проч.; ограниченія существовали только относительно опредѣляемыхъ лицъ. Вообще запрещалось верстать на службу крѣпостныхъ и тяглыхъ людей, но иногда

---

(1) А. И. т. 3-й, № 154; Доп. къ А. И. т. 4-й, № 134; П. С. З. № 1792.

(2) Доп. къ А. И. т. 5-й, № 65, 67; А. И. т. 5-й, № 34.

(3) А. А. Э т. 3-й, № 167; Доп. къ А. И. т. 3 й, № 16, т. 4-й, № 134.

запрещеніе простиралось и на всякихъ свободныхъ людей; въ такомъ случаѣ воеводамъ позволялось только на выбылыя мѣста служилыхъ людей извѣстнаго разряда опредѣлять ихъ дѣтей, братьевъ и племянниковъ (1). Не всѣ воеводы имѣли однакоже и это право: въ донесеніи Чухломскаго воеводы о недостаткѣ служилыхъ людей онъ говоритъ, что безъ царскаго указа не смѣетъ никого опредѣлить въ эти чины. Псковскому воеводѣ въ 1647 году запрещено было набирать казаковъ и опредѣлять въ службу новокрещенцевъ (2), между тѣмъ какъ другимъ воеводамъ предписывалось новокрещенцевъ верстать въ службу, кто въ какую статью пригодится, или же о годныхъ въ службу писать къ государю (3). Въ 1671 году запрещено было Сибирскимъ воеводамъ верстать въ какіе бы то ни было чины безъ царскаго указа (4); впрочемъ этотъ законъ въ скоромъ времени подвергся нѣкоторымъ ограниченіямъ: въ 1678 году Верхотурскіе воеводы имѣли право верстать въ стрѣльцы стрѣлецкихъ дѣтей, братьевъ и племянниковъ (5). При Петрѣ Великомъ сдѣланы были нѣкоторыя постоянныя ограниченія власти Сибирскихъ воеводъ: имъ предоставлено было право опредѣлять желающихъ только въ стрѣльцы и пѣшіе казаки: въ конные же казаки, въ атаманы, въ пятидесятники и въ литовскій списокъ могъ верстать одинъ Тобольскій воевода въ подвѣдом-

(1) А. И. т. 4-й, № 214; т 5 й, № 31.

(2) Доп. къ А. И. т. 3-й, № 20.

(3) Доп. къ А. И. т. 4-й, № 138; П. С. З. № 1594, 1835. А. И. т 4-й, № 32, стр. 109.

(4) А. И. т. 5-й, № 223.

(5) А. И т. 5-й, № 31.

ственныхъ ему городахъ и пригородахъ; но и послѣднему запрещено было верстать дѣтей и родственниковъ извѣстнаго чина служилыхъ людей въ другія службы (1). Астраханскому воеводѣ и стрѣлецкому головѣ запрещено было безъ царскаго указа прибирать стрѣльцовъ въ посланные туда Московскіе стрѣлецкіе полки (2); это ограниченіе было вѣроятно слѣдствіемъ стрѣлецкихъ бунтовъ.

Воеводы имѣли право верстать поступающихъ на службу и въ дѣти боярскіе: въ 1617 году Калужскому воеводѣ предписано было, выпросивъ окладчиковъ изъ тѣхъ городовъ, гдѣ недоросли поспѣли на службу, поверстать ихъ жалованьемъ, помѣстьями и деньгами, и книги своего верстанья за приписью дьяка прислать къ государю въ Москву (3). Въ 1661 году Верхотурскій сынъ боярскій въ жалобѣ, поданной государю, писалъ, что онъ Верхотурскимъ воеводою поверстанъ былъ изъ стрѣлецкихъ десятниковъ въ дѣти боярскіе, но потомъ отставленъ отъ службы безъ вины, чѣмъ онъ униженъ противъ своей братьи, которые изъ стрѣльцовъ и казаковъ поверстаны въ дѣти боярскіе (4). Указомъ 1671 года, которымъ запрещено было Сибирскимъ воеводамъ верстать въ какіе бы то ни было чины собственною властью, отнято у нихъ право верстать и въ дѣти боярскіе, ибо въ 1678 году Верхотурскій воевода писалъ царю, что онъ не смѣетъ дать жалованье дѣтямъ боярскимъ, верстаннымъ безъ царскаго указа, равно какъ и опредѣленнымъ на службу

---

(1) П. С. З. № 1594, 1670, 1835; А. И. т. 5-й, № 240.

(2) А. И. т. 5-й, № 207.

(3) С. Г. Г. т. 3-й, № 36.

(4) Доп. къ А. И. т. 4-й, № 103.

изъ тяглыхъ людей (1). Позднѣе это запрещеніе встрѣчается постоянно въ наказахъ Сибирскимъ воеводамъ. Въ Русскихъ городахъ верстаніе дѣтей боярскихъ на службу воеводами было всегда исключеніемъ; обыкновенно для этого посылались изъ Москвы особые разборщики въ одинъ или нѣсколько городовъ. Пріѣхавъ на мѣсто, разборщики брали у воеводъ подъячихъ для письмоводства, а для разсылокъ служилыхъ людей, которыхъ посылали въ уѣздъ съ порученіемъ выслать къ нимъ въ городъ дворянъ и дѣтей боярскихъ для смотра и разбора. Когда они съѣзжались, разборщики брали у нихъ имена прежнихъ окладчиковъ, а если ихъ уже не было въ живыхъ, приказывали выбрать новыхъ, сколько было потребно. Окладчики вмѣстѣ съ разборщиками производили разборъ и верстаніе, по окончаніи котораго разборныя книги отсылались въ Разрядъ (2); списокъ же оставлялся у городоваго воеводы, который держалъ его въ съѣзжей избѣ за своею печатью, и передавалъ его своимъ преемникамъ (3). Иногда разборъ производился въ Москвѣ, и разборщики посылались въ города только для того, чтобы разсмотрѣть, которые недоросли поспѣли на службу, и выслать ихъ въ Москву (4); иногда же разборъ поручался самимъ воеводамъ (5). Здѣсь не было постоянныхъ правилъ и строго опредѣленнаго вѣдомства; верстаніе производилось по временамъ, и почти всѣ такого рода дѣла не

---

(1) А. И. т. 5-й, № 31.
(2) См. П. С. З. № 482, 615, 744, 745.
(3) А. И. т. 5 й, № 161.
(4) П. С. З. № 86, 481.
(5) Тамъ же, № 744, 745.

принадлежали къ постоянному вѣдомству одного лица, но поручались тому или другому, смотря по обстоятельствамъ.

Вступившіе на службу не могли быть переводимы изъ чина въ чинъ безъ царскаго указа (1); Сибирскимъ воеводамъ въ 1671 году запрещено было также переводить служилыхъ людей изъ города въ городъ (2). Переводъ въ высшіе чины влекъ за собою увеличеніе окладовъ жалованья, а въ Московскомъ государствѣ единственное правило, которое проводилось во всей строгости, единственная цѣль, которая постоянно имѣлась въ виду, было то, чтобы областные правители не дѣлали сами собою никакихъ расходовъ изъ царской казны. Поэтому воеводамъ всегда строго запрещалось подъ страхомъ взысканія всѣхъ казенныхъ расходовъ и убытковъ прибавлять кому бы то ни было оклады жалованья безъ царскаго указа, и сверхъ оклада верстать въ какую бы то ни было службу. Если кто заслуживалъ прибавленіе жалованья, воевода долженъ былъ писать о томъ царю и просить его разрѣшенія (3). Но когда дѣло шло объ уменьшеніи расходовъ, воеводамъ предоставлялось иногда очень обширная власть: такъ въ 1623 году Тобольскій воевода князь Сулешевъ по собственному усмотрѣнію отнялъ хлѣбное жалованье у тѣхъ служилыхъ людей, которые владѣли помѣстьями и угодьями, и только тѣмъ, у которыхъ пашни было недостаточно, давалъ хлѣбнаго жалованья на придачу; царь впослѣдствіи утвер-

(1) А. И. т. 4-й, № 214, 236, т. 5-й, № 7; П. С. З. № 1594.

(2) А. И. т. 4-й, № 223. Это подтверждено въ наказѣ Тобол. воев. П. С. З. № 1594.

(3) А. И. т. 4-й, № 214, 236; т. 5-й, № 7; Доп къ А. И. т. 3-й, № 83, т. 4-й, № 138. П. С. З. № 1594, 1792.

дилъ это распоряженіе и сдѣлалъ его постояннымъ закономъ (1). Но вообще воеводамъ предписывалось выдавать жалованье служилымъ людямъ по окладамъ въ опредѣленные сроки, безъ всякаго вычета, при себѣ и при полковыхъ начальникахъ. Для отвращенія злоупотребленій запрещалось выдавать жалованье заочно и покупать у служилыхъ людей хлѣбныя дачи. Выданное жалованье записывалось отдѣльно для каждаго человѣка въ расходныя или раздаточныя книги, которыя посылались въ Москву (2).

Наконецъ относительно отставки служилыхъ людей существовали разныя правила: въ наказѣ, данномъ Чебоксарскому стрѣлецкому головѣ въ 1626 году, ему предоставлено было право отставлять отъ службы тѣхъ стрѣльцовъ, которые стары, больны, негодны или воры (3); Астраханскимъ воеводамъ въ 1628 году велѣно было смотрѣть, чтобы стрѣлецкіе головы не отставляли отъ службы стрѣльцовъ иначе, какъ за старость и за увѣчье (4); но въ наказѣ Архангельскому стрѣлецкому головѣ 1646 года ему велѣно было тѣхъ стрѣльцовъ, которые стары, увѣчны и въ службу негодны, осматривать, и, объявивъ о нихъ воеводѣ, писать о томъ въ Новгородскую Четверть, а безъ царскаго указа отъ службы ихъ не отставлять (5). По недостатку данныхъ не возможно рѣшить, сдѣлалось ли это общимъ правиломъ или было только частнымъ

---

(1) П. С. З. № 1394, 1670.

(2) А. И. т. 3-й, № 134; Д. къ А. И. т. 3-й, № 20; А. А. Э. т. 4-й, № 206; П. С. З. № 1379, 1342.

(3) А. А. Э. т. 3-й, № 167.

(4) А. И. т. 3-й, № 154.

(5) Доп. къ А. И. т. 3-й, № 16.

случаемъ. Старыхъ и увѣчныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ обыкновенно отставляли отъ службы разборщики (1); но въ Сибири это право принадлежало воеводамъ, или по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ изъ нихъ. Въ 1661 году Верхотурскій сынъ боярскій жаловался на то, что воевода отставилъ его отъ службы безъ вины; царь велѣлъ его снова опредѣлить на прежнее мѣсто, но ни въ жалобѣ, ни въ царской грамотѣ ничего не сказано объ томъ, чтобы воевода не могъ отставить его безъ указа (2). Тобольскому воеводѣ въ 1697 году велѣно было по пріѣздѣ пересмотрѣть дворянъ и дѣтей боярскихъ, и тѣхъ, которые устарѣли и въ походъ ходить не могутъ, опредѣлять, по усмотрѣнію, къ гражданскимъ дѣламъ (3).

5) *Помѣстныя дѣла.* Въ помѣстныхъ дѣлахъ власть воеводъ была различна. Въ Уложеніи вообще постановлено, чтобы просьбы о мѣнѣ помѣстій подавались въ помѣстный приказъ; сдаточныя помѣстья, о которыхъ не было прошеній въ помѣстномъ приказѣ, велѣно было отбирать у владѣльцевъ, потому что они владѣютъ ими безъ царскаго указа (4). Но въ 1651 году введено участіе воеводъ въ этихъ сдѣлкахъ: если одинъ изъ мѣняющихся помѣщиковъ по болѣзни или по другой важной причинѣ не могъ пріѣхать въ Москву, тогда обоихъ допрашивалъ воевода того города, гдѣ они жили, и допросныя рѣчи присылалъ въ Москву. Воеводамъ же предоставлено было право допрашивать помѣщичьихъ вдовъ и дочерей, которыя посту-

(1) П. С. З. № 613.

(2) Доп. къ А. И. т. 4 й, № 103.

(3) Нак. Тобольскому воев. П. С. З. № 1594.

(4) Улож. гл. XVI ст. 2, 12.

пались своими прожиточными помѣстьями, мѣнялись ими, или приносили ихъ въ приданое при замужствѣ (1). Указомъ 1699 года воеводамъ предоставлено было еще болѣе правъ: купчія, закладныя, поступныя и всякія крѣпости, которыя принадлежали къ вѣдомству помѣстнаго приказа, дозволено было совершать въ городахъ, гдѣ были Разряды, на всякую сумму, въ прочихъ же городахъ воеводы могли совершать эти крѣпости на сумму не выше 100 рублей (2). Просьбы о пожалованьи въ помѣстье или о продажѣ въ вотчину выморочныхъ помѣстій, пустошей и порожнихъ земель, также подавались въ помѣстный приказъ (3); просителямъ выдавались на пожалованныя помѣстья отказныя грамоты, которыя они представляли въ городахъ воеводамъ и приказнымъ людямъ, и тогда послѣдніе дѣлали распоряженія объ отмежеваніи розданныхъ земель (4). Но иногда для раздачи и отмежеванія пожалованныхъ земель посылались изъ Москвы особые дворяне и межевщики, или же это поручалось писцамъ, посланнымъ для поземельной описи (5). Сами воеводы могли однакоже раздавать въ помѣстья дикія поля, но такъ какъ при этомъ часто происходили злоупотребленія, то посылаемымъ дворянамъ поручалось повѣрять межеваніе, и лишнія земли отбирать въ казну (6). Помѣстьями верстали также разборщики и воеводы при опредѣленіи

---

(1) П. С. З. № 1277.
(2) Тамъ же, № 1732.
(3) Тамъ же, № 933.
(4) Тамъ же, № 552.
(5) Тамъ же, № 632, 1013 п. 25, 26.
(6) Тамъ же, № 552.

на службу новиковъ, а иногда воеводамъ поручалось и общее испомѣщеніе служилыхъ людей (1).

Новгородскіе воеводы сначала имѣли право раздавать въ помѣстья однѣ порожнія земли; въ 1627 году изданъ былъ указъ, подтвержденный неоднократно, чтобы воеводы не раздавали безъ царскаго указа выморочныхъ и утаенныхъ помѣстій, вылганныхъ вотчинъ и примѣрныхъ земель. Однакоже этотъ указъ не исполнялся, и въ 1652 году подана была на это жалоба, вслѣдствіе которой подтвержденъ прежній указъ со включеніемъ запрещенія росписывать (укрѣплять) мѣновыя помѣстья и вотчины; позволено было раздавать однѣ порожнія земли (2). Но и этотъ указъ не исполнялся, и въ 1675 году послѣдовала новая жалоба Новгородскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ на Новгородскаго воеводу, который на основаніи ложныхъ прошеній, гдѣ земли ихъ неправильно назывались обводными, посылалъ изъ Новгорода отдѣльщиковъ, которые производили пристрастныя слѣдствія и отбирали у нихъ земли. Изданъ былъ новый указъ, чтобы по прежнимъ указамъ выморочныхъ, утаенныхъ и вылганныхъ помѣстій и вотчинъ, и обводныхъ, прописныхъ и примѣрныхъ земель безъ царскаго указа не раздавать, и мѣновыхъ помѣстій и вотчинъ не росписывать, а раздавать однѣ порожнія земли, которыя написаны въ писцовыхъ книгахъ (3). Этотъ указъ былъ только подтвержденіемъ и дополненіемъ прежнихъ; между тѣмъ вслѣдъ за его изданіемъ Новго-

---

(1) Д. къ А. И. т. 5-й, № 60, V.

(2) Полн. Собр. Зак. № 89.

(3) Тамъ же, № 601, 627. Обводными землями назывались лишнія земли, отведенныя при отмежеваніи.

родскіе дворяне и дѣти боярскіе подали царю новую просьбу, въ которой они писали, что по ихъ челобитью не велѣно раздавать обводныхъ земель, сдаточныхъ и выморочныхъ помѣстій, и запрещено укрѣплять передачу вотчинъ и мѣну помѣстій, а они просили только объ томъ, чтобы обводныхъ земель не раздавать до писцовъ, объ остальномъ же никогда не просили и не знаютъ, кто составилъ такую ложную челобитную. Въ первомъ ихъ прошеніи дѣйствительно говорилось только объ обводныхъ земляхъ, но указъ изданъ былъ въ подтвержденіе прежнимъ, и только включены были пропущенныя прежде обводныя земли. Недоразумѣніе произошло отъ того, что прежніе указы никогда не исполнялись, и просители не знали даже о ихъ существованіи, такъ что подтвержденіе казалось имъ нововведеніемъ. Это видно изъ продолженія этой самой челобитной, гдѣ сказано, что до этого указа Новгородскіе воеводы сдавали выморочныя, родственныя, сдаточныя и прожиточныя помѣстья, и расписывали мѣновыя помѣстья. Дворяне и дѣти боярскіе просили, чтобы и впредь царь дозволилъ совершать эти акты въ Новгородѣ, потому что многимъ изъ нихъ по бѣдности, по дальности разстоянія и по дѣламъ службы невозможно ѣздить въ Москву. Царь согласился на ихъ просьбу и велѣлъ помѣстныя и вотчинныя земли справлять въ Новгородѣ, за исключеніемъ обводныхъ и оброчныхъ земель (1). Это упорное неисполненіе законовъ яркими чертами характеризуетъ административный безпорядокъ того времени: здѣсь не только опущеніе какого нибудь предписанія, но постоянное совершеніе незаконныхъ актовъ, которые однакоже

(1) П. С. З. № 627.

считаются законными, не смотря на всѣ указы. Безсиліе центральной власти ясно выражается и въ слѣдующемъ обстоятельствѣ: Новгородскимъ воеводамъ постоянно предписывалось ежегодно присылать въ Москву даточныя книги помѣстнымъ землямъ, но они часто не исполняли этого впродолженіе многихъ лѣтъ. Въ 1651 году въ помѣстномъ приказѣ потребовались Новгородскія даточныя книги прошедшаго года, вслѣдствіе чего къ воеводѣ и дьяку посланы были двѣ грамоты съ предписаніемъ тотчасъ прислать эти книги въ помѣстный приказъ, и впредь присылать ихъ всегда въ Сентябрѣ или въ Октябрѣ, не дожидаясь новаго предписанія. За ослушаніе грозили послать изъ Москвы нарочнаго пристава, и прогоны взыскать вдвое съ дьяка и подъячаго, которымъ сверхъ того угрожалось великимъ наказаніемъ, потому что по ихъ оплошности въ дѣлахъ происходила остановка. Не смотря на это, въ 52 году царю доложили, что книги еще не присланы, вслѣдствіе чего вышелъ подтвердительный указъ, который посланъ былъ въ Новгородъ съ нарочнымъ гонцемъ. Съ 53 года до 70-го книги доставлялись исправно, но съ 70 до 76-го опять ихъ не присылали, вслѣдствіе чего въ 75 году изъ помѣстнаго приказа послана была подтвердительная грамота; однако еще въ 76 году воевода и дьякъ не только не присылали книгъ, но даже не отвѣчали на грамоту (1).

Указомъ 1676 года Новгородскимъ воеводамъ предоставлено было совершеніе помѣстныхъ актовъ и раздача въ помѣстья нѣкоторыхъ земель; но послѣдняя производилась также изъ помѣстнаго приказа. Цен-

(1) П. С. З. № 89, 601, 627.

тральная власть имѣла тоже самое вѣдомство, съ тою же степенью власти, какъ и мѣстная, такъ что онѣ необходимо должны были придти въ столкновеніе, и нужны были законныя постановленія для разрѣшенія возникшихъ затрудненій. Въ 1699 году выморочныя и утаенныя помѣстья и порожнія земли, розданныя въ Новгородѣ, утверждены были за тѣми, кому онѣ розданы до 89 года, розданныя же съ 89 до 99-го утверждались за владѣльцами только въ томъ случаѣ, если онѣ въ это время никому не были отданы изъ помѣстнаго приказа; иначе ихъ получали послѣдніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ ограничена была власть воеводъ: кромѣ обводныхъ и оброчныхъ земель, имъ запрещено было раздавать выморочныя, утаенныя и воровскія помѣстья, которыми позволено было жаловать не иначе, какъ по именному указу; обводныя земли вовсе запрещено было раздавать, а объ оброчныхъ постановлены особенныя статьи (1). Это былъ послѣдній указъ о Новгородскихъ помѣстьяхъ.

Псковскія помѣстья и вотчины въ 1666 году по челобитью дворянъ и дѣтей боярскихъ велѣно было давать имъ по тѣмъ же правиламъ, какъ въ Новгородѣ; но въ 1670 году царю донесли, что въ Псковѣ раздаются порожнія церковныя и оброчныя земли и всякія угодья мимо царскаго указа, вслѣдствіе чего запрещено было давать въ Псковѣ какія бы то ни было помѣстья и вотчины. Это было очень стѣснительно для помѣщиковъ, которые просили, чтобы ради ихъ разоренія и службы, имъ позволено было по прежнему справлять во Псковѣ прожиточныя, родственныя и мѣновыя помѣстья. Царь приказалъ давать

(1) П. С. З. № 1676.

имъ помѣстья и вотчины по указу 66 года, кромѣ оброчныхъ и церковыхъ земель и угодій, а даточныя книги присылать ежегодно въ Москву (1). Въ этихъ измѣненіяхъ выказываются тѣ частныя, случайныя соображенія, которыя такъ часто руководствовали законодательною дѣятельностью Московскаго государства. Въ остальныхъ городахъ помѣстья раздавались и справлялись изъ помѣстнаго приказа; но въ 1702 году въ вѣдомство приказа Казанскаго Дворца отданы были всѣ дѣла, которыя касались до помѣстій, лежавшихъ въ подвѣдомственныхъ ему областяхъ (2).

6) *Судъ и совершеніе гражданскихъ актовъ.* Воеводы завѣдывали гражданскимъ и уголовнымъ судомъ. Относительно власти воеводъ въ гражданскихъ дѣлахъ есть нѣсколько противорѣчащихъ извѣстій: Котошихинъ говоритъ, что воеводы большихъ городовъ, при которыхъ были дьяки, могли судить долговыя дѣла цѣною до 100, до 500, до 1,000 и до 10,000 рублей, однакоже въ большихъ искахъ въ 1,000 и 10,000 рублей они никого не могли обвинить безъ царскаго указа; въ среднихъ же и малыхъ городахъ, куда опредѣлялись воеводы одни или съ подъячими, они могли судить дѣла только до 20 рублей, а болѣе цѣнныя тяжбы судились въ Москвѣ. Послѣднее подтверждается Уложеніемъ (3), гдѣ положено давать судъ въ городахъ въ искахъ цѣною до 20 рублей, а въ болѣе цѣнныхъ искахъ, равно какъ въ вотчинныхъ, помѣстныхъ и холопьихъ дѣлахъ суда не давать, за исключеніемъ тѣхъ городовъ, гдѣ съ воеводами бы-

(1) П. С. З. № 394, 487, 628.

(2) Тамъ же, № 1903.

(3) Гл. XIII, ст. 3.

ваютъ дьяки, и понизовыхъ городовъ, которые подчинены приказу Казанскаго Дворца. Между тѣмъ почти ни въ одномъ изъ наказовъ, данныхъ воеводамъ главныхъ городовъ, даже тѣмъ, при которыхъ не было ни дьяка, ни подьячаго, не упоминается объ ограниченіи ихъ судебной власти. Этого опущенія нельзя приписать тому, что это правило и безъ того было извѣстно, какъ общее всему государству, ибо встрѣчаются наказы данные воеводамъ приписныхъ и нѣкоторыхъ незначительныхъ городовъ (1), гдѣ прямо запрещено судить большія дѣла, и вообще въ наказахъ довольно точно опредѣлялись дѣла, которыя слѣдовало отсылать въ Москву или производить съ царскаго разрѣшенія. Слѣдственно надобно предполагать, что высказанное Уложеніемъ правило не было общимъ; власть каждаго воеводы опредѣлялась наказомъ, и здѣсь часто могло быть отклоненіе отъ общаго правила, какъ вообще въ Московскомъ государствѣ частные случаи преобладали надъ общими постановленіями. Что касается до ограниченія власти большихъ воеводъ, о которомъ говоритъ Котошихинъ, то объ немъ нигдѣ не упоминается, и съ достовѣрностью можно сказать, что юридическаго ограниченія не было; воеводамъ вообще предоставлялось присылать въ Москву тѣ дѣла, «которыхъ за чѣмъ либо вершить будетъ не мочно», и вѣроятно они посылали тѣ важныя и значительныя дѣла, въ которыхъ встрѣчали затрудненія. Эта неопредѣленность была гораздо болѣе въ духѣ того времени, нежели точное означеніе

---

(1) Наказъ Ольшанскому воеводѣ. А. И. т. 3-й, № 161. Дмитровскому Временникъ 1849 г. кн. 4-я матеріалы, стр. 30. Здѣсь воеводѣ предоставлено судить дѣла только до 10 руб., но это было въ 1644 г.

предѣловъ власти, которое имѣло мѣсто только относительно дѣлъ, касавшихся до казеннаго интереса. Однакоже если не было законнаго ограниченія воеводской власти, то съ другой стороны истцы всегда могли требовать отвѣтчиковъ къ суду въ Московскіе приказы, вмѣсто того, чтобы судиться у городовыхъ воеводъ. Не было установленнаго хода по инстанціямъ: просьбу можно было подать, какъ мѣстному судьѣ, такъ и въ Московскіе приказы; однакоже въ послѣднемъ случаѣ отвѣтчики не всегда вызывались въ Москву, но иногда царь предписывалъ воеводѣ рѣшить дѣло на мѣстѣ (1). Въ духовномъ вѣдомствѣ, если кто нибудь изъ Московскихъ чиновниковъ имѣлъ дѣло до духовнаго лица, жившаго въ епархіи, и если истецъ по дѣламъ службы или по какой нибудь нуждѣ не могъ ѣхать въ епархію, чтобы подать просьбу архіерею, и не могъ послать никого вмѣсто себя, онъ имѣлъ право искать суда у патріарха въ Москвѣ и просить у него зазывную грамоту, по которой отвѣтчикъ призывался къ суду въ Москву (2). Подсудность между жителями разныхъ округовъ разрѣшалась здѣсь частными удобствами истца. Подобное было и въ свѣтскомъ судѣ; такая неопредѣленность была совершенно согласна съ духомъ того времени, но для отвѣтчиковъ это было чрезвычайно тяжело. Дальнее путешествіе и хожденіе по Московскимъ приказамъ были весьма разорительны, вслѣдствіе чего городскіе жители испрашивали себѣ у царей жалованныя грамоты, которыми ограничивалось право требовать ихъ къ суду въ Москву. Иногда этими грамотами опредѣ-

(1) А. И. т. 3-й. № 187, 202, 286.
(2) А. А. Э. т. 4-й, № 204, ст. 7.

лялась цѣна иска, ниже которой дѣло должно было судиться въ самомъ городѣ; такъ напримѣръ, у Псковичей до 1633 года была грамота, по которой въ искахъ менѣе ста рублей ихъ велѣно было судить въ Псковѣ (1). Но такого рода ограниченія подавали поводъ къ злоупотребленіямъ: истцы въ прошеніяхъ своихъ назначали высшую цѣну иску, и потомъ, когда дѣло уже судилось въ Москвѣ, отступались отъ прежняго требованія и мирились на меньшую цѣну. Для предупрежденія этого, жителямъ нѣкоторыхъ городовъ, напримѣръ Шуянамъ и Суздальцамъ, давались жалованныя грамоты, которыми дозволялось требовать ихъ къ суду въ Москву не иначе, какъ по крѣпостнымъ дѣламъ (2). Другіе же, напримѣръ Псковичи и Новгородцы, вовсе освобождались отъ обязанности ѣздить въ Москву; всѣ тяжбы ихъ должны были судиться на мѣстѣ. Такимъ образомъ и вопросъ о подсудности разрѣшался частными обстоятельствами, правами, дарованными отдѣльнымъ общинамъ, не говоря уже объ изъятіяхъ изъ общей подсудности, о которыхъ будетъ сказано ниже.

Тяжущіеся могли устранять воеводу отъ рѣшенія дѣла по свойству или по недружбѣ; въ такомъ случаѣ предписывалось, какъ ихъ, такъ и людей ихъ и крестьянъ, судить воеводамъ другихъ городовъ, которые находились отъ того города на разстояніи 150 верстъ; иначе дѣла переносились въ судный приказъ (3). Въ 1680 году велѣно было въ случаѣ отвода воеводы переносить дѣло въ одинъ городъ по просьбѣ истца, и

---

(1) А. А. Э. т. 3-й, № 227.

(2) Описаніе Шуи № 29.

(3) П. С. З. № 331.

въ другой по просьбѣ отвѣтчика, а болѣе того не переносить, чтобы не произвести въ дѣлахъ слишкомъ большой остановки (1).

Переносъ дѣлъ изъ городовъ въ Москву имѣлъ мѣсто: 1) если воевода за чѣмъ либо не могъ рѣшить дѣла; въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ взять съ тяжущихся поручныя записи и прислать ихъ въ Москву. Если онъ этого не исполнялъ, и по окончаніи суда за недостаткомъ поручителей не съ кого было производить взысканіе, тогда къ нему посылалась грамота съ требованіемъ поручныхъ записей, и со времени постановленія рѣшенія до присылки записей съ него взыскивались проѣсти и волокиты по гривнѣ въ день въ пользу того тяжущагося, который былъ оправданъ судомъ; если же онъ и послѣ того не присылалъ записей, съ него взыскивался и самый искъ (2); 2) по жалобѣ тяжущихся на неправый судъ: если открывалось, что судья неправильно рѣшилъ дѣло по лихоимству, по дружбѣ или недоброжелательству, то съ него взыскивался тройной искъ въ пользу истца и судебныя пошлины въ пользу казны, да кромѣ того у думныхъ людей отнималась честь, а другіе подвергались торговой казни, и не опредѣлялись болѣе ни къ какимъ дѣламъ (3). О неправильномъ рѣшеніи дѣла безъ умысла относительно воеводъ ничего не сказано, но приказные люди подвергались за это наказанію, по усмотрѣнію государя; апелляція въ то время не отличалась еще отъ жалобы.

---

(1) П. С. З. № 837.

(2) Улож. гл. X, ст. 130, 131.

(3) Улож. гл. X, ст. 5, 6.

Когда тяжущійся подавалъ прошеніе на воеводу, къ послѣднему отправлялась грамота съ требованіемъ прислать дѣло въ Москву. По указу 1701 года, если воевода по тремъ грамотамъ не отсылалъ дѣла, съ него взыскивались—за первую подписныя и печатныя пошлины, да проѣсти и волокиты истцу, за вторую 25 рублей пени, за третью 50; если же онъ противился взысканію этихъ денегъ, у него отнимались всѣ вотчины и помѣстья. Вмѣстѣ съ тѣмъ велѣно было просителямъ подавать грамоты воеводамъ въ приказныхъ палатахъ при свидѣтеляхъ, и въ жалобахъ на ослушаніе воеводъ писать имена этихъ свидѣтелей, чтобы впредь у нихъ съ воеводами не было спора (1).

Наконецъ воеводамъ поручались нѣкоторыя исполнительныя дѣла по тяжбамъ, которыя судились въ Москвѣ. Вызовъ отвѣтчиковъ къ суду въ Московскіе приказы совершался черезъ посылаемыхъ изъ Москвы приставовъ или посредствомъ зазывныхъ грамотъ; одинъ способъ замѣнялся другимъ безъ всякаго точнаго правила. Если посланный приставъ, вслѣдствіе сопротивленія отвѣтчика, не могъ отдать его на поруки, онъ долженъ былъ подать о томъ въ приказъ доѣздную память, по которой судьи посылали другаго пристава; къ воеводѣ же того города отправлялась грамота, чтобы онъ на ослушника далъ приставу стрѣльцовъ, пушкарей и затинщиковъ, сколько будетъ потребно. Если отвѣтчикъ, отданный приставомъ на поруки, не являлся къ суду въ назначенный срокъ, тогда истцу давалась зазывная грамота на имя воеводы того города съ предписаніемъ сыскать отвѣтчика, отдать его на поруки и велѣть ему явиться къ суду

(1) П. С. З. № 1871.

въ назначенный срокъ. Истецъ съ этою грамотою самъ ѣхалъ на мѣсто жительства отвѣтчика, или посылалъ своего человѣка къ воеводѣ, который, собравъ поручныя записи, присылалъ ихъ въ Москву съ донесеніемъ объ исполненіи приказанія. Если отвѣтчикъ сопротивлялся воеводѣ, и порукъ на себя не давалъ, то воевода писалъ о томъ къ государю, и тогда ему посылалась царская грамота съ приказаніемъ послать на ослушника служилыхъ людей въ достаточномъ количествѣ и, взявши его, выслать съ поруками въ Москву. Если по тремъ зазывнымъ грамотамъ отвѣтчикъ оказывалъ сопротивленіе, и воевода всѣ три раза доносилъ царю о его ослушаніи съ присовокупленіемъ доѣздныхъ памятей за подписью посланныхъ по немъ людей и постороннихъ понятыхъ, тогда за отвѣтчикомъ посылался изъ приказа приставъ для доставленія его въ Москву, гдѣ онъ уже обвинялся безъ суда (1). Но въ судныхъ статьяхъ 1685 года велѣно было посылать пристава послѣ перваго донесенія воеводы о непослушаніи отвѣтчика (2). Для насъ кажется страннымъ это безсиліе исполнительной власти: воевода не прежде оказываетъ содѣйствіе приставу и не прежде самъ посылаетъ служилыхъ людей на ослушника, какъ получивши о томъ царскую грамоту, да и тогда еще онъ не всегда можетъ справиться съ отвѣтчикомъ. Случалось также, что самъ воевода, норовя отвѣтчику, пренебрегалъ исполненіемъ предписаній; въ такомъ случаѣ единственнымъ наказаніемъ было то, что истцу

---

(1) Улож. гл. X, ст. 114, 119. 120, 144; Юрид. Акты, № 57.
(2) П. С. З. № 1140, ст. 6.

предоставлялось право требовать съ него судомъ пошлины за зазывныя грамоты (1).

Кромѣ вызова къ суду, воеводы исполняли и другія предписанія Московскихъ судебныхъ мѣстъ: если нужно было сдѣлать въ городѣ допросъ или обыскъ, къ воеводѣ посылалась сыскная грамота, по которой онъ поручалъ исполненіе кому нибудь изъ служилыхъ людей (2), но иногда для этого посылались изъ Москвы особые сыщики. Точно также и размежеваніе спорныхъ земель поручалось иногда воеводамъ или губнымъ старостамъ, иногда посылаемымъ изъ Москвы межевщикамъ (3).

Къ гражданскимъ дѣламъ, которыя завѣдывались воеводами, принадлежало совершеніе крѣпостныхъ актовъ. Акты писались площадными подъячими подъ надзоромъ старосты, который назначался царемъ по просьбѣ самихъ подъячихъ. Староста смотрѣлъ, чтобы подъячіе ничего не дѣлали противнаго указамъ, и если кто нибудь изъ нихъ не повиновался ему, онъ доносилъ о томъ въ приказную палату; тогда воевода устранялъ виновнаго отъ дѣлъ (4). Написанная крѣпость представлялась для утвержденія въ приказную палату, гдѣ совершавшіе ее допрашивались воеводою, послѣ чего актъ вносился въ книги (5). Власть воеводъ относительно совершенія актовъ была различна: мы видѣли выше, что нѣкоторые воеводы могли справлять помѣстья и вотчины, другіе же были лишены

(1) Улож. гл. XVIII, ст. 44.

(2) Улож. гл. XVIII, ст. 36; П. С. З. № 742, 1294; Юрид. Акты № 315.

(3) Улож. гл. XVII, ст. 52, 53.

(4) А. И. т. 5-й, № 149.

(5) Описаніе Шуи, № 75.

этого права. Въ Уложеніи (1) постановлено, чтобы вольные люди, желающіе вступить къ кому либо въ крестьяне или бобыли, приводились для записки въ Москву въ помѣстный приказъ; но нѣкоторымъ воеводамъ, а именно Казанскому, Новгородскому и Псковскому, предоставлено было право совершать эти акты какъ въ подвѣдомственныхъ имъ уѣздахъ, такъ и въ пригородахъ. Странно, что таже власть не предоставлена была Астраханскому воеводѣ. Въ Уложеніи же (2) предписывается воеводамъ и приказнымъ людямъ давать на холоповъ служилыя кабалы за своею подписью, а не съ однимъ приложеніемъ печати, вслѣдствіе чего запрещено совершать эти акты въ такихъ городахъ, гдѣ воеводы и приказные люди не знають грамоты, и гдѣ притомъ нѣтъ губнаго старосты, который всегда былъ грамотный. Кабальныя записныя книги отсылались воеводами въ Москву также за собственною подписью или за подписью приказныхъ людей.

Къ уголовнымъ дѣламъ принадлежали государственныя преступленія, губныя дѣла, то есть, разбой, воровство и убійство, и наконецъ другія менѣе значительныя преступленія. Государственныя преступленія всегда подлежали суду воеводъ: въ наказѣ Астраханскому воеводѣ 1628 года велѣно было въ случаѣ извѣщенія объ измѣнѣ, Русскихъ людей и иноземцевъ черныхъ людей пытать, и обо всемъ доносить государю, а мурзъ держать подъ стражею, и писать о нихъ государю, но до указа ихъ не пытать. Въ Уложеніи (3) общимъ правиломъ постановлено доносы

(1) Гл. XI, ст. 20.

(2) Гл. XX, ст. 72, 73.

(3) Гл. II, ст. 18, гл. VI, ст. 6.

о государственныхъ преступленіяхъ подавать въ Москвѣ царю, его боярамъ и ближнимъ людямъ, а въ городахъ воеводамъ и приказнымъ людямъ. Воеводы должны были производить слѣдствіе объ обвиненныхъ и доносить о томъ государю; приговоръ произносился не иначе, какъ по царскому указу. Это правило наблюдалось даже для самыхъ отдаленныхъ воеводъ: Якутскіе воеводы не смѣли казнить измѣнника безъ царскаго разрѣшенія (1). Но въ началѣ царствованія Петра Великаго нѣкоторымъ воеводамъ предоставлено было болѣе власти: воеводамъ Казанскому и Новгородскому (2) позволено было самимъ казнить измѣнниковъ, если нужно было немедленно укротить мятежъ и если они считали опаснымъ откладывать наказаніе: Тюменскому воеводѣ велѣно было въ этомъ случаѣ «учинить указъ по своему опасному разсмотрѣнію и по совѣту съ старыми тамошними лучшими людьми», и немедленно доносить въ Сибирскій приказъ обо всѣхъ сдѣланныхъ распоряженіяхъ (3). Впрочемъ послѣдній и безъ крайнихъ обстоятельствъ долженъ былъ ждать разрѣшенія изъ Москвы только въ большихъ дѣлахъ, точно также какъ Верхотурскій воевода, которому предписано было писать въ Сибирскій приказъ, «если для какого великаго дѣла указъ учинить не мочно» (4). Наконецъ Астраханскимъ воеводамъ предоставлено было право по собственному усмотрѣнію пытать и мурзъ въ случаѣ важнаго обвиненія, когда не было другаго средства узнать истину и даже казнить ихъ безъ цар-

(1) Наказъ 1638. Доп. къ А. И. т. 4-й, № 46.

(2) Наказы 1697 и 99 г. П. С. З. № 1579, 1738.

(3) Наказъ 1699. П. С. З. № 1670.

(4) Наказъ 1697 г. П. С. З. № 1593.

скаго указа, съ тѣмъ только ограниченіемъ, чтобъ измѣнившихъ въ первый разъ не предавать смерти, если по нихъ будутъ поруки, что они впредь останутся вѣрны царю (1). Изъ этихъ разнородныхъ постановленій видно, что въ началѣ царствованія Петра господствовалъ еще старый порядокъ; но замѣчательно то, что всѣ другіе законы этого времени имѣли въ виду ограничить произволъ воеводъ, а здѣсь напротивъ имъ предоставлена бо̀льшая независимость отъ центральной власти. Можно предполагать, что причиною этихъ распоряженій была потребность усмирить непокорныхъ инородцевъ, чего нельзя было сдѣлать, не увеличивши правъ тѣхъ воеводъ, которые имѣли съ ними дѣло; наказъ же Новгородскому воеводѣ данъ былъ въ то время, когда уже готовилась война съ близкой къ Новгороду Швеціею. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ 1702 году изданъ былъ указъ въ совершенно противоположномъ направленіи: воеводамъ предписано было сказывающихъ за собою слово и дѣло присылать, не распрашивая, въ преображенскій приказъ (2), чѣмъ ограничена была даже та власть, которую они имѣли до Петра.

Губныя дѣла завѣдывались воеводами, сыщиками и губными старостами съ цѣловальниками. Обыкновенно воеводы и приказные люди завѣдывали ими тамъ, гдѣ не было губныхъ старостъ (3); сыщики же посылались по особенному распоряженію государя. Въ 1669 году велѣно было разбой, кражу и убійство вѣдать вездѣ сыщикамъ и губнымъ старостамъ, по

(1) Наказы 1694 и 1700 г. П. С. З. № 1792.

(2) П. С. З. № 1918.

(3) Улож. гл. XXI, ст. 3.

наказамъ изъ разбойнаго приказа; воеводы же совершенно устранены отъ участія въ этихъ дѣлахъ (1). Но какъ мало исполнялись въ то время такіе общіе законы, видно изъ того, что въ наказѣ 1675 года Бѣлгородскому воеводѣ по прежнему поручено было преслѣдовать и наказывать воровъ и разбойниковъ (2); въ другихъ же мѣстахъ это дѣлалось воеводами вмѣстѣ съ губными старостами (3). Черезъ десять лѣтъ изданъ былъ совершенно противоположный указъ: въ 1679 году сыщики и губные старосты были уничтожены, а губныя дѣла отданы въ вѣдомство воеводъ (4); однакоже въ 1683-мъ позволено было по просьбѣ помѣщиковъ и городскихъ жителей посылать въ города сыщиковъ съ разрѣшенія государя (5). Въ слѣдующемъ году опять возстановлены губные старосты, и губныя дѣла отняты у воеводъ (6). Видно, что не знали, какъ справиться съ разбойниками. Всѣ власти оказывались неспособными: одни, не имѣя въ рукахъ военной силы, обладали слишкомъ незначительными средствами; другіе были заняты слишкомъ разнообразными дѣлами. Петръ Великій хотѣлъ принять болѣе дѣйствительныя мѣры, предоставивъ часть этихъ дѣлъ вѣдомству центральной власти: въ 1695 году, вслѣдствіе умноженія разбоевъ, велѣно было въ

---

(1) Новоуказныя статьи о разбойныхъ, татиныхъ и убійственныхъ дѣлахъ. П. С. З. № 441 п. 2-й.

(2) А. А. Э. т. 4-й, № 206.

(3) Описаніе Шуи № 56. Переяславскій подъячій посылается въ Шую по приказанію Переяславскаго воеводы и губнаго старосты для отобранія показаній о четверыхъ Шуянахъ, пойманныхъ въ воровствѣ.

(4) П. С. З. № 779.

(5) Тамъ же, № 1071.

(6) Тамъ же, № 1062.

городахъ и уѣздахъ сотскимъ и старостамъ приводить въ приказныя избы продающихъ разныя вещи, подозрѣваемыхъ въ воровствѣ и разбоѣ; воеводамъ же присылать этихъ людей со всѣми вещами въ стрѣлецкій приказъ. Но этотъ указъ не исполнялся: воеводы не только никого не присылали въ стрѣлецкій приказъ, но даже не доносили о пойманныхъ съ крадеными вещами ворахъ и разбойникахъ, изъ которыхъ многіе винились въ разбояхъ, совершенныхъ не только въ городахъ, но и въ Москвѣ: взятыя у нихъ вещи воеводы отдавали истцамъ, или брали себѣ, и это служило для нихъ источникомъ барышей. Вслѣдствіе этого черезъ четыре мѣсяца послѣ изданія указа онъ былъ подтвержденъ, неизвѣстно съ какимъ результатомъ (1). Изъ этого видно, что не смотря на возстановленіе губныхъ старостъ, воеводы продолжали завѣдывать губными дѣлами, о чемъ свидѣтельствуютъ также наказы этого времени; иногда же губнымъ старостамъ предписывалось всѣ дѣла дѣлать вмѣстѣ съ воеводами (2). Но въ 1702 году губные старосты окончательно уничтожены, и вѣдомство ихъ перешло къ воеводамъ (3).

Не всякому воеводѣ поручалось однакоже вѣдомство губныхъ дѣлъ даже и въ тѣхъ городахъ, гдѣ не было губныхъ старостъ; губной округъ не всегда совпадалъ съ уѣздомъ, и губныя дѣла одного города и уѣзда поручались иногда воеводѣ другаго города, какъ показываетъ примѣръ Суздальскаго воеводы,

---

(1) П. С. З. № 1500, 1515. Указы 24-го Апрѣля и 2-го Сентября 1695 г.

(2) Описаніе Щуи, стр. 44.

(3) П. С. З. № 1900.

который завѣдывалъ этими дѣлами въ Шуѣ, не смотря на то, что Шуя имѣла собственнаго воеводу.

Для преслѣдованія воровъ и разбойниковъ воеводы посылали отставныхъ дворянъ, дѣтей боярскихъ и подъячихъ съ служилыми людьми, монастырскими служками и уѣздными крестьянами (1). Воеводы имѣли въ рукахъ военную силу, и не было нужды возлагать на мѣстныхъ жителей всѣ обязанности по губному управленію, какъ это дѣлалось тамъ, гдѣ имъ завѣдывали губные старосты; но при недостаткѣ служилыхъ людей, повинность оставалась, какъ постоянное вспомогательное средство; съ общинъ требовались люди для поимки воровъ и разбойниковъ, тюремные сторожа и цѣловальники, а также и деньги для построенія тюремъ.

Въ сужденіи губныхъ дѣлъ власть воеводъ была различна: нѣкоторые имѣли неограниченное право суда и наказанія, другіе же въ важныхъ дѣлахъ должны были, по произведеніи слѣдствія, дожидаться царскаго рѣшенія (2), третьи наконецъ должны были о всѣхъ преступникахъ доносить государю, и, не совершая наказанія, держать ихъ въ тюрьмѣ до указа (3). Котошихинъ говоритъ, что только воеводы Сибирскіе, Астраханскіе и Терскіе по дальности разстоянія имѣли право казнить преступниковъ смертью, да и тѣ безъ царскаго указа не могли казнить дворянъ, мурзъ, князей и знатныхъ людей; прочіе же

(1) А. А. Э. т. 4-й, № 237.

(2) Наказъ Бѣлогородскому воеводѣ А. А. Э. т. 4-й, № 206; Нижегородскому Доп. къ А. И. т. 4-й, № 134; Владимірскому 1701 г. П. С. З. № 1836.

(3) Нак. Кевролъскому и Мезенскому воеводѣ 1646 г. Д. къ А. И. т. 3-й, № 18.

никакихъ преступниковъ не могли казнить безъ разрѣшенія царя. Но это извѣстіе не подтверждается воеводскими наказами: въ наказахъ Астраханскому воеводѣ 1628 года, Пустозерскому 1647, Олонецкому 1649, Ростовскому 1661, Ярославскому 1698 (1), имъ просто предписано наказывать преступниковъ, « кто чего доведется, смотря по винѣ и по человѣку », иногда даже « нещадно »; въ губномъ наказѣ Арзамасскому воеводѣ 1679 года прямо сказано, чтобы достойныхъ смерти казнить вскорѣ, не доноса государю; Казанскому воеводѣ въ 1697 году велѣно было о совершенныхъ казняхъ доносить государю (2). Но при Петрѣ Великомъ сдѣлано было важное ограниченіе въ управленіи Сибири: Сибирскіе воеводы изъ корыстныхъ цѣлей мучили городскихъ жителей и ясачныхъ инородцевъ, и не донося о томъ государю, многихъ людей напрасно пытали и казнили. Поэтому въ 1697 году запрещено было воеводамъ, « не описався съ Великимъ Государемъ », пытать и казнить кого бы то ни было изъ Русскихъ людей и инородцевъ въ какихъ бы то ни было дѣлахъ, кромѣ тѣхъ, которыя по Уложенію подлежали пыткѣ. За совершеніе смертной казни безъ предварительнаго донесенія государю имъ самимъ угрожалось смертью (3).

Иногда воеводамъ вмѣнялось въ обязанность доносить государю о всѣхъ наказанныхъ преступникахъ.

---

(1) А. И. т. 3-й, № 134; Д. къ А. И. т. 3-й, № 19, 67. А. И. т. 4-й, № 139. П. С. З. № 1630. Нѣтъ также ограниченій въ наказахъ Калужскому воеводѣ 1617 г. С. Г. Г. т. 3-й, № 33 и Вяземскимъ 1622 г. А. И. т. 3-й, № 116.

(2) А. А. Э. т. 4-й, № 237; П. С. З. № 1379.

(3) П. С. З. № 1326.

Это предписаніе встрѣчается впрочемъ только въ наказахъ нѣкоторымъ незначительнымъ воеводамъ и въ позднѣйшихъ наказахъ, при чемъ иногда приказывалось нѣкоторыхъ преступниковъ, особенно убійцъ, по совершеніи наказанія держать въ тюрьмѣ до указа (1). Но каждый воевода, даже въ тѣхъ городахъ, гдѣ были губные старосты, долженъ былъ по принятіи должности прислать въ Москву роспись или статейный списокъ заключеннымъ въ темницѣ. Роспись заключала въ себѣ только имена заключенныхъ и ихъ преступленія, въ статейномъ же спискѣ означалось, за что взятъ заключенный, давно ли сидитъ, пытанъ ли и что говорилъ подъ пыткою. Цѣлью этого распоряженія вѣроятно былъ надзоръ за скорѣйшимъ теченіемъ дѣлъ. Тобольскому воеводѣ въ 1697 году велѣно было по пріѣздѣ пересмотрѣть заключенныхъ, и рѣшить ихъ дѣла, чтобы число ихъ не умножалось, а если по чему нибудь приговора постановить нельзя, то писать о томъ къ государю (2). Съ другой стороны предписывалось доносить о количествѣ конфискованнаго у преступниковъ имущества и проданныхъ въ пользу казны вещей (3); здѣсь былъ казенный интересъ, и требовался строгій отчетъ.

Подсудимый не имѣлъ права подать апелляцію на приговоръ воеводы, но истецъ могъ принести челобитную въ разбойный приказъ, который могъ потребовать въ Москву, какъ слѣдственное дѣло, такъ и

(1) Наказъ воеводѣ Сумерской волости Д. къ А. И. т. 3-й, № 63; Олонецкому тамъ же, № 67, Ярославскому 1698 г. П. С. З. № 1630; Владимірскому 1701 г. П. С. З. № 1836.

(2) П. С. З. № 1594. Тоже Тюменскому № 1670.

(3) А. А. Э т. 4-й, № 237.

самыхъ преступниковъ. Но въ 1672 году вслѣдствіе наполненія Московскихъ тюремъ велѣно было брать въ разбойный приказъ одни дѣла, а преступниковъ оставлять въ городахъ; тѣхъ же, которые уже привезены въ Москву, отослать назадъ, и воеводамъ, сыщикамъ и губнымъ старостамъ наказывать ихъ по законамъ, кто чего будетъ достоинъ (1). Изъ того, что эти преступники не были еще наказаны, видно, что дѣло могло быть перенесено въ Москву и прежде совершенія наказанія, что̀ отмѣнено этимъ указомъ. Разумѣется, такой переносъ не могъ имѣть мѣста изъ дальнихъ городовъ.

Тамъ, гдѣ были губные старосты, воеводы обыкновенно не вступались въ ихъ вѣдомство; но иногда и въ этихъ городахъ имъ предоставлялось нѣкоторое вліяніе на губное управленіе. Не говоря о приведенныхъ выше случаяхъ, гдѣ они завѣдывали этими дѣлами вмѣстѣ, въ наказѣ 1663 года Нижегородскому воеводѣ и дьяку велѣно было оберегать отъ губнаго старосты посадскихъ людей и уѣздныхъ крестьянъ, и смотрѣть, чтобъ онъ не велѣлъ преступникамъ дѣлать на нихъ напрасные извѣты, и чтобы не было отъ него никакихъ убытковъ и притѣсненій. Если же на кого нибудь изъ посадскихъ или уѣздныхъ людей будетъ оговоръ, то воеводѣ и дьяку велѣть произвести справедливое слѣдствіе и судить по царскому указу и Уложенію, а о большихъ дѣлахъ и тѣхъ, которыя въ Уложеніи не написаны, писать къ государю въ Москву (2). Кромѣ того воеводы имѣли вліяніе на губныхъ старостъ и въ другихъ отношеніяхъ: послѣдніе

(1) П. С. З. № 527.

(2) Д. къ А. И. т. 4-й, № 134.

кромѣ губныхъ дѣлъ завѣдывали еще многими другими приказными дѣлами, и въ этомъ случаѣ подчинялись воеводамъ и получали отъ нихъ разныя порученія и предписанія.

Самоубійство и нечаянная смерть не считались въ числѣ губныхъ дѣлъ и всегда находились въ вѣдомствѣ воеводъ, а не губныхъ старостъ (1). Что касается до остальныхъ преступленій, какъ то: волшебства, побоевъ, грабежа, распутства, запрещенной игры, корчемства, ослушанія царскихъ указовъ, то судъ и наказаніе почти всегда принадлежали къ вѣдомству воеводъ, которымъ въ этомъ отношеніи часто предоставлялось болѣе власти, нежели въ губныхъ дѣлахъ. Воеводы, которыхъ власть въ губномъ дѣлѣ была ограничена, имѣли всегда полное право суда и наказанія остальныхъ преступленій (2). Напротивъ въ отношеніи къ подозрительнымъ людямъ воеводамъ предоставлялось менѣе власти, нежели въ уголовномъ судѣ. Вяземскому воеводѣ, котораго судебная власть не была ограничена, въ 1629 году велѣно было подозрительныхъ пришлыхъ и пріѣзжихъ людей распрашивать, производить слѣдствіе, въ случаѣ необходимости пытать ихъ, и обо всемъ, что они скажутъ, писать къ государю, а ихъ держать въ тюрьмѣ до указа; напрасно же ихъ не пытать и крови не проливать (3). Подозрѣніе могло быть не только въ уголовномъ преступленіи, но и въ государственномъ, въ

---

(1) Описаніе Шуи № 12.

(2) Нак. Бѣлгородскому воев. А. А. Э. т. 4-й, № 206, Владимірскому. П. С. З. № 1836.

(3) А. И. т. 3-й, № 116. Тоже Новгородскому въ 1699 г. П. С. З. № 1738, Владимірскому. П. С. З. № 1836.

измѣнѣ, въ лазутчествѣ; поэтому и ограничивалась власть воеводъ.

Таково было судебное вѣдомство воеводъ; но изъ этого было множество исключеній: цѣлые классы людей и отдѣльныя лица были изъяты изъ общей подсудности. Государство не освободилось еще отъ формъ средневѣковой жизни, гдѣ господствовало частное право, и общія нормы уступали мѣсто особенностямъ, исключеніямъ. Однако въ этомъ періодѣ выразилось уже сильное стремленіе уничтожить изъятія, противныя государственному порядку: въ Уложеніи (1) запрещено было давать несудимыя грамоты, потому что отъ нихъ « въ городахъ всякимъ людямъ чинятся продажи и обиды и убытки великіе »; прежнія грамоты велѣно было отобрать и прислать въ тѣ приказы, откуда были выданы. Однако это не было исполнено въ точности: нѣкоторые монастыри продолжали пользоваться жалованными грамотами, а духовенство и высшее торговое сословіе, на которыхъ законъ и не распространялся, сохраняли свои привилегіи до временъ Петра Великаго. Только при Петрѣ государственный порядокъ окончательно одержалъ верхъ надъ старыми формами, и жалованныя грамоты, привилегіи вездѣ замѣнились правильною подсудностью.

Къ цѣлымъ классамъ, освобожденнымъ отъ суда воеводъ и приказныхъ людей, принадлежало: 1) духовенство. Нигдѣ не было такой разнообразной подсудности, нигдѣ общія правила не подвергались такимъ постояннымъ нарушеніямъ, какъ въ жалованныхъ грамотахъ духовенству. Общимъ правиломъ было, что духовныя лица подлежали только духовному суду, а

(1) Гл. X, ст. 153.

въ случаѣ дѣлъ съ посторонними наряжался общій судъ. Соборомъ 1551 года уничтожены были, какъ противныя церковнымъ законамъ, тѣ жалованныя грамоты, которыми духовныя лица подчинялись свѣтскому суду; мірскимъ судьямъ должны были подлежать только дѣла о душегубствѣ и разбоѣ съ поличнымъ (1). Замѣчательно, что дарованныя привилегіи состояли часто не въ изъятіи духовныхъ лицъ изъ свѣтскаго суда, а напротивъ въ ихъ освобожденіи отъ подсудности духовнымъ судилищамъ. Причина была та, что у духовныхъ властей судили также свѣтскіе судьи, — бояре, намѣстники, прикащики, десятильники, которые сохраняли характеръ кормленщиковъ даже въ то время, когда свѣтскія кормленія были уничтожены государственною властью. Поэтому монастыри надѣялись всегда найдти болѣе защиты у царя и его бояръ, суду которыхъ они подчинялись на основаніи жалованныхъ грамотъ, и не смотря на соборное запрещеніе, эти грамоты продолжали существовать до позднѣйшаго времени. Вообще хотя нѣкоторыя соборныя постановленія и опредѣляли подсудность духовенства, но жалованныя грамоты оставались, не только какъ исключеніе изъ правила, а напротивъ какъ главный, если не единственный, источникъ для опредѣленія подсудности. Всѣ духовныя власти получали ихъ: патріархъ, митрополиты, епископы, почти всѣ монастыри, бѣлое духовенство отдѣльныхъ церквей, и въ случаѣ неправильнаго суда, они всегда ссылались на нихъ, а не на церковныя правила.

---

(1) Судебн. 1550 г. ст. 91. Статьи изъ соборнаго уложенія о святительскомъ судѣ. А. И. т. 1-й, № 155.

Содержаніе ихъ было весьма разнообразно: духовнымъ властямъ предоставлялись различныя права, смотря по расположенію къ нимъ государя. До 1625 года патріаршіе монастыри и церкви завѣдывались во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ духовныхъ, въ приказѣ Большаго Дворца. Въ этомъ году Михаилъ Ѳедоровичъ далъ патріарху Филарету жалованную грамоту, по которой все бѣлое и черное духовенство, находившееся въ патріаршихъ владѣніяхъ, въ дѣлахъ между собою и по жалобамъ постороннихъ лицъ судилось на патріаршемъ дворѣ; но въ случаѣ жалобъ на лица, принадлежавшія къ другимъ вѣдомствамъ, они должны были предъявлять иски свои въ тѣ приказы, гдѣ судимы были отвѣтчики. Исключеніе составляли губныя дѣла, которыя всегда подлежали вѣдомству воеводъ и приказныхъ людей, и встрѣчный судъ, при которомъ истецъ долженъ былъ отвѣчать тамъ, гдѣ искалъ. Эта грамота была подтверждена Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1670 году (1). Подобныя грамоты давались и митрополитамъ: жалованною грамотою Новгородскому митрополиту въ 1623 году свѣтскимъ судьямъ запрещено было вступаться въ дѣла бѣлаго и чернаго духовенства его епархіи, за исключеніемъ душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ; въ случаѣ смѣстнаго суда судилъ митрополитъ, а свѣтскіе судьи сидѣли у него въ судѣ (2). Но въ 1651 году Никонъ, будучи Новгородскимъ митрополитомъ, получилъ право вѣдать свое духовенство судомъ и управою, за исключеніемъ губныхъ дѣлъ; о смѣстномъ судѣ въ жалованной грамотѣ ничего не сказано, и можно полагать, что не

(1) А. А. Э. т. 3-й, № 164, т. 4-й, № 215.

(2) Тамъ же, т. 3-й, № 139.

только жалобы на духовныя лица подавались митрополиту, но что ему же предъявлялись ихъ иски на постороннихъ людей. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ указѣ 1686 года, которымъ Новгородскому воеводѣ запрещено было судить духовенство, это запрещеніе основано на жалованной грамотѣ, данной Никону, и на соборномъ постановленіи 1667 года, которымъ предписывалось иски духовныхъ лицъ на постороннихъ людей судить духовнымъ властямъ (1).

Монастырямъ предоставлялись также различныя права: многіе монастыри освобождались отъ суда митрополитовъ, епископовъ и ихъ судей, за исключеніемъ духовныхъ дѣлъ, которыя всегда подлежали церковному суду (2). Обыкновенно они освобождались также отъ суда воеводъ и приказныхъ людей, которые сохраняли право судить духовенство только въ губныхъ дѣлахъ, иногда только въ душегубствѣ и разбоѣ съ поличнымъ. Это не было однакоже общимъ правиломъ: нѣкоторые монастыри и въ губныхъ дѣлахъ подлежали суду одной центральной власти (3), и на оборотъ областные судьи судили иногда игуменовъ и ихъ прикащиковъ даже и въ гражданскихъ дѣлахъ (4). Самое освобожденіе духовенства отъ суда воеводъ и

---

(1) А. А. Э. т. 4-й, № 50, т. 3-й, № 135.

(2) А. И. т. 3-й, № 60: «и иные митрополиты и архіепископы и епископы, также митрополитъ Новгородскій архимандрита и старцовъ и слугъ и крестьянъ и дворниковъ не судятъ ни въ чемъ, и приставовъ своихъ, ни десятниковъ, ни заѣзжиковъ не присылаютъ къ нимъ, ни по что, опричь духовного дѣла.» См. также А. И. т. 3-й, № 91, 93, 97, 123. 126.

(3) А. И. т. 3-й, № 60, 70, 123, 126; т. 4-й. № 166, 234; А. А. Э. т. 3-й, № 250.

(4) А. А. Э. т. 3-й, № 89.

приказныхъ людей показываетъ, что оно часто подлежало ему и въ гражданскихъ дѣлахъ; иногда приказные люди, не имѣя на то права, подвергали духовныя лица своему суду, и это считалось парушеніемъ не церковныхъ правилъ, а только жалованныхъ грамотъ (1). Въ нѣкоторыхъ грамотахъ, дарованныхъ монастырямъ, вовсе не говорится, какому суду подлежитъ монастырское духовенство; подвластныя монастырю лица освобождаются отъ суда областныхъ правителей, а черное духовенство только предписывается судить въ извѣстные сроки (2). Но обыкновенно духовенство подчинялось суду центральныхъ властей: нѣкоторые монастыри во всѣхъ дѣлахъ искали и отвѣчали въ приказѣ Большаго Дворца (3), другіе только отвѣчали въ этомъ приказѣ, а иски свои предъявляли тѣмъ властямъ, которымъ подсудны были противники (4); нѣкоторые монастыри были подсудны однимъ областнымъ приказамъ (5), наконецъ многимъ предоставлялось право быть судимымъ самимъ царемъ или тѣмъ лицемъ, кому царь прикажетъ (введенымъ бояриномъ или другимъ) (6). Иногда центральному суду подлежали, какъ игуменъ, архимандритъ, строитель монастыря, такъ и братія, но случалось, что монастырская братія судилась игуменомъ, а послѣдній царемъ или митрополитомъ; въ такомъ случаѣ долженъ былъ судить самъ митрополитъ, а не

---

(1) А. А. Э. т. 3-й, № 130.

(2) А. И. т. 3-й, № 108, 119; А. А. Э. т. 3-й, № 133.

(3) А. И. т. 3-й, № 70; А. А. Э. т. 3-й, № 250.

(4) А. И. т. 3-й, № 60.

(5) Тамъ же, № 94, 95.

(6) А. И. т. 3-й, № 76, 97, 123, 126.

бояре его (1). Алексѣй Михайловичъ перенесъ судъ надъ монастырями изъ приказа Большаго Дворца въ монастырскій приказъ, но при Θедорѣ Алексѣевичѣ эти дѣла возвращены въ вѣдомство приказа Большаго Дворца, а при Петрѣ Великомъ всѣ монастыри подчинены были монастырскому приказу (2).

Такія же грамоты давались и церквамъ: протопопъ и причетъ Московскаго Успенскаго собора, равно какъ и прикащики ихъ, во всѣхъ дѣлахъ подлежали суду одного царя, кромѣ духовныхъ дѣлъ, которыя оставались въ вѣдомствѣ патріарха (3). Другіе священники съ дѣтьми и причтомъ подлежали суду областныхъ правителей только въ губныхъ дѣлахъ, въ остальныхъ же подчинялись суду царя или назначеннаго имъ боярина (4). Наконецъ нѣкоторые священнослужители судили свой причетъ, а сами судились митрополитомъ или патріархомъ (5).

Столь разнородныя постановленія производили чрезвычайную запутанность въ управленіи. Московскіе государи чувствовали потребность внести порядокъ въ это разнообразіе, и во второй половинѣ XVII-го вѣка духовенство получило свое отдѣльное судебное вѣдомство. Соборъ 1667 года, на которомъ были вселенскіе патріархи, постановилъ на основаніи церковныхъ правилъ, чтобы свѣтскіе судьи ни въ какихъ дѣлахъ не судили духовенства; не только жалобы на духовныя лица должны были подаваться духовнымъ властямъ,

---

(1) А. И. т. 3-й, № 104; А. А. Э. т. 3-й, № 115.
(2) Улож. XIII, 1; П. С. З. № 711, 1829, 2108.
(3) А. И. т. 3-й, № 133.
(4) А. А. Э. т. 3-й, № 95, 130.
(5) А. А. Э. т. 3 й, 67.

но даже иски духовныхъ лицъ на мірянъ предъявлялись въ Москвѣ патріарху, а въ городахъ митрополитамъ, архіепископамъ и епископамъ; къ свѣтскимъ же судьямъ по церковнымъ правиламъ имъ запрещено было прибѣгать (1). Вмѣстѣ съ тѣмъ изданы были объ уголовномъ судѣ надъ духовными лицами статьи, установленныя благоразсмотрѣніемъ царя по совѣту съ патріархами и всѣмъ освященнымъ соборомъ (2). Содержаніе ихъ слѣдующее: узнавши о преступленіи, совершенномъ духовнымъ лицемъ, сыщикъ имѣлъ право послать взять его по собственному усмотрѣнію, но, арестовавши его, онъ долженъ былъ тотчасъ извѣстить о томъ закащика, назначеннаго архіереемъ. Закащикъ, какъ лице, облеченное духовнымъ саномъ, сидѣлъ въ съѣзжей избѣ выше сыщика, и по указаніямъ послѣдняго самъ допрашивалъ обвиненнаго, сыщику же запрещено было дѣлать допросъ. Если нужно было сдѣлать очную ставку, сыщикъ приказывалъ привести въ съѣзжую избу свидѣтелей или участниковъ въ преступленіи и допрашивалъ ихъ при закащикѣ, но очную ставку съ обвиненнымъ давалъ самъ закащикъ. Обличенный въ преступленіи отсылался закащикомъ къ архіерею, который, снявъ съ него санъ, возвращалъ

---

(1) П. С. З. № 412: «Да не вовлачаютъ отнынѣ священниковъ и монаховъ въ мірскіи судилища, ниже да судятъ мірскіе люди освященнаго монашескаго чина и всякаго церковнаго причта, якоже запрещаютъ св. правила св. Апостолъ и святыхъ Отецъ.» гл. II, ст. 37. «Архіереовъ, архимандритовъ и игуменовъ, священниковъ и діаконовъ, и монаховъ и инокинь и весь церковный чинъ и ихъ людей мірскимъ людемъ ни въ чемъ не судити, а судити ихъ во всякихъ дѣлѣхъ архіереомъ или кому повелятъ отъ духовнаго чина, а не отъ мірскихъ.» гл. VII.

(2) А. А. Э. т. 4-й, № 161.

его свѣтскому судьѣ; тогда уже сыщикъ поступалъ съ нимъ, какъ съ мірянами, безъ участія закащика. Если обвиняемый находился въ услуженіи при архіереѣ, то сыщикъ и закащикъ не могли взять его безъ архіерейскаго вѣдома; но дѣтей священнослужителей и пономарей не освященныхъ сыщикъ могъ судить и наказывать безъ закащика, наравнѣ съ мірянами. Эти статьи внесены были въ новоуказныя статьи о губныхъ дѣлахъ 1669 года; но въ губномъ наказѣ, данномъ Арзамасскому воеводѣ въ 1679 году, (1) ему просто велѣно было духовныхъ лицъ отсылать для допроса къ духовнымъ судьямъ, и когда послѣдніе возвратятъ ихъ свѣтскому суду, тогда поступать съ ними, какъ съ мірянами. Что касается до соборнаго постановленія о подсудности духовенства, то оно подтверждено было на соборѣ 1675 года (2); царская грамота Новгородскому воеводѣ 1686 года ссылается на него, какъ на законное положеніе (3); и однакоже, не смотря на то, оно не было общимъ правиломъ. Многіе монастыри продолжали судиться свѣтскими судьями въ приказѣ Большаго Дворца, въ помѣстномъ приказѣ, въ мастерской палатѣ и другихъ (4); духовенство предъявляло иски свои въ городахъ воеводамъ и приказнымъ людямъ (5), надѣясь вѣроятно на скорѣйшую расправу. Тамъ же, гдѣ соборное постановленіе имѣло силу, міряне жаловались на церковный судъ: въ 1689 году въ Новгородскій приказъ

---

(1) А. А. Э. т. 4-й, № 237.
(2) Тамъ же, № 204.
(3) А. И. т. 5-й, № 135,
(4) П. С. З. № 711; А. И. т. 5-й, № 139, 228, т. 4-й, № 231.
(5) А. И. т. 5-й, № 228.

поступила просьба Новгородскихъ гостей Семена Гаврилова и сына его Ивана и Новгородскихъ посадскихъ людей, чтобы духовному чину быть судиму въ приказной палатѣ, а не въ духовномъ приказѣ митрополита. Но патріархъ писалъ Семену Гаврилову, что это противно святымъ правиламъ, и грозилъ, въ случаѣ ослушанія и непокорности духовному суду, отлучить его отъ церкви и лишить всякой святыни на цѣлую жизнь (1). Иногда сами воеводы и приказные люди, нарушая законъ, вступались въ дѣла духовенства, и за то подвергались церковному наказанію: въ 1692 году Сибирскій митрополитъ велѣлъ прикащика Брацкаго острога Елагина за то, что онъ, въ противность церковнымъ правиламъ, вѣдалъ монаховъ и монастырскихъ слугъ въ приказной избѣ судомъ и управою, и подвергалъ ихъ ругательствамъ и мученіямъ, лишить церковнаго входа, не сподоблять никакой святыни и не имѣть съ нимъ никакого общенія до тѣхъ поръ, пока онъ не принесетъ покаянія (2). При Петрѣ Великомъ духовенство въ гражданскихъ дѣлахъ и въ тяжкихъ преступленіяхъ подчинено было общимъ судебнымъ мѣстамъ.

Также разнообразны, какъ постановленія о подсудности духовенства, были 2) постановленія о церковныхъ слугахъ и крестьянахъ. Соборомъ 1551 года постановлено, чтобы дѣла между монастырскими слугами и крестьянами судились монастырскими властями или ихъ прикащиками; въ случаѣ же жалобы на нихъ отъ постороннихъ лицъ, они подлежали суду царскихъ

(1) А. И. т. 5-й, № 186.
(2) Тамъ же, № 211.

бояръ и дворецкихъ по жалованнымъ грамотамъ. Но жалованныя грамоты не всегда держались этого правила, и предоставляли въ этомъ отношеніи различныя права духовнымъ властямъ. Патріаршіе слуги и крестьяне судились также, какъ патріаршее духовенство, на патріаршемъ дворѣ или духовными властями, кромѣ губныхъ дѣлъ, которыя подлежали воеводамъ и приказнымъ людямъ; искали же они въ тѣхъ приказахъ, которымъ подсудны были отвѣтчики, и тамъ же отвѣчали въ случаѣ встрѣчнаго суда. Права Новгородскаго митрополита, утвержденныя грамотою 1623 года, которая была подтверждена и дополнена въ 1645 году (1), состояли въ слѣдующемъ: людей своихъ и крестьянъ судилъ самъ митрополитъ или его приказщики, за исключеніемъ губныхъ дѣлъ. Въ случаѣ душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ, воеводы и приказные люди для взятія преступниковъ посылали приставовъ вмѣстѣ съ приставами митрополита или его намѣстниковъ; судили же послѣдніе вмѣстѣ съ свѣтскими судьями. Смѣстныя дѣла церковныхъ слугъ и крестьянъ съ служилыми людьми, съ городскими и волостными жителями судили также намѣстники митрополита вмѣстѣ съ свѣтскими приказными людьми, и каждый судья наказывалъ и штрафовалъ подсуднаго ему тяжущагося. Никонъ получилъ надъ церковными людьми тѣже права, какъ и надъ духовенствомъ своей епархіи, и эти права остались за Новгородскими митрополитами.

(1) А. А. Э. т. 3-й, № 139, т. 4-й, № 3. Въ послѣдней грамотѣ приведены слова первой: «а въ той де жалованной грамотѣ написано....» Между тѣмъ приводимыя мѣста вовсе не находятся въ первой грамотѣ, а служатъ ей дополненіемъ.

Монастырскіе слуги и крестьяне иногда вовсе освобождались отъ суда воеводъ и приказныхъ людей, иногда же оставались подсудными имъ только въ губныхъ дѣлахъ. Изъ первыхъ нѣкоторые во всѣхъ тяжбахъ съ посторонними лицами искали и отвѣчали только въ приказѣ Большаго Дворца; на разбойниковъ, воровъ и убійцъ они просили у воеводъ и приказныхъ людей пристава, который высылалъ преступниковъ къ отвѣту въ этотъ приказъ, но тяжбы между самими слугами и крестьянами судились монастырскими властями (1). Другіе отвѣчали въ приказѣ Большаго Дворца, но иски свои предъявляли въ приказы, которымъ подсудны были отвѣтчики (2). Третьи въ губныхъ дѣлахъ искали и отвѣчали передъ царемъ, дворецкимъ или другими приказными людьми, и передъ ними же отвѣчали въ гражданскихъ тяжбахъ, но сами предъявляли свои иски областнымъ воеводамъ и приказнымъ людямъ, и тогда наряжался смѣстный судъ (3). Монастырскій человѣкъ не только въ смѣстномъ судѣ, но иногда и въ губныхъ дѣлахъ, когда судили царскіе дворецкіе, «въ правдѣ и винѣ» подлежалъ однѣмъ монастырскимъ властямъ (4); это былъ остатокъ средневѣковыхъ учрежденій, основанныхъ на правѣ собственности. Жалованныя грамоты втораго разряда имѣли также нѣсколько видоизмѣненій: иногда губныя дѣла подлежали вѣдомству воеводъ и приказныхъ людей, а гражданскія тяжбы съ

(1) А. А. Э. т. 5-й, № 250; Доп. къ А. И. т. 2-й, № 77.
(2) А. И. т. 3-й, № 158.
(3) Тамъ же, № 60.
(4) Тамъ же.

посторонними судились въ Московскихъ приказахъ (1): иногда въ гражданскихъ дѣлахъ наряжался смѣстный судъ (2), иногда же обѣ формы существовали вмѣстѣ (3). Какъ опредѣлялась подсудность въ этомъ послѣднемъ случаѣ, трудно опредѣлить съ достовѣрностью: можно полагать, что смѣстный судъ имѣлъ мѣсто только въ дѣлахъ между жителями одного судебнаго округа, а тяжбы съ жителями другихъ округовъ переносились въ Москву. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ жалованныхъ грамотахъ, когда упоминается о смѣстномъ судѣ, всегда говорится о судьяхъ и жителяхъ того же округа; иногда тяжбы съ послѣдними прямо отличаются отъ тяжбъ съ иногородными жителями (4). Въ нѣкоторыхъ грамотахъ подробно

---

(1) А. И т. 3-й, № 94.

(2) Тамъ же, № 76, 97.

(3) А. И. т. 3 й, № 95, 104, 123, 126, 142; А. А. Э. т. 3-й, № 84. Въ первой грамотѣ сказано: «а кому будетъ чего искати на монастырьскихъ слугахъ и на дѣтеныщахъ и на крестьянѣхъ, и онъ проситъ пристава у игумена съ братьею, а судитъ ихъ игуменъ.... а намѣстничъ приставъ.... тутожъ съ ними судитъ.... А кому будетъ монастырьскому слугѣ и крестьянину лучится чего искати на городскомъ человѣкѣ, на Двинянинѣ или Архангельского города на посадскомъ человѣкѣ или на становомъ или на волостномъ человѣкѣ передъ намѣстники и пошлинными людми или передъ земскими судьями, и игуменъ или монастырьскій прикащикъ или слуга тутожъ съ ними судитъ. А будетъ какое дѣло до игумена съ братьею и до монастырьскихъ слугъ и до крестьянъ или чего будетъ кому искати на нихъ, и ихъ судятъ наши четвертные дьяки, у кого Двинская земля въ приказѣ будетъ.» Иногда послѣ постановленій о смѣстномъ судѣ говорится: «а кому будетъ чего на нихъ искати, или имъ будетъ на комъ искати чего, и на нихъ сужу язъ царь и Великій Князь.»

(4) А. И. т. 3-й, № 108: «А въ душегубныхъ дѣлѣхъ судятъ ихъ намѣстницы наши Володимерскіе и Тверскіе.... и ихъ тіуны, и въ ихъ монастырьского человѣка ни въ правого ни въ виноватого не всту-

опредѣляется форма смѣстнаго суда: посторонній истецъ долженъ просить у игумена съ братьею пристава для вызова къ суду отвѣтчика; судитъ игуменъ или тотъ, кому онъ прикажетъ судить, а приставъ того судьи, у кого подъ судомъ истецъ, съ ними же судитъ и бережетъ своего (1). Обыкновенно каждый судья получалъ штрафы и пошлины съ подсуднаго ему лица, но иногда прибытокъ дѣлился пополамъ (2). Вѣдомство губныхъ дѣлъ по древнему обыкновенію дѣлилось иногда между свѣтскими судьями и монастырскими властями; первымъ предоставлялось судить или одно душегубство, или душегубство и разбой съ поличнымъ, или же душегубство, разбой и татьбу съ поличнымъ (3). Когда преступленія съ поличнымъ судились смѣстнымъ судомъ, свѣтскій судья по жалобѣ истца посылалъ въ монастырскія деревни для отысканія поличнаго пристава, который бралъ себѣ товарища у игумена или строителя, и тогда оба производили обыскъ съ истцемъ, со старостами и добрыми людьми; но иногда этотъ порядокъ наблюдался и въ

наются; а правъ ли будетъ или виноватъ городской или волостной человѣкъ и онъ въ правдѣ и въ винѣ намѣстнику и волостелю и ихъ тіуномъ; а кому будетъ изъ *иныхъ городовъ, опричнымъ людемъ* чего искати на самомъ игуменѣ съ братьею и на ихъ слугахъ и на крестьянахъ, и въ томъ по нихъ и отъ нихъ ѣздятъ съ приставными грамотами ихъ данной приставъ.» Въ первый фразѣ долженъ быть пропускъ, ибо выраженія: «а правъ ли будетъ или виноватъ городской или волостной человѣкъ» и т. д. могутъ относиться только къ смѣстному суду, гдѣ судили свѣтскіе судьи вмѣстѣ съ монастырскими, а не къ суду душегубства, въ которымъ монастырскія власти не принимали участія.

(1) А. И т. 3-й, № 95.

(2) А. А. Э. т. 3 й, № 89.

(3) А. А. Э, т. 3-й, № 84, 114; А. И. т. 3-й, № 76, 97 и др.

томъ случаѣ, когда разбой и татьба съ поличнымъ подлежали вѣдомству однихъ свѣтскихъ судей (1). Обыкновенно установлялась вира за душегубство, которой однакоже крестьяне не платили за нечаянную смерть; слѣдствіе о нечаянной смерти производилось иногда самимъ царемъ (2). Какія были права свѣтскихъ судей на преступниковъ изъ монастырскихъ людей и крестьянъ, въ большей части жалованныхъ грамотъ не опредѣляется; кажется, только въ одной постановлено, что душегубство судятъ приказные люди, но въ монастырскаго человѣка, въ праваго и виноватаго не вступаются (3). Изъ молчанія остальныхъ можно заключить, что наказаніе и штрафъ назначались свѣтскими судьями, и деньги поступали въ царскую казну.

Такія же права давались и церквамъ: протопопъ Московскаго Успенскаго собора съ братьею судилъ церковныхъ людей и крестьянъ даже въ губныхъ дѣлахъ, но докладывая о томъ государю; онъ рѣшалъ также тяжбы съ посторонними и докладывалъ царю, если не могъ рѣшить дѣла. Другіе получали право судить своихъ людей и крестьянъ во всемъ, кромѣ душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ. Наконецъ нѣкоторые судили всѣ дѣла, кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ; въ случаѣ смѣстнаго суда, судили они вмѣстѣ съ свѣтскими судьями, а по искамъ иногородныхъ судилъ царь или бояринъ (4).

---

(1) А. А. Э. т. 3-й, № 114; А. И. т. 3-й, № 129.

(2) А. А. Э. т. 3-й, № 81.

(3) А. И. т. 3-й, № 108. Но и здѣсь это, можетъ быть, только ошибка, какъ сказано въ примѣчаніи 4-мъ стр. 164.

(4) А. И. т. 3-й, № 133; А. А. Э. т. 3-й, № 130, 95. Въ послѣд-

Изъ этого обзора видно, что въ жалованныхъ грамотахъ духовенству сохранились всѣ старинныя формы суда — различная подсудность преступленій, виры, смѣстный судъ, право на штрафованіе подвластныхъ лицъ. Судъ все еще разсматривался, какъ собственность судьи, и это не было слѣдствіемъ крѣпостнаго права, дающаго господину право суда надъ своими людьми. Крѣпостное право дѣйствуетъ однообразно и прекращается тамъ, гдѣ подсудимый находится передъ лицемъ государства, въ правительственномъ судилищѣ. Здѣсь напротивъ разнообразіе проистекало отъ частнаго пожалованія правъ; это былъ остатокъ средневѣковыхъ учрежденій. Древній порядокъ сохранялся даже въ обычной формѣ жалованныхъ грамотъ, которыя часто просто переписывались съ прежнихъ, и въ которыхъ упоминаются лица и установленія, давно переставшія существовать (1). Можетъ быть, и виры за душегубство не платились болѣе общинами, а писались только въ грамотахъ по древнему обычаю, вмѣстѣ съ именами намѣстниковъ, волостелей и ихъ тіуновъ.

Съ другой точки зрѣнія смотрѣлъ на подсудность церковныхъ слугъ и крестьянъ соборъ 1667 года: имѣя въ виду основанныя на священныхъ правилахъ права духовенства, онъ установилъ, чтобы церковные слуги и крестьяне судились однѣми духовными властями. Но это постановленіе, также какъ и постановленіе

ней также, какъ въ жалованныхъ грамотахъ монастырямъ сказано: «А кому будетъ на нихъ чего искати ино ихъ судимъ мы Великій Государь или нашъ бояринъ.» По предположенію, здѣсь говорится объ иногородныхъ истцахъ.

(1) См. примѣчаніе въ концѣ введенія.

о подсудности духовенства, хотя и подтверждалось въ нѣкоторыхъ грамотахъ (1), однако вообще не соблюдалось. Нѣкоторымъ монастырямъ подтверждались прежнія жалованныя грамоты, по которымъ смѣстныя дѣла судились монастырскими властями виѣстѣ съ свѣтскими судьями, а жалобы постороннихъ приносились въ Москву самому государю. Губныя дѣла по прежнему судились свѣтскими судьями (2), но иногда воеводамъ запрещалось пытать обвиненныхъ безъ вѣдома того приказа, которому подчиненъ былъ монастырь (3). Крестьяне Иверскаго монастыря въ Старорусскомъ уѣздѣ судились во всѣхъ дѣлахъ воеводами до послѣдняго десятилѣтія XVII вѣка; тогда иноки выпросили у царя жалованную грамоту, по которой крестьяне ихъ во всѣхъ дѣлахъ подчинены были одному помѣстному приказу (4).

Эти несудимыя грамоты были чрезвычайно тягостны для міряиъ; любопытна въ этомъ отношеніи челобитная Старорусскихъ посадскихъ людей на иноковъ Иверскаго монастыря. Они жаловались царю, что приказные старцы этого монастыря не даютъ управы въ искахъ на монастырскихъ крестьянъ о неуплатѣ долговыхъ обязательствъ, отчего многіе посадскіе люди отказываются отъ полученія долговъ и впадаютъ въ нищету; если же они подадутъ челобитную Старорусскимъ воеводамъ, тогда « они Иверского монастыря старцы тѣхъ своихъ крестьянъ отъ нашего челобитья отнимаютъ несудимыми грамотами, для того, что того

(1) А. И. т. 5-й, № 135, 146.
(2) А. И. т. 4-й, № 254.
(3) А. И. т. 5-й, № 139.
(4) А. И. т. 5-й, № 128.

Иверского монастыря старцы, видя такіе свои къ намъ многіе обиды, и болшее разореніе, и утѣсненіе и завладѣніе нашей посадской тяглой земли и всякихъ угодей, били челомъ вамъ Великимъ Государемъ на Москвѣ ложно, чтобъ ихъ Иверского монастыря старцовъ и служебниковъ и крестьянъ и бобылей нигдѣ, ни въ которомъ городѣ и въ Старой Русѣ воеводамъ, будто за недружбами, опричь помѣстного приказу, судомъ и росправою ни въ какихъ дѣлахъ не вѣдать, чтобъ тѣ ихъ дѣла неявны были, и чтобъ имъ мочью своею во всякихъ нашихъ правыхъ дѣлахъ вины своей отбывать, и насъ досталь въ конецъ разорять.... А того Иверского монастыря въ вотчинѣ въ Старорускомъ уѣздѣ по деревнямъ и по дорогамъ ходятъ воры и разбойники, и чинятъ прохожимъ и проѣзжимъ и торговымъ всякихъ чиновъ и иногороднымъ людемъ и намъ разбой и грабежъ, и отъ такого воровства и отъ разбоевъ прохожимъ и проѣзжимъ людемъ по дорогамъ проходъ и проѣздъ съ великою нуждою, а которые воровскіе люди въ Старой Русѣ въ приказной избѣ оговорятъ кого нибуди ихъ Иверского монастыря крестьянъ и бобылей въ воровствахъ и въ разбояхъ и въ смертныхъ убійствахъ и въ корчемныхъ и въ винныхъ и въ табашныхъ торговляхъ, а они Иверского монастыря старцы тѣхъ оговорныхъ воровъ крестьянъ своихъ къ розыскомъ не ставятъ и таятъ и укрываютъ, и Старорускіе воеводы за вашимъ Великихъ Государей указомъ и за несудимыми грамотами, для сыску тѣхъ оговорныхъ людей въ вотчину ихъ не посылаютъ, и о томъ на тѣхъ оговорныхъ воровъ въ Старой Русѣ многое челобитье есть, и къ вамъ Великимъ Государемъ, къ Москвѣ, въ Новго-

родскій приказъ изъ Старые Русы воеводы писали.... Да онижъ Иверского монастыря старцы, которые бываютъ въ Старой Русѣ, надѣяся на мочь свою и на несудимые грамоты, ѣздятъ по посадомъ многолюдствомъ и насъ сиротъ вашихъ посадскихъ людей бьютъ и увѣчатъ своею управою, а иныхъ и ножами рѣжутъ, и отъ того бою и увѣчья и отъ ножевого рѣзанья иные померли; а иныхъ изъ насъ посадскихъ людей, денною и нощною порою, хватаютъ по улицамъ, и водятъ къ себѣ на монастырской дворъ, и въ чѣпь сажаютъ и держатъ въ чѣпи немалое время и потомужъ бьютъ и мучатъ, занапрасно и безвинно.... Да онижъ Иверского монастыря старцы, многолюдствомъ въ Староруском уѣздѣ ѣздятъ по вашей Великихъ Государей по дворцовой волости, и жилые деревни съ Божіимъ милосердіемъ со святыми иконами и со крестьянскими животы жгутъ, и крестьянъ разоряютъ и бьютъ и увѣчатъ, и изъ пищалей по крестьянехъ стрѣляютъ и всякое озорничество и поругателство чинятъ, чтобъ имъ Иверского монастыря старцомъ и досталными вашими Великихъ Государей дворцовыми деревнями и всякими угодьи въ Старорускомъ уѣздѣ мочью своею завладѣть; и въ городѣ въ Старой Русѣ по посадамъ, также и въ той вашей Великихъ Государей дворцовой волости, ѣздя по дворомъ, непригожіе дѣла творятъ.... А для челобитья порознь о такомъ ихъ Иверского монастыря старцовъ о многомъ насилствѣ и о завладѣніи нашихъ тяглыхъ земель и всякихъ заводовъ и объ ихъ самоволствѣ и озорничествѣ и объ нашемъ отъ нихъ затѣсненіи и разореніи и о болшихъ налогахъ и о многой обиды, ѣхать намъ къ Москвѣ невозможно, потому что онѣ Иверского

монастыря старцы люди мочные» (1). При Петрѣ Великомъ введена наконецъ однообразная подсудность; крестьяне духовенства уподоблены разсыпанной храминѣ, и подчинены въ гражданскихъ тяжбахъ между собою и по искамъ постороннихъ синодальному вѣдомству, сами же они должны были предъявлять свои иски въ тѣ мѣста, гдѣ вѣдомы ихъ соперники; уголовныя дѣла отданы въ вѣдомство общихъ судилищъ. Но въ 1727 году вслѣдствіе того, что крестьяне и прикащики духовнаго вѣдомства въ тяжбахъ съ мірянами притѣсняли послѣднихъ, они подчинены были судебному вѣдомству губернаторовъ и воеводъ; только въ дѣлахъ между собою они судились своими прикащиками также, какъ и помѣщичьи крестьяне.

Что касается 3) до остальныхъ крестьянъ, то всѣ они въ губныхъ дѣлахъ были подсудны воеводамъ и приказнымъ людямъ, а въ гражданскихъ тяжбахъ между собою судились большею частью собственными судьями. Дворцовые крестьяне управлялись особенными воеводами и приказными людьми подъ главнымъ вѣдомствомъ приказа Большаго Дворца и дворцоваго Суднаго приказа; эти мѣста и лица судили тяжбы, какъ крестьянъ между собою, такъ и по искамъ постороннихъ (2). Черные крестьяне каждой общины въ тяжбахъ между собою судились иногда собственными выборными судейками (3), дѣла же съ посторонними подлежали обыкновеннымъ судилищамъ; впрочемъ это опредѣлялось особенными привилегіями, о чемъ будетъ сказано ниже. Помѣщичьи крестьяне

(1) А. И. т. 5-й, № 228.

(2) Котошихинъ гл. 11. П. С. З № 1145.

(3) Котошихинъ гл. 11.

по крѣпостному праву судились помѣщиками и ихъ прикащиками; въ тяжбахъ съ посторонними помѣщики сами искали и отвѣчали за своихъ крестьянъ (1). Но иногда жалобы на крестьянъ приносились самимъ помѣщикамъ, какъ видно изъ челобитной Шуянъ князю Черкасскому (2), въ которой они просятъ его велѣть сыскать про насильства его крестьянъ, и по сыску учинить указъ, чтобъ имъ впредь въ конецъ не погибнуть и розно не разбрестись. Они прибавляютъ, что надѣятся на его милость и заступленіе, потому что покойный братъ его жаловалъ ихъ своею милостью, оберегалъ ихъ отъ стороннихъ людей. Разумѣется, что не получивши управы у помѣщика, истцы могли жаловаться воеводамъ и приказнымъ людямъ. Впрочемъ нѣкоторые помѣщики сохраняли еще прежнія жалованныя грамоты, которыми люди ихъ и крестьяне освобождались отъ суда намѣстниковъ и волостелей, за исключеніемъ губныхъ дѣлъ, и въ случаѣ тяжбъ съ посторонними судились смѣстнымъ судомъ; прикащики же были подсудны одному царю или назначенному имъ боярину (3).

Къ классамъ, освобожденнымъ отъ суда воеводъ и приказныхъ людей, принадлежали 4) гости, гостиная и суконная сотни. Гости и торговые люди гостиной сотни съ дѣтьми, племянниками и людьми судились во всѣхъ дѣлахъ однимъ царемъ или казначеемъ (нѣкоторые первымъ вельможею); но иски свои они предъявляли тѣмъ мѣстамъ и лицамъ, которымъ подсудны

(1) Улож. гл. XIII, ст. 7.

(2) Описаніе Шуи № 26. См. также челобитную въ старинныхъ Актахъ Шуи, стр. 89.

(3) А. И. т. 3 й, № 67.

были противники (1). Торговые люди суконной сотни съ дѣтьми, племянниками и людьми подлежали суду областныхъ правителей только въ уголовныхъ преступленіяхъ и въ случаѣ встрѣчнаго суда; въ другихъ искахъ они отвѣчали въ Москвѣ передъ боярами или лицами, назначенными самимъ царемъ (2). Эти права предоставлялись имъ жалованными грамотами на имя цѣлыхъ сословій и отдѣльныхъ лицъ; это было не право собственнаго суда, данное сословію, а привилегія, жалуемая знатнымъ торговцамъ. Сословный судъ установленъ былъ уже Петромъ Великимъ, который далъ сословіямъ единство и опредѣленность, который « собиралъ разсыпанныя храмины », и замѣнялъ частныя изъятія и привилегіи государственными мѣрами.

5) Иностранные торговцы пользовались также особыми правами: жалованной грамотою, данною компаніи Голландскихъ гостей въ 1614 году, запрещено было воеводамъ и приказнымъ людямъ судить ихъ самихъ и людей ихъ съ кѣмъ бы то ни было, въ какихъ бы то ни было дѣлахъ, за исключеніемъ душегубства, татьбы и разбоя съ поличнымъ; въ прочихъ дѣлахъ они подлежали суду дьяковъ посольскаго приказа по назначенію самого государя (3). Такія же грамоты давались Англійскимъ гостямъ и Гамбургскимъ, какъ цѣлымъ компаніямъ, такъ и отдѣльнымъ лицамъ; всѣ онѣ подтверждались неоднократно (4).

---

(1) А. И. т. 5-й, № 43; Доп. къ А. И. т. 3-й, № 44; П. С. З. № 781.

(2) А. А. Э. т. 4 й, № 252.

(3) А. А. Э. т. 3-й, № 17.

(4) Д. къ А. И. т. 4-й, № 136; П. С. З. № 805, 1398; С. Г. Г. т. 3-й, № 109.

6) Иноземцы, состоявшіе на службѣ Россіи, ихъ люди и крестьяне во всѣхъ дѣлахъ подлежали суду иноземскаго приказа; только въ особенныхъ случаяхъ по приказанію самого царя посылались изъ этого приказа грамоты къ воеводамъ и приказнымъ людямъ съ предписаніемъ судить ихъ въ городахъ (1).

7) Русскіе служилые люди — стрѣльцы и казаки судились своими головами съ участіемъ въ судѣ воеводъ. Отношеніе головъ къ воеводамъ было не вездѣ одинако: въ наказѣ 1614 года Кириловскому стрѣлецкому головѣ (2) велѣно было судить гражданскія тяжбы стрѣльцовъ между собою и по искамъ постороннихъ, наказывать стрѣльцовъ за маловажныя преступленія, но въ случаѣ государственнаго преступленія отсылать ихъ къ воеводамъ; пойманныхъ же въ разбоѣ, воровствѣ и убійствѣ отсылать къ губнымъ старостамъ и земскимъ людямъ. Впрочемъ разбой и татьбу съ поличнымъ, случившіяся между самими стрѣльцами, судили воеводы, а голова сидѣлъ у нихъ въ судѣ. Въ наказѣ Чебоксарскому стрѣлецкому головѣ 1626 г. (3) вовсе не упоминается о судѣ воеводъ и губныхъ старостъ: голова судилъ всѣ гражданскія тяжбы стрѣльцовъ, даже по искамъ ихъ на постороннихъ, и наказывалъ ихъ за всякія преступленія. Въ Астрахани напротивъ въ 1646 году иски стрѣльцовъ на постороннихъ людей судили воеводы, равно какъ и совершенныя стрѣльцами воровства и разбои; кромѣ того голова докладывалъ воеводамъ о тѣхъ дѣлахъ, которыхъ не могъ рѣшить самъ, а большія спорныя

(1) А. И. т. 3-й, № 183.
(2) А. А. Э. т. 3-й, № 34.
(3) А. А. Э. т. 3-й, № 167.

дѣла присылались для рѣшенія въ Москву въ Новгородскую четверть (1). Нижегородскому воеводѣ въ 1664 году предписано было охранять пріѣзжихъ торговыхъ людей и мѣстныхъ жителей отъ притѣсненій стрѣльцовъ, пушкарей и приставовъ, и въ случаѣ обидъ наказывать ихъ, смотря по винѣ, а на голову писать въ Москву къ государю (2). Въ 1699 году стрѣлецкимъ и казачьимъ головамъ въ Новгородѣ велѣно было судить стрѣльцовъ и казаковъ въ тяжбахъ между собою и по искамъ постороннихъ лицъ, исключая губныхъ дѣлъ (3).

8) Каменьщики и кирпичники по жалованнымъ грамотамъ судились въ Каменномъ приказѣ; областнымъ правителямъ запрещено было судить ихъ безъ царскихъ грамотъ, за исключеніемъ губныхъ дѣлъ (4).

9) Откупщики и мытчики судились въ тѣхъ приказахъ, изъ которыхъ казенныя статьи отданы были на откупъ или на оброкъ. Не всѣмъ впрочемъ давалось это право: оно именно включалось въ откупныя грамоты, и за него брались лишнія печатныя пошлины. Нѣкоторые откупщики подлежали въ губныхъ дѣлахъ суду воеводъ и приказныхъ людей (5).

---

(1) Доп. къ А. И. т. 3-й, № 16.

(2) Тамъ же, т. 4-й, № 131.

(3) П. С. З. № 1738 Тоже самое предписано въ наказѣ Вяземскимъ воеводамъ 1622 г., но о губныхъ дѣлахъ въ немъ не упоминается. А. И. т. 3-й, № 116.

(4) Доп. къ А. И. т. 2-й, № 78.

(5) А. И. т. 3-й, № 92. XXXIII. Улож. гл. XVIII, ст. 22: «А которымъ откупщикамъ въ грамотахъ будетъ написано, что пока они держатъ откупъ, въ городахъ на нихъ суда не давать, брать по полуполтинѣ съ человѣка съ челобитья.» А. А. Э. т. 4-й, № 202.

10) Владѣльцы заводовъ съ семействами и крестьянами подчинялись иногда суду одной Оружейной Палаты (1).

Жалованныя грамоты, освобождавшія отъ суда воеводъ и приказныхъ людей, давались и отдѣльнымъ общинамъ; новыхъ грамотъ не жаловали, но подтверждали прежнія. Это былъ остатокъ системы прежнихъ государей, которые ограничивали власть намѣстниковъ и волостелей изъятіемъ отдѣльныхъ общинъ изъ ихъ судебнаго вѣдомства и предоставленіемъ жителямъ права собственнаго суда. Иногда впрочемъ, не смотря на жалованныя грамоты, жители судились воеводами; такъ напримѣръ Михаилъ Ѳедоровичъ подтвердилъ въ 1614 году уставную грамоту Шуянъ, а въ томъ же году назначенъ былъ въ Шую воевода, который судилъ ихъ вмѣсто излюбленныхъ старостъ (2). Иногда посадскіе люди получали освобожденіе отъ суда воеводъ и приказныхъ людей другихъ городовъ, куда они ѣздили по дѣламъ: такъ въ 1631 году запрещено было воеводамъ и приказнымъ людямъ судить посадскихъ людей Юрьевца Повольскаго, пріѣзжавшихъ въ Ярославль, Кострому, Нижній Новгородъ, Балахну, Кинешму, и на Плесо, за исключеніемъ губныхъ дѣлъ, а велѣно истцамъ подавать на нихъ жалобы въ Москвѣ въ приказѣ Большаго Дворца, а въ Юрьевцѣ приказнымъ людямъ (3). Нѣкоторыя общины наконецъ въ тяжбахъ между жителями судились приказ-

(1) Д. къ А. И. т. 5-й, № 9.

(2) А. А. Э. т. 2-й, № 32. Описаніе Шуи № 3-й. См. ниже о земскихъ старостахъ и цѣловальникахъ.

(3) А. А. Э. т. 3-й, № 101.

ными людьми, а по искамъ постороннихъ лицъ въ Московскихъ приказахъ (1).

Жалованныя грамоты давались и отдѣльнымъ лицамъ: въ 1615 году велѣно было братьевъ, сына, людей и крестьянъ Козьмы Минина судить только въ Москвѣ, кромѣ разбойныхъ и татиныхъ дѣлъ, которыя подлежали суду воеводъ; послѣ его смерти въ 1616 году это право подтверждено было жалованною грамотою его сыну (2). Въ 1654 году дана несудимая грамота вѣчно, потомственно и ненарушимо посадскимъ людямъ города Гороховца Ивану Кикину и Афанасію Струнину; запрещено было судить ихъ въ городахъ по какимъ бы то ни было дѣламъ, а велѣно подавать на нихъ жалобы самому государю именнымъ челобитьемъ (3).

Наконецъ особенными правами пользовались Касимовскіе цари: на основаніи жалованныхъ грамотъ, они судили Касимовскихъ посадскихъ людей и Татаръ, воеводамъ же запрещено было даже посылать на нихъ приставовъ безъ вѣдома царя и его приказныхъ людей. Лица, принадлежавшія къ царскому двору, въ губныхъ дѣлахъ подлежали суду воеводъ; гражданскія тяжбы ихъ между собою судились воеводами вмѣстѣ съ царскими приказными людьми, а прочія тяжбы поступали на судъ въ посольскій приказъ. Воеводы же судили тяжбы Касимовскихъ дѣтей боярскихъ, уѣздныхъ жителей и иногородныхъ со всякими Касимовскими жителями, кромѣ царскихъ дворо-

(1) А. А. Э. т. 3-й, № 14. Жители Романова судились въ посольскомъ приказѣ.

(2) А. А. Э. т. 3-й, № 71, 85.

(3) Доп. къ А. И. т. 3-й, № 114.

выхъ людей, также иски подсудныхъ царю людей на постороннихъ, и встрѣчные иски послѣднихъ. Наконецъ имъ приносились жалобы на отказъ въ правосудіи царемъ и его приказными людьми; воевода ходатайствовалъ объ этомъ у царя, но если и послѣ того царь отказывалъ въ судѣ, тогда самъ воевода судилъ небольшія тяжбы дворовыхъ и посадскихъ людей, а большія тяжбы отсылалъ на рѣшеніе въ посольскій приказъ (1).

Такова была сложная и запутанная подсудность Московскаго государства; въ ней проглядываетъ весь средневѣковой бытъ съ своею разрозненностью, съ своими частными правами и привилегіями. Государство вводило новый судебный порядокъ, но подъ нимъ скрывались старыя формы, которыя всюду прерывали его дѣйствіе и лишали его всякой стройности и всякой системы.

7) *Полицейскія дѣла.* Къ полицейскимъ обязанностямъ воеводъ относились: 1) постройки, 2) пути сообщенія, 3) почты, 4) охраненіе области отъ моровыхъ язвъ, 5) охраненіе городовъ отъ пожаровъ, 6) полиція безопасности, 7) попеченіе о народонаселеніи, 8) попеченіе о торговлѣ, мѣрахъ и вѣсахъ, 9) полиція нравовъ.

Постройки производились двумя способами: на счетъ казны и повинностью сошныхъ людей, въ послѣднемъ случаѣ иногда подъ распоряженіемъ воеводъ, иногда безъ всякаго ихъ вмѣшательства. Когда нужно было сдѣлать постройку, къ воеводѣ посылался о томъ царскій указъ, который всякій разъ опредѣлялъ и предоставленную ему власть: иногда предписывалось

(1) С. Г. Г. т. 3-й, № 58.

только сдѣлать смѣту и прислать ее въ Москву на утвержденіе (1); иногда же воеводѣ предоставлялось право строить и безъ предварительнаго утвержденія смѣты, но во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ прислать отчетъ въ расходахъ (2). Если нужно было перестроить или вновь сдѣлать развалившееся строеніе, воевода могъ иногда начать постройку и безъ царскаго указа, но онъ всегда долженъ былъ объ томъ доносить государю, и по окончаніи строенія прислать въ Москву расходныя книги (3). Если зданіе строилось отъ казны, тогда работы производились подъ начальствомъ назначенныхъ воеводою дворянъ или дѣтей боярскихъ и выборныхъ цѣловальниковъ; но когда строили сошные люди на мірской счетъ, тогда воевода давалъ только предписанія, а въ постройки не вмѣшивался и не посылалъ въ Москву смѣтной росписи (4). Вообще, такъ какъ постройки не были дѣломъ постоянным, то въ наказахъ не опредѣлялись ни способы построенія, ни власть воеводъ, а всякій разъ по мѣрѣ нужды дѣлались распоряженія правительствомъ или воеводами; здѣсь господствовали та неопредѣленность, тѣ частныя мѣры, которыя составляли отличительную черту администраціи Московскаго государства.

---

(1) А. И. т. 4-й, № 46.

(2) П. С. З. № 1594. Наказъ Тобольскому воеводѣ.

(3) Д. къ А. И. т. 3-й, № 31; П. С. З. № 1579: «А буде какое строеніе нужное доведется сдѣлать и что сдѣлаетъ, и о томъ писать.» Однако въ этомъ же наказѣ сказано, чтобы «никакого строенія не строить и на строеніе денегъ безъ грамотъ Великаго Государя не давать.»

(4) Доп. къ А. И. т. 3-й, № 115.

Тоже самое имѣло мѣсто относительно путей сообщенія: устройство дорогъ не составляло предмета постояннаго попеченія воеводъ, но если нужно было уничтожить дорогу, проложить новую, измѣрить или улучшить старую, къ воеводамъ посылалась царская грамота, и они дѣлали соотвѣтствующія распоряженія (1). Если дѣло требовало издержекъ, какъ напримѣръ, устройство городовыхъ мостовъ, то воевода долженъ былъ прислать въ Москву отчетъ въ приходахъ и расходахъ (2). Ежегодная же поправка дорогъ, по которымъ отправлялись казенные запасы, лежала на мѣстныхъ жителяхъ, и воеводы вмѣшивались въ это только въ особенныхъ случаяхъ, по предписанію правительства (3).

Почтовыя сношенія устроены были различнымъ образомъ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жители ставили подводы и суда всѣмъ міромъ по выбору или по очереди, въ другихъ мѣстахъ были стройные ямы съ постоянными ямщиками, которые или выбирались сошными людьми и получали отъ нихъ подмогу, или же прибирались правительствомъ и получали жалованье изъ казны. Иногда проѣзжимъ служилымъ людямъ давались казенныя суда и гребцы; наконецъ во второй половинѣ XVII вѣка учреждепы были въ Ригу и Вильну почты, которыя содержались частными людьми. Всѣ эти учрежденія существовали только для казенной

(1) А. И. т. 2-й, № 26; т. 5-й, № 113, 145.

(2) А. А. Э. т. 3-й, № 145.

(3) Такъ напр. въ 1615 г. Верхотурскіе ямщики жаловались царю, что пашенные крестьяне и торговые люди не помогаютъ имъ чистить дорогу отъ Соликамска до Верхотурья. Царь предписалъ воеводѣ велѣть мѣстнымъ жителямъ чистить дорогу всѣмъ вмѣстѣ. А. И. т. 3-й, № 47; см. также А. И. т. 2-й, № 26.

надобности, кромѣ послѣднихъ, по которымъ пересылались также частныя письма. Тамъ, гдѣ ямская гоньба производилась всѣмъ міромъ, она находилась въ вѣдомствѣ земскихъ старостъ и цѣловальниковъ, воевода же не вмѣшивался въ распоряженія, а только требовалъ извѣстнаго количества подводъ и судовъ для нужныхъ отправокъ и выдавалъ деньги, если казна платила за подводы (1). Въ тѣхъ ямахъ, гдѣ ямщики выбирались или нанимались посошными людьми, дѣлами завѣдывали выборные ямскіе старосты; отвѣтственность за исправленіе повинности лежала на общинахъ, но часто воеводы своими распоряженіями затрудняли ихъ и дѣлали имъ притѣсненія, вслѣдствіе чего по жалобамъ земскихъ людей съ половины XVII вѣка въ нѣкоторыхъ мѣстахъ воеводы вовсе были отстранены отъ участія въ ямскихъ дѣлахъ; все управленіе возложено было на старостъ и цѣловальниковъ, иногда подъ надзоромъ таможенныхъ и кабацкихъ головъ (2). Однакоже и выборные старосты и головы употребляли во зло свою власть, наживались и не давали міру отчета въ своихъ расходахъ; тогда на оборотъ по жалобѣ земскихъ людей воеводамъ предписывалось заставить ихъ дать отчетъ, взыскать съ нихъ лишніе поборы и подвергать ихъ наказанію (3). Слѣдственно по мѣрѣ того, какъ возникали злоупотребленія, въ различныхъ мѣстностяхъ дѣлались совершенно противоположныя распоряженія. Изъ этого выходили иногда большія затрудненія и недоразумѣнія: случалось,

---

(1) А. А. Э. т. 3-й, № 114, т. 4-й, № 120.

(2) Д. къ А. И. т. 3-й, № 53 (стр. 203), 116, 117. т. 5-й, № 53. А. А. Э. т. 4-й, № 277.

(3) Д. къ А. И. т. 3-й, № 117.

напр. что воеводы выдавали проѣзжія памяти, а ямщики объявляли, что ничего не хотятъ слушать, кромѣ грамотъ изъ ямскаго приказа (1). Тамъ, гдѣ ямщики содержались отъ казны, воеводы прибирали новыхъ ямщиковъ на выбылыя мѣста, выдавали имъ жалованье, охраняли ихъ отъ притѣсненій, иногда назначали ямскихъ прикащиковъ, которые непосредственно управляли ямщиками (2); но въ 1679 году должность ямскихъ прикащиковъ упразднена, и всѣ дѣла ихъ присоединены къ вѣдомству воеводъ. Устройство новыхъ ямовъ, наборъ ямщиковъ, отводъ земель, приписаніе къ яму извѣстнаго количества сохъ, опредѣленіе количества жалованья или подмоги поручались иногда воеводамъ (3), но иногда для этого посылались изъ Москвы особые ямскіе стройщики (4); и тѣ и другіе должны были дать отчетъ въ своихъ распоряженіяхъ. При Петрѣ Великомъ, какъ для устройства новыхъ ямовъ, такъ и для прибора ямщиковъ на выбылыя мѣста и для переписи ихъ посылались подъячіе изъ ямскаго приказа (5). Вообще при немъ ямское управленіе получило болѣе правильности, и составило отдѣльную административную отрасль, которая въ областяхъ завѣдывалась ямскими управителями подъ непосредственнымъ начальствомъ ямскаго приказа или канцеляріи.

Принятіе мѣръ отъ моровой язвы всегда поручалось воеводамъ; иногда это предписывалось имъ въ нака-

(1) Д. къ А. И. т. 5-й, № 46, стр. 245.

(2) А. И. т. 3-й, № 78, т. 4-й, № 22; Д. къ А. И. т. 4-й, № 96; А. А. Э. т. 3-й, № 158.

(3) А. А. Э. т. 3-й, № 158; П. С. З. № 223.

(4) А. А. Э. т. 3-й, № 8, 158; П. С. З. № 231.

(5) П. С. З. № 1894, 1926, 2137.

захъ, но большею частью при появленіи моровой язвы посылались къ нимъ особыя царскія грамоты съ подробными постановленіями (1). Случалось, что предписанія о принятіи мѣръ противъ моровой язвы давались монастырскимъ властямъ прямо отъ царя или отъ митрополита, при чемъ однакоже имъ повелѣвалось доносить воеводамъ обо всемъ случившемся въ монастырскихъ владѣніяхъ. Но иногда сами воеводы посылали въ тѣже монастыри дворянъ и служилыхъ людей для учрежденія заставъ, а монастырскимъ властямъ предписывали только дать имъ въ прибавку монастырскихъ стрѣльцовъ, пушкарей, посадскихъ людей и крестьянъ (2).

Пожарная полиція также всегда принадлежала къ вѣдомству воеводъ. Для надзора за исполненіемъ своихъ распоряженій, воеводы назначали большею частью объѣзжихъ головъ или городничихъ, которымъ подчинялось извѣстное количество служилыхъ и посадскихъ людей; но иногда для этого выбирались цѣловальники изъ посадскихъ жителей (3). Мѣры противъ огня почти вездѣ были одинакія, но нѣкоторыя общины получали жалованныя грамоты, освобождавшія ихъ отъ стѣснительныхъ распоряженій; такъ въ 1638 году Шуяне получили грамоту, по которой имъ позволено было топить лѣтомъ избы и бани, потому что у нихъ не было крѣпостныхъ строеній, артиллеріи и пороховыхъ запасовъ (4).

(1) А. И. т. 5-й, № 161; А. А. Э. т. 4-й, № 206; П. С. З. № 184, 858, 1650, 1738.

(2) А. И. т. 4-й, № 87, 92; Д. къ А. И. т. 4-й, № 44.

(3) Объ объѣзжихъ головахъ и городничихъ говорится почти во всѣхъ наказахъ; о цѣловальникахъ Доп. къ А. И. т. 4-й, № 140.

(4) Описаніе Шуи, № 20, также А. А. Э. т. 4-й, № 38.

Полиція общественнаго порядка также была въ исключительномъ вѣдомствѣ воеводъ: во всѣхъ наказахъ имъ предписывалось смотрѣть, чтобы нигдѣ не было бою, грабежу, корчмы и табаку, распутства и недозволенной игры; на нихъ возложена была и поимка воровъ и разбойниковъ тамъ, гдѣ не было губныхъ старостъ. Пріѣзжіе всегда записывались въ съѣзжей избѣ и отдавались воеводами на поруки; если по распросамъ они оказывались подозрительными людьми, воеводы производили слѣдствіе и доносили о томъ государю (1). Иногда жителямъ запрещалось отъѣзжать безъ дозволенія воеводы: Ольшанскому воеводѣ въ 1687 году велѣно было отпускать для промысловъ служилыхъ и жилецкихъ людей, « смотря по тамошнему дѣлу, по вѣстямъ и по людямъ, съ запискою и съ срокомъ, по скольку человѣкъ пригоже, чтобы въ Ольшанскомъ безлюдно не было. » (2). Точно также въ наказѣ Казанскому воеводѣ 1697 года (3) запрещено было жителямъ отлучаться безъ разрѣшенія воеводъ, которые могли отпускать немногихъ вдругъ, на извѣстные сроки, записавши ихъ въ книги, и давши имъ грамоты къ царю, съ которыми они должны были явиться въ приказъ Казанскаго Дворца. Отлучившихся безъ дозволенія велѣно было сажать въ тюрьму и наказывать, смотря по винѣ. Но власть воеводъ была велика, и они легко могли употребить ее во зло; поэтому сдѣлано было слѣдующее ограниченіе: если кто нибудь хотѣлъ подать жалобу на воеводу, то позволено было отъѣзжать и безъ отпуска, и воеводамъ

(1) А. И. т. 3-й, № 116; т. 4-й, № 181, т. 5-й, № 161.

(2) А. И. т. 5-й, № 161.

(3) П. С. З. № 1379.

запрещено было задерживать такихъ людей. Отъѣзжающимъ воеводы давали проѣзжія грамоты за своею подписью; такія же грамоты выдавались и торговымъ людямъ, ѣхавшимъ изъ Сибири въ Россію (1). Но послѣднее право служило источникомъ многихъ злоупотребленій; воеводы задерживали купцовъ и брали съ нихъ взятки. Это чрезвычайно стѣсняло торговлю, и по жалобамъ купцовъ выдача проѣзжихъ грамотъ была возложена на таможенныхъ головъ (2). Наконецъ и иностранные паспорты выдавались воеводами, которымъ запрещалось дѣлать какія бы то ни было задержки подъ страхомъ великой опалы и взысканія двойныхъ убытковъ, причиненныхъ замедленіемъ выдачи (3).

Ограниченія пріѣзда и отъѣзда дѣлались преимущественно для искорененія бѣглыхъ, которыхъ количество при недостаткѣ полицейскихъ средствъ и недавней подвижности народонаселенія было чрезвычайно значительно. Воеводамъ постоянно предписывалось смотрѣть, чтобы не было у нихъ въ уѣздѣ бѣглыхъ и пристанодержателей; пойманныхъ бѣглецовъ они должны были отсылать на мѣста жительства къ воеводамъ тѣхъ областей, но иногда имъ приказывалось послѣ допроса оставлять ихъ до указа тамъ, гдѣ они были пойманы, и распросныя рѣчи присылать въ Москву (4). Иногда воеводамъ поручалось отыскивать бѣглыхъ жителей своего уѣзда и возвращать ихъ на прежнія мѣста, но такъ какъ они большею частью

(1) А. И. т. 3-й, № 184.

(2) Доп. къ А. И. т. 3 й, № 9; А. А. Э. т. 4-й, № 291.

(3) Улож. гл. VI, ст. 1, 2.

(4) П. С. З. № 1697, 1738; Д. къ А. И. т. 4-й, № 48.

бѣгали въ другіе города и области, то воеводы должны были входить въ сношенія съ другими областными правителями, чтò при недостаткѣ правильной администраціи было весьма затруднительно. Въ 1649 году Олонецкому воеводѣ предписано было сыскать крестьянъ и бобылей Заонежскихъ погостовъ, вышедшихъ въ другіе города и уѣзды; въ ближнія мѣста воевода долженъ былъ посылать самъ отъ себя, въ другіе же города писать къ воеводамъ и приказнымъ людямъ, чтобъ они тѣхъ бѣглецовъ ловили и высылали къ нему. На его отношенія Псковскій и Старорусскій воеводы отвѣчали, что они въ своихъ уѣздахъ велѣли бѣглыхъ сыскивать и отдавать на поруки, но до полученія царскаго указа высылать не станутъ, ибо у нихъ о томъ нѣтъ указа. Тоже отвѣчалъ Каргопольскій воевода на томъ основаніи, что ему предписано высылать только тѣхъ бѣглыхъ, которые оставили мѣста жительства не болѣе, какъ за 15 лѣтъ; Новгородскій же воевода запретилъ Ладожскому воеводѣ давать выводить бѣглыхъ до полученія указа (1). Въ этомъ, какъ и во всемъ, выражается разрозненность принимаемыхъ мѣръ и отсутствіе постоянныхъ правилъ. Для устраненія этого неудобства большею частью посылались въ города для сыска бѣглыхъ свощики или сыщики изъ Москвы; обыкновенно это дѣлалось по просьбѣ помѣщиковъ, которыхъ крестьяне были въ бѣгахъ (2). Сыщики посылались впрочемъ не только въ разные города и уѣзды, но иногда въ одинъ только уѣздъ, тамъ, гдѣ, казалось бы, эта обязанность

(1) Д. къ А. И. т. 3-й, № 82.

(2) А. А. Э. т. 3-й, №№ 66, 311, т. 4-й, № 279; Доп. къ А. И. т. 3-й, № 82; П. С. З. №№ 220, 998, 1625, 1644.

легко могла быть исполнена воеводою (1). Но воеводы, въ рукахъ которыхъ сосредоточивались всякаго рода дѣла, мало объ этомъ заботились; поэтому когда нужно было по жалобѣ помѣщиковъ принимать усиленныя мѣры, отправлялись въ города сыщики. Воеводы обязаны были помогать имъ, отдавая въ ихъ распоряженіе извѣстное количество служилыхъ людей. Иногда отысканіе бѣглыхъ и разборъ правъ помѣщиковъ поручались писцамъ, которые межевали земли (2), но писцы по множеству дѣлъ также не могли исполнить этого надлежащимъ образомъ, вслѣдствіе чего поступали новыя жалобы помѣщиковъ. Вообще всѣ эти мѣры были временныя и безпрестанно повторялись; прочнаго порядка не было.

Поимка дезертировъ также поручалась воеводамъ, обыкновенно по случаю похода; за нерадѣніе воеводы даже сажались въ тюрьму на нѣсколько дней (3). Но не смотря на то, они часто съ дезертировъ брали взятки и очень не многихъ высылали на службу; тогда посылались изъ Москвы особые сыщики, которымъ вмѣстѣ съ тѣмъ поручалось и производство слѣдствія о злоупотребленіяхъ (4).

Попеченіе о народонаселеніи имѣло въ виду преимущественно казенный интересъ: при постройкѣ новыхъ крѣпостей призывались въ нихъ жители (5); иногда воеводамъ поручалось прибирать посадскихъ людей въ тягло (6), хотя большею частью это дѣла-

(1) Доп. къ А. И. т. 4-й, № 48; А. А. Э. т. 3-й, № 141.
(2) П. С. З. № 998.
(3) П. С. З. № 143, 144.
(4) Доп. къ А. И. т. 4-й, № 146.
(5) А. И. т. 4-й, № 36.
(6) Доп. къ А. И. т. 4-й, № 92.

лось земскими старостами; наконецъ въ Сибири, гдѣ казенныя имѣнія состояли подъ управленіемъ воеводъ, они селили на пашню новыхъ крестьянъ (1). Воеводы же разрѣшали частнымъ людямъ строить слободы на казенныхъ земляхъ, и селить въ нихъ крестьянъ, которые платили въ казну извѣстный оброкъ (2). Все это были мѣры временныя и частныя, которыя не составляли общаго предмета вѣдомства воеводъ.

Въ торговыхъ дѣлахъ вѣдомство воеводъ ограничивалось надзоромъ за непроизводствомъ запрещенной торговли; этотъ надзоръ былъ впрочемъ не всегда и не вездѣ одинаковъ. Воеводы смотрѣли, чтобы купцы не продавали иностранцамъ и инородцамъ заповѣдныхъ товаровъ (3), чтобъ они въ Сибири не торговали прежде сбора ясака, и не ѣздили съ товарами по ясашнымъ волостямъ, а торговали бы единственно на гостинныхъ дворахъ (4). Иногда въ Сибирскихъ городахъ запрещалось покупать и вывозить хлѣбъ, чтобы не было въ немъ недостатка (5). Вообще воеводы наблюдали за провозомъ товаровъ относительно контрабанды; эту обязанность они раздѣляли съ таможенными головами, которые находились къ нимъ въ различныхъ отношеніяхъ (6). Въ городахъ, гдѣ велась Азіятская торговля, воеводы отпускали караваны, и давали имъ конвои для безопасности (7). Воеводы часто употребляли во зло свою власть, задерживая

(1) Доп. къ А. И. т. 4-й, № 92; А. И. т. 5-й, № 240.
(2) Доп. къ А. И. т. 4-й, № 20, 106.
(3) А. И. т. 3-й, № 116, 134; П. С. З. № 1579.
(4) А. И. т. 3-й, № 135, П. С. З. № 1594.
(5) А. И. т. 3-й, № 107.
(6) См. ниже обязанности воеводъ въ таможенныхъ дѣлахъ
(7) А. И. т. 3-й, № 154.

торговыхъ людей, и взыскивая съ нихъ деньги за свободный пропускъ; купцы жаловались на такіе поступки, и въ новоторговомъ уставѣ 1667 года воеводамъ запрещено было задерживать торговыхъ людей по дорогамъ и вѣдать ихъ въ торговыхъ дѣлахъ, исключая таможеннаго уставнаго права (1). Воеводамъ же поручался и надзоръ за мѣрами и вѣсами. Если нужно было сдѣлать новыя мѣры и вѣсы, посылался къ нимъ образецъ, иногда только для передачи таможенному головѣ, на котораго уже возлагалась обязанность сдѣлать новыя мѣры и вѣсы, хранить ихъ и ввести во всеобщее употребленіе, но иногда это дѣлалось особыми выборными цѣловальниками по распоряженію самого воеводы. Послѣдніе всегда должны были смотрѣть за правильностью торговыхъ мѣръ и вѣсовъ, и брать пени съ тѣхъ, которые употребляли въ торговлѣ не тѣ, которыя были предписаны указами (2).

Наконецъ иногда воеводамъ поручалось и наблюденіе за нравами: въ 1649 году по царскому указу Верхотурскій воевода велѣлъ прикащику Ирбитской слободы смотрѣть, чтобы жители приходили по праздникамъ въ церковь « и слушали бы церковнаго пѣнія со страхомъ и со всякимъ благочестіемъ, вниматељно, и отцовъ своихъ духовныхъ и учителныхъ людей наказанья и ученія слушали, и отъ безмѣрного пьяного питья уклонилися и были въ трезвости, и скомороховъ съ домрами и съ гуслями и съ волынками и со всякими играми, и ворожей, мужиковъ и бабъ, къ бол-

(1) П. С. З. № 408, ст. 35.

(2) А. А. Э. т. 3-й, 151, т. 4-й, № 241.

нымъ и ко младенцомъ и въ домъ къ себѣ не призывали, и въ первой день луны не смотрили, и въ громъ на рѣкахъ и на озерахъ не купалися, и съ серебра по домомъ не умывалися, и олова и воску не лили, и зерныо и карты и шахматы и лодыгами не играли, и медвѣдей не водили, и съ сучками не плясали, и никакихъ бѣсовскихъ дивъ не творили, и на бракахъ пѣсней бѣсовскихъ не пѣли, и никакихъ срамныхъ словъ не говорили, и по ночамъ на улицахъ и на поляхъ богомерзкихъ и скверныхъ пѣсней не пѣли, и сами не плясали, и въ ладони не били, и всякихъ бѣсовскихъ игръ не слушали, и кулачныхъ боевъ межъ себя не дѣлали, и на качелѣхъ ни на какихъ не качалися, и на доскахъ мужской и женской полъ не скакали, и личинъ на себя не накладывали, и кобылокъ бѣсовскихъ не наряжали, и на свадбахъ безчинства и сквернословія не дѣлали. А гдѣ объявятся домры и сурны и гудки и гусли и хари и всякіе гудебные бѣсовскіе сосуды, и тебѣ бъ то все велѣть вынимать и изломавъ тѣ бѣсовскія игры велѣть жечь; а которые люди отъ того ото всего богомерзкого дѣла не отстанутъ, и учнутъ впередъ такова богомерзкого дѣла держаться, и тебѣ бъ, по государеву указу, тѣмъ людемъ чинить наказаніе.» За первую и вторую вину ослушниковъ велѣно бить батогами, пойманныхъ же въ третій и четвертый разъ пересылать къ воеводѣ въ Верхотурье (1). Наблюденіе за нравами воеводы раздѣляли съ духовными властями: епархіальные начальники давали точно такія же инструкціи своимъ подчиненнымъ и подвергали виновныхъ церковнымъ

(1) А. И. т. 4-й, № 33.

наказаніямъ безъ всякаго вмѣшательства со стороны свѣтской власти (1).

Полицейскія обязанности воеводъ не были обширны и многосложны: многія дѣла поручались имъ временно, частными распоряженіями, другія подлежали ихъ вѣдомству только въ извѣстныхъ мѣстностяхъ. Не многія, а именно пожарная часть и охраненіе общественнаго порядка, принадлежали къ постояннымъ предметамъ ихъ попеченій, но и здѣсь, когда дѣло требовало особеннаго старанія, напримѣръ отысканіе бѣглыхъ, посылались изъ Москвы нарочные чиновники. Главное дѣло управленія состояло, какъ уже сказано, въ доставленіи государству матеріальныхъ средствъ существованія, вслѣдствіе чего существенною заботою воеводъ были не полиція, не судъ, а финансовыя дѣла.

8) *Финансовыя дѣла.* Къ вѣдомству воеводъ относились: 1) сборъ податей, 2) земскія повинности, 3) сборъ пошлинъ, 4) надзоръ за таможеннымъ и кабацкимъ управленіемъ, 5) управленіе казенными оброчными статьями и промыслами, 6) управленіе казенными имѣніями, 7) денежное дѣло, 8) пріобрѣтеніе, храненіе и продажа казенныхъ запасовъ, 9) производство расходовъ.

Подати сбирались воеводами и приказными людьми, земскими старостами и цѣловальниками, рѣдко нарочными, посылаемыми изъ Москвы, сборщиками. Податная система была чрезвычайно разнообразна и запутанна: немногія подати выплачивались ежегодно въ постоянномъ количествѣ; большая часть сбиралась по мѣрѣ нужды, и распоряженія дѣлались всякій разъ

(1) А. А. Э. т. 4-й, № 98.

отдѣльными царскими указами, опредѣлявшими, какъ количество сбора, такъ и способъ взиманія. Поэтому подати раздѣлялись не по предмету, на который онѣ падали, а по назначенію расходовъ. Многія имѣли только временное и мѣстное значеніе, и самое управленіе различалось по предмету, по времени и по мѣсту; частными указами опредѣлялось, кто долженъ сбирать подати и какимъ образомъ. Кромѣ того, и здѣсь, какъ въ судебномъ вѣдомствѣ, было множество изъятій и привилегій, которыя еще болѣе осложняли управленіе.

Въ основаніи податной системы лежали подворная перепись и сошное письмо, то есть росписаніе земель и дворовъ на сохи, составлявшія податныя единицы. Сошное письмо производилось посылаемыми изъ Москвы писцами, которымъ, по обычаю того времени, поручались самыя разнородныя дѣла, какъ то: отдача на оброкъ казенныхъ оброчныхъ статей, размежеваніе спорныхъ земель, самый судъ о спорныхъ земляхъ съ правомъ наказывать крестьянъ, насильственно завладѣвшихъ чужою землею, наконецъ отысканіе бѣглыхъ и рѣшеніе споровъ о бѣглыхъ людяхъ (1). Измѣненія дѣлались новыми писцами, переписчиками и дозорщиками, но иногда города росписывались на сохи воеводами (2); бывали даже случаи, что это поручалось выборнымъ отъ общинъ, но это было рѣдкое исключеніе (3). Для подворной переписи также иногда посылались въ уѣзды писцы, но часто она производилась воеводами и приказными людьми (4).

(1) П. С. З. № 835, 888, 889, 998.
(2) А. И. т. 3-й, № 286; Доп. къ А. И. т. 2-й, № 39.
(3) А. А. Э. т. 4-й, № 6.
(4) А. А. Э. т. 4-й, № 14: А. И. т. 4-й, № 187, т. 5-й, № 286.

Раскладка податей въ каждомъ податномъ участкѣ дѣлалась самими жителями, по количеству земли, по животамъ и промысламъ. Воеводы вступались и въ это дѣло, что было источникомъ большихъ злоупотребленій: въ 1646 году Чердынцы жаловались, что лучшіе крестьяне, по распоряженію воеводъ, вмѣсто того, чтобы платить подати по общей раскладкѣ, отписывались въ особые оклады, и такимъ образомъ, платя ровное количество податей съ другими, сваливали часть тяжести на менѣе зажиточныхъ крестьянъ и посадскихъ людей; царь велѣлъ тѣхъ, которые отписались самовольно, безъ указа, возвратить въ прежніе оклады и заставить ихъ платить вмѣстѣ съ другими (1). Въ 1677 году Чердынцы просили подтвержденія ихъ правъ, и царь вновь запретилъ воеводамъ «отнимать у нихъ волю въ ихъ мірскомъ окладѣ», и складывать подати съ отдѣльныхъ лицъ безъ розыска и безъ мірскаго приговора (2). Точно также въ жалованной грамотѣ, данной Устюжнѣ Желѣзопольской, велѣно было всѣмъ живущимъ на черныхъ земляхъ платить подати по раскладкѣ земскихъ цѣловальниковъ (3). Но съ другой стороны самая необходимость утвержденія этихъ правъ особыми грамотами показываетъ, что устраненіе воеводъ отъ раскладки податей не было общимъ правиломъ, тѣмъ болѣе, что въ раскладкѣ, производимой земскими людьми, часто происходили злоупотребленія. Иногда жалобы на слишкомъ высокій окладъ приносились самому царю, который въ этомъ случаѣ писалъ къ воеводѣ, чтобъ

(1) А. А. Э. т. 4-й, № 6.
(2) А. И. т. 5-й, № 16.
(3) А. А. Э. т. 3-й, № 37, 138.

онъ велѣлъ обложить просителя уравнительно съ другими (1); но иногда самимъ воеводамъ предписывалось охранять бѣдныхъ крестьянъ отъ притѣсненій со стороны богатыхъ и въ особенности отъ излишнихъ сборовъ (2).

Каждый участокъ платилъ не только за наличныхъ членовъ, но и за выбывшихъ, въ замѣнъ которыхъ окладъ могъ быть разлагаемъ на членовъ, вновь записавшихся въ тягло. Поэтому чрезвычайно важно было положеніе въ тягло постороннихъ лицъ, выходъ изъ тягла и право на владѣніе тяглыми землями; это составляло основу общинной жизни Московскаго государства. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ воеводы принимали значительное участіе. Записка въ тягло совершалась двоякимъ образомъ: принудительно въ отношеніи къ тѣмъ лицамъ, которыя владѣли тяглыми землями или занимались промыслами въ городахъ, и добровольно, когда постороннее лице пріобрѣтало въ собственность тяглый участокъ, и платило съ него подати. Первымъ способомъ постороннія лица всегда записывались въ тягло воеводами. Для земскихъ людей было весьма невыгодно, если постороннія лица владѣли тяглыми землями или занимались промыслами, не платя податей, ибо въ этомъ случаѣ вся тяжесть падала на нихъ; но они могли только жаловаться на лишнее бремя, и тогда царь предписывалъ воеводѣ записать въ тягло тѣ лица, на которыхъ подана была жалоба, или принудить ихъ платить подати наравнѣ съ другими (3). Въ Уложеніи сдѣлано было множество

(1) А. А. Э. т. 4 й, № 52.
(2) Д. къ А. И. т. 3-й, № 65, 67, т. 4-й, № 134. См. ниже.
(3) А. А. Э. т. 3-й, № 138; т. 4-й, № 24, 35, 39, 189.

распоряженій о положенія въ тягло нетяглыхъ промышленниковъ, о возвращенія въ посады выбывшихъ тяглецовъ, о включеніи въ число тяглыхъ участковъ недвижимыхъ имуществъ, принадлежавшихъ разнымъ постороннимъ людямъ; приведеніе въ дѣйствіе всѣхъ этихъ мѣръ поручалось лицамъ, посылаемымъ нарочно для этого изъ Москвы (1). Впослѣдствіи положеніе въ тягло людей, занимавшихся разными промыслами, поручалось иногда и сыщикамъ (2).

Пріобрѣтеніе тяглаго участка постороннимъ лицемъ совершалось или покупкою его у тяглаго человѣка, или раздачею пустыхъ участковъ. Тяглымъ людямъ постоянно запрещалось отчуждать свои тяглые участки въ руки бѣломѣстцевъ, но это правило также постоянно нарушалось, и законодательство часто освящало это нарушеніе за прошедшее время, предписывая только впредь соблюдать законъ, и поручая надзоръ за этимъ воеводамъ (3). Но иногда послѣднимъ предписывалось уничтожить такія продажи, отобрать проданные участки въ казну, велѣть ихъ оцѣнить и донести о томъ въ Москву (4). Раздача пустыхъ участковъ производилась иногда земскими старостами и цѣловальниками (5), но часто это дѣлалось воеводами и приказными людьми, которые въ этомъ случаѣ сами отдавали новыхъ тяглецовъ на поруки въ томъ, что они изъ общины не уйдутъ и будутъ платить подати на-

(1) А. А. Э. т. 4-й, № 36, 39.

(2) А. И. т. 4-й, № 76.

(3) А. И. т. 4-й, № 29, т. 5-й, № 198.

(4) А. А. Э. т 4-й, № 39.

(5) А. Юр. № 231: «Да посадскихъ же пустыхъ и оброчныхъ и огородныхъ мѣстъ и съ тѣми что отдаютъ изъ земскіе избы на оброкъ....» А. А. Э. т. 4-й, № 101.

равнѣ съ другими (1). Нѣкоторымъ воеводамъ предписывалось набирать въ тягло посадскихъ людей и пашенныхъ крестьянъ (2): но такъ какъ вмѣшательство воеводъ въ это дѣло часто вело къ злоупотребленіямъ, то земскіе люди иногда испрашивали себѣ право раздавать пустые участки безъ участія воеводъ. Въ 1634 году по жалобѣ Вятчанъ на то, что воеводы отдаютъ пустые участки бѣломѣстцамъ за самые малые оброки, велѣно было раздавать участки изъ земской избы съ вѣдома воеводъ, а не изъ приказной избы. Однако этотъ указъ не исполнялся и по новымъ жалобамъ неоднократно былъ подтверждаемъ (3). Записка въ тягло новыхъ лицъ была отчасти интересомъ земскимъ, ибо члены общины получали черезъ это облегченіе въ податяхъ, а съ другой стороны правительственнымъ, ибо уменьшеніе количества тяглыхъ людей часто лишало остальныхъ возможности уплачивать окладъ, увеличеніе же количества напротивъ того вело при новой переписи къ увеличенію доходовъ. Но Московское государство, лишенное строгаго юридическаго сознанія, не умѣло точно разграничить вѣдомства обоихъ властей, вслѣдствіе чего все совершалось на основаніи случайныхъ и мѣстныхъ распоряженій.

Но если при запискѣ въ тягло новыхъ лицъ воеводы входили въ соперничество съ земскими начальни-

---

(1) А. А. Э. т. 3-й, № 138; А. Юр. № 304, III; наказъ Нижегородскому воеводѣ, Д. къ А. И. т. 4-й, № 134: «И тѣ оброчные и пустые земли и угодья (изъ тяглыхъ земель) отдавать государевымъ крестьяномъ въ тягло и на оброкъ.»

(2) Доп. къ А. И. т. 4-й, № 92.

(3) А. И. т. 5-й, № 264.

ками, то съ другой стороны возвращеніе въ тягло произвольно выбывшихъ тяглецовъ всегда производилось воеводами или сыщиками (1). Здѣсь нужно было употребленіе силы, которой не имѣли земскіе начальники, а кромѣ того ихъ часто надобно было отыскивать далеко за предѣлами общины, куда не распространялась власть земскихъ старостъ и цѣловальниковъ.

Такая же неопредѣленность въ разграниченіи вѣдомства существовала и въ сборѣ податей. Дань и оброки съ земель, дворовъ, лавокъ и промысловъ сбирали обыкновенно земскіе старосты и цѣловальники. Нѣкоторыя общины, на основаніи жалованныхъ грамотъ, имѣли право прямо платить подати въ Москвѣ (2); такимъ же правомъ пользовались нѣкоторые монастыри (3), и даже отдѣльныя лица (4). Но это было исключеніе; обыкновенно же эти подати по распоряженію воеводы сбирались земскими начальниками и приносились въ съѣзжую избу (5). Воеводамъ предоставлялась въ этомъ отношеніи различная власть: иногда по жалобѣ земскихъ людей имъ запрещалось вступаться въ денежные сборы и въ мірскія дѣла (6);

---

(1) А. А. Э, т. 3-й, № 311, т. 4-й, № 35, 158; А. И. т. 4-й, № 76.

(2) А. А. Э. т. 2-й, № 52, 53; т. 3-й, № 126; А. И. т. 3-й, № 3.

(3) А. И. т. 3-й, № 95, 97.

(4) А. И. т. 3 й, № 60: «А Иванъ Кобелевъ съ своихъ луковъ дань платить и оброкъ въ нашу казну, на Москвѣ, особѣ, кромѣ волости.»

(5) А. И. т. 3-й, № 70, 200: «въ данныхъ и въ оброчныхъ деньгахъ старосты и цѣловальники стоятъ на правежѣ.» № 286; Акты Археогр. Эксп. т. 3-й, № 254, т. 4-й, № 169.

(6) А. И. т. 5-й, № 16.

но въ нѣкоторыхъ наказахъ имъ дается непосредственное вліяніе на сборъ податей. Въ наказѣ, данномъ Нижегородскому воеводѣ въ 1663 году ему велѣно «беречь, чтобъ въ Нижнемъ Новгородѣ посадцкіе земскіе старосты и цѣловалники и денежные сборщики, и мужики богатые и горланы мелкимъ людемъ обидъ и насилствъ и продажъ ни въ чемъ не чинили, и лишнихъ денегъ съ мирскихъ людей, сверхъ государевыхъ податей не сбирали, и ни въ чемъ мирскими денгами не корыстовались, тѣмъ бы мирскихъ людей не убытчили, а въ какіе будетъ государевы подати съ мірскихъ людей что денегъ собрать понадобитца, и въ тѣ бъ государевы подати земскіе старосты и цѣловалники и денежные сборщики съ мирскихъ людей денги сбирали съ его Александрова и дьяка Фирса вѣдома, по тяглу и по розвыткѣ, въ которые государевы доходы сколько съ нихъ доведетца взяти, а лишнихъ бы денегъ отнюдь не сбирали» (1). Но этого мало: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти подати сбирались самими воеводами и ихъ подчиненными (2); въ особенности оброчная подать нерѣдко платилась въ съѣзжую избу (3), потому что тяглые участки раздава-

---

(1) Доп. къ А. И. т. 4-й, № 134. Тоже самое въ наказахъ: Мезенскому воеводѣ Д. къ А. И. т. 3 й, № 65, и Олонецкому воеводѣ Доп. къ А. И. т. 3-й, № 67.

(2) Иногда монастырскія власти жаловались на земскихъ начальниковъ, что они, нарушая ихъ жалованныя грамоты, правятъ съ нихъ данныя и оброчныя деньги (А. И. т. 3-й, № 70), иногда таже жалоба приносилась на воеводъ, которые сбирали съ нихъ деньги вмѣстѣ съ черными сохами (А. И. т. 3-й, № 2).

(3) Въ 1623 г. Астраханскій воевода предписалъ стрѣлецкому головѣ и цѣловальникамъ собрать оброкъ съ лавокъ, шалашей и полокъ. Д. къ А. И. т. 2-й, № 31, также т. 4-й, № 23.

лись на оброкъ воеводами, и не отличались отъ казенныхъ оброчныхъ статей.

Такое же разнообразіе было и въ сборѣ ямскихъ денегъ; здѣсь оно еще увеличивалось вслѣдствіе различнаго устройства ямской гоньбы. Тамъ, гдѣ гоньба производилась всѣмъ міромъ, и гдѣ вся отвѣтственность за исправленіе повинности лежала на общинахъ, тамъ ямскія деньги сбирались земскими старостами и цѣловальниками, или особыми ямскими старостами, которые держали эти деньги у себя, производили всѣ расходы и давали отчетъ въ земской избѣ, иногда въ присутствіи воеводъ, которымъ при томъ запрещено было вступаться въ ямскіе отпуски (1). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сборъ производился подъ надзоромъ и по распоряженію таможенныхъ головъ (2); въ другихъ мѣстахъ земскіе старосты, собравъ деньги, приносили ихъ въ съѣзжую избу, гдѣ онѣ поступали въ распоряженіе воеводы (3). Во всѣхъ этихъ случаяхъ этотъ сборъ составлялъ мѣстную земскую повинность; но кромѣ того существовала общая ямская подать, которая присылалась въ ямской приказъ и поступала въ царскую казну. Здѣсь порядокъ сбора былъ также различенъ: въ городахъ и черныхъ волостяхъ сборъ поручался иногда земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ, которые, собравъ деньги, привозили ихъ къ воеводѣ для отправленія въ Москву (4); съ имѣній

---

(1) А. А. Э. т. 3-й, № 144, т. 4-й, № 277.

(2) Доп. къ А. И. т. 3-й, № 55, 116.

(3) А. А. Э. т. 3-й, № 158.

(4) А. А. Э. т. 3-й, № 121. Что здѣсь говорится объ общей подати, а не объ мѣстной, видно изъ того, что количество подати одинаково съ количествомъ, означеннымъ въ грамотѣ № 116.

же монастырскихъ и помѣщичьихъ деньги сбирались иногда выбранными для этого цѣловальниками (1), иногда же воеводы разсылали по уѣздамъ своихъ подчиненныхъ, которые, заставивъ старостъ и цѣловальниковъ отдѣльныхъ имѣній и общинъ собрать при себѣ положенное количество денегъ, сами привозили сборщиковъ въ городъ для уплаты, или высылали ихъ за надежнымъ поручительствомъ (2). Какъ изъятіе изъ общаго правила, нѣкоторымъ властямъ и лицамъ дозволялось самимъ привозить ямскія деньги въ Москву, тогда какъ другія вовсе освобождались отъ платежа (3). Въ 1680 году на жалованье ямщикамъ установлена была общая подворная подать съ дворцовыхъ и церковныхъ имѣній и съ помѣстій и вотчинъ служилыхъ людей; сборомъ завѣдывали подъ начальствомъ воеводъ подъячіе, которые несли за него всю отвѣтственность и ежегодно высылались съ отчетомъ въ Москву (4).

Эта послѣдняя подать соединена была съ податью на выкупъ плѣнныхъ (полоняничныя деньги). При Михаилѣ Өедоровичѣ полоняничныя деньги сбирались временно по особому распоряженію царя; воеводы посылали въ уѣзды подъячихъ, которые сбирали съ каждаго столько, сколько онъ могъ дать (5). Въ 1651

(1) Акты Юрид. № 313.

(2) А. А. Э. т. 3-й, № 116.

(3) П. С. З. № 194; Д. къ А. И. т 2-й, № 49: «Съ вотчинъ и съ монастырей патріарха и съ его дворянъ и дѣтей боярскихъ, съ помѣстей ямскіе денги имати въ нашу казну на Москвѣ въ ямскомъ приказѣ.» А. И. т. 3-й, № 61: «и ямскихъ и приметныхъ денегъ.... съ нашими съ волостными крестьяны и съ черными людми не давать ни во что.»

(4) П. С. З. № 1202, 1251, 1309; А. Юр. № 354.

(5) А. А. Э. т. 3-й, № 299.

году установлена была общая подворная подать со всего государства, сборъ которой поручался воеводамъ (1); наконецъ въ 1680 году эта подать соединена съ ямскими деньгами.

Крѣпостное строеніе, также какъ ямская гоньба, производилось то мѣстною земскою повинностью, то на счетъ общей государственной подати; и тотъ и другой налогъ были временны, и назначались частными распоряженіями по мѣрѣ надобности. Обыкновенно повинность была натуральная, но если посошные люди оказывали нерадѣніе, воевода могъ иногда собственною властью превратить ее въ денежную, и тогда онъ для сбора посылалъ въ уѣздъ служилаго человѣка (2). Если назначалась общая подать со всего государства, тогда сборъ поручался также воеводамъ, которые обирали подать посредствомъ своихъ подчиненныхъ; здѣсь не было даже земской раскладки, ибо предписывалось собрать деньги съ четвертей пашни, а не съ сохъ (3). Поэтому сборщикамъ предписывалось, «чтобъ они сверхъ указу съ живущихъ четьи лишнихъ никакихъ поборовъ и поминковъ не имали и сроковъ въ тѣхъ денгахъ никому не давали, и имъ не лготили; а обирали бъ тѣ денги по указу сряду, съ одного, не выборомъ.» Впрочемъ каждый могъ самъ везти деньги къ воеводѣ безъ назначенія срока; нѣкоторыя же лица получали право платить подать прямо въ Москву, гдѣ имъ давались росписки, освобождавшія ихъ отъ дальнѣйшихъ требованій (4).

(1) А. И. т. 4-й, № 43.
(2) Тамъ же, № 216, 1.
(3) А. И. т. 3-й, № 195; А. А. Э. т. 3-й, № 268.
(4) А. А. Э. т. 3-й, № 268: «а будетъ которые люди, по вашему

Съ податью на крѣпостное строеніе соединялся иногда сборъ на жалованье войску. Онъ раздѣлялся на постоянный и временный, установляемый въ случаѣ войны. Постоянно сбиралось хлѣбное жалованье, которое взыскивалось натурою или деньгами, что каждый разъ опредѣлялось царскимъ указомъ, который установлялъ и количество сбора для всего государства или для отдѣльной мѣстности. Сборъ хлѣбнаго жалованья раздѣлялся на нѣсколько отдѣльныхъ разрядовъ, изъ которыхъ главный былъ сборъ стрѣлецкаго хлѣба. Иногда онъ установлялся для мѣстной потребности, но большею частью для общей государственной. И въ томъ и въ другомъ случаѣ количество сбора опредѣлялось царскимъ указомъ уравнительно для всей земли; только въ началѣ царствованія Михаила Ѳедоровича, когда еще не успѣлъ установиться порядокъ, встрѣчается примѣръ, что воевода опредѣлялъ потребное количество хлѣба и дѣлалъ раскладку на сохи (1). Способъ взиманія былъ впрочемъ различенъ: обыкновенно сборъ поручался воеводою особымъ, выбираемымъ на этотъ случай цѣловальникамъ, которые подъ надзоромъ и по распоряженію воеводы сбирали хлѣбъ или деньги и отвозили ихъ на мѣсто назначенія, причемъ отвѣтственность за сборъ падала на воеводу (2). Иногда воевода посылалъ по уѣзду приставовъ, которые сбирали хлѣбъ съ каждаго отдѣльнаго двора и

указу, тѣ сошныя деньги учнутъ платить на Москвѣ въ челобитенномъ приказѣ, а къ тебѣ въ тѣхъ денгахъ учнутъ привозить отписи за руками дьяковъ нашихъ Василья Волкова да Калистрата Акинеева.... и тыбъ тѣмъ отписямъ вѣрилъ и другихъ бы денегъ съ посаду и съ помѣстей и съ вотчинъ сошныхъ денегъ не ималъ »

(1) Доп. къ А. И. т. 2-й, № 17.

(2) А. И. т. 3-й, № 132, т. 5 й, № 11, 33.

высылали запасы съ цѣловальниками на мѣсто пазначенія (1); иногда сборъ поручался земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ подъ надзоромъ воеводы (2). Нѣкоторые монастыри имѣли право платить подать прямо въ Москву и получали на то предписанія непосредственно изъ Московскихъ приказовъ (3); въ другіе воеводы посылали подъячихъ, которые съ выборными изъ монастырской вотчины цѣловальниками привозили деньги воеводѣ (4); наконецъ иногда городскимъ и уѣзднымъ жителямъ предоставлялось право привозить деньги и хлѣбъ прямо въ Москву, и воевода взыскивалъ подать только съ тѣхъ, которые не предъявляли росписокъ за подписью приказныхъ дьяковъ (5). Точно также сбиралось жалованье казакамъ, пѣхотнымъ полкамъ и другимъ войскамъ. Мѣстною податью былъ сборъ хлѣба съ поморскихъ городовъ и уѣздовъ (Перми, Вятки и другихъ) на жалованье Сибирскимъ служилымъ людямъ и другимъ лицамъ, получавшимъ хлѣбное содержаніе отъ казны. Этотъ сборъ, подъ главнымъ распоряженіемъ воеводы, поручался всегда земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ, которые иногда сами отвозили запасы на мѣсто назначенія (6), иногда же собранный хлѣбъ отдавали въ распоряженіе воеводы, который отправлялъ его въ Сибирь съ особыми цѣловальниками (7).

---

(1) А. А. Э. т. 3-й, № 131.
(2) А. Юр. № 351.
(3) А. А. Э. т. 3-й, № 93.
(4) А. И. т. 3-й, № 33.
(5) А. И. т. 4-й, № 171.
(6) А. И. т. 3-й, № 93.
(7) Тамъ же, № 115, 219.

Случалось даже, что для распоряженій присылались изъ Москвы особые сборщики (1).

Въ случаѣ войны, на жалованье войску установлялись временные сборы. При Михаилѣ Θедоровичѣ обыкновенно предписывалось съ монастырей, со всякихъ духовныхъ властей и съ вотчинъ и съ помѣстій бояръ, окольничьихъ и другихъ чиновъ служилыхъ людей собрать кто что дастъ, впослѣдствіи же съ крестьянъ сбиралась въ этомъ случаѣ подворная подать, а со всякихъ торговъ и промысловъ пятая или десятая деньга, то есть пятая или десятая часть доходовъ. Но иногда установлялся только одинъ изъ этихъ двухъ налоговъ, который въ этомъ случаѣ распространялся на всѣхъ. Для сбора добровольныхъ приношеній посылались къ духовнымъ властямъ грамоты отъ тѣхъ лицъ, которымъ поручено было завѣдывать сборомъ по всему государству, и каждый духовный землевладѣлецъ самъ присылалъ въ Москву ту сумму, которую хотѣлъ удѣлить изъ своимъ доходовъ; къ вотчинникамъ же и помѣщикамъ посылались служащія лица, которыя получали отъ нихъ добровольныя приношенія (2). Подворную подать съ посадскихъ и черныхъ крестьянъ сбирали подъ надзоромъ и распоряженіемъ воеводъ земскіе старосты и цѣловальники, которые собранныя деньги отдавали въ съѣзжую избу, откуда онѣ отсылались въ Москву (3). Подать съ помѣстій и вотчинъ служилыхъ людей и монастырей сбиралась воеводами; но иногда помѣщикамъ и духовнымъ властямъ предписывалось самимъ заплатить подать въ

(1) А. И. т. 3-й, № 117.

(2) А. А. Э. т. 3-й, № 213, 245,

(3) Тамъ же, № 275; А. И. т. 3-й, № 206.

Москвѣ изъ собственныхъ доходовъ, а потомъ собрать ее съ своихъ крестьянъ (1). Для сбора пятой или десятой деньги выбирались изъ торговыхъ и промышленныхъ людей окладчики въ потребномъ количествѣ: иногда окладъ каждаго города и уѣзда установлялся въ Москвѣ выборными отъ гостей, гостинной и суконной сотни и черныхъ посадскихъ людей (2). Мѣстные окладчики выбирались промышленными людьми каждаго посада, волости и вотчины; выборный списокъ за подписью выборныхъ людей вручался воеводѣ, который окладчиковъ приводилъ къ присягѣ при себѣ; но иногда воевода просто предписывалъ волостному старостѣ и крестьянамъ выбрать окладчиковъ, велѣть имъ собрать деньги и выслать ихъ съ деньгами къ воеводѣ (3). Окладчики облагали каждаго жителя по имуществу, промысламъ и торгамъ, и сбирали подать по окладу; имъ предписывалось окладывать вправду, по евангельской заповѣди, другу не норовить, а недругу не мстить, богатыхъ и зажиточныхъ людей не писать младшими по дружбѣ, а младшихъ по враждѣ не писать зажиточными, за чѣмъ воевода долженъ былъ назирать (4). Самихъ окладчиковъ облагали податью земскіе старосты съ посадскими или крестьянами (5). Часто между окладчиками и жителями происходили споры о количествѣ оклада; поэтому иногда предписывалось сбирать подать по старому окладу,

---

(1) А. А. Э. т. 4-й, № 137, 175; П. С. З. № 750, 1221, 1507.

(2) А. А. Э. т. 3-й, № 245.

(3) А. И. т. 4-й, № 93; Д. къ А. И. т. 4-й, № 131; А. А. Э. т. 4-й, № 137, 293.

(4) А. А. Э. т. 4-й, № 137.

(5) Д. къ А. И. т. 4-й, № 131.

но если богатство отдѣльныхъ лицъ измѣнилось, и произойдетъ споръ, тогда выбрать новыхъ окладчиковъ (1). Собранныя деньги привозились воеводѣ, который высылалъ ихъ въ Москву съ тѣми же окладчиками, вмѣстѣ съ выборными списками и окладными книгами (2). Нѣкоторымъ духовнымъ властямъ и монастырямъ посылались грамоты прямо отъ царя съ предписаніемъ собрать съ вотчинъ слѣдующую сумму и выслать ее въ Москву (3). Тоже предписывалось иногда и Строгоновымъ, при чемъ иногда мѣстному воеводѣ поручалось смотрѣть, чтобы деньги были собраны и высланы въ срокъ; но часто сборы съ ихъ вотчинъ уплачивались ими воеводамъ (4). Въ началѣ царствованія Михаила Ѳедоровича для сбора пятой и десятой деньги посылались въ города сборщики, иногда игумены и архимандриты съ дворянами (5); но для областныхъ жителей это было тяжело, и въ послѣдующее время въ грамотахъ о сборѣ подати часто говорилось, что царь не посылаетъ сборщиковъ, «жалѣя крестьянства, чтобъ имъ отъ сборщиковъ продажи и убытковъ не было» (6). Впрочемъ и въ позднѣйшее время посылались иногда сборщики (7). Сборщикамъ же или воеводамъ поручалось взиманіе другихъ, устанавляемыхъ въ военное время, сборовъ, какъ то: хлѣбныхъ запасовъ, лошадей, или денегъ на запасы и лошадей, и другихъ (8).

(1) А. И. т. 5-й, № 23.
(2) Тамъ же.
(3) А. А. Э. т. 4-й, № 175: А. И. т. 4-й, № 233.
(4) А. А. Э. т. 3-й, № 3, 68, 79, 80, 81; А. И. т. 3-й, № 206.
(5) А. А. Э. т. 3-й, № 32, 70, 213.
(6) А. И. т. 3-й, № 206.
(7) П. С. З. № 1710.
(8) Доп. къ А. И. т. 2-й, № 39; т. 4-й, № 14, 19.

Въ Сибири существовалъ особеннаго рода хлѣбный сборъ, подъ именемъ выдѣльнаго хлѣба, или выдѣльнаго снопа: съ пахотныхъ земель неслужащихъ людей и съ тѣхъ земель служилыхъ людей, которыя они воздѣлывали сверхъ положеннаго окладомъ количества, выдѣлялся въ царскую казну 4-й, 5-й, 6-й, 10-й снопъ. Этотъ сборъ былъ всегда въ полномъ распоряженіи воеводъ, ибо въ Сибири по недостатку народонаселенія земское начало было мало развито. Воевода главнаго города или пригорода назначалъ сборщиковъ, сколько было нужно, изъ служилыхъ или посадскихъ людей, давалъ имъ на помощь цѣловальниковъ и приводилъ ихъ къ присягѣ. Они сбирали хлѣбъ по прежнимъ выдѣльнымъ книгамъ, а сами записывали свой сборъ въ новыя книги, съ которыхъ списокъ отсылался въ Москву. Въ случаѣ притѣсненій, жалобы на сборщиковъ приносились воеводѣ (1).

Воеводы завѣдывали и сборомъ ясака съ подвластныхъ инородцевъ. Ясашнымъ людамъ дѣлалась перепись, которую производили посылаемые воеводами подъячіе. Жалобы на неправильность переписи приносились воеводамъ, которые производили слѣдствіе, но рѣшеніе предоставлялось самому царю. Для сбора ясака посылались служилые люди и цѣловальники, которые, кромѣ сбора, могли еще судить инородцевъ въ гражданскихъ дѣлахъ не выше пяти рублей, вмѣстѣ съ ихъ князьями и лучшими людьми (2). Воеводамъ запрещалось отдавать сборъ на откупъ, брать съ сборщиковъ деньги или пользоваться казною съ ними

(1) А. И. т. 3-й, № 109, т. 4-й, № 23, 33; Д. къ А. И. т. 4-й, № 138.

(2) А. И. т. 5-й, № 119, стр. 194.

за одно. Изъ этихъ запрещеній видно, что при сборѣ часто происходили злоупотребленія; кромѣ насильствъ, притѣсненій и лишнихъ сборовъ, которые позволяли себѣ сборщики (1), они брали съ собою товары, которые вымѣнивали на мягкую рухлядь, такъ что лучшіе мѣха они брали себѣ и обращали въ продажу. Это строго запрещалось, и для предупрежденія злоупотребленій, воеводамъ предписывалось, при возвращеніи сборщиковъ, посылать имъ на встрѣчу служилыхъ людей для обыска. Вся мягкая рухлядь, которая при нихъ находилась, записывалась въ книги и отбиралась въ царскую казну безденежно, если она была пріобрѣтена покупкою или насильствомъ, или же съ вознагражденіемъ, если сборщики получали ее въ почесть отъ ясашныхъ инородцевъ. Тоже самое дѣлалось съ рухлядью, пріобрѣтенною воеводами. Въ случаѣ справедливыхъ жалобъ на сборщиковъ, воевода долженъ былъ, наказавъ ихъ кнутомъ, отдать просителямъ отнятое насильно, а остальное ихъ имущество конфисковать въ казну, чтобы другимъ неповадно было такъ дѣлать. Если воевода, норовя сборщикамъ, не удовлетворялъ просителей, то самъ онъ подвергался томуже наказанію. Собранная рухлядь разбиралась на разряды, и оцѣнивалась цѣловальниками изъ торговыхъ людей, послѣ чего она запечатывалась и отсылалась воеводою въ Москву вмѣстѣ съ росписью цѣнъ, которая подписывалась цѣловальниками и закрѣплялась воеводою. Для посылки въ Москву употреблялись лучшіе служилые люди, за выборомъ всѣхъ служилыхъ людей.

Въ случаѣ голода, неудачной охоты, болѣзни и т. п. воеводы могли, по просьбѣ инородцевъ, отсрочить

(1) А. И. т. 3-й, № 123.

платежъ ясака; по истеченіи срока, они обязаны были сполна собрать недоимки и не оставлять ихъ новымъ воеводамъ, но сборъ они должны были производить безъ правежа, чтобы не ожесточить ясашныхъ людей. Если же кто по бѣдности не могъ сполна уплатить ясака, то воевода въ этомъ случаѣ могъ поступать по усмотрѣнію, примѣняясь къ прежнимъ дѣламъ, или писать о томъ въ Сибирскій приказъ. При покореніи новыхъ земель, воеводы сами налагали ясакъ на инородцевъ, примѣняясь къ другимъ ясашнымъ сборамъ, «какъ бы государевой казнѣ было прибыльнѣе, а тѣхъ бы землицъ людей не ожесточить.»

Весь этотъ порядокъ сбора господствовалъ въ Сибири (1), но въ Казанскомъ уѣздѣ было замѣчательное отступленіе отъ этихъ правилъ: до 1672 года въ ясашныя волости ѣздили для сбора дворяне, дѣти боярскіе и подъячіе, которые дѣлали инородцамъ большія притѣсненія. Для прекращенія злоупотребленій, въ 1672 году воевода князь Голицынъ съ товарищами, по просьбѣ ясашныхъ людей, велѣлъ имъ ясашные доходы сбирать самимъ, выбравъ для сбора изъ лучшихъ и зажиточныхъ людей, и привозить оплати въ Казань. Послѣ князя Голицына воеводы опять стали посылать служилыхъ людей, и возобновились прежнія притѣсненія, вслѣдствіе чего въ наказѣ Казанскому воеводѣ 1697 года царь приказалъ впредь собирать ясакъ выборнымъ, а служилыхъ людей для сбора не посылать (2). Замѣчательна власть воеводы, который самъ собою могъ измѣнить весь порядокъ сбора, между тѣмъ

(1) О сборѣ ясака см. наказы Сибирскимъ воеводамъ, особенно П. С. З. № 1342, 1391, 1670.

(2) П. С. З. № 1579.

какъ другіе столь же значительные воеводы, какъ напримѣръ, Тобольскій, не могли даже рѣшать дѣлъ объ исключеніи изъ переписи неправильно записанныхъ инородцевъ. Въ послѣднемъ случаѣ уменьшался казенный доходъ, и это считалось дѣломъ гораздо важнѣйшимъ, нежели порядокъ сбора, отъ котораго зависѣло благосостояніе жителей.

Кромѣ этихъ податей, было множество мелкихъ мѣстныхъ поборовъ на содержаніе съѣзжей, таможенной и губной избъ, на наемъ дворовъ приказнымъ людямъ, на жалованье и подмогу цѣловальникамъ, дьякамъ, сторожамъ, палачамъ и другимъ служителямъ, на канцелярскіе расходы, на разныя постройки, и другіе случайные. Все это было чрезвычайно разорительно для крестьянъ, которые, страдая отъ излишней тягости, оставляли свои участки, и этимъ еще болѣе увеличивали бремя для остальныхъ (1). Отсюда проистекало множество недоимокъ и уменьшеніе казенныхъ доходовъ. Для введенія болѣе правильной податной системы, въ 1679, 1680 и 81-мъ годахъ принята была государственная мѣра: многіе мелкіе сборы, какъ-то: данныя, полоняничныя, ямскія, пищальныя деньги, сборы на канцелярскіе расходы, на дворовое строеніе, на подмогу цѣловальникамъ и другимъ служителямъ, были уничтожены, и вмѣсто ихъ введена одна подворная подать на жалованье стрѣльцамъ. Эта подать положена была на всѣ городовые посады, на уѣзды поморскихъ городовъ и на дворцовые города и слободы; дворцовыя, помѣщичьи и церковныя вотчины были отъ нея освобождены, потому что платили вмѣсто того ямскія и полоняничныя деньги. Податной окладъ

(1) См. челобитную крестьянъ Вѣницкаго погоста А. И. т. 5-й, № 13.

разложенъ былъ на города Московскими гостями: внутри каждаго города и каждой волости выборные окладчики дѣлали раскладку между жителями по имуществу. Сборъ завѣдывался земскими старостами и окладчиками, которые записывали собранныя деньги въ книги, и сами присылали ихъ съ цѣловальниками въ стрѣлецкій приказъ. Воеводы были совершенно устранены отъ участія въ этомъ сборѣ; только въ случаѣ сопротивленія, они обязаны были давать земскимъ старостамъ служилыхъ людей для правежа денегъ, и взыскивали недоимки (1). Это былъ важный шагъ впередъ для упрощенія и правильности податной системы; Петръ Великій введеніемъ подушной подати обобщилъ эту мѣру, замѣнилъ податную единицу единицею болѣе удобною и учредилъ управленіе болѣе соотвѣтствующее государственнымъ потребностямъ.

Недоимки всегда взыскивались воеводами или посылаемыми изъ Москвы сборщиками (2). Для взысканія податей съ неплатящихъ существовало одно средство — правежъ: неисправнаго плательщика выводили на площадь и били батогами ежедневно до тѣхъ поръ, пока онъ не уплачивалъ слѣдующей съ него суммы. Въ благоустроенномъ государствѣ уплата податей обращается на имущество податныхъ лицъ; но въ XVII-мъ вѣкѣ, по недостатку правительственныхъ средствъ, существовала система личной отвѣтственности, которая въ особенности господствовала въ финансовой системѣ. Государству нужны были деньги, и

(1) А. И. т. 5-й, № 48, 49. 77; А. А. Э. т. 4-й, № 243, 250, 251.
(2) А. И. т. 3-й, № 62, 200, т. 5-й, № 20; Д. къ А. И. т. 3-й, № 59, т. 4-й, № 134; А. Ю. № 322.

оно требовало ихъ во что бы ни стало, не входя въ разсмотрѣніе обстоятельствъ и средствъ, ибо разнообразіе жизни было слишкомъ велико, а правительственный организмъ былъ еще слишкомъ мало развитъ, чтобъ оно могло имѣть объ этомъ достовѣрныя свѣденія. На кого же падала отвѣтственность, и кто правилъ недобранныя деньги? Когда подать сбиралась земскими старостами и цѣловальниками, они же и правили деньги на тѣхъ волостныхъ и монастырскихъ крестьянахъ, которые не платили слѣдующей съ нихъ суммы (1). Монастыри иногда жаловались на жестокій правежъ, изъ чего можно заключить, что у земскихъ властей было достаточно средствъ для усмиренія непокорныхъ. Но съ другой стороны земскіе люди безпрестанно жалуются на то, что бѣломѣстцы, пріобрѣтшіе тяглыя земли, не тянутъ съ ними тягла и не хотятъ платить податей; въ этихъ случаяхъ принужденіе бѣломѣстцевъ къ уплатѣ податей всегда поручалось воеводамъ (2). Подобныя жалобы приносились иногда и на тяглыхъ людей, крестьянъ и посадскихъ, и правительство точно также предписывало воеводамъ принудить ослушниковъ къ исполненію обязанности (3). Наконецъ иногда у воеводы не было достаточно средствъ, чтобы взыскать подати съ ослушниковъ, и тогда онъ требовалъ помощи у земскаго старосты: въ 1663 году Ростовскій воевода, которому поручено было взыскать за прошедшій годъ стрѣлецкій хлѣбъ, донесъ царю, что онъ нѣсколько разъ посылалъ въ помѣстье вдовы Танѣевой, и она съ людьми

(1) А. А. Э. т. 3-й, № 255; А. И. т. 3-й, № 70, 202, 286.
(2) А. А. Э. т. 3-й, № 138, т. 4-й, № 24, 35, 39, 169.
(3) Д. къ А. И. т. 4-й, № 23; Описаніе Шуи стр. 303.

и крестьянами указа не послушали, « учинились сильны, » и разсыльщиковъ прибили; точно также и другіе помѣщики не платятъ стрѣлецкаго хлѣба, а ему по ослушниковъ посылать не кого, потому что въ Ростовѣ разсыльщиковъ всего 10 человѣкъ, изъ которыхъ три посланы въ Москву съ колодниками, а остальные взяты сыщикомъ, присланнымъ для преслѣдованія воровъ и разбойниковъ; монастырскія же власти и земскій староста не даютъ для посылки служекъ и посадскихъ людей. Царь велѣлъ на ослушниковъ посылать стрѣльцовъ, пушкарей и разсыльщиковъ, а если ихъ нѣтъ, то брать у митрополита дѣтей боярскихъ, о чемъ къ нему посланъ указъ, у монастырскихъ властей служекъ, а у земскаго старосты посадскихъ людей; послѣдняго за ослушаніе наказать батогами (1). Иногда не только помѣщики, но и посадскіе люди оказывали сопротивленіе воеводѣ: въ 1614 году Бѣлозерскій воевода велѣлъ поставить посадскихъ людей на правежъ за недоимки, но они на правежъ не дались, а велѣли звонить въ набатъ, и хотѣли побить воеводу (2). Впрочемъ это было вскорѣ послѣ междуцарствія, впослѣдствіи же, когда установился порядокъ, такіе примѣры болѣе не встрѣчаются.

Если старосты и цѣловальники не привозили податей въ назначенный срокъ, взысканіе производилось воеводами: иногда въ волость посылались служилые люди — стрѣльцы, пушкари, казаки, которые правили съ старостъ и крестьянъ недобранныя подати, и взыскивали съ нихъ одинакія или двойныя прогоны за

(1) А. И. т. 4-й, № 171.
(2) А. А. Э. т. 3-й, № 43.

проѣздъ (1); иногда крестьяне высылались для правежа въ городъ къ воеводѣ (2); наконецъ случалось, что на правежъ ставились земскіе старосты и цѣловальники, на которыхъ такимъ образомъ падала вся отвѣтственность за сборъ (3). При введеніи новой подворной подати на жалованье стрѣльцамъ, общимъ правиломъ положено было, чтобы воеводы давали земскимъ старостамъ служилыхъ людей на ослушниковъ для правежа денегъ (4). Но иногда воеводы просто предписывали волостнымъ старостамъ собрать деньги и доправить на ослушникахъ, а въ случаѣ замедленія посылали въ волость стрѣльцовъ, которые правили подать на старостѣ и крестьянахъ (5).

Когда подати сбирались окладчиками, воеводамъ предписывалось давать имъ служилыхъ людей для правежа денегъ на ослушникахъ; иногда впрочемъ взысканіе съ неплательщиковъ производилось воеводами (6), равно какъ и въ томъ случаѣ, когда подати сбирались самими воеводами и ихъ подчиненными (7). Посылаемые изъ Москвы сборщики брали служилыхъ

(1) А. И. т. 5-й, № 33; А. А. Э. т. 4-й, № 293.

(2) А. И. т. 3-й, № 132.

(3) А. И. т. 3-й, № 200: «и во тѣхъ деньгахъ земскіе старосты и цѣловальники стоятъ на правежѣ.»

(4) А. И. т. 5-й, № 48, 49, 77, А. А. Э. т. 4-й, № 244, 250, 251.

(5) А. А. Э. т. 4 й, № 293.

(6) Доп. къ А. И. т. 4-й, № 131; А. И. т. 5-й, № 23.

(7) А. А. Э. т. 3-й, № 116: «Воеводѣ по сихъ ослушниковъ послать многихъ приставовъ на многихъ подводахъ изъ прогоновъ и прогоны на нихъ доправить вдвое, а тѣхъ ослушниковъ привелчи на Бѣлоозеро бить батоги и сажать въ тюрму, а изъ тюрмы вынимая бить на правежѣ нещадно, покамѣста они государевы ямскіе деньги заплатятъ.»

людей у воеводы, и сами правили подати на неплательщикахъ (1).

Всѣ эти правежи были чрезвычайно обременительны для жителей, особенно когда присылалось нѣсколько сборщиковъ, и каждый съ своей стороны взыскивалъ деньги съ неплатящихъ. Въ 1618 году Бѣлозерскій воевода донесъ царю, что многіе тяглые люди разбрелись отъ пріѣзда сборщика, присланнаго для взысканія денегъ за хлѣбные запасы, а осталые послѣ его отъѣзда стоятъ у воеводы на правежѣ за недоимочныя хлѣбныя и кабацкія деньги; да тѣ же посадскіе люди стоятъ на другомъ правежѣ у сборщика, присланнаго для взысканія ямскихъ денегъ; да они же стоятъ на третьемъ правежѣ у сына боярскаго, сбирающаго запросныя деньги, « и съ правежовъ и досталные посадскіе люди разбродятся и бѣгаютъ съ женами и дѣтми » (2).

Окончательная отвѣтственность въ сборѣ падала на воеводу: почти во всѣхъ указахъ о податяхъ говорится, что если воевода своимъ нерадѣніемъ или поноровкою сборовъ вскорѣ не вышлетъ, то деньги будутъ доправлены на немъ (иногда вдвое) мимо старостъ, посадскихъ людей и крестьянъ (3). Но иногда воеводѣ просто угрожалось пенею, опалою и наказаніемъ (4) а иногда опала и наказаніе соединялись со взысканіемъ; наконецъ въ нѣкоторыхъ указахъ даже вовсе нѣтъ угрозы, а просто говорится, что если воевода

---

(1) А. А. Э. т. 3-й, № 31, 32, 100.

(2) А. А. Э. т. 3-й, № 100.

(3) А. А. Э. т. 3-й, № 131, т. 4-й, № 137; А. И. т. 3-й, № 132, т. 4-й, № 21.

(4) Доп. къ А. И. т. 4-й, № 131.

вскорѣ не сберетъ денегъ и не вышлетъ ихъ, то посланъ будетъ служилый человѣкъ, который сберетъ ихъ мимо его (1). И здѣсь, какъ вездѣ, не было общихъ правилъ: отвѣтственность была одинъ разъ больше, другой разъ меньше; каждый указъ опредѣлялъ ее различно, смотря по временнымъ потребностямъ и соображеніямъ. Большею частью деньги взыскивались съ воеводъ, которымъ порученъ былъ сборъ, а воеводы съ своей стороны взыскивали ихъ съ своихъ подчиненныхъ, посылаемыхъ для сбора въ уѣзды (2). Неопредѣленность существовала до конца XVII вѣка: въ 1686 году велѣно было недобранныя ямскія деньги и полоняничныя взыскивать съ воеводъ, которые сверхъ того платили пеню, а въ 1688 году посланы были въ города служилые люди для правежа недоимокъ на тѣхъ подъячихъ, которые были у сбора. Воеводы однакоже оказали непослушаніе, и не дали посланнымъ ни подъячихъ, ни стрѣльцовъ и пушкарей для правежа денегъ, вслѣдствіе чего велѣно было по прежнему указу взыскать недоимки съ воеводъ, съ ихъ людей и крестьянъ (3). Система личной отвѣтственности простиралась до того, что иногда взысканіе

---

(1) А. И. т. 3-й, № 200.

(2) Память Олонецкаго воеводы посланному въ погосты для сбора денегъ А. И. т. 4-й, № 216, 1: «А буде ты тѣхъ денегъ по росписи сполна не доправишь и съ цѣловальники на Олонецъ въ государеву казну вскорѣ не пришлешъ, и учнешъ пить и бражничать и старостамъ и волостнымъ людемъ сроки давать, и отъ того себѣ посулы и поминки имать: и по указу Великого Государя быть тебѣ въ великой опалѣ и въ жестокомъ наказаніи и тѣ деньги велятъ доправить мимо старостъ и волостныхъ людей на тебѣ безо всякія поноровки.» А. И. т. 3-й, № 118, 119.

(3) П. С. З. № 1309.

обращалось на тѣхъ, которые привозили собранныя подати въ Москву, хотя они нисколько не были виноваты въ недоборѣ: въ 1628 году Верхотурскіе воеводы по недосмотру отправили въ Москву менѣе соболей, нежели сколько слѣдовало; деньги за недостающихъ соболей взысканы были съ стрѣльцовъ, присланныхъ съ казною, а имъ велѣно было получить деньги съ воеводъ (1).

Повинности натуральныя и денежныя были также разнообразны, какъ и подати: главными были постройка и починка городовыхъ укрѣпленій, съѣзжихъ избъ, воеводскихъ дворовъ и всякихъ другихъ строеній, губныя повинности , устройство дорогъ , ямская повинность, отправленіе хлѣбныхъ запасовъ, разныя повинности при селитряномъ вареніи и пороховомъ дѣлѣ и многія другія. Большая часть падала на тяглыя земли— на черныя и на тѣ монастырскія , которыя не были избавлены отъ нихъ жалованными грамотами. Дворцовые посадскіе люди и крестьяне отправляли свои особенныя хозяйственныя повинности подъ распоряженіемъ своихъ управителей. Помѣщичьи земли несли свои повинности по распоряженію самихъ помѣщиковъ и ихъ управителей; воеводы прямо отъ себя посылали къ нимъ служилыхъ людей , которые требовали нужнаго количества денегъ, подводъ и т. п. Часто помѣщики оказывали сопротивленіе, и у воеводы не было достаточно силы, чтобы принудить ихъ къ исполненію требованія (2). Монастырскія и церковныя земли большею частью тянули тягло вмѣстѣ съ черными людьми подъ распоряженіемъ земскихъ старостъ и

(1) А. И. т. 3-й, № 132.
(2) А. И. т. 4-й № 216.

цѣловальниковъ (1). Но иногда онѣ отправляли повинности по прямому требованію воеводъ и приказныхъ людей, мимо земскихъ властей (2). Нѣкоторыя повинности, напримѣръ ямская гоньба, отпускъ хлѣбныхъ запасовъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отправлялись тяглыми людьми безъ всякаго вмѣшательства воеводъ (3); губными повинностями завѣдывали губные старосты, тамъ, гдѣ они были; но большею частью повинности отправлялись или подъ надзоромъ или по непосредственному распоряженію воеводы, который посылалъ своихъ подчиненныхъ въ волости и станы для высылки сошныхъ людей (4). Иногда и тяглые люди не слушались приказаній, и власть воеводы была такъ неопредѣленна, что онъ безъ особеннаго царскаго указа не смѣлъ употреблять принудительныхъ мѣръ (5). Наконецъ превращеніе натуральныхъ повинностей въ денежныя совершалось иногда по распоряженію воеводы, если дѣло было поручено ему, и натуральная повинность оказывалась неудобною или недостаточною (6).

---

(1) А. И. т. 3-й № 70, 202; А. А. Э. 3-й № 234.

(2) А. И. т. 3-й № 108. «И наши приказные люди или кто поѣдетъ нашего дѣла дѣлать сохами и тѣми монастырскими селами и деревнями дѣла дѣлать не наряжаютъ никотораго ни къ сохамъ ихъ ни прикладываютъ ни къ которымъ дѣламъ». А. А. Э. т. 4-й № 219.

(3) А. А. Э. т. 3-й № 144, т. 4-й № 120.

(4) А. И. т. 4-й № 216, Описаніе Шуи стр. 303.

(5) Описаніе Шуи стр. 303: «И сошные, де, люди многіе противъ нашего указу и грамотъ подможные несли и уплату, а достальныхъ людей всякихъ чиновъ сошные многіе люди подможныхъ денегъ не платятъ и нашего указу не слушаютъ, чинятся сильны, и хотятъ имъ тѣхъ подможныхъ денегъ пробыть вызбыли а безъ нашего де указу ты на тѣхъ сошнахъ людѣхъ тѣхъ подможныхъ денегъ править не смѣешь, и о томъ бы намъ тебѣ велѣть указъ учинить».

(6) А. И. н. 4-й № 216. 1.

Когда жители нѣсколькихъ волостей или уѣздовъ несли натуральную или денежную повинность вмѣстѣ, между ними могли произойдти споры и жалобы; въ такомъ случаѣ разсмотрѣніе дѣла поручалось воеводамъ, которые, заставивъ выборныхъ счетчиковъ или цѣловальникокъ счесться при себѣ, рѣшали споръ, и правили деньги на виновныхъ. Если споръ возникалъ между волостями одного уѣзда или между земскими людьми и монастыремъ, тогда дѣло предоставлялось рѣшенію воеводы этого уѣзда (1); но если жители одного уѣзда жаловались на жителей другаго, тогда рѣшеніе предоставлялось воеводѣ одного уѣзда, а другому предписывалось выслать къ нему для счета цѣловальниковъ (2); иногда же оба воеводы съѣзжались вмѣстѣ и заставляли цѣловальниковъ считаться передъ собою (3). Но воеводы не всегда исполняли свои обязанности, не смотря на повторенныя предписанія правительства; каждый стоялъ за жителей своего города, и дѣло не рѣшалось ничѣмъ. Тогда предписывалось счетчиковъ съ книгами выслать въ Москву, что впрочемъ дѣлалось иногда и съ перваго раза, какъ только поступала жалоба (4). Иногда даже и счетовъ не посылали въ Москву: по жалобѣ уѣздныхъ жителей царь тотчасъ рѣшалъ дѣло, и предписывалъ воеводѣ взыскать слѣдующія съ виновныхъ деньги. Послѣ такого рѣшенія обвиненные могли съ своей стороны подать просьбу и доказывать, что имъ денегъ платить не слѣдуетъ. Въ такомъ случаѣ царь по усмотрѣнію

(1) А. И. т. 3-й № 202, 286.
(2) А. И. т. 3-й № 56; А. А. Э. т. 3-й № 129.
(3) А. А. Э. т. 3-й № 129.
(4) Тамъ же, № 40.

отмѣнялъ прежнее рѣшеніе и требовалъ счетчиковъ въ Москву (1).

Всѣ пошлины, за исключеніемъ таможенныхъ, находились въ непосредственномъ вѣдомствѣ воеводъ. Судебныя пошлины сбирались судьями, записывались въ книги и присылались въ Москву, или оставлялись въ съѣзжей избѣ для мѣстныхъ расходовъ (2). Воеводы же взимали печатныя пошлины съ разныхъ актовъ, въ особенности съ откупныхъ грамотъ, и отсылали ихъ въ печатный приказъ (3) Пошлины съ пятнанія продаваемыхъ лошадей на конскихъ площадкахъ сбирались, подъ главнымъ распоряженіемъ воеводъ, иногда таможенными и кабацкими головами, иногда особыми цѣловальниками, иногда же посылаемыми изъ Москвы конюхами (4) Сборы на перевозахъ, мостахъ и пролубное поручались воеводами вѣрнымъ цѣловальникамъ или служилымъ людямъ, которымъ давались на помощь цѣловальники; деньги сбирались въ ящики, записывались въ книги и приносились въ извѣстные сроки въ съѣзжую избу (5). Нѣкоторыя пошлины съ продаваемыхъ товаровъ, съ рыбы, съ соли, десятинная пошлина съ товаровъ, смотря по тому, причислялись ли онѣ къ таможеннымъ пошлинамъ или составляли особую статью, находились иногда въ исключительномъ вѣдомствѣ воеводъ, иногда завѣдывались таможенными головами, иногда тѣми и другими вмѣстѣ.

(1) А. И. т. 5 й № 8.

(2) А. А. Э. т. 4 й, № 205; П. С. З. № 66, 1122.

(3) Улож. гл. XVIII, ст. 24, 30.

(4) Д. къ А. А т. 2-й № 23; Описаніе Шуи № 41.

(5) А. И. т. 3 й № 127, 130, т. 5-й № 89; Д. къ А. И. т. 2-й № 32, 54.

вѣдомство ихъ не было строго разграничено. До 1591 года напр. при отпускѣ судовъ съ солью изъ Астрахани вверхъ по Волгѣ, увозимую соль мѣрили и вѣсили назначаемые воеводами дѣти боярскіе и цѣловальники, но вслѣдствіе нерадѣнія воеводъ происходили злоупотребленія и убытки въ казенной пошлинѣ. По этому въ 1591 году воеводамъ велѣно было посылать для взвѣшиванія добываемой соли таможеннаго голову и цѣловальниковъ, а по пріѣздѣ судовъ въ Астрахань самимъ досматривать суда и брать пошлину по собственному досмотру. Въ 1625 и 26 годахъ въ судахъ, пришедшихъ изъ Астрахани въ Казань, оказалось много лишней соли противъ Астраханскихъ росписей, и таможенные головы по роспросѣ сказали, что они ничего объ этомъ не знаютъ, потому что воеводы и дьяки къ нагруженію судовъ солью и рыбою посылаютъ дѣтей боярскихъ изъ разряда и съ ними цѣловальниковъ, которые приносятъ росписи въ съѣзжую избу, гдѣ и берется пудовая пошлина съ соли и рублевая съ рыбы. Въ наказѣ 1628 года велѣно было посылать на соляныя озера къ нагруженію судовъ стрѣлецкаго голову и съ нимъ товарища таможеннаго головы и цѣловальниковъ изъ посадскихъ людей; они должны были смотрѣть за нагруженіемъ и присылать въ съѣзжую избу памяти, сколько въ какое судно положено соли. По пріѣздѣ же судовъ въ Астрахань воеводы и дьяки должны были сами досматривать суда и велѣть таможенному головѣ и цѣловальникамъ при себѣ окладывать товаръ пошлиною (1). Въ позднѣйшее время для взвѣшиванія и перемѣриванія соли посылались дѣти боярскія, стрѣлецкіе полуголовы и

(1) А. И. т. 3-й № 134.

сотники съ таможенными ларечными и цѣловальниками (1). Въ 1646 году учреждена была новая соляная пошлина, для взысканія которой посылались въ города гости и торговые люди; вмѣстѣ съ тѣмъ имъ поручались вареніе селитры и выемка корчемнаго вина и табаку; воеводы должны были оказывать имъ всякое вспоможеніе и давать имъ въ распоряженіе служилыхъ людей, подъячихъ и цѣловальниковъ (2). Однакоже въ 1648 году эта пошлина отмѣнена, и велѣно было пошлину съ соли сбирать по прежнему таможеннымъ головамъ (3). Для сбора десятой рыбы съ необрочныхъ рыбныхъ ловель по морямъ и рѣкамъ воеводы посылали иногда выборныхъ цѣловальниковъ, которые привозили воеводѣ собранную рыбу и подавали въ съѣзжую избу приходныя книги своего сбора; впрочемъ обыкновенно этотъ сборъ находился въ вѣдомствѣ таможенныхъ головъ, которые отъ себя посылали цѣловальниковъ въ волости (4). Воеводы же посылали иногда цѣловальниковъ для сбора десятинной пошлины и рублевой съ продаваемыхъ товаровъ въ нѣкоторыхъ ясашныхъ волостяхъ, гдѣ не было таможенъ; цѣловальники вмѣстѣ съ тѣмъ судили споры торговыхъ людей съ инородцами, но важныя дѣла они отсылали на рѣшеніе воеводы (5).

Значительными источниками дохода въ Московскомъ государствѣ были таможенные и кабацкіе сборы;

---

(1) А. И. т. 4-й № 243.

(2) С. Г. Г т. 3-й N 124; Д. къ А. И. т. 3 й N 23 А. И. т. 4-й N 19.

(3) С. Г. Г. т. 3-й N 128 Д. къ А. И. т 3-й N 39.

(4) Первое Доп. къ А. И. т. 4-й N 135; Второе Доп. къ А. И. т. 3-й N 55 стр. 203

(5) А. А. Э. т. 3 й N 118, 124.

обыкновенно они соединялись вмѣстѣ подъ управленіемъ таможеннаго и кабацкаго головы, хотя это не было общимъ правиломъ. Голова иногда назначался царемъ изъ торговыхъ людей, иногда выбирался мѣстными жителями; находившіеся при немъ цѣловальники были всегда выборные. Мѣстные выборы производились по распоряженію воеводы, который давалъ о томъ предписаніе земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ, бралъ отъ нихъ выборные списки за ихъ подписью, отсылалъ эти списки въ Москву и приводилъ выборныхъ къ присягѣ (1). Воеводамъ предписывалось смотрѣть, чтобъ избранные головы и цѣловальники были люди надежные и зажиточные. Въ случаѣ дурныхъ выборовъ, они могли иногда выборныхъ отставить и велѣть выбрать другихъ (2); но обыкновенно они только приказывали земскимъ начальникамъ выбрать надежныхъ людей и грозили имъ, что въ случаѣ недоборовъ отъ оплошки или нерадѣнія выборныхъ головъ и цѣловальниковъ, недостающія суммы будутъ доправлены на избирателяхъ (3) Если голова присылался изъ Москвы, воевода давалъ ему потребное число цѣловальниковъ, выбираемыхъ мѣстными жителями, отводилъ дворы для жительства и управленія, давалъ служилыхъ людей для разсылокъ и передавалъ книги прежнихъ сборовъ, а иногда и наказъ, если голова не получалъ его изъ Московскихъ приказовъ (4). Новый голова, по распоряженію воеводы, при-

(1) А. И. т. 3-й N 183. т. 4-й N 12; Д. къ А. И. т. 3-й N 19; А. А. т. 4-й N 39.

(2) Д. къ А. И. т. 3-й N 18 наказъ Кеврольскому воеводѣ.

(3) А. И. т. 3-й N 100, 183, т. 4-й N 12, т. т. 5-й N 240; Д. къ А. И. т. 3-й N 67, т. 4-й N 134,

(4) А. А. Э. т. 3-й N 143, т. 4-й N 111; Доп къ А. И. т 3-й N 55, т. 4-й N 134.

нималъ отъ прежняго казенныя вещи, запасы, а иногда и деньги, въ чемъ давалъ ему двѣ росписки, изъ которыхъ одна отправлялась въ Москву, а другая поступала въ съѣзжую избу (1). За тѣмъ воевода считалъ прежняго голову и цѣловальниковъ по таможеннымъ и кабацкимъ книгамъ, и по окончаніи счета высылалъ ихъ съ книгами и деньгами въ Москву (2). Но въ нѣкоторыхъ городахъ головы и цѣловальники не давали никакого отчета воеводамъ, а прямо отправлялись въ Москву съ приходными и расходными книгами (3).

Воеводѣ принадлежалъ надзоръ за таможенными и кабацкими сборами: онъ долженъ былъ смотрѣть, чтобы пошлины сбирались «неоплошно, съ великимъ радѣніемъ,» и чтобы головы и цѣловальники не позволяли себѣ никакихъ злоупотребленій «сами бы ничѣмъ не корыстовались и никому по дружбѣ и по посуломъ не норовили» (4). Онъ наблюдалъ, чтобы продажа питей производилась въ указные дни и часы законнымъ порядкомъ; производство расходовъ также находилось подъ его надзоромъ (5). На заставы, находившіяся въ уѣздахъ, воеводы посылали иногда служилыхъ людей для надзора за головами и цѣловальниками въ случаѣ, если послѣдніе нерадѣли о сборѣ пошлинъ (6). Голова и цѣловальники должны

(1) А. И. т. 4-й N 12; А. А. Э. т, 3-й N 143, т. 4-й N 59.

(2) А. И. т. 4-й N 12; А. А Э. т, 3-й N 143; Д. къ А. И. т. 3-й N 19.

(3) Такъ было въ Архангельскѣ см. Доп. къ А. И. т. 3-й N 55, 116, А. А. Э. т. 4 й N 111.

(4) А. А. Э. т. 3-й N 143, т. 4-й N 111 Доп. къ А. И. т. 3-й N 18, 19, 116; А. И. т. 3 й N 154.

(5) А. А. Э. т. 4-й N 59; Доп къ А. И. т. 3-й N 116, 111.

(6) А. И. т. 5-й N 4, 212.

были въ извѣстные сроки, назначаемые царскимъ указомъ или воеводскимъ усморѣніемъ: ежемѣсячно, каждые четверть года или каждые полгода приносить ему собранныя деньги. Иногда воевода просто получалъ ихъ съ росписскою (1), но обыкновенно онъ за истекшій срокъ производилъ счетъ по записнымъ книгамъ и правилъ начетъ на головѣ и цѣловальникахъ (2). Нѣкоторымъ воеводамъ предоставлялось право производить слѣдствія о злоупотребленіяхъ головъ и цѣловальниковъ и наказывать виновныхъ (3); обыкновенно впрочемъ, если голова назначался царскимъ указомъ, воевода могъ отставлять и наказывать однихъ цѣловальниковъ, на голову же онъ долженъ былъ писать къ государю, который въ этомъ случаѣ предписывалъ воеводѣ произвести слѣдствіе и доправить деньги (4). Въ нѣкоторыхъ городахъ воеводы не имѣли даже права отставлять и наказывать цѣловальниковъ, но въ случаѣ извѣщенія о злоупотребленіяхъ они должны были писать къ государю въ Москву (5). Мѣстныя распоряженія дѣлались таможенными и кабацкими головами съ согласія воеводъ или сами воеводами: по

(1 А. И. т. 3-й N 184: «И ему Данилу тѣ таможенные и кабацкіе сборные деньги велѣно отдавати вамъ же на Верхотурьѣ въ нашу казну, помѣсячно или какъ пригоже, смотря по тамошнему дѣлу, а у васъ въ томъ велѣно ему имати отписи». — А. А. Э. т. 3-й N 143.

(2) А. И. т. 3-й N 196: «а ему Христофору надъ тѣмъ головою и надъ цѣловалники во всемъ велѣно смотрѣть и по таможеннымъ книгамъ считать помѣсячно». т. 4-й N 12: Доп. къ А. И. т. 3-й N 19, 67, 83.

(3) А. И. т. 4-й N 12, Доп. къ А. И. т. 3-й N 67.

(4) А. И. т. 3-й N 154, 196, т. 4-й N 209, т. 5-й N 240; Доп. къ А. И. т. 3-й N 83-й.

(5) Доп. къ А. И. т. 3-й N 111; А. А. Э. т. 4-й N 111 — Грамоты Двинскимъ воеводамъ.

таможенной части учрежденіе новыхъ заставъ предоставлялось разсмотрѣнію таможеннаго головы, иногда съ разрѣшенія или по предписанію воеводы; но иногда это дѣлалось воеводою, который у головъ и цѣловальниковъ бралъ только сказки, гдѣ лучше поставить заставы (1). Назначеніе цѣловальниковъ на заставы и посылка ихъ въ волости для сбора пошлинъ производились иногда головами, иногда воеводами, которые вмѣстѣ съ тѣмъ давали наказы посылаемымъ лицамъ (2). Воеводы давали отъѣзжающимъ купцамъ проѣзжія грамоты; они же вмѣстѣ съ головами смотрѣли, чтобы не производилась недозволенная торговля (3). Съ этою цѣлью въ Архангельскѣ воеводы приставляли къ гостинымъ дворамъ стражу изъ служилыхъ людей и цѣловальниковъ, которые смотрѣли, чтобы съ дворовъ не выносили товаровъ безъ уплаты таможенной пошлины; съ этою же цѣлью воеводы наблюдали, чтобы пріѣзжающіе корабли стояли въ надлежащихъ мѣстахъ и исполняли всѣ предписанныя правила (4). Въ случаѣ спора между головою и торговыми людьми Русскими и иноземцами, разборъ дѣла предоставлялся воеводѣ, который рѣшивъ споръ, доносилъ о томъ государю. Споры между Русскими и иноземцами въ торговыхъ дѣлахъ или въ пошлинахъ также предоставлялись рѣшенію воеводъ, если головы не могли

(1) Въ 1646 г. купцы жаловались на подъячаго Шпилькина, исправлявшаго должность Енисейскаго воеводы, что онъ изъ личной корысти учредилъ много заставъ, мимо таможеннаго головы. Доп. къ А. И. т. 3-й N 9-й; А. И. т. 5 й, N 124, стр. 211, N 125, 232; П. С. З. N 1443, 1654 ст. 2.

(2) Доп. къ А. И. т. 2-й N 67. т. 3-й N 7.

(3) А. И. т. 3-й N 131, 184; Д. къ А. И. т. 3-й N 18, 19.

(4) А. А. Э. т. 4-й N 111; Доп. къ А. И. т. 3-й N 116.

сами разсудить дѣла (1) По питейной части покупка запасовъ, казенное винокуреніе, вареніе пива и меда производились головами и цѣловальниками, но воеводы смотрѣли, чтобы все это совершалось во время съ выгодою для казны (2). Условія съ мѣстными поставщиками заключались иногда головами, иногда воеводами (3); послѣдніе, имѣя обязанность заботиться о прибыли казны, могли, если находили болѣе выгоднымъ казенное винокуреніе, отмѣнять частныя поставки и строить казенныя винокурни и пивоварни (4). Въ 1652 году велѣно было вино подряжать въ Московскихъ приказахъ; подрядчики или цѣловальники отвозили его въ города, гдѣ пріемъ совершался кабацкими головами и цѣловальниками по распоряженію воеводъ; послѣдніе доносили царю о количествѣ принятыхъ питей и отсылали въ Москву расходныя книги деньгамъ, которыя даны были на дорогу посланнымъ съ виномъ цѣловальникамъ. (5) Подряды продолжали однакоже производиться воеводами, какъ видно изъ приведенной выше грамоты 1660 года, а иногда это дѣлалось и таможенными головами (6). Назначеніе мѣстныхъ цѣнъ на вино предоставлялось иногда головамъ съ

(1) А. А. Э. т. 4-й N 111; Доп. къ А. И. т. 3-й N 55, 116.

(2) Доп. къ А. И. т. 3-й N 18, 116; т. 4-й N 73; А. И. т. 4 й N 12; А. А. Э. т. 4-й N 59.

(3) Доп. къ А. И т. 3-й N 55; т. 4-й N 73: Грамота 1660 г. Пермскому воеводѣ: « а съ уговорщики уговоритца на вино передъ прошлымъ 168 годомъ въ полы, а гдѣ съ уговорщики въ сколко ведръ уговарятца и смѣтя сколько надобно какого хлѣба и въ которыхъ городѣхъ купить и то писати имянно.»

(4) А. И. т. 3-й N 153.

(5) А. А. Э. т. 4 й N 59; А. И. т. 5-й N. 106 1683-го года.

(6) Д къ А. И. т. 5-й N 93.

разрѣшенія воеводъ, иногда самимъ воеводамъ (1); но въ позднѣйшее время обыкновенно назначались въ Москвѣ указныя цѣны, по которымъ должна была производиться продажа, правило которое подвергалось однакоже исключеніямъ (2). Мѣстнымъ жителямъ дозволялось курить дома вино, варить пиво, ставить медъ въ извѣстномъ количествѣ для семейныхъ и годовыхъ праздниковъ; разрѣшеніе обыкновенно давалось воеводою (3), но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это право предоставлялось кабацкому головѣ (4).

Точно также и выемка корчемныхъ питей и контрабанды производилась иногда воеводами (5), иногда таможенными и кабацкими головами, которымъ воеводы должны были на этотъ случай давать служилыхъ людей, и которымъ даже предоставлялось иногда право самимъ наказывать корчемниковъ (6), иногда же тѣми и другими вмѣстѣ: если воевода узнавалъ о существованіи корчемства или контрабанды, онъ посылалъ отъ себя служилыхъ людей однихъ или вмѣстѣ съ головою и цѣловальниками; если объ этомъ доносили головѣ, тогда послѣдній просилъ у воеводы

---

(1) А. А. Э. т. 3-й N 143, т. 4 й N 117, Доп. къ А. И. т. 4-й N 18, 55.

(2) Доп. къ А. И. т. 3 й N 16. т. 4.й N 73 А. А. Э. т. 4-й N 111: «а питье продавали бы вино указною, а пиво и медъ продавали бы примѣряясь прежнихъ годовъ продажи и по запасной покупки; какъ бы вашей казнѣ было прибыльнѣе, а питуховъ съ кружечныхъ дворовъ не отогнать.» N 117.

(3) А. И. т. 4 й N 12, т. 3-й N 135, т. 5-й N 240; А. А. Э. т. 3-й N 143.

(4) А. А. Э. т. 3-й N 146, т. 4-й N 59; Доп. къ А. И. т. 3 й N 18; П. С. З. N 130.

(5) А. И т. 3-в N 88, 135: т. 4-й N 12, Доп. къ А. И. т. 3-й N 18.

(6) А. И. т. 3-й N 44; Доп. къ А. И. т. 3-й N 55; П. С. З. N 130.

служилыхъ людей и дѣлалъ свои распоряженія (1). Иногда головѣ предписывалось вынимать корчемное питье и посуду вмѣстѣ съ губнымъ старостою; при этомъ случалось, что распоряженія были неточны, вслѣдствіе чего голова не смѣлъ безъ царскаго указа просить у воеводы служилыхъ людей, и корчемство усиливалось отъ недостака средствъ къ его истребленію (2). Наказаніе виновныхъ почти всегда предоставлялось воеводамъ, которые доносили царю о наказанныхъ людяхъ и о конфискованныхъ товарахъ и питьяхъ; иногда предписывалось виновныхъ держать въ тюрьмѣ до указа (3). Въ случаѣ сопротивленія обыскиваемыхъ лицъ, таможенные и кабацкіе головы просили помощи у воеводъ, которые давали имъ служилыхъ людей для усмиренія ослушниковъ, или сами посылали ихъ по извѣщенію головъ (4). Это нужно было особенно на Сибирскихъ заставахъ, гдѣ воеводы и приказные люди, проѣзжавшіе въ Сибирь и обратно съ многочисленной свитою, провозили множество недозволенныхъ товаровъ, и не давали себя обыскивать. Воеводскихъ родственниковъ, людей и служителей воеводы могли подвергать наказанію собственною властью, но на самихъ воеводъ, на дьяковъ и на письменныхъ головъ они должны были писать къ государю (5).

Таковы были права и обязанности воеводъ въ отно-

(1) А. А. Э. т. 3-й, № 143, 146, т. 4-й N 59, 166.

(2) А. А. Э. т. 3-й, N 146.

(3) А. И. т. 3 й, N 184; П. С. З. N 130,

(4) А. А. Э. т. 3-й, N 241: «а кто силенъ, таможенному головѣ и цѣловальникомъ про то сказывати воеводѣ и приказнымъ людемъ.» т. 4-й, N 111; Доп. къ А И. т. 3-й, N 9: «а на ослушниковъ на всякихъ сильныхъ людей имадъ бы еси у воеводы служилыхъ людей.»

(5) А И. т. 3-й, N 184; П. С. З, N 1693.

шеніи къ таможеннымъ и питейнымъ сборамъ въ первой половинѣ XVII вѣка: головы и цѣловальники завѣдывали собственно однимъ сборомъ пошлинъ; всѣ распоряженія совершались или непосредственно самими воеводами или съ ихъ разрѣшенія и подъ ихъ надзоромъ (1). Не всѣ воеводы имѣли однакоже одинакую власть: въ 1635 году Верхотурскому головѣ было предписано не давать воеводамъ вступаться мимо указовъ въ таможенное и кабацкое дѣло, чтобы тѣмъ не произвести убыли въ казнѣ; въ 1638 году Двинскимъ воеводамъ запрещено было вѣдать торговыхъ людей, ихъ суды и товары; все это предоставлено исключительному вѣдомству головъ (2). Выраженія: *не вѣдать* и *не вступаться въ дѣло* были впрочемъ чрезвычайно неопредѣленны, и вовсе не означали совершеннаго изъятія этихъ дѣлъ изъ вѣдомства воеводъ, а только запрещеніе дѣлать произвольныя распоряженія. Верхотурскій воевода давалъ головѣ цѣловальниковъ и служилыхъ людей, вручалъ ему наказъ, получалъ отъ него ежемѣсячно собранныя деньги и книги, давалъ въ сборахъ отчетъ государю, наказывалъ ослушниковъ, выдавалъ торговымъ людямъ проѣзжія грамоты, не имѣя впрочемъ права считать таможеннаго и кабацкаго голову и надзирать за его управленіемъ. Двинскіе воеводы, какъ видно изъ наказовъ 1649, 54 и 59 годовъ также не считали головъ, но

(1) А. И. т. 3 й, N 122 Грамота Верхотурскимъ воеводамъ; «а нынѣ по нашему указу велѣно Верхотурской кабакъ вѣдать вамъ, а для сбору присылають головъ изъ Казани и изъ Чебоксаръ выборныхъ лутчихъ людей; и вамъ бы о томъ одноличпо порадѣти, чтобъ кабацкій сборъ былъ больше прежнихъ годовъ, чтобъ нашей казнѣ была прибыль.»

(2) А. И. т. 3-й, N 184; А. А. Э т. 3-й, N 283.

надзирали за ними и доносили царю о злоупотребленіяхъ; кромѣ того имъ во многихъ случаяхъ принадлежала распорядительная власть. Якутскимъ воеводамъ въ 1651 году также запрещено было вступаться въ таможенное дѣло, тогда какъ они не только смотрѣли за головами и цѣловальниками, считали ихъ по книгамъ и взыскивали начетъ, но цѣловальниковъ могли собственной властью отставлять и наказывать (1). Во всякомъ случаѣ Верхотурскіе и Двинскіе воеводы имѣли менѣе власти, нежели другіе, но это было исключеніе; большею частью воеводы имѣли въ таможенномъ и питейномъ управленіи власть надзирающую и распорядительную. Между тѣмъ вся отвѣтственность падала на головъ и цѣловальниковъ, а если у нихъ не было достаточно средствъ для вознагражденія казны, убытки взыскивались съ выбиравшихъ ихъ посадскихъ и уѣздныхъ людей. Въ немногихъ случаяхъ правительство грозило воеводамъ, что недоборы будутъ взысканы съ нихъ, если они не станутъ преслѣдовать корчемства и контрабанды (2). Положеніе выборныхъ людей было весьма затруднительно: неся всю отвѣтственность и не имѣя никакой власти, они жаловались, что не могутъ надлежащимъ образомъ исполнить своей обязанности, потому что не имѣютъ средствъ сопротивляться злоупотребленіямъ воеводъ. Правительство

(1) Д. къ А. И. т. 3-й, N 83 Значеніе слова: не вступаться ясно выражено въ грамотѣ 1696 г. Сургутскому воеводѣ, гдѣ сказано, что въ наказѣ его написано, чтобы онъ таможенную пошлину велѣлъ сбирать по статьямъ 1693 года, а въ таможенное дѣло не вступался; онъ же въ таможенное дѣло вступался и, нарушивъ статьи, велѣлъ брать пошлину деньгами, а не рухлядью, за что съ него взыскать недочетъ. П. С. З. N 1545.

(2) А. А. Э. т. 3-й, N 143.

не могло оставить этихъ жалобъ безъ вниманія; доходы казны тѣсно связаны были съ надлежащимъ устройствомъ сборовъ. Поэтому во второй половинѣ XVII вѣка послѣдовалъ рядъ ограниченій воеводской власти, который кончился совершеннымъ изъятіемъ таможенныхъ и питейныхъ сборовъ изъ вѣдомства воеводъ. Жалобы на злоупотребленія воеводъ поступали и отъ торговыхъ людей: воеводы произвольно учреждали множество заставъ, задерживали проѣзжающихъ купцовъ, брали съ нихъ взятки, взыскивали съ товаровъ произвольныя пошлины; однимъ словомъ дѣлали имъ притѣсненія всякаго рода. Это дѣлалось особенно въ Сибири, гдѣ вслѣдствіе отдаленности края было болѣе простора произволу. Для предупрежденія этихъ злоупотребленій въ 1646 году во всѣхъ Сибирскихъ городахъ, исключая Тобольска, проѣздъ торговыхъ людей изъятъ былъ изъ вѣдомства воеводъ, дьяковъ и подъячихъ съ приписьми; таможеннымъ головамъ и цѣловальникамъ велѣно было давать купцамъ проѣзжія грамоты, брать съ нихъ проѣзжія пошлины, вѣдать преслѣдованіе корчемства и контрабанды. Воеводы по прежнему должны были давать имъ служилыхъ людей по востребованію, получали отъ нихъ собранныя деньги, считали ихъ по книгамъ и взыскивали съ нихъ начетъ (1). Хотя проѣзжія грамоты выдавались таможенными головами, но торговые люди по пріѣздѣ своемъ въ городъ должны были являться въ приказную избу; наказаніе контрабандистовъ также оставалось въ вѣдомствѣ воеводъ (2). Въ новоторговомъ уставѣ 1667 года это ограниченіе распространено бы-

(1) Д. къ А. И. т. 3-й, N 9; А. А. Э. т. 4-й, N 294.
(2) А. И. т. 3-й, N 124.

ло. на всю Россію: запрещено было воеводамъ вѣдать и держать купцовъ въ торговыхъ дѣлахъ и въ разъѣздахъ сухимъ и водянымъ путемъ, исключая таможеннаго уставнаго права (1). Всѣ торговыя дѣла Русскихъ и иноземцевъ предоставлено было судить таможеннымъ головамъ. Еще прежде этого времени послѣдовало другое ограниченіе воеводской власти: воеводамъ запрещено было считать головъ въ собранныхъ деньгахъ, а велѣно было только смотрѣть, чтобы они пошлины сбирали съ радѣніемъ, и не было бы злоупотребленій. Въ случаѣ доноса, воевода долженъ былъ произвести слѣдствіе и о результатѣ писать въ Москву; считать же головъ и цѣловальниковъ велѣно было въ Московскихъ приказахъ, для чего воеводы по истеченіи года высылали ихъ съ книгами и деньгами въ Москву (2). Это ограниченіе не было однакоже повсемѣстнымъ: въ 1664 году Пустозерскому воеводѣ велѣно было головъ и цѣловальниковъ въ приходѣ и расходѣ считать каждую четверть года и каждые полгода, а по окончаніи года, сосчитавши ихъ снова, съ остальными деньгами и книгами высылать въ Москву. Въ 1665 году Черноярскому воеводѣ велѣно было смотрѣть, чтобы сборщики не корыстовались казною; если же онъ усмотритъ злоупотребленія, то сборщиковъ по розыску отставлять и на ихъ мѣсто велѣть быть другимъ, отставленныхъ же счесть и взыскать съ нихъ начетъ, да кромѣ того подвергнуть ихъ наказанію, смотря по винѣ (3). Другіе воеводы на-

(1) П. С. З. N 408, ст. 35.

(2) Наказъ Нижегородскому воеводѣ 1663 г. Доп. къ А. И. т. 4-й. N 134, Старорусскому N 140.

(3) Доп. къ А. И. т. 4 й, N 137; А И. т. 4 й, N 181.

противъ того не имѣли даже власти надзирать за головами и цѣловальниками: въ 1664 году Двинской воевода писалъ царю, что голова продаетъ вино не по указамъ и ни объ чемъ съ воеводою не совѣтуется, а дѣлаетъ всѣ распоряженія и подряды безъ его вѣдома; воевода спрашивалъ, впредь ему за таможенными и питейными сборами смотрѣть ли? На что царь отвѣчалъ, что прежніе Двинскіе воеводы не вступались въ эти сборы, а положены они на вѣрныхъ головъ и цѣловальниковъ, которые въ случаѣ злоупотребленій подвергаются казни; впредь воеводѣ также въ эти сборы не вмѣшиваться (1). Указомъ 1673 года надзоръ за таможенными и кабацкими головами и цѣловальниками возложенъ былъ во всѣхъ городахъ, подвѣдомственныхъ приказу Устюжской четверти, на земскихъ старостъ и посадскихъ людей (2). Это была частная мѣра, вызванная недоборами, но въ 1676 году повсемѣстные недоборы вызвали общія распоряженія. Головы и цѣловальники при допросѣ, почему у нихъ оказались недоборы, отвѣчали, что это произошло « отъ воеводскихъ налогъ и приметовъ. » Поэтому указами 1676 и 1677 головъ сборы по всей Россіи положены были на отвѣтственность земскихъ людей, которые должны были смотрѣть за сборщиками, считать ихъ по книгамъ и по окончаніи года высылать ихъ съ книгами въ Москву; указы о высылкѣ посылались прямо къ нимъ. Обязанности воеводъ ограничились подачею помощи въ случаѣ нужды, обереганіемъ

(1) Доп. къ А. И. т. 4-й, N 139. Но въ 1639 г. Двинскому воеводѣ велѣно было надзирать за головою и цѣловальниками А. А. Э. т. 4-й, N 111.

(2) П. С. З. N 533

головъ и цѣловальниковъ отъ постороннихъ людей и донесеніемъ правительству о злоупотребленіяхъ, по собственному усмотрѣнію или по извѣту земскихъ людей; если же они помощи не подавали, вмѣшивались въ сборы или дѣлали притѣсненія головѣ и цѣловальникамъ, они подвергались опалѣ и жестокому наказанію (1). Это было подтверждено въ указѣ 1681 года; велѣно было выбрать въ головы и ларечные торговцевъ изъ лучшихъ статей, а въ рядовые цѣловальники изъ среднихъ статей; если же до этого указа выбраны въ эти должности люди меньшихъ статей, то воеводамъ предписано велѣть произвести новые выборы. Воеводы же должны были доносить въ приказъ Большой Казны о выбранныхъ лицахъ и о количествѣ таможенныхъ и кабацкихъ строеній, вещей и припасовъ, переданныхъ головами ихъ преемникамъ (2). Въ городахъ, волостяхъ и селахъ, подвѣдомственныхъ хлѣбному приказу, таможенные и кабацкіе головы и цѣловальники совершенно были изъяты изъ вѣдомства воеводъ и приказныхъ людей, потому что « они государеву казну сбираютъ по мирскимъ выборамъ за вѣрою » (3). Преслѣдованіе корчемства оставалось однакоже въ вѣдомствѣ воеводъ: по указу 1686 года если они о томъ не радѣли, или норовили виновнымъ, и

---

(1) П. С. З. N 679; А. И. т. 5-й, N 10, 20: « о высылкѣ тѣхъ денегъ (таможенныхъ и кабацкихъ) и головъ нашъ указъ посланъ въ тѣ города къ земскимъ старостамъ и мірскимъ людямъ. » N 201: « а буде впредъ.... голова и цѣловалники учнутъ вино продавать.... не указною цѣною или въ отвозъ пріѣзжимъ людямъ, а земскіе старосты и мирскіе люди того за головами и цѣловалниками смотрѣть не учнутъ, и тыбъ о томъ къ намъ писалъ имянно. »

(2) П. С. З. N 882.

(3) П. С. З. N 642.

корчемство открывалось мимо ихъ, они подвергались опалѣ и тому наказанію, которому подлежали сами корчемники; кромѣ того съ нихъ взыскивались въ этомъ случаѣ питейные недоборы и отбирались ихъ помѣстья и вотчины. Впрочемъ и головы съ цѣловальниками должны были провѣдывать про корчемство и извѣщать о томъ воеводъ и приказныхъ людей; если послѣдніе оставляли ихъ извѣтъ безъ вниманія, головы должны были доносить на нихъ въ приказъ Большой казны (1). Свидѣтельствованіе частныхъ винокурень также относилось къ вѣдомству воеводъ; подряженное вино, отсылаемое въ другіе города, объявлялось въ съѣзжей избѣ, и подъ надзоромъ воеводы осматривалось головою и цѣловальниками. Если оказывалось лишнее, воевода доносилъ о томъ государю, но виновные подрядчики подвергались наказанію не иначе, какъ по царскому указу. Пріемъ подряженнаго вина совершался головами и цѣловальниками по распоряженію воеводы (2).

Исчисленныя ограниченія не распространялись однакоже на всѣ города: въ Сибири, гдѣ вслѣдствіе малочисленности Русскаго населенія выборное начало было мало развито, и гдѣ дальность разстоянія требовала усиленія правительственной власти, воеводы сохраняли прежнія права: всѣ они имѣли обязанность надзирать за головами и цѣловальниками, смотрѣть чтобы не было злоупотребленій, и считать ихъ въ приходѣ и расходѣ казны (3). Но не всѣ имѣли одина-

(1) П. С. З. N 1225.

(2) А. И. т. 5-й, N 106, 201.

(3) А. И. т. 5-й N 124. Якутскому воеводѣ наказано было въ 1694 г. считать цѣловальниковъ по книгамъ ежедневно, еженедѣльно и еже-

кую власть въ искорененіи злоупотребленій и въ наказаніи сборщиковъ; даже въ одномъ и томъ же городѣ воеводы имѣли въ различное время то большую, то меньшую власть. Нѣкоторые могли наказывать и отставлять, какъ голову, такъ и цѣловальниковъ, если тѣ и другіе выбирались мѣстными жителями, но не могли отставлять тѣхъ, которые были назначены царскими грамотами (1); другіе могли отставлять и наказывать цѣловальниковъ, а о злоупотребленіяхъ головы должны были доносить государю (2); третьи наконецъ не могли сами собою ни наказывать, ни отставлять сборщиковъ, а въ случаѣ злоупотребленій должны были всякій разъ писать къ государю (3). Если вслѣдствіе нерадѣнія или лихоимства головы и цѣловальниковъ количество пошлинъ уменьшалось, воевода могъ для надзора приставить къ проѣзжей заставѣ служилаго человѣка, въ присутствіи котораго производился осмотръ провозимыхъ товаровъ, взысканіе пошлинъ и записка ихъ въ книги; ему запрещалось впрочемъ вступаться въ сборъ, но въ случаѣ злоупотребленій онъ долженъ былъ доносить воеводѣ. Зимою, по окончаніи дѣла вслѣдствіе прекращенія ѣзды, посланный долженъ былъ съ головою и цѣловаль-

---

мѣсячно, править начетъ, а если на нихъ доправить нельзя, то взыскивать на избирателяхъ не описываясь съ В. Государемъ ничѣмъ.» т. 5-й N 240. Верхотурскій также считалъ сборщиковъ, между тѣмъ какъ прежде онъ этого права не имѣлъ. П. С. З. N 1593. См. другіе наказы въ П. С. З.

(1) П. С. З. N 1542 нак. Нерчинскому воеводѣ 1696 г; N 1594— наказъ Тобольскому воеводѣ 1697 г.

(2) П. С. З. N 1822 наказъ Нерчинскому воеводѣ 1701 г.

(3) П. С. З. N 1593 наказъ Верхотурскому воеводѣ.—Д. къ А. И. т. 4-й N 138 наказъ Тобольскому воеводѣ 1664 г.

никами и съ книгами явиться къ воеводѣ и подать ему таможенныя книги и перечневую роспись товаровъ за своею подписью (1). Сибирскимъ воеводамъ обыкновенно предписывалось въ таможенныя дѣла не вступаться, то есть собственною властью не дѣлать никакихъ распоряженій (2); въ питейныхъ же сборахъ они имѣли болѣе власти: винокуреніе, вареніе пива и меда, храненіе питей и отдача ихъ въ кабаки, разрѣшеніе частнымъ людямъ курить вино, варить пиво и медъ на праздники, истребленіе корчемства, все это принадлежало къ вѣдомству воеводъ (3). Въ 1697 году оказалось множество злоупотребленій: воеводы провозили много вина съ собою въ Сибирь, курили и продавали собственное вино, съ корчемниковъ брали взятки, вслѣдствіе чего казенная продажа остановилась, и тамъ, гдѣ прежде выручались большія суммы, теперь продавалось ведръ по 100, по 50, по 30 и по 10 въ годъ, а въ иныхъ мѣстахъ записано было въ продажѣ по одному ведру или даже ничего. Для прекращенія этихъ злоупотребленій въ 1698 году велѣно было кабаки, винокуреніе, вареніе пива и меда вѣдать головамъ, которые принимали отъ воеводъ хлѣбъ и хмѣль, извѣщали ихъ о посудѣ, взятой у корчемниковъ, доносили имъ о мѣрахъ, употребляемыхъ для удобренія вина, ежемѣсячно давали имъ отчетъ въ собранныхъ деньгахъ и производили расходы съ ихъ разрѣшенія; въ случаѣ притѣсненій со стороны воеводъ, исключая Тобольскихъ, голова долженъ былъ

---

(1) А. И. т. 5-й N 4.

(2) Д. къ А. И. т. 3-й N 83; П. С. З. N 1542, 1545, 1593, 1822.

(3) П. С. З. N 1593, 1670, 1822.

писать на нихъ въ Сибирскій приказъ. Въ томъ же году таможеннымъ головамъ поручено было смотрѣть, чтобы воеводы съ товарищами никакими товарами не торговали и кабалъ ни на кого не брали; если же окажутся гдѣ нибудь воеводскіе товары, то отбирать ихъ въ казну, и взыскивать пеню (1).

Въ нѣкоторыхъ Русскихъ городахъ воеводы точно также сохраняли прежнюю власть, не смотря на общія ограниченія: въ 1687 году Ольшанскому воеводѣ наказано было «беречь накрѣпко, чтобы вѣрные головы и цѣловальники доходы сбирали вправду неоплошно, и ничѣмъ не корыстовались.» Въ 1693 году Кунгурскому воеводѣ велѣно было отставлять цѣловальниковъ, которыхъ голова найдетъ негодными, и давать вмѣсто нихъ другихъ. Въ наказахъ Астраханскимъ воеводамъ 1694 года и 1700 велѣло было головамъ и ларечнымъ цѣловальникамъ каждую четверть года или, если они не успѣютъ, то каждые полгода приносить книги для счета въ приказную палату, а дьякамъ считать ихъ въ приходѣ и расходѣ и править на нихъ, что придется взять по счету. Если голова затѣвалъ ссору съ Шахомъ или дѣлалъ притѣсненія мѣстнымъ жителямъ и пріѣзжимъ, воеводѣ позволено было смѣнить его и писать о томъ для вѣдома къ государю. Казанскому воеводѣ въ 1697 году предписано было, въ случаѣ, если головы и цѣловальники оплошкою, нерадѣніемъ или хитростью не сберутъ назначенной суммы, взыскивать съ нихъ по розыску недоборы, не запуская долгое время, а если съ

(1) П. С. З. N 1633, 1634 ст. 20.

нихъ взыскать нельзя, то править на избирателяхъ, чтобы сборы были всегда полны по окладу (1).

Съ учрежденіемъ земскихъ бурмистровъ въ 1690 году таможенное и питейное управленіе совершенно было изъято изъ вѣдомства воеводъ, и ввѣрено таможеннымъ и кабацкимъ бурмистрамъ подъ надзоромъ и распоряженіемъ земскихъ бурмистровъ; только въ Сибири осталось прежнее управленіе. Это было разумное и систематическое осуществленіе той потребности, которая въ Московскомъ государствѣ выразилась въ частныхъ попыткахъ. Гдѣ есть отвѣтственность, тамъ должна быть и власть. Воеводамъ можно было ввѣрить только надзоръ за исполненіемъ правилъ по таможенному и кабацкому управленію; право же дѣлать распоряженія должно было принадлежать тѣмъ лицамъ, на которыхъ лежала отвѣтственность за сборы. Но въ Московскомъ государствѣ не было точныхъ юридическихъ понятій, не было строгаго разграниченія властей; поэтому смѣшивались и сталкивались другъ съ другомъ двѣ власти совершенно различнаго происхожденія: выборная и приказная. Практическая потребность вела къ опредѣленію взаимныхъ ихъ отношеній, но при недостаткѣ юридическаго смысла всѣ мѣры были отрывочны и недостаточны. Петръ Великій ввелъ въ управленіе правильность и порядокъ, отдѣливъ выборную власть отъ приказной.

Таможенные и питейные сборы, также какъ и другія пошлины, отдавались на откупъ посадскимъ лю-

(1) А. И. т. 5-й N 161, 224; П. С. З. N 1579, 1792. См. также наказъ Инсарскому воеводѣ Временникъ 1852-го г. Кн. 14-я смѣсь стр. 1—9. Ему позволено было даже смѣнять головъ и цѣловальниковъ.

дамъ и крестьянамъ. Отдача на откупъ производилась иногда въ Московскихъ приказахъ (1), иногда на мѣстѣ воеводами (2). Общаго правила не было; вѣдомство центральной власти и вѣдомство мѣстной не были строго разграничены, такъ что порядокъ дѣлопроизводства, равно какъ и способъ управленія, опредѣлялись случайными обстоятельствами. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ таможни и кабаки постоянно отдавались на откупъ воеводами; если же не было желающихъ, воеводы отдавали ихъ въ управленіе вѣрныхъ головъ и цѣловальниковъ (3). Иногда желающій взять откупную статью являлся въ Московскій приказъ, который завѣдывалъ сборомъ, и объявлялъ, что онъ будетъ платить болѣе, нежели сколько положено въ окладъ казеннымъ сборщикамъ; тогда сборъ отдавался ему на откупъ изъ приказа, который выдавалъ ему и откупную грамоту, гдѣ означались, какъ условія откупа, такъ и мѣсто уплаты. Обыкновенно откупная сумма взыскивалась воеводою, но многіе откупщики платили ее прямо въ Московскіе

(1) Улож. гл XVIII. ст. 21, 23, 28. 30. А. А. Э. т. 4-й N 202; Д. къ А. И. т. 4-й N 131.

(2) Въ Улож. гл. XVIII ст. 24 велѣно съ откуповъ, которые отдаются въ городахъ, брать печатныя пошлины въ городахъ и присылать въ печатный приказъ.

(3) Доп. къ А. И. т. 3-й N 67. Наказъ Олонецкому воеводѣ: «Да въ Заонежскихъ же погостехъ тамги и кабаки въ откупу... И съ тѣхъ со всѣхъ тамогъ и съ кабаковъ таможенные и кабацкіе деньги велѣть имать по-окладу, сполна... а сколько на которой годъ таможенныхъ и кабацкихъ денегъ будетъ во взятьѣ и сколько тѣхъ денегъ выдегъ въ расходъ, и имъ воеводамъ велѣть то писати въ книги подлинно и о томъ писати и росписи присылати къ Государю.. А которые будетъ тамги и кабаки откупщики послѣ откупныхъ годовъ откажутъ и впередъ въ откупу держать не похотятъ, и тѣ тамги

приказы (1). Воевода долженъ былъ оказывать помощь откупщику посылкою по его просьбѣ служилыхъ людей на ослушниковъ, наказаніемъ виновныхъ и собственнымъ надзоромъ за непроизводствомъ безпошлинной торговли. Если воевода отказывалъ откупщику въ содѣйствіи, и откупщикъ объявлялъ, что онъ вслѣдствіе этого не въ состояніи заплатить откупной суммы, тогда недоборъ взыскивался съ воеводы (2). Воеводы, имѣя обязанность заботиться о выгодахъ казны, могли собственною властью установлять новые откупа̀, но правительство отмѣняло ихъ, если находило ихъ неумѣстными (3). Пошлины отдавались и въ частныя руки, въ особенности монастырямъ; воеводы обязаны были смотрѣть, чтобы частные сборщики производили сборъ по уставнымъ грамотамъ (4).

и кабаки отдавать въ откупъ инымъ откупщикомъ изъ наддачи, а будетъ изъ наддачи не возмутъ и къ таможенному и къ кабацкому сбору велѣть старостамъ и цѣловальникомъ и лутчимъ крестьяномъ выбирать въ головы и въ цѣловальники самыхъ лутчихъ крестьянъ.»

(1) Улож. гл. XVIII ст. 30: «съ которымъ откупщикомъ даны будутъ перевозы или рыбныя ловли или иные доходы, а въ грамотахъ написано будетъ, чтобъ имъ тѣ денги платить ежегодно въ городахъ.»—Доп. къ А. И. т 3-й N 67, т. 4-й N 134: «А Нижегородскіе кабаки на посадѣ и въ Нижегородскомъ уѣздѣ отданы на откупъ Нижегородцомъ посадскимъ людемъ... на 3 года... а откупные денги велѣно имъ платить на Москвѣ въ Новгородской четверти.

(2) А. А. Э. т. 4-й N 202.

(3) Въ 1668 г. Тобольскій воевода отдалъ зернь и карты на откупъ; государь этотъ откупъ велѣлъ отмѣнить. С. Г. Г. т. 5-й N 65. Въ 1670 г. Новгородскій митрополитъ жаловался, что воевода отдалъ на откупъ конское пятно не только въ помѣстьяхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, но и въ монастыряхъ съ монастырскихъ крестьянъ и погостскихъ священниковъ, чего никогда не бывало; царь запретилъ сбирать ему пошлину. А. А. Э. т. 4-й N 175.

(4) А. А. Э. т. 3-й N 300.

Оброчныя статьи—земли, сѣнокосы, рыбныя ловли, мельницы, перевозы, бортныя ухожья, бобровые гоны—обыкновенно отдавались на оброкъ воеводами на извѣстное число лѣтъ; запрещалось отдавать ихъ болѣе, чѣмъ на пять лѣтъ. Воевода долженъ былъ смотрѣть, чтобы никто казенными угодьями не владѣлъ безоброчно. Для вызова къ торгамъ посылались по уѣзду биричи, которые кликали по торжкамъ, по селамъ и городамъ, приглашая охотниковъ явиться въ приказную избу (1). Если желающихъ не было, воевода могъ учредить казенное управленіе, приставивъ къ сборамъ выборныхъ головъ и цѣловальниковъ; но отдать оброчную статью за меньшую цѣну онъ не могъ безъ царскаго указа (2). Всякое уменьшеніе въ казенныхъ доходахъ приписывалось нерадѣнію или корыстолюбію, и только въ случаяхъ крайней необходимости, если казенное управленіе оказывалось менѣе выгоднымъ, нежели уменьшеніе откупной цѣны, воевода доносилъ о томъ государю и просилъ разрѣшенія. Если оброчная статья была не занята, желающій взять ее на содержаніе могъ приносить просьбу прямо въ приказъ, который предписывалъ воеводѣ произвести розысканіе, и если статья дѣйствительно окажется пустою, отдать ее просителю на извѣстное число лѣтъ, наложивъ на него оброкъ по своему усмотрѣнію (3): иногда же и старыя статьи отдавались прямо изъ приказовъ (4). Отданныя оброчныя статьи съ именемъ содержателя и съ условіями отдачи записывались въ оброчныя или приходныя книги, ко-

(1) Д. къ А. И. т. 3-й N 20, 66, т. 4-й N 134, 140, т. 5 N 37. А. И т. 5-й N 2; П. С. З. N 1544.

(2) А. И. т. 4-й N 40, наказъ Астраханскому воеводѣ 1650 г.

(3) А. И. т. 3-й N 203.

(4) Воронежскіе акты т. Л. 97.

торыя ежегодно отсылались въ Москву (1). Оброчныя деньги отдавались воеводамъ, и въ случаѣ неуплаты правились ими на содержателяхъ (2).

Иногда угодья отдавались на оброкъ писцами, которые ихъ описывали и межевали: если описываемое угодье находилось у кого нибудь въ содержаніи, оно записывалось за нимъ, если же содержателя не было, или онъ не хотѣлъ долѣе держать оброчной статьи, тогда писецъ производилъ торгъ и отдавалъ угодье тому, кто брался платить наибольшой оброкъ (3).

Воеводы завѣдывали казенными промыслами и заводами; выборные головы и цѣловальники, которымъ большею частью принадлежало непосредственное ихъ управленіе, обыкновенно находились въ полной зависимости отъ воеводъ. Сюда принадлежали казенныя рыбныя ловли; управлявшіе ими цѣловальники назначались воеводами и получали отъ нихъ наказы. При вступленіи они принимали отъ предшественниковъ всѣ снасти и запасы, и дѣлали имъ списокъ, который приносили въ съѣзжую избу; если имъ нужны были новые запасы, они докладывали о томъ воеводѣ. Цѣловальники не только ловили рыбу, но и продавали ее; полученныя деньги они клали въ запечатанный воеводою ящикъ и ежемѣсячно приносили ихъ въ съѣзжую избу. Постороннихъ людей, которые ловили рыбу въ тѣхъ же водахъ, они брали и приводили къ воеводѣ для наказанія (4).

Астраханскимъ и Терскимъ воеводамъ поручалось разведеніе виноградныхъ садовъ: они отыскивали

(1) Д. къ А. И. т. 3-й N 20; т. 4-й N 134, 140.
(2) Д. къ А. И. т. 2-й N 38.
(3) Писцовые наказы 1680-го, 1684-го и 85-го годовъ. П. С. З. N 835, ст. 2 N 1074, ст. 38, N 1111.
(4) А. И. т. 3-й N 147.

дикій виноградъ, посылали стрѣльцовъ или знающихъ людей, для выдѣлки изъ него вина, и опыты отсылали на пробу въ Москву (1). Казенные сады Астраханскіе воеводы должны были разводить по собственному усмотрѣнію, и о всѣхъ своихъ распоряженіяхъ, о количествѣ земли и деревьевъ, о числѣ рабочихъ и о расходахъ доносить царю, что впрочемъ не всегда дѣлалось исправно. Иногда для разведенія садовъ посылались изъ Москвы иноземцы, которые завѣдывали этимъ дѣломъ подъ главнымъ вѣдомствомъ воеводъ (2). Воевода могъ покупать въ казну и частные сады «смотря по тамошнему дѣлу и по своему высмотру, чтобы государевой казнѣ прибыль учинить, а продавцемъ не было бы въ немогу». Виноградъ изъ частныхъ садовъ воеводы брали въ казну, отдавали его присланнымъ иностранцамъ для выдѣлки церковнаго вина и отправляли сдѣланное вино въ Москву (3). Терскіе воеводы завѣдывали также разведеніемъ тутовыхъ деревьевъ и выдѣлкою сырцоваго шелка; имъ поручалось «шелковымъ дѣломъ промышлять съ великимъ радѣніемъ, примѣряясь къ прежнимъ указамъ и по разсмотрѣнію Астраханскихъ воеводъ и по своему, чтобы въ томъ государю учинить прибыль». О состояніи дѣла, о приходѣ и расходѣ они доносили въ Москву, куда отсылался и выдѣланный шелкъ (4). Такимъ образомъ въ этомъ дѣлѣ всѣ распоряженія предоставлялись воеводамъ. Такую же власть имѣли

(1) А. И. т. 4-й N 63.

(2) А. И. т. 4-й N 40; П. С. З. N 1792 — наказы Астраханскимъ воеводамъ 1650 и 1694 г.

(3) А. И. т. 4-й N 40; Д. къ А. И. т. 3-й N 60.

(4) А. И. т. 4-й N 40.

они относительно промысла мареною. Въ наказѣ Астраханскимъ воеводамъ 1650 года имъ велѣно было написать Терскимъ воеводамъ, чтобъ они розыскали, гдѣ растетъ марена, кто ею промышляетъ и что будетъ выгоднѣе: покупать ее въ казну у частныхъ людей или разводить ее на казенный счетъ наемнорабочими? Астраханскимъ воеводамъ предоставлено было избрать тотъ или другой способъ промышленности: если они найдутъ первый болѣе выгоднымъ для казны, они должны писать Терскимъ воеводамъ, чтобъ они велѣли частнымъ людямъ продавать марену въ казну, а для покупки и продажи велѣли бы выбрать, сколько нужно, головъ и цѣловальниковъ изъ служилыхъ и жилецкихъ людей. Если же они предпочтутъ второй способъ, они должны были учредить казенный промыселъ, также приставивъ къ нему выборныхъ людей, и предписать Терскимъ воеводамъ, чтобъ они велѣли головамъ и цѣловальникамъ продавать марену иноземцамъ, «смотря по тамошнему дѣлу и по своему разсмотрѣнію, чтобы въ томъ государю учинить прибыль». Обо всѣхъ своихъ распоряженіяхъ Астраханскіе воеводы должны были донести царю. Такимъ образомъ имъ предоставлена была власть установить регалію по собственному усмотрѣнію,—право слишкомъ значительное для областнаго правителя, хотя конечно ничтожность промысла и ограниченная мѣстность, въ которой онъ производился, уменьшали его важность.

Казенный соляной промыселъ также находился въ вѣдомствѣ воеводъ: они посылали отыскивать мѣста, гдѣ можно было добывать соль, и устраивали новыя соляныя варницы (1). Существующія уже варницы

(1) Доп. къ А. И. т. 2 й N 87.

управлялись соляными головами и цѣловальниками, которые находились къ воеводѣ въ тѣхъ же отношеніяхъ, какъ таможенные и кабацкіе головы и цѣловальники (1). Воеводамъ предписывалось также отыскивать селитру и заводить селитряные и пороховые заводы; обо всѣхъ распоряженіяхъ они должны были доносить государю, и пробы селитры и пороха присылать въ Москву (2). Но часто для выварки селитры посылались изъ Москвы дворяне съ подъячими, которые управляли варницами независимо отъ воеводъ, и прямо получали грамоты отъ царя. При нихъ были выборные цѣловальники, которыхъ они однакоже не могли смѣнять безъ царскаго указа (3). Разныя службы при селитряномъ вареніи, какъ то: возка дровъ, постройка анбаровъ и проч. составляли значительную земскую повинность (4). Въ 1646 году велѣно было выварку селитры вѣдать въ приказѣ Большой казны: отсюда посылались въ города и уѣзды торговые люди, которые розыскивали мѣста, устроивали заводы и завѣдывали производствомъ (5). Имъ поручались вмѣстѣ съ тѣмъ продажа табаку и сборъ новой соляной пошлины, но когда вскорѣ послѣ того то и другое было отмѣнено, уничтожено и отдѣльное управленіе селитряными заводами.

Пріискиваніе рудъ также относилось къ вѣдомству воеводъ; узнавши о существованіи руды, они посы-

(1) Д. къ А. И. т. 4-й N 140—наказъ Старорусскому воеводѣ.

(2) П. С. З. N 1579, 1594; А. И. т. 5-й N 72.

(3) А. А. Э. т. 3-й N 313; А. Юр. N 39.

(4) О повинностяхъ см. жалованныя грамоты монастырямъ. Въ XVI вѣкѣ производство и даже управленіе селитряными варницами составляли иногда монастырскую повинность. См. А. А. Э. т. 1-й N 317.

(5) Доп. къ А. И. т. 3-й N 10.

лали на мѣсто знающихъ людей, или снаряжали мѣстныхъ жителей, которые, осмотрѣвъ и описавъ мѣстность, привозили руду воеводѣ для производства опытовъ. Если руда оказывалась годною для разработки, опыты и описаніе отправлялись въ Москву, откуда къ воеводѣ присылалась грамота о разработкѣ (1). Иногда для пріисковъ посылались изъ Москвы рудознатцы, и воеводамъ предписывалось оказывать имъ всякое вспоможеніе (2). Частные люди, отыскавшіе руду, извѣщали о томъ воеводу, который сдѣланный опытъ отсылалъ въ Москву, гдѣ отыскавшему давалась грамота на разработку руды, воевода же взыскивалъ казенныя пошлины (3).

Учрежденіе металлическихъ заводовъ также поручалось воеводамъ, которые нанимали мастеровъ и рабочихъ, завѣдывали производствомъ и доносили обо всемъ государю (4). Иногда впрочемъ управленіе заводами ввѣрялось лицамъ, назначаемымъ самимъ царемъ и совершенно независимымъ отъ воеводъ; они также завѣдывали всѣми работами, пріискивали новыя руды и давали отчетъ государю (5).

Къ казеннымъ промысламъ относилась наконецъ торговля царскими товарами: торгъ нѣкоторыми товарами съ иноземцами исключительно принадлежалъ царской казнѣ; кромѣ того казна торговала и внутри Россіи мягкою рухлядью и другими товарами, которые продавались или вымѣнивались на ефимки. Продажа

(1) А. И. т. 3-й N 245; т. 5-й N 72; П. С. З. N 1379, 1394.
(2) А. И. т. 4-й N 221.
(3) Д. къ А. И. т. 4-й N 37 83.
(4) П. С. З. N 1379.
(5) А. А. Э. т. 3-й N 320.

поручалась выборнымъ торговымъ людямъ, которые посылались изъ Москвы въ города. Воеводы должны были давать имъ цѣловальниковъ, оказывать содѣйствіе, смотрѣть за продажею и, по окончаніи дѣла, высылать выборныхъ къ отчету въ Москву (1).

Къ казеннымъ регаліямъ, кромѣ питейной продажи, принадлежало монетное дѣло. Монета чеканилась въ Москвѣ, на денежномъ дворѣ, но кромѣ того были денежные дворы и въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ — въ Новгородѣ, Псковѣ и Куконаузѣ (2). Чеканъ монеты производился въ городахъ головами и цѣловальниками, вѣроятно, подъ вѣдомствомъ воеводъ: Новгородской воевода посылалъ цѣловальника закупать мѣдь для денежнаго дѣла (3). Другіе воеводы напротивъ того не могли даже сливать старыя деньги безъ царскаго указа (4). Воеводамъ поручался также надзоръ за необращеніемъ фальшивой и запрещенной монеты; они отбирали ее и отсылали въ Москву (5).

Нѣкоторое время существовала табачная регалія: въ 1646 году посланы были въ города торговые люди для выварки селитры, для сбора новой соляной пошлины и для продажи табаку (6). Но въ 1648 году

---

(1) А. И. т. 3-й N 229; Доп. къ А. И. т. 3-й N 66; т. 4-й N 123; Акты Археогр. Эксп. т. 4-й N 148.

(2) Котошихинъ гл. 7, стр. 79; А. А. Э. т. 4 й N 120.... «съ нашего новаго Новгородскаго денежного двора»—1646 г.

(3) А. А. Э. т. 4-й N 131; Котошихинъ гл. 7, стр. 79; также на Москвѣ и въ городѣхъ на денежныхъ дворахъ учинены были вѣрные головы и цѣловальники для разсмотру и пріему и расходу мѣди и денегъ.... покупали мѣдь.... и велѣли дѣлать деньги.»

(4) С. Г. Гр т. 4-й N 117.

(5) А. А Э. т. 4-й N 7, 147.

(6) Доп. къ А. И. т. 3-й N 10, 23.

все это отмѣнено: остающійся табакъ велѣно было передать воеводамъ, которые должны были выбрать для продажи человѣка два или три торговыхъ людей, и выдавать имъ табакъ по 2 и по 3 фунта. Собранныя деньги и росписи проданному табаку еженедѣльно приносились воеводамъ, которые надзирали за продавцами и смотрѣли, чтобы никто не продавалъ табаку, кромѣ казны (1). Вскорѣ однакоже табачная продажа была отмѣнена, и табакъ велѣно сжечь; за куреніе положено было наказаніе (2).

Хозяйственное управленіе казенными имѣніями также принадлежало къ вѣдомству воеводъ. Немногіе воеводы управляли дворцовыми селами въ Россіи; обыкновенно управленіе ими ввѣрялось особымъ дворцовымъ воеводамъ и приказнымъ людямъ. Въ нѣкоторыхъ наказахъ, именно въ наказѣ Вяземскому воеводѣ 1622-го и Казанскому 1697 годовъ (3) встрѣчаются однакоже положенія о дворцовыхъ имѣніяхъ. Воеводамъ предписывалось наблюдать, чтобы крестьяне пахали царскую пашню сполна или даже съ прибавкою, чтобы всѣ сельскія работы производились въ надлежащее время и въ порядкѣ, и вообще, чтобы хозяйство шло хорошо. Для управленія дворцовыми имѣніями воеводы назначали дѣтей боярскихъ и смотрѣли, чтобъ они должность свою исправляли усердно и не притѣсняли бы крестьянъ. О количествѣ пашни, посѣвовъ и урожаевъ посылался отчетъ государю, которому воевода долженъ былъ доносить и о возможности прибавить пашни на крестьянъ. Сибирскіе вое-

(1) Д. къ А. А. т. 3-й N 38; С. Г. Гр. т. 3-й N 128.

(2) С. Г. Г. т. 3-й N 133.

(3) А. И. т. 3-й, № 116; П. С. З. № 1579.

воды завѣдывали всѣми казенными имѣніями въ Сибири (1); тамъ были поселены пашенные крестьяне, изъ которыхъ нѣкоторые пахали на государя десятинную пашню, а другіе платили хлѣбный оброкъ (посопный хлѣбъ), сами получая за то извѣстное количество земли. Воеводы въ особенности должны были стараться о прибавленіи десятинной пашни и оброковъ, «по своему высмотру и сыску, смотря по людямъ и по семьямъ и по животамъ, чтобы государевой казнѣ было прибыльнѣе, а крестьяномъ бы не въ большую тягость, чтобы отнюдь никто въ избылыхъ не былъ». На пустыя земли воеводы призывали новыхъ поселенцевъ, отводили имъ пашни и угодья, давали льготы и подмогу и налагали на нихъ оброки, также по собственному усмотрѣнію. Въ 1623 году Верхотурскіе воеводы просили указа о томъ, сколько давать новымъ поселенцамъ льготы и подмоги; царь отвѣчалъ, что «вы то дѣласте не гораздо, пишите къ намъ, что у васъ о подмогѣ и объ льготѣ пашеннымъ крестьяномъ указу нѣтъ, мы то пашенное дѣло возложили на васъ, смотря по тамошнему дѣлу, какъ бы нашей казнѣ было прибыльнѣе, а переписываться вамъ о томъ къ намъ къ Москвѣ далеко» (2). Воеводы назначали въ села прикащиковъ, надзирали за ними, и достойныхъ людей оставляли лѣтъ по пяти, по шести и болѣе, тѣхъ же, которые употребляли во зло свою власть, могли наказывать «по разсмотрѣнію, безъ

(1) Объ управленіи пашенными крестьянами см. А. И. т. 3-й № 109, 135, т. 5-й № 240; С. Г. Г. т. 3-й № 54; П. С. З. № 1579 и другіе наказы Сибирскимъ воеводамъ.

(2) А. И. т. 3-й, № 121.

всякой пощады, чего будетъ достоинъ.» Вмѣсто жалованья, прикащикамъ назначался по усмотрѣнію воеводы извѣстный доходъ съ крестьянъ деньгами, хлѣбомъ и запасами. Такимъ образомъ воеводы имѣли полное право дѣлать всякаго рода распоряженія въ селахъ пашенныхъ крестьянъ; впрочемъ о количествѣ прибавленныхъ оброковъ и пашни, равно какъ и о состояніи имѣній, они должны были посылать отчетъ въ Москву. При Петрѣ Великомъ въ наказѣ 1697 года Тобольскому воеводѣ велѣно было разсмотрѣть, нельзя ли на крестьянъ положить новый оброкъ и вмѣсто мелкихъ поборовъ установить постоянный доходъ съ каждаго двора; но объ этихъ распоряженіяхъ онъ долженъ былъ только подать мнѣніе свое въ Сибирскій приказъ, ничего не установляя собственною властью (1).

Воеводамъ поручалось иногда производство торговъ по казеннымъ подрядамъ: это дѣлалось преимущественно въ военное время, когда войску нужны были съѣстные припасы. Въ города посылались царскія грамоты, въ которыхъ назначалась наибольшая цѣна, которую воеводѣ предоставлялось дать поставщикамъ (2). Въ мирное время хлѣбные запасы обыкновенно пріобрѣтались податью съ крестьянъ, но иногда нужно было закупить хлѣба въ прибавку, и это поручалось воеводамъ или посылаемымъ изъ Москвы подъячимъ, торговымъ людямъ и другимъ лицамъ (3). Запасы сохранялись въ житницахъ, которыя обыкно-

(1) П. С. З. № 1579.
(2) П. С. З. № 132, 141.
(3) А. И. т. 3-й, № 93, 197, 215.

венно были въ полномъ вѣдомствѣ воеводъ и на ихъ отвѣтственности (1); непосредственное же управленіе находилось въ рукахъ цѣловальниковъ, а иногда житничныхъ головъ изъ дѣтей боярскихъ. Но въ 1679 году должность житничныхъ головъ упразднена, и дѣлами ихъ велѣно завѣдывать однимъ воеводамъ (2). Какъ исключеніе, житницы иногда находились въ вѣдомствѣ таможеннаго головы (3). Ключи и печать отъ свинцовой и пороховой казны находились также у воеводъ, которымъ запрещалось впускать туда постороннихъ, чтобы никто, кромѣ лица, которому поручена была казна, не зналъ о количествѣ находившихся въ ней запасовъ (4). Денежная казна хранилась также за воеводскою печатью въ съѣзжей избѣ (5); прочіе запасы и издѣлья сохранялись на дѣловомъ дворѣ, при которомъ были дѣти боярскіе съ цѣловальниками (6). Въ наказѣ 1697 года Казанскому воеводѣ запрещено было безъ царскаго указа дѣлать струги, снасти и всякіе припасы. Это ограниченіе въ прежнихъ наказахъ не встрѣчается, равно какъ и другія распоряженія о казенномъ имуществѣ. Астраханскимъ воеводамъ велѣно было суда беречь отъ жаровъ и «учинить о томъ по своему разсмотрѣнію, какъ бы казнѣ было прибыльнѣе, а судамъ бережнѣе.»

---

(1) Новый воевода всегда принималъ отъ предшественника казенные хлѣбные запасы. См. также А. А. Э. т. 4-й, N 133; А. И. т. 3-й, N 116.

(2) П. С. З. N 779.

(3) А. И. т. 3-й N 197, 207.

(4) А. И. т. 3-й, N 161; Доп. къ А. И. т. 4-й N 134.

(5) П. С. З. N 1738.

(6) П. С. З. № 1579: «струговъ и всякихъ припасовъ какъ снастей, такъ и лѣсовъ съ гостинаго и съ дѣловаго двора не брать.»

Старые суда имъ велѣно было продавать, «какъ бы казнѣ было прибыльнѣе,» также какъ якори и всякія желѣзныя издѣлья, которыя не годились на казенные расходы (1). Въ прежнихъ наказахъ объ этомъ нѣтъ ни слова; это предоставлялось собственному усмотрѣнію воеводъ, которые ограничены были только тѣмъ, что имъ запрещалось дѣлать какіе бы то ни было расходы безъ царскаго указа.

Это послѣднее правило встрѣчается во всѣхъ наказахъ. Главнымъ попеченіемъ правительства было охраненіе казны отъ самовольной растраты; по этому тамъ, гдѣ требовалась выдача казенныхъ денегъ или хлѣбныхъ запасовъ, воеводы могли дѣйствовать только на основаніи царскихъ указовъ и грамотъ изъ тѣхъ приказовъ, которымъ они были подчинены. Исключеніе дѣлалось для «посольскихъ и разрядныхъ скорыхъ ратныхъ дѣлъ, безъ которыхъ быть нелзѣ», а иногда и для «другихъ самыхъ нужныхъ скорыхъ расходовъ» (2). Послѣднее выраженіе слишкомъ неопредѣленно и встрѣчается рѣдко, обыкновенно же въ наказахъ означалось, какіе расходы воеводамъ предоставлялось дѣлать по собственному усмотрѣнію, и въ такомъ случаѣ почти всегда означалось, какія суммы они должны были употребить на издержки (3);

---

(1) П. С. З. N 1702.

(2) Д. къ А. И. т. 3-й N 20, т. 4-й N 134; А. А. Э. т 3-й N 143. Но въ большей части наказовъ этихъ исключеній вовсе нѣтъ. См. напр. Д. къ А. И. т. 3-й N. 18, 19.

(3) Иногда воеводамъ позволялось дѣлать по усмотрѣнію издержки на починку городовыхъ укрѣпленій. Д. къ А. И. т. 3-й N 20 также выдавать деньги на канцелярскіе расходы. П. С. З N 1579.

но иногда и это предоставлялось благоусмотрѣнію воеводъ (1). Во всѣхъ производимыхъ расходахъ они должны были дать отчетъ; самовольные же расходы взыскивались съ нихъ самихъ (2); но иногда за такіе расходы просто угрожалось пенею, опалою и наказаніемъ (3). Въ нѣкоторыхъ наказахъ предписывалось оставшіяся отъ расходовъ деньги присылать въ Москву, не переводя ихъ на издержки слѣдующаго года (4); иногда же онѣ оставлялись на мѣстные расходы. Но когда мѣстные доходы превышали потребности управленія, тогда деньги высылались въ Москву, или по окончаніи года, какъ сказано выше, или въ извѣстные сроки или безсрочно (5).

Таковы были права и обязанности воеводъ въ финансовомъ управленіи. Въ наказахъ они опредѣлялись довольно подробно, но кромѣ того воеводамъ предписывалось «о сборѣ Великого Государя казны радѣніе чинить по сему наказу и смотря по тамошнему дѣлу и по своему разсмотрѣнію, какъ бы Великого Государя казнѣ было прибыльнѣе» (6). Въ наказѣ Нер-

(1) Въ 1697 г. Тобольскому воеводѣ велѣно было на постройку церкви давать деньги рабочимъ изъ Тобольскихъ доходовъ «изъ которыхъ будетъ по разсмотрѣнію вашему пристойно» П. С. З. N 1591.

(2) «А учнетъ давать денги въ расходъ безъ государева указу, и государь велитъ тѣ денги доправить на немъ Семенѣ вдвое». Д. къ А. И. т. 3-й N 18; также т. 4-й N 137; А. И. т. 5 N 240; П. С. З N 1579.

(3) П. С. З. № 66.

(4) А. И. т. 3-й, № 285: П. С. З. № 1579.

(5) Нижегородскому воеводѣ велѣно было въ 1663 г. присылать въ Москву доходы «по часту рублевъ по 1000, по 2, по 3, по 5 и больши на срокъ на Рождество Христово.» Доп. къ А, И 4-й № 134,

(6) П. С. З. N 1585.

чинскому воеводѣ 1701 года сказано: «Буде чего и сверхъ тѣхъ статей какую прибыль можно учинить не въ тягость народамъ Русскому и иноземскимъ, и ему о томъ, посовѣтовавъ гораздо съ лучшими и старыми Нерчинскими старожилы, то учинить, и о томъ къ Великому Государю къ Москвѣ писать подлинно» (1). Верхотурскому же въ 1697 году: «а буде чего сверхъ тѣхъ статей какую прибыль можно учинить не въ тягость Русскому и иноземскому народу, и вы бъ о томъ посовѣтовавъ съ лучшими и старыми Верхотурскими старожилы учинили, и о томъ къ намъ Великому Государю къ Москвѣ въ Сибирскій приказъ писали подлинно; а буде которые прибыли явятся къ тягости тамошнимъ людемъ и тѣхъ дѣлъ не описався къ намъ Великому Государю, не вчиналъ» (2). Впрочемъ это постановленія позднѣйшаго времени, прежде же просто предписывалось «во всемъ государеву дѣлу прибыли искати, какъ бы государеву дѣлу было лучше и прибылнѣе» (3).

Къ вѣдомству воеводъ принадлежали всѣ предметы областнаго управленія. Это былъ центръ, къ которому стекались всѣ дѣла военныя, судебныя, полицейскія и финансовыя; въ послѣдней четверти XVII-го вѣка они во всѣхъ отрасляхъ управленія имѣли право надзора и распоряженія. Отъ другихъ областныхъ властей—земскихъ, таможенныхъ и губныхъ они отличались не предметами вѣдомства, ибо воеводы завѣдывали точно также губными, таможенными и общинными дѣлами, а только способомъ управленія. Воево-

(1) П. С. З. № 1835.
(2) А. И. т. 5-й, № 262.
(3) А. П. т. 3-й, № 110.

да назначался правительствомъ, прочіе же были выборные, и на этомъ основаны были совершенно различныя системы управленія. Но какъ тѣ, такъ и другіе соединяли въ своихъ рукахъ самыя разнородныя дѣла: губные старосты были вмѣстѣ съ тѣмъ и приказными людьми и управляли иногда всѣмъ уѣздомъ; земскіе старосты управляли и судебными и полицейскими и финансовыми дѣлами; на таможенныхъ головъ возлагались также самыя разнородныя обязанности. Поэтому нельзя смотрѣть на самостоятельность губнаго управленія, какъ на отдѣленіе судебной части отъ административной, и на присоединеніе губныхъ дѣлъ къ вѣдомству воеводъ, какъ на послѣдующее ихъ смѣшеніе. Это было только перенесеніе извѣстнаго рода дѣлъ отъ выборныхъ начальниковъ къ правительственнымъ властямъ; понятія же о раздѣленіи вѣдомства тогда еще вовсе не было. Оно является уже при болѣе развитомъ управленіи, вмѣстѣ съ потребностью дать самостоятельное устройство каждой части и уничтожить злоупотребленія, которыя неизбѣжны при сосредоточеніи всѣхъ властей въ однѣхъ рукахъ. У насъ раздѣленіе управленія послѣ неудачной попытки Петра Великаго, который впрочемъ окончательно отдѣлилъ военную власть отъ гражданской, было осуществлено уже Екатериною II-ю. Въ Московскомъ же государствѣ, какъ во всякомъ государствѣ недавно возникшемъ и едва начинающемъ организоваться, господствовала нераздѣльность вѣдомства. Такое государство не заботится о самостоятельномъ устройствѣ частей, а имѣетъ только въ виду общее устройство управленія; оно ищетъ силы, ищетъ орудія, которое могло бы наилучшимъ образомъ приводить въ дѣйствіе прави-

тельственныя распоряженія. Кромѣ того, при отсутствіи сильной центральной власти, при недостаткѣ административныхъ средствъ, необходимо централизировать управленіе въ областяхъ, соединивши всѣ отрасли въ однѣхъ рукахъ; это одно можетъ дать ему достаточную силу. Раздѣленіе управленія неминуемо ведетъ къ общей централизаціи; раздробленное въ частяхъ должно быть строго и формально подчинено единому центру. Но централизація возможна только при чрезвычайно правильномъ и развитомъ устройствѣ управленія; теченіе дѣлъ должно точно и безпрепятственно идти отъ центра къ окружности и наоборотъ. Въ возникающемъ государствѣ, которое содержитъ въ себѣ разнородныя и разнохарактерныя учрежденія, централизація невозможна; поэтому тамъ должна существовать нераздѣльность вѣдомства въ областномъ управленіи. Это періодъ, за которымъ слѣдуетъ раздѣленіе вѣдомства и наконецъ централизація.

Но въ Московскомъ государствѣ не было не только раздѣленія вѣдомства, но и строгаго его опредѣленія и разграниченія. Многія дѣла поручались воеводамъ только временно, другія имѣли мѣстное значеніе; различное устройство нѣкоторыхъ отраслей управленія, напримѣръ ямскихъ дѣлъ, условливало различное участіе воеводъ въ ихъ администраціи. Одни и тѣже предметы часто относились къ вѣдомству различныхъ правителей, безъ точнаго разграниченія властей вслѣдствіе чего происходили между лицами столкновенія, и дѣйствовали они случайно, безъ всякихъ установленныхъ правилъ. Къ этому смѣшенію присоединялось еще то, что властьбыла иногда въ рукахъ однихъ лицъ, тогда какъ отвѣтственность лежала на другихъ. Всеэто должнобыло

произвести чрезвычайно запутанную организацію управленія: не было общихъ, повсемѣстныхъ административныхъ нормъ; даже когда установлялись нѣкоторыя общія правила, они подвергались безпрестаннымъ исключеніямъ. Каждая область, каждая мѣстность имѣла свой порядокъ, который установлялся случайными обстоятельствами, благоусмотрѣніемъ воеводъ, частными распоряженіями правительства, вызываемыми частными жалобами и частными потребностями жителей. Только въ концѣ XVII вѣка приняты были нѣкоторыя финансовыя мѣры, которыя имѣли цѣлью разграничить власти и ввести болѣе правильности въ областное управленіе. Это былъ первый шагъ ко введенію систематическаго порядка, основаннаго на государственныхъ потребностяхъ, но шагъ далеко недостаточный. Для уничтоженія того хаотическаго состоянія, въ которомъ находилось управленіе, нужно было коренное преобразованіе, и это было совершено уже Петромъ Великимъ.

Такое же отсутствіе общихъ соображеній видно и въ опредѣленіи степени власти воеводъ. Въ централизованномъ государствѣ строго опредѣляется и ограничивается власть областныхъ правителей, и полагаются точныя и однообразныя правила для ихъ отношеній къ центральной власти; ничего подобнаго не было въ Московскомъ государствѣ. Мы видѣли, какъ различна была власть воеводъ; каждый предметъ вѣдомства подвергался разнообразнымъ постановленіямъ, и не было почти ни одного, въ которомъ бы видно было какое нибудь общее правило, не было ни одного общаго правила, которое бы не подвергалось многочисленнымъ исключеніямъ. Все опредѣлялось частными, часто слу-

чайными обстоятельствами, которыя измѣняли даже власть воеводъ одного и тогоже города. Псковскіе воеводы напр. въ помѣстныхъ дѣлахъ были въ 1666 году сравнены съ Новгородскими, потомъ права ихъ были ограничены, потомъ они опять были уравнены. Каждый наказъ опредѣлялъ, и то не совсѣмъ точнымъ образомъ, власть отдѣльныхъ воеводъ для каждаго рода дѣлъ, и это рѣшалось всегда временными удобствами, безъ общихъ плановъ и соображеній, безъ всякаго сравненія съ другими городами. Выше было замѣчено, что города слѣдовали другъ за другомъ въ извѣстномъ іерархическомъ порядкѣ, но это былъ порядокъ чести, власть же воеводъ не слѣдовала точной градаціи. Можно замѣтить въ ней скорѣе отдѣльныя категоріи, подъ которыя подводились права воеводъ. Такимъ образомъ власть воеводъ, при которыхъ не было ни дьяковъ, ни подъячихъ, была менѣе значительна нежели власть тѣхъ, при которыхъ были дьяки и подъячіе. Изъ послѣднихъ бо̀льшею властью пользовались воеводы главныхъ Русскихъ и Сибирскихъ городовъ— Новгорода, Пскова, Казани, Астрахани, Смоленска, Полоцка, Тобольска, Томска, которые составляли какъ бы отдѣльные центры управленія: къ нимъ приписывались пригороды, они имѣли свои разряды, нѣкоторые имѣли свои денежные дворы; воеводамъ ихъ вообще предоставлялось болѣе правъ. Но во всемъ этомъ не было ничего точнаго, и власть воеводъ этихъ городовъ не только различалась отъ власти воеводъ той же категоріи, но нерѣдко была ниже власти воеводъ меньшихъ городовъ. Такъ напримѣръ права Псковскихъ воеводъ въ поправкѣ городовыхъ укрѣпленій были менѣе правъ не только Астраханскихъ воеводъ, но даже и

Кузнецкихъ, хотя Кузнецкъ былъ только пригородомъ. Въ Уложеніи ограничена была судебная власть тѣхъ воеводъ, при которыхъ не было ни дьяковъ, ни подъячихъ, но города, подвѣдомственные Казанскому приказу, сравнены были съ тѣми городами, въ которыхъ были воеводы съ дьяками.

Къ этому разнообразію власти присоединялась ея неопредѣленность. Воеводѣ давался наказъ, но ему дозволялось отступать отъ него, если онъ оказывался неудобнымъ; ему предписывалось поступать «какъ пригоже, посвоему разсмотрѣнію и крайнему разумѣнію, какъ Богъ вразумитъ,» и предоставлялось принимать всѣ мѣры, которыя могли вести къ приращенію казны. Поэтому воеводы пользовались такими правами, которыя въ развитомъ государствѣ могутъ принадлежать только центральной власти: они вводили новые откупа, установляли новые способы управленія; князь Сулешевъ установилъ новый порядокъ въ выдачѣ жалованья, князь Голицынъ—новый порядокъ сбора ясака; Астраханскому воеводѣ предоставлено было ввести по усмотрѣнію казенную монополію или не вводить. Только въ производствѣ расходовъ воеводы всегда подвергались строгимъ ограниченіямъ. Самыя сношенія съ центральною властью были часто чрезвычайно неопредѣленны: воеводамъ предписывалось вообще «писать обо всемъ почасту» или писать «о великихъ дѣлахъ», или «о дѣлахъ, которыхъ за чѣмъ вершить будетъ немочно» (1), безъ означенія самыхъ дѣлъ. Съ другой стороны тѣ дѣла, которыя собственно при-

(1) А. И. т. 3-й N 116, 135, т. 4-й N 40; Доп. къ А. И. т. 4-й N 134; П. С. З. N 1670.

надлежали вѣдомству областныхъ правителей, нерѣдко производились въ центральныхъ учрежденіяхъ. Такъ напр. казенные доходы отдавались на откупъ и воеводами и приказами, смотря по тому, къ кому адресовался проситель; челобитья подавались часто въ приказы въ первой инстанціи, и только при Петрѣ Великомъ предписано было строго соблюдать іерархическій порядокъ. Вообще не было точнаго понятія о различіи центральной власти отъ областной; вѣдомства ихъ смѣшивались, вслѣдствіе чего тѣ приказы, которые были центральными учрежденіями для всей Россіи, были вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстными учрежденіями для Москвы.

Самое подчиненіе областныхъ правителей Московскимъ приказамъ было чрезвычайно запутано: нѣкоторые приказы, какъ-то: Разрядъ, Новгородская, Галицкая, Костромская и Устюжская чети, приказъ Казанскаго дворца, Сибирскій приказъ, завѣдывали отдѣльными областями, такъ что изъ нихъ отпускались воеводы, давались имъ наказы, посылались грамоты, и вообще въ нихъ сосредоточивалась большая часть дѣлъ этихъ областей (1). Другіе приказы, напримѣръ посольскій завѣдывали отдѣльными городами (2). Но рядомъ съ этими были приказы, которые для извѣстнаго рода дѣлъ были центральными мѣстами для всей Россіи, такъ что ихъ вѣдомство смѣшивалось съ вѣдом-

---

(1) Подчиненіе городовъ областнымъ приказамъ нерѣдко измѣнялось: такъ напр. Ярославль до 1680 г. былъ въ вѣдомствѣ Разряда; въ этомъ году онъ былъ подчиненъ Костромской чети, въ 1684 году опять Разряду, въ 1687 — опять Костромской чети, въ 1692-мъ опять Разряду. П. С. З. N 1441—2. См. также Доп. къ А. И. т. 5-й N 43.

(2) Котошихинъ гл. VII; А. А. Э. т. 3-й N 14, 170.

ствомъ первыхъ, и воеводы по этимъ дѣламъ подчинялись то тѣмъ, то другимъ. Посольскій приказъ завѣдывалъ иностранными дѣлами, изъ него давались наказы большимъ воеводамъ, которые имѣли въ рукахъ сношенія съ иностранными государствами, въ него посылались ихъ отписки; но иногда предписывалось писать для вѣдома также и въ областной приказъ (1). О вѣстяхъ изъ-за границы предписывалось доносить въ посольскій приказъ и въ Разрядъ (2). Послѣдній вѣдалъ военныя дѣла, и съ нимъ воеводы имѣли сношенія по дѣламъ о высылкѣ на службу ратныхъ людей; но поимка дезертировъ производилась и подъ распоряженіемъ областныхъ приказовъ (3), а сборъ даточныхъ людей поручался каждый разъ особому приказу, иногда временно составляемому приказу Сбора даточныхъ людей. Въ 1661 году приказомъ Сбора даточныхъ людей называлась Костромская четь (4). Иногда же сборъ поручался приказу Большаго дворца, или монастырскому приказу (5), изъ которыхъ посылались грамоты, и въ которыхъ получались отписки. Крѣпости находились въ вѣдомствѣ пушкарскаго приказа; но донесенія о пріемѣ крѣпостныхъ строеній и орудій воеводы посылали иногда только въ тѣ приказы, которымъ подчинялся городъ, иногда тоже и въ пушкарскій приказъ (6). Точно

(1) А. И. т. 3-й N 154.

(2) Доп. къ А. И. т. 3-й N 20; П. С. З. N 1738.

(3) Доп. къ А. И. т. 3-й N 21.

(4) А. А. Э. т. 3-й N 222; т. 4-й N 128.

(5) А. А. Э. т. 3-й N 274, т. 4-й N 82; А. И. т. 4 й N 149; Доп. къ А. И. т. 4-й N 26, 27.

(6) Первое А. И. т. 3-й N 134, 135; Доп. къ А. И. т. 3-й N 20; Второе А. А. Э. т. 4-й N 206; А. И. т. 5-й N 161.

также и отписки о починкѣ городовыхъ укрѣпленій посылались иногда въ областной приказъ, иногда въ одинъ пушкарскій приказъ, откуда получались и грамоты по этимъ дѣламъ (1). Тоже самое имѣло мѣсто относительно вѣдомства самихъ пушкарей (2). Въ стрѣлецкихъ дѣлахъ воеводы подчинялись иногда областному приказу, иногда стрѣлецкому, который вѣдалъ стрѣльцовъ по всей Россіи, иногда наконецъ Разряду (3). По помѣстнымъ дѣламъ грамоты на помѣстья давались иногда изъ помѣстнаго приказа, иногда изъ областнаго (4). Въ губныхъ дѣлахъ воеводы подчинялись иногда разбойному приказу, иногда областному, въ который предписывалось посылать и книги собраннымъ съ преступниковъ пеннымъ и поголовнымъ деньгамъ и самыя деньги, тогда какъ въ другихъ случаяхъ все это отсылалось въ разбойный приказъ (5). Ямскія дѣла всегда завѣдывались областными приказами, но сборъ ямскихъ денегъ по всему государству всегда находился въ вѣдомствѣ ямскаго приказа. Поимка бѣглыхъ и споры о бѣглыхъ крестьянахъ завѣдывались иногда областнымъ приказомъ, иногда помѣстнымъ, иногда пушкарскимъ (6). Постоянныя подати, какъ-то дань и оброки, завѣдывались областными при-

---

(1) Первое Доп. къ А. И. т. 3-й N 20; Второе А. И. т. 4-й N 216.

(2) Доп. къ А. И. т. 2-й N 48.

(3) Первое Доп. къ А. И. т. 3-й N 16; второе А. А. Э. т. 3-й N 34, 199; А. И. т. 5-й N 207, третье Доп. къ А. И. т. 5-й N 18.

(4) А. А. Э. т. 3-й N 91.

(5) Въ Разбойный приказъ А. И. т. 3-й N 116, 150; А. А. Э. т. 4-й N 237,—въ областной А. И. т. 5-й N 33; Доп. къ А. И. т. 3-й N 67.

(6) Первое Доп. къ А. И. т. 3-й N 82, VI; второе т. 4-й N 48; третье т. 3-й N 82, III.—

казами, но сборъ ямскихъ денегъ, а впослѣдствіи ямскихъ и полоняничныхъ, производился по распоряженіямъ ямскаго приказа, а сборъ стрѣлецкихъ денегъ и хлѣба по распоряженіямъ стрѣлецкаго приказа; впрочемъ послѣдній налогъ находился иногда въ вѣдомствѣ областныхъ приказовъ, которые, собравъ деньги, отсылали ихъ въ стрѣлецкій приказъ (1). Сборъ временныхъ податей поручался самымъ различнымъ учрежденіямъ: иногда эти сборы ввѣрялись временно составленнымъ приказамъ изъ бояръ, духовныхъ особъ и дьяковъ (2), иногда приказу Денежнаго сбора, приказу Сбора ратныхъ людей, вѣроятно тоже временному, приказу Большаго дворца, Большаго прихода, Большой казны, даже челобитному и печатному приказамъ (3). Печатныя пошлины отсылались въ печатный приказъ (4). По таможенному и питейному управленію, всѣ отписки и отчеты до 1681-го года посылались въ областные приказы, но въ этомъ году велѣно было этими дѣлами завѣдывать приказу Большой казны; впрочемъ и до того времени предписывалось иногда писать о корчемствѣ въ Новую четь (5). Замѣчательно, что до 1665-го года Вяземская таможня и кружечный дворъ находились въ вѣдомствѣ посольскаго приказа, потому что доходы съ нихъ шли на пріемъ иностранныхъ пословъ; въ этомъ году вѣдомство перенесено было на Устюжскую четь, а въ 1667 году опять возвращено посольскому приказу (6).

(1) А. А. Э. т. 3-й N 131.

(2) А. А. Э. т. N 213, 245.

(3) А. И. т. 3-й N 195, 206, т. 4-й N 93, т. 5-й 23; А. А. Э. т. 3-й N 268, 275, т. 4-й N 137, 293; П. С. З. N 1210, 1221.

(4) Улож. гл. XVIII, ст. 24, 30 — (5) А. И. т. 4-й N 159.

(6) Доп. къ А. И. т. 5-й N 52.

Прочія дѣла большею частью завѣдывались областными приказами, но изъ этого видно, что, подчиняясь то тому, то другому приказу, воеводы часто должны были быть въ затрудненіи. Дѣйствительно, иногда по полученіи грамоты изъ одного приказа, они не хотѣли повиноваться и требовали грамоты изъ другаго. Такъ напримѣръ, въ 1614 году Чердынскій воевода писалъ къ Верхотурскому, что по царской грамотѣ Сыльвинскіе Остяки отписаны отъ Верхотурья къ Перми; но Верхотурскій воевода отвѣчалъ, что «дана имъ государева грамота изъ Нижегородской чети и о томъ Государю и государевымъ бояромъ въ Верху и въ Сибирскомъ приказѣ государевымъ дьякомъ не вѣдомо: дана имъ государева грамота изъ Нижегородской чети, не сослався въ Сибирскомъ приказѣ съ государевы дьяки, потому что ко мнѣ о томъ государевы грамоты нынѣ изъ Сибирского приказу нѣтъ» (1). Въ 1682 году оброчной Черемисѣ Кунгурскаго уѣзда дана была изъ Новгородскаго приказа грамота, по которой они освобождались отъ платежа стрѣлецкихъ денегъ; но воевода не хотѣлъ повиноваться, потому что имъ не дано было грамоты изъ стрѣлецкаго приказа, и уже въ 1685 году пожалована была новая подтвердительная грамота (2). Напротивъ въ 1623 году Двинской воевода не хотѣлъ слушаться монастырской жалованной грамоты и требовалъ послушной грамоты изъ Новгородской четверти (3). У Селижарова монастыря была жалованная грамота изъ приказа Большаго дворца, но когда онъ подчиненъ былъ патріаршему казенному приказу, воеводы не хотѣли слушаться прежней гра-

(1) А. А. Э. т. 3-й N 42. — (2) А. И. т. 5-й N 123. (3) А. И. т. 3-й N 18.

моты, потому что она дана не изъ послѣдняго (1). Иногда запрещалось даже вѣрить жалованнымъ грамотамъ, даннымъ не изъ областнаго приказа (2). Такое разнообразное подчиненіе чрезвычайно запутывало дѣла, и было весьма тягостно для жителей. Въ жалобѣ, поданной царю въ 1665-мъ году Псковичи пишутъ: «и въ разныхъ, государь, приказѣхъ, индѣ ратми, индѣ сборами денежными Псковъ вѣдомъ; а намъ сиротамъ твоимъ отъ разныхъ приказовъ и отъ пятипныхъ денегъ тягость не въ мѣру.... а чтобъ, Великій Государь, въ одномъ приказѣ и рати и доходы денежные и хлѣбные Псковскаго государства по твоему Великого Государя милостивому указу, были и насъ сиротъ твоихъ вѣдали строеньемъ, и Псковскому государству лутче бы показалося и напрасныхъ обидъ и разоренья не было» (3). При Петрѣ Великомъ въ наказѣ 1697-го года Казанскому воеводѣ велѣно было вообще исполнять указы не иначе, какъ получивши на то послушныя грамоты изъ Казанскаго дворца, (4); исключеніе составлялъ одинъ преображенскій приказъ, который, завѣдывая государственными преступленіями, имѣлъ право прямо посылать указы къ воеводамъ.

Такимъ образомъ отношенія воеводъ къ центральнымъ учрежденіямъ были чрезвычайно запутанны; не болѣе опредѣленны были и отношенія ихъ къ другимъ воеводамъ. Нормальнымъ положеніемъ должно быть то, что власть каждаго правителя распространяется на

---

(1) А. А. Э. т. 3 й N 178.

(2) Доп. къ А. И. т. 3-й стр. 191.

(3) Доп. къ А. И. т. 5-й N 1 стр 10.

(4) П. С. З. N 1579.

подвѣдомственный ему округъ и по всѣмъ дѣламъ, производимымъ къ другомъ округѣ, каждый адресуется къ правителю послѣдняго. Но въ Московскомъ государствѣ это правило не всегда соблюдалось. Такъ напримѣръ, для поимки бѣглыхъ въ другихъ уѣздахъ воеводы писали иногда къ воеводамъ тѣхъ городовъ, посылали имъ росписи и знатцевъ, (то есть людей, которымъ бѣглые были извѣстны), и тогда уже тѣ воеводы посылали сыскивать ихъ отъ себя (1); но иногда въ другіе уѣзды посылались воеводами пушкари и посадскіе люди, которые сами производили обыскъ съ разрѣшенія воеводы того уѣзда. Случалось при этомъ, что воеводы другихъ городовъ не хотѣли оказывать никакого содѣйствія, говоря, что у нихъ о томъ нѣтъ указа. (2). За передержательство бѣглыхъ платились пожилыя деньги; казалось бы, что править ихъ долженъ былъ воевода того уѣзда, гдѣ жили передержатели; но 1665-мъ году на Шуянахъ правили деньги Юрьевскій воевода и прикащикъ дворцовыхъ селъ (3). Точно также въ 1616 году присланъ былъ въ Шую Суздальскій губной староста для правежа корма Суздальскимъ стрѣльцамъ и подмоги Суздальскимъ дьякамъ; Шуяне жаловались, что имъ этихъ денегъ платить не слѣдуетъ, и царь запретилъ взимать ихъ (4). Въ 1679 году присланы

(1) Доп. къ А. И. т. 3-й N 67. 82.

(2) Доп. къ А. И. т. 3-й N 82: «а въ Старорусской де уѣздъ воевода да подьячей ему Самсонку для сыску ѣхать не велѣли.» «Да ко мнѣ-жъ писали на Олонецъ, изъ городовъ Олонецкого города посадцкіе люди, пушкари и знатцы, которые посланы отъ меня въ городы съ росписями для выводу крестьянъ и бобылей»...

(3) Описаніе Шуи, N 36»....

(4) Тамъ же, N 10.

были подъячій и приставъ изъ Переяславля для отобранія у Шуянъ сказки о поведеніи четырехъ посадскихъ людей (1). Но кромѣ этихъ случайныхъ дѣлъ были нѣкоторыя дѣла, которыя постоянно завѣдывались воеводами другихъ уѣздовъ. Выше было сказано, что губной округъ не всегда совпадалъ съ уѣздомъ, и что воевода одного города завѣдывалъ губными дѣлами въ другомъ городѣ, въ которомъ былъ свой воевода (2). Тоже самое было и въ отношеніи къ повинностямъ; такъ напримѣръ постройка и починка Суздальской крѣпости лежали между прочимъ и на Шуянахъ и Суздальскіе правители присылали въ Шую приставовъ для высылки сошныхъ людей на работу (3).

Запутанность отношеній затрудняла управленіе, неопредѣленность правъ чрезмѣрно увеличивала власть воеводъ; но если съ одной стороны это вело къ злоупотребленіямъ власти, то съ другой стороны воеводы часто не имѣли даже достаточно силы для исполненія законовъ. И въ томъ и въ другомъ равно выражается неустройство тогдашняго управленія. Выше были приведены примѣры того, какъ ничтожны были иногда средства, которыми обладали воеводы, какъ безсильны они были противъ сопротивленія частныхъ лицъ въ исполненіи судебныхъ дѣйствій, въ сборѣ податей и въ отправленіи повинностей. Но болѣе всего неустройство выражается въ томъ, что когда частныя лица оказывали сопротивленіе, воеводы не принимали всѣхъ мѣръ для усмиренія непокорныхъ, а требовали для этого новаго подтвердительнаго указа; въ зазыв-

(1) Описаніе Шуи, N 56.

(2) Тамъ же, N 45, 59, 60.

(3) Тамъ же, N 42.

ныхъ грамотахъ это повторялось до трехъ разъ по самому положенію закона. Такимъ образомъ съ одной стороны неопредѣленность правъ вела къ злоупотребленіямъ, съ другой стороны неопредѣленность обязанностей и частый недостатокъ средствъ для исполненія указовъ вели къ пренебреженію законныхъ постановленій и предписаній высшей власти. Наконецъ къ этому присоединялось еще то, что отсутствіе однообразнаго, точнаго, закономъ опредѣляемаго дѣлопроизводства дѣлало невозможнымъ строгій контроль.

Въ дѣлопроизводствѣ не было ни закономъ установленнаго порядка, ни общихъ письменныхъ формъ для бумагъ и отчетовъ, ни постоянныхъ сроковъ для производства дѣлъ и переписки съ высшими властями. Все опредѣлялось обычаемъ и удобствомъ; немного было законныхъ постановленій, да и тѣ опредѣляли не общій порядокъ, а частные случаи, въ особенности гдѣ дѣло касалось до казеннаго интереса. Бо́льшая противъ прежняго сложность управленія, потребность контроля дѣлали необходимымъ большее и большее введеніе письменности въ дѣлопроизводство; но государство, дѣйствуя отрывочно и частными мѣрами, не сознавая еще общихъ административныхъ правилъ, не могло ввести систематическаго порядка и искать въ неизмѣнныхъ формахъ облегченія надзора и обезпеченія въ исполненіи законовъ. Только въ концѣ XVII-го вѣка начали принимать нѣкоторыя мѣры для введенія бо́льшаго порядка въ дѣлопроизводство, но все это было отрывочно, и только при Петрѣ Великомъ установлена была правильная система.

Дѣло могло начаться вслѣдствіе царскаго указа, по отпискѣ другаго воеводы или правительственнаго лица,

по донесенію подчиненнаго, по челобитной, явкѣ или извѣту частнаго лица, наконецъ по распоряженію самого воеводы.

Царскіе указы писались въ видѣ грамотъ на имя воеводы. Другія должностныя лица, какъ то: губные и земскіе старосты, таможенные головы могли получать и памяти изъ приказовъ. Въ концѣ XVII-го вѣка это сдѣлалось даже общимъ правиломъ; но къ воеводамъ всегда посылались царскія грамоты (1). Эта форма была болѣе почетная, но въ содержаніи не было никакого различія между тѣми и другими, такъ что къ менѣе значительнымъ лицамъ посылались безразлично царскія грамоты и памяти изъ приказовъ. Не было также различія между указомъ и простымъ предписаніемъ или распоряженіемъ; или скорѣе всѣ указы были ничто иное, какъ частныя распоряженія. Даже указы, изданные для повсемѣстнаго исполненія, оставлялись въ Москвѣ, а къ каждому воеводѣ посылалась отдѣльная грамота, въ которой излагался указъ и предписывалось исполненіе (2). Эта частная форма предписаній вела иногда къ большимъ затрудненіямъ: случалось, что къ воеводѣ посылалось предписаніе, которое требовало содѣйствія другихъ воеводъ; послѣдніе же, не получивши грамотъ отъ царя, отговаривались тѣмъ, что у нихъ о томъ указа нѣтъ, и дѣло останавливалось, пока не присылалось особенное предписаніе изъ Москвы. Тоже самое бывало и въ случаѣ противорѣчащихъ распоряженій, что случалось

(1) А. И. т. 5-й N 274, 284.

(2) Въ указахъ часто означалось: «послать грамоты воеводамъ всѣхъ городовъ; см. напр. П. С. З. N 1494, 1527, также А. И. т. 4-й N 29, т. 5-й N 48, 49, 77, А. А. Э. т. 4-й N 250.

также нерѣдко (1). Такой безпорядокъ происходилъ иногда и оттого, что въ Московскихъ приказахъ не было установленныхъ правилъ для отправленія указовъ; такъ напримѣръ въ 1663 году Устюжскому воеводѣ не велѣно было исполнять посланнаго предписанія, потому что грамоту отпустилъ подъячій, не справясь съ приходною книгою и съ прежнимъ отпускомъ (2). Случалось даже, что грамоты вовсе не доходили до тѣхъ, кому онѣ посылались (3). Это было весьма не мудрено, потому что онѣ отправлялись въ города съ кѣмъ попало, иногда съ служилымъ человѣкомъ, а нерѣдко просто съ частнымъ человѣкомъ, который ѣхалъ на мѣсто.

По предъявленіи грамоты въ съѣзжей избѣ означались на ней внизу годъ, мѣсяцъ и число полученія, а также имя подателя. Послѣ того, если грамота оставалась въ съѣзжей избѣ, она включалась въ столбецъ и сохранялась въ томъ столѣ, куда она принадлежала по содержанію, въ чемъ однако же не соблюдалось строгаго порядка (4). Но не всѣ грамоты оставлялись въ съѣзжихъ избахъ; тѣ, которыми предоставлялись какія нибудь права земскимъ людямъ, монастырямъ и частнымъ людямъ, обыкновенно только предъявлялись воеводамъ, которые оставляли у себя копіи, а подлинники возвращали подателямъ для сохраненія

(1) Д. къ А. И. т. 3-й N 82.

(2) А. А. Э. т. 4-й N 146.

(3) Д. къ А. И. т. 4-й N 149.

(4) Доп. къ А. И. т. 4-й N 134, III. Въ помѣстномъ и ямскомъ столѣ сохранялись грамоты о помѣстныхъ и ямскихъ дѣлахъ, въ денежномъ столѣ—переписная книга государевымъ грамотамъ, въ судномъ столѣ переписная книга грамотамъ о всякихъ дѣлахъ. Тамъ же т. 3-й N 27: «грамоту вклеить въ столпъ.»

«впредь для иныхъ воеводъ и приказныхъ людей» (1). Иногда самъ воевода, неизвѣстно на какомъ основаніи, бралъ подлинную грамоту къ себѣ, а въ съѣзжей избѣ оставлялъ только списокъ съ роспискою въ полученіи подлинника (2). Копіи съ указовъ вписывались вѣроятно въ переписныя книги царскимъ указамъ, которыя велись въ приказныхъ избахъ; но кромѣ того въ эти книги вносились тѣ указы, которыми воеводы должны были постоянно руководствоваться. Это видно изъ того, что иногда предписывалось записать указъ въ книгу «впредь для иныхъ воеводъ»; иногда же самъ воевода на полученной грамотѣ помѣчалъ: «записать въ книгу» (3). Такія помѣты дѣлались впрочемъ и на такихъ грамотахъ, которыя содержали въ себѣ только временныя распоряженія; но точнаго и правильнаго порядка здѣсь искать невозможно, потому что вообще его не было въ дѣлопроизводствѣ Московскаго государства.

Въ концѣ XVII-го вѣка встрѣчаются впрочемъ болѣе подробныя постановленія: въ наказѣ 1697-го года (4) Тобольскому воеводѣ велѣно было получаемыя грамоты записывать въ особую книгу съ означеніемъ времени полученія, имени подателя, содержанія самой грамоты и времени исполненія; всякое исполненіе велѣно было непремѣнно отмѣчать на поляхъ. Дьяки должны были почасту спрашивать по этой книгѣ у подъячихъ, за чѣмъ какое дѣло остановилось, чтобы

(1) А. И. т. 5-й N 265; Д. къ А. И. т. 3-й № 89, т. 4-й N 23 и многія другія.

(2) А. И. т. 5-й N 62.

(3) А. И. т. 4-й N 181, т. 5-й N 214, 262, I; Д. къ А. И. т. 4-й N 99, 134, III.

(4) П. С. З. N 1594.

никакое нужное дѣло по прежнему не оставалось въ забвеніи. Грамоты о важныхъ и тайныхъ дѣлахъ первый воевода долженъ былъ держать тайно за своею печатью, чтобы кромѣ его никто объ нихъ не зналъ; обо всѣхъ распоряженіяхъ, сдѣланныхъ по этимъ грамотамъ, онъ долженъ былъ тотчасъ доносить въ Сибирскій приказъ, если же чего вскорѣ исполнить нельзя, то отписать о томъ съ изложеніемъ причины остановки. Нѣкоторыя статьи велѣно было также держать въ приказной палатѣ за воеводскою печатью; списки же съ нихъ всегда должны были находиться на столѣ и служить руководствомъ въ управленіи. Въ этихъ подробныхъ предписаніяхъ видны уже черты Петровскаго времени. Тюменскому воеводѣ велѣно было въ 1699-мъ году (1) присланныя грамоты вклеивать въ столбецъ, закрѣпленный рукою самого воеводы и кромѣ того вписывать ихъ въ тетрадь, которую воевода долженъ былъ постоянно держать на столѣ передъ собою, также закрѣпивъ ее своею подписью.

Не всѣ грамоты писались на имя воеводъ; часто ихъ прямо посылали къ земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ, къ губнымъ старостамъ и таможеннымъ головамъ. Здѣсь не было никакого опредѣленнаго правила; по однимъ и тѣмъ же дѣламъ иногда грамоты прямо посылались къ этимъ лицамъ, а иногда воеводамъ предписывалось сообщить имъ царское повелѣніе или дать имъ извѣстное приказаніе (2). Точно также

---

(1) П. С. З. N 1670.

(2) Царскія грамоты воеводамъ для сообщенія таможеннымъ и кабацкимъ головамъ: А. И. т. 3-й N 210, т. 4-й N 224, т. 5-й N 136; Д. къ А. И. т. 3-й N 118. Памяти воеводъ къ головамъ по царскому указу: А. А. Э. т. 4-й N 90, 139, А. И. т. 5-й N 143. Царскія грамоты

дарованіе льготъ, напримѣръ освобожденіе отъ податей и повинностей по случаю пожара и т. п., совершалось иногда грамотою на имя жителей города или селенія, иногда просто предписаніемъ на имя воеводы (1). Если же нужно было указъ объявить во всеобщее свѣдѣніе, тогда воеводы или сообщали копіи земскимъ начальникамъ, или приказывали читать указъ во всеуслышаніе передъ съѣзжею избою впродолженіи нѣсколькихъ дней, или же наконецъ посылали биричей съ предписаніемъ кликать указъ по площадямъ, по торжкамъ и по селамъ впродолженіи извѣстнаго времени (2). Послѣднее средство употреблялось и для другихъ объявленій, напримѣръ для вызова къ торгамъ и т. п.; письменныхъ объявленій еще не было.

Отписки старшихъ воеводъ, содержавшія въ себѣ царскіе указы, иногда вклеивались въ столбцы и записывались въ книги, иногда же просто вклеивались въ столбцы (3). Не видать, чтобы тоже дѣлалось съ другими поступающими отписками и донесеніями.

Челобитныя подавались въ съѣзжую избу всегда на царское имя; даже по незначительнымъ дѣламъ онѣ никогда не писались на имя воеводы. Въ волостяхъ просьбы подавались иногда въ земскія избы и оттуда отсылались въ приказную избу (4). Прошенія,

---

прямо къ головамъ: Д. къ А. И. т. 3-й N 9, 42, т. 4-й N 22, 149. Царскія грамоты земскимъ старостамъ: А. А. Э. т. 3-й N 121, т. 4-й N 101; А. И. т. 5-й N 20. Памяти воеводъ земскимъ старостамъ по царскому указу: А. А. Э. т. 4-й N 243, 293. Послѣднія грамоты о сборахъ, которые не были въ вѣдомствѣ воеводъ.

(1) А. И. т. 3-й N 83, 102, 159.

(2) Д. къ А. И. т. 3-й N 88; А. А. Э. т. 3-й N 255; А. Ю. N 353.

(3) А. И. т. 4-й N 217, 218.

(4) А. И. т. 5-й N 223.

которыхъ воевода не могъ исполнить, потому ли что встрѣчалъ затрудненія, или потому что это превышало его власть, отсылались воеводою къ царю (1). Но всякій челобитчикъ могъ по желанію подать просьбу прямо въ Московскіе приказы, и это не считалось нарушеніемъ порядка; только при Петрѣ Великомъ строго запрещено было подавать просьбы не по іерархическому порядку. Если дѣло, о которомъ подано было прошеніе въ Москвѣ, касалось до воеводъ, тогда посылалась къ нимъ царская грамота съ предписаніемъ привести въ исполненіе царское рѣшеніе или самимъ рѣшить дѣло по разсмотрѣнію обстоятельствъ (2). Такія предписанія дѣлались иногда прямо по прошенію одной стороны, и тогда другая сторона подавала противоположное прошеніе, когда дѣло слѣдовало уже къ исполненію, или даже было исполнено. Тогда прежнее предписаніе отмѣнялось, или если дѣло требовало разсмотрѣнія, оно начиналось съизнова; въ такомъ случаѣ отъ благоусмотрѣнія царя зависѣло потребовать его въ Москву или предоставить рѣшеніе воеводѣ (3). При этомъ случалось даже, что по первому прошенію давалось рѣшеніе, совершенно несогласное съ учрежденіями; такъ напримѣръ въ 1651 году прикащикъ Бѣлозерскаго рыбнаго двора писалъ къ царю, и съ отпискою прислалъ челобитную выборныхъ цѣловальниковъ, которые просили, чтобы царь велѣлъ взыскать для нихъ подмогу съ помѣщичьихъ и мона-

(1) А. И т. 3-й N 159.

(2) А. И. т. 3-й N 202, 203, 286; т. 4-й N 10; Д. къ А. И. т 2-й N 72.

(3) А. И. т. 5-й N 8; Д. къ А. И. т. 4-й N 137. Послѣдняя грамота есть наказъ Пустозерскому воеводѣ, въ которомъ по жалобѣ Пустозерцевъ отмѣняется предписаніе, данное по прошенію Ижемцевъ.

стырскихъ вотчинъ, отъ которыхъ они были выбраны. Царь на основаніи отписки и челобитной велѣлъ взыскать подмогу; но помѣщики подали на это жалобу, въ которой говорили, что они этихъ цѣловальниковъ никогда не выбирали, что имъ до нихъ дѣла нѣтъ, и что ни въ какомъ уѣздѣ не велѣно имъ давать подмоги, а напротивъ по грамотѣ Михаила Ѳеодоровича запрещено брать подмогу съ тѣхъ, которые не занимаются рыбнымъ промысломъ. Тогда послѣдовало новое рѣшеніе, по которому не велѣно было взыскивать съ нихъ подмоги (1). Изъ этого видно, что собственно правильнаго хода дѣлопроизводства не было: дѣло могло начаться въ томъ или другомъ мѣстѣ по желанію просителя; оно принимало тотъ или другой оборотъ, смотря по случайнымъ обстоятельствамъ; оно начиналось съизнова, когда все уже было кончено, и послѣдовало уже предписаніе исполнить рѣшеніе. Къ этому необходимо вело отсутствіе правильной іерархической организаціи и предоставленіе формъ и порядка дѣлопроизводства обычаю и случайной волѣ лицъ.

Трудно сказать, могло ли дѣло начаться по простой явкѣ, то есть по акту, въ которомъ объявлялось правительству о какомъ нибудь обстоятельствѣ. Предварительная явка была необходима для выемки поличнаго у воровъ и разбойниковъ; она подавалась также для огражденія подателей отъ преслѣдованія, но иногда она заключала въ себѣ жалобу, какъ и самая челобитная. И по формѣ она не отличалась отъ челобитной: часто въ началѣ писалось: «бьетъ челомъ и являетъ»

(1) Д. къ А. И. т. 3-й, N 89.

такой-то; самый актъ иногда назывался явкой, иногда челобитьемъ и явкой, иногда просто челобитьемъ. Но въ челобитьи обиженный просилъ « учинить указъ », въ явкѣ же онъ только просилъ, чтобы царь велѣлъ записать его явку. Притомъ явка могла быть подана и въ съѣзжую избу и въ земскую; случалось даже, что челобитная заявлялась совершенно постороннему лицу; напримѣръ въ 1663 году Ростовскіе жители «били челомъ и заявили» своему архіепископу о притѣсненіяхъ воеводы, вслѣдствіе которыхъ они могли подвергнуться отвѣтственности, и просили его записать ихъ челобитье и явку. Изъ этого можно бы заключить, что явка была только извѣщеніемъ правительства о какомъ нибудь обстоятельствѣ, которымъ проситель ограждалъ себѣ право подать челобитную впослѣдствіи. Но съ другой стороны смѣшеніе формъ, которое доходило до того, что и въ челобитной, гдѣ просили « учинить указъ » употреблялось выраженіе: « бьетъ челомъ и являетъ », препятствуетъ такому заключенію, равно какъ и то, что въ явкахъ иногда заключались такія обстоятельства, которыя могли быть только поводомъ къ жалобѣ, и не требовали предварительнаго заявленія, напримѣръ жалобы на брань и ругательства (1). Изъ такого смѣшенія жалобы съ явкою могло произойти то, что иногда дѣло начиналось по явкѣ, иногда нѣтъ: тѣ явки, которыя подавались только для огражденія извѣстнаго лица отъ отвѣтственности, не могли быть поводомъ къ дѣлу; другія, которыми заявлялось, напримѣръ, объ отнятіи

---

(1) См. челобитныя и явки въ А. Ю. № 31—34. Явка архіепископу А. И. т. 4-й, № 174; также Описаніе Шуи № 40, 45, 46, 47, 49, 50, 51, 54.

разбойниками извѣстныхъ вещей, на извѣстную сумму, или о нанесеніи ранъ, могли служить только обезпеченіемъ для будущаго иска; но невозможно рѣшить, какъ поступали въ томъ случаѣ, когда явка содержала въ себѣ жалобу, а челобитчикъ просилъ только записать свою явку или челобитье въ съѣзжей или земской избѣ. Неизвѣстно также, какимъ образомъ записывались явки. Явка могла быть словесная, и тогда записывалось содержаніе объявленія съ прописаніемъ числа подачи (1); на письменной же явкѣ помѣчались имя подателя и число подачи (2). Вѣроятно также, что она записывалась въ особую книгу; можно даже полагать, что это было введено со временъ Михаила Θеодоровича, ибо только съ этого времени заявляющіе стали просить о запискѣ явокъ, а въ прежнихъ явкахъ просители просто писали: « чтобы тебѣ было вѣдомо ».

Отъ явки отличался извѣтъ, то есть объявленіе о происшествіи, вовсе не касавшемся до лица извѣщающаго. Извѣтъ могъ быть словесный (3) и письменный; послѣдній смѣшивался съ челобитной и назывался иногда извѣтной челобитной, но податели просили только о принятіи и запискѣ ихъ извѣта и челобитной (4). Такъ какъ извѣщали обыкновенно о преступленіи, то извѣтъ всегда могъ служить поводомъ къ начатію дѣла.

Таковы были входящія бумаги. Полученная бумага читалась воеводою съ товарищами, и тогда дѣло при-

(1) А. Ю. № 31, II.
(2) А. Юрид. № 33, 34.
(3) А. Ю. № 30, стр. 79: «противо словеснаго извѣта иноземца»....
(4) Описаніе Шуи, № 54.

нимало различный оборотъ, смотря по тому, было ли оно исполнительное или судебное. Впрочемъ собственнаго различія между тѣмъ и другимъ порядкомъ не было; законъ не опредѣлялъ хода дѣлопроизводства, а удобство и обычай рѣшали, какъ должно поступать въ томъ или другомъ случаѣ. Только порядокъ судопроизводства Московскихъ приказовъ опредѣленъ былъ въ Уложеніи, и служилъ образцемъ для областныхъ правителей. Вообще порядокъ дѣлопроизводства можетъ быть или коллегіальный или бюрократическій или смѣшанный. Въ коллегіальномъ порядкѣ отличается присутствіе отъ канцеляріи; первое постановляетъ приговоръ, вторая исполняетъ бумаги; этотъ порядокъ принадлежитъ преимущественно дѣламъ судебнымъ. Въ бюрократическомъ порядкѣ нѣтъ различія между канцеляріею и присутствіемъ, а есть собственно одна только канцелярія. Приговора здѣсь не постановляется, а дается резолюція, то есть повелѣніе объ исполненіи; поэтому этотъ порядокъ употребляется преимущественно въ дѣлахъ исполнительныхъ. Канцелярія составляетъ іерархію лицъ, которыя всѣ подчинены одному правителю, и изъ которыхъ каждое имѣетъ извѣстную власть въ исполненіи дѣла. Въ смѣшанномъ порядкѣ есть присутствіе и канцелярія; но члены присутствія суть вмѣстѣ начальники канцеляріи, и законъ опредѣляетъ, какія дѣла должны быть рѣшаемы на основаніи ихъ резолюцій и какія должны быть предоставлены приговору присутствія. Въ Московскомъ государствѣ не было сознанія юридическихъ формъ и административнаго порядка, не было поэтому и сознанія различнаго порядка дѣлопроизводства. Въ съѣзжей избѣ сосредоточивались всякаго рода дѣла — и адми-

нистративныя и судебныя; поэтому и порядокъ дѣлопроизводства долженъ былъ быть смѣшанный, и дѣйствительно дьяки были вмѣстѣ товарищами воеводъ и начальниками канцелярій. Но этотъ смѣшанный порядокъ не былъ сознательнымъ соединеніемъ того и другаго хода дѣлъ, а напротивъ совершеннымъ ихъ безразличіемъ. Если не были опредѣлены отношенія членовъ присутствія между собою, то тѣмъ менѣе могла быть опредѣлена власть дьяковъ, какъ членовъ присутствія, и власть ихъ, какъ начальниковъ канцеляріи. Собственно даже и различіе это не существовало сознательнымъ образомъ: были правители и при нихъ писцы; дьяки же, какъ люди грамогные, управляли письмоводствомъ. Иногда они нѣкоторыя дѣла исполняли собственною властью (1), но это было дѣло случая, законъ же не предоставлялъ извѣстнаго рода дѣлъ ихъ собственному рѣшенію. Тамъ же, гдѣ при воеводѣ не было ни дьяковъ, ни подъячихъ съ приписью, тамъ вовсе не существовало различія между присутствіемъ и канцеляріею, а между тѣмъ управленіе было одно и тоже, одинакая была власть, завѣдывались тѣже самыя дѣла и порядокъ дѣлопроизводства былъ тотъ же. Поэтому не могло быть и различія между порядкомъ коллегіальнымъ и бюрократическимъ.

Однакоже самое существо дѣла требовало въ судебныхъ дѣлахъ большей формальности и большей

---

(1) Въ 1663 году дьякъ Новгородскаго дворцоваго приказа Арцыбашевъ, доложивъ воеводѣ, послалъ память къ дьяку приказной избы Углицкому съ требованіемъ прислать списокъ съ сказки, поданной пятиконецкими старостами. Углицкій прислалъ списокъ съ памятью отъ своего имени къ Арцыбашеву. А. А. Э. т. 4-й, № 144.

нимало различный о[illegible] женъ быть основанъ оно исполнител[illegible] зательствахъ. Поэтому наго различі[illegible] составлялся судный список было; зак[illegible] лось содержаніе челобитной, а удобст[illegible] ковъ, содержаніе предъявляе- въ том[illegible] другія доказательства, если прои[illegible] самый приговоръ судьи. Въ въ [illegible] уголовныхъ дѣлахъ такого списка п[illegible] или по крайней мѣрѣ онъ составлялся [illegible] въ изданныхъ актахъ такихъ списковъ [illegible] дѣйствія при слѣдствіи, какъ то: обви- [illegible] просы, обыски и досмотры, сказки посторон- [illegible] пыточныя рѣчи обвиненныхъ, записыва- [illegible] отдѣльно, и потомъ склеивались вмѣстѣ, состав [illegible] такимъ образомъ одно дѣло, въ которое входили [illegible] челобитныя содержимыхъ въ тюрьмѣ, если они про [illegible] о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣла. Иногда къ этому приобщались приговоръ и исполненіе, при чемъ къ [illegible] скѣ объ освобожденіи изъ тюрьмы освобожденный всегда прикладывалъ руку въ видѣ росписки; но иногда формальный приговоръ не постановлялся, а просто записывалось, что по приказанію воеводы такой-то наказанъ или освобожденъ, въ чемъ ясно выражается смѣшеніе судебнаго порядка съ исполнительнымъ. Все дѣло соединенное такимъ образомъ, закрѣплялось по склейкамъ рукою дьяка или самого воеводы, если при немъ не было дьяка (1).

Въ дѣлахъ чисто исполнительныхъ давалась иногда письменная резолюція, которая записывалась на самой поступавшей бумагѣ. Иногда это было простая помѣта

(1) А. Ю. № 27, 28, 30.

нистративныя и судебныя; поэтому и порядокъ дѣлопроизводства долженъ былъ быть смѣшанный, и дѣйствительно дьяки были вмѣстѣ товарищами воеводъ и начальниками канцелярій. Но этотъ смѣшанный порядокъ не былъ сознательнымъ соединенiемъ того и другаго хода дѣлъ, а напротивъ совершеннымъ ихъ безразличiемъ. Если не были опредѣлены отношенiя членовъ присутствiя между собою, то тѣмъ менѣе могла быть опредѣлена власть дьяковъ, какъ членовъ присутствiя, и власть ихъ, какъ начальниковъ канцелярiи. Собственно даже и различiе это не существовало сознательнымъ образомъ: были правители и при нихъ писцы; дьяки же, какъ люди грамотные, управляли письмоводствомъ. Иногда они нѣкоторыя дѣла исполняли собственною властью (1), но это было дѣло случая, законъ же не предоставлялъ извѣстнаго рода дѣлъ ихъ собственному рѣшенiю. Тамъ же, гдѣ при воеводѣ не было ни дьяковъ, ни подъячихъ съ приписью, тамъ вовсе не существовало различiя между присутствiемъ и канцелярiею, а между тѣмъ управленiе было одно и тоже, одинакая была власть, завѣдывались тѣже самыя дѣла и порядокъ дѣлопроизводства былъ тотъ же. Поэтому не могло быть и различiя между порядкомъ коллегiальнымъ и бюрократическимъ.

Однакоже самое существо дѣла требовало въ судебныхъ дѣлахъ большей формальности и большей

---

(1) Въ 1663 году дьякъ Новгородскаго дворцоваго приказа Арцыбашевъ, доложивъ воеводѣ, послалъ память къ дьяку приказной избы Углицкому съ требованiемъ прислать списокъ съ сказки, поданной пятиконецкими старостами. Углицкiй прислалъ списокъ съ памятью отъ своего имени къ Арцыбашеву. А. А. Э. т. 4-й, № 144.

письменности, ибо приговоръ долженъ быть основанъ на разсмотрѣніи дѣла и на доказательствахъ. Поэтому въ гражданскихъ тяжбахъ составлялся судный списокъ, въ которомъ излагалось содержаніе челобитной, потомъ доводы противниковъ, содержаніе предъявляемыхъ ими документовъ, другія доказательства, если они были, и наконецъ самый приговоръ судьи. Въ слѣдственныхъ же и уголовныхъ дѣлахъ такого списка не составлялось, или по крайней мѣрѣ онъ составлялся не всегда, ибо въ изданныхъ актахъ такихъ списковъ нѣтъ. Но всѣ дѣйствія при слѣдствіи, какъ то: обвиненіе, допросы, обыски и досмотры, сказки постороннихъ лицъ, пыточныя рѣчи обвиненныхъ, записывались отдѣльно, и потомъ склеивались вмѣстѣ, составляя такимъ образомъ одно дѣло, въ которое входили и челобитныя содержимыхъ въ тюрьмѣ, если они просили о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣла. Иногда къ этому пріобщались приговоръ и исполненіе, при чемъ къ запискѣ объ освобожденіи изъ тюрьмы освобожденный всегда прикладывалъ руку въ видѣ росписки; но иногда формальный приговоръ не постановлялся, а просто записывалось, что по приказанію воеводы такой-то наказанъ или освобожденъ, въ чемъ ясно выражается смѣшеніе судебнаго порядка съ исполнительнымъ. Все дѣло, соединенное такимъ образомъ, закрѣплялось по склейкамъ рукою дьяка или самого воеводы, если при немъ не было дьяка (1).

Въ дѣлахъ чисто исполнительныхъ давалась иногда письменная резолюція, которая записывалась на самой поступавшей бумагѣ. Иногда это было простая помѣта,

(1) А. Ю. № 27, 28, 30.

которою означалось предписаніе вклеить грамоту въ столбецъ или записать ее въ книгу, иногда же это было приказаніе объ исполненіи. Впрочемъ резолюція не отличалась отъ приговора, и писалась иногда въ видѣ приговора съ формою: «слушали и приказали» (1). Вообще письменныя резолюціи на поступавшихъ бумагахъ встрѣчаются рѣдко; вѣроятно онѣ большею частью были словесныя: воеводы или дьяки приказывали подъячимъ написать бумагу нужную для исполненія и отправляли ее, куда слѣдовало.

Исходящія бумаги были памяти подчиненнымъ, отписки и памяти другимъ воеводамъ и отписки къ государю. Всѣ эти бумаги писались начерно подъячими, сидѣвшими за столами, поправлялись дьяками или воеводами, и потомъ переписывались подъячими набѣло; черновыя отписки оставлялись въ съѣзжей избѣ, бѣловыя же бумаги печатались воеводскою печатью и выдавались или отсылались по принадлежности. Выше было сказано, что печать хранилась въ съѣзжей избѣ, то за печатью всѣхъ правителей, то однихъ воеводъ, то одного перваго воеводы. Но всегда предписывалось воеводамъ печатать всѣ дѣла при товарищахъ и дьякахъ, и запрещалось дѣлать это у себя на дому (2). Только въ наказахъ 1694 и 1700 годовъ Астраханскому воеводѣ позволено было, если онъ по болѣзни или по другой причинѣ не могъ ѣхать въ приказную палату, велѣть товарищу и дьякамъ привезти печать къ

---

(1) А. И. т. 5-й, № 209. Эта резолюція написана на челобитной. Другія резолюціи на царскихъ грамотахъ: А. И. т. 5-й, № 214, 260 II; Д. къ А. И. т. 3-й, № 23, на отпискахъ другихъ воеводъ А. И. т. 4-й, № 217, 218.

(2) А. И т. 3-й, № 154; П. С. З. № 1579, 1593.

себѣ на домъ, и, запечатавъ при нихъ нужныя дѣла, отослать ее съ ними обратно въ приказную палату (1).

Памяти подчиненнымъ выдавались иногда за печатью воеводы, иногда также за приписью дьяка, или за справою подъячаго, который переписывалъ бумагу, или вмѣстѣ за приписью дьяка и за справою подъячаго; постояннаго правила не было (2). Память была предписаніемъ объ исполненіи какого нибудь указа или порученія; въ первомъ случаѣ писалось: « *по государеву цареву указу память такому-то* »; во второмъ просто: *память такому-то*. Память называлась также *наказною памятью*, не только когда служила постоянною инструкціею, но даже когда она относилась и къ отдѣльному порученію. Посланный для извѣстнаго порученія по возвращеніи подавалъ воеводѣ *доѣздъ* или *доѣздную память* объ исполненіи порученія, или же привозилъ требуемую бумагу, какъ то: поручную запись, сказки, обыскъ и т. п. Посланные въ другія мѣста служилые люди, также земскіе и губные старосты присылали воеводамъ отписки.

Между собою воеводы также обыкновенно сносились отписками, но иногда они посылали другъ къ другу и памяти, если сообщали другому царское повелѣніе. Съ указомъ же могли писать только старшіе воеводы къ подчиненнымъ имъ воеводамъ приписныхъ городовъ (3); если же равный воевода писалъ къ другому

(1) П. С. З. № 1792.

(2) Памяти за одною печатью: А. А. Э. т. 4-й, № 43, 45, 72, за приписью дьяковъ: т. 3-й, № 201, 262, 263; за приписью и справою: т. 3-й, № 289, т. 4-й, № 2, 25; за одною справою: т. 3-й, № 90, т. 4-й, № 70.

(3) Доп. къ А. И. т. 4-й, № 138: « А будетъ Тобольского разря-

съ указомъ, это считалось безчестіемъ, и обиженный жаловался царю (1). Писать съ указомъ, кажется, называлось давать предписаніе отъ собственнаго имени въ повелительной формѣ: сдѣлать то и то, ибо воеводы никогда не давали предписаній подъ названіемъ указовъ. Предписанія подчиненнымъ всегда назывались памятями, присылка же памяти отъ другаго воеводы не считалась безчестіемъ. Отписки и памяти другимъ воеводамъ посылались иногда за воеводскою печатью, иногда же за его подписью, а иногда только за приписью дьяка (2).

Для формы отписокъ къ государю также не было постоянныхъ правилъ; отписки часто посылались просто сь приложеніемъ печати, но печать трудно было сохранять, и воеводы, пользуясь этимъ, отказывались впослѣдствіи отъ своихъ отписокъ. Для предупрежденія этого въ 1695 году велѣно было во всѣхъ Сибирскихъ городахъ впредь присылаемыя отписки и всякія дѣла, писанныя въ столбцахъ, закрѣплять по составамъ, писанныя же въ тетрадяхъ по листамъ. Прикладывать руки должны были въ Тобольскѣ дьяки, въ другихъ же городахъ сами воеводы, кромѣ окольничьихъ и другихъ людей, съ которыми находились подъячіе съ приписьми; вмѣсто нихъ должны были подписываться послѣдніе. Кромѣ того велѣно было на отпискахъ писать, котораго числа и съ кѣмъ онѣ посланы (3). Однакоже воеводы не исполняли этого

да воеводы о всякихъ государевыхъ дѣлахъ учнутъ къ нему воеводѣ объ указѣ писать, и ему съ указомъ отъ себя о всякихъ дѣлахъ писать».

(1) А. А. Э. т. 3-й, № 42.

(2) Доп. къ А. И. т. 2-й, № 69, 82.

(3) П. С. З. № 1527.

указа, и въ 1697 году подтверждено было, чтобъ отписки и дѣла закрѣпляли воеводы или же дьяки и подъячіе съ приписьми, тамъ, гдѣ они находились (1). Эти постановленія относились къ подписи и печати, но были и нѣкоторыя другія: въ 1668 году велѣно было Астраханскихъ воеводамъ дѣлать на отпискахъ помѣтки, которая отписка вѣстовая или тайная, и въ какой приказъ она слѣдовала, чтобы прежде распечатанія были извѣстны вѣстовыя отписки и тайныя дѣла (2).

Обыкновенно не назначалось сроковъ для присылки отписокъ, но просто предписывалось писать почасту о всякихъ дѣлахъ. Для небольшихъ дѣлъ запрещалось даже посылать нарочныхъ гонцевъ; воеводы должны были поджидать гонцевъ изъ другихъ городовъ, чтобы не было лишней гоньбы и издержекъ. Для этого же запрещено было давать подводы посадскимъ людямъ, съ которыми посланы будутъ отписки къ царю (3). Но иногда, въ особенныхъ случаяхъ, воеводамъ предписывалось посылать къ царю нарочныхъ гонцевъ въ извѣстные сроки; такъ напримѣръ Астраханскимъ воеводамъ велѣно было вѣсти посылать къ государю по большей мѣрѣ черезъ каждыя шесть недѣль, потому что Астраханское царство далеко и стоитъ между пограничными Мусульманскими государствами (4). Однакоже этотъ указъ не исполнялся: въ 1635 году воеводы четыре мѣсяца не посылали гонцевъ въ Москву, и царь послалъ имъ выговоръ и пред-

(1) А. И. т. 5-й, № 266.
(2) А. И. т. 4 й, № 204.
(3) П. С. З. № 18.
(4) А. И. т. 3-й, № 154.

писаніе тотчасъ написать къ нему, какія есть вѣсти изъ сосѣднихъ странъ (1). Если въ этомъ случаѣ, гдѣ назначены были законные сроки и самая безопасность государства требовала точнаго ихъ соблюденія, воеводы оставляли указы безъ исполненія, то тѣмъ болѣе въ обыкновенныхъ дѣлахъ они могли пренебрегать обязанностью доносить о нихъ царю. И дѣйствительно, въ царскихъ грамотахъ нерѣдко встрѣчаются выговоры за то, что воеводы впродолженіи долгаго времени, иногда цѣлаго года, не только не исполняли царскихъ указовъ, но даже и не отвѣчали на посланныя къ нимъ царскія грамоты (2). Иногда, не смотря на повторенные указы, воеводы оставляли ихъ безъ исполненія; нерѣдко указы просто приходили въ забвеніе, какъ свидѣтельствуетъ приведенный выше наказъ Тобольскому воеводѣ. Тѣмъ болѣе это могло быть съ частными дѣлами: законной очереди дѣлъ не было, точно также какъ не было и законныхъ сроковъ; реестры для означенія хода и положенія дѣла, которое такимъ образомъ всегда находится на виду, были также неизвѣстны; только при Петрѣ Великомъ начали заводить подобныя книги, и то только для означенія исполненія по указамъ. Такимъ образомъ большее или меньшее продолженіе дѣла

---

(1) Д. къ А. И. т 2-й, № 61.

(2) А. И. т. 3-й, № 134: «А какъ по государеву указу посланы на государеву службу въ Астрахань бояринъ и воеводы князь И. Θ. Хаванскій, да Григорій Валуевъ и дьяки, и они съ своего пріѣзду о томъ, что въ Астрахани по острожному мѣсту не додѣлано кирпичемъ, острогъ сдѣланъ ли. и около острогу какіе острожные крѣпости учинены ли, или нѣтъ, не писывали невѣдомо почему». Также А. И. т. 4-й, № 40 стр. 131, т. 5-й, № 20, 51; П. С. З. № 89.

совершенно зависѣло отъ произвола воеводъ. Въ уголовныхъ дѣлахъ предписывалось иногда скорѣйшее рѣшеніе, и воеводамъ угрожалось даже наложеніемъ пени за продолжительное держаніе колодниковъ въ тюрьмѣ. Но предписанія были обыкновенно частныя и неопредѣленныя, которыя не могли вести къ удовлетворительнымъ результатамъ (1). Дѣйствительно встрѣчаются жалобы заключенныхъ на то, что они, сидя въ тюрьмѣ «многое время внапраснѣ помираютъ голодною смертью» (2). Изъ росписи тюремныхъ сидѣльцевъ, сдѣланной при смѣнѣ Нижегородскаго воеводы въ 1663 году, видно, что нѣкоторые сидѣли по шести лѣтъ, другіе по девяти (3).

Во всемъ этомъ видно отсутствіе законныхъ формъ дѣлопроизводства; если такая простота могла иногда вести къ скорѣйшему ходу дѣлъ, то съ другой стороны все здѣсь зависѣло отъ произвола правителей, а это было главное зло, которое слѣдовало искоренить. Тамъ, гдѣ есть бдительный надзоръ и контроль центральной власти, тамъ формы дѣлопроизводства могутъ быть упрощены, и можетъ быть предоставлено болѣе простора личной волѣ правителей и судей, но въ Московскомъ государствѣ этого не было, а напротивъ чувствовалась потребность ограниченія произвола, и уста-

---

(1) Д. къ А. И. т. 4 й, № 94. Въ этой грамотѣ велѣно судныя дѣла прошлыхъ лѣтъ вершеныя и не вершеныя, за которыя пошлинъ не взято, переписать, и роспись прислать въ Москву. За тѣ дѣла, которыя вершены, а пошлинъ не взято, велѣть взять, а которыя не вершены, тѣ вершить тотчасъ и, взявъ за нихъ пошлины, прислать ихъ въ Москву. См. также А. И. т. 5-й, № 55.

(2) А. Ю. № 30, V, VIII. Въ одномъ дѣлѣ встрѣчаются двѣ такихъ жалобы.

(3) Доп. къ А. И. т. 4-й, № 134, III.

новленіе правильнаго дѣлопроизводства могло быть только шагомъ впередъ.

Контроль центральной власти обращенъ былъ преимущественно на финансовыя дѣла; поэтому и отчетность была преимущественно финансовая. Книги, которыя велись въ съѣзжей избѣ, были почти всѣ финансоваго содержанія, хотя и были нѣкоторыя исключенія. Выше было сказано о переписныхъ и записныхъ книгахъ государевымъ грамотамъ и указамъ высшихъ воеводъ и о записной книгѣ поданнымъ явкамъ. Это были единственныя книги, заведенныя собственно для дѣлопроизводства съѣзжей избы. Встрѣчаются еще книги суднымъ вершенымъ и невершенымъ и убійственнымъ и денежныхъ воровъ дѣламъ (1), но онѣ служили не для дѣлопроизводства, а для отчетности, и дѣлались ежегодно для посылки въ Москву, какъ увидимъ ниже. По помѣстнымъ дѣламъ въ съѣзжихъ избахъ велись отказныя и отдѣльныя книги помѣстнымъ землямъ, отмежеваннымъ воеводами по царскимъ указамъ, а въ нѣкоторыхъ и даточныя книги землямъ, розданнымъ самими воеводами (2). Кромѣ того велись именные списки всякимъ служилымъ и жилецкимъ людямъ, а иногда только однимъ служилымъ людямъ (3): въ нѣкоторыхъ же наказахъ предписано было записывать въ книги всѣхъ пришлыхъ людей съ означеніемъ цѣли прибытія и порукъ (4), а въ одномъ наказѣ велѣно было вести книгу всѣмъ выходцамъ и

(1) Д. къ А. И. т. 4-й N 134. III.

(2) Тамъ же, П. С. З. N 89, 601.

(3) А. И. т. 3-й N 116; Доп. къ А. И. т. 3-й N 20.

(4) А. И. т. 3-й N 116. Въ другихъ наказахъ велѣно просто объявлять о пришлыхъ людяхъ въ съѣзжей избѣ, а о записке въ книгу ничего не сказано, напр. Доп. къ А. И. т. 3-й N 63, 67.

плѣнникамъ (1). Остальныя книги были финансовыя: онѣ были окладныя, приходныя и расходныя. Къ окладнымъ принадлежали именные окладные списки служилыхъ людей, ружниковъ и оброчниковъ, съ означеніемъ окладовъ жалованья (2), записныя книги дворовъ и лавочныхъ мѣстъ, съ которыхъ сбирался оброкъ, и оброчныя приходныя книги, въ которыхъ записывались оброчныя статьи, отданныя въ частное содержаніе (3). Приходныя и расходныя книги велись отдѣльно для каждаго сбора и расхода или по крайней мѣрѣ это дѣлалось во многихъ случаяхъ; такъ встрѣчаются книги сбора и расхода ямскихъ денегъ, книги сбора полоняничныхъ денегъ, книги ясачныя, которыя содержали въ себѣ и списокъ ясачныхъ людей, книги приходныя судебныхъ пошлинъ, книги пеней и конфискованныхъ имуществъ, взятыхъ у преступниковъ и у корчемниковъ, книги для записки расходовъ по крѣпостному строенію и т. п.

Кажется, всѣ воеводы посылали ежегодно въ Москву смѣтные списки, содержавшіе въ себѣ финансовый отчетъ; если въ нѣкоторыхъ наказахъ предписывается только дѣлать ихъ ежегодно, безъ повелѣнія присылать ихъ въ Москву, то можно думать, что присылка въ Москву была дѣломъ обычнымъ, о которомъ наказы иногда и не упоминали. Эти списки назывались также *смѣтными и помѣтными* списками или *счетными* (4). Ихъ предписывалось дѣлать *противъ при-*

(1) А. И. т. 5-й N 164.

(2) А. И. т. 3-й N 135; т. 4-й N 209.

(3) Д. къ А. И. т. 4-й N 134, т. 3-й N 20.

(4) Въ наказахъ Сибирскимъ воеводамъ они всегда назывались смѣтными и помѣтными; счетными они названы въ наказѣ Ольшанскому воеводѣ. А. И. т. 5-й N 161.

ходныхъ и расходныхъ книгъ, но они не были простыми копіями, ибо отъ нихъ отличаются списки съ этихъ книгъ; они не были и простыми перечнями, которые также отъ нихъ отличаются (1). Каждый пріемъ и каждая выдача денегъ записывались равно въ приходныя и расходныя книги и въ смѣтные списки; въ тѣхъ и другихъ каждый сборъ и каждая статья расходовъ писались порознь, особыми статьями (2). Слѣдственно можно полагать, что смѣтный списокъ былъ только сводомъ приходныхъ и расходныхъ книгъ, а можетъ быть пріемъ и расходъ денегъ записывались въ немъ въ каждой статьѣ въ извѣстномъ порядкѣ, а не по мѣрѣ поступленія и выдачи. Смѣтные списки раздѣлялись впрочемъ на нѣсколько разрядовъ: были смѣтные списки денежные, хлѣбные и ясачные (3). Они дѣлались ежегодно съ 1-го Сентября до 1-го Сентября, и запрещалось мѣшать годъ съ годомъ, «чтобы денежной смуты не учинить» (4). Срокъ для присылки смѣтныхъ списковъ обыкновенно вовсе не назначался; въ нѣкоторыхъ же наказахъ предписывалось присылать ихъ вскорѣ послѣ Семенова дня (1-го Сентября) и никакъ не позднѣе Ноября, но иногда къ воеводѣ посылалась грамота съ требованіемъ присылки списковъ къ извѣстному сроку (5). Штрафа за неприсылку отчетовъ почти никогда не назначалось; но иногда воеводѣ угрожалось за это пенею, опалою и наказаніемъ (6). Смѣтные списки предписывалось иногда писать

(1) А. А. Э. т. 4-й, N 206; П. С. З. N 1670; А. И. т. 5-й N 240.

(2) Д. къ А. И. т. 3-й, N 20, А. А. Э. т. 4-й, N 248, А. И. т. 3-й N 285, I.

(3) П. С. З. N 1835, п. 12.

(4) Д. къ А. И. т. 4-й, N 134 — наказъ Нижегородскому воеводѣ.

(5) А. А. Э. т. 4-й, N 206; А. И. т. 3-й N 288, т. 5-й N 161.

(6) П. С. З. N 66.

въ книги, а не въ столбцы, и присылать ихъ въ Москву «съ подъячимъ добрымъ, кому бы окладное дѣло было за обычай» (1).

Нѣкоторымъ воеводамъ предписывалось присылать въ Москву и подлинныя приходныя и расходныя книги, но это встрѣчается въ немногихъ наказахъ (2). Сибирскіе воеводы присылали ясачныя книги съ переписью ясачныхъ людей, съ перечнями доходовъ и съ цѣновными росписями полученной рухляди и вещей (3). Нижегородскіе и Псковскіе воеводы присылали ежегодно приходныя книги розданнымъ оброчнымъ статьямъ, Новгородскіе даточныя книги розданнымъ помѣстьямъ (4). Кромѣ того Сибирскіе воеводы присылали именныя окладныя книги служилымъ людямъ, ружникамъ и оброчникамъ, Нижегородскіе воеводы годовую окладную роспись доходамъ, Олонецкіе—росписи ежегодному приходу и расходу таможенныхъ откупныхъ денегъ (5), Ольшанскіе — книги всѣмъ выходцамъ и плѣнникамъ. По части судебной нѣкоторымъ воеводамъ предписывалось присылать ежегодно, и даже два раза въ годъ, роспись вершенымъ и невершенымъ дѣламъ и взятымъ пошлинамъ (6), но это не было общимъ правиломъ, ибо другіе воеводы получали единовременное предписаніе прислать за прошлые года роспись дѣламъ вершенымъ и невершенымъ, притомъ только тѣмъ, за которыя не взято пошлинъ (7). Только въ 1694 году велѣно было въ

(1) А. И. т. 3-й, N 288.
(2) А. А. Э. т. 4-й, N 206; А. И. т. 5-й N 161.
(3) А. И. т. 3-й N 216; П. С. З. N 1542.
(4) Доп. къ А. И. т. 4-й, N 134, т. 3-й N 20.
(5) Доп. къ А. И. т. 3-й, N 67.
(6) А. И. т. 4-й, N 159; П. С. З. N 66.
(7) Доп. къ А. И. т. 4-й, N 94.

приказныхъ избахъ и палатахъ переписать въ книги всѣ судныя, допросныя и приводныя дѣла, которыя вѣдомы въ судномъ приказѣ, съ означеніемъ тѣхъ, съ которыхъ слѣдовало взять пошлины, тѣхъ, съ которыхъ онѣ были взяты и съ которыхъ не взяты, и присылать эти книги въ судный приказъ за подписью воеводъ или за приписью дьяковъ (1). Изъ этого видно, что отчетъ въ судебныхъ дѣлахъ имѣлъ въ виду финансовую цѣль, точно также какъ и предписанія о скорѣйшемъ ихъ рѣшеніи. Въ губныхъ дѣлахъ напротивъ того отчетъ имѣлъ иногда цѣлью и контроль самаго дѣлопроизводства: такъ напримѣръ въ наказѣ 1678 года Арзамасскому воеводѣ велѣно было ежегодно присылать, кромѣ приходныхъ и расходныхъ книгъ, перечневыя росписи наказаннымъ преступникамъ съ означеніемъ вины и количества вершеныхъ дѣлъ (2). Но это единственный примѣръ; обыкновенно донесенія о дѣлахъ дѣлались не въ годовомъ отчетѣ, а въ частныхъ отпискахъ. О присылкѣ же приходныхъ и расходныхъ книгъ въ нѣкоторыхъ наказахъ вовсе не говорится, въ другихъ предписывается присылать ежегодно книги пеннымъ и поголовнымъ деньгамъ и всякимъ неокладнымъ доходамъ (3). Неокладные доходы по существу своему требовали большаго контроля; поэтому въ 1685 году велѣно было всѣмъ воеводамъ присылать ежегодно въ Разрядъ приходныя книги этимъ доходамъ (4). Въ этой общей мѣрѣ

---

(1) П. С. З. N 1494.

(2) А. А. Э. т. 4-й, N 237.

(3) Доп. къ А. И. т. 3-й, N 65, 67.

(4) П. С. З. N 1122. Это повторено въ наказахъ: Ярославскому воеводѣ 1698 П. С. З. N 1630, и Владимірскому 1701 П. С. З. N 1836.

видны черты позднѣйшаго времени; въ началѣ царствованія Петра Великаго сдѣланы были и нѣкоторыя другія нововведенія. Сибирскимъ воеводамъ велѣно было прежде смѣтныхъ списковъ дѣлать перечневыя росписи доходамъ и расходамъ денегъ, пороха, хлѣба и всякихъ запасовъ, и тотчасъ присылать ихъ въ Москву. (1) Причина вѣроятно была та, что смѣтные списки дѣлались очень долго и изъ дальнихъ городовъ иногда не присылались по цѣлымъ годамъ; поэтому правительство требовало немедленно по крайней мѣрѣ краткаго отчета. Подобныя смѣтныя годовыя росписи введены были и въ Русскихъ городахъ; въ нихъ описывалось состояніе города, острога и всѣхъ крѣпостныхъ строеній, количество снарядовъ и запасовъ, имена всѣхъ служилыхъ, жилецкихъ и посадскихъ людей съ означеніемъ чина, вооруженія, помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ, имена подьячихъ съѣзжей избы и площадныхъ съ означеніемъ времени поступленія ихъ на службу, указа, которымъ они опредѣлены, окладовъ и придачъ, наконецъ иногда и неокладныхъ доходовъ (2). Съ этими смѣтными росписями присылались и перечневыя росписи. Ярославскому воеводѣ велѣно было все это присылать въ Сентябрѣ и никакъ не далѣе первыхъ чиселъ Октября; Владимірскому воеводѣ угрожали штрафомъ, если онъ этихъ росписей не пришлетъ въ первыхъ числахъ Сентября, но книги неокладнымъ доходамъ позволено было присылать не далѣе Октября. Кромѣ того нѣкоторымъ Сибирскимъ воеводамъ пред-

(1) А. И. т. 5-й, N 240; П. С З. N 1594. Прежде этого въ наказѣ 1673 г. Бѣлогородскому воеводѣ велѣно было ежегодно присылать перечневую роспись А А. Э. т. 4-й N 200. Впрочемъ это единственный примѣръ.

(2) П. С. З. N 1630, 1838.

писывалось присылать и списки съ приходныхъ и расходныхъ книгъ (1). Но все это были мѣры частныя; общаго порядка не было установлено.

Изъ этого видно, что хотя отчетность была та часть дѣлопроизводства, которая наиболѣе обращала на себя вниманіе правительства, потому что здѣсь преобладалъ казенный интересъ, но и въ ней господствовали тотъ же безпорядокъ, какъ и вездѣ, тоже разнообразіе требованій, тѣже частныя предписанія. Кромѣ того отчетность имѣла почти исключительно финансовую цѣль: о прочихъ дѣлахъ не было постояннаго ежегоднаго отчета, но воеводы дѣлали свои донесенія въ формѣ частныхъ отписокъ, для которыхъ не было назначено сроковъ. Вслѣдствіе этого они о многихъ дѣлахъ могли даже вовсе не писать, и контроль былъ невозможенъ, потому что не было записныхъ книгъ, не было формъ, стѣсняющихъ произволъ. Самые отчеты не всегда присылались исправно: мы видѣли выше въ изложеніи помѣстныхъ дѣлъ, какъ воеводы Новгородскіе впродолженіе многихъ лѣтъ не присылали требуемыхъ ежегодно даточныхъ книгъ, и даже не отвѣчали на требованія. Бѣлгородскій воевода въ концѣ Іюля 1675 года не присылалъ еще отчетовъ, которые онъ долженъ былъ прислать въ прошедшемъ Сентябрѣ (2). Еще скорѣе это могло быть съ воеводами отдаленныхъ городовъ; такъ напримѣръ въ 1701 году изъ Нерчинска не были присланы денежные смѣтные списки съ 1699 года, хлѣбные съ 1694, а ясачные съ 1695-го (3). Изъ многихъ городовъ воеводы вовсе не

---

(1) П. С. З. N 1594, 1670.

(2) А. А. Э. т. 4-й N 206

(3) П. С. З. N 1835, п. 12.

присылали смѣтныхъ списковъ, отговариваясь тѣмъ, что ихъ дѣлать некому, потому что при нихъ нѣтъ ни дьяковъ, ни подъячихъ съ приписьми; вслѣдствіе этого въ 1695 году велѣно было въ Сибирскихъ городахъ быть дьякамъ и подъячимъ тамъ, гдѣ они прежде бывали (1). Единственнымъ средствомъ для усиленія контроля была частая перемѣна воеводъ; новый воевода, принимая на мѣстѣ всѣ дѣла, могъ лучше видѣть состояніе управленія и происшедшіе безпорядки, нежели возможно было усмотрѣть изъ частныхъ отписокъ, на которыя не было никакой повѣрки. Поэтому можно сказать, что главною формою отчетности была отчетность при смѣнѣ воеводъ, тѣмъ болѣе, что она соединялась съ немедленною отвѣтственностью, ибо весь начетъ тотчасъ взыскивался въ виновныхъ. Правительство само это понимало и очень хорошо знало недостатокъ ежегодныхъ отчетовъ, ибо каждый новый воевода считалъ своихъ предшественниковъ по приходнымъ и расходнымъ книгамъ за все время ихъ управленія, не смотря на то, что они уже были сочтены по отчетамъ, присланнымъ въ приказы. Нельзя думать, чтобъ это дѣлалось единственно для повѣрки остатковъ, ибо въ такомъ случаѣ достаточно было взять изъ приказовъ списокъ остатковъ, которые оказывались по ежегоднымъ отчетамъ, и свѣрить съ ними на мѣстѣ наличные остатки денегъ, запасовъ и снарядовъ.

Таковъ былъ порядокъ дѣлопроизводства. Когда образуется государство и каждое правительственное лице и мѣсто дѣлается звеномъ въ общей цѣпи управ-

(3) П. С. З. № 1311.

ленія, тогда необходимымъ образомъ самое теченіе дѣлъ и отношенія между различными мѣстами и лицами, равными, высшими и низшими, становятся дѣломъ общимъ, государственнымъ. Порядокъ дѣлопроизводства не можетъ уже быть предоставленъ обычаю и усмотрѣнію правительственныхъ лицъ, ибо и то и другое слишкомъ разнообразно и неопредѣленно, и не можетъ не произвести запутанности въ управленіи, которое должно быть единообразнымъ. Поэтому законъ опредѣляетъ общія нормы для теченія дѣлъ и дѣлаетъ ихъ обязательными для всѣхъ. Если съ одной стороны это можетъ повести къ осложненію административныхъ формъ, къ болѣе медленному ходу дѣлъ и къ юридическимъ придиркамъ, то съ другой стороны оно служитъ обузданіемъ произволу и дѣлаетъ возможнымъ контроль высшей власти. Но если государственный порядокъ и единство управленія требуютъ установленія правильнаго дѣлопроизводства, то самое законодательство въ этомъ отношеніи идетъ рядомъ съ развитіемъ государственныхъ началъ. Въ дѣлопроизводствѣ Московскаго государства ясно обозначаются черты той переходной эпохи, которая наложила свою печать на все управленіе. И здѣсь видны тоже отсутствіе общихъ нормъ, таже неопредѣленность, тѣже частныя мѣры, тоже разнообразіе, какъ и во всемъ другомъ. Правительство наиболѣе обратило вниманія на финансовую сторону, которая составляла самый существенный интересъ того времени; за тѣмъ шелъ судебный порядокъ, который, развившись въ Московскихъ приказахъ, служилъ образцемъ для областныхъ правителей. Но во всемъ видны большая неопредѣленность, господство частныхъ мѣръ, вездѣ было обшир-

ное поле для частнаго произвола, который еще такъ недавно лежалъ въ основаніи всего общественнаго порядка. Самая финансовая отчетность была въ незавидномъ состояніи, и правительство должно было прибѣгать къ частымъ перемѣнамъ воеводъ, чтобы нѣсколько дополнить недостатокъ контроля со стороны центральной власти.

Понятно, что при такомъ порядкѣ возможны были злоупотребленія всякаго рода. Для предупрежденія ихъ правительство прибѣгало къ различнымъ средствамъ, ограничивая права воеводъ и тѣмъ уменьшая возможность произвольныхъ поступковъ. Первое средство состояло, какъ уже сказано выше, въ кратковременности сроковъ, на которые назначались воеводы; имѣя въ виду скорую смѣну и возможность другаго назначенія, они были нѣсколько осторожнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ. Во вторыхъ, запрещено было опредѣлять воеводъ и приказныхъ людей въ тѣ города, гдѣ у нихъ были помѣстья и вотчины, «чтобъ отъ нихъ жителямъ не было по недружбѣ утѣсненія, а по дружбѣ потачки не было» (1). Въ третьихъ, съ цѣлью ограничить потворство въ 1694 году запрещено было Сибирскимъ воеводамъ возить съ собою въ Сибирь своихъ знакомцевъ, называя ихъ своими людьми, и опредѣлять ихъ къ какимъ бы то ни было дѣламъ, потому что «напередъ сего въ Сибирскихъ городѣхъ отъ воеводскихъ знакомцевъ чинилась нашимъ Великого Государя дѣламъ поруха, а людямъ обиды и тягость». Однакоже воеводы не слушались этого указа, за что Верхотурскій воевода получилъ выговоръ отъ царя (2).

(1) Указъ 1672 г. П. С. З. № 508.

(2) А. И. т. 5-й № 256; П. С. З № 1670.

Другія ограниченія были сдѣланы для облегченія мѣстныхъ жителей. Въ 1620 году изданъ былъ указъ, которымъ запрещалось воеводамъ и приказнымъ людямъ сбирать кормы съ посадовъ и уѣздовъ и заставлять городскихъ и уѣздныхъ жителей дѣлать на нихъ какія бы то ни было издѣлья, пахать ихъ пашни и косить для нихъ сѣно (1). Это повторялось въ нѣкоторыхъ наказахъ; такъ напримѣръ въ наказѣ 1622 года Вяземскому воеводѣ сказано: «а Вяземскимъ никакимъ людемъ для своей корысти обидъ никакихъ и налоговъ не дѣлати, и хлѣба на себя пахати и молотити, и сѣна косити, и лошадемъ корму не имати, и вина курити, и дровъ сѣчь и всякого издѣлья дѣлати не велѣти, и съ посаду и съ уѣзду кормовъ и питья и за кормъ и за питье денегъ не имати и тѣсноты никоторыя Вяземскимъ людемъ не дѣлати, чтобъ на нихъ въ обидахъ и ни въ какихъ насильствахъ челобитчиковъ государю не было» (2). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ впрочемъ продолжали взиматься съ жителей доходы въ пользу воеводъ: такъ напримѣръ въ челобитной крестьянъ Вѣницкаго погоста 1676 года находимъ, что послѣ 1629 года въ Оштинскомъ стану были воеводы, которые впослѣдствіи были уничтожены, и тогда за *воеводскіе доходы* наложенъ былъ на жителей оброкъ; когда же потомъ вновь были назначены воеводы въ Олонецъ, крестьяне жаловались царю, что съ нихъ продолжали взимать этотъ оброкъ, между тѣмъ какъ они платятъ воеводѣ и дьякамъ расходнаго хлѣба по двѣ четверти ржи съ каждой выти и столько же овса, да кромѣ того по 10 рублей съ выти на Олонецкія

(1) А. А. Э. т. 3-й № 115.

(2) А. И. т. 3 й № 116 См. также т. № 159, т. 5-й № 208.

издержки, да по 23 алтына по 2 денги съ выти на расходы съѣзжей избы» (1). Можетъ быть, всѣ эти сборы считались воеводскими доходами, но расходный хлѣбъ воеводамъ и дьякамъ было собственно остаткомъ прежнихъ кормовъ. Что кормы были еще довольно употребительны, видно изъ указа 1679 года (2), которымъ отмѣнены горододѣльцы, сыщики, губные старосты, ямскіе прикащики, осадные, пушкарскіе, засѣчные и житничные головы и присылаемые изъ Москвы сборщики; всѣ ихъ дѣла велѣно было вѣдать однимъ воеводамъ, «чтобы впредь градскимъ и уѣзднымъ людямъ въ кормахъ лишней тягости не было». Въ Московскомъ государствѣ никогда не дѣлалось радикальныхъ преобразованій; при совершенно измѣнившихся учрежденіяхъ оставались слѣды прежняго быта. Но въ средніе вѣка кормы были главною цѣлью управленія, а въ настоящее время на первомъ планѣ была цѣль правительственная, кормы же были однимъ изъ случайныхъ, второстепенныхъ доходовъ правителей, доходъ, который существовалъ въ одной мѣстности и запрещался въ другой. Иногда жители выпрашивали себѣ царскія грамоты, которыми запрещалось воеводамъ брать съ нихъ кормы (3). Иногда же на прокормъ воеводамъ отдавались нѣкоторыя казенныя селенія (4); это было особенная форма казеннаго жалованья.

---

(1) А. И. т. 5-й, № 13.

(2) П. С. З. № 779.

(3) А. И. т. 5-й № 16: «воеводамъ и подъячимъ мѣсячныхъ кормовъ, и дровъ и сѣна и посуды всякіе и денниковъ себѣ имать.... не велѣно».

(4) П. С. З. № 223.

Особенною мѣрою для избавленія жителей отъ лишнихъ тягостей было ограниченіе мѣстопребыванія воеводы. Такъ напримѣръ Пустозерскіе воеводы жили зимою въ Пустозерскомъ острогѣ, а впродолженіи лѣта до осени въ Ижемской слободѣ, находившейся на 500-верстномъ разстояніи отъ острога. По челобитью Ижемцевъ и Устьцылемцевъ воеводамъ запрещено было ѣздить въ Ижемскую слободу, а велѣно было вѣдать ихъ и судить въ Пустозерскомъ острогѣ. Но Пустозерскіе жители жаловались царю, что вслѣдствіе этого запрещенія они должны давать лишнія подводы для посылокъ, и разстояніе такъ далеко, что они совершенно разоряются. Велѣно было воеводамъ ѣздить по прежнему въ Ижемскую слободу (1). Другой примѣръ встрѣчается въ наказѣ 1691 года Корсуновскому воеводѣ; ему запрещено было ѣздить въ слободы, построенныя около Малаго Корсунова и Сокольскаго острога и посылать туда дѣтей, племянниковъ и людей своихъ, подъячихъ, приставовъ и какихъ бы то ни было лицъ для своихъ сборовъ (2). Впрочемъ такіе примѣры рѣдки; кажется, въ изданныхъ актахъ ихъ не болѣе двухъ.

Если вообще отмѣнялись законные поборы, то тѣмъ болѣе не дозволялось лихоимство. Воеводамъ запрещалось брать *посулы* и *поминки* (3); однакоже это было довольно неопредѣленно, ибо позволялось брать дары, приносимые въ почесть, данное же въ почесть не отличалось отъ поминковъ (4). Воеводскіе поминки составляли даже

---

(1) Доп. къ А. И. т. 4-й № 137.

(2) А. И. т. 5-й № 208.

(3) Между прочимъ А. А. Э. т. 3-й № 115.

(4) П. С. З. № 1542. Здѣсь велѣно рухлядь, данную ясачными людьми сборщикамъ *въ почесть въ поминкахъ*, оцѣнивъ, отбирать въ

постоянную часть казеннаго ясачнаго сбора; вѣроятно казна вознаграждала воеводъ деньгами.

Болѣе дѣйствительною мѣрою было запрещеніе входить въ обязательства съ кѣмъ бы то ни было; воеводамъ постоянно запрещалось давать въ займы деньги, вино и запасы, брать заемныя и служилыя кабалы и всякіе крѣпостные акты. Это запрещеніе распространялось на дѣтей ихъ, братьевъ, племянниковъ и людей, ибо иначе они легко могли бы совершать акты на чужое имя (1). Запрещалось имъ также покупать ясырей, то есть мусульманскихъ невольниковъ, ясачныхъ людей и плѣнниковъ (2). Вообще относительно покупки товаровъ воеводы подвергались многимъ ограниченіямъ: они не могли совершать покупки иначе, какъ на гостиномъ дворѣ или на торгу; запрещалось покупать что бы то ни было на дому или въ ясачныхъ волостяхъ; а иногда предписывалось покупать не иначе, какъ заявивъ въ таможенной избѣ и заплатя пошлины (3). Въ 1620 году всѣмъ воеводамъ и приказнымъ людямъ запрещено было покупать лошадей, платье и товары, за исключеніемъ съѣстныхъ припасовъ (4); но въ наказахъ это запрещеніе не повторяется, и встрѣчаются только частныя ограни-

---

казну, чтобы послѣ заплатить за нее деньгами. Тоже велѣно было дѣлать съ воеводскими поминками, о которыхъ см. также А. И. т. 3 й № 193, т. 5-й № 240. О дозволеніи брать дары въ почесть см. въ особенности грамоту въ П. С. З. № 1837, приведенную ниже.

(1) Улож. гл. XX. ст. 58; А. И. т. 4-й № 209; Д. къ А. И. т. 3-й № 83; П. С. З. № 1579.

(2) П. С. З. N 1585, 1594, 1792.

(3) А. И. т. 3-й N 134, т. 4-й, № 209; Д. къ А. И. т. 3-й N 83; П. С. З. N 1792, 1835.

(4) А. А. Э. т. 3-й N 115.

ченія правъ. Такъ напримѣръ Астраханскимъ воеводамъ запрещалось покупать лошадей для отсылки въ свои вотчины, потому что лошади покупались на царскую конюшню, и они легко могли выбрать себѣ лучшихъ. Однако въ 1650 году это было разрѣшено, но Сибирскимъ воеводамъ постоянно запрещалась покупка лошадей для отсылки въ Россію (1). Воеводамъ запрещалось также покупать хлѣбъ у ружниковъ, оброчниковъ и служилыхъ людей, чтобы при выдачѣ жалованья они не могли удержать себѣ части. Сибирскіе же воеводы вообще не могли покупать хлѣбныхъ запасовъ сверхъ извѣстнаго законнаго количества, которое по наказу 1697 года Тобольскому воеводѣ простиралось до четырехъ четвертей ржи, овса и пшеницы въ годъ на каждаго находящагося при нихъ человѣка (2). Это запрещеніе распространялось впрочемъ на всѣхъ служилыхъ людей и сдѣлано было для того, чтобы не слишкомъ вздорожалъ хлѣбъ, котораго въ Сибирскихъ ородахъ было мало. Мягкую рухлядь нѣкоторымъ воеводамъ совершенно запрещено было покупать (3), другимъ дозволялось покупать шубы двѣ или три красныхъ лисьихъ, песцовыхъ, бѣличьихъ и другихъ, но не собolиныхъ и не лисьихъ черныхъ, чернобурыхъ и бурыхъ (4). Для обратнаго отъѣзда въ Россію такая покупка дозволялась всѣмъ (5). Эти запрещенія имѣли впрочемъ въ виду преимуще-

(1) А. И. т. 3-й N 154, П. С. З. № 1792, 1593, 1594.

(2) А. И. т. 3-й, № 135, 154 стр. 266, т. 4-й № 214; П. С З. № 1542, 1594; Д. къ А. И. т. 4-й № 138.

(3) А. И. т. 4-й, № 209; Д. къ А. И. т. 3-й, № 83; П. С. З. № 1542, 1835.

(4) П. С. З. № 1594 наказъ Тобольскому воеводѣ.

(5) А. И. т. 3-й, № 184; П. С. З. № 1595 п. 13.

ственно казенный интересъ, ибо воевода могъ нажиться, какъ на счетъ жителей, такъ и на счетъ казны. Въ особенности этого можно было опасаться въ Сибири, гдѣ отдаленность края предоставляла имъ болѣе свободы, и гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ они легко могли присвоить себѣ дорогіе мѣха, составлявшіе принадлежность казны. Съ тою же цѣлью охраненія казеннаго интереса запрещено было торговать Сибирскимъ воеводамъ, ихъ дѣтямъ, братьямъ, племянникамъ и людямъ, не только собственнымъ именемъ, но и складываясь въ торговлю съ другими и отдавая товары на продажу купцамъ (1). Послѣднимъ подъ страхомъ жестокаго наказанія и конфискаціи всего имущества, а иногда даже смерти, запрещалось брать у воеводъ товары и давать имъ на себя крѣпости (2). Однакожъ это не помогало, и въ 1696 и 1701 годахъ торгъ соболями и черными лисицами обращенъ былъ въ монополію казны, потому что воеводы посылали мѣха для продажи въ Москву, въ Китай и въ другія мѣста съ купцами и съ своими людьми, и тѣмъ обогащались, а между тѣмъ писали къ государю, что промыслы у инородцевъ были худы, что многіе померли и разбѣжались, и ясака взять не на комъ (3).

Но эти ограниченія не были единственными средствами противъ неправильныхъ прибытковъ; относительно Сибирскихъ воеводъ принимались гораздо сильнѣйшія мѣры. Каждый отправляемый въ Сибирь воевода имѣлъ право везти съ собою извѣстное количе-

(1) А. И. т. 3 й, 135, т. 4-й, № 209; Д. къ А. И. т. 3-й, № 83; П. С. З. № 1542, 1670 (7139 г. ошибкой 7119), 1835.

(2) А. И. т. 3-й № 184, Д. къ А. И. т. 3-й № 9.

(3) П. С. З. № 1594.

ство вещей, запасовъ, людей и денегъ. При отъѣздѣ они подавали въ Сибирскій приказъ роспись вина, мягкой рухляди и запасовъ, которые они брали съ собою. Все это записывалось въ выдаваемыхъ имъ проѣзжихъ грамотахъ, самая же роспись отсылалась на Верхотурскую заставу къ таможенному головѣ, а впослѣдствіи къ Верхотурскому воеводѣ, и при проѣздѣ воеводъ въ Сибирь осматривалось ихъ имущество по этой росписи, и все лишнее отбиралось въ казну. Остальное ихъ имущество, за исключеніемъ вина, запасовъ и рухляди, осматривалось и переписывалось на заставѣ; одна роспись оставлялась въ Верхотурьѣ, а другая присылалась въ Сибирскій приказъ. При обратномъ проѣздѣ въ Россію послѣ смѣны, воеводы могли везти съ собою не болѣе того, что было написано въ росписяхъ; денегъ позволено было везти Тобольскому и Томскому большимъ воеводамъ по 500 рублей, товарищамъ же ихъ, а также дьякамъ и воеводамъ другихъ городовъ по 300 рублей. Остальное все считалось неправильнымъ прибыткомъ и отбиралось въ казну. Чтобъ обойдти этотъ законъ, воеводы съѣзжались у Верхотурской заставы, ссужали другъ друга имуществомъ для осмотра и записывали гораздо болѣе, нежели сколько они дѣйствительно везли; такимъ образомъ при обратномъ проѣздѣ они могли пріобрѣтенное въ Сибири выдавать за вывезенное изъ Москвы. Для предупрежденія подобныхъ злоупотребленій въ 1697 году велѣно было при осмотрѣ тотчасъ запечатывать имущество и распечатывать его по проѣздѣ заставы (1). Еще болѣе строгія мѣры принимались

(1) Все это см. въ А. И. т. 4-й N 197; т. 5-й N 30, 31; П. С. З. N 1593 и 13.

при обратномъ проѣздѣ воеводъ и товарищей ихъ изъ Сибири для предупрежденія всякой утайки. Иногда осмотръ совершался въ самомъ городѣ, откуда они отправлялись, новымъ воеводою и таможеннымъ головою; въ 1653 году велѣно было Якутскому воеводѣ и дьяку осмотрѣть имущество предшественниковъ, и оставивъ у воеводы пожитковъ на 1000 рублей, а у дьяка на 600, остальное отобрать въ казну (1). Но большею частью осмотръ при обратномъ проѣздѣ воеводъ совершался только на Верхотурской заставѣ. Узнавши о приближеніи смѣненныхъ воеводъ и ихъ товарищей, таможенный голова долженъ былъ находиться на заставѣ съ цѣловальниками и служилыми людьми днемъ и ночью безпрестанно. Недалеко отъ Верхотурья, по Сибирской дорогѣ, ставился караулъ, который встрѣчалъ воеводъ и провожалъ ихъ до заставы, чтобъ они по дорогѣ не останавливались въ селахъ и не оставляли тамъ мягкой рухляди. На заставѣ велѣно было таможенному головѣ у воеводъ, дьяковъ и письменныхъ головъ, а также у ихъ женъ, дѣтей, братьевъ и людей «всякой мягкой рухледи въ санѣхъ и въ каптанахъ и въ сумахъ и въ чемоданѣхъ и по коробьямъ и въ платьѣ и въ подушкахъ и въ постеляхъ и въ бочкахъ и въ печеныхъ хлѣбахъ и въ санныхъ постельникахъ и въ полозахъ и у ихъ служнихъ жонъ потомужъ обыскивати накрѣпко; а какъ учнутъ обыскивати, и вътѣпоры самимъ воеводскимъ и дьячьимъ и писменыхъ головъ женамъ изъ саней и изъ каптановъ и изъ болковъ велѣно выходить вонъ, и въ тѣхъ ихъ каптанахъ и въ санѣхъ

(1) Доп. къ А. И. т. 4-й № 46.

и въ болкахъ мягкіе рухледи головѣ осматривать самому съ цѣловалники, а воеводъ и дьяковъ и головъ и ихъ дѣтей и племянниковъ и людей, мужской и женской полъ, потомужъ обыскивати накрѣпко, не боясь и не страшася никого ни въ чемъ, чтобъ въ пазухахъ и въ штанахъ и въ зашитомъ платьѣ отнюдь никакіе мягкіе рухледи не провозили». Если же воеводы и другія лица «учинятся силны.... обыскивать у себя не дадутъ: и ему Данилу противъ тѣхъ ослушниковъ велѣно стояти крѣпко и безстрашно, не боясь никакихъ ихъ угрозъ.... и на тѣхъ силныхъ людей и на ослушниковъ имати у васъ (воеводъ) служилыхъ многихъ людей.... и осматривати и обыскивати накрѣпко». Ослушниковъ велѣно было отсылать къ воеводѣ, который могъ воеводскихъ дѣтей, племянниковъ и людей отдавать до царскаго указа на поруки въ пенѣ или даже наказывать, на самихъ же воеводъ, на дьяковъ и на письменныхъ головъ онъ долженъ былъ писать въ Москву (1). Иногда головы, вмѣсто того, чтобъ отбирать лишніе товары и деньги, возвращали ихъ воеводамъ съ роспискою для предъявленія въ Сибирскій приказъ; но это строго запрещалось, потому что воеводы не предъявляли возвращенной рухляди (2). За всякую поноровку таможеннымъ головамъ угрожалось смертью (3); для лучшаго надзора обыскъ порученъ былъ вмѣстѣ съ головами Верхотурскимъ воеводамъ, и Верхотурье изъято было изъ вѣдомства Тобольскихъ воеводъ, чтобы послѣднимъ не было послабленія.

---

(1) А. И. т. 3-й, № 184.

(2) А. И. т. 5-й, № 30.

(3) Тамъ же, № 51.

Однакоже все это не помогало: «презря жестокіе указы», воеводы провозили съ собою много вина и товаровъ сверхъ указа и въ немногіе годы наживали себѣ огромное богатство. Чѣмъ чаще были перемѣны, тѣмъ болѣе они провозили денегъ и вещей, и тѣмъ болѣе казна терпѣла убытковъ. Такимъ образомъ самыя мѣры, принимаемыя для огражденія казеннаго интереса вели къ новымъ злоупотребленіямъ. Къ этому присоединялось еще и то, что частыя перемѣны влекли за собою лишніе расходы на прогоны и большую тягость ямщикамъ, вслѣдствіе чего въ 1695 году велѣно было Сибирскихъ воеводъ перемѣнять не черезъ два года, а черезъ 4, 5 или даже 6 лѣтъ (1). Для поощренія же честныхъ правителей въ 1699 году сдѣлано было новое распоряженіе: «которые воеводы люди добрые жили въ городахъ, боясь Бога и государева гнѣва и опалы, смирно и непорочно, и въ сборахъ учинили приборъ, и торговыхъ людей и другихъ жителей не обирали и не навлекли на себя челобитья, и во всемъ усердно исполняли указы, и если тѣ воеводы вывезутъ изъ Сибири какіе товары, пожалованные имъ за службу или данные жителями въ почесть, а не въ неволю, и такихъ, смотря по дѣлу и по пожиткамъ, пропускать безъ задержанія, чтобы на то смотря иные злые воеводы и приказные люди не надѣялись на пожитки, пріобрѣтенные кражею и грабежемъ, но старались бы объ умноженіи казны и довольствовались бы праведными прибытками» (2). Воеводамъ, исполнившимъ свои обязанности, давались царскія грамоты, которыми запрещалось распечатывать

(1) П. С. З. № 1511.

(2) П. С. З. 1837.

ихъ товары на дорогѣ, но позволялось имъ самимъ предъявлять ихъ по пріѣздѣ въ Москву въ Сибирскій приказъ. Конечно, такія средства не могли остановить лихоимства.

Для огражденія жителей отъ воеводскихъ притѣсненій предписывалось имъ иногда не повиноваться незаконнымъ требованіямъ. Такъ напримѣръ въ 1621 году послана была царская грамота въ Муромъ къ архимандритамъ, игуменамъ и ко всему освященному чину, къ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, къ земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ и ко всѣмъ посадскимъ и уѣзднымъ людямъ, съ запрещеніемъ давать воеводамъ кормы, посулы, поминки, продавать имъ лошадей и товары, кромѣ съѣстныхъ припасовъ, отпускать къ нимъ работниковъ и дѣлать для нихъ какія бы то ни было работы и издѣлья; «а будетъ учнете воеводамъ отъ какихъ дѣлъ посулы и поминки или съ посадовъ и съ уѣздовъ кормы давать, и послѣ про то сыщется, и тѣ убытки велимъ на васъ доправить вдвое, да вамъ же отъ насъ быть въ великой опалѣ» (1). Изъ этой грамоты можно видѣть, что подобные указы посланы были и въ другіе города. Еще важнѣе приведенный выше указъ 1695 года, по которому Сибирскимъ земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ запрещено было слушаться воеводъ, если они станутъ поступать не по даннымъ имъ наказнымъ статьямъ, въ случаѣ же незаконныхъ требованій велѣно было, не повинуясь, присылать челобитныя въ Москву (2). Но все это не помогало; у воеводъ была въ рукахъ сила,

(1) А. А. Э. т. 3-й. N 115.
(2) П. С. З. № 1511.

которой не было у земскихъ старостъ; то, что имъ не давали добровольно, они требовали насильно, и жалобы на злоупотребленія продолжались по прежнему.

Злоупотребленія были многочисленны и разнообразны. Не разъ было уже замѣчено, какъ часто воеводы нарушали законы и оставляли ихъ безъ исполненія: по цѣлымъ годамъ они не присылали требуемыхъ донесеній, отчетовъ и денегъ, оставляли указы безъ исполненія и даже били присланныхъ съ царскими грамотами (1), верстали въ службу незаконнымъ образомъ (2), не производили слѣдствій по преступленіямъ (3), вступались въ неподлежащія ихъ вѣдомству дѣла, за что на нихъ были жалобы со стороны духовныхъ властей, таможенныхъ головъ и земскихъ старостъ (4). Такія же жалобы подавались царю на нарушеніе жалованныхъ грамотъ отъ монастырей, священниковъ и общинъ (5). Въ особенности часто нарушались грамоты, которыми общинамъ предоставлялись какія нибудь особенныя права. Такъ напри-

---

(1) Такъ напримѣръ Томскій воевода Бунаковъ, противно царскому указу не выпустилъ изъ тюрьмы дѣтей боярскихъ Сабанскаго съ товарищами и не посадилъ въ тюрьму Плещеева за воровство. Тобольскихъ же служилыхъ людей, которые были присланы съ царскими грамотами, билъ безъ вины, за что самъ былъ наказанъ кнутомъ. Д. къ А. И. т. 3-й N 68.

(2) А. И. т. 4-й N 182, т. 5-й N 31.

(3) А. И. т. 3-й, № 113; «Да у васъ многіе люди бьются и рѣжутся до смерти, а вы про то не сыскиваете».

(4) А. А. Э. т. 4-й N 176, 277; П. С. З. № 1526: «И у таможеннаго головы воеводы въ таможенные дѣла вступались, чего имъ не токмо дѣлать и вѣдать не велѣно». № 1543.

(5) А. И. т. 3-й, № 70, 118; А. А. Э. т. 3-й № 130; Описаціо Шуи № 3-й.

мѣръ грамотою 1684 года велѣно было Вятскія тяглыя земли отдавать на оброкъ изъ земской избы, а не изъ приказной; въ 1689 году по жалобѣ земскихъ людей указъ былъ подтвержденъ, а между тѣмъ земли продолжали отдаваться на оброкъ изъ приказной избы, вслѣдствіе чего въ 1696 году по новой жалобѣ послана была новая грамота къ воеводѣ (1). Поэтому обладатели жалованныхъ грамотъ искали частаго ихъ подтвержденія; при восшествіи на престолъ каждаго государя они просили переписать грамоту на его имя.

Еще въ большей степени существовали грабительство и лихоимство. Воеводы иногда просто брали себѣ часть казенныхъ доходовъ и выдаваемаго жалованья, или выдавали жалованье впередъ за нѣсколько лѣтъ и брали за это деньги съ служилыхъ людей (2). Корчемству и контрабандѣ они не только покровительствовали, но и сами производили ихъ въ большихъ размѣрахъ (3). Сами куря и продавая вино, они въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ питейная продажа находилась въ ихъ непосредственномъ вѣдомствѣ, записывали самое незначительное количество проданныхъ напитковъ; такъ напр. въ Сибирскихъ городахъ по отчетамъ продавалось иногда не болѣе 10 или 20 ведръ въ годъ, а въ иные года не болѣе одного ведра или даже ничего (4). Каждый налогъ дѣлался поводомъ къ ли-

(1) А. И. т. 5-й, № 264.

(2) А. И. т. 3 й № 154 стр. 266: «изъ государевы изъ десятые пошлины, рыбы и арбузовъ и дыни и яблокъ и винограду и всякого овощу и дровъ и всякого сбору, что сбирають на Государя, прежніе бояре и воеводы и дьяки мимо государева указу изъ того сбору имали на дворы свои и тѣмъ корыстовались.» т. 4-й, № 182, т. 5-й № 240.

(3) П. С. З. № 1511, 1526; А. И. т. 5 й № 240, 260.

(4) П. С. З. № 1511.

хоимству; такъ въ одной грамотѣ 1670 г. мы читаемъ: « и въ городѣхъ воеводы противъ того нашего Великого Государя указу не исполняють, стрѣлецкого хлѣба сполна не собираютъ для своего лакомства или будетъ за подьячими не смотрятъ, а подъячіе плутаютъ въ платежахъ стрѣлецкого хлѣба даютъ сроки для своихъ корыстей, за темъ и книгъ стрѣлецкому платежу не дѣлаютъ и очистки никакой не даютъ и отъ того на Москвѣ стрѣлецкому хлѣбу учинилась многая донмка и за неочисткою городовыхъ книгъ въ платежахъ споры большие, и о присылкѣ тѣхъ книгъ для очистки спорныхъ статей посылали многие наши В. Государя грамоты и по темъ нашимъ В. Государя грамотамъ ничего не учинено жъ, знатно то все чинитца для взятковъ, по наговору съѣзжие избы подъячихъ, которые у того дѣла сидятъ и корысть себѣ чинятъ » (1). Но нигдѣ не было такого грабительства какъ въ ясачномъ сборѣ: воеводы грабили ясачныхъ людей и постоянно отбирали себѣ лучшіе мѣха, а въ казну отдавали дурные и въ меньшемъ количествѣ, отговариваясь уменьшеніемъ сбора. Чтобы количество замѣнить качествомъ, собранные мѣха цѣнились въ Сибири весьма дорого, а въ продажѣ оказывались гораздо дешевле оцѣнки. Однакоже для предупрежденія такого злоупотребленія въ 1697 году велѣно было разность оцѣнки взыскивать съ воеводъ, предоставляя имъ вѣдаться съ купцами, производившими оцѣнку (2). Сборщики , которые ѣздили за ясакомъ , постоянно были на откупу у воеводъ; поэтому послѣдніе позво-

(1) Воронежскіе акты т. 3-й, № 147.

(2) П. С. З. № 1526, 1594; А. И. т. 5-й, № 260, 262 I.

лялн имъ грабить ясачныхъ людей, не осматривали ихъ при возвращеніи, какъ это предписывали указы, и не давали на нихъ суда въ случаѣ жалобъ (1).

Съ жителей управляемаго уѣзда воеводы, въ противность указамъ, брали кормы, посулы и поминки (2). Такъ напримѣръ, крестьяне Сумерской волости жаловались, что приказный человѣкъ Дмитрій Мякининъ, пріѣхавши въ волость, доправилъ на нихъ въѣзжаго 60 рублей, да сверхъ того постоянно правилъ на нихъ кормы: рожь, ячмень, пшеницу, телятъ, барановъ, масло, яйца, рыбу, овесъ и сѣно лошадямъ (3). Пріѣзжіе торговые люди также подвергались многимъ притѣсненіямъ; однимъ изъ главныхъ источниковъ барышей было задержаніе торговыхъ людей на пути для того, чтобы заставить ихъ поплатиться. Вслѣдствіе частыхъ жалобъ (4) въ 1646 году въ Сибирскихъ городахъ выдача проѣзжихъ грамотъ купцамъ была изъята изъ вѣдомства воеводъ и возло-

(1) П. С. З. № 1526; А. И. т. 3-й, № 113, т. 5-й, № 240.

(2) А. А. Э. т. 3-й, № 65: «вѣдомо намъ учинилось, что у васъ воеводы и приказные всякіе люди, которые у васъ, и которые пріѣзжаютъ къ вамъ для нашихъ дѣлъ, емлютъ кормы и посулы многіе». Также № 115; А. И. т. 4-й, № 174; Д. къ А. И. т. 3-й, № 114.

(3) Доп. къ А. И. т. 3-й, № 65, стр. 237.

(4) Такъ напримѣръ въ 1622 г. архіепископскій крестьянинъ жаловался, что Чердынскій воевода не пропустилъ его въ Сибирь, пока онъ не далъ ему двухъ рублей денегъ, два пуда хмѣлю и двѣ гончихъ собаки. А. И. т. 3-й, № 114. Въ 1645 г. купцы жаловались, что въ Енисейскомъ острогѣ подъячій Шпилькинъ взялъ съ ихъ прикащиковъ съ провозимыхъ товаровъ съ 1000 рублей по 40, а съ мелкихъ товаровъ со 100 рублей по 4 рубля, и мимо таможеннаго головы поставилъ много заставъ «для своего воровскаго умыслу и бездѣльной корысти», чтобы не заплатя ему никто не проѣхалъ. Кетскій же, Нарымскій, Сургутскій и Березовскій воеводы брали съ 1000 рублей по 3, а съ мелкихъ со 100 по три рубля и болѣе. Д. къ А. И. т. 3-й, № 9.

жена на таможенныхъ головъ; въ новоторговомъ уставѣ эта мѣра распространена на всю Россію, «потому что воеводы во многихъ городахъ (торговыхъ людей) для своихъ корыстей задерживаютъ напрасно». Однакоже и послѣ этого указа задержанія продолжались, какъ со стороны воеводъ, такъ и со стороны таможенныхъ головъ, и правительство не разъ повторяло запрещеніе (1).

Когда воеводы не могли взять денегъ простыми прижимками, они употребляли насиліе. Жалобы на насилія были очень обыкновенны: въ 1662 году Шуяне жаловались на воеводу Трегубова, что онъ «имъ чинитъ тѣсноту и налогу большую, стакався съ подговорщиками и ябедниками, и примѣтывается къ старостамъ и къ выборнымъ и ко всякимъ посацкимъ людямъ для своей бездѣльной корысти, и бьетъ насъ сиротъ твоихъ, старостъ и посацкихъ людей, и продаетъ напрасно» (2). Въ 1665 году послѣдовала новая жалоба на воеводу Баркова: «и будучи онъ воевода почалъ намъ сиротамъ твоимъ посацкимъ людямъ чинить тѣсноту и налогу большую и напрасные продажи и убытки; бьетъ насъ, сиротъ твоихъ посацкихъ людей безъ сыску и безъ вины, и сажаетъ въ тюрму для своей корысти; и вымая изъ тюрмы, бьетъ батогами до полусмерти безъ дѣла и безъ вины. И въ прошломъ во 172 году убилъ онъ воевода, заперши у себя на дворѣ, таможеннаго ларешнова цѣловальника Володьку Селиванова до полусмерти и таможенному сбору учинилъ поруху большую. Многихъ пріѣзжихъ торговыхъ людей, соляныхъ и рыбныхъ промышлен-

(1) П. С. З. № 1606.

(2) Описаніе Шуи, № 35.

никовъ примѣшиватса къ нимъ для своихъ корыстей, убытчалъ и разорилъ, и въ тюрму сажалъ; и многихъ пріѣзжихъ торговыхъ людей разогналъ и торги розбилъ; и твой Великаго Государя таможенный зборъ остановилъ; а насъ сиротъ твоихъ, выборныхъ людей, въ конецъ погубилъ, своею великою тѣснотою и налогою и продажей и убійствомъ и въ нынѣшнемъ, государь, во 173 году онъ же воевода убилъ, заперши у себя на дворѣ, выборнаго посацкаго человѣка, твоего государева кружечнаго двора голову Ганку Карпова до полусмерти; и нынѣ тотъ голова отъ его воевоцкихъ побой, изувѣченъ.... И нынѣ онъ воевода примѣшивается къ намъ сиротамъ твоимъ безъперестанно для своей корысти, бездѣльно, всячески хотя насъ разорить и разогнать и домишки наши запустошить и убійствомъ своимъ многихъ насъ посацкихъ людей, и хотя въ конецъ погубить» (1). Любопытна также жалоба крестьянъ Сумерской волости на прикащика Дмитрія Мякинина, который, какъ сказано выше, бралъ съ нихъ кормы. «Да онъ же Дмитрей посылалъ по нихъ крестьянъ съ приставы людей своихъ, а иные люди его для своей корысти ѣздятъ по нихъ и безъ приставовъ и ихъ крестьянъ грабятъ, ходятъ во дворехъ ихъ по клѣтямъ и емлютъ насилствомъ платья и иное, что попадетъ, и какъ они въ томъ насилствѣ на людей его ему Дмитрею били челомъ о управѣ, и онъ ихъ за то челобитье сажалъ въ тюрму и держалъ въ тюрмѣ день по пяти и по шти и по недѣлѣ, и они изъ тюрмы выкупалися; да въ прошломъ де во 157 году послѣ Ильина дни,

(1) Описаніе Шуи, № 39.

Дмитрей ѣздилъ съ людми своими для своей корысти по деревнямъ, и ихъ крестьянъ билъ и мучилъ и по дворомъ и по лѣсомъ за ними гонялся, и вымучилъ на нихъ немѣрною мукою на человѣкѣ рублевъ по пяти и по шти и болши; да онъ же де Дмитрей звалъ ихъ къ себѣ на пиръ, и которые крестьяне у него на пиру были, и онъ съ тѣхъ поклонное взявъ, сажалъ въ тюрму, и они изъ тюрмы у него выкупалися, а давали рубли по два и болши, а которые у него на пиру не были, для того, что люди недостаточные поклонного дати нечего, и онъ по тѣхъ посылалъ съ приставы людей своихъ и правили на нихъ поклонного съ человѣка по два алтына по двѣ денги и по гривнѣ и болши; да онъ же Дмитрей умысля и стакався съ совѣтники своими, а съ ихъ горланы и съ ябедники, въ дѣловую работную пору, для своей корысти, загнавъ ихъ къ себѣ на дворъ просилъ у нихъ поровенной, и они ему били челомъ, чтобъ онъ далъ имъ сроку, покамѣста дѣловая пора минется, а какъ дѣловая пора минется, и они межъ себя поровняются и поровенную къ нему принесутъ, и Дмитрей доправилъ на нихъ отъ поровенной 15 рублевъ; да онъ же де Дмитрей старосту Аникейка Семенова билъ ослопомъ до полусмерти, и въ тюрмѣ держалъ и морилъ голодомъ и доправилъ съ него десять рублевъ; да онъ же взялъ съ нихъ Сумерскіе волости съ крестьянъ отъ заставы 20 рублевъ; и отъ того де Дмитреева насилства они Сумерскіе волости крестьяне въ конець погибаютъ и совсѣмъ до основанія разорены, бредутъ врознь и у многихъ у нихъ пашня залегла» (1).

---

(1) Д. къ А. И. т. 3-й, № 65, стр. 237, 8.

Иногда насилія совершались и не для полученія денегъ; такъ напримѣръ въ 1617 году Романовскіе служилые Татары били челомъ, что воевода посадилъ ихъ въ тюрьму и мучилъ, сажалъ въ цѣпи и въ желѣза, чтобы принудить ихъ силою креститься въ христіанскую вѣру; будучи не въ силахъ перетерпѣть муку, они противъ желанія подали челобитную о крещеніи (1). Были также жалобы на притѣсненія въ судѣ: Ростовскій воевода въ 1663 году въ исковыхъ дѣлахъ, крѣпостныхъ и некрѣпостныхъ, билъ отвѣтчиковъ на правежѣ, не смотря на поручительства; онъ же не хотѣлъ принять отъ земскихъ людей требуемыхъ правительствомъ вещей и произвольно отставлялъ выбранныхъ для сбора податей цѣловальниковъ, продержавши выборы въ съѣзжей избѣ, чтобы подать не могла быть собрана въ срокъ (2).

Вообще злоупотребленія были чрезвычайно велики и существовали повсюду; въ грамотѣ 1620 года царь пишетъ: «вѣдомо намъ учинилось, что въ городѣхъ воеводы и приказные люди наши всякіе дѣла дѣлаютъ не по нашему указу, и монастырямъ и служилымъ и посадскимъ и уѣзднымъ и проѣзжимъ всякимъ людемъ чинятъ насилства и убытки и продажи великіе, и посулы и поминки и кормы емлютъ многіе» (3). На Азовскомъ соборѣ въ 1642 году купцы говорили: «а въ городѣхъ всякіе люди обнищали и оскудали до конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ, а торговые людишка, которые ѣздятъ по городамъ для своего

(1) Д. къ А. И. т. 3-й, № 35.

(2) А. И. т. 4-й, № 174. См. также Старинные Акты Шуи, № 139.

(3) А. А. Э. т. 3-й, № 115.

торговаго промыслишка, отъ ихъ же воеводскаго задержанья и насильства въ проѣздѣхъ торговъ своихъ отбыли. А при прежнихъ государѣхъ въ городѣхъ вѣдали губные старосты, а посадскіе люди судилися сами промежъ себя, а воеводъ въ городѣхъ не было». Дворяне же и дѣти боярскіе разныхъ городовъ сказали: «а твои государевы діаки и подъячіе пожалованы твоимъ государскимъ денежнымъ жалованьемъ и помѣстьями и вотчинами, и будучи безпрестанно у твоихъ государевыхъ дѣлъ и обогатѣвъ многимъ богатствомъ неправеднымъ своимъ мздоимствомъ и покупили многія вотчины и домы свои строили многіе, палаты каменныя такія, что неудобь сказаемыя, блаженныя памяти при прежнихъ государѣхъ и у великородныхъ людей такихъ домовъ не бывало, кому было достойно въ такихъ домахъ жити» (1).

Особенно велики были злоупотребленія въ Сибири, гдѣ дальность разстоянія и трудность сообщеній давали болѣе простора произволу и самовластію. Часто правительство жаловалось на это; каждый новый воевода обѣщалъ жителямъ, что не будутъ повторяться злоупотребленія его предшественниковъ, и самъ потомъ шелъ по тому же пути. Петръ Великій принималъ сильныя мѣры, но и это не помогло; даже послѣ указа 1695 года, по которому земскимъ людямъ велѣно было не повиноваться незаконнымъ требованіямъ воеводъ, а писать на нихъ къ государю, повторяются прежнія жалобы на злоупотребленія. Въ грамотѣ 1697 года царь пишетъ: «въ прошлыхъ годѣхъ, будучи въ Сибирскихъ городѣхъ, воеводы нашу Великого Госу-

---

(1) Собр. Госуд. Гр. т. 3-й, № 113.

даря ясачную казну многими вымыслами, съ сборщиками заодно, и въ таможенномъ пошлинномъ сборѣ и въ питейной продажѣ, забывъ страхъ Божій и наше Великого Государя крестное цѣлованіе, корыстовались, и прибыли въ сборахъ нашей Великого Государя казны не искали, а себя богатили, и нашимъ Великого Государя указомъ и наказомъ своимъ чинили противно, и тамошнимъ всякихъ чиновъ и торговымъ людемъ и ясачнымъ иноземцомъ чинили многіе разоренія и грабителства, и отъ того ясачные многіе люди измѣнили и отошли въ далные мѣста; и отъ такихъ ихъ воровскихъ многихъ вымысловъ, по вся годы, въ Москвѣ передъ прошлыми годами.... во всѣхъ доходѣхъ учинились многіе умаленія и на Москвѣ у казны присылной уцѣнки великіе, чего отнюдь передъ тѣмъ не бывало, и отъ того въ Сибирскомъ приказѣ нашей Великого Государя казны на товары и на денги въ продажѣ было малое число, и нашего Великого Государя жалованья Сибирскихъ городовъ служилымъ людемъ по вся годы не доходило сполна, и о томъ отъ нихъ по вся годы намъ Великому Государю было многое ихъ челобитье, что они въ конецъ оскудали и разорились. Да сверхъ того они жъ воеводы тѣмъ служилымъ людемъ своими нападками многое разореніе, а инымъ наказаніе и смерти чинили безвинно» (1).

Есть замѣчательные примѣры злоупотребленій Сибирскихъ воеводъ. Въ 1665 году дошло до свѣденія государя, что Енисейскій воевода Василій Голохвастовъ « безъ нашего Государева указу, для своихъ пожитковъ, прибираетъ въ службу гулящихъ и промышлен-

(1) А. И. т. 5 й, № 262.

ныхъ людей, а не стрѣлецкихъ и не казачьихъ дѣтей, и отъ того емлетъ наше Государево денежное и хлѣбное и соляное жалованье, годовые оклады; да онъ же де Василей Енисейскихъ посацкихъ людей написалъ въ ямскую гонбу, и отъ того взялъ съ нихъ 150 рублевъ серебряныхъ денегъ, и многимъ посацкимъ людемъ и ихъ братьѣ и дѣтемъ и племянникомъ своими приметы учинилъ убытки великіе, работныхъ людей у нихъ отогналъ, и они де промысловъ своихъ отбыли, а иныхъ чиновъ людей своими приметы испродалъ, и билъ, и мучилъ и въ тюрму сажалъ. Да онъ же Василей для своихъ пожитковъ отдаетъ на откупъ помѣсячно зернь и корчму и безмужныхъ жонъ на блудъ, и отъ того емлетъ себѣ откупу рублевъ по 100 и болши, и тѣмъ блуднымъ жонкамъ велитъ наговаривать на проѣзжихъ торговыхъ и промышленныхъ людей напрасно, и тѣхъ людей по ихъ оговору, безъ сыску и безъ роспросу сажаетъ въ тюрму, а къ тюрмѣ присылаетъ онъ вѣдомыхъ воровъ и ушниковъ и ссорщиковъ денщика Алешку Тимоѳѣева да ссылного вора и зернового откупщика Ѳедку Булгакова уговариваться и отъ того емлетъ съ торговыхъ и съ промышленныхъ людей тюремною тѣснотою и всякимъ мученіемъ по сороку и по два сорока соболей, а съ иныхъ емлетъ денгами рублевъ по 30 и по 40 и болши. А которыхъ служилыхъ и посадцкихъ людей остаются въ домѣхъ жоны, а они въ то время бываютъ въ отъѣздахъ, и онъ де Василей, свѣдавъ ихъ пожитки, жонъ ихъ емлетъ въ затѣнокъ ночью, и пытаетъ и спрашиваетъ серебреныхъ денегъ, и тѣмъ приметы и мученіемъ ихъ до конца разорилъ» (1).

(1) А. И. т. 4-й, № 182.

Голохвастовъ былъ смѣненъ, а до пріѣзда новаго воеводы велѣно было 30 человѣкъ посадскихъ лучшихъ людей первой статьи вѣдать во всемъ не воеводѣ, а таможенному головѣ. Эта странная мѣра принята была вѣроятно для того, чтобы воевода не успѣлъ разорить самыхъ зажиточныхъ людей, и тѣмъ не лишилъ бы доходовъ царской казны.

Но злоупотребленія Голохвастова ничего въ сравненіи съ тѣмъ, что́ дѣлалъ Якутскій воевода Петръ Головинъ. Въ 1644 году Головинъ писалъ къ Енисейскому воеводѣ Оничкову, что онъ открылъ измѣну товарищей своихъ—воеводы Матвѣя Глѣбова и дьяка Евѳима Филатова, которые подговаривали Якутовъ взбунтоваться противъ правительства, не платить ясака, грабить и бить купцовъ и служилыхъ людей; что кромѣ того Филатовъ поддѣлалъ царскую печать и кралъ казну, и оба съ своими друзьями научаютъ Русскихъ и инородцевъ всякому злу и велѣли имъ убить самого Головина. Оничковъ распросилъ объ этомъ пришедшихъ изъ Якутска въ Енисейскъ служилыхъ людей, и послѣдніе сказали ему, что, по возвращеніи ихъ въ Якутскъ въ прошломъ году, они нашли, что Глѣбовъ и Филатовъ посажены въ тюрьму Головинымъ, который при нихъ посадилъ и таможеннаго голову Бахтерова; товарищи ихъ, Якутскіе служилые люди, сказывали, что эти лица заключены понапрасну, и что они за ними никакой измѣны и ничего дурнаго не знаютъ. Глѣбову Головинъ посылалъ на пропитаніе сухаго хлѣба однажды въ день съ своимъ сыномъ, и послѣ того запечатывалъ тюрьму своею печатью. Тюрьмы были построены въ сыромъ лѣсу, и служилые люди думали, что Головинъ хочетъ товарищей своихъ умо-

рить, потому что онъ ни объ чемъ не писалъ къ государю. Женъ Филатова и Бахтеярова и дворовыхъ ихъ женщинъ онъ посадилъ подъ караулъ, людей же ихъ пыталъ и посадилъ въ тюрьму, также какъ и многихъ другихъ подъячихъ, священниковъ, дьяконовъ, цѣловальниковъ, казаковъ и другихъ служилыхъ людей и купцовъ; всѣхъ ихъ было свыше 100 человѣкъ, и многіе сидѣли уже болѣе двухъ лѣтъ. Пріѣхавшіе изъ Якутска торговые люди подтвердили эти извѣстія, и Оничковъ написалъ объ этомъ къ царю, говоря, что купцы не смѣютъ ѣхать изъ Енисейска въ Якутскъ, и вслѣдствіе того произошла остановка въ торговлѣ и уменьшеніе таможеннаго сбора. Царь тотчасъ велѣлъ Оничкову послать въ Якутскъ боярскаго сына для освобожденія воеводскихъ товарищей, письменнаго головы и всѣхъ заключенныхъ Головинымъ людей, а между тѣмъ назначены были на Лену новые воеводы Пушкинъ и Супоневъ съ дьякомъ Стешинымъ, которымъ велѣно было тотчасъ ѣхать въ Якутскъ, и по прибытіи взять у Головина роспись обвиненій противъ товарищей, произвести слѣдствіе и прислать его въ Москву. До ихъ пріѣзда велѣно было управлять дѣлами Головину вмѣстѣ съ Глѣбовымъ и Филатовымъ.

Получивши царское приказаніе, Оничковъ послалъ въ Якутскъ боярскаго сына, который по прибытіи тотчасъ выпустилъ изъ тюремъ Глѣбова, Филатова и другихъ служилыхъ и торговыхъ людей. Но на слѣдующій день Головинъ пришелъ въ съѣзжую избу рано и велѣлъ выпущенныхъ служилыхъ людей и купцовъ опять посадить въ тюрьму; когда же дьякъ Филатовъ пришелъ въъ съѣзжую избу, онъ не го велѣлъ

посадить, но служилые люди его не дали. Глѣбовъ сидѣлъ въ это время дома больной; къ нему пришли сказать, что Головинъ опять сажаетъ въ тюрьму выпущенныхъ людей, и онъ тотчасъ велѣлъ себя вести въ съѣзжую избу, но Головинъ его не пустилъ, а, толкнувъ рукою въ грудь, сказалъ ему, что онъ измѣнникъ, что съ нимъ нельзя ему быть у государева дѣла, и что царскія грамоты, которыми велѣно ихъ выпустить изъ тюрьмы, подложны. Вытолкнувъ его изъ избы, Головинъ велѣлъ запереть двери; но служилые люди, собрався, сказали ему, что онъ преступаетъ царскій указъ, и самъ Глѣбовъ посылалъ ему сказать, что если онъ не хочетъ сидѣть съ ними вмѣстѣ, то пускай отдастъ имъ печать и ключи. Наконецъ избу отперли, впустили Глѣбова и Филатова, но Головинъ началъ на нихъ кричать, называя ихъ ворами и измѣнниками. Обо всемъ этомъ они написали къ новымъ воеводамъ.

Послѣдніе были уже въ это время въ Енисейскѣ, гдѣ они получили отписку Глѣбова и Филатова: вмѣстѣ съ тѣмъ прислана была мірская челобитная на Головина, въ которой описывались тѣ средства, къ которымъ онъ прибѣгалъ, для обличенія товарищей въ измѣнѣ. Онъ началъ съ того, что посадилъ въ тюрьму новокрещенца Ивашка Остяка, морилъ его голодомъ и вмѣстѣ съ сообщникомъ своимъ письменнымъ головою Василіемъ Поярковымъ подъучалъ его взговорить измѣну на Глѣбова и Филатова. По оговорнымъ рѣчамъ Ивашки взяты были люди Глѣбова и Филатова, которые съ пытокъ повторили тѣже обвиненія, равно какъ и многіе другіе служилые люди и Якуты, которыхъ Головинъ по этому дѣлу сажалъ

въ тюрьму, пыталъ и жегъ огнемъ, такъ что многіе Русскіе и инородцы съ такихъ пытокъ и съ голоду и со всякой тюремной нужды умирали въ тюрьмахъ. Когда же взбунтовавшіеся Якуты были усмирены, и въ допросахъ никто изъ плѣнниковъ не обвинилъ ни Глѣбова ни Филатова, тогда Головинъ началъ производить слѣдствіе одинъ съ Поярковымъ и съ своими сообщниками. Въ этомъ слѣдствіи онъ « Якутовъ, князцей и улусныхъ людей пыталъ и огнемъ жегъ и кнутомъ билъ болши мѣсяца, въ три палача, безъ пощады, и тѣ де Якуты въ тѣ поры съ пытки и съ огня на нихъ на Матвѣя и на Еуѳимья и на Русскихъ людей ни на кого той якутской измѣны и Русскихъ людей въ убойство въ наученьѣ ничего не говорилижъ, и Петръ де Головинъ послѣ того своего сыску тѣхъ Якутовъ лутчихъ людей и аманатовъ повѣсилъ 23 человѣка, а иныхъ выбравъ же лутчихъ людей билъ кнутьемъ безъ пощады, и съ того кнутья многіе Якуты померли, и тѣхъ мертвыхъ Петръ вѣшалъ же. Да въ томъ же измѣнномъ дѣлѣ многіе Якуты съ пытокъ и съ холоду въ тюрмахъ померли, и многихъ Якутовъ толмачи научали и Петръ ихъ Якутовъ билъ и морилъ голодомъ, чтобы они Якуты измѣну и въ убойство говорили на нихъ Матвѣя и Еуѳимья, и многую налогу и тѣсноту дѣлалъ, кнутьемъ билъ и ясакъ большой и свои поминки передъ прошлыми годами мало не въ четверо прибавилъ; а какъ пріѣзжали Якуты съ ясакомъ, князцей и улусныхъ людей на морозѣ морилъ, а государевъ ясакъималъ за провежемъ».

Новые воеводы прибыли въ Якутскъ въ началѣ 1646-го; а въ концѣ 1647 года они писали къ царю,

что Головинъ не слушаетъ указа, не даетъ росписей ни дѣламъ, ни обвиненіямъ на товарищей, что онъ съ послѣдними бранится и на очную ставку не идетъ, а называетъ Глѣбова, Филатова и самихъ новыхъ воеводъ измѣнниками. Царь велѣлъ имъ своихъ предшественниковъ тотчасъ отпустить въ Москву, и прислать слѣдствіе и людей, заключенныхъ по этому дѣлу (1).

Василій Пушкинъ и его товарищъ не были впрочемъ лучше Головина. Еще до прибытія въ Якутскъ они нашли въ Енисейскѣ служилыхъ людей, высланныхъ изъ Якутска Головинымъ; тѣхъ изъ нихъ, которые дали имъ посулы, они оставили въ Енисейскѣ, другихъ же отправили на Лену и не велѣли даже положить имъ въ суда хлѣбныхъ запасовъ. Прибывши въ Якутскъ, они стали раздавать жалованье служилымъ людямъ, которые впродолженіе двухъ лѣтъ не получали его отъ Головина; но изъ денежнаго жалованья новые воеводы взяли себѣ половину, хлѣбное же отдали только за одинъ годъ, взявши росписки въ полученіи полныхъ окладовъ. Торговыхъ и служилыхъ людей, которыхъ Головинъ посадилъ въ тюрьму и подъ караулы, они освободили, взявши съ нихъ большіе выкупы, бѣдныхъ же, которымъ нечего было дать они не выпускали изъ города. Точно также и имущество, отобранное Головинымъ у служилыхъ людей — соболи, деньги, оружіе, платье, скотъ и кабалы — было возвращено тѣмъ изъ владѣльцевъ, которые могли за это заплатить, бѣднымъ же они не отдали ничего. Изъ поминковъ, приносимыхъ инородцами, они приносили въ съѣзжую избу только поло-

(1) О дѣлѣ Головина см. Д. къ А. И. т. 2-й № 101, т. 3-й № 5, 37.

вину или треть; у служилыхъ людей, посланныхъ для сбора ясака, они отбирали все имущество, и заставляли ихъ выкупать его; съ купцовъ брали взятки всякими пустыми придирками. Пушкинъ превосходилъ другихъ въ грабежѣ и въ насильствахъ: онъ безъ приговора товарищей билъ людей батогами у себя на дворѣ, отсылалъ ихъ со двора въ тюрьму, и, взявъ съ нихъ деньги, опять освобождалъ ихъ изъ тюрьмы безъ вѣдома товарищей. Когда служилые люди подали челобитную о выдачѣ слѣдующаго имъ жалованья, онъ нѣкоторыхъ изъ просителей билъ за то батогами, угрожалъ имъ ссылкою, кнутомъ и тюрьмою, говоря: «я де не Петръ Головинъ, всѣмъ исподтиха выведу, а на кого де руку наложу и ему де отъ меня свѣту не видать и изъ тюрмы не бывать». Казака Родіонова, который послалъ въ Москву челобитную объ отнятыхъ у него Головинымъ соболяхъ, онъ также, наказавъ его батогами, посадилъ въ тюрьму безъ приговора товарищей и держалъ тамъ долгое время. Служилые люди, терпя безпрестанныя насилія, послали наконецъ челобитную Государю, въ которой писали: «а прежъ, государь, того мы, холопи твои, отъ Петра Головина терпѣли напрасно кнутъ и огонь и всякой позоръ, наготу и голодъ; а онъ, Государь, Василей Пушкинъ потому жъ учалъ заводить одинъ, батоги у него были въ длину въ полтора аршина, а въ толщину ручной палецъ, а какъ учнетъ кого бить батоги, безъ вины измещаючи сердце свое, и товарищы его Васильевы учнутъ бить челомъ, а онъ пуще бьетъ. А иные, Государь, служилые люди, изъ насъ, холопей твоихъ, по ихъ насилству, нужные и бѣдные людишка, писали въ съѣзжей избѣ безпрестани, а

окладъ имъ тотъ же рядовой, что инымъ служилымъ людемъ: и тѣ, государь, служилые люди обнищали и одолжали великими долги, наги и босы. И по его, государь, Васильеву заводу Пушкина, бояся надъ собою тогожъ, какъ надъ нами холопи твоими Петръ Головинъ учинилъ напрасно, безъ сыску, и отъ того, государь, безъ твоего государева указа, безъ отпуску и пошли мы, холопи твои на твою государеву службу для пріиску новыхъ землицъ и для твоего Государева ясачного сбору, и въ томъ, государь, мы холопи твои передъ тобою Государемъ виноваты, что пошли безъ твоего государева указу изъ Якутского острогу» (1).

Если служилые люди терпѣли такія насилія и оставляли города, то тѣмъ болѣе должны были терпѣть подвластные инородцы. Дѣйствительно встрѣчаются безпрестанныя жалобы на то, что ясачные инородцы отъ воеводскихъ притѣсненій бунтуютъ, не платятъ ясака, грабятъ и убиваютъ служилыхъ людей и купцовъ, оставляютъ подданство Россіи и отходятъ въ другія государства (2). Служилые люди могли по крайней мѣрѣ жаловаться государю; но Москва была далека, воеводы старались не пускать челобитчиковъ, а если послѣднимъ и удавалось послать жалобу, то она доходила поздно или даже вовсе не доходила до государя. Расправа была также поздняя: они должны были дожидаться ее впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, а между тѣмъ терпѣли всевозможныя притѣсненія; когда же наконецъ смѣняли воеводу, то положеніе ихъ часто отъ этого вовсе не улучшалось, ибо новый воевода поступалъ также, какъ и предшественникъ.

(1) Д. къ А. И. т. 3-й N 56.

(2) П. С. З. №№ 1511, 1526.

Поэтому случалось, что, будучи не въ силахъ вынести притѣсненія, служилые люди оставляли города и уходили въ Россію или шли въ новыя земли, а иногда просто отказывали воеводамъ отъ дѣлъ. Такъ напримѣръ около 1697 года служилые люди, «не стерпя такихъ воеводскихъ налогъ, грабительства и разоренія и оскорбленія», отказали отъ воеводствъ Илимскому воеводѣ Челищеву, Нерчинскому Савелову и Красноярскимъ Алексѣю и Мирону Башковскимъ (1). Правительство, какъ видно изъ грамоты, не считало этотъ поступокъ противозаконнымъ; при трудности получить удовлетвореніе, допускалось самоуправство, и это характеризуетъ состояніе тогдашняго управленія. Это не было право служилыхъ людей отказывать воеводамъ, которыми они были недовольны; это было крайнее средство, которое иногда допускалось, но которое легко могло быть употреблено во зло, и тогда подвергало виновныхъ отвѣтственности. Такъ напримѣръ въ 1650 году Томскіе служилые люди, по наученію воеводскаго товарища Ильи Бунакова, отказали отъ дѣлъ воеводѣ князю Щербатову и дьяку Ключареву, и не захотѣли быть у нихъ подъ судомъ; Бунаковъ былъ за это наказанъ кнутомъ, а служилые люди подверглись царской опалѣ (2). Поэтому обыкновеннымъ средствомъ противъ притѣсненій было принесеніе жалобы царю. Для обезпеченія просителей имъ дозволялось ѣздить въ Москву и безъ разрѣшенія воеводъ, тогда какъ другимъ это было запрещено (3). Но не смотря на эти предписанія, воеводы часто не

(1) А. И. т. 5 й, № 262.

(2) Д. къ А. И. т. 3-й, № 68.

(3) П. С. З. № 1579.

пропускали въ Москву челобитчиковъ (1). Послѣдніе даже и въ Москвѣ не легко могли получить удовлетвореніе. Если земскіе люди жаловались, что не могутъ получить управы на монастырскихъ старцевъ, потому что они *люди мочные*, то тѣмъ менѣе они могли получить управу на воеводъ, находившихъ всегдашнихъ защитниковъ въ членахъ приказовъ, которымъ они платили за воеводства (2). Кромѣ того самые повѣренные земскихъ людей часто могли употреблять ихъ довѣріе во зло, какъ видно изъ царской грамоты Городецкимъ жителямъ. Царь пишетъ имъ: «да выжъ посылаете къ намъ въ челобитчикѣхъ своихъ посадскихъ людей, и даете имъ на подмогу многія денги, а посылщики ваши тѣ денги на Москвѣ даютъ въ посулы и сами ими корыстуются, а вы того и не вѣдаете, и въ томъ вамъ посадскимъ людемъ чинятся продажи и убытки многіе» (3). Однакоже во многихъ случаяхъ челобитныя доходили до царя, и воеводы подвергались отвѣтственности. Такъ напримѣръ въ 1652 году подана была царю жалоба отъ всего города Тюмени на воеводу Веригина, который былъ по этой жалобѣ отставленъ; на мѣсто его назначенъ былъ Ельдезинъ, который также пробылъ недолго, потому что и на него подана была челобитная, по которой и онъ былъ смѣненъ (4). Самый казенный интересъ требовалъ прекращенія злоупотребленій: притѣсненія ясачныхъ людей вели къ уменьшенію ясачнаго сбора, притѣсненія торговыхъ людей къ умень-

(1) П. С. З. № 1311.

(2) См. выше разсказъ Татищева о назначеніи воеводъ.

(2) А. А. Э. т. 3-й, № 65.

(4) Др. Вивліое. т. 3-й записки къ Сибирской исторіи

шенію таможенныхъ пошлинъ; крестьяне же и посадскіе люди всегда говорили въ своихъ челобитныхъ, что имъ придется наконецъ покинуть свои жилища и разбрестись врозь, а уменьшеніе населенія неминуемо влекло за собою уменьшеніе доходовъ. Хотя посадскіе и уѣздные жители были прикрѣплены къ землѣ и къ городамъ, но при недостаткѣ полицейскихъ средствъ трудно было ихъ удержать, и еще труднѣе поймать. Кромѣ того, притѣсненія и разореніе дѣйствительно заставляли ихъ часто искать спасенія въ бѣгствѣ, такъ что это считалось дѣломъ обыкновеннымъ, и они могли открыто говорить въ челобитныхъ, что они должны будутъ прибѣгнуть къ недозволеннымъ средствамъ.

Воеводы подлежали отвѣтственности за всякій убытокъ, причиненный царской казнѣ, какая бы ни была причина — незаконныя дѣйствія, грабительство, нерадѣніе, оплошность или даже просто ссора. Выше былъ приведенъ примѣръ, что воеводы и ихъ товарищи были наказаны за ссору конфискаціею всего имущества (1). Казна требовала денегъ и не разбирала, по своей ли винѣ воевода не могъ собрать ихъ или нѣтъ; по этому въ указахъ о сборѣ денегъ обыкновенно

(1) А. И т. 3-й N 154. Вотъ примѣръ самаго полнаго вычисленія случаевъ, за которые воевода подвергался отвѣтственности: «А будетъ они столникъ и воевода Иванъ и дьякъ Иванъ учнутъ дѣлать всякіе государевы дѣла не противъ сего государева наказу и призора и строенья ко всякимъ людемъ держати не учнутъ, или съ ясачныхъ людей учнутъ государевъ ясакъ сбирать оплошно или государеву ясачную и всякую мягкую рухлядь велятъ цѣнити дорогою цѣною, а въ Московской цѣнѣ будетъ у той мягкой рухляди передъ Сибирскою цѣною убыль, или сами учнутъ какими товары торговати, и людей своихъ для торговъ въ ясачные волости и въ Сибирскіе го-

говорилось, что воевода подвергнется взысканію денегъ или будетъ наказанъ, если не вышлетъ ихъ въ срокъ (1). Это была та система личной отвѣтственности, о которой было говорено уже не разъ. Такая система можетъ разумнымъ образомъ существовать только тамъ, гдѣ подать падаетъ на извѣстное имущество, которое всегда бываетъ достаточно для уплаты, и гдѣ поэтому не можетъ быть недоимокъ. Но то, что въ развитыхъ государствахъ проистекаетъ изъ совершенно правильнаго устройства финансовой системы, то въ Московскомъ государствѣ происходило напротивъ отъ ея запутанности. Правительство не

рода и въ уѣзды посылать, и у служилыхъ людей хлѣбъ на себя покупати и насилство какое служилымъ и всякимъ пріѣзжимъ торговымъ и промышленнымъ людемъ чинити, и посулы и поминки имати, или на ясачныхъ людехъ учнутъ правити ясакъ провеженъ, или государевою казною чѣмъ корыстоваться, или въ чомъ межъ себя розвь чинити и иное что дѣлати не противъ сего государева наказу, а тѣмъ ихъ нерадѣньемъ и оплошкою или рознью учинитца въ какомъ государевомъ дѣлѣ поруха и въ государевѣ казнѣ убыль, а ясачнымъ людемъ и всякимъ иноземцемъ учинитца отъ нихъ какая тѣснота и налога и нагона: и имъ за то отъ Великого Государя быти въ опалѣ и въ казни». Доп. къ А. И. т. 4-й № 46.

(1) Напримѣръ: «А будетъ на нынѣшній годъ нашего ясаку и поминковъ сполна не сберешь и на прошлые годы ясакужъ и поминковъ не выберешь: и твоихъ покамѣста ты будешь въ Кузнецкомъ острогѣ воеводою нашъ ясакъ и поминки велимъ доправить на тебѣ, мимо ясачныхъ людей». А. И. т. 4-й № 21. «А будетъ ты нашихъ доходовъ на прошлые и на 185 годъ изъ доимки, а на нынѣшній на 186 годъ изъ окладу сполна не выберешь и къ намъ тотчасъ не-пришлешь и въ томъ градскимъ и уѣзднымъ жилецкимъ людемъ учнешъ лготить для своихъ пажитковъ и что тѣхъ денегъ отъ твоего нерадѣнья запущено будетъ въ доимку и тѣ денги изъ доимки и по окладу, доправлены будутъ на тебѣ безо всякого милосердія, да на тебѣ жъ за невысылку нашіе казны взяты будутъ многіе пенные денги». А. И. т. 3-й N 20. Также А. А. Э, т. 3-й N 131.

имѣло средствъ знать имущество отдѣльныхъ лицъ; хотя и были писцовыя книги, но при большомъ количествѣ земель и при народонаселеніи, сохранившемъ свою подвижность, не смотря на укрѣпленіе, многіе земельные участки безпрестанно оставлялись впустѣ, покинутые крестьянами и посадскими людьми, которые уходили на другія мѣста. Поэтому опись земель нужна была правительству только для общаго обложенія; отвѣтственность же всегда падала на лица, и взысканіе производилось не продажею имущества, а правежемъ. При такомъ состояніи правительство никогда не могло знать, дѣйствительно ли невозможно собрать подати или воевода не сбираетъ ихъ по своей винѣ; ему нужны были деньги, и оно требовало ихъ во что бы ни стало. Не смотря однакоже на эти угрозы, оно не всегда могло получить ихъ, что видно изъ частыхъ свидѣтельствъ о недоимкахъ; угрозы не всегда исполнялись, и къ воеводамъ не разъ посылались подтвердительныя грамоты, когда оказывались за ними недоимки (1).

Кромѣ взысканій за казенные убытки, во всѣхъ наказахъ воеводамъ угрожается опалою за взятки, насилія и притѣсненія. Рѣдко они подвергались отвѣтственности за неприсылку отчетовъ и отписокъ; однако встрѣчаются и этому примѣры. Такъ напримѣръ Бѣлогородская годовая смѣта за 182 годъ не была прислана въ Москву 30-го Іюля 183 года, не смотря на посланную туда царскую грамоту; новому назначенному въ Бѣлгородъ воеводѣ предписано было велѣть дьяку сдѣлать смѣту скорѣе, и впредь присылать ее не позднѣе

(1) А. И. т. 5-й N 20.

Ноября подъ страхомъ опалы (1). Изъ этого же примѣра видно, что дьякъ, не приславшій отчета, не подвергся никакой отвѣтственности, и остался при новомъ воеводѣ. Обыкновенно, если не смотря на многократныя требованія, отчеты не присылались, изъ Москвы отправлялся приставъ на счетъ воеводы (2). Не всегда воеводы подвергались отвѣтственности и за неисполненіе указовъ; если дѣло было нужное, то въ посылаемой грамотѣ воеводамъ угрожалось бо̀льшимъ или меньшимъ наказаніемъ, и въ случаѣ неисполненія они дѣйствительно ему подвергались (3). Но часто этого вовсе не бывало; указы не исполнялись, и на это смотрѣли сквозь пальцы, или же просто подтверждали, чтобы поступали по предписанію (4). Точно тоже бывало и въ случаѣ нарушенія какихъ либо правъ или жалованныхъ грамотъ; хотя въ нѣкоторыхъ грамотахъ и означалось, что воевода, нарушившій грамоту, подвергнется царской опалѣ, но обыкновенно имъ не дѣлалось даже выговора, а если обиженный жаловался царю, то воеводѣ предписывалось впредь не нарушать грамотъ или правъ (5). Оттого иные указы никогда не исполнялись, не смотря на многократныя подтверж-

---

(1) А. А. Э. т. 3-й N 206, также П. С. З. N 66, 1836.

(2) Такъ напр. въ 1651 г. посланы были двѣ грамоты къ Новгородскимъ воеводамъ съ предписаніемъ прислать даточныя книги за 50-й и 51 г; воеводамъ грозили послать къ нимъ пристава и прогоны доправить на нихъ вдвое, да кромѣ того подвергнуть ихъ наказанію. Въ 1652 г. книги не были еще присланы, вслѣдствіе чего былъ докладъ государю, который велѣлъ послать новую грамоту съ нарочнымъ. П. С. З. N 89.

(3) П. С. З. N 51, 144.

(4) А. А. Э. т. 4-й N 277; П. С. З. N 487, 627, 628.

(5) А. И. т. 3-й N 70, 118, т. 5-й N 136: А. А. Э. т. 3-й N 130; т. 4-й N 176. 277.

ленія. Если въ случаѣ казеннаго убытка была неразборчивая строгость, то здѣсь напротивъ видна слишкомъ большая слабость. Впрочемъ на это не было общаго правила; все зависѣло отъ частныхъ случаевъ и соображеній, такъ что иногда назначались большія наказанія за незначительные проступки. Такъ напримѣръ, когда въ 1652 году запрещено было продавать въ кабакахъ крѣпкіе напитки въ великій постъ и въ свѣтлые праздники, положено было въ случаѣ нарушенія указа, у таможеннаго головы съ товарищами за незаконный поступокъ, а у воеводы за недосмотръ конфисковать все имущество и самихъ ихъ сослать въ Сибирь (1). Случалось даже, какъ увидимъ ниже, что воеводамъ угрожали смертною казнью за простую оплошность.

Поводомъ къ возбужденію отвѣтственности могло быть самое неисполненіе указа, жалоба, извѣщеніе, присланныя вѣдомости. За взятки и притѣсненія отвѣтственность возбуждалась обыкновенно жалобою, но иногда воеводу смѣняли за подобныя злоупотребленія и по простому извѣщенію. Замѣчательно выраженіе грамоты 1697 года, въ которой сказано, что царь смѣнилъ воеводу, «слыша о такихъ неправыхъ воеводскихъ дѣлахъ, *жалуя* безъ челобитья» (2). Если дѣло было ясно, тотчасъ назначалось наказаніе всегда самимъ государемъ; но по жалобамъ обыкновенно производилось слѣдствіе или *сыскъ*, который поручался или новому воеводѣ или особенному сыщику. Впрочемъ сыщикъ иногда назначался въ воеводы того города, гдѣ онъ про-

---

(1) Д. къ А. И. т. 3-й, № 109.

(2) А. И. т. 5-й, № 262.

изводилъ слѣдствіе (1). Неправильно взятое иногда предписывалось тотчасъ отдавать челобитчикамъ, но обыкновенно сыщикъ только производилъ слѣдствіе и отсылалъ его въ Москву, гдѣ уже царь произносилъ приговоръ (2). Взысканіе незначительныхъ пеней и даже заключеніе воеводы въ тюрьму поручались иногда губнымъ старостамъ (3).

Степень отвѣтственности не была строго опредѣлена; частный случай рѣшалъ, какому наказанію подвергался воевода. Въ наказахъ обыкновенно за всякія злоупотребленія угрожается царскою опалою — выраженіе чрезвычайно неопредѣленное. За нерадѣніе въ сборѣ податей, за лишніе сборы, за неправильные расходы и другіе убытки, причиняемые казнѣ, угрожалось иногда взысканіемъ недобранныхъ или растраченныхъ суммъ, просто или вдвое, съ воеводъ или съ ихъ людей и крестьянъ (4), иногда опалою и наказаніемъ, или также пенею и крайнимъ разореніемъ, или конфискаціею всего имущества и даже смертью (5); но иногда просто говорилось, что если деньги не будутъ присланы въ срокъ, то посланъ будетъ сборщикъ, который сберетъ ихъ мимо воеводы (6). За взятки и за убытки, причиненные городскимъ и уѣзднымъ жите-

(1) Такъ напр. въ 1670 г. сыщикъ Акинфовъ и дьякъ Давыдовъ, присланные для слѣдствія надъ Тобольскими воеводами, оставлены были тамъ на воеводствѣ. Др. Вивліоѳ. т. 3-й записки къ Сибирской исторіи.

(2) А. И. т. 3-й N 114; Доп. къ А. И. т. 3-й N 65, т. 4-й N 46.

(3) П. С. З. N 51. Доп. къ А. И. т. 5-й N 47 стр. 267.

(4) П. С. З. N 1216, 1309, 1545, 1579; А. И. т. 4-й N 21, т. 5-й N 20; Доп. къ А. И. т. 3-й N 18; т. 4-й N 137.

(5) П. С. З. N 66, 1526; Д. къ А. И. т. 4-й N 131; А. А. Э. т. 4-й N 137.

(6) А. И. т. 3-й, № 200.

лямъ, въ Уложеніи (гл. X ст. 156) положено было взыскивать взятое для возвращенія просителямъ, и кромѣ того, налагать на воеводъ пеню, «что государь укажетъ смотря по дѣлу»; но въ 1654 году князь Кропоткинъ и дьякъ Семеновъ за взятки были биты кнутомъ, и въ указѣ сказано, что они были повинны смерти (1). Съ другой стороны, по жалобѣ Татаръ, которыхъ воевода мученіями принуждалъ креститься, послана была только грамота къ воеводѣ, чтобы впредь не употреблять насилія. За неисполненіе указовъ назначались различныя наказанія, смотря по обстоятельствамъ; такъ напримѣръ за невысылку на службу ратныхъ людей угрожалось иногда пенею, иногда тюремнымъ заключеніемъ, иногда великою опалою, наказаніемъ и вѣчнымъ разореніемъ (2). Въ 1650 году воеводскій товарищъ Илья Бунаковъ былъ наказанъ кнутомъ за то, что отказалъ товарищамъ отъ дѣлъ и не слушался царскихъ указовъ. Все это опредѣлялось частными указами, и наказаніе зависѣло не отъ степени вины, а отъ важности нарушеннаго указа. Такъ напримѣръ, въ 1622 году Верхотурскому воеводѣ угрожается смертною казнью, если его нерадѣніемъ купцы будутъ закупать хлѣбъ, и оттого хлѣбъ вздорожаетъ и служилые люди будутъ находиться въ нуждѣ (3). Изъ этого видно, что отвѣтственность была вообще чрезвычайно неопредѣленна и не подлежала постояннымъ законнымъ правиламъ.

Въ случаѣ злоупотребленій обыкновеннымъ сред-

---

(1) П. С. З. № 123, Доп. къ А. И. т. 3-й № 114,

(2) П. С. З. N 43, 51 144, 297; А. А. Э. т. 4-й № 177, А. И. т. 4 й, № 241.

(3) А. И. т. 3-й, № 107.

ствомъ была смѣна воеводъ. Кромѣ того они смѣнялись еще и по истеченіи срока, на который они были назначены; наконецъ и до срока иногда ихъ смѣняли въ военное время для отправленія въ дѣйствующую армію. Такъ напримѣръ, въ 1661 году велѣно было изъ всѣхъ городовъ воеводъ и приказныхъ людей перемѣнить для царской службы и выслать ихъ въ Москву, въ городахъ же на ихъ мѣстахъ быть губнымъ старостамъ, а гдѣ ихъ нѣтъ, опредѣлить изъ отставныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ (1). Это можетъ служить новымъ доказательствомъ того, что главною обязанностью служилаго сословія была военная служба, а что гражданская, вслѣдствіе средневѣковаго воззрѣнія, считалась дѣломъ второстепеннымъ, отдохновеніемъ отъ трудовъ, болѣе нежели занятіемъ.

Таково было управленіе воеводъ. Въ ихъ рукахъ сосредоточивалась вся правительственная дѣятельность въ областномъ управленіи, и эта дѣятельность проникала всюду. Отсутствіе правильнаго разграниченія вѣдомствъ давало имъ еще болѣе простора, а запутанность управленія, великость предоставленной имъ власти, недостатокъ юридическихъ формъ и строгаго контроля со стороны центральнаго правительства давали имъ возможность употреблять свою власть во зло, наживаться и всячески притѣснять жителей управляемой области, такъ что многіе жалѣли о прежнемъ времени, когда не было воеводъ, а управляли губные старосты, и земскіе люди судились собственнымъ судомъ. Дѣйствительно, введеніе воеводъ совершенно измѣнило систему, установленную Иваномъ Васильевичемъ Гроз-

(3) П. С. З. № 313.

нымѣ. При этой системѣ дьяки, находившіеся въ большихъ городахъ, не имѣя въ рукахъ военной силы, далеко не имѣли той власти, какую имѣли воеводы; губные старосты, завѣдывавшіе всѣми дѣлами, были выборные, и земское начало играло значительную роль въ управленіи. Съ повсемѣстнымъ введеніемъ воеводъ все это измѣнилось: правительственный элементъ получилъ въ областномъ правленіи такую силу, передъ которой земскія власти должны были исчезнуть; дѣятельность послѣднихъ мало по малу переходила къ первымъ, а неправильное разграниченіе властей еще болѣе способствовало вмѣшательству воеводъ во всѣ возможныя дѣла. Разумѣется, такая обширная власть, при дурной организаціи управленія, вела къ большимъ злоупотребленіямъ, и часто невыносимыя притѣсненія заставляли жалѣть о прошедшемъ: а между тѣмъ введеніе воеводъ было важнымъ шагомъ впередъ въ системѣ областныхъ учрежденій. Вмѣсто управленія разрозненнаго, разсѣяннаго по множеству разнородныхъ центровъ вводится управленіе единое, государственное; каждый уѣздъ собирается въ одно цѣлое, и каждый центръ управленія становится въ извѣстное отношеніе подчиненія къ центральной власти. Государство находитъ себѣ наконецъ приличныхъ органовъ въ областяхъ, и образовательная его дѣятельность дѣлается возможною. Дьяки не имѣли въ рукахъ достаточной силы; общины также не могли служить ни исходною точкою правительственной дѣятельности, ни органами центральной власти. Какъ мы видѣли во введеніи, и какъ увидимъ еще ниже, онѣ не составляли самостоятельнаго, юридически опредѣленнаго цѣлаго, имѣющаго собственную жизнь и собственные интересы; по-

движность народонаселенія и отсутствіе союзнаго духа дѣлали ихъ случайными соединеніями людей, находившихся во временныхъ, внѣшнихъ другъ къ другу отношеніяхъ. Государство сдѣлало народонаселеніе осѣдлымъ; оно дало общинамъ нѣкоторую юридическую опредѣленность; вся жизнь, вся дѣятельность общественная исходили изъ государства, и весь дальнѣйшій ходъ исторіи долженъ былъ представлять развитіе этой дѣятельности. Государство не образовалось изъ соединенія мелкихъ союзовъ общинныхъ, сословныхъ и вотчинныхъ, но, возникши вслѣдствіе потребности общественнаго устройства и порядка, оно само стало образовывать мелкіе союзы, собирать разсыпанныя храмины, по выраженію Петра Великаго. Оно было исходною точкою для всего, и нуждалось въ орудіяхъ для своей дѣятельности. Но общины, также какъ и дьяки, не могли служить ему орудіями; онѣ были слишкомъ разрозненны, и выборныя власти слишкомъ мало подлежали вліянію центра. Возникши изъ средневѣковаго хаоса, государство сначала употребило для своихъ цѣлей тѣ орудія, которыя у него были подъ руками, преобразовавши ихъ на основаніи новыхъ началъ; это была система, установленная Иваномъ Грознымъ. Но войны и неурядицы показали необходимость новыхъ правительственныхъ органовъ, и воеводы сдѣлались всеобщимъ учрежденіемъ для Россіи. Это та точка, съ которой земское начало Ивана IV рѣшительно уступаетъ мѣсто началу правительственному; это новая система, которая опредѣляетъ все дальнѣйшее развитіе управленія. Петръ Великій въ этомъ отношеніи не ввелъ никакихъ новыхъ началъ; онъ только далъ стройность и правильность существующему порядку.

Рагранничивши земское начало съ правительственнымъ, и давши первому самостоятельную сферу дѣятельности, онъ болѣе возвысилъ его, нежели унизилъ. Но во всякомъ случаѣ со времени введенія воеводъ оно становится уже второстепеннымъ, подчиненнымъ органомъ управленія. Воеводы стали средоточіемъ, исходною точкою всего областнаго управленія, и эта система господствовала до самыхъ временъ Екатерины II-й и существуетъ еще въ нѣкоторомъ отношеніи и до нашего времени.

Изложенный порядокъ управленія былъ общій для всѣхъ областей; теперь остается изложить особенности управленія приписныхъ городовъ, приказныхъ людей и дворцовыхъ воеводъ и приказныхъ людей.

2) Воеводы приписныхъ городовъ.

Приписаніе одного города или посада къ другому имѣло различныя основанія: незначительность пригорода, его отдаленность, его историческія отношенія къ главному городу, наконецъ административныя и военныя соображенія. Въ пограничныхъ городахъ имѣлась въ виду преимущественно послѣдняя цѣль, почему и зависимость установлялась преимущественно въ военныхъ дѣлахъ. Ольшанскъ, напримѣръ, приписанный къ Бѣлгороду, находился на Бѣлгородской чертѣ, гдѣ расположенъ былъ Бѣлгородскій полкъ, котораго начальникъ былъ Бѣлгородскій воевода. Но иногда назначался особенный воевода для начальства надъ войскомъ и тогда самъ Бѣлгородскій воевода подчинялся ему (1). Терскій городъ въ 1650 году былъ приписанъ къ Астра-

(1) А. А. Э. т. 4-й N 206; А. И. т. 5-й, N 161.

хани, «потому что Терской городъ отъ Москвы удалѣлъ, и станицы бываютъ къ Москвѣ не частые и въ томъ Государеву дѣлу чинится мотчаніе и поруха болшая»; непосредственнымъ же поводомъ къ этому было то, что Терскіе воеводы долго не писали въ Москву (1). Пригороды Пскова и Новгорода были приписаны къ нимъ вслѣдствіе историческихъ ихъ отношеній; но нѣкоторые воеводы этихъ городовъ вовсе не были подчинены воеводамъ главныхъ городовъ. Такъ напримѣръ Старая Руса была прежде Новгородскимъ пригородомъ, а между тѣмъ по наказу 1664 года Старорусскій воевода дѣйствовалъ, какъ совершенно самостоятельный правитель (2). Заонежскіе погосты (впослѣдствіи Олонецкій уѣздъ) находились въ Новгородскомъ уѣздѣ и сначала были вѣдомы въ Новгородѣ, но впослѣдствіи велѣно было платить подать съ этихъ погостовъ въ Москву, между тѣмъ какъ подати съ другихъ пригородовъ платились въ Новгородъ. Олонецкій воевода по наказу 1649 года былъ совершенно независимъ отъ Новгородскаго (3).

Въ приписныхъ городахъ были иногда одни воеводы безъ дьяковъ и безъ подъячихъ, но бывали и воеводы съ дьяками, и даже по нѣскольку воеводъ; такъ напримѣръ, на Терекѣ было въ 1650 и 1651 годахъ двое воеводъ съ дьякомъ. На какомъ основаніи это дѣлалось, неизвѣстно; можетъ быть, это зависѣло отъ большей или меньшей степени довѣренности царя.

Воеводы приписныхъ городовъ не всегда назначались правительствомъ; есть извѣстія, что въ нѣкоторыхъ

---

(1) А. И. т. 4-й N 40.

(2) Д. къ А. И. т. 4-й N 140,

(3) Д. къ А. И. т. 3-й, N 36 стр. 131 наказъ N 67.

мѣстахъ они назначались воеводами главныхъ городовъ (1). Назначаемые правительствомъ посылались изъ Москвы иногда прямо въ пригородъ, иногда сперва въ главный городъ, гдѣ воевода, получивши отъ нихъ царскую грамоту, отправлялъ ихъ на мѣсто назначенія (2). Пріѣхавши, они принимали отъ предшественниковъ всѣ дѣла, считали ихъ въ приходѣ и расходѣ, и отпускали въ Москву сами собою или съ вѣдома воеводы главнаго города (3). Росписные и счетные списки, а равно и отписки въ пріемѣ посылались иногда только въ главный городъ, иногда также въ Москву, иногда же единственно въ Москву (4).

Не всегда пригороды подчинялись всѣмъ воеводамъ главнаго города и ихъ товарищамъ: иногда ими завѣдывалъ одинъ большой воевода или только два первыхъ, но часто они подчинялись всѣмъ вмѣстѣ. Самый порядокъ этотъ измѣнялся; такъ напримѣръ въ 1650 году Черный Яръ подчиненъ былъ только двумъ первымъ Астраханскимъ воеводамъ, а въ 1665 году всѣмъ воеводамъ и товарищамъ вмѣстѣ (5). Точно также и Терскіе воеводы въ 1650 году были подчинены двумъ первымъ воеводамъ въ то время, какъ въ Астрахани

---

(1) Котошихинъ гл. VIII П. С. З. № 1441. 2: въ 1692 г. Ростовъ и Переяславль Залѣсскій приписаны къ Ярославлю; воеводы этихъ городовъ и губные старосты отставлены, а велѣно быть въ нихъ изъ отставныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ тѣхъ же городовъ по усмотрѣнію Ярославскаго воеводы. Впрочемъ, можетъ быть, они были приказные люди.

(2) А. И. т. 4-й N 181. т. 5-й N 208.

(3) А. И. т. 4-й N 181

(4) Первое А. И. т. 5-й N 208, второе т. 4-й N 181, т. 5 й N 161, третье т. 3-й № 135.

(5) А. И. т. 4-й, N 40, 181.

было трое воеводъ и двое дьяковъ; но въ слѣдующемъ году второй воевода умеръ или былъ отозванъ, и Терскій городъ остался подъ вѣдомствомъ одного перваго воеводы (1). Въ 1653 году въ Астрахань посланы были новые воеводы и дьяки; воеводъ было двое, но Терскій городъ подчиненъ былъ одному первому; въ 1663 году имъ завѣдывалъ еще одинъ первый воевода, но въ 1673-мъ и послѣ онъ былъ уже подчиненъ всѣмъ Астраханскимъ воеводамъ съ товарищами (2).

Степень зависимости не опредѣлялась также никакимъ общимъ правиломъ, и даже измѣнялась съ каждымъ наказомъ. Въ 1650 году Черный Яръ былъ приписанъ къ Астрахани, а воеводѣ велѣно было писать туда « о всякихъ тамошнихъ дѣлѣхъ », въ особенности о расправныхъ, « которыхъ за чѣмъ вершить будетъ не мочно »; къ государю же писать только о вѣстяхъ, а кромѣ вѣстей запрещено было писать къ государю о какихъ бы то ни было дѣлахъ. Но въ наказѣ 1663 года велѣно было, напротивъ того, писать « о указѣ о всякихъ дѣлѣхъ », какъ въ Москву, такъ и въ Астрахань. Терскимъ воеводамъ въ 1650 году также велѣно было писать о всякихъ дѣлахъ и въ Москву и въ Астрахань; кромѣ того они должны были просить у Астраханскаго воеводы указа о тѣхъ расправныхъ дѣлахъ, которыхъ « за чѣмъ вершить бу-

(1) А. И. т. 4 й, N 40. 52. Что втораго воеводы уже не было, видно изъ грамоты N 53, въ которой вычисляются всѣ воеводы и дьяки, а о второмъ не упоминается.

(2) А. И. т. 4-й. № 63, 169, 237, т. 5-й, N 202. Тобольскіе пригороды въ 1664 г. подчинялись одному большому Тобольскому воеводѣ. Доп. къ А. И. т. 4-й, N 138 стр. 350.

деть не мочно », и о тѣхъ, « о которыхъ писать къ государю за дальнимъ проѣздомъ не доведется, а имъ тѣхъ дѣлъ безъ Государева указа дѣлать будетъ не умѣть ». Слѣдственно самыя нужныя и не терпящія отлагательства дѣла по дальности разстоянія были предоставлены рѣшенію главныхъ воеводъ. Напротивъ того, воеводамъ Сибирскихъ городовъ Тобольскаго разряда предписывалось всегда о большихъ дѣлахъ писать въ Москву; въ Тобольскъ они писали объ указѣ о всякихъ дѣлахъ, но въ позднѣйшихъ наказахъ предписывалось иногда писать въ Тобольскъ только о малыхъ дѣлахъ, а въ Москву о большихъ (1). Впрочемъ нигдѣ не опредѣлялось, какія дѣла должно было считать большими и какія малыми. Наконецъ въ наказѣ 1691 года Корсуновскому воеводѣ нѣтъ предписанія писать въ Москву о чемъ бы то ни было; всѣ отписки посылались только въ Симбирскъ, хотя власть этихъ воеводъ нисколько не была менѣе другихъ, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ была даже больше (2).

Изъ этого видно, что отношенія были чрезвычайно разнообразны и неопредѣленны. Еще болѣе разнообразія является въ частностяхъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ подчиненіе нерѣдко опредѣлялось частными, случайными предписаніями; общіе же наказы, опредѣливши нѣкоторые случаи, употребляли за тѣмъ выше означенныя неопредѣленныя выраженія, которыя многое предоставляли усмотрѣнію самихъ подчиненныхъ воеводъ. Почти всѣ воеводы приписныхъ городовъ должны были писать о вѣстяхъ и военныхъ дѣйствіяхъ,

(1) А. И. т. 3 й, N 135; П. С. З. N 1670,

(2) А. И. т. 5-й, N 208.

какъ въ главные города, такъ и въ Москву; нѣкоторымъ предписывалось также писать и о взятыхъ плѣнникахъ (1). Но воевода Корсуновскій долженъ былъ писать объ этомъ, какъ мы видѣли, единственно къ Симбирскимъ воеводамъ. Починку городовыхъ укрѣпленій нѣкоторые воеводы могли производить собственною властью, другіе съ разрѣшенія государя безъ всякаго вмѣшательства воеводы главнаго города (2). Но въ 1651 году распоряженія о постройкѣ новаго острога на Терекѣ сдѣланы были черезъ Астраханскаго воеводу, къ которому присылались и отписки Терскихъ воеводъ по этому дѣлу (3). Въ 1631 году Гдовскій воевода писалъ къ царю, что надобно починить городовыя укрѣпленія, и царь предписалъ Псковскому воеводѣ послать во Гдовъ дворянина для составленія смѣты, которую велѣно было прислать въ Москву (4). Псковскому же воеводѣ поручено было въ 1623 году велѣть прибирать во Гдовѣ стрѣльцовъ и сдѣлать распоряженія о выдачѣ имъ жалованья; но въ томъ же указѣ сказано, что предписаніе объ отводѣ имъ квартиръ послано будетъ прямо ко Гдовскому воеводѣ (5). Воеводы Тобольскаго разряда писали въ Тобольскъ о хлѣбныхъ запасахъ, ибо хлѣбное жалованье служилымъ людямъ получалось изъ Тобольска (6); въ наказахъ же другимъ воеводамъ это предписаніе не

(1) А. И. т. 3-й N 135, т. 4-й, N 181, т. 5-й, N 161; Доп. къ А. И. т. 5-й N 19.

(2) Первое А. И. т. 3-й, N 135; второе Доп. къ А. И. т. 4-й N 42, 95.

(3) А. И т. 4-й N 52.

(4) А. А. Э. т. 3-й, N 196.

(5) А. А. Э. т. 3-й, N 148.

(6) А. И. т. 3-й, N 135; П. С. З. N 1670.

встрѣчается. При Петрѣ Великомъ воеводамъ городовъ Тобольскаго разряда позволено было верстать только въ пѣшіе казаки и въ стрѣльцы, о верстаніи же въ конные казаки, въ дѣти боярскіе и въ Литовскій списокъ они должны были писать къ Тобольскому воеводѣ, которому предоставлено было рѣшеніе (1). Ольшанскому воеводѣ въ 1687 году запрещено было принимать Черкасовъ безъ вѣдома Бѣлгородскаго воеводы, по отпискамъ котораго онъ долженъ былъ устроивать ихъ на службу. Но объ выходцахъ и плѣнникахъ онъ долженъ былъ доносить и присылать книги не въ Бѣлгородъ, а въ Московскій Разрядъ. О подозрительныхъ людяхъ въ этомъ наказѣ ничего не сказано; Черноярскому же воеводѣ и Корсуновскому велѣно было, допросивши ихъ и пытавши, сажать въ тюрьму, и писать о нихъ къ главнымъ воеводамъ, а до царскаго указа не выпускать ихъ изъ тюрьмы. Въ судебныхъ же дѣлахъ напротивъ того Корсуновскій воевода не подлежалъ никакому ограниченію; ему велѣно было « всякихъ людей въ управныхъ во всякихъ дѣлѣхъ судить и расправа межъ ими чинить вправду, по указу Великихъ государей, и отъ воровства ихъ унимать и наказанье чинить смотря по винѣ ». Только роспись заключеннымъ въ тюрьму велѣно было по пріѣздѣ прислать въ Симбирскъ. Черноярскому воеводѣ, равно какъ и Терскому, предписано было писать въ Астрахань « о расправныхъ дѣлѣхъ, которыхъ за чѣмъ вершить будетъ не мочно »; кромѣ того онъ долженъ былъ послать роспись заключеннымъ и доносить о наказанныхъ преступникахъ. Но Ольшанскому вое-

---

(1) П. С. З. N 1304.

водѣ запрещено было судить кого бы то ни было въ большихъ дѣлахъ « для того, что по указу Великихъ Государей въ большихъ искѣхъ велѣно судить и всякая расправа чинить на Москвѣ въ приказѣхъ и въ Бѣлгородѣ боярину и воеводамъ ». Что разумѣлось подъ именемъ большихъ дѣлъ, здѣсь не объяснено; вѣроятно постановленіе Уложенія о томъ, чтобы не судить исковъ выше 20 рублей въ городахъ, гдѣ съ воеводами нѣтъ дьяковъ. При Петрѣ Великомъ въ наказѣ 1697 года, данномъ Казанскому воеводѣ, запрещено было въ Казанскихъ пригородахъ совершать смертную казнь, а велѣно было писать о томъ въ Казань, Казанскому же воеводѣ доносить государю о казненныхъ преступникахъ. Иногда подчиненнымъ воеводамъ предписывалось писать къ главнымъ воеводамъ и о нѣкоторыхъ полицейскихъ дѣлахъ, напримѣръ о моровой язвѣ (1). Точно также и нѣкоторыя финансовыя дѣла производились по распоряженію главныхъ воеводъ: подати съ Новгородскихъ и Псковскихъ пригородовъ платились въ Новгородѣ и Псковѣ, гдѣ собранныя деньги раздавались на жалованье служилымъ людямъ (2). Сибирскіе воеводы въ сборѣ ясака были большею частью совершенно независимы отъ воеводъ главныхъ городовъ; собранную рухлядь, цѣновныя росписи, ясачныя книги и отписи они присылали прямо въ Москву (3). Но Тарскому воеводѣ велѣно было въ наказѣ 1633 года присылать

(1) Наказъ Ольшанскому воеводѣ А. И. т. 5-й, N 161; Д. къ А. И. т. 4-й, N 34.

(2) Д. къ А. И. т. 3 й, N 20, 35, стр. 131; А. А. Э. т. 4-й, N 133, т. 5-й, N 33.

(3) А. И. т. 3-й N 135, 216.

въ Тобольскъ свидѣтельство о тѣхъ ясачныхъ людяхъ, которые не въ состояніи платить ясака, и Тобольскій воевода долженъ былъ для досмотра посылать изъ Тобольска письменныхъ головъ (1). Кромѣ того, въ наказѣ Тобольскому воеводѣ 1697 года велѣно было воеводамъ приписныхъ городовъ присылать рухлядь для оцѣнки въ Тобольскъ, если въ тѣхъ городахъ нѣтъ хорошихъ цѣновщиковъ; иначе посылать ее прямо въ Москву. Наконецъ, въ случаѣ злоупотребленій, воевода главнаго города посылалъ иногда служилыхъ людей для розыска и привоза собранной казны въ главный городъ помимо мѣстнаго воеводы (2). Въ Верхотурьѣ сборъ выдѣльнаго хлѣба производился иногда по распоряженію Верхотурскихъ воеводъ, которые посылали отписки и отчеты непосредственно въ Москву; но иногда для этого присылались изъ Тобольска сборщики, которые сбирали хлѣбъ по наказамъ Тобольскихъ воеводъ, а Верхотурскимъ воеводамъ сдавали уже собранные запасы (3). Въ этомъ случаѣ дѣло производилось непосредственно воеводою главнаго города. Точно также и кабакъ Верхотурскій съ 1620 до 23 года былъ въ непосредственномъ вѣдомствѣ Тобольскихъ воеводъ, которые присылали для сбора дѣтей боярскихъ и подъячихъ; но такъ какъ эти лица были въ постоянной враждѣ съ Верхотурскими воеводами, то въ 1623 году кабакъ былъ отданъ въ вѣдомство послѣднихъ (4). Черноярскому воеводѣ велѣно было о преслѣдованіи корчемства « чинить по

(1) П. С. З. N 1670 наказъ N 1-й ошибкой подъ годомъ 7119.

(2) Д. къ А. И. т. 5-й, N 57.

(3) Первое А. И. т. 3 й, N 109, 135; второе, т. 4-й, N 23, 33.

(4) А. И. т. 3 й, N 122.

государеву указу и писать о томъ въ Астрахань», но Корсуновскій воевода долженъ былъ; «будетъ кто учнетъ корчму держать, на тѣхъ корчемниковъ писать въ Синбирскъ», слѣдственно собственною властью не дѣлать никакихъ распоряженій. Контрабанду же ему велѣно было преслѣдовать, и «лишніе товары отписывать на Великихъ Государей, да о томъ писать и заповѣднымъ товаромъ росписи присылать въ Синбирскъ». Другіе воеводы, напротивъ того, собственною властью дѣлали распоряженія и не обязаны были никому доносить о своихъ дѣйствіяхъ (1). Замѣчательно, что Черноярскій воевода, имѣя обязанность доносить о корчемствѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ могъ собственною властью отставлять отъ дѣлъ всякихъ сборщиковъ, кромѣ откупщиковъ, если они корыстовались царскою казною, править на нихъ начетъ, наказывать ихъ по винѣ, велѣть выбирать другихъ на ихъ мѣсто, и все это не донося о томъ ни въ Москву, ни Астраханскимъ воеводамъ. При Петрѣ Великомъ велѣно было Тобольскому воеводѣ (въ наказѣ 1697 года) смотрѣть, чтобы не было корчемства въ приписныхъ городахъ; если же воеводы, дьяки, письменные головы или подъячіе станутъ курить или продавать вино, то посылать отъ себя произвести слѣдствіе и писать о томъ къ государю, который предоставлялъ себѣ принять нужныя мѣры. Казенные промыслы также иногда завѣдывались главными воеводами: въ 1650 году велѣно было на Терекѣ разсадить виноградные сады, тутовыя деревья и заводить шелковые заводы и мареновый промыселъ по распоряженіямъ Астраханскихъ воеводъ, которымъ Терскіе

---

(1) А. И. т. 3-й, N 135, 153; т. 5-й, N 161.

воеводы должны были обо всемъ посылать отписки (1). Псковскія оброчныя статьи не только въ Псковскомъ уѣздѣ, но и въ пригородахъ, отдавались на откупъ во Псковѣ (2). Пашенными крестьянами Сибирскіе воеводы обыкновенно управляли совершенно самостоятельно, и доносили о своихъ распоряженіяхъ единственно въ Москву; но иногда имъ предписывалось обо всѣхъ дѣлахъ по этой части писать къ воеводѣ главнаго города (3). Наконецъ ежегодные отчеты посылались или въ главный городъ или въ Москву или вмѣстѣ туда и сюда. Корсуновскій воевода отсылалъ въ Симбирскъ смѣтные и помѣтные списки. Точно также и Сибирскіе воеводы посылали смѣтные и помѣтные списки денежнымъ доходамъ, хлѣбнымъ запасамъ и мягкой рухляди, и окладныя книги ясачнымъ людямъ, ружникамъ и оброчникамъ въ Тобольскъ, гдѣ составлялся одинъ смѣтный и помѣтный списокъ, общій для всѣхъ городовъ Тобольскаго разряда (4). Черноярскій воевода посылалъ окладныя книги, смѣтные и помѣтные списки и копіи съ приходныхъ и расходныхъ книгъ, какъ въ Астрахань, такъ и въ Москву. Ольшанскій же воевода посылалъ въ Бѣлгородъ въ началѣ года головую смѣту съ вѣдомостью о состояніи города, артиллеріи, запасовъ и казны; приходныя же и расходныя книги и счетный списокъ онъ отсылалъ въ Москву.

Кромѣ этихъ дѣлъ, относительно которыхъ приписные

---

(1) А. И. т. 4-й, N 40, 63.

(2) Доп. къ А. И. т. 3-й, № 20.

(3) Первое А. И. т. 3-й, N 121, 135; С. Г. Г. т. 3-й, № 54; второе Доп. къ А. И. т. 4-й, N 92.

(4) А. И. т. 3-й, N 135; П. С. З. N 1670.

воеводы ставились въ постоянную зависимость отъ главнаго или отъ Московскихъ приказовъ, было множество отдѣльныхъ случаевъ, въ которыхъ они дѣйствовали подъ надзоромъ и руководствомъ главныхъ начальниковъ; всякій разъ, какъ дѣлалось какое нибудь царское или воеводское распоряженіе, имъ предписывалось доносить объ исполненіи главному воеводѣ или государю (1). Неопредѣленность общихъ предписаній дѣлала возможною зависимость всякаго рода, и самимъ подчиненнымъ воеводамъ предоставлялся большой произволъ въ донесеніяхъ: при всякомъ затрудненіи они могли требовать указа изъ Москвы или отъ воеводы главнаго города.

Съ другой стороны царскіе указы посылались также или непосредственно къ подчиненному воеводѣ или къ воеводѣ главнаго города. Въ этомъ также не наблюдалось никакого правила; по однимъ и тѣмъ же дѣламъ указъ могъ быть посланъ то къ тому, то къ другому. Такъ напримѣръ въ 1684 году послана была грамота къ Тобольскому воеводѣ съ предписаніемъ выслать въ Енисейскъ 500 ратныхъ людей; Тобольскій воевода послалъ о томъ предписаніе къ Верхотурскому, но къ царю онъ долго объ этомъ не писалъ, вслѣдствіе чего въ слѣдующемъ году послана была царская грамота непосредственно къ Верхотурскому воеводѣ съ приказаніемъ донести царю, кто именно посланъ изъ Верхотурья (2). Нерѣдко грамоты посылались въ тоже время и къ подчиненному воеводѣ и къ главно–

(1) Напр. о приготовленіи судовъ А. И. т. 4-й, N 61; о построеніи слободы Д. къ А. И. т. 3-й, N 46, о переписи С. Г. Г. т. 3-й, N 84; А. И. т. 4-й, N 187.

(2) А. И. т. 5 й, N 114. Тоже самое С. Г. Г. т. 3-й, N 34.

му (1), ибо послѣдній могъ съ своей стороны сдѣлать распоряженіе несогласное съ царскимъ предписаніемъ. Это мы видимъ въ примѣрѣ Бѣлгородскаго воеводы, который послалъ въ Воронежъ предписаніе, противорѣчащее указу, присланному туда изъ Москвы (2). Если подчиненный воевода писалъ къ царю объ указѣ, то царская грамота могла быть послана къ главному воеводѣ, иногда единственно для сообщенія подчиненному, иногда для распоряженій по усмотрѣнію (3), иногда же для принятія мѣръ мимо приписнаго воеводы. Послѣднее мы видѣли выше въ предписаніи, данномъ Псковскому воеводѣ, сдѣлать смѣту о починкѣ Гдовскихъ городовыхъ укрѣпленій.

Воеводы главныхъ городовъ могли съ своей стороны дѣлать предписанія подчиненнымъ воеводамъ; если же по отпискамъ послѣднихъ они не могли « учинить государева указу », тогда они должны были представить дѣло на разрѣшеніе царя (4). Воеводамъ приписныхъ городовъ предписывалось повиноваться главнымъ воеводамъ, но послѣдніе не могли ни наказывать, ни смѣнять ихъ за неповиновеніе, а должны были жаловаться на нихъ государю (5). Въ 1669 году Тобольскій воевода Годуновъ смѣнилъ Тюменьскаго воеводу Лодыгина и назначилъ на его мѣсто Тюменьскаго письменнаго голову Блудова (6), но это было злоупотребленіе власти.

---

(1) А. И. т. 4-й, N 220; Д. къ А. И. т. 3-й, N 46.
(2) Воронежскіе акты т. 3-й, N 143.
(3) А. И. т. 4-й, N 187, Д. къ А. И. т. 3-й, N 46.
(4) А. И. т. 4-й, N 40.
(5) А. И. т. 5-й, N 114; Д. къ А. И. т. 4-й, N 106.
(6) Др. Вивліоѳ. т. 3-й Записки къ Сибирской исторіи.

Таковы были права и обязанности воеводъ приписныхъ городовъ. Изъ этого видно, что какъ власть ихъ, такъ и отношенія къ главнымъ воеводамъ и къ Московскимъ приказамъ, были чрезвычайно неопредѣленны и разнообразны. Казалось бы, воеводы главныхъ городовъ должны были быть посредствующими членами между пригородами и центральною властью, но на дѣлѣ было не такъ. Въ Московскомъ государствѣ не было понятія о систематическомъ устройствѣ управленія, о точномъ разграниченіи властей и объ установленіи правильныхъ отношеній между правительственными мѣстами и лицами. Поэтому всѣ эти отношенія перепутывались: подчиненные воеводы непосредственно относились къ высшей власти; царскія грамоты посылались то къ тѣмъ, то къ другимъ, и во всемъ этомъ не было никакого правила, никакого порядка; все опредѣлялось случаемъ, удобствомъ или произволомъ. Съ другой стороны воеводы приписныхъ городовъ, будучи назначены самимъ государемъ и управляя отдѣльнымъ уѣздомъ, были совершенно самостоятельными правителями, которые только въ распоряженіяхъ, превышавшихъ ихъ власть, требовали разрѣшенія высшихъ начальниковъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы видѣли, что дѣла приписныхъ округовъ завѣдывались иногда непосредственно главными воеводами, что совершенно уничтожало самостоятельность подчиненныхъ. Къ этому присоединялась неопредѣленность подчиненія: наказы и грамоты опредѣляли только отдѣльные случаи зависимости, которые по чему либо бросались въ глаза; остальное же предоставлялось усмотрѣнію самихъ воеводъ. Оттого зависимость была и отрывочна и разнообразна: воевода, который, по

извѣстному роду дѣлъ, былъ гораздо болѣе ограниченъ въ своихъ правахъ, нежели другіе, въ другихъ дѣлахъ имѣлъ напротивъ гораздо большую власть. Общихъ соображеній, общей системы не было, и если приписаніе малыхъ городовъ къ большимъ было шагомъ къ правильному устройству областнаго управленія, то съ другой стороны этою мѣрою установлялись новыя отношенія, въ которыхъ господствовали тотъ же безпорядокъ и таже неопредѣленность, какъ и въ цѣломъ, такъ что управленіе дѣлалось черезъ это еще сложнѣе и запутаннѣе.

3.) Приказные люди.

Въ городахъ и уѣздахъ, которыми управляли воеводы, были подчиненные имъ приказные люди; тамъ же, гдѣ не было воеводъ, приказные люди были самостоятельными правителями городовъ. Здѣсь идетъ рѣчь только о послѣднихъ; сюда принадлежали губные старосты, о которыхъ будетъ говорено ниже, и городовые прикащики, о которыхъ находимъ очень мало извѣстій въ настоящій періодъ. До введенія воеводъ они находились во многихъ городахъ; въ то время губные старосты и городовые прикащики играли туже роль въ малыхъ городахъ, какую дьяки играли въ большихъ. Приказные люди существовали рядомъ съ намѣстниками и съ земскими властями и частью даже смѣшивались съ ними, ибо губные старосты выбирались земщиной.

Городовые прикащики всегда завѣдывали податьми и повинностями мѣстныхъ жителей (1); какъ пред-

(1) А. И. т. 1-й № 145, 148, 195, 200; А. А. Э. т. 1-й N 277. 283, т. 2-й N 84.

ставители казеннаго интереса, они имѣли преимущественно казенное значеніе. Поэтому къ вѣдомству ихъ принадлежали и тѣ дѣла, которыя производились повинностью жителей, какъ напримѣръ постройка укрѣпленій (1). Имъ же поручались и полицейскія дѣла, надзоръ за исполненіемъ законовъ, охраненіе правъ (2). Судебникомъ было предписано являть имъ людей, которые отдавались на поруки, или за недостаткомъ порукъ брались подъ стражу. Они отводили земли монастырямъ, сдавали монастырское имущество новымъ игуменамъ; иногда они даже исполняли должность писцовъ (3). Тамъ, гдѣ не было намѣстниковъ и земскихъ судей, а иногда и вмѣстѣ съ намѣстниками, они, имѣли право суда, и пользовались судебными пошлинами и другими доходами (4). Въ особенности ихъ значеніе увеличилось въ началѣ XVII-го вѣка, когда усилилась правительственная дѣятельность, и намѣстники стали постепенно уничтожаться. Въ это время товарищами приказныхъ людей стали назначать подьячихъ, которые вмѣстѣ съ ними судили и управляли всѣми дѣлами (5). Грамоты стали писать безъ означенія должности на имя приказныхъ людей, но съ отчествомъ, тогда какъ прежде писали: городовому прикащику такому-то (6). Самое названіе: городовой прикащикъ стало выходить изъ употребленія и замѣ-

(1) А. А. Э. т. 1-й N 182.

(2) А. И. т. 1-й N 176; А. А Э. т. 1-й, № 177. т. 2-й, № 83; А. Юрид. № 359.

(3) А. А. Э. т. 1-й, № 169, 337; А. Ю. № 104.

(4) А. И. т. 2-й, N 347; А. А. Э. т. 2-й N 79, 83, 85.

(5) А. И. т. 2-й № 78, 86.

(6) См. множество грамотъ во 2-мъ томѣ А. А. Э., А. И. С. Г. Г.— Въ нѣкоторыхъ есть прямое указаніе, что онѣ писаны къ приказ-

нилось болѣе общимъ названіемъ приказнаго человѣка. Они завѣдывали самыми разнородными дѣлами, но нигдѣ не видать, чтобъ они имѣли военную власть; самое различіе названій показываетъ, что въ этомъ именно состояло ихъ отличіе отъ воеводъ, ибо прочими дѣлами они завѣдывали точно также, какъ и воеводы.

Со времени повсемѣстнаго введенія воеводъ городовые прикащики дѣлаются исключеніемъ и встрѣчаются въ очень немногихъ мѣстахъ. Такъ напримѣръ въ Шуѣ въ 1638 году былъ приказный человѣкъ Игнатій Андреевичъ Судаковъ (1). До 1649 года въ Сумерской волости были приказные люди, но въ этомъ году велѣно было крестьянъ обучать солдатской службѣ, и тогда посланъ былъ туда воевода (2). Замѣчательно, что у приказнаго человѣка Сумерской волости сидѣли въ судѣ старосты и цѣловальники;

нымъ людямъ, напр. А. А. Э. т. 2-й N 84. Въ грамотѣ А. И. т. 2-й № 97 Акинѳовъ названъ воеводою, но это вѣроятно ошибка, ибо въ грамотѣ С. Г. Г. т. 2-й № 176 онъ названъ приказнымъ человѣкомъ.

(1) Что Судаковъ былъ приказный человѣкъ, видно изъ самой грамоты (Описаніе Шуи № 20, А. А. Э. т. 3-й N 278), въ которой говорится о притѣсненіяхъ приказныхъ людей и предписывается отдать эту грамоту посадскимъ людямъ: «для иныхъ Шуйскихъ приказныхъ людей». То, что грамота писана на имя Судакова безъ означенія его должности, показываетъ, что онъ былъ приказный человѣкъ, ибо воеводамъ всегда писалось: воеводѣ такому-то, а приказные люди означались только по имени. Наконецъ изъ грамоты: Описаніе Шуи № 23 видно, что въ Шуѣ былъ не воеводскій дворъ, а дворъ приказныхъ людей. Въ 1637 году Судаковъ былъ впрочемъ воеводою (Старинные Акты Шуи, № 37); вѣроятно въ слѣдующемъ году онъ изъ воеводы сдѣланъ былъ приказнымъ человѣкомъ, можетъ быть, вслѣдствіе вывода войскъ.

(2) Доп. къ А. И. т. 3-й N 63.

это былъ одинъ изъ остатковъ прежняго времени, который уничтожался со введеніемъ воеводъ; въ наказѣ Сумерскому воеводѣ объ нихъ уже не упоминается. Обыкновенно, если не было воеводы, или если воевода отзывался въ походъ, управленіе поручалось губному старостѣ; если же въ городѣ не было и губнаго старосты, тогда назначались приказные люди или городовые прикащики изъ отставныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Новая система военныхъ правителей не успѣла сдѣлаться повсемѣстною и неизмѣнною нормою управленія, потому что не сознавалась необходимость постоянной системы. Поэтому старый порядокъ продолжалъ существовать, какъ исключеніе изъ общаго правила.

4.) Дворцовые воеводы и приказные люди.

Дворцовое вѣдомство составляло отдѣльное управленіе, которымъ завѣдывалъ приказъ Большаго дворца; сюда принадлежали нѣсколько городовъ, слободы, села, волости, промыслы, оброчныя статьи и другіе доходы (1). Дворцовые крестьяне во всѣхъ дѣлахъ между собою судились своими воеводами и приказными людьми, въ тяжбахъ же съ посторонними они подлежали суду приказа Большаго дворца и Дворцоваго суднаго приказа (2). Подати съ нихъ сбирались въ приказъ Большаго дворца, но въ 1689 году велѣно было ямскія и полоняничныя деньги, которыя дотолѣ сбирались въ приказъ Большаго дворца,

(1) См. списокъ дворцовыхъ городовъ и слободъ въ 1682 г. А. А. Э. т. 4-й N 230.

(2) Котошихинъ гл. XI; П. С. З. № 1143.

пилось болѣе общимъ названіемъ приказн...
Они завѣдывали самыми разнородными...
нигдѣ не видать, чтобъ они имѣли во...
самое различіе названій показываетъ...
именно состояло ихъ отличіе отъ...
чими дѣлами они завѣдывали ... з
воеводы. ... ны

Со времени повсемѣстнаго ... лѣ
довые приказщики дѣлают... аго
чаются въ очень немного... щику
въ Шуѣ въ 1638 го... ...о, а устав-
Игнатій Андреевичъ ... не хотѣли слу-
Сумерской волости ... требовали указа изъ
этомъ году вел... ...).
ской службѣ, г... да посылались изъ приказа Боль-
Замѣчательн... воды и приказные люди, которые
волост... с... ымъ уѣздомъ, гдѣ кромѣ дворцовыхъ
...лостей находились и частныя земли. Напро-
...мъ гдѣ городъ не былъ подчиненъ приказу
...го дворца, были воеводы и приказные люди,
...вшіе одними дворцовыми селами, которыя та-
...имъ образомъ составляли совершенно отдѣльное упра-
...леніе въ одномъ и томъ же округѣ (3). Въ другихъ
мѣстахъ воеводы и приказные люди посылались въ
отдѣльныя села и слободы, которыми они управляли
совершенно независимо, подъ вѣдомствомъ одного при-

нымъ лю...
№ 97 ...
грам...
ко...

(1) П. С. З. N 1251 Стрелецкіе жъ деньги сбирались въ приказъ Б. Дворца, откуда отсылались въ стрѣлецкій приказъ А. А. Э. т. 4-й, N 250.

(2) А. А. Э. т. 4-й № 202.

(3) Описаніе Шуи, № 36: «Юрьевскаго уѣзда Польскаго въ наши В. Государя дворцовыя селы воеводѣ нашему П. С Мертваго да приказщику Семену Толкачову«.

го дворца. Такъ напримѣръ Борисоглѣб-
находившаяся подлѣ города Романова
теперь съ нимъ одинъ городъ, была
ча отъ Романова, платила подати
ворца и имѣла своихъ приказ-
берегали жителей отъ притя-
1). Романовъ самъ былъ
приказу, а между
лись въ Ярославскомъ
воды, изъ власти которыхъ
этого видно, какое разнород-
какая пестрота управленія находи-
гранствѣ небольшаго округа. Село Дуни-
Суздальскомъ уѣздѣ имѣло самостоятельныхъ
казныхъ людей, но въ послѣдней четверти XVII-го
вѣка туда посылались уже не приказные люди, а
воеводы (2). Наконецъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не
было дворцовыхъ земель, а были только дворцовые
промыслы, управленіе поручалось разнымъ лицамъ;
такъ напримѣръ въ Астрахани въ 1689 году для за-
вѣдыванія дворцовыми промыслами было дворцовое
ловье, которымъ управлялъ, подъ непосредственнымъ
вѣдомствомъ приказа Большаго дворца, рыбнаго и
звѣриного промысловъ промышленникъ Епанчинъ съ
товарищами (3).

Въ дворцовыхъ городахъ были то воеводы, то при-
казные люди (4); иногда приказные люди были при

А. А. Э. т. 3-й, N 170.

къ А. И. т. 3-й N 77, т. 4-й N 61, 62; Стар. Акты Шуи.

. И. т. 5-й N 182.

Въ Юрьевцѣ Повольскомъ были въ 1631 г. приказные люди,
г. воеводы. А. А. Э. т. 3 й N 191, т. 4-й N 380. Изъ первой

сбирать въ ямской приказъ (1). Случалось также иногда, что области, отданныя въ вѣдомство приказа Большаго дворца, оставались вмѣстѣ съ тѣмъ подчиненными тому областному приказу, который завѣдывалъ ими прежде, что производило запутанность въ управленіи. Такъ напримѣръ, Бѣлоозеро, которое до половины XVII-го вѣка подчинено было Галицкой четв, послѣ того отдано было въ вѣдомство приказа Большаго дворца; но въ 1675 году таможенному откупщику дана была откупная грамота изъ послѣдняго, а уставная грамота изъ перваго, и воеводы не хотѣли слушаться ни той, ни другой, а требовали указа изъ приказа Большаго дворца (2).

Въ дворцовые города посылались изъ приказа Большаго дворца воеводы и приказные люди, которые управляли всѣмъ уѣздомъ, гдѣ кромѣ дворцовыхъ селъ и волостей находились и частныя земли. Напротивъ, тамъ гдѣ городъ не былъ подчиненъ приказу Большаго дворца, были воеводы и приказные люди, управлявшіе одними дворцовыми селами, которыя такимъ образомъ составляли совершенно отдѣльное управленіе въ одномъ и томъ же округѣ (3). Въ другихъ мѣстахъ воеводы и приказные люди посылались въ отдѣльныя села и слободы, которыми они управляли совершенно независимо, подъ вѣдомствомъ одного при-

(1) П. С. З. N 1251 Стрелецкіе жъ деньги сбирались въ приказъ Б. Дворца, откуда отсылались въ стрѣлецкій приказъ. А. А. Э. т. 4-й, N 250.

(2) А. А. Э. т. 4-й № 202.

(3) Описаніе Шуи, № 36: «Юрьевскаго уѣзда Польскаго въ наши В. Государя дворцовыя селы воеводѣ нашему П. С Мертваго да приказщику Семену Толкачеву«.

каза Большаго дворца. Такъ напримѣръ Борисоглѣбская слобода, находившаяся подлѣ города Романова и составляющая теперь съ нимъ одинъ городъ, была совершенно независима отъ Романова, платила подати въ приказъ Большаго дворца и имѣла своихъ приказныхъ людей, которые оберегали жителей отъ притязаній Романовскихъ воеводъ (1). Романовъ самъ былъ подчиненъ одному Посольскому приказу, а между тѣмъ и городъ и слобода находились въ Ярославскомъ уѣздѣ, гдѣ были свои воеводы, изъ власти которыхъ они были изъяты. Изъ этого видно, какое разнородное вѣдомство и какая пестрота управленія находились въ пространствѣ небольшаго округа. Село Дуниловово въ Суздальскомъ уѣздѣ имѣло самостоятельныхъ приказныхъ людей, но въ послѣдней четверти XVII-го вѣка туда посылались уже не приказные люди, а воеводы (2). Наконецъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было дворцовыхъ земель, а были только дворцовые промыслы, управленіе поручалось разнымъ лицамъ; такъ напримѣръ въ Астрахани въ 1689 году для завѣдыванія дворцовыми промыслами было дворцовое зимовье, которымъ управлялъ, подъ непосредственнымъ вѣдомствомъ приказа Большаго дворца, рыбнаго и солянаго промысловъ промышленникъ Епанчинъ съ товарищами (3).

Въ дворцовыхъ городахъ были то воеводы, то приказные люди (4); иногда приказные люди были при

(1) А. А. Э. т. 3-й, N 170.

(2) Д. къ А. И. т. 3-й N 77, т. 4-й N 61, 62; Стар. Акты Шуи. № 159.

(3) А. И. т. 5-й N 182.

(4) Въ Юрьевцѣ Повольскомъ были въ 1631 г. приказные люди, въ 1670 г. воеводы. А. А. Э. т. 3 й N 191, т. 4-й N 380. Изъ первой

воеводахъ въ видѣ товарищей (1). Въ уѣздахъ дворцовыхъ городовъ были прикащики, къ которымъ посылались иногда грамоты мимо воеводы прямо изъ приказа Большаго дворца (2), хотя они состояли въ зависимости отъ воеводъ. Кажется, вообще грамоты посылались только къ тѣмъ приказнымъ людямъ, которые опредѣлялись изъ Московскихъ приказовъ. Изъ Москвы иногда посылались прикащики для хлѣбной молотьбы и въ дворцовыя волости, лежавшія въ уѣздахъ дворцовыхъ городовъ (3). Въ селахъ же, находившихся въ другихъ уѣздахъ, были прикащики, которые зависѣли единственно отъ приказа Большаго дворца.

Сельскіе прикащики, также какъ и городовые воеводы, собирали подати, вѣдали повинности и всякія хозяйственныя дѣла, также таможенные и кабацкіе сборы; они судили дворцовыхъ крестьянъ не только въ дѣлахъ между собою, но и въ тяжбахъ съ посторонними (4). Наконецъ они завѣдывали и тѣми казенными доходами, которые находились въ частныхъ имѣніяхъ, лежавшихъ въ ихъ округѣ и приписанныхъ къ ихъ вѣдомству. И здѣсь, какъ и во всемъ управленіи, вѣдомство центральной власти смѣшивалось съ

грамоты видно, что на Плесѣ и на Кинешмѣ были также приказные люди.

(1) Описаніе Шуи, № 36.

(2) А. А. Э. т. 3-й N 112. Грамота на Вагу въ Шенкурскую четь сытнаго двора стряпчему Пустобоярову. Что онъ состоялъ въ зависимости отъ воеводы, видно изъ того, что въ Шенкурской чети мытныя и таможенныя пошлины сбирались по отпискамъ воеводы и прикащиковъ.

(3) А. А. Э. т. 3-й N 281.

(4) Описаніе Шуи, № 73; Доп. къ А. И. т. 3-й, N 77, т. 4-й N 61, 62; т. 5-й, № 72.

вѣдомствомъ мѣстныхъ властей. Такъ напримѣръ Астраханскія рыбныя ловли отдавались на откупъ то въ приказѣ Большаго дворца, то мѣстными правителями, которымъ сверхъ того предоставлялось отдавать ихъ на оброкъ или на откупъ, «смотря по тамошнему дѣлу, какъ бы казнѣ было прибыльнѣе (1).

Не вездѣ впрочемъ дворцовое управленіе было независимо отъ воеводъ; выше было сказано, что нѣкоторые воеводы, напримѣръ Вяземскій въ 1622-мъ году и Казанскій въ 1697-мъ управляли дворцовыми селами. Въ Новгородѣ дворцовыя имущества находились въ управленіи Новгородскаго дворцоваго приказа, который въ XVI вѣкѣ состоялъ подъ начальствомъ дворецкаго (2), но въ XVII вѣкѣ подчиненъ былъ воеводѣ, хотя продолжалъ составлять управленіе отдѣльное отъ приказной палаты. Въ немъ были свои дьяки, которые иногда собственною властью дѣлали исполнительныя распоряженія, но состояли однакоже въ зависимости отъ воеводы (3). Кромѣ собственно дворцовыхъ дѣлъ, въ дворцовомъ приказѣ вѣдались и нѣкоторыя другія дѣла; такъ напримѣръ здѣсь отдавались на оброкъ монастырскія и церковныя пустыя земли, розданныя въ помѣстья и вотчины изъ приказной палаты мимо дворцоваго приказа (4). Сюда присылались иногда сказки о моровомъ повѣтріи (5). Когда Заонежскіе погосты

(1) А. И. т. 3-й № 182

(2) Да много тебя молимъ, владыко, еже утолити мятежъ мѣстной между старѣйшими градцкыми намѣстникомъ и дворецкимъ.» Доп. къ А. И. т. 1-й, № 30.

(3) А. А. Э. т. 3-й, № 259, т. 4-й, № 144.

(4) А. И. т. 4-й N 137.

(5) А. И. т. 4-й, № 87.

отдѣлены были отъ Новгорода и ввѣрены управленію независимыхъ отъ Новгорода воеводъ, дворцовыя дѣла продолжали однако завѣдываться въ нихъ Новгородскимъ дворцовымъ приказомъ: изъ Новгорода присылались сюда служилые люди для наложенія на рыболововъ оброка въ пользу дворца; Олонецкіе воеводы сбирали эти деньги и отсылали ихъ въ Новгородъ (1). Съ другой стороны, въ Новгородскомъ уѣздѣ были дворцовыя волости, которыми управляли независимые воеводы (2). Можетъ быть, онѣ состояли въ нѣкоторомъ подчиненіи дворцовому приказу, но по недостатку данныхъ невозможно этого рѣшить. Легко могло быть и то и другое, ибо дворцовое управленіе, какъ мы видѣли, то совершенно отдѣлялось отъ земскаго, то подчинялись воеводамъ, оставаясь впрочемъ отдѣльнымъ управленіемъ, то совершенно смѣшивалось съ общимъ земскимъ управленіемъ. Такая неопредѣленность вела иногда къ большимъ затрудненіямъ. Въ 1667 году напримѣръ велѣно было Смоленскому воеводѣ Рѣпнину вѣдать Смоленскъ со всѣми пригородами и находящимися въ нихъ дворцовыми селами. Рѣпнинъ требовалъ отъ пригородскихъ воеводъ описи дворцовыхъ имѣній, но Бѣльскій воевода отвѣчалъ, что дворцовыя имѣнія вѣдаетъ не онъ, а прикащики тѣхъ волостей; Дорогобужскій же воевода отвѣчалъ, что дворцовыя имѣнія въ Бѣльскомъ и Дорогобужскомъ уѣздахъ велѣно вѣдать ему, но что изъ приказа Большаго дворца присланъ Петръ Каменскій для описи и осмотра казенныхъ промысловъ и заводовъ, для заведенія новыхъ и для отдачи старыхъ на новый откупъ

(1) А. И. т. 5-й, № 5, 17.
(2) А. А. Э. т. 4-й № 242.

оброкъ (1) Таково было отсутствіе общей системы дворцовомъ управленіи.

ДОЛЖНОСТНЫЯ ЛИЦА, ПОДЧИНЕННЫЯ ВОЕВОДАМЪ.

Должности, которыя находились въ зависимости отъ воеводъ, раздѣлялись на приказныя и выборныя. Это различіе основано было на различіи сословій и ихъ служебныхъ обязанностей. Средневѣковыя сословія, основанныя на частномъ правѣ, не составляли союзовъ, которыхъ члены имѣли бы одинакія права; союзный духъ не былъ въ характерѣ русскаго народа, и вмѣсто правъ, принадлежащихъ вмѣстѣ цѣлому разряду лицъ, исторически выработались права, принадлежавшія каждому отдѣльному лицу въ его родственной сферѣ. Единство придали сословіямъ Московскіе государи, наложившіи на нихъ обязанности въ пользу государства. Въ этомъ отношеніи служилое сословіе рѣзко отдѣлилось отъ прочихъ: каждый членъ его обязанъ былъ всю жизнь свою служить отечеству и всегда долженъ былъ находиться въ готовности идти на службу по первому востребованію; за это онъ получалъ отъ царя денежное и хлѣбное жалованье и помѣстья. Если такимъ образомъ каждый изъ нихъ обязанъ былъ всегда нести службу, то опредѣленіе къ должности зависѣло уже отъ усмотрѣнія правительства, почему служба служилыхъ людей преимущественно была приказная. Напротивъ того, сословія торговое и крестьянское было сословія тяглыя, обязанныя не только службою, ни

(3) Доп. къ А. И. т. 5-й, № 60 IV,

отдѣлены были отъ Новгорода и ввѣрены управленію независимыхъ отъ Новгорода воеводъ, дворцовыя дѣла продолжали однако завѣдываться въ нихъ Новгородскимъ дворцовымъ приказомъ: изъ Новгорода присылались сюда служилые люди для наложенія на рыболововъ оброка въ пользу дворца; Олонецкіе воеводы сбирали эти деньги и отсылали ихъ въ Новгородъ (1). Съ другой стороны, въ Новгородскомъ уѣздѣ были дворцовыя волости, которыми управляли независимые воеводы (2). Можетъ быть, онѣ состояли въ нѣкоторомъ подчиненіи дворцовому приказу, но по недостатку данныхъ невозможно этого рѣшить. Легко могло быть и то и другое, ибо дворцовое управленіе, какъ мы видѣли, то совершенно отдѣлялось отъ земскаго, то подчинялись воеводамъ, оставаясь впрочемъ отдѣльнымъ управленіемъ, то совершенно смѣшивалось съ общимъ земскимъ управленіемъ. Такая неопредѣленность вела иногда къ большимъ затрудненіямъ. Въ 1667 году напримѣръ велѣно было Смоленскому воеводѣ Рѣпнину вѣдать Смоленскъ со всѣми пригородами и находящимися въ нихъ дворцовыми селами. Рѣпнинъ требовалъ отъ пригородскихъ воеводъ описи дворцовыхъ имѣній, но Бѣльскій воевода отвѣчалъ, что дворцовыя имѣнія вѣдаетъ не онъ, а прикащики тѣхъ волостей; Дорогобужскій же воевода отвѣчалъ, что дворцовыя имѣнія въ Бѣльскомъ и Дорогобужскомъ уѣздахъ велѣно вѣдать ему, но что изъ приказа Большаго дворца присланъ Петръ Каменскій для описи и осмотра казенныхъ промысловъ и заводовъ, для заведенія новыхъ и для отдачи старыхъ на новый откупъ

(1) А. И. т. 5-й, № 5, 17.
(2) А. А. Э. т. 4-й № 242.

и оброкъ (1) Таково было отсутствіе общей системы въ дворцовомъ управленіи.

ДОЛЖНОСТНЫЯ ЛИЦА, ПОДЧИНЕННЫЯ ВОЕВОДАМЪ.

Должности, которыя находились въ зависимости отъ воеводъ, раздѣлялись на приказныя и выборныя. Это различіе основано было на различіи сословій и ихъ служебныхъ обязанностей. Средневѣковыя сословія, основанныя на частномъ правѣ, не составляли союзовъ, которыхъ члены имѣли бы одинакія права; союзный духъ не былъ въ характерѣ русскаго народа, и вмѣсто правъ, принадлежащихъ вмѣстѣ цѣлому разряду лицъ, исторически выработались права, принадлежавшія каждому отдѣльному лицу въ его родственной сферѣ. Единство придали сословіямъ Московскіе государи, наложивши на нихъ обязанности въ пользу государства. Въ этомъ отношеніи служилое сословіе рѣзко отдѣлилось отъ прочихъ: каждый членъ его обязанъ былъ всю жизнь свою служить отечеству и всегда долженъ былъ находиться въ готовности идти на службу по первому востребованію; за это онъ получалъ отъ царя денежное и хлѣбное жалованье и помѣстья. Если такимъ образомъ каждый изъ нихъ обязанъ былъ всегда нести службу, то опредѣленіе къ должности зависѣло уже отъ усмотрѣнія правительства, почему служба служилыхъ людей преимущественно была приказная. Напротивъ того, сословія торговое и крестьянское было сословія тяглыя, обязанныя не только службою, но

(3) Доп. къ А. И. т. 5-й, № 60 IV,

въ особенности податьми и повинностями. Служба составляла только часть ихъ обязанностей, вслѣдствіе чего они не несли ея постоянно, а отправляли ее поочереди, на основаніи извѣстныхъ правилъ, которыя могли видоизмѣняться до безконечности. Рѣшеніе вопроса, кто долженъ былъ служить и кто оставался свободнымъ отъ службы, предоставлено была имъ самимъ, вслѣдствіе чего служба ихъ была выборная. Такимъ образомъ различіе выборной службы отъ приказной основывалось не на правахъ выбирающихъ лицъ, а на различіи служебныхъ обязанностей сословій. Впрочемъ, такъ какъ въ Московскомъ государствѣ не было точныхъ юридическихъ опредѣленій, то нерѣдко приказныя должности смѣшивались съ выборными; въ однѣ и тѣже должности назначались то приказные люди, то выборные, не смотря на то, что въ томъ и другомъ случаѣ отвѣтственность была совершенно различная. Кромѣ того, многіе служилые люди занимались и торговыми промыслами, вслѣдствіе чего они не только отправляли приказную службу, но часто выбирались въ выборныя должности наровнѣ съ посадскими и уѣздными людьми. Это продолжалось до временъ Петра Великаго, который учрежденіемъ земскихъ бурмистровъ въ 1699 году рѣзкою чертою отдѣлилъ приказныя должности отъ выборныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ разграничилъ обязанности сословій.

Областные служилые люди были 1) дворяне и дѣти боярскіе, которые составляли сословіе мѣстныхъ помѣщиковъ и принадлежали къ высшему разряду служилыхъ людей; 2) стрѣльцы, пушкари, затинщики, воротники, казаки, составлявшіе постоянное войско и распредѣленные въ неравномъ количествѣ по обла-

стямъ; наконецъ 3) низшіе служители, какъ то разсыльщики, сторожа и т. п. Всѣ они состояли въ распоряженіи у воеводъ, которые опредѣляли ихъ къ должностямъ и давали имъ порученія по своему усмотрѣнію. Впрочемъ не во всѣ приказныя должности опредѣленіе зависѣло отъ воеводъ; нѣкоторыя лица присылались изъ Москвы или назначались высшимъ правительствомъ изъ мѣстныхъ служилыхъ людей, хотя всѣ состояли въ зависимости отъ воеводъ. Исчислимъ главныя приказныя должности.

1.) Письменные головы. Письменные головы встрѣчаются только въ Сибири и въ Астрахани. Первоначально въ Сибири они были товарищами воеводъ и приказныхъ людей, какъ видно изъ того, что всѣ грамоты писались къ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, и всѣ дѣла дѣлались ими заодно (1). Но уже при Василіѣ Ивановичѣ Шуйскомъ въ Пелымѣ и Верхотурьѣ являются одни воеводы, а бывшіе при нихъ головы исчезаютъ (2). Впослѣдствіи же, хотя письменные головы и посылаются постоянно въ Сибирь съ воеводами, но уже не въ видѣ товарищей, а какъ подчиненныя лица. Письменные головы назначались не всегда въ одинакомъ числѣ; въ Тобольскъ съ 1616 года до 1623-го въ двѣ перемѣны воеводъ вовсе не было письменныхъ головъ; съ 1623-го до 1626-го было ихъ два, въ 1626 году прислано было четыре, въ 1628-мъ было опять два, въ 1631-мъ три, въ 1635-мъ опять два. Въ другихъ городахъ число ихъ разнилось такимъ же обра-

---

(1) Собр. Госуд. Грам. т. 2-й, №№ 74, 83, 84, 89, 90 и множество грамотъ въ А. И. т. 2-мъ.

(2) С. Г. Г. т. 2-й, №№ 130, 183.

зомъ (1). Трудно сказать, почему они назывались письменными головами, ибо они не имѣли никакого опредѣленнаго вѣдомства; воеводы посылали ихъ для всякихъ государевыхъ дѣлъ (2). Они командовали войсками, ходили въ экспедиціи, посылаемыя для осмотра новыхъ земель, производили слѣдствія, сбирали подати и исполняли множество другихъ порученій (3); однимъ словомъ они были довѣренныя лица, которыхъ воеводы могли употреблять для всякихъ дѣлъ. Можетъ быть, они потому и посылались только въ Сибирь и въ Астрахань, что въ другихъ городахъ воеводы могли всегда выбрать кого нибудь изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, тогда какъ въ этихъ странахъ помѣщиковъ почти не было. Если голова употреблялъ во зло свою власть и притѣснялъ жителей, воевода могъ «чинить ему жестокое наказаніе, смотря по винѣ» (4). Смѣнять его онъ вѣроятно не могъ, ибо голова присылался изъ Москвы. Вообще письменные головы были послѣ воеводъ съ товарищами самыми значительными лицами въ Сибири, и подвергались тѣмъ же ограниченіямъ правъ, какимъ подвергались и самые воеводы.

2.) Городовые прикащики и городничіе. Кажется, ихъ должность была одна и таже: городовые прикащики, также какъ городничіе, по пріѣздѣ новаго воеводы, осматривали съ нимъ укрѣпленія и артиллерію, перемѣривали и перевѣшивали артиллерійскіе запасы,

---

(1) Др. Вивліоѳ. т. 3-й записки къ Сибирской исторіи.

(2) П. С. З. № 1594.

(3) А. И. т. 4 й, № 23, 32, стр. 109, 110; Д. къ А. И. т. 2-й, № 87, т. 3-й, № 8, П. С. З. № 1594, 1670.

(4) П. С. З. № 1594.

надзирали за караулами, отпирали и запирали городовыя ворота (1), однимъ словомъ имъ поручалось наблюденіе за городскими укрѣпленіями со всѣмъ тѣмъ, что къ нимъ принадлежало. Въ XVI-мъ вѣкѣ городовымъ прикащикамъ приказывался городъ въ обширномъ смыслѣ, то есть все управленіе города съ уѣздомъ; городничіе же вѣдали городъ въ тѣсномъ смыслѣ, то есть городовыя укрѣпленія, артиллерію, пушкарей и воротниковъ (2). Но въ XVII-мъ вѣкѣ и городовые прикащики завѣдывали городомъ въ послѣднемъ смыслѣ. Нигдѣ не видно однако, чтобъ они имѣли полицейскую власть, тогда какъ городничіе завѣдывали полиціею, смотрѣли за безопасностью отъ огня, охраняли общественный порядокъ, преслѣдовали корчемство (3); впрочемъ по недостатку извѣстій нельзя сказать, что въ этомъ состояло различіе должностей. Въ Угличѣ въ 1641 г. былъ городовой прикащикъ изъ мужиковъ (4), тогда какъ городничіе бывали изъ дворянъ, но нельзя положительно сказать, чтобъ и это различіе было общимъ правиломъ. Иногда въ одномъ и томъ же городѣ упоминаются то городничіе, то городовые прикащики; такъ напримѣръ въ Новгородѣ по росписи служилыхъ людей 1647 года былъ городовой прикащикъ, который получалъ жалованье норовнѣ съ стрѣлецкими сотниками, городничіе же вовсе не упоминаются, а въ 1649 году городничій по указу воеводы осматривалъ худыя мѣста городо-

---

(1) С. Г. Г. т. 3-й, № 36; А. И. т. 3-й, № 118; Д. къ А. И. т. 3-й, № 20, т. 4-й, № 134; Акты Арх. Эксп. т. 4-й, № 206.

(2) А. И. т. 1-й, № 169.

(3) А. И. т. 3-й, № 134, 134.

(4) Временникъ 1849 г. кн. 4-я матеріалы, стр. 38.

выхъ укрѣпленій и дѣлалъ смѣту нужныхъ починокъ (1). Большею частью городовой прикащикъ былъ одинъ, а городничихъ было нѣсколько (2); однако въ Псковѣ въ 1647 году было нѣсколько городовыхъ прикащиковъ (3), между тѣмъ какъ въ росписи 1647 и 1648 годовъ они вовсе не упоминаются. На Двинѣ по той же росписи былъ въ Архангельскѣ городовой прикащикъ, а въ Холмогорахъ осадный голова, но въ 1689 году въ Архангельскѣ былъ городничій, должность котораго соединена была съ должностью стрѣлецкаго головы (4). Поэтому онъ назначенъ былъ царскимъ указомъ, между тѣмъ какъ другіе городничіе назначались воеводами изъ мѣстныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ (5). Наказъ о должности стрѣлецкаго головы данъ былъ ему изъ Новгородскаго приказа, наказъ же о должности городничаго данъ былъ изъ съѣзжей избы, также какъ и прежнимъ городничимъ, которые опредѣлялись воеводами. По этому наказу ему поручены были не только полицейскія, но и судебныя дѣла: онъ имѣлъ надзоръ за караулами, смотрѣлъ, чтобы наблюдались законныя предосторожности отъ огня, преслѣдовалъ корчемство, охранялъ

---

(1) Доп. къ А. И. т. 3-й, № 36, 48.

(2) Въ наказахъ обыкновенно предписывалось воеводѣ осмотрѣть укрѣпленія, взявъ съ собою городничихъ, а Астраханскимъ воеводамъ въ 1694 и 1700 г. велѣно было опредѣлить городничихъ, сколько пригоже. П. С З. N 1792.

(3) Доп. къ А. И. т. 3 й, N 20. Въ наказѣ Нижегородскому воеводѣ 1663 г. (Д. къ А. И. т. 4-й, N 134) сказано, чтобы при осмотрѣ артиллеріи былъ *городовой прикащикъ*, а потомъ предписано воеводѣ велѣть *городовымъ прикащикамъ* смотрѣть за караулами.

(4) А. И. т. 3-й, № 176.

(5) А. И. т. 3-й, N 154; П. С. З. N 1792.

общественный порядокъ и нарушителей бралъ и предавалъ суду воеводы; онъ же завѣдывалъ пропускомъ кораблей въ устье Двины, смотрѣлъ, чтобъ они не засаривали гавани, и преслѣдовалъ контрабанду; наконецъ ему велѣло было до пріѣзда воеводъ и дьяковъ, которые обыкновенно жили въ Холмогорахъ, вѣдать незначительныя судебныя дѣла, какъ-то: обиды, бой, грабежъ, долговыя дѣла; спорные же и большіе иски, равно какъ и извѣтныя и губныя дѣла предоставлены были суду воеводъ. Судебное вѣдомство городничихъ было вѣроятно исключеніе, которое имѣло основаніе въ отдаленіи Архангельска отъ Холмогоръ, между тѣмъ какъ нужно было на мѣстѣ рѣшать мелкіе споры Русскихъ съ иноземцами. Замѣчательно, что въ приведенномъ наказѣ нѣтъ ни слова о городовыхъ укрѣпленіяхъ, тогда какъ въ 1623 году Архангельскій городовой прикащикъ отпиралъ и запиралъ городовыя ворота. Такимъ образомъ трудно сказать, въ чемъ состояло различіе этихъ должностей, и было ли какое нибудь различіе. Какъ тѣ, такъ и другія лица находились только въ нѣкоторыхъ городахъ, въ иныхъ же ихъ вовсе не было (1); иногда ихъ было по одному, иногда по нѣскольку; иногда, какъ мы видѣли, должность ихъ соединялась съ другими. Къ вѣдомству ихъ причислялись разнородныя дѣла — военныя, полицейскія, судебныя. Можетъ быть, первона-

(1) Городовые прикащики по росписи 1647 — 8 г. находились въ Новгородѣ и Архангельскѣ; въ прочихъ городахъ, подчиненныхъ Новгородскому приказу, ихъ не было. Кромѣ того они упоминаются въ 1617 г. въ Калугѣ, въ 1647 г. въ Псковѣ, въ 1663 г. въ Нижнемъ, въ 1675— въ Бѣлгородѣ; городничіе встрѣчаются въ Астрахани, въ Новгородѣ, въ Тобольскѣ, въ Илимѣ.

чально и было различіе должностей, котораго мы не знаемъ, а впослѣдствіи стали ихъ смѣшивать, потому что въ Московскомъ государствѣ не было точнаго различія вѣдомствъ и должностей.

3.) Осадные головы. Они назначались изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ (1); названіе ихъ показываетъ, что они начальствовали надъ осадами. Устроить или укрѣпить осаду значило собрать въ городъ ратныхъ людей, росписать ихъ по мѣстамъ, назначить имъ головъ, учредить караулы, и быть постоянно на сторожѣ въ ожиданіи непріятельскаго прихода. Дѣйствительно, осадный голова имѣлъ надзоръ за караулами, отпиралъ и запиралъ городскія ворота. Такъ какъ вмѣстѣ съ нимъ бывалъ въ городѣ и городовой прикащикъ, котораго должность состояла также въ завѣдываніи городомъ, то надзоръ за караулами поручался иногда и тому и другому вмѣстѣ. Иногда воеводѣ предписывалось также поручать на день городовые ключи осадному головѣ или городовому прикащику (2). Когда воевода шелъ въ походъ, тогда въ осадѣ оставлялся его товарищъ, если же товарища не было, то повидимому начальникомъ долженъ былъ оставаться осадный голова; однако воеводамъ предписывалось оставлять кого нибудь изъ головъ, « ково съ такое дѣло станетъ » (3). Въ мирное время осадные головы вѣдали въ городѣ артиллерію со всѣми ея принадлежностями, пушкарей, затинщиковъ, разсыльщиковъ, воротниковъ, кузнецовъ, плотниковъ и всякихъ осадныхъ людей. Должность ихъ совпадала слѣдственно съ должностью

(1) А. А. Э. т. 3-й, стр. 347.
(2) С. Г. Г. т. 3-й, N 36; А. А. Э. т. 4-й, N 206; А. И. т. 5-й, N 161.
(3) А. А. Э. т. 4-й, № 206.

городничихъ и городовыхъ прикащиковъ. Назначались они изъ Москвы; наказъ выдавался имъ изъ пушкарскаго приказа, но воевода сдавалъ имъ всѣ дѣла, также какъ и другимъ полковымъ головамъ (1). Въ началѣ царствованія Михаила Ѳедоровича встрѣчаются даже осадные головы, какъ товарищи воеводъ: такъ напримѣръ въ 1614 году послана была грамота Волоколамскому воеводѣ и осадному головѣ о возвращеніи Іосифову монастырю бѣглыхъ его крестьянъ; встрѣчаются также осадные головы, которые сбирали подати и производили слѣдствія (2). Въ 1679 году должность осадныхъ головъ упразднена, вмѣстѣ со многими другими должностями (3); обязанности ихъ возложены на воеводъ.

4.) Засѣчные головы и прикащики. Они находились при засѣкахъ, учреждаемыхъ по дорогамъ для безопасности отъ непріятельскихъ набѣговъ; прикащики были подчинены головамъ. Иногда головы назначались самимъ государемъ на лѣтнее время, съ весны до зимы; они стояли на засѣкахъ съ засѣчными сторожами, а въ случаѣ опасности сбирали окружныхъ людей, дрались съ непріятелемъ и даже ходили въ походъ. Воеводамъ они сообщали всѣ вѣсти о движеніяхъ непріятеля, посылали къ нимъ пойманныхъ извѣтчиковъ и ходили съ ними въ походъ (4). Въ другихъ мѣстахъ засѣки находились въ полномъ вѣдомствѣ воеводъ, которые назначали находящихся при

(1) Воронежскіе акты т. 3-й, № 120.

(2) А. А. Э. т. 3-й, № 41; А. Ю. № 214, IX; 216, XVI; Стар. Акты Шуи, № 9.

(3) П. С. З. № 779.

(4) А. А. Э. т. 3 й, № 270.

нихъ головъ и прикащиковъ (1). Въ 1679 году упразднена должность засѣчныхъ головъ; дѣла ихъ велѣно вѣдать воеводамъ; но такъ какъ послѣдніе все таки должны были опредѣлять къ засѣкамъ головъ или прикащиковъ, то надобно полагать, что упразднена должность присылаемыхъ изъ Москвы головъ, и что вообще этотъ указъ имѣлъ въ виду только лица, назначаемыя независимо отъ воеводъ.

5.) Стрѣлецкіе, пушкарскіе, казачьи головы. Всѣ они начальствовали надъ войсками, расположенными по городамъ. Стрѣлецкіе головы имѣли начальство надъ стрѣлецкими приказами, состоявшими обыкновенно изъ 500 человѣкъ, а иногда и менѣе. Были также и полуголовы, которые были начальниками 250 человѣкъ; кромѣ того въ каждой сотнѣ были сотникъ, пятидесятники и десятники. Стрѣлецкіе головы назначались изъ Москвы, обыкновенно на нѣсколько лѣтъ (2), и подчинялись воеводамъ; но зависимость ихъ не вездѣ была одинакова (3). Пріѣхавши на мѣсто, стрѣлецкій голова долженъ былъ взять у воеводы именной списокъ стрѣльцамъ, пересмотрѣть ихъ всѣхъ на лице и донести о томъ въ Москву въ стрѣлецкій приказъ, въ Разрядъ или въ тотъ приказъ, которому подчиненъ былъ городъ. Если комплектъ былъ

---

(1) А. А. Э, т. 3-й № 304.

(2) А. И. т. 5-й, № 185: «а Денису Сербину у того приказу не быть для того, что онъ у того стрѣлецкаго приказу былъ со 193 по 196 годъ».

(3) См. наказы стрѣлецкимъ головамъ: Кирилловскому А. А. Э. т. 3-й, N 34, Чебоксарскому N 167; Архангельскому Доп. къ А. И. т. 3-й, N 16, Невельскому т. 5-й, N 18, наказы воеводамъ Астраханскимъ А. И. т. 3-й, N 154; П. С. З. N 1792; Нижегородскимъ Доп. къ А. И. т. 4-й, N 134.

неполный, онъ долженъ былъ на выбылыя мѣста прибирать вольныхъ людей, иногда собственною властью, иногда съ вѣдома или по приказу воеводы. Поручныя записи по новоприбраннымъ стрѣльцамъ отдавались воеводѣ, списки же оставлялись у головы. О бѣглыхъ стрѣльцахъ Чебоксарскій стрѣлецкій голова долженъ былъ докладывать воеводѣ, и по докладѣ брать съ поручителей деньги, которыя вмѣстѣ съ записными книгами отдавались воеводѣ. Но Архангельскому головѣ велѣно было просто бѣглыхъ стрѣльцовъ велѣть сыскивать поручителямъ, съ которыхъ онъ долженъ былъ взыскивать и всѣ убытки, пойманныхъ же отдавать вновь на поруки и поручныя записи присылать въ Новгородскую четь. Поручителей предписано было брать надежныхъ, ибо если они оказывались несостоятельными, убытки взыскивались съ самого головы. Старыхъ и увѣчныхъ стрѣльцовъ Чебоксарскій голова могъ увольнять отъ службы собственною властью, но Архангельскому и Невельскому запрещено было увольнять стрѣльцовъ безъ царскаго указа. Иногда воеводамъ предписывалось смотрѣть, чтобы головы не увольняли стрѣльцовъ отъ службы для своей корысти и не отставляли ихъ иначе, какъ за старость и за увѣчье. Они же должны были наблюдать, чтобы головы и сотники « стрѣльцамъ насилства не чинили и на потѣхи ихъ на поле съ собою не имали, и на посылку для своихъ дѣлъ не брали, и издѣлья никакого стрѣльцы у головъ не дѣлали и стрѣлецкимъ жалованьемъ головы съ сотниками и съ стрѣлецкими дьячки не корыстовалися »; но иногда жалованье выдавалось самимъ воеводою. Невельскому головѣ велѣно было слушаться воеводы, а между тѣмъ ему наказано было

«беречь накрѣпко, чтобъ стрѣлцомъ отъ воеводъ и отъ губныхъ старостъ и отъ ихъ приставовъ и отъ стороннихъ людей продажъ напрасныхъ не было». Головы обучали стрѣльцовъ военной службѣ, имѣли надъ ними полицейскій надзоръ и смотрѣли, чтобъ отъ нихъ не было никому обидъ и насилія; все это поручалось также воеводамъ. Въ случаѣ жалобъ и вообще за небольшіе проступки Кирилловскій голова могъ наказывать стрѣльцовъ собственною властью; но въ татиныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ съ посторонними судили губные старосты и земскіе люди, а тѣже самыя дѣла между стрѣльцами судилъ воевода, у котораго голова сидѣлъ въ судѣ; государственныя же преступленія судились однимъ воеводою. Архангельскій стрѣлецкій голова могъ также наказывать стрѣльцовъ только за проступки, губныя же дѣла и государственныя преступленія судились воеводою; но Чебоксарскому головѣ велѣно было о всѣхъ преступленіяхъ, кромѣ государственныхъ, «сыскивать и чинить наказаніе, смотря по тамошнему дѣлу, кто чего доведется». Въ другихъ мѣстахъ, напротивъ того, даже въ небольшихъ проступкахъ судъ принадлежалъ воеводѣ. Нижегородскому воеводѣ въ 1663-мъ году велѣно было за притѣсненія, сдѣланныя жителямъ или пріѣзжимъ людямъ, наказывать сотниковъ, стрѣльцовъ, пушкарей и приставовъ, смотря по винѣ, а на голову писать къ государю. Такія же разнородныя постановленія существовали и относительно гражданскаго суда: Кирилловскій голова судилъ тяжбы, возникавшія между стрѣльцами, и по искамъ на нихъ постороннихъ лицъ; Чебоксарскій же голова судилъ также споры по искамъ стрѣльцовъ на постороннихъ людей. Тоже пра-

во имѣлъ и Невельскій голова, который впрочемъ передавалъ воеводѣ тѣ дѣла, которыхъ самъ рѣшить не могъ. Въ Архангельскѣ, напротивъ, иски стрѣльцовъ на постороннихъ людей судились воеводою, которому предоставлено было право судить и тѣ дѣла, которыхъ голова не могъ рѣшить самъ собою; спорныя же большія дѣла велѣно было присылать въ Москву.

Пушкарскій голова начальствовалъ надъ пушкарями, также какъ стрѣлецкій голова надъ стрѣльцами, но неизвѣстно, имѣлъ ли онъ такія же права; въ изданныхъ актахъ есть только одинъ наказъ пушкарскому головѣ, да и тотъ данъ былъ Московскому головѣ, который могъ имѣть совершенно другія права, нежели областные (1). Изъ наказа видно, что онъ не судилъ и не наказывалъ пушкарей; все это предоставлено было пушкарскому приказу; но въ областяхъ они вѣроятно судили пушкарей, ибо и казачьи головы судили казаковъ во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ губныхъ (2). Пушкарскіе головы завѣдывали и артиллеріею, и въ этомъ отношеніи должность ихъ совпадала съ должностью городничихъ, городовыхъ прикащиковъ и осадныхъ головъ. Такъ напримѣръ при пріемѣ артиллеріи новымъ воеводою присутствовалъ иногда пушкарскій голова, городничій или городовой прикащикъ (3). Должность пушкарскихъ головъ упразднена въ 1679-мъ году и обязанности ихъ возложены на воеводъ, изъ чего можно видѣть, что они прежде присылались изъ Москвы.

---

(1) А. И. т. 5-й № 190.

(2) «А въ тубъ пору у вѣсу съ ними былъ голова пушкарской или городовые прикащики да пушкари лутчіе немногіе люди». Д. къ А. И. т. 3-й № 20.

(3) Улож. гл. XVIII, ст. 68.

Еще менѣе извѣстно объ отношеніяхъ казацкихъ головъ къ воеводамъ. Иногда они выбирались самими казаками и судили послѣднихъ, какъ въ тяжбахъ между собою, такъ и по искамъ постороннихъ, не имѣя впрочемъ права судить губныхъ дѣлъ (1). Но иногда она назначалась и правительствомъ. Такъ мы находимъ прошеніе одного служилаго человѣка объ опредѣленіи его въ головы полковыхъ казаковъ въ Воронежъ за службу и за смерть убитаго племянника. Воеводѣ предписывается велѣть ему быть въ головахъ, если онъ человѣкъ добрый и знающій, котораго «съ приказное дѣло станетъ», если же нѣтъ, то взять у него наказъ, данный ему изъ Разряда, и отписать о томъ въ Москву (2). Кто же имѣлъ здѣсь право назначенія?

Стрѣльцы, пушкари и казаки были собственно военные люди и состояли въ распоряженіи воеводы, который посылалъ ихъ для военныхъ дѣйствій, для поимки воровъ и разбойниковъ и т. п., назначая начальниками экспедицій стрѣлецкихъ головъ или другихъ лицъ по усмотрѣнію (3). Но кромѣ того они могли быть употреблены на всякія дѣла; стрѣлецкіе головы, полуголовы и сотники посылались напримѣръ къ солянымъ озерамъ для надзора за сгребомъ соли соляными промышленниками (4). Иногда должности стрѣлецкаго головы и казачьяго соединялись вмѣстѣ,

---

(1) П. С. З. N 1738; А. И. т. 3-й № 116.

(2) Воронежскіе акты т. 3-й № 172.

(3) «Не на большихъ людей посылати головъ писмяныхъ и стрѣлецкихъ, добрыхъ, кого пригоже, съ ратными людьми». А. И. т. 4-й стр. 110.

(4) А. И. т. 3-й, № 154, т. 4-й N 243.

хотя въ томъ же самомъ городѣ онѣ въ другія времена были раздѣлены (1). Стрѣлецкіе головы назначались, какъ мы видѣли, въ городничіе; имъ поручался сборъ податей, и на нихъ возлагались разныя другія порученія (2); однимъ словомъ, въ Московскомъ государствѣ лицу, имѣющему спеціальную должность, поручались кромѣ того самыя разнородныя дѣла.

6.) *Объѣзжіе головы*. Предъидущія лица имѣли военныя должности, но имъ поручались и гражданскія дѣла; объѣзжіе головы имѣли, напротивъ того, чисто полицейское вѣдомство, но имъ поручались и военныя дѣла. Обыкновенно они установлялись въ извѣстной части города для надзора за безопасностью отъ огня и за общественнымъ порядкомъ: они ѣздили по городу и смотрѣли, чтобъ огонь держали по установленнымъ правиламъ и чтобы нигдѣ не было дракъ, грабежей, корчемства, табаку, распутства и недозволенной игры (3). Подъ вѣдомствомъ ихъ находились уличные сторожа изъ стрѣльцовъ, пушкарей или посадскихъ людей, а въ Москвѣ были и рѣшеточные прикащики. Должность объѣзжихъ головъ отчасти совпадала съ должностью городничихъ, и часто въ одномъ и томъ же городѣ были и городничіе и объѣзжіе головы, которымъ поручались одни и тѣже дѣла (4). Можетъ быть, объѣзжіе головы подчиня-

(1) Воронежскіе акты т. 1-й N 23, т. 2-й стр. 187 т. 3-й N 172.

(2) Д. къ А. И. т. 2 й, № 51; т. 5-й № 60, III.

(3) А. И. т. 3-й № 116: Доп. къ А. И. т. 4-й N 134.

(4) Наказъ Астрах. воев. А. И. т. 3-й № 134: И будучи въ Астрахани того имъ самимъ беречи и приказати городничимъ и объѣзжимъ головамъ»... и проч. Тоже П. С. З. № 1738. Въ наказѣ же А. И. т. 5-й, № 154 объ объѣзжихъ головахъ не упоминается.

лись городничимъ, но изъ актовъ этого не видать, и по недостатку данныхъ невозможно это рѣшить. Объѣзжіе головы назначались воеводою изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, а иногда изъ посадскихъ людей, обыкновенно на одно лѣто, ибо зимою надзоръ за огнемъ прекращался (1); наказы давались имъ изъ съѣзжей избы. Иногда имъ поручались и военныя дѣла; такъ напримѣръ въ Псковѣ въ 1661 году велѣно было объѣзжему головѣ стоять съ посадскими людьми на городовыхъ укрѣпленіяхъ и смотрѣть, чтобы вездѣ были крѣпкіе караулы и оружіе было бы у нихъ въ исправности; худыя мѣста велѣно было ему осмотрѣть и починить (2). Не вездѣ впрочемъ были объѣзжіе головы; они учреждались только въ большихъ городахъ; въ другихъ же для надзора за огнемъ просто назначались посадскіе люди, «сколько человѣкъ пригоже» (3).

7.) *Житничные головы.* Объ нихъ очень мало извѣстно; изъ названія видно, что они завѣдывали житницами. Они выбирались иногда всякихъ чиновъ уѣздными людьми и оставлялись въ должности по нѣскольку лѣтъ, но иногда воеводы просто опредѣляли къ житницамъ дѣтей боярскихъ, подъячихъ и цѣловальниковъ (4). Должность головъ упразднена въ 1679 году, и обязанности ихъ возложены на воеводъ.

8.) *Ямскіе прикащики.* Они назначались иногда воеводами (5) для управленія ямами, но свѣденія объ

(1) Доп. къ А. И. т. 3-й № 19, 20.

(2) А. И. т. 4-й, № 161.

(3) Въ Старой Русѣ Д. къ А. И. т. 4-й N 140.

(4) Воронежскіе Акты т. 2-й стр. 94. А. И. т. 3-й N 116; П. С. З. N 1594;

(5) А. А. Э. т. 3-й N 158.

нихъ слишкомъ скудны, чтобы можно было рѣшить, всегда ли опредѣленіе ихъ зависѣло отъ воеводъ. Устройство ямскаго управленія было такъ разнообразно, что вѣроятно они присылались иногда и изъ Москвы. Къ этому заключенію ведетъ насъ и то, что должность ихъ упразднена въ 1679 году вмѣстѣ съ другими независимыми отъ воеводъ должностями. Объ отношеніяхъ ихъ къ воеводамъ ничего нельзя сказать опредѣлительнаго.

9.) *Становые прикащики.* Въ станы и волости, подчиненныя воеводамъ, рѣдко посылались прикащики, иначе какъ въ дворцовомъ вѣдомствѣ; встрѣчаются однакоже и этому примѣры. Въ Оштинскомъ стану въ въ 1618 году былъ прикащикъ, подчиненный воеводѣ (1). Мы имѣемъ и наказъ, данный въ 1612 году Оштинскому прикащику Шведскимъ полководцемъ Делагарди и Новгородскимъ воеводою, княземъ Одоевскимъ (2). До того времени прикащики присылались въ Оштинскій станъ изъ Москвы, но когда Новгородъ былъ взятъ Шведами, крестьяне Заонежскихъ погостовъ, составлявшихъ Оштинскій станъ, жаловались, что ихъ некому оберегать отъ обидъ; тогда назначенъ былъ прикащикъ, которому данъ былъ наказъ. Въ его рукахъ сосредоточивались дѣла земскія, финансовыя, полицейскія и судебныя, но военной власти онъ не имѣлъ. Къ земскимъ дѣламъ принадлежалъ выборъ погостскихъ старостъ и цѣловальниковъ, который производился по распоряженію прикащика; онъ получалъ выборные списки, отсылалъ ихъ въ Новгородъ и приводилъ выборныхъ къ присягѣ. Ему пред-

(1) А. И. т. 3-й N 75.

(2) Доп. къ А И. т. 3-й, № 167.

писано было беречь накрѣпко, «чтобъ въ тѣхъ погостѣхъ старосты и цѣловалники годы по два и по три не были, и заговоромъ не ставились, а выбирали бъ старостъ и цѣловалниковъ всѣ крестьяне, не воровъ и не ябедниковъ, которые бъ государевыми денежными доходы не корыстовались и съ крестьянъ лишнихъ денегъ не сбирали». Кромѣ того, онъ долженъ былъ надзирать и за тѣмъ, чтобы богатые крестьяне не притѣсняли бѣдныхъ. Въ финансовыхъ дѣлахъ къ вѣдомству его принадлежалъ сборъ податей, которыя онъ отсылалъ въ Новгородъ съ старостами и цѣловальниками; съ остальными же деньгами и съ книгами онъ долженъ былъ самъ прiѣзжать въ Новгородъ для отчета. Пустые участки онъ раздавалъ на оброкъ вмѣстѣ съ старостами и цѣловальниками; оброчныя деньги и книги за подписью прикащика, цѣловальниковъ и священниковъ ежегодно присылались въ Новгородъ, равно какъ и росписи вышедшихъ изъ Оштинскаго стана крестьянъ. Всѣ полицейскiя дѣла принадлежали также къ вѣдомству прикащика; корчемниковъ онъ могъ преслѣдовать и наказывать; но пойманныхъ въ третiй разъ онъ долженъ былъ держать въ тюрьмѣ до указа и писать объ нихъ въ Новгородъ. Тоже самое онъ долженъ былъ дѣлать съ пойманными ворами и разбойниками, потому что онъ не имѣлъ власти судить губныхъ дѣлъ. Прочiя же дѣла, какъ между крестьянами тѣхъ погостовъ, такъ и по искамъ на нихъ постороннихъ, онъ могъ судить, но не иначе, какъ вмѣстѣ съ старостами, цѣловальниками и волостными лучшими людьми по 5 или 6 человѣкъ; тѣ дѣла, которыя онъ не могъ рѣшить самъ, онъ долженъ былъ присылать въ

Новгородъ. Когда Новгородъ снова былъ возвращенъ Россіи, прикащики Оштинскаго стана остались подчиненными воеводамъ, и въ 1618 году Новгородскій воевода предписывалъ прикащику наложить оброкъ на рыбныя ловли монастырскихъ и дворцовыхъ крестьянъ и прислать о томъ отписку въ Новгородъ. Впослѣдствіи же Заонежскіе погосты изъяты были изъ вѣдомства Новгородскихъ воеводъ; вѣроятно это было сдѣлано въ 1629 году, когда въ Оштинскій станъ назначены были воеводы. Другихъ примѣровъ подчиненныхъ воеводамъ прикащиковъ не встрѣчается; слѣдственно это было исключеніе въ общемъ управленіи.

10). *Слободскіе прикащики.* Въ Сибири, напротивъ того, постоянно назначались прикащики въ слободы пашенныхъ крестьянъ. Сибирскіе пашенные крестьяне соотвѣтствовали Русскимъ дворцовымъ, и для хозяйственнаго ихъ управленія требовались приказные люди. Они назначались воеводами изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые были уже не въ состояніи нести военную службу (1). Воеводы давали имъ наказы, по которымъ они управляли ввѣренными имъ слободами (2). Пріѣхавъ на мѣсто, прикащикъ принималъ отъ предшественника всѣ дѣла, правилъ на немъ начетъ и, росписавшись съ нимъ, отпускалъ его съ счетнымъ, росписнымъ и смотренымъ спискомъ, который онъ долженъ былъ подать воеводѣ. Прикащику Аятской слободы подчинялись не только крестьяне, но и бѣломѣстные казаки: и тѣхъ и другихъ онъ могъ судить въ гражданскихъ дѣлахъ, какъ между собою, такъ и

(1) П. С З. N 1594.

(2) См. наказъ прикащику Аятской слободы А. И. т. 5-й N 133.

по искамъ постороннихъ, когда споръ не превышалъ 10 рублей, бо̀льшія же дѣла онъ долженъ былъ отсылать въ Верхотурье; но ясачныхъ людей ему запрещено было судить въ какихъ бы то ни было дѣлахъ. Губныхъ дѣлъ онъ не могъ судить, но за небольшія преступленія и за побѣгъ онъ могъ наказывать крестьянъ. Для надзора за крестьянами выбирались старосты, цѣловальники и десятники, которые, узнавши о преступленіи или побѣгѣ, доносили о томъ прикащику. Пойманныхъ безъ проѣзжихъ грамотъ людей прикащикъ отсылалъ въ Верхотурье, равно какъ и корчемниковъ, но нарушившихъ правила безопасности отъ огня онъ могъ наказывать собственною властью. Въ финансовомъ отношеніи прикащику предоставлены были: сборъ оброка съ пашенныхъ крестьянъ, сборъ таможенныхъ пошлинъ, которыя онъ долженъ былъ сбирать вмѣстѣ съ цѣловальникомъ, въ качествѣ таможеннаго головы, распоряженія о выборѣ цѣловальниковъ къ казнѣ, къ денежнымъ запасамъ и къ желѣзному промыслу и надзоръ за ними, наконецъ призывъ новыхъ крестьянъ на пашню; но о ссудахъ и подмогѣ онъ долженъ былъ писать въ Верхотурье, куда присылались и поручныя записки по новоприборныхъ крестьянахъ. Хозяйственнаго управленія въ Аятской слободѣ не было, потому что крестьяне были оброчные. Военной власти прикащикъ не имѣлъ, и въ случаѣ непріятельскаго набѣга крестьяне и казаки искали убѣжища въ острогѣ. Исправныхъ прикащиковъ, на которыхъ не было жалобъ, въ 1697 году велѣно было оставлять лѣтъ по пяти, по шести и долѣе, потому что при частой ихъ перемѣнѣ каждый старался скорѣе нажиться и разорялъ крестьянъ. Виновныхъ въ зло-

употребленіяхъ воевода могъ наказывать «по разсмотрѣнію безъ всякой пощады, чего будетъ достоинъ» (1). Въ 1632 году велѣно было наказывать тѣхъ прикащиковъ, у которыхъ сбѣжали крестьяне, «чтобы на то смотря и иные прикащики впередъ, будучи на приказѣ, нашихъ крестьянъ отъ побѣгу и отъ всякого дурна и отъ воровства сами оберегали, и старостамъ и десятникомъ потому жъ велѣли беречь накрѣпко, и отъ воровства ихъ ото всякого унимали и обидъ имъ и насилства никакого не чинили» (2). Доходность этихъ мѣстъ была причиною того, что въ 1659 году не велѣно было давать жалованье слободскимъ прикащикамъ Тобольскаго разряда; по оставленіи же должности они вновь получали его, какъ и прочіе дворяне и дѣти боярскіе (3). Однакоже въ наказѣ Тобольскому воеводѣ 1697 года велѣно было установить для нихъ небольшой доходъ съ крестьянъ деньгами, хлѣбомъ и харчами, по усмотрѣнію воеводъ, чтобы имъ «быть сытымъ, а не богатѣть, какъ иные прикащики, которые крестьянъ разоряли.» Даже при Петрѣ Великомъ кормы сохранялись еще въ низшемъ управленіи.

11.) *Слободчики.* Они управляли слободами также, какъ и прикащики, имѣли тѣже обязанности, но не назначались воеводами, а были вольцые люди, которые брались завести новыя слободы. Въ 1654 году въ слободу, устроенную слободчиками въ Верхотурскомъ уѣздѣ, присланъ былъ воеводою прикащикъ, но по жалобѣ слободчиковъ велѣно было прикащика выслать,

(1) П. С. З. N 1594.

(2) А. И. т. 3-й № 172.

(3) Доп. къ А. И. т. 4-й N 69

и слободою управлять по прежнему слободчикамъ (1). Данный имъ наказъ совершенно сходенъ съ приведеннымъ выше наказомъ прикащику Аятской слободы, но они могли судить дѣла только до пяти рублей. Слободчики въ настоящій періодъ встрѣчаются только въ Сибири, но въ XVI вѣкѣ они были и въ Россіи; они также управляли слободами, но выбирались крестьянами (2).

12.) *Острожные прикащики*. Они также въ изданныхъ актахъ встрѣчаются только въ Сибири; они назначались воеводами для завѣдыванія небольшими крѣпостцами или острожками, и имѣли военную власть (3).

13.) *Прикащики при соляныхъ озерахъ*. Они назначались для надзора за добываніемъ соли частными лицами; съ ними посылались цѣловальники, подъячіе и стрѣльцы. Они должны были смотрѣть, чтобы никто не добывалъ соли безъ подписныхъ челобитныхъ, и нарушителей этого правила присылать въ Астрахань; тѣхъ же, которые засоряли озера при добываніи соли, они могли собственною властью наказывать батогами и пенею. Иногда прикащикамъ предписывалась также мѣрить добытую соль, что̀ производилось цѣловальниками подъ ихъ надзоромъ. Кромѣ того, они имѣли и полицейскую власть: они смотрѣли, чтобы не было дракъ, недозволенной игры, корчемства и вообще наблюдали за сохраненіемъ общественнаго порядка, нарушителей же могли подвергать наказанію. Нѣкоторымъ предоставлялась и судебная власть въ малыхъ дѣлахъ, но другіе ея не имѣли. Наконецъ нѣкоторымъ

(1) Доп. къ А. И т. 4-й N 20.

(2) А. А. Э. т. 1-й N 211 Доп. къ А. И. т. 1-й N 26.

(3) А. И. т. 5-й N 211.

предписывалось отражать непріятельскія нападенія; слѣдовательно они имѣли военную власть. Такимъ образомъ съ финансовою должностью соединялись всѣ другія. Надобно прибавить, что это было скорѣе порученіе, нежели должность; ибо они посылались на лѣтнее время, пока продолжалось добываніе соли, и на слѣдующій годъ это порученіе могло быть дано другимъ. Иногда, какъ мы видѣли, на соляныя озера посылались стрѣлецкіе головы и полуголовы (1).

Было и множество другихъ подобныхъ должностей; такъ напримѣръ въ 1623 году Астраханскіе воеводы велѣли двумъ дѣтямъ боярскимъ быть на рыбныхъ исадахъ и смотрѣть за тѣмъ, чтобы рыболовы не продавали рыбы перекупщикамъ, а продавали ее потребителямъ; они же должны были взимать пошлину съ рыбы. Кромѣ того, имъ поручено было смотрѣть, чтобы Русскіе торговали мирно съ Татарами, пріѣзжающими для продажи дынь и арбузовъ, не дѣлали бы имъ насилій и не перекупали фруктовъ, также чтобы никто не уѣзжалъ безъ проѣзжихъ грамотъ и подписныхъ челобитныхъ, чтобы Татары не переѣзжали за Волгу на Крымскую сторону для добычи, чтобы никто не держалъ судовъ безъ стражи и никому не давалъ ихъ безъ памятей и безъ приставовъ; однимъ словомъ, одному и тому же лицу поручались самыя разнородныя дѣла (2). Дѣти боярскіе назначались иногда съ цѣловальниками и для сбора перевозныхъ денегъ (3), тогда какъ въ другихъ мѣстахъ этимъ сборомъ завѣдывали выборные головы. Для сбора по-

---

(1) А. И. т. 4-й N 243 т. 5-й N 163.

(2) А. И. т. 3-й, N 124.

(3) А. И. т. 3-й N 130, Доп. къ А. И. т. 2-й, № 54.

датей посылались также то дѣти боярскіе, то стрѣльцы, то приставы, то выборные цѣловальники; для переписей—дѣти боярскіе, казаки и другіе служилые люди, также подъячіе (1). Починка крѣпостей, всякія постройки, устройство мостовъ, измѣреніе и поправка дорогъ поручались также дѣтямъ боярскимъ съ цѣловальниками (2).

Большая часть исчисленныхъ должностей были только временными порученіями, которыя давались по усмотрѣнію тѣмъ или другимъ лицамъ; другія должности, какъ мы видѣли, будучи постоянными, были только мѣстными учрежденіями, установленными безъ всякаго систематическаго порядка и безъ всякаго соображенія съ цѣлымъ. Поэтому всѣ эти должности отрывочны, и не вяжутся между собою; поэтому также, съ одной стороны, одно и тоже дѣло находилось въ вѣдомствѣ разныхъ лицъ, съ другой стороны, самыя разнородныя дѣла соединялись въ однѣхъ рукахъ. Не было понятія о систематическомъ раздѣленіи должностей по поручаемымъ дѣламъ; минутная потребность опредѣляла кругъ дѣятельности извѣстнаго лица и въ этотъ кругъ могли входить предметы, не имѣющіе никакой связи между собою. Самый порядокъ назначенія и подчиненія не былъ строго опредѣленъ; воеводы были центромъ областнаго управленія, но имъ подчинялись лица, назначаемыя прямо изъ Москвы, и болѣе или менѣе отъ нихъ независимыя. Это еще болѣе осложняло и безъ того запутанное управленіе и ослабляло власть воеводъ совершенно случайнымъ и безпорядочнымъ образомъ. Указъ 1679 года, которымъ

(1) Собр. Госуд. Грам. т. 3-й N 54.

(2). А. И. т. 5-й N 52, 141; А. А. Э. т. 4-й N 129, т. 3-й N 145.

упразднены эти должности, былъ по этому важнымъ шагомъ впередъ. Вообще, государство не развилось еще въ стройное тѣло; должности не составляли еще іерархическаго, систематически устроеннаго организма, по которому двигались бы должностныя лица; все опредѣлялось частною, временною потребностью, которая не возводилась къ общему сознанію. Къ этому присоединялся и самый характеръ государственной службы: служащіе были не должностныя лица, а люди, обязанные служить, и неимѣвшіе никакой опредѣленной должности. Каждый служилый человѣкъ могъ занимать всякое мѣсто; не было различія между военными и гражданскими должностями, не было законныхъ правилъ для порядка службы, или же единственными правилами были законы мѣстничества, которые опредѣлялись не государственными потребностями, а частными правами. Каждый обязанъ былъ служить и всегда находился въ распоряженіи воеводы, который по усмотрѣнію давалъ ему то или другое порученіе, опредѣлялъ его къ той или другой должности, по исправленіи которой онъ возвращался въ прежнее состояніе. Это неминуемо должно было сообщать временный характеръ должностямъ. Всѣ равно несли обязанности; поэтому и тяжесть должна была падать равно на всѣхъ, и тяжелыя должности должны были исправляться поочередно то тѣми, то другими. Съ другой стороны, и доходныя должности должны были переходить изъ рукъ въ руки, потому что каждый ждалъ своей очереди. Потому отчасти и самыя воеводскія должности давались на такія короткіе сроки. Наконецъ, ко всему этому присоединялось и то, что каждый человѣкъ, будучи вмѣстѣ военнымъ, могъ

быть ежеминутно оторванъ отъ должности по требованію царской службы. Все это сообщало должностямъ временный характеръ, который онѣ сохранили во все продолженіе XVII вѣка. Только Петръ Великій устроилъ общую служебную обязанность сообразно съ потребностями государства: онъ опредѣлилъ каждаго служащаго къ извѣстной должности и установилъ правила служебнаго порядка, что̀ сдѣлало возможною и систематическую организацію должностей.

Тоже самое было и въ выборныхъ или вѣрныхъ должностяхъ: служба выборныхъ людей была очередная, почему и должности поручались имъ временныя, а если дѣло требовало постояннаго исправленія, то должностныя лица мѣнялись ежегодно.

Служебныя обязанности падали на посадскихъ людей, на уѣздныхъ крестьянъ и на служилыхъ людей, которые занимались торговыми промыслами, и потому уравнивались съ посадскими. Послѣдніе несли вѣрную службу преимущественно предъ прочими, потому что къ этому обязывало ихъ самое сословное ихъ значеніе. Крестьяне, пока они не были укрѣплены къ землѣ, должны были также нести общія служебныя обязанности наравнѣ съ прочими свободными сословіями. Но со времени укрѣпленія настоящею ихъ службою сдѣлались обязанности въ отношеніи къ владѣльцамъ; это было наложенное на нихъ государствомъ тягло, равное службѣ служилыхъ и посадскихъ людей, и этою особенностью своихъ обязанностей они отличались отъ прочихъ сословій. Но Московское государство не имѣло объ этомъ различіи яснаго сознанія; различныя сословныя начала существовали, но смѣшивались вмѣстѣ, и владѣльческіе крестьяне несли

выборныя службы, равно какъ и тѣ служилые люди, которые занимались торговлею. Однако въ нѣкоторыхъ мѣрахъ правительства ясно выражается стремленіе къ освобожденію крѣпостныхъ крестьянъ отъ службы; въ Уложеніи велѣно было въ таможни и кабаки выбирать только посадскихъ людей, дворцовыхъ и черныхъ крестьянъ. Но дворцовые крестьяне несли хозяйственныя повинности и платили оброки землевладѣльцу точно также, какъ помѣщичьи и монастырскіе. Поэтому въ послѣдующее время служебныя обязанности возложены были преимущественно на посадскихъ людей. Относительно таможенныхъ сборовъ это было сдѣлано указомъ 1681 года, но точное разграниченіе сословныхъ обязанностей установлено было уже Петромъ Великимъ, который въ 1699 году предоставилъ всѣ выборныя должности бурмистрамъ и цѣловальникамъ, выбираемымъ изъ одпихъ посадскихъ людей, да изъ крестьянъ поморскихъ странъ. Послѣдніе одни оставались свободными и потому были уравнены съ городскими жителями. Со введеніемъ же магистратовъ всѣ служебныя обязанности пали на одно купеческое сословіе; свободные крестьяне обложены были податью, которая замѣняла хозяйственныя повинности владѣльческихъ крестьянъ. Только въ случаѣ необходимости, за недостаткомъ посадскихъ людей, выбирались цѣловальники изъ крестьянъ. Этими мѣрами служебныя обязанности купцовъ были отличены отъ обязанностей крестьянъ; оба сословія получили цѣльность и опредѣленность, тогда какъ прежде они смѣшивались, не смотря на то, что по существу своему они имѣли совершенно различныя права и обязанности. Вообще Петръ Великій не основалъ сословій на новыхъ началахъ, а

только далъ правильность существующему порядку: смѣшанное онъ разграничилъ, раздробленное соединилъ, и такимъ образомъ сообщилъ сословіямъ цѣльность и опредѣленность. По его выраженію, это были разсыпанныя храмины, которыя онъ собралъ воедино.

Однако уже и прежде него существовало различіе между посадскими жителями и уѣздными; оно выражалось въ томъ, что цѣловальники брались обыкновенно отдѣльно съ посада и съ уѣзда, тогда какъ въ общихъ земскихъ повинностяхъ, напримѣръ въ губномъ дѣлѣ, которое лежало на всѣхъ сословіяхъ, посады росписывались иногда вмѣстѣ съ уѣздомъ на отдѣльные округи или кости, съ которыхъ ставились цѣловальники. Различіе выражалось еще въ томъ, что посадскіе люди служили городовыя службы и отъѣзжія, крестьяне же выбирались только въ мѣстныя службы. Отъѣзжія службы были гораздо тяжелѣе другихъ и могли быть возлагаемы только на зажиточныхъ людей. Служба головъ считалась также болѣе тяжелою, нежели служба цѣловальниковъ (1), вслѣдствіе чего посадскіе люди нерѣдко посылались въ уѣзды головами (2). Но вообще на это не было установленнаго правила, и городскіе жители не уравнивались въ службахъ съ уѣздными людьми. Въ таможенномъ управленіи, напримѣръ, цѣловальники выбирались, какъ увидимъ ниже, то изъ однихъ посадскихъ людей, то изъ посадскихъ и уѣзд-

(1) Купцы гостиной сотни, жалуясь на то, что службы ихъ тяжелѣе службы купцовъ суконной сотни, говорятъ, что послѣдніе служатъ въ меньшемъ числѣ, да и то въ цѣловальникахъ, а не въ головахъ. Доп. къ А. И. т. 3-й N 47, IV.

(2) А. И. т. 5-й, N 13.

ныхъ вмѣстѣ, смотря по частному требованію и предписанію правительства. Для исправленія общихъ земскихъ повинностей выбирались обыкновенно цѣловальники изъ тѣхъ и другихъ, но въ такомъ случаѣ почти всегда предписывалось выбрать нѣсколько человѣкъ изъ посадскихъ и нѣсколько изъ уѣздныхъ, безъ всякаго уравнительнаго правила (1). Мѣстныя повинности завѣдывались обыкновенно мѣстными цѣловальниками (2), но нерѣдко посадскіе люди посылались въ уѣзды не только головами, но и цѣловальниками; имъ же поручались всѣ торговыя дѣла, какъ напримѣръ продажа царскихъ товаровъ, покупка хлѣба и т. п. (3).

Не болѣе равенства было и между самыми посадскими людьми: внутри каждой общины и каждой корпораціи служебныя очереди опредѣлялись самими членами, слѣдственно существовало уравненіе, опредѣляемое не закономъ, а мѣстными и временными постановленіями; законъ даже нарушалъ ихъ иногда, требуя, чтобы выбраны были люди годные къ госуда-

(1) «А для пріему лерву и лѣсу и тесу и гвозья велѣлъ выбрать цѣловалниковъ изъ посадскихъ людй, человѣкъ дву или трехъ, да къ нимъ въ прибавку уѣздныхъ людей дву или трехъ человѣкъ.» А. И. т. 5-й N 52: Здѣсь цѣловальники выбирались къ городовому дѣлу; но Шуйскіе посадскіе люди имѣли въ Суздалѣ свой участокъ городовыхъ укрѣпленій, который они строили и поправляли, выбирая для этого своихъ особыхъ цѣловальниковъ Доп. къ А. И. т. 4-й № 119. Въ 1595 г. у городоваго дѣла встрѣчаются цѣловальники изъ одинхъ посадскихъ людей. А. А. Э. т. 1-й N 365. О мостовомъ дѣлѣ см. А. А. Э. т, 4-й N 145.

(2) А. А. Э. т. 4-й N 129; Доп. къ А. И. т. 2-й N 52; сюда относится и сборъ податей А. И. т. 4 й, N 93.

(3) А. И. т. 3-й. № 147, 154. стр. 271, N 197, 220; Доп. къ А. И. т. 3-й, N 66, т. 4-й N 123; т. 4-й N 148.

реву дѣлу, не смотря на очереди. Но между отдѣльными общинами уравненія не было никакого, не было законныхъ правилъ, опредѣляющихъ, какую службу должно нести каждое лице; все зависѣло отъ количества лицъ, несущихъ служебную обязанность въ извѣстной мѣстности или въ извѣстной корпораціи, отъ ихъ имущества и отъ числа требуемыхъ выборныхъ.

Для примѣра возьмемъ Московскихъ гостей и торговыхъ людей гостиной и суконной сотенъ, которымъ поручались важнѣйшія дѣла. При Θедорѣ Ивановичѣ было гостей и купцовъ гостиной сотни 350 человѣкъ, въ суконной сотнѣ было 250 человѣкъ, а въ началѣ XVII вѣка ихъ было 357 семействъ; но въ 1649 году гостей было только 13, въ гостиной сотнѣ было всего 158 человѣкъ, а въ суконной 116, изъ которыхъ только 42 несли службу, прочіе же по бѣдности не могли служить. Изъ этихъ 42-хъ 18 ежегодно находились на службѣ, что̀ составляло весьма тяжелую обязанность. Гости и купцы гостиной сотни служили также черезъ годъ и жаловались, что отъ частыхъ службъ они обѣднѣли и задолжали (1). Въ 1689 году числомъ ихъ было болѣе, и гости служили только въ 6-й годъ, а торговые люди гостиной, суконной и черныхъ сотенъ въ 8-й, 9-й и 10-й годъ (2). Для пополненія гостиной и суконной сотенъ, которыя несли самыя тяжелыя службы, выбирались богатѣйшіе люди изъ Московскихъ черныхъ сотенъ и слободъ, изъ областныхъ посадскихъ людей и даже изъ монастырскихъ, дворцовыхъ и помѣщичьихъ крѣпостныхъ куп-

(1) Доп. къ А. И. т. 3-й, N 47.

(2) П. С. З. N 899.

цовъ. Въ интересахъ каждаго сословнаго союза было то, чтобы служебныя обязанности распредѣлялись на возможно бо̀льшее число лицъ; поэтому гости, гостиная и суконная сотни часто просили о пополненіи числа ихъ изъ другихъ сотенъ и слободъ. Но съ другой стороны и черныя сотни и слободы, жалуясь на бѣдность и на тяжесть службы, просили царя, чтобы онъ не велѣлъ брать у нихъ торговыхъ людей въ гостиную и суконную сотни. Это было столкновеніе противоположныхъ интересовъ, въ которомъ каждое сословіе хотѣло облегчить себѣ бремя на счетъ другихъ. Хотя приписаніе къ высшему разряду доставляло бо̀льшую почесть, но вмѣстѣ съ тѣмъ и служба была тяжелѣе, такъ что нерѣдко торговые люди избѣгали этого и укрывались, какъ Римскіе куріалы отъ почетныхъ должностей (1). Для соглашенія этихъ интересовъ и для уравненія службъ сословныхъ разрядовъ наряжались иногда особенныя коммиссіи. Такъ напримѣръ въ 1681-мъ году это дѣло поручено было боярину князю Голицыну, окольничему Чаадаеву и думному дьяку Кирилову вмѣстѣ съ выборными отъ сословій (2). Но разумѣется, такое уравненіе возможно было только между жителями одного и того же города,

---

(1) Въ 1649 г. купцы гостиной сотни жаловались, что многіе изъ нихъ записались въ Кадашевскую черную сотню, чтобы не служить службъ и не платить податей. Д. къ А. И. т. 3-й N 47. I. Въ 1630 г. велѣно было взять изъ Чердыни въ Москву въ суконную сотню посадскихъ людей съ братьями; за ними посланъ былъ изъ Москвы Максимъ Грибовъ, которому велѣно было выслать ихъ тотчасъ за поруками; воеводѣ же велѣно было отдать ихъ Максиму, а если они скроются, дать ему для розыска пушкарей и разсыльщиковъ. А. И. т. 3-й N 164.

2) П. С. З. № 899.

разные же города должны были остаться при неравенствѣ служебныхъ обязанностей.

Такое же неравенство существовало и между уѣздными жителями: если цѣловальники брались съ цѣлаго уѣзда, тогда они ставились—иногда уравнительно по сошному письму, иногда же предписывалось взять съ каждой волости одинакое число цѣловальниковъ, не смотря на различіе числа жителей и ихъ имущества (1). Нерѣдко даже для мѣстныхъ дѣлъ цѣловальники брались не съ цѣлаго уѣзда, а съ одной только общины, или съ нѣсколькихъ вмѣстѣ, безъ всякаго уравненія съ другими. Такъ напримѣръ въ 1676-мъ году въ Воженскомъ погостѣ былъ кружечный дворъ, къ которому цѣловальники выбирались со всѣхъ Заонежскихъ погостовъ, а въ таможню, находившуюся въ Вѣницкомъ погостѣ, выбирался цѣловальникъ изъ одного этого погоста (2). Неравенство увеличивалось еще и отъ того, что многіе монастыри жалованными грамотами освобождались отъ обязанности ставить цѣловальниковъ къ какимъ бы то ни было дѣламъ (3), черезъ что служебныя обязанности остальныхъ жителей дѣлались гораздо тяжелѣе. Это былъ остатокъ средневѣковыхъ привилегій, которыя распространялись на всѣ общественныя повинности того времени.

Головъ и цѣловальниковъ всегда предписывалось выбирать изъ лучшихъ и среднихъ статей; худшіе же люди, то есть самые бѣдные, не могли нести службы,

---

(1) А. А. Э. т. 3-й, № 313; А. Ю. № 313, 351.

(2) А. И. т. 5-й, N 13.

(3) «Цѣловалниковъ къ тюрмамъ и къ земскимъ дѣламъ и къ смчужному дѣлу, ни къ тамгѣ, ни къ денежному сбору и ни къ которымъ дѣламъ не дають». А. И. т. 3-й N 60 и многія другія.

потому что не были въ состояніи содержать себя безъ промысловъ. Нѣкоторыя должности бывали впрочемъ такого рода, что цѣловальники могли извлечь изъ нихъ выгоды; но этимъ пользовались богатые люди, чтобы удержать эти должности за собою, такъ что иногда онѣ принимали даже характеръ наслѣдственности. Этому встрѣчается слѣдующій любопытный примѣръ во Псковѣ, при продажѣ соли: « а у тое соли былъ въ цѣловалникахъ въ пріемѣ Псковитинъ посадцкой человѣкъ Сергѣй Сидоровъ сынъ огородникъ, и та твоя государева соль была за тѣмъ цѣловалникомъ Сергѣемъ многіе лѣта, а по смерти его досталась та соль его Сергѣеву сыну Филипу, и та соль и за тѣмъ Филипомъ была многое жъ время, и по смерти того Филипа досталась тажъ соль его сыну Прокофью Филипьеву » (1). Изъ этого видно, какъ сословное устройство, какъ бы оно ни было непрочно, предоставленное самому себѣ, стремится къ наслѣдственности привилегій. Но это было рѣдкое исключеніе; обыкновенно же тяжесть службы заставляла каждаго избѣгать ее по возможности, и бѣдные люди жаловались иногда на то, что они неправильно выбраны. Такъ напримѣръ въ 1669-мъ году Сольвычегодскій таможенный и кружечныхъ дворовъ голова пишетъ: « А выбрали меня сироту твоего пашенного крестьянина неграмотного и непромышленного и неторгового и животомъ я сирота твой непрожиточенъ, долженъ, и прежъ сего, государь, ни у какого твоего Великого Государя дѣла не бывалъ, и твоего Великого Государя таможенного и кружечныхъ дворовъ дѣла не вѣ-

(1) Доп. къ А. И. т. 5-й, N 1-й стр. 23.

даю» (1). Для уменьшенія тяжести выборные получали иногда подмогу отъ избирателей, но это отнюдь не было общимъ правиломъ, и обыкновенно очередная служба считалась такою обязанностью, при которой слѣдовало нести и всѣ издержки. Такъ напримѣръ въ 1680-мъ году запрещено было таможеннымъ цѣловальникамъ Шальскаго погоста брать мірскія подводы, а велѣно было ѣздить на свой собственный счетъ, потому что «то имъ годовая очередная служба» (2). Иногда выборные получали подмогу единственно на казенные расходы, которые иначе пали бы на самихъ цѣловальниковъ. Въ 1651-мъ году, напримѣръ, цѣловальники Бѣлозерскаго рыбнаго двора получали подмогу на отправленіе рыбы въ Москву и на расходы рыбнаго двора (3). Понятно, что отчужденіе отъ торговъ и промысловъ, безъ всякаго вознагражденія, было чрезвычайно обременительно для жителей; поэтому они предпочитали иногда нанимать цѣловальниковъ по добровольному соглашенію. Въ такомъ случаѣ дѣлалась съ нанимаемымъ лицемъ рядная запись, и цѣловальникъ получалъ наемныя деньги (4).

Въ головахъ и цѣловальникахъ нужно было богатыхъ людей и для того, чтобы въ случаѣ убытка, причиненнаго казнѣ ихъ умысломъ или оплошностью, они могли всегда отвѣчать своимъ имуществомъ. Впрочемъ, если имущество ихъ оказывалось недостаточнымъ, убытокъ взыскивался съ избирателей. Это было обязательное поручительство, въ которомъ государство

(1) Д. къ А. И. т. 5-й, № 93, I.

(2) А. А. Э. т. 4-й, № 241; А. И. т. 5-й, № 125.

(3) Д. къ А. И. т. 3-й N 89.

(4) А. И. т. 4-й, N 51.

искало обезпеченія противъ потерь и которое дѣлало служебную обязанность вдвойнѣ тяжелою. Но кромѣ этого обязательнаго поручительства, избиратели давали иногда и письменное поручительство; такъ напримѣръ въ 1643 году прикащики, старосты и крестьяне помѣщичьи нѣкоторыхъ становъ Бѣлозерскаго уѣзда, также монастырскіе и церковные прикащики и крестьяне поручились по своемъ выборномъ цѣловальникѣ, что онъ въ цѣлости доставитъ въ Москву собранныя имъ стрѣлецкія и ямскія деньги, которыя въ случаѣ утраты должны были взыскаться съ самихъ поручителей (1). Можетъ быть, цѣловальникъ былъ выбранъ для сбора, а для отвоза нужно было особенное поручительство.

Служба головъ и цѣловальниковъ называлась вѣрною, потому что выборные приводились къ присягѣ или къ вѣрѣ, по тогдашнему выраженію. Выборы производились по требованію воеводъ; всякій разъ, какъ нужны были головы и цѣловальники, воевода предписывалъ сдѣлать выборъ, смотрѣлъ, чтобы выбраны были люди достаточные и надежные, получалъ выборные списки, приводилъ выборныхъ къ присягѣ, а иногда давалъ имъ наказы. Большею частью выборы производились всѣми жителями, но иногда выбирали земскіе старосты съ цѣловальниками (2), иногда же воеводы сами назначали людей, «кого въ такое дѣло станетъ», въ особенности если дѣло требовало довѣрія (3). Такимъ образомъ, выборная служба смѣ-

(1) А. Юрид. N 313.

(2) А. И. т. 3-й, N 147: «по выборамъ Астраханскихъ земскихъ людей старосты Русинка Филипова съ товарищи».

(3) На гостя, посланнаго для покупки ефимковъ, Новгородскій вое-

шивалась съ приказною. Число требуемыхъ цѣловальниковъ иногда означалось въ царскихъ грамотахъ, большею частью неопредѣленнымъ образомъ (1), но обыкновенно воеводѣ предписывалось велѣть выбрать, « сколько человѣкъ пригоже » (2). Время выборовъ также не опредѣлялось; въ постоянныя должности головы и цѣловальники выбирались обыкновенно передъ началомъ новаго года т. е. 1-го Сентября, но всякій разъ, какъ являлось новое требованіе, предписывалось произвести новые выборы. Если цѣловальникъ оказывался ненадежнымъ, воевода смѣнялъ его и требовалъ новаго. Понятно, что при этомъ было обширное поле для злоупотребленій; воевода могъ всячески притѣснять жителей, потому что въ этомъ отношеніи власть его была довольно неопредѣленна, и онъ никому не давалъ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Жителямъ оставалось только жаловаться на притѣсненія. Такъ напримѣръ въ 1663 году Ростовскіе посадскіе люди жаловались, что они « къ стрѣлецкому хлѣбному сбору въ цѣловалники выбрали Ростовцевъ посадскихъ людей, четырехъ добрыхъ человѣкъ, и выборъ на нихъ въ съѣзжую избу къ нему воеводѣ отнесли, и онъ воевода держалъ у себя тотъ выборъ двѣ недѣли, и съ

вода жаловался, «что выбираетъ цѣловалниковъ самъ безъ его вѣдома, а у него де окольничаго въ наказѣ написано, велѣно цѣловалниковъ выбирать и отпущать ему ». Д. къ А. И. т. 3-й, N 66. « И выбравъ изъ Сибирянъ изъ торговыхъ изъ лутчихъ людей человѣка или дву добрыхъ ». С. Г. Г. т. 3-й, N 128 — « Посылати для государева выдѣлного хлѣба выбравъ изъ Тобольскихъ дѣтей боярскихъ и изъ торговыхъ и изъ посадскихъ изъ лутчихъ людей, сколко человѣкъ пригоже ». Д. къ А. И. т. 3-й, N 138, стр. 358.

(1) А. И. т. 5-й, N 52, А. А. Э. т. 3-й, N 151.

(2) А. И. т. 3-й, N 154 стр. 271 и много другихъ.

выборнымъ цѣловалникомъ съ Иваномъ Ракитинымъ стакався, для своей корысти велѣлъ его Ивана перемѣнить, а тотъ нашъ выборъ въ земскую избу выслалъ » (1). Чердынцы выхлопотали себѣ жалованную грамоту, по которой имъ велѣно было къ царскому дѣлу и къ мірскимъ сборамъ цѣловальниковъ выбирать самимъ « людей добрыхъ, которые бъ душею прямы и животомъ прожиточны, а кого имянемъ въ цѣловалники они Чердынцы выберутъ, и воеводамъ и подъячимъ по тѣхъ цѣловалниковъ имать у нихъ выборы, за руками выборныхъ людей и отцовъ ихъ духовныхъ, а впредъ ихъ не перемѣнять, и въ тюрьму безъ вины для своей корысти не сажать » (2). Впрочемъ воеводы всегда имѣли право наказывать неисправныхъ цѣловальниковъ.

Трудно исчислить должности, въ которыя выбирались головы и цѣловальники; вообще имъ поручались всѣ дѣла, гдѣ нужна была какая нибудь счетность, но кромѣ того и множество другихъ. Иногда къ извѣстному дѣлу назначались головы съ цѣловальниками, иногда одни цѣловальники, иногда цѣловальники ставились подъ начальство приказныхъ людей. О сборѣ податей было уже говорено выше; мы видѣли, какъ одну и туже подать, напримѣръ ясакъ или выдѣльный хлѣбъ, сбирали, по усмотрѣнію воеводы или по царскому распоряженію, то выборные сборщики, то приказные люди. Иногда воеводѣ просто предписывалось послать для сбора, « кого пригоже » (3). Здѣсь имѣлись въ виду только частныя соображенія, удобство,

---

(1) А. И. т. 4-й, N 174.

(2) А. И. т. 5-й, N 16.

(3) А. А. Э. т. 3-й, N 268.

довѣріе и т. п.; общія же соображенія, какъ то: служебныя обязанности сословій, совершенно различная отвѣтственность тѣхъ и другихъ, не принимались даже въ расчетъ. Изъ пошлинъ главныя были таможенныя и кабацкія, о которыхъ будетъ рѣчь ниже. Для сбора десятинной пошлины посылались обыкновенно цѣловальники, для надзора за добываніемъ соли служилые люди съ цѣловальниками, для сбора пошлинъ и оброковъ съ рыбныхъ ловель, то служилые люди, то цѣловальники, для сбора пролубнаго цѣловальники, для сбора пошлинъ съ мытовъ и перевозовъ служилые люди съ цѣловальниками или головы съ цѣловальниками или одни цѣловальники. Для сбора новой соляной пошлины въ 1646-мъ году посланы были изъ Москвы торговые люди, которымъ вмѣстѣ съ тѣмъ поручены были выварка селитры и продажа табаку; воеводы должны были давать имъ цѣловальниковъ. Когда же пошлина была уничтожена, продажа табаку поручена была цѣловальникамъ подъ вѣдомствомъ воеводъ, но вскорѣ и это было отмѣнено. Выварка же селитры производилась или присылаемыми изъ Москвы приказными людьми, подъ начальствомъ которыхъ были выборные цѣловальники, или цѣловальниками подъ начальствомъ воеводъ. Казенное добываніе соли производилось соляными головами и цѣловальниками; казенные металлическіе заводы управлялись служилыми людьми или выборными головами съ цѣловальниками, но при добываніи желѣза въ Сибири были иногда одни цѣловальники, подчиненные слободскимъ прикащикамъ. Продажа казенныхъ товаровъ поручалась посылаемымъ изъ Москвы или назначаемымъ изъ мѣстныхъ жителей торговымъ людямъ, ко-

торымъ на помощь выбирались на мѣстѣ цѣловальники. Выборные головы съ цѣловальниками или служилые люди съ цѣловальниками были при казенныхъ виноградныхъ и тутовыхъ садахъ, при шелковыхъ заводахъ и при казенномъ промыслѣ мареною. Кромѣ того, были цѣловальники при покупкѣ казенныхъ хлѣбныхъ запасовъ, при денежномъ дѣлѣ, у казенныхъ мельницъ, у житницъ, у дѣловаго двора, у пороховой и свинцовой казны, при молотьбѣ хлѣба въ дворцовыхъ имѣніяхъ (1). Отвозъ въ Москву собранныхъ денегъ поручался также или тѣмъ цѣловальникамъ, которые ихъ сбирали, или особымъ цѣловальникамъ, или служилымъ людямъ (2). Для устройства новыхъ мѣръ выбирались особые цѣловальники. Кромѣ того, были цѣловальники подъ начальствомъ служилыхъ людей при разныхъ дѣлахъ, гдѣ требовалось счетоводство, какъ то: при городовомъ дѣлѣ, при мостовомъ дѣлѣ, при постройкахъ. Для измѣренія и чищенія дорогъ посылались служилые люди съ цѣловальниками. Въ Москвѣ были выборные изъ посадскихъ земскіе ярыжки,—родъ полицейской команды, которая получала подмогу отъ черныхъ сотенъ и слободъ, а въ другихъ городахъ были выборные люди для выемки огня и на караулахъ (3). Встрѣчается даже цѣловальникъ, посланный для правежа денегъ по частному взысканію, что обыкновенно дѣлалось приставами (4).

---

(1) Грамоты, въ которыхъ встрѣчаются всѣ эти должности, указаны выше въ изложеніи вѣдомства воеводъ.

(2) А. Ю. N 313, 351; А. И. т. 4-й, N 51, т. 5-й, N 143 А. А. Э. т. 3-й, N 268.

(3) А. И. т. 3-й, N 92, IV, т. 5-й, N 176; Д. къ А. И. т. 4-й, N 140.

(4) А. И. т. 3-й, N 287.

Въ Псковѣ была та особенность, что церковными вотчинами управляли выборные изъ посадскихъ людей старосты и прикащики, потому что большая часть этихъ имуществъ была даромъ Псковскихъ гражданъ (1). Наконецъ, кромѣ цѣловальниковъ, мѣстные жители ставили сторожей и тому подобныхъ низшихъ служителей (2).

Цѣловальникамъ, точно также какъ и приказнымъ людямъ, поручались иногда разнородныя дѣла; такъ напримѣръ въ 1622-мъ году цѣловальникамъ, посланнымъ изъ Перми для сбора десятинной пошлины съ товаровъ, порублевой съ пріѣзжихъ иноземцевъ, пошерстной съ продаваемыхъ лошадей, и оброчныхъ денегъ съ наемнорабочихъ, велѣно было вмѣстѣ съ тѣмъ судить тяжбы между торговыми людьми и Остяками, тѣ же дѣла, которыя «для великого спору вершить не мочно», присылать къ воеводѣ въ Чердынь (3).

Не всѣ эти лица подчинялись воеводамъ; присылаемые изъ Москвы были обыкновенно болѣе или менѣе отъ нихъ независимы; другихъ же воевода могъ наказывать и смѣнять по усмотрѣнію (4). Казанскому воеводѣ въ 1697-мъ году велѣно было смотрѣть надъ вѣрными головами и цѣловальниками, чтобъ они сбирали вправду, съ великимъ радѣніемъ и осмотрѣніемъ; если же они чего не доберутъ по окладамъ, то велѣть тотчасъ править, не запуская, на нихъ или на ихъ избирателяхъ. Таможенные и кабацкіе головы и цѣловальники почти вездѣ пользовались большею или меньшею

---

(1) Доп. къ А. И. т. 5-й, N 1-й стр. 3, 4.

(2) Д. къ А. И. т. 5 й, N 47, стр. 262.

(3) А. А. Э. т. 3-й, N 124.

(4) Тамъ же, N 118.

самостоятельностью и наконецъ были совершенно изъяты изъ вѣдомства воеводъ. Такъ какъ таможенные и питейные сборы были притомъ одною изъ важнѣйшихъ отраслей финансоваго управленія, то они требуютъ особаго разсмотрѣнія.

ТАМОЖЕННЫЕ И КАБАЦКІЕ ГОЛОВЫ И ЦѢЛОВАЛЬНИКИ.

Таможенное управленіе обыкновенно соединялось съ управленіемъ питейныхъ сборовъ, не смотря на то, что обѣ эти отрасли государственныхъ финансовъ имѣютъ совершенно различный характеръ. Таможенное управленіе имѣетъ цѣлью сборъ пошлинъ, въ которомъ требуются надзоръ, счетоводство и пріемъ денегъ; питейное же управленіе завѣдываетъ регаліею, гдѣ необходима промышленная дѣятельность. Послѣдняя идетъ успѣшнѣе тамъ, гдѣ побужденіемъ служитъ личный интересъ, вслѣдствіе чего винную регалію выгоднѣе отдавать на откупъ, а таможенные сборы лучше содержать въ казенномъ управленіи. Но сознаніе этого различія развилось только въ царствованіе Екатерины II-й; въ Московскомъ же государствѣ таможни и кабаки безразлично отдавались на вѣру и на откупъ, что продолжалось и послѣ преобразованій Петра Великаго. Этому смѣшенію способствовалъ характеръ финансовой службы того времени, которая гораздо менѣе отличалась отъ откупнаго содержанія, нежели казенное управленіе нашего времени. Вѣрные сборщики не были служащими лицами, облеченными

довѣренностью правительства и привыкшими къ дѣлу; они были простые купцы и крестьяне, которые въ извѣстные сроки, на короткое время, несли очередную службу и искали всѣхъ возможныхъ случаевъ, чтобъ избавиться отъ тяжкой обязанности, отвлекавшей ихъ отъ занятій. Поэтому правительство не могло надѣяться на ихъ усердіе и должно было искать обезпеченія въ полученіи доходовъ въ такихъ мѣрахъ, которыя совершенно уподобляли казенное управленіе откупному: обыкновенно правительство назначало общій окладъ сбора, и если головы и цѣловальники сбирали менѣе положеннаго количества, недоборы взыскивались съ нихъ или съ ихъ избирателей. Это былъ родъ обязательнаго откупа, и если съ одной стороны для казны было выгоднѣе отдавать сборы на вѣру, потому что она получала и деньги, собранныя сверхъ оклада, то съ другой стороны это случалось вѣроятно довольно рѣдко, откупщики же всегда могли платить высшіе оклады, нежели вѣрные сборщики; а кромѣ того, при откупномъ содержаніи торговое сословіе избавлялось отъ тяжкой службы. Самые откупа, при господствующей системѣ повинностей, часто носили обязательный характеръ: кромѣ того, что откупщики всегда обязаны были противъ воли содержать откупъ на вторичный срокъ, если они за нѣсколько мѣсяцевъ до истеченія перваго срока не объявляли, что отказываются отъ содержанія, но иногда ихъ заставляли содержать откупъ даже и въ томъ случаѣ, если въ новый срокъ не являлось желающихъ (1). Наконецъ, между вѣрнымъ управленіемъ и откупнымъ существовали про-

---

(1) Уложеніе, гл. XVIII, ст. 27.

межуточныя формы, которыя показываютъ безразличіе казеннаго содержанія и откупнаго: случалось напр. что частный человѣкъ вызывался быть вѣрнымъ сборщикомъ и собрать извѣстную сумму, превышающую положенный окладъ (1); точно тоже дѣлали и откупщики.

Такимъ образомъ, при отдачѣ сборовъ на вѣру или на откупъ имѣлись въ виду временныя и мѣстныя соображенія; тотъ или другой способъ управленія выбирался, смотря по тому, который доставлялъ болѣе дохода. Это дѣлалось даже ежегодно: въ концѣ года къ воеводѣ посылался указъ съ предписаніемъ отдать сборы на слѣдующій годъ либо на вѣру, либо на откупъ (2). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сборы постоянно отдавались на откупъ, и только въ случаѣ недостатка желающихъ, воеводамъ предписывалось отдавать ихъ на вѣру (3). Напротивъ того, значительные таможенные сборы, какъ напримѣръ въ Архангельскѣ, гдѣ торговля была обширная и сборъ былъ не всегда одинакій, постоянно были въ управленіи вѣрныхъ головъ и цѣловальниковъ. Кромѣ того, въ питейномъ управленіи имѣлись въ виду и нравственныя цѣли: откупщики продавали больше вина, нежели вѣрные сборщики, и тѣмъ распространяли пьянство въ народѣ. Поэтому въ 1651-мъ году откупное содержаніе было отмѣнено, и положено было оставить кружечные дворы только въ городахъ и по одному въ большихъ государевыхъ селахъ; въ малыхъ же селахъ ихъ велѣно было уничтожить; а въ 1652-мъ

(1) А. А. Э. т. 3-й. N 150.

(2) Воронежскіе акты т. 2-й N 59, т. 3-й, N 131.

(3) Доп. къ А. И. т. 3-й N 67.

году кабаки оставлены только въ городахъ (1). Но въ 1663-мъ году, по случаю войны, велѣно было для пополненія казны, на жалованье войску, опять завести кабаки по городамъ, пригородамъ, селамъ, слободамъ и деревнямъ и отдавать ихъ на вѣру и на откупъ (2). Въ 1677-мъ году государь, совѣтовавшись съ патріархомъ и поговоря съ боярами, опять запретилъ продажу питей въ малыхъ селахъ, находившихся въ близкомъ разстояніи отъ Москвы и городовъ, въ тѣхъ же селахъ, которыя содержали въ себѣ болѣе 500 дворовъ и находились въ далекомъ разстояніи отъ Москвы и городовъ, запретилъ отдавать кружечные дворы на откупъ (3). Однако въ 1681-мъ году въ близкихъ къ городамъ селахъ были кабаки, которые содержались откупщиками (4). Указъ 1681-го года, который основалъ таможенное и кабацкое управленіе на совершенно новыхъ началахъ, въ обоихъ уничтожилъ откупа, но уже на основаніи чисто финансовыхъ соображеній; причина была та, что на откупщикахъ оказались большія недоимки, и они дѣлали подрывъ казеннымъ сборщикамъ. Но какъ всѣ общіе законы Московскаго государства уступали частнымъ цѣлямъ, такъ и этотъ законъ не исполнялся, и впослѣдствіи встрѣчаются опять откупщики. Въ 1690 году указъ былъ подтвержденъ, и велѣно было снова отданныя на откупъ таможни и кабаки передать вѣрнымъ сборщикамъ (5).

Таможенные и кабацкіе сборы отдавались на откупъ

---

(1) П. С. З. N 70, 82.
(2) П. С. З. № 340, 341.
(3) П. С. З, № 714.
(4) П. С. З. № 689.
(5) А И. т. 5-й № 201

порознь; питейные дома отдавались каждый отдѣльно или нѣсколько вмѣстѣ, а изъ таможенныхъ сборовъ отдавались иногда отдѣльныя статьи. Если въ извѣстной мѣстности кабаки отдавались на откупъ, а таможни на вѣру, то таможенные головы управляли одними таможенными дѣлами (1). Это раздѣленіе таможеннаго и кабацкаго управленія встрѣчается и въ другихъ случаяхъ; такъ напримѣръ съ 1620 году до 1623-го Верхотурскіе кабаки управлялись присылаемыми изъ Тобольска дѣтьми боярскими, а таможенныя дѣла завѣдывались таможенными головами (2). Но обыкновенно должности таможеннаго и кабацкаго головы соединялись вмѣстѣ, цѣловальники же выбирались отдѣльно къ тѣмъ и другимъ сборамъ, а иногда даже запрещалось переводить ихъ отъ одной должности въ другую, чтобы «тѣмъ имъ насилства и продажъ не чинить» (3).

Изъ примѣра Тобольскихъ дѣтей боярскихъ видно, что сборы поручались иногда, вмѣсто головъ и цѣловальниковъ, приказнымъ людямъ. Иногда на слободскихъ прикащиковъ возлагалась должность таможенныхъ головъ; въ 1697 году на Ирбитскую ярмарку назначенъ былъ головою оружейникъ Сибирскаго приказа (4). Въ такихъ случаяхъ по головѣ брались поручныя записи для обезпеченія казны въ сборѣ доходовъ. Но гораздо лучшимъ обезпеченіемъ служило

(1) Доп. къ А. И. т. 4-й, № 134.

(2) А. И. т. 3-й № 122. На заставахъ обыкновенно были одни таможенные головы. А. И. т. 3-й, № 4, 212, также № 13. Въ Новгородѣ въ 1649 г. былъ отдѣльный кабацкой голова. А. А. Э. т. 4-й № 41.

(3) А. А. Э. т. 4-й № 111; Д. къ А. И. т. 3-й, № 33 стр. 201.

(4) А. И. т. 3-й № 133; П. С. З. N 1693.

выборное начало, которое было не что иное, какъ обязательное поручительство избирателей; поэтому обыкновенно головами и цѣловальниками назначались выборные изъ посадскихъ и уѣздныхъ людей.

Не всегда выборы производились мѣстными жителями; тамъ, гдѣ сборы были значительны, напримѣръ въ Архангельскѣ, головами были всегда присылаемые изъ Москвы гости и торговые люди гостиной и суконной сотенъ. Весьма часто также въ одинъ городъ назначались торговые люди другаго города (1), и это дѣлалось не только по недостатку посадскихъ людей, но и по другимъ случайнымъ соображеніямъ. Такъ напримѣръ въ Псковъ, гдѣ не могло быть недостатка въ торговыхъ людяхъ, присланы были въ 1628 году для управленія таможенными и кабацкими сборами двое Муромскихъ посадскихъ человѣка; въ Астрахань посылались головами гости, а въ товарищи выбирались Казанцы (2). Вѣроятно выборъ головъ изъ другихъ городовъ имѣлъ цѣлью уменьшить злоупотребленія, происходящія отъ пристрастія; иначе трудно объяснить, почему иногда два города выбирали головъ одинъ для другаго. Въ Соликамскъ, напримѣръ, посылались головы изъ Пермичей, а въ Пермь изъ Соликамска, но случалось также, что въ Перми были головы изъ мѣстныхъ жителей (3). Точно также въ

(1) Въ 1635 г. въ Верхотурьѣ былъ голова изъ Казани и Чебоксаръ. А. И. т. 3-й, № 122, также изъ Устюга, № 184. Въ 1648 г. въ Новгородѣ сбиралъ питейную прибыль торговый человѣкъ гостиной сотни, а въ 1649 г. Новгородецъ А. И. т. 4-й № 41. Въ Кевролу и на Мезень ежегодно присылались головы изъ другихъ городовъ, а въ товарищи выбирались мѣстные жители Д. къ А. И. т. 3-й, № 18.

(2) А. А. Э. т. 3-й, № 143; А. И. т. 3-й N 134, стр. 271.

(3) А. И. т. 3-й N 100, 185, 196, т. 4-й, N 12.

Воронежъ присылались иногда головы изъ Ельца, а въ Елецъ изъ Воронежа, хотя и здѣсь это далеко не было общимъ правиломъ, и часто бывали сборщики мѣстные (1). Въ Архангельскъ, на ярмарку, посылались изъ Москвы нѣсколько головъ и цѣловальниковъ; кромѣ того, туда выбирались цѣловальники изъ Ярославля, Костромы, Вологды, Устюга, Яренска и Сольвычегодска, потому что жители этихъ городовъ ѣздили туда на ярмарку (2). Но обыкновенно въ цѣловальники выбирались мѣстные жители, хотя встрѣчаются исключенія: такъ напримѣръ въ 1659 году Шуяне жаловались, что ихъ посылаютъ въ Суздальскій уѣздъ къ таможеннымъ и кабацкимъ сборамъ, и просили царя освободить ихъ отъ этой службы, потому что въ другихъ уѣздахъ выбираются головы и цѣловальники изъ тѣхъ же городовъ и уѣздовъ; царь исполнилъ ихъ просьбу (3).

Головы почти всегда выбирались изъ торговыхъ и посадскихъ людей; только въ не многихъ случаяхъ выбирались головы въ уѣздахъ изъ мѣстныхъ крестьянъ. Иногда же голова выбирался посадомъ и уѣздомъ вмѣстѣ (4). Наконецъ, какъ исключеніе, встрѣчаются и головы изъ дѣтей боярскихъ, выбираемые всякихъ чиновъ людьми. Это мы видимъ именно въ Воронежѣ, гдѣ однако въ другіе года выбирались головы изъ однихъ торговыхъ людей (5). Цѣловаль-

(1) Воронежскіе акты т. 3-й N 103, 109.

(2) Д. къ А. И. т. 4-й № 52; П. С. З. № 1687.

(3) Старинные Акты Шуи, № 87.

(4) Головы изъ посадскихъ людей, А. И. т. 3-й N 100, 183, т. 4-й N 12, т. 5-й N 13; съ посада и уѣзда вмѣстѣ Д. къ А. И. т. 3-й, N 93.

(5) Воронежскіе акты т. 2-й, № 59, т. 3-й, № 103, 109, 115, 146.

никовъ въ городахъ предписывалось выбирать иногда изъ однихъ посадскихъ людей, иногда также изъ уѣздныхъ, и трудно сказать, на какомъ основаніи дѣлалось то или другое (1). Въ Сибири, вѣроятно за недостаткомъ уѣздныхъ людей, почти вседа выбирались одни посадскіе и торговые люди; однакоже въ селахъ пашенныхъ крестьянъ выбирались изъ нихъ цѣловальники для мѣстныхъ службъ (2). Посадскіе люди вообще были болѣе способны къ этимъ должностямъ, потому что промышленность была для нихъ дѣломъ привычнымъ. Впрочемъ иногда и они занимались исключительно земледѣліемъ; такъ напримѣръ въ 1658-мъ году Архангельскій таможенный голова жаловался, что Холмогорскіе цѣловальники люди все пахатные, и товаровъ осматривать не умѣютъ, потому что непривычны къ этому дѣлу (3). Посадскіе люди посылались нерѣдко и въ уѣзды, гдѣ они завѣдывали дѣлами безъ всякаго участія уѣздныхъ людей (4), но иногда въ уѣздъ посылался одинъ голова, или голова съ цѣловальникомъ, или одни цѣловальники, а въ помощь имъ выбирались мѣстные цѣловальники (5). Въ дворцовыхъ же селахъ и въ нѣкоторыхъ черныхъ волостяхъ и погостахъ, гдѣ сборщики были независимы отъ городскихъ головъ, какъ голова, такъ и цѣловаль-

---

(1) Первое А. И. т. 5-й, № 224, А. А. Э. т. 3-й № 143, т. 4-й, № 41, 59; Д. къ А. И. т. 3-й, № 20; т. 4 й, № 134, 140, второе— А. И. т. 3-й № 100, т. 4 й № 12; Д. къ А. И. т. 3-й, № 18, 19.

(2) А. И. т. 3-й, № 184, т. 5-й № 133, Д. къ А. И. т. 3 й N 83, т. 4-й N 59 стр. 163.

(3) Доп. къ А. И. т. 3 й N 52.

(4) Напр. къ Астраханскимъ соляным озерамъ А. И. т. 3-й N 134, стр. 271. для сбора таможенныхъ пошлинъ т. 5-й N 210.

(5) А. И. т. 5-й № 13, 125.

ники выбирались изъ мѣстныхъ крестьянъ (1). Въ Уложеніи (2) запрещено было въ городахъ, въ дворцовыхъ селахъ и черныхъ волостяхъ выбирать въ головы и цѣловальники чьихъ бы то ни было людей и крестьянъ, кромѣ посадскихъ людей и дворцовыхъ крестьянъ. Такъ какъ исключены только владѣльческіе крестьяне, то должно полагать, что подъ именемъ дворцовыхъ разумѣлись и черные крестьяне. Однакоже не смотря на этотъ указъ, продолжали выбираться и нѣкоторые служилые люди, напримѣръ пушкари, если даже они не занимались никакими торговыми промыслами (3).

Обязанность выбирать головъ и цѣловальниковъ имѣли обыкновенно не всѣ жители, а только лучшіе люди, то есть самые богатые, потому что бѣдные, какъ мы видѣли, не могли нести службы. Поэтому и выбирать предписывалось лучшихъ людей, «добрыхъ, не воровъ и не бражниковъ, которые были бы душею прямы и животомъ прожиточны и которымъ бы можно было вѣрить въ сборѣ государевой казны». Иногда предписывалось выбирать грамотныхъ, но это не было общимъ правиломъ (4). Если же жители выбирали худшихъ и молодшихъ людей, то они отвѣчали за

(1) Д. къ А. И. т. 3-й N 67, т. 4-й, N 62.

(2) Гл. IX, ст. 6-я.

(3) Въ 1651 г. Путивльскіе пушкари просили царя, чтобы онъ не велѣлъ выбирать ихъ на кружечный дворъ въ головы и цѣловальники, потому что ихъ стало меньше противъ прежняго и лавки велѣно имъ продать и они отъ многихъ службъ безъ промысловъ разоряются А. И. т. 4-й № 76.

(4) А. И. т. 3-й № 183, А. А. Э. т. 4-й № 41, 111; въ послѣднемъ грамотности не требуется; тоже Д. къ А. И. т. 3-й № 19, т. 4-й № 134, 140; но Д. къ А. И. т. 3-й № 18 требуется грамотность. Въ

всѣ казенные убытки. Впрочемъ, въ низшія должности выбирались также средніе и худшіе люди. Послѣдніе въ этомъ случаѣ становились и избирателями, на ряду съ другими; но случалось, что зажиточные люди назначали ихъ сами собой, безъ ихъ вѣдома. Это видно изъ жалобы Псковскихъ среднихъ и мелкихъ граждань, которые въ 1665-мъ году писали « а на многихъ, государь, на насъ сиротъ твоихъ градцкихъ выборовъ мірскихъ серединхъ и мелкихъ людей за руками нѣту, потому что тѣ прожиточные люди пишутъ насъ сиротъ твоихъ въ такіе службы безъ череды по вся годы, безпрестани, по недружбамъ, однѣ собрався; и намъ бѣднымъ сиротамъ твоимъ государевымъ отъ тѣхъ прожиточныхъ людей, которые съ нами не совѣтуютъ, никакіе помощи ни заступленія нѣту, и во всемъ на насъ насилуютъ, и намъ отъ того ихъ насилства прожить невозможно, и разорились до основанья» (1).

Въ 1681-мъ году велѣно было въ Москвѣ выбрать головъ и цѣловальниковъ гостямъ и торговымъ людямъ гостиной и суконной сотенъ, не обращая вниманія на служебныя очереди; освобождены были только тѣ, которые находились на службѣ впродолженіе послѣднихъ трехъ лѣтъ. Гостямъ же и торговымъ сотнямъ предписано было выбрать таможенныхъ и кабацкихъ головъ и въ другихъ городахъ, если они кого нибудь знаютъ, если же никого не знаютъ, то выбирать по прежнему жителямъ тѣхъ городовъ. Гдѣ нѣтъ посадскихъ, тамъ выбирать по прежнему изъ служилыхъ

Сибири въ 1698 г. велѣно было выбирать цѣловальниковъ, « буде возможно грамотныхъ ». П. С. З. 1653, ст. 6.

(1) Д. къ А. И. т. 5-й № 1-й стр. 24.

людей, а гдѣ и служилыхъ людей мало, выбирать дворцовыхъ и монастырскихъ крестьянъ; наконецъ, за недостаткомъ послѣднихъ, выбирать посадскихъ и служилыхъ людей другихъ городовъ. Гости и торговые люди гостиной и суконной сотенъ дѣйствительно сказали, что они въ городахъ никого не знаютъ, и если кого и знаютъ, то тѣ купцы разъѣхались уже по ярмаркамъ, а въ городахъ остались только выбранные въ новыя службы. Поэтому велѣно было выбирать мѣстнымъ жителямъ въ головы и ларечные изъ первыхъ статей, а въ рядовые цѣловальники изъ среднихъ статей лучшихъ людей: если же лучшіе люди будутъ отбывать отъ службы по стачкѣ между собою семьями или очередными службами или какими нибудь другими мѣрами, или выбраны будутъ не лучшіе люди, а молодшіе и не знающіе дѣла, то всѣ могущіе произойдти убытки будутъ доправлены на земскихъ старостахъ и избирателяхъ вдвое, безъ всякой отговорки, да кромѣ того, за неправые выборы они подвергнутся жестокому наказанію (1).

Этотъ указъ лучше всего характеризуетъ выборную службу Московскаго государства: о правѣ выбора нѣтъ и рѣчи; существуетъ только обязанность, и правительство можетъ предоставить назначеніе совершенно другимъ лицамъ, если находитъ это болѣе удобнымъ. Служебныя обязанности сословій поставлены здѣсь въ систематической послѣдовательности, чего не было прежде; вѣроятно подъ именемъ дворцовыхъ кресть-

---

(1) П. С. З. № 879, 880; С. Г. Г. т. 4-й № 125. Въ 1688 г. велѣно было служилыхъ людей выбирать отставныхъ или такихъ, которымъ по наряду не слѣдовало быть на службѣ. П. С. З. № 1305, 1311.

янъ, также какъ и въ Уложеніи, разумѣлись и черные, ибо странно было бы исключить ихъ изъ обязанности, которой подвергались даже монастырскіе крестьяне. Но выбирать по прежнему предписывалось лучшихъ людей, что было чрезвычайно неопредѣленно, ибо служебныя обязанности оставлялись безъ всякихъ законныхъ правилъ, и въ настоящемъ случаѣ нарушались даже существующія правила очередей. Это была странная смѣсь выборнаго начала, очередныхъ служебныхъ обязанностей, тимократіи и правительственнаго назначенія. Правительство требовало людей, достойныхъ довѣрія, а какимъ образомъ они назначались, это опредѣлялось временнымъ и мѣстнымъ удобствомъ, или же предоставлялось согласію самихъ выбирающихъ лицъ, что для правительства было гораздо легче. Иначе не могло и быть: нужны были люди богатые, которые одни могли нести службу и обезпечивать правительство въ полученіи доходовъ; богатство должно было опредѣлять и служебныя очереди, а правительство не имѣло средствъ опредѣлить имущество торговыхъ людей. Какъ оно предоставляло имъ верстаться между собою въ податяхъ по животамъ и промысламъ, такъ оно предоставляло имъ и выборъ должностныхъ лицъ, но всякій разъ какъ оно находило болѣе удобства въ другихъ распоряженіяхъ, оно измѣняло этотъ порядокъ. Сознаніе тимократическаго начала, цензъ, предполагаетъ уже довольно развитыя юридическія понятія и общія соображенія; въ Московскомъ же государствѣ всего этого не было, но какъ въ управленіи, такъ и въ установленіи служебныхъ обязанностей, все опредѣлялось частнымъ удобствомъ.

Тотъже недостатокъ правительственныхъ распоря-

женій виденъ и въ опредѣленіи числа головъ и цѣловальниковъ. Число первыхъ не трудно было опредѣлить: обыкновенно назначался одинъ; но въ Псковѣ въ 1623 году было ихъ два (1), въ Архангельскѣ во время ярмарки обыкновенно было три, а послѣ ярмарки оставлялся одинъ (2). Псковскіе головы назначены были вмѣстѣ, безъ означенія преимущества одного передъ другимъ, въ Архангельскѣ же главнымъ былъ гость, съ которымъ назначались въ головы два купца гостиной сотни, а посланные изъ Москвы четыре цѣловальника назывались ихъ товарищами. Но въ 1699 году посланъ былъ гость и съ нимъ двое ларечныхъ изъ гостиной сотни; цѣловальниковъ же для осмотра товаровъ велѣно было брать изъ разныхъ городовъ (3). Въ другихъ мѣстахъ товарищи головъ составляли особую должность и не смѣшивались съ цѣловальниками; иногда они назывались подголовьемъ (4). Число цѣловальниковъ никогда не опредѣлялось указами; всегда предписывалось выбрать «сколько пригоже,» или «сколько было въ прежнемъ году,» но прибавить, если будетъ нужно. Опредѣленіе предоставлялось воеводамъ или головамъ, которые требовали отъ воеводъ нужнаго количества цѣловальниковъ (5). Этимъ, какъ мы сказали, выражается тотъже недостатокъ правительственныхъ средствъ, который виденъ всюду. Для опредѣленія штатовъ нужно знать количество дѣлъ; но при

---

(1) А. А. Э. т. 3-й, № 143.

(2) А. А. Э. т. 4-й № 111.

(3) Доп. къ А. И. т. 3-й № 55, 116 П. С. З. № 1687.

(4) А. А. Э. т. 4-й № 41, А. И. т. 3-й № 154.

(5) Напр. Доп. къ А. И. т. 3-й № 39, А. А. Э. т. 3-й № 143, т. 4-й № 59; А. И. т. 3-й № 224.

разнообразіи и запутанности тогдашнихъ учрежденій, при отсутствіи систематическаго порядка и правильнаго устройства, невозможно было это сдѣлать. Поэтому правительство предоставляло опредѣленіе мѣстнымъ властямъ или самимъ жителямъ.

Срокъ, на который выбирались головы и цѣловальники, былъ почти всегда годовой, отъ 1-го Сентября до 1-го Сентября (1). Но иногда головы назначались и на два года, или по окончаніи года оставлялись и на слѣдующій (2), а иногда случалось даже, что головы и цѣловальники оставались въ должности по нѣскольку лѣтъ. Такъ напримѣръ въ 1659 году Шуяне жаловались, что посадскіе люди, посланные къ сборамъ въ Суздальскій уѣздъ, остаются пятый годъ безъ перемѣны (3). Въ Архангельскъ посылались трое головъ только на лѣто, на время ярмарки, по окончаніи которой двое уѣзжали, а одинъ оставался для управленія сборами до слѣдующаго года. Поэтому они назначались въ Маѣ или Іюнѣ (4); въ прочихъ же мѣстахъ они выбирались за мѣсяцъ или за два до Семенова дня (1-го Сентября), чтобы торговые люди могли во время ѣхать на ярмарки, а головы и цѣловальники могли бы заблаговременно закупить запасы и всѣ нужныя вещи (5),

Мѣстные выборы производились посредствомъ выборныхъ списковъ, которые подписывались избирате-

---

(1) А. И. т. 4-й № 12. т. 5-й № 125; А. А. Э. т. 3-й № 143; Доп. къ А. И. т. 3-й № 18.

(2) А. И. т. 3-й N 184, стр. 339 т. 5-й N 224.

(3) Старинные Акты Шуи N 87.

(4) А. А. Э. т. 4-й N 111; Доп. къ А. И. т. 3-й N 55, 116.

(5) П. С. З. N 880; Старинные Акты Шуи N 149.

лями, а иногда и духовными ихъ отцами, и вручались воеводѣ, которому предписывалось посылать ихъ въ Москву, хотя это не было общимъ правиломъ (1). Воеводы же имѣли надзоръ за правильностью выборовъ и за тѣмъ, чтобы выбирали людей хорошихъ и зажиточныхъ; иногда имъ предписывалось «собою, для своей корысти, мимо мирского выбору не выбирати, и тѣмъ мирскимъ людемъ насилства не чинить» (2). Мѣстные выборные приводились къ присягѣ также воеводами, но случалось, что голова приводилъ къ присягѣ цѣловальниковъ (3). Присяга состояла въ томъ, что выборный клялся усердно и безкорыстно исправлять свою должность и не употреблять казны въ свою пользу (4). Въ 1679 году, при совѣщаніи о лучшемъ устройствѣ винной продажи, патріархъ совѣтывалъ головъ и цѣловальниковъ не приводить къ присягѣ, чтобы не было клятвопреступленія, а быть имъ подъ страхомъ свѣтскаго наказанія; если же кто нибудь изъ нихъ будетъ обличенъ въ воровствѣ, у того конфисковать все имущество и подвергнуть его свѣтскому наказанію, а на избирателяхъ взять пеню, чтобы имъ «неповадно было впредь такихъ непристойныхъ людей выбирать.» Но бояре отвѣчали, что если за вѣрою было много воровства у головъ и цѣловальниковъ, то безъ подкрѣпленія присяги будетъ еще болѣе прежняго. Однакоже состоялся приговоръ, чтобы

(1) А. И. т. 3-й N 185, т. 4 й N 12, т. 5-й N 224. А. А. Э. т-й 4-й N 59; Доп. къ А. И. т. 3-й N 18; въ послѣдней не требуется присылки списковъ въ Москву; тоже N 19, 20, 67, т. 4-й N 134, 140; Воронежскіе Акты т. 2 й N 59.

(2) Доп. къ А. И. т. 3-й N 18.

(3) П. С. З. N 1443.

(4) А. А. Э. т. 4-й N 59.

къ присягѣ выборныхъ не приводить, а съ избирателей взыскивать недоборы и убытки. Слѣдствіемъ этого указа было умноженіе воровства и недоборовъ, и въ 1681 году возстановлена была присяга (1).

Кромѣ головъ и цѣловальниковъ, къ таможенному и питейному управленію выбирались и другія лица. Для письмоводства въ таможенныхъ избахъ и на кружечныхъ дворахъ были дьяки и подъячіе. Впрочемъ иногда книги велись самими цѣловальниками (2). Дьяки и подъячіе назначались иногда правительствомъ — изъ Москвы или воеводами, какъ случалось, большею частью по собственной ихъ просьбѣ. Въ такомъ случаѣ они получали жалованье изъ казны, или, вмѣсто жалованья, пользовались писчею деньгою отъ письма всякихъ бумагъ. Иногда они нанимались казною и получали наемную сумму изъ сборныхъ денегъ (3). Если же выборъ ихъ возложенъ былъ на мѣстныхъ жителей, то послѣдніе давали выборнымъ подмогу, или же просто нанимали ихъ по уговору. Это была повинность, на которую жаловались земскіе люди (4), но не смотря на то они предпочитали иногда имѣть выборныхъ подъячихъ, потому что назначаемые отъ казны притѣсняли ихъ и брали лишнюю писчую деньгу. Такъ напримѣръ въ 1682 году Вятчане жаловались, что по указу царя Алексѣя Михайловича и по ихъ челобитью велѣно было въ Вяткѣ во всѣхъ пяти городахъ и въ волостяхъ быть подъячимъ у та-

(1) П. С. З. N 859.

(2) А. И. т. 5-й N 4, 210.

(3) Доп. къ А. И. т. 3-й N 55, 116; П. С. З. № 1109. Воронежскіе Акты т. 1-й № 1.

(4) А. И. т. 5-й N 13.

моженныхъ и питейныхъ сборовъ по ихъ мірскимъ выборамъ, нынѣ же вмѣсто того сидятъ у нихъ подъячіе « по воеводскимъ подписнымъ челобитнымъ и по накупомъ, и чинятъ имъ налоги и истѣсненіе, и отъ писма берутъ лишнія взятки» (1). Казна съ своей стороны всегда предпочитала выборныхъ подъячихъ, потому что этимъ уменьшались расходы на жалованье; поэтому предписывалось иногда не давать подъячимъ жалованья, а быть имъ по мірскимъ выборамъ (2).

Земскіе люди выбирали иногда и сторожей, а также истопниковъ, которые получали отъ нихъ подмогу или наемъ, но иногда эти лица назначались или нанимались правительствомъ и получали отъ него жалованье или наемную сумму (3).

Управленіе сборами находилось въ рукахъ головы съ товарищами; цѣловальники были обыкновенно подчиненными лицами, состоявшими въ распоряженіи головъ. Но иногда цѣловальники назывались товарищами головъ; это мы видѣли выше въ примѣрѣ четырехъ цѣловальниковъ, присылаемыхъ изъ Москвы въ Архангельскъ, но кромѣ того, это бывало и въ другихъ случаяхъ, при мѣстныхъ выборахъ (4). Случалось даже, что голова назывался безразлично цѣловальникомъ: уѣздныя таможни и кабаки часто управлялись одними цѣловальниками, и если ихъ было нѣсколько, то главный могъ называться и головою (5).

(1) А. И. т. 5-й N 88.

(2) А. И. т. 5-й N 78, 125; П. С. З. N 1100.

(3) А. И. т. 3-й N 101, т. 5-й N 13; П. С. З. N 1100.

(4) Доп. къ А. И. т. 3-й N 22.

(5) А. И. т. 5 й N 125, стр. 214.

Большею частью цѣловальники считались товарищами головъ, когда они вмѣстѣ назначались изъ Москвы, или вмѣстѣ выбирались мѣстными жителями; но если голова былъ присланъ изъ Москвы или назначенъ царемъ изъ посадскихъ людей другаго города, тогда мѣстные цѣловальники не считались уже товарищами, а были только подчиненными служителями.

Для отличія тѣхъ и другихъ, кажется, не ранѣе половины XVII вѣка, сдѣлано было различіе между даречными цѣловальниками и рядовыми; первые назывались также просто ларечными, а вторые просто цѣловальниками (1). По указу 1681 года велѣно было ларечныхъ, равно какъ и головъ выбирать изъ лучшихъ людей первыхъ статей, а рядовыхъ изъ среднихъ статей. Въ Москвѣ, на отдаточномъ дворѣ, съ гостемъ, который былъ головою, находилось пять ларечныхъ изъ гостиной сотни; рядовые цѣловальники продавали напитки по отдѣльнымъ кружечнымъ дворамъ, а ларечныхъ голова посылалъ для надзора въ случаѣ надобности (2). Таможенные ларечные въ Москвѣ смотрѣли, чтобы въ рядахъ не было фальшивыхъ вѣсовъ; они же ежемѣсячно относили оброчныя деньги въ приказъ Большаго прихода (3). Въ Помѣрной избѣ былъ ларечный, которому данъ былъ наказъ вмѣстѣ съ головою; онъ находился всегда въ избѣ, а цѣловальники разсылались по улицамъ для сбора пошлинъ (4). Въ Архангельскъ въ 1699 году посланы были съ гостемъ двое ларечныхъ изъ гостиной сотни, которые были

(1) А. И. т. 5-й N 212.
(2) П. С. З. N 1642.
(3) П. С. З. N 873.
(4) П. С. З. N 874, 1592.

товарищами головы (1); но въ прежнихъ наказахъ они просто назывались цѣловальниками. Ларечные встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ; они держали ключь отъ ларца, гдѣ хранилась сборная казна (2), откуда произошло и самое ихъ названіе; они иногда высылались къ отчету вмѣстѣ съ головами и получали изъ приказовъ памяти, которыя писались на имя головъ и ларечныхъ (3). Они были слѣдственно товарищами головъ, помогали имъ во всѣхъ дѣлахъ и посылались ими для всякихъ порученій, тогда какъ рядовые цѣловальники были собственно только сборщиками. Впрочемъ это различіе не было повсемѣстнымъ; оно встрѣчается только тамъ, гдѣ одни цѣловальники были товарищами головъ, а другіе нѣтъ; если же всѣ назывались товарищами, тогда не дѣлалось и различія между ларечными и рядовыми (4).

Объ отношеніяхъ головъ къ товарищамъ наказы и грамоты ничего не говорятъ; вѣроятно они были также неопредѣленны, какъ отношенія воеводъ къ товарищамъ. Грамоты посылались на имя головы съ товарищами, и отписи писались отъ имени всѣхъ (5). Къ отчету высылались также голова съ товарищами, и такъ какъ цѣловальники бывали иногда товарищами головъ, а иногда только подчиненными, то и къ отчету высылались иногда одни головы, иногда также и цѣловальники (6). Цѣловальниковъ голова не могъ

(1) П. С З. N 1687.

(2) А. И, т. 5-й N 4, стр. 6.

(3) Доп. къ А. И. т. 4-й N 134; А. А. Э. т. 4-й N 139.

(4) А. И. т 5-й N 13, 125.

(5) Доп. къ А. И. т. 3-й, № 22, 34, 42, 116 II, т. 4-й N 22.

(6) Первое А. А. Э. т. 3-й № 143, второе Д. къ А. И. т. 3-й N 19, т. 4-й № 134. Изъ Архангельска ѣздили къ отчету головы съ

ни наказывать, ни отставлять собственною властью, но долженъ былъ писать на нихъ въ Москву и жаловаться воеводѣ, который могъ велѣть выбрать другихъ (1). Жалоба въ Москву была поэтому не нужна, но въ Московскомъ государствѣ не смотрѣли на строгую точность отношеній, и умножали донесенія для бо́льшаго обезпеченія сборовъ. Однакоже это не было общимъ правиломъ, и случалось, что головамъ предписывалось доносить о злоупотребленіяхъ одному только воеводѣ, или же просто требовать у воеводы другихъ цѣловальниковъ (2). Съ другой стороны и цѣловальники, если усматривали что нибудь за головою, обязаны были доносить о томъ воеводѣ и писать въ Москву (3). Иногда головы сами нанимали цѣловальниковъ въ прибавленіе къ выборнымъ (4); этихъ они, разумѣется, могли отставлять по усмотрѣнію. Въ 1698 году Сибирскимъ головамъ позволено было самимъ смирять цѣловальниковъ въ случаѣ вины, или же отсылать ихъ для наказанія къ воеводѣ (5).

Головы и цѣловальники не получали подмоги отъ избирателей, но послѣдніе, вмѣсто выборовъ, иногда

цѣловальниками, присланными изъ Москвы. Д. къ А И. т 3-й, № 55, 116.

(1) А. А. Э. т. 4 й, № 59 II.

(2) А. И. т. 4-й N 12: «А кто надъ кѣмъ какое дурно увидитъ, и имъ того не таить никоторыми дѣлы, а сказывать про то тебѣ». А. И. т. 5-й № 224: «А буде которые выборные цѣловальники явятся въ порокѣ и радѣть о сборѣ не станутъ и ему Алексѣю будутъ за ослушаніе не годны и тѣхъ цѣловальников перемѣнять и давать вмѣсто тѣхъ добрыхъ людей».

(3) А. А. Э. т. 4-й, № 59 II.

(4) А. П. т. 5 й N 224.

(5) П. С. З. № 1635.

нанимали цѣловальниковъ, которые получали тогда наемную сумму (1). Изъ этого, также какъ изъ всего устройства выборовъ, видно, что это была повинность, которая могла исправляться тѣмъ или другимъ образомъ. Вѣрные сборщики брали иногда кормы, но это было злоупотребленіе. Они не имѣли также права на полученіе подводъ для разъѣздовъ, но для развоза напитковъ они нанимали подводы на казенныя деньги, а сами должны были ѣздить на своихъ подводахъ, потому что это была годовая очередная служба. Дворы же для жительства головъ и цѣловальниковъ, присылаемыхъ изъ другихъ городовъ, нанимались мѣстными жителями (2). Кромѣ того, вѣрные сборщики во время исправленія должности пользовались свободою отъ всякихъ судебныхъ исковъ (3). Въ 1698 году въ Сибири велѣно было давать цѣловальникамъ жалованье по усмотрѣнію воеводъ или по усмотрѣнію Сибирскаго приказа, въ томъ случаѣ, если цѣловальникъ, будучи у казенныхъ сборовъ безъ промысла, впадалъ въ бѣдность, а служилъ онъ добросовѣстно и усердно (4); впрочемъ это единственный примѣръ, и то позднѣйшаго времени.

Новый голова съ товарищами принималъ у стараго или у откупщика всѣ запасы, напитки, сосуды, мѣры, вѣсы, зданія, и за все это платилъ по оцѣнкѣ земскихъ людей изъ новыхъ сборовъ, чтобы не смѣшивать доходовъ и расходовъ разныхъ годовъ. Съ этою

(1) А. И. т. 5-й N 13: «...въ погостѣ цѣловалниковъ и истопщиковъ и дьячковъ наймуючи....»

(2) А. И. т. 5-й, № 13.

(3) Старинные акты Шуи, N 87.

(4) П. С. З. N 1635, ст. 6.

цѣлью и деньги, собранныя въ предъидущемъ году, не отдавались новому головѣ, а посылались въ Москву, но иногда новый голова вмѣстѣ съ запасами принималъ и наличныя деньги (1). Пріемъ совершался обыкновенно подъ надзоромъ воеводы, и росписной списокъ отдавался въ съѣзжую избу, иногда въ двойномъ экземплярѣ, изъ которыхъ одинъ посылался въ Москву (2). Но случалось, что воевода вовсе въ это не вмѣшивался, и голова прямо доносилъ царю о состояніи, въ которомъ онъ принялъ дѣло (3). При сдачѣ происходили иногда странныя злоупотребленія: такъ напр. въ 1668 г. велѣно было по просьбѣ Воронежцевъ отдать имъ таможню и кабакъ на вѣру, взявши ихъ у откупщика. Но въ 1669 г. воевода пишетъ, что онъ къ откупщику посылалъ подъячаго съ предписаніемъ сдать весь заводъ выборнымъ людямъ, а тотъ указа ослушался и все оставилъ у себя. По этому донесенію изъ Москвы прислано было подтвержденіе прежняго указа. Однакоже откупщикъ все таки ничего не отдалъ, хотя воевода посылалъ къ нему подъячаго, казачьяго и стрѣлецкаго пятидесятниковъ и земскихъ старостъ съ разныхъ чиновъ людьми. Въ слѣдующемъ году онъ съ посадскими людьми судился въ Москвѣ, и снова велѣно было ему сдать заводъ. Но голова опять жаловался, что тотъ сдаетъ ему заводъ насильно, безъ росписки, на что послѣдовалъ новый указъ съ предписаніемъ откупщику расписаться. Между тѣмъ отъ этого задержанія стра-

(1) А. И. т. 3-й № 285 II, т. 5 й, № 224.

(2) А. И. т. 4-й, N 12, т. 5-й № 125; А. А. Э. т. 3-й N 143, т. 4-й N 59.

(3) Д. къ А. И. т. 3 й, N 22, 55, стр. 200, N 116 стр. 428; П. С. З. N 882.

дали самые сборы, а что всего удивительнѣе, это то, что откупщикъ повидимому остался безъ наказанія (1).

Старый голова передавалъ новому и таможенную грамоту, но иногда онъ увозилъ ее съ собою, и новый голова долженъ былъ просить другой грамоты изъ Москвы (2). Въ грамотѣ обыкновенно означалось количество пошлинъ, которое слѣдовало брать: но кромѣ того, головамъ обыкновенно давался наказъ и о самомъ управленіи, особенно если они посылались изъ Москвы (3). Наказъ могъ впрочемъ содержать въ себѣ и пошлинный тарифъ, и голова нерѣдко получалъ его отъ воеводы (4), а послѣднему давались изъ Московскихъ приказовъ предписанія о распоряженіяхъ по казеннымъ сборамъ (5). Цѣловальники, посылаемые въ уѣзды, получали наказы отъ головы или отъ воеводы, смотря по тому, кѣмъ они посылались (6).

Вѣдомство головы простиралось на извѣстный округъ, который не всегда былъ одинаковъ; иногда въ уѣздѣ было нѣсколько таможень и кружечныхъ дворовъ, изъ которыхъ каждый состоялъ въ вѣдомствѣ самостоятельныхъ вѣрныхъ сборщиковъ, и въ такомъ случаѣ общее управленіе находилось въ рукахъ воеводъ; но иногда цѣлый уѣздъ состоялъ подъ вѣдомствомъ одного головы, который отъ себя посылалъ въ уѣзды

(1) Воронежскіе акты т. 3 й № 145, 146, 151.

(2) А. И. т. 5-й, № 125; А. А. Э. т. 3-й N 146, 241, т. 4-й N 59.

(3) Доп. къ А. И. т. 3-й, N 55, 116.

(4) А. И. т. 5-й, N 124; А. А. Э. т. 3-й N 143; Доп. къ А. И. т. 4-й N 134.

(5) А. И. т. 4-й № 12; А. А. Э. т. 3-й N 143.

(6) А. И. т. 5-й № 125, 210; Доп. къ А. И. т. 2-й N 67, т. 3-й № 7.

цѣловальниковъ для сбора пошлинъ (1). Въ Олонецкомъ уѣздѣ, напримѣръ, до 1681 года питейные сборы и таможенныя пошлины сбирались въ городѣ и по погостамъ нѣсколькими независимыми другъ отъ друга головами, а въ этомъ году всѣ сборы отданы были въ вѣдомство одного Олонецкаго головы, которому одному велѣно было ѣздить въ Москву для представленія отчетовъ (2). Случалось, что головѣ поручались сборы не только въ городѣ, но и въ пригородахъ, а иногда въ однѣхъ рукахъ соединялось вѣдомство нѣсколькихъ городовъ, совершенно независимыхъ другъ отъ друга. Въ 1693 году, напримѣръ, головѣ, назначенному въ Симбирскъ съ пригородами, поручено было сбирать таможенныя пошлины и питейную прибыль и въ Кунгурѣ, который находится на весьма далекомъ разстояніи отъ Симбирска и гораздо ближе къ Перми и къ Казани (3). Голова и цѣловальники, находившіеся въ отдѣльныхъ частяхъ уѣзда, сбирали пошлины въ большемъ или меньшемъ округѣ, смотря по мѣстному удобству и другимъ соображеніямъ. Такъ напримѣръ въ 1681 году велѣно было Повенѣцкимъ головамъ и цѣловальникамъ, присылаемымъ изъ Олонца, сбирать пошлины и въ семи Лопскихъ погостахъ, гдѣ до того времени пошлинный сборъ замѣнялся податью съ жителей (4). Въ дворцовыхъ селахъ были вѣрные сборщики, которые зависѣли единственно отъ прикащиковъ этихъ селъ и отъ приказа Большаго дворца (5):

(1) Первое А. И. т. 5-й N 125, Д. къ А. И. т. 3-й N 20, 67, т. 4-й, № 134; второе Д. къ А. И. т. 3-й № 39, 55, 116.

(2) А. И. т. 5-й N 125.

(3) А. И. т. 5-й № 224.

(4) А. И. т. 5-й N 125.

(5) Д. къ А. И. т. 4-й, № 62.

Но во всякомъ случаѣ вѣдомство головъ и цѣловальниковъ никогда не простиралось на тѣ сборы, которые въ томъ же округѣ были на откупѣ: они завѣдывали единственно тѣми таможнями и кабаками, которые отдавались на вѣру. Такимъ образомъ, это не было правильное вѣдомство извѣстнаго рода дѣлъ въ извѣстномъ округѣ, но нѣкоторые сборы поручались тѣмъ или другимъ лицамъ, и случайное удобство, личная довѣренность, мѣстныя и временныя обстоятельства определяли размѣръ порученія.

Вѣдомство головъ и цѣловальниковъ по таможенной части состояло главнымъ образомъ въ осмотрѣ и оцѣнкѣ товаровъ и въ сборѣ пошлинъ; кромѣ того, они покупали нужныя для таможни вещи, учреждали заставы, заводили новыя таможни по торжкамъ и ярмаркамъ, и преслѣдовали контрабанду.

Осмотръ и оцѣнка товаровъ производились безразлично головами и цѣловальниками, но иногда головѣ предписывалось осматривать и оцѣнивать товары самому или велѣть дѣлать это при себѣ (1). Въ Архангельскѣ таможенный голова самъ ѣздилъ на пріѣзжающіе корабли и дѣлалъ роспись привозимымъ товарамъ (2). Пошлины съ товаровъ взимались на основаніи оцѣнки, счета, мѣры или вѣса; деньги принимались цѣловальниками, которые клали ихъ въ ящики, запечатанные печатью таможеннаго головы, откуда онѣ поступали обыкновенно въ съѣзжія избы. Но кромѣ товаровъ, пошлины взыскивались и съ проѣзжающихъ людей; это дѣлалось также таможенными головами, которые обыкновенно завѣдывали мытами, пе-

(1) Доп. къ А. И. т. 3-й, N 55, стр 188.

(2) Тамъ же, стр. 197; А. А. Э. т. 4 й, N 111.

ревозами и мостами. Встрѣчаются жалобы воеводъ на то, что голова отпускалъ всѣхъ проѣзжихъ и прохожихъ, не отсылая ихъ для допроса въ съѣзжую избу, отчего воевода не могъ исполнить царскаго указа о сыскѣ преступниковъ, бѣглыхъ и дезертировъ (1).

Покупать вещи и вообще производить всякіе расходы до указовъ 1676 и 77 годовъ головы могли обыкновенно не иначе, какъ съ разрѣшенія воеводъ, которымъ они приносили всѣ собранныя деньги; послѣднимъ же запрещалось давать деньги на расходы иначе, какъ по царскимъ указамъ и по грамотамъ изъ приказовъ (2). Однакоже тѣмъ головамъ, которые пользовались большею самостоятельностью, разрѣшалось производство расходовъ, безъ которыхъ нельзя было обойдтись въ таможняхъ и на кружечныхъ дворахъ, но за тѣмъ запрещалось имъ давать кому бы то ни было деньги въ расходъ безъ царскихъ грамотъ и воеводскихъ памятей (3). Послѣ 1676-го года встрѣчаются другія распоряженія: только неокладные расходы запрещалось головамъ производить безъ грамотъ изъ приказа Большой казны и приказныхъ палатъ. Это показываетъ бо̀льшую независимость головъ отъ воеводъ; но рядомъ съ этимъ давались другія предписанія, которыя живо характеризуютъ управленіе того времени. Въ 1679 году, напримѣръ, велѣно было головамъ и цѣловальникамъ держать денегъ на расходы въ половину противъ прежняго, и даже меньше, «чтобы государевой казнѣ потери не было» (4). Въ по-

---

(1) Доп. къ А. И. т. 3-й, № 21.

(2) А. А. Э. т. 3-й, N 143; Д. къ А. И. т. 3 й, N 19.

(3) Д. къ А. И. т. 3-й, N 116 II.

(4) А. И т. 5 й, N 125; П. С. З N 882.

добныхъ распоряжѐніяхъ выражается недостатокъ правительственнаго контроля: при разнообразіи и запутанности управленія государство не имѣло средствъ узнать, какіе расходы нужны и какіе излишни; поэтому оно должно было прибѣгать къ подобнымъ неопредѣленнымъ ограниченіямъ, при которыхъ усмотрѣнію правителей предоставлялось исполнять ихъ, какъ знаютъ. Точно также въ 1685 году велѣно было головамъ и цѣловальникамъ расходы производить « съ великимъ береженіемъ противъ прежняго съ убавкою », лишняго ничего не строить и не покупать, и обо всѣхъ расходахъ доносить въ приказъ Большой казны (1).

Учрежденіе заставъ предоставлялось иногда усмотрѣнію таможеннаго головы, иногда же это дѣлалось по распоряженію воеводы. Точно также и установленіе новыхъ сборовъ по торжкамъ и ярмаркамъ иногда дѣлалось головою, иногда воеводою, иногда же по предписаніямъ правительства (2). Наконецъ и преслѣдованіе контрабанды производилось, какъ сказано выше, и воеводами и головами. Вѣдомство ихъ не было строго разграничено; головы дѣйствовали то какъ подчиненные воеводамъ сборщики, то болѣе или менѣе самостоятельно, то какъ совершенно независимыя отъ нихъ лица.

Исчисленныя дѣла относились собственно къ таможеннымъ сборамъ, но въ 1638 году въ Двинской области велѣно было таможеннымъ головамъ вѣдать все купечество, ихъ проѣзды, суды и товары, а вое-

(1) П. С. З. N 1109.

(2) А. И. т. 5-й, N 224, 1693 г., N 232. П. С. З. N 876. О заставахъ и контрабандѣ см. таможенное вѣдомство воеводъ.

водамъ въ эти дѣла не вступаться. Впрочемъ споры между Русскими и иноземцами въ торговыхъ дѣлахъ предоставлялись рѣшенію воеводы, если голова не могъ разсудить дѣла; воевода же рѣшалъ споры между головою и торговыми людьми и доносилъ о томъ государю. Въ Сибири съ 1646-го года, а въ остальной Россіи съ Новоторговаго устава велѣно было проѣзжія грамоты купцамъ выдавать не воеводамъ, а таможеннымъ головамъ. Въ Новоторговомъ уставѣ высказана и мысль о подчиненіи торговаго сословія одному приказу, мысль, которая однакоже осталась безъ исполненія и была осуществлена только Петромъ Великимъ. Вѣдомство торговаго сословія тѣсно связано было съ таможенными сборами, ибо всѣ учрежденія внутренней и внѣшней торговли основаны были на таможенномъ правѣ. Купечество нуждалось въ отдѣльномъ управленіи: кромѣ того, что оно имѣло свои отдѣльныя права и обязанности, свои занятія, свои учрежденія, на немъ лежала часть финансоваго управленія всего государства. Господствующая система повинностей и повсемѣстное существованіе внутреннихъ таможень были причиною того, что всѣ вѣрные сборы были преимущественно сборами купеческаго сословія. Это была отдѣльная часть государственныхъ финансовъ, имѣвшая свой особенный характеръ, тѣсно связанная съ купечествомъ, и требовавшая поэтому вмѣстѣ съ купеческимъ сословіемъ единаго управленія, какъ областнаго, такъ и центральнаго. Мысль объ учрежденіи такого управленія была поэтому мыслью государственною; но въ до-Петровской Россіи она должна была остаться одною мыслью. Принимались мѣры, болѣе или менѣе приближавшіяся къ этой цѣли,

но мѣры частныя, какъ по предметамъ, такъ и по мѣстности; систематическое же устройство управленія торговаго сословія вмѣстѣ съ вѣрными сборами было осуществлено только съ учрежденіемъ земскихъ бурмистровъ въ 1699 году. Въ настоящій періодъ появленіе этой потребности придало странный характеръ таможеннымъ головамъ: первоначально они были просто вѣрные сборщики, подчиненные воеводамъ и приказнымъ людямъ, которые завѣдывали всею распорядительною частью. Практическія потребности, притѣсненія воеводъ заставили правительство дать нѣкоторымъ головамъ болѣе или менѣе самостоятельности и сдѣлать ихъ не только сборщиками, но и распорядителями; наконецъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и по нѣкоторымъ предметамъ къ этому присоединилось вѣдомство торговаго сословія. Это было совершенное извращеніе раціональнаго порядка: вмѣсто того, чтобы подчинить сборщиковъ правителямъ купеческаго сословія, послѣднее было, напротивъ того, подчинено сборщикамъ. Новая мысль явилась, но для ея осуществленія употреблены были существующіе уже органы, которые имѣли совершенно другое назначеніе. Однако въ скоромъ времени почувствовали потребность другаго порядка, и въ 1676 году вѣрные головы были подчинены земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ, а въ 1699-мъ всѣ сборы и сборщики отданы въ распоряженіе купеческихъ бурмистровъ, которые сами подчинялись Московской Ратушѣ.

Къ вѣдомству головъ и цѣловальниковъ по питейной части относились: 1) постройка и починка кружечныхъ дворовъ, погребовъ, ледниковъ и заводовъ на основаніи утвержденной въ Москвѣ смѣты. Это дѣлалось

сначала подъ надзоромъ воеводъ, а впослѣдствіи подъ надзоромъ земскихъ старостъ, которые составляли самую смѣту и оцѣнивали старыя строенія (1). 2) Производство казеннаго винокуренія, вареніе пива и меда. 3) Производство подрядовъ на запасы и напитки, нужные для кружечныхъ дворовъ, что впрочемъ обыкновенно дѣлалось Московскими приказами. 4) Храненіе и продажа напитковъ; послѣдняя обыкновенно совершалась цѣловальниками на кружечныхъ дворахъ или на торжкахъ, куда они посылались головами, но иногда сами головы разъѣзжали съ напитками по уѣздамъ (2). Цѣна, какъ сказано выше, назначалась до половины XVII вѣка общимъ согласіемъ воеводъ съ головами, а впослѣдствіи обыкновенно распоряженіями центральной власти, хотя воеводамъ предоставлялось иногда измѣнять ихъ. 5) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разрѣшеніе курить вино, варить пиво и ставить медъ въ извѣстномъ количествѣ на праздники давалось головами. 6) Они же вмѣстѣ съ воеводами преслѣдовали корчемство. Въ 1646 году во всѣ Сибирскіе города посланы были торговые люди, которымъ поручены были сборъ новой соляной пошлины, выварка селитры, продажа табаку, и выемка корчемнаго вина и табаку (3); но черезъ два года это было отмѣнено. Объ отношеніяхъ головъ къ воеводамъ и о смѣшеніи ихъ вѣдомства говорено было выше въ изложеніи вѣдомства воеводъ по финансовой части.

Кромѣ этихъ обыкновенныхъ предметовъ вѣдомства, таможеннымъ и кабацкимъ головамъ поручались иногда

(1) Старинные Акты Шуи, № 174, 178.

(2) А. И. т. 5-й, № 13, 123.

(3) А. И. т. 4-й, № 19.

дѣла, которыя не имѣли никакого отношенія къ таможенному и кабацкому управленію. Очень часто имъ поручалась покупка разныхъ товаровъ и запасовъ для царя и для Московскихъ приказовъ, также покупка кости рыбьяго зуба или морскаго звѣря (мамонтовой кости), которая продавалась единственно въ царскую казну (1). Иногда они торговали царскими товарами (2). Въ Псковѣ въ 1623 году имъ поручено было завѣдывать денежнымъ, нѣмецкимъ и гостинымъ дворами. Въ Двинской области они постоянно завѣдывали ямскими отпусками и расходами, надзирали за выборомъ старостъ и цѣловальниковъ, вмѣстѣ съ которыми они сбирали ямскія деньги и дѣлали всѣ распоряженія по ямскимъ отпускамъ. Имъ же принадлежалъ надзоръ за старостами и цѣловальниками, которыхъ они считали еженедѣльно или ежемѣсячно въ приходѣ и расходѣ казны; по окончаніи года они привозили приходныя и расходныя книги въ Москву, списки же оставляли въ таможенной избѣ, равно какъ и остаточныя деньги, сосуды и снасти (3). Тоже самое было въ Устюгѣ, гдѣ таможенные и кабацкіе головы, употребляя во зло свою власть, сбирали на ямскіе отпуски много лишнихъ денегъ и не давали отчета въ расходахъ, вслѣдствіе чего въ 1654 году имъ велѣно было покупки дѣлать при земскихъ старостахъ и цѣловальникахъ и ежемѣсячно давать отчетъ въ земской избѣ (4). Такимъ образомъ вѣрные сборщики сдѣлались земскою властью, не только для торговаго, но и

(1). А. А. Э. т. 4-й, N 111; Доп. къ А. И. т. 3-й, N 18, 55, 116.
(2) Доп. къ А. И т. 3 й, N 116, стр. 422.
(3) Тамъ же, N 55, 116.
(4) Тамъ же, N 117.

для крестьянскаго сословія. Въ особенныхъ случаяхъ поручалось имъ и вѣдомство купцовъ; такъ напримѣръ въ 1665 году по случаю злоупотребленій Енисейскаго воеводы Голохвастова велѣно было таможенному головѣ вѣдать тридцать человѣкъ посадскихъ людей первой статьи во всѣхъ дѣлахъ до пріѣзда новаго воеводы (1). Иногда головы завѣдывали житницами (2); въ 1645 г. изъ Воронежа велѣно было отправить голову въ Елецъ къ таможенному и кабацкому сбору, къ банѣ и къ мельницѣ (3); наконецъ случалось, что имъ поручалась поимка разбойниковъ (4). Такое смѣшеніе разнородныхъ дѣлъ объясняется отсутствіемъ систематическаго дѣленія должностей; большею частью дѣла сохраняли характеръ порученій, и при удобномъ случаѣ отдавались въ вѣдомство того или другаго лица.

Таково было вѣдомство головъ и цѣловальниковъ. Что касается до дѣлопроизводства, то сбираемыя деньги обыкновенно получались цѣловальниками, которые клали ихъ въ ящики за печатью головы; въ другія мѣста запрещалось ихъ класть. Таможни имѣли свои особенныя печати, отличныя отъ городскихъ, находившихся у воеводъ (5); ими головы печатали всѣ дѣла и денежные ящики. Въ Москвѣ собранныя въ кабакахъ деньги приносились на слѣдующій день на отдаточный дворъ, откуда отпускалось вино, и тамъ высыпались головою, который повѣрялъ сборы

(1) А. И. т. 4-й, № 82.
(2) А. И. т. 3-й, № 197, 207.
(3) Воронежскіе Акты т. 3-й, № 103.
(4) А. И. т. 5-й, № 113.
(5) А. И. т. 4-й, № 8.

по книгамъ; въ Угличѣ же въ 1652 году деньги вынимались изъ ящиковъ еженедѣльно или ежемѣсячно головою и цѣловальниками вмѣстѣ (1). Уѣздные цѣловальники привозили собранныя деньги въ городъ еженедѣльно или по мѣсяцамъ, « какъ пригоже » (2). Сборы всегда записывались подъячими или цѣловальниками въ книги отдѣльными статьями, не смѣшивая одного сбора съ другимъ, и не переводя ихъ изъ мѣсяца въ мѣсяцъ. Иногда предписывалось писать порознь сборъ каждаго цѣловальника, и по окончаніи мѣсяца дѣлать перечни доходамъ и расходамъ (3). Точно также велись и расходныя книги деньгамъ, запасамъ и всякимъ вещамъ. Собранныя деньги въ извѣстные сроки относились въ съѣзжія избы, гдѣ воеводы, принявши ихъ, обыкновенно считали головъ по таможеннымъ книгамъ. Воеводамъ же головы доносили о своихъ распоряженіяхъ и объ затрудненіяхъ, которыя они встрѣчали въ управленіи; впрочемъ они могли писать и прямо къ государю. Будучи подчиненными, они вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли нѣкоторую самостоятельность, а при такихъ смѣшанныхъ отношеніяхъ никогда не было точныхъ правилъ о сношеніяхъ подчиненныхъ съ начальствомъ. Поэтому и указы посылались къ головамъ иногда черезъ воеводъ, иногда прямо въ видѣ памятей изъ приказовъ, иногда же въ формѣ грамотъ отъ имени царя (4). Къ воеводамъ никогда не посылались памяти, а всегда царскія гра-

---

(1) П. С. З. № 1642; А. А. Э. т. 4-й, № 59.

(2) Д. къ А. И. т. 3-й, № 55, стр. 201.

(3) А. И. т. 4-й, № 12; А. А. Э. т. 4-й, № 59.

(4) Доп. къ А. И. т. 3-й, N 42, т. 4-й, N 22; А. И. т. 3 й, N 210 т. 4-й, N 224, т. 5-й, N 168, 260, 261; А. А. Э. т. 4-й, N 90, 139.

моты; таможенные же и кабацкіе головы, равно какъ и земскіе старосты и цѣловальники, какъ низшія власти, получали и памяти изъ приказовъ, но строгаго различія между памятями и грамотами здѣсь не дѣлалось; посылались то тѣ, то другія, по усмотрѣнію.

Ежегодные отчеты давались воеводамъ, Московскимъ приказамъ, а иногда и новому головѣ при сдачѣ должности; послѣднему предписывалось даже взыскивать начетъ съ своего предшественника, и взятое, вмѣстѣ съ счетнымъ спискомъ, приносить въ съѣзжую избу (1). Но обыкновенно воеводы, сосчитавши головъ на мѣстѣ, высылали ихъ съ приходными и расходными книгами въ Москву. Это не былъ ходъ по инстанціямъ, ибо отчеты не поступали отъ воеводъ въ приказы, но головы и цѣловальники давали лично отчетъ и тѣмъ и другимъ; кромѣ того, уже при ревизіи воеводъ взыскивался съ нихъ начетъ по приходнымъ и расходнымъ книгамъ. Это былъ слѣдственно двойной отчетъ для бо̀льшаго обезпеченія казны. Впрочемъ Сибирскіе воеводы посылали отчеты прямо отъ себя, чтобы по дальности разстоянія не подвергать головъ слишкомъ большимъ издержкамъ отъ путешествія въ Москву; но въ 1696 году, вслѣдствіе злоупотребленій, велѣно было высылать къ отчету самихъ головъ (2). Съ другой стороны головы и цѣловальники въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прямо отвозили книги въ Москву, не давая отчета воеводамъ (3). Случалось также, что воеводы высылали головъ въ Москву и съ полугодовыми отчетами, но въ 1660 году во всѣхъ городахъ, подвѣдом-

(1) А. И. т. 4 й, N 124, стр. 209, 210.

(2) А. И. т. 4-й, N 8; П. С. З. N 1545.

(3) Д. къ А. И. т. 3-й, N 55, стр 200.

ственныхъ приказу Большаго прихода велѣно было головъ и цѣловальниковъ высылать къ отчету только одинъ разъ въ годъ послѣ новаго года (1-го Сентября), чтобы не подвергать ихъ лишнимъ убыткамъ « въ Московской волокитѣ и въ проѣсти » (1). Воеводы, какъ мы видѣли, ревизовали отчеты и въ болѣе короткіе сроки, — при самомъ полученіи денегъ, ежемѣсячно или каждую четверть года или каждые пол-года. Такимъ образомъ государство искало обезпеченія въ частыхъ отчетахъ, даваемыхъ различнымъ мѣстамъ и лицамъ, безъ всякаго впрочемъ систематическаго порядка. Это должно было быть чрезвычайно тягостно для сборщиковъ, и около 1663 года воеводамъ запрещено было считать головъ и цѣловальниковъ. Нѣкоторые впрочемъ продолжали пользоваться этимъ правомъ до 1677-го года, когда таможенные и питейные сборы были совершенно изъяты изъ ихъ вѣдомства и подчинены надзору земскихъ старостъ и цѣловальниковъ, которымъ вмѣстѣ съ тѣмъ предоставлено было право ревизовать ежегодно приходныя и расходныя книги. По окончаніи года земскій староста и всѣ мірскіе люди получали отъ сборщиковъ черновыя книги, которыя на совѣтѣ передъ всѣми мірскими людьми закрѣплялись подписью головы и цѣловальниковъ; эти книги староста ревизовалъ вмѣстѣ съ лучшими, средними и молодшими людьми. По окончаніи счета дѣлались бѣловыя книги, которыя справлялись съ черновыми и читались въ земскихъ избахъ вслухъ, всякихъ чиновъ людямъ, много разъ, чтобы всякій могъ повѣрять вѣрность книгъ. Староста

(1) Д. къ А. И. т. 4 й, N 149.

и мірскіе люди прилагали къ нимъ свои руки и высылали съ ними головъ и цѣловальниковъ ко вторичному отчету въ Москву, оставивъ другой экземпляръ, для предупрежденія споровъ, въ земской избѣ. Въ Москвѣ сборщиковъ предписывалось отпускать вскорѣ, безъ задержанія, « чтобы имъ, волочась по приказамъ многое время, напрасныхъ убытковъ и проѣстей не было, и отъ того бъ въ убожество не впадали и приказные бы люди съ вѣрныхъ головъ и цѣловальниковъ ничего не брали, и тѣмъ ихъ не убытчили и напрасно не тѣснили » (1).

Отчеты не доставляли впрочемъ правительству достаточнаго обезпеченія въ правильности сборовъ; имѣя мало средствъ контролировать мѣстное управленіе и находясь въ необходимости предоставлять многое собственному усмотрѣнію вѣрныхъ сборщиковъ, оно рѣдко могло усмотрѣть неправильности и злоупотребленія. Поэтому оно принуждено было искать обезпеченія въ другихъ средствахъ, которыя доставляла ему господствующая система повинностей. Хотя таможенные и кабацкіе сборы по существу своему измѣняемы, потому что зависятъ отъ хода торговли и отъ потребленія, но правительство непремѣнно требовало отъ сборщиковъ извѣстной суммы доходовъ. Всѣмъ сборамъ сдѣланы были оклады, которые опредѣлялись доходами предъидущихъ годовъ, откупными суммами и другими обстоятельствами. Если головы и цѣловальники сбирали менѣе положеннаго оклада, это приписывалось ихъ нерадѣнію или корысти, и недоборы взыскивались съ нихъ или съ людей ихъ и крестьянъ (2). Иногда не-

(1) П. С. З. N 679; С. Г. Г. т. 4-й, N 126.

(2) Описаніе Шуи N 62; Старинные Акты Шуи, N 129.

возможно было положить точнаго оклада; новое обстоятельство, например учрежденіе новой пошлины, большій съѣздъ торговыхъ людей показывали правительству, что сборъ долженъ быть болѣе предъидущихъ годовъ, но точнаго указанія на количество сбора не было. Въ такомъ случаѣ правительство за малый приборъ налагало по усмотрѣнію пеню и подвергало головъ наказанію (1). Напротивъ того, обстоятельства, которыя должны были уменьшать сборы, заставляли уменьшать и оклады. Такъ напримѣръ, когда въ 1652 году запрещено было продавать вино въ великій постъ и на святую недѣлю, сдѣланъ былъ расчетъ, на сколько это уменьшало оклады. Въ Городецкѣ по окладу приходилось сбирать въ день одинъ рубль 28 алтынъ съ полуденьгою; кабакъ былъ въ этомъ году запечатанъ впродолженіе 42-хъ дней и на основаніи этого расчета 77 рублей 22 алтына и 5 денегъ вычтены были изъ годоваго оклада (2). Принимались въ расчетъ и другія неожиданныя обстоятельства, напримѣръ меньшій съѣздъ торговыхъ людей. Головы часто оправдывались этимъ въ уменьшеніи сборовъ, но оправданіе не всегда принималось въ уваженіе: такъ напримѣръ въ 1647 году Двинской голова съ товарищами писали царю, что съѣздъ торговыхъ людей гораздо менѣе прошлыхъ годовъ, и что стрѣлецкіе головы за-

(1) «А о недоборахъ пишешь воровствомъ, хочешь воровать, нынѣ налобѣ передъ прошлымъ годомъ большой приборъ, потому что съ Агличанъ напередъ сего пошлинъ не имывали, да соляная пошлина прибыла; будетъ, приборъ малый будетъ, и вамъ отъ насъ быть въ великомъ паказаньѣ, а недоборъ велимъ на васъ доправить вдвое» Д. къ А. И. т. 3-й N 42.

(2) Дополн. къ А. И. т. 3-й, N 109.

прещають стрѣльцамъ покупать и пить кабацкіе напитки, вслѣдствіе чего будетъ въ казнѣ недоборъ, «и имъ бы за то не быть въ опалѣ». Однакоже царь отвѣчалъ, что они пишутъ не дѣло, и что если будетъ недоборъ по ихъ оплошкѣ, то съ нихъ взыщутъ его вдвое, да кромѣ того, они за небреженіе подвергнутся наказанію (1). Въ 1652 г. Воронежскіе голова и цѣловальники оправдывались въ недоборахъ, тѣмъ, что Воронежъ обнищалъ и сталъ безлюденъ вслѣдствіе того, что промышленники стали ѣздить мимо его въ новые города—Сокальскъ, Усмань, Урывъ, Коротоякъ и Ольшанскъ, Это оправданіе было принято въ уваженіе, и съ вѣрныхъ сборщиковъ велѣно было взыскать только *половину* недобора (2). Такія распоряженія живо характеризуютъ финансовое управленіе того времени.

Если головы и цѣловальники оказывались несостоятельными, взысканіе обращалось на избирателей: выборомъ своимъ они ручались за усердіе и добросовѣстность избираемыхъ и несли всю отвѣтственность за сборы. Поэтому при выборахъ обыкновенно предписывалось воеводѣ сказать земскимъ людямъ, чтобъ они выбирали людей добрыхъ и честныхъ; иначе недоборы и всѣ казенные убытки будутъ доправлены на нихъ (3). Случалось даже, что недоборы прямо взыскивались съ избирателей, которымъ предоставлялось вознаградить себя имуществомъ выборныхъ сборщиковъ (4). Въ 1673 году велѣно было въ случаѣ

(1) Д. къ А. И. т. 3-й, № 34.

(2) Воронежскіе акты, т. 3-й № 109.

(3) А. И. т. 3-й N 100, 183, т. 5-й N 210; Д. къ А. И. т. 3-й, N 18, т. 4-й N 62.

(4) Старинные Акты Шуи N 124.

недоборовъ дѣлать повальный обыскъ, и если никто не донесетъ о покражѣ денегъ головою и цѣловальниками, тогда недоборовъ на нихъ и на земскихъ людяхъ не править. Но такъ какъ земскіе люди сами отвѣчали за недоборы, то, разумѣется, никто не сталъ бы извѣщать правительство о злоупотребленіяхъ; для предупрежденія этого, указъ угрожалъ жестокимъ наказаніемъ и конфискаціею имущества тому, кто въ обыскѣ скажетъ неправду и послѣ будетъ въ томъ уличенъ. Точно также и воевода за неправильный обыскъ подвергался опалѣ, а имѣніе его отбиралось въ казну. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ мірскіе люди несли отвѣтственность за недоборы, то на нихъ возложены были надзоръ за вѣрными сборщиками, контроль и распорядительная власть, воеводы же были совершенно устранены отъ участія въ этихъ дѣлахъ; съ отвѣтственностью должна была соединяться и власть. Земскимъ старостамъ и посадскимъ людямъ велѣно было смотрѣть за сборщиками, не давать имъ корыстоваться казною, чтобъ они «казну не пропивали и на приказные расходы не оставляли, и не крали или не пили, и своими товарами безпошлинно не торговали, и по свойству и дружбѣ ни кому пошлиною не поступались и въ долги никому не давали, и на таможенныя деньги товаровъ себѣ не покупали, и воеводамъ въ поминкахъ ничего не носили, и въ таможенныхъ сборахъ во всемъ радѣли. А который голова будетъ уличенъ какою хитростью или нерадѣніемъ въ недоборѣ, а они мірскіе люди того не усмотрятъ, или буде и вѣдая, лучшіе люди для взятокъ съ нихъ умолчатъ: и тѣ недоборы доправлены будутъ на нихъ мірскихъ людяхъ, да имъ же учинено будетъ наказаніе безъ

всякой пощады». Земскіе старосты должны были также смотрѣть, чтобы головы и цѣловальники безъ царскихъ грамотъ и безъ памятей изъ приказовъ никому не отдавали собранныхъ денегъ и ни на что не тратили ихъ, кромѣ вещей необходимыхъ для кабацкихъ заводовъ, безъ которыхъ могло бы произойдти задержаніе съ сборахъ; всѣ неправильныя издержки взыскивались съ земскихъ старостъ и сборщиковъ безъ всякой пощады, и кромѣ того они подвергались жестокому наказанію (1). Въ 1679 году патріархъ предлагалъ не приводить сборщиковъ къ присягѣ, чтобы не было клятвопреступленія, а быть имъ подъ страхомъ свѣтскаго наказанія, и если кто будетъ обличенъ въ воровствѣ, у того все имущество отбирать въ казну и подвергать его наказанію свѣтскимъ судомъ, а на избирателяхъ брать пеню, «чтобы имъ неповадно было впредь такихъ непристойныхъ людей выбирать». Бояре приговоромъ своимъ отмѣнили присягу, но съ избирателей велѣли взыскивать не пеню, а убытки и недоборы (2). Указомъ 1681 года возстановлена была присяга, и вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено, что если впредь на кружечныхъ дворахъ будетъ сборовъ меньше прежняго, а за вѣрными сборщиками не будетъ никакого порока, то недоборовъ на нихъ не править, потому что они выбраны за крестнымъ цѣлованіемъ. Сыскивать про недоборы велѣно было по прежнему указу, и если окажутся злоупотребленія, то головъ и цѣловальниковъ бить кнутомъ и ссылать въ ссылку, а имѣніе ихъ отбирать въ казну. Это постановленіе вызвано

(1) П. С. З. N 533, 679; С. Г. Г. т. 4-й N 126.

(2) П. С. З. N 859.

было религіозными мнѣніями того времени : полагалось , что цѣловавшій крестъ исполняетъ должность свою съ усердіемъ , такъ что недоборы можно было взыскивать съ него не иначе , какъ обличивши его въ преступленіи. Однакоже это прямо противорѣчило казенному интересу, потому что много было злоупотребленій и при крестномъ цѣлованіи, обличить же сборщиковъ въ похищеніи казны , а тѣмъ болѣе въ нерадѣніи, было трудно, особенно когда земскіе люди, которые надзирали за ними , сами несли отвѣтственность за недоборы. Поэтому впослѣдствіи просто предписывалось недоборы взыскивать съ земскихъ людей безъ всякаго слѣдствія о злоупотребленіяхъ (1). Это было первоначальное нормальное положеніе , отклоненіе отъ котораго могло вести только къ убыткамъ.

Недоборы по правилу взыскивались, разумѣется, съ тѣхъ, которые выбирали головъ и цѣловальниковъ, но иногда по злоупотребленію лучшіе люди раскладывали ихъ на бѣдныхъ. Такъ напримѣръ, мы читаемъ въ жалобѣ Псковскихъ мелкихъ граждавъ въ 1665-мъ году: «и видя тотъ Прокофей Филипьевъ, что въ той твоей государевой соли будетъ проруха и недовѣсъ большой и по ихъ по вытныхъ людей совѣту написали къ той твоей государевы казнѣ къ соли двухъ человѣкъ бѣдныхъ и недостаточныхъ людей, на его Прокофьево мѣсто, и велѣли принимать имъ тое соль безъ вѣсу, насилствомъ ; и тѣмъ цѣловалникамъ учинилась великая проруха и недовѣсъ болши 800 пудъ Московскихъ, и мы сироты тотъ соляной провѣсъ платили, середніе и мелкіе людишка всѣмъ городомъ

(1) П. С. З. № 1579, 1674; Опис. Шуи, № 62; Стар. А. Шуи, № 154.

за того Прокофья Филипова въ твою государеву казну весь исполна. А какъ въ прежнихъ, государь, годѣхъ тѣжъ изможные люди промежъ собою прожиточныхъ людей, которые у нихъ промежъ собою ходятъ въ череды и выборы, пишутъ межъ собою жъ, выбравъ во всякіе твои государевы службы, и какъ послѣ году у которого ихъ выборнаго головѣ или у цѣловалника учинитца твоей государевой казны недоборы: и тѣ прожиточные люди бьютъ челомъ тебѣ великому государю на Москвѣ о обыскахъ, и тѣми обысками тѣхъ недоборовъ отбываютъ, и сами тою твоею государевою казною корыстуютца, потому что тѣ обыски мы сироты заручаемъ по нужди, что волочатъ стрѣлцами насъ сиротъ изъ домишокъ нашихъ за батогами, а сказывать велятъ въ сказкахъ, что ихъ же братья прожиточные люди сказываютъ. А куды насъ сиротъ твоихъ бѣдныхъ, середнихъ и мелкихъ людишокъ безъ череды напишутъ за очи, безъ градцкого вѣдома, въ твои государевы службы, а какъ въ денежныхъ сборахъ учинятца недоборы и въ тѣхъ во всякихъ недоборахъ тѣ изможные прожиточные люди насъ бѣдныхъ сиротъ выдаютъ въ платежъ головами, и ставятъ и бьютъ на правежѣхъ болшимъ боемъ, и мы бѣдные сироты тѣ недоборы платимъ изъ своихъ домишокъ и изъ статчишковъ» (1).

Что взысканіе недоборовъ съ избирателей была единственная возможная мѣра при господствующей системѣ, видно изъ тѣхъ злоупотребленій, которыя происходили при сборахъ. Иногда мѣстные жители, чтобъ избавиться отъ лишней отвѣтственности и вмѣ-

(1) Доп. къ А. И. т. 5-й № 1, стр. 23, 24.

стѣ съ тѣмъ обратить сборы въ свою пользу, выбирали головъ и цѣловальниковъ съ тѣмъ условіемъ, чтобъ они не сбирали болѣе положеннаго оклада. Для этого они въ книгахъ уменьшали количество пошлинъ, и все лишнее противъ оклада дѣлили между собою. Такимъ образомъ окладъ всегда оставался въ низкой суммѣ и недоборовъ никогда не было (1). Это можно было сдѣлать только при мѣстныхъ выборахъ; головы же, назначаемые царскими указами или присылаемые изъ другихъ городовъ, напротивъ того, старались выслужиться, и, чтобъ увеличить сборы, или чтобы не было недоборовъ, притѣсняли купцовъ неправильною оцѣнкою ихъ товаровъ и сборомъ лишнихъ пошлинъ (2). Если же оказывались недоборы, они вину слагали на своихъ товарищей и цѣловальниковъ, выбранныхъ мѣстными жителями, на что послѣдніе приносили жалобы (3). Въ Россіи до 1676-го года, а въ Сибири и послѣ того, головы слагали вину въ недоборахъ на воеводъ, а послѣдніе на головъ, и часто невозможно было разобрать дѣла, особенно въ Сибири, откуда по дальности разстоянія отчеты привозились въ Москву иногда черезъ нѣсколько лѣтъ (4).

Были жалобы и на притѣсненія головъ и цѣловальниковъ; такъ напримѣръ въ 1688-мъ году архимандритъ Юрьева монастыря и крестьяне Спасскаго Шальскаго погоста жаловались, что голова и цѣловальники ѣздятъ изъ погоста въ погостъ и изъ волости въ волость для

(1) Доп. къ А. И. т. 4-й, N 149.

(2) А. И. т. 3-й, N 154, стр. 278; Д. къ А. И. т. 3-й, N 116. стр. 424—5; т. 4-й N 141.

(3) А. А. Э. т. 3-й, № 150.

(4) А. И. т 5-й, N 10.

сбора пошлинъ и для своихъ дѣлъ, пьютъ и ѣдятъ, берутъ кормы и подводы, и тѣмъ причиняютъ жителямъ большіе убытки. Велѣно было воеводѣ прекратить эти злоупотребленія, и велѣть сборщикамъ ѣздить на своихъ подводахъ, а въ случаѣ жалобъ угрожалось имъ жестокимъ наказаніемъ (1). Подобная жалоба подана была въ 1676-мъ году на кабацкаго голову и цѣловальниковъ отъ крестьянъ Вѣницкаго погоста, которые вмѣстѣ съ тѣмъ просили уничтожить у нихъ кабакъ, и сумму питейныхъ сборовъ разложить на нихъ по прежнему повытно въ видѣ оброка (2). Въ этомъ ясно выражался характеръ повинности, который лежалъ на казенныхъ сборахъ; повинности иногда были такъ тяжелы, особенно если соединялись съ злоупотребленіями, что жители лучше хотѣли платить денежную подать, нежели пользоваться казенною продажею напитковъ. Точно также и таможенныя пошлины разлагались иногда на мѣстныхъ жителей, но если казна находила болѣе выгоднымъ другой способъ полученія дохода, она замѣняла подать учрежденіемъ таможенныхъ сборовъ (3).

Если поступала жалоба или доносъ на злоупотребленія головъ, то иногда, какъ сказано выше, просто предписывалось прекратить ихъ, иногда же, особенно если тутъ вмѣшивался казенный интересъ, производилось слѣдствіе, которое обыкновенно поручалось воеводѣ. Такъ напримѣръ въ 1637 году Чердынскій воевода донесъ царю, что таможенный голова пилъ, бражничалъ, за цѣловальниками не смотрѣлъ и, укравъ много казен-

(1) А. А. Э. т. 4-й N 241.

(2) А. И. т. 5 й, N 13.

(3) А. И. т. 5-й. № 125, стр. 217.

ныхъ денегъ, бѣжалъ въ Соликамскъ. Новому, посланному въ Чердынь, воеводѣ велѣно было произвести слѣдствіе, и доправить весь начетъ на головѣ. Однакоже голова не былъ отставленъ, ибо отставка была бы для него наградою, но ему велѣно было вновь сбирать пошлину правильно и усердно, подъ страхомъ жестокаго наказанія (1). Впрочемъ отвѣтственность за злоупотребленія была различна и опредѣлялась случайными обстоятельствами, какъ вообще отвѣтственность того времени; иногда за поноровку головѣ угрожалось смертною казнью, «чтобъ на то смотря неповадно было никому воровать, нашего указа ослушатца» (2).

Таково было казенное управленіе, но кромѣ того таможенныя пошлины жаловались иногда монастырямъ и частнымъ лицамъ; это былъ остатокъ средневѣковыхъ учрежденій, основанныхъ на частномъ правѣ. Впрочемъ къ монастырскимъ сборщикамъ присоединялись иногда выборные цѣловальники отъ мѣстныхъ жителей, для того, чтобы не было злоупотребленій въ оцѣнкѣ товаровъ и въ сборѣ пошлинъ (3). Для частныхъ лицъ сбирали обыкновенно казенные вѣрные сборщики, которые отдавали имъ часть пошлинъ или всѣ, смотря по тому, что̀ было имъ пожаловано царемъ (4).

Таково было устройство таможеннаго и питейнаго управленія. Это была повинность низшихъ сословій,

(1) А. И. т. 3-й, N 196.
(2) Д. къ А. И. т. 3-й N 9.
(3) А. И. т. 3-й, N 94.
(4) С. Г. Г. т. 3-й, N 174.

служба, которую служило преимущественно купечество, но также и крестьяне, и даже нѣкоторые разряды служилыхъ людей. По существу своему, эта служба была нѣчто среднее между службою приказною и земскою; но какъ повинность, за которую отвѣтственность лежала на земскихъ людяхъ, она должна была находиться въ зависимости отъ земскихъ властей. Тѣмъ не менѣе до послѣдней четверти XVII-го вѣка послѣднія были совершенно устранены отъ участія въ управленіи, и это былъ одинъ изъ главныхъ недостатковъ таможенныхъ и кабацкихъ учрежденій того времени. Къ этому присоединялось то отсутствіе правильности и порядка, которое проявлялось во всѣхъ установленіяхъ. Вѣрные сборщики управляли то одною таможнею или кабакомъ, то частью уѣзда, то цѣлымъ уѣздомъ, то нѣсколькими городами. Отношенія головъ къ цѣловальникамъ были разнообразны и неопредѣленны; отношенія ихъ къ воеводамъ были еще запутаннѣе: вѣдомство ихъ не было строго разграничено, и тѣже предметы завѣдывались то тѣми, то другими, при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ; зависимость головъ отъ воеводъ была то болѣе, то менѣе, и вслѣдствіе того самая власть ихъ была различна. Единство управленія нарушалось также смѣшеніемъ вѣрныхъ сборовъ съ откупными; въ одномъ и томъ же округѣ одни сборы отдавались на вѣру, другіе на откупъ. Наконецъ оно нарушалось и подчиненіемъ сборовъ различнымъ приказамъ. Указы 1673-го, 77-го и 81 годовъ во многомъ улучшили устройство управленія: они устранили вліяніе воеводъ, подчинили управленіе земскимъ властямъ установили извѣстный порядокъ въ выборахъ сословій, уничтожили откупное содержаніе и подчинили государствен-

ное управленіе одному приказу Большой казны. Однако же многое оставалось недоконченнымъ: по тогдашнему обыкновенію общія постановленія безпрестанно нарушались, сборы отдавались на откупъ, воеводы продолжали имѣть значительное и разнообразное участіе въ управленіи; самые указы не предоставили сборовъ исключительному вѣдомству купечества, а требовали исправленія служебной повинности и отъ крестьянъ и служилыхъ людей, которые были совершенно къ этому неспособны; головы продолжали присылаться изъ другихъ городовъ, что совершенно уничтожало вліяніе земскихъ людей, которые могли отвѣтствовать только за собственныхъ, мѣстныхъ выборныхъ; наконецъ самые округи оставались въ прежнемъ видѣ. Однимъ словомъ, сдѣланъ былъ важный шагъ впередъ, но систематической, правильной организаціи еще не было. Это было сдѣлано Петромъ Великимъ, который въ 1699 году учредилъ по всей Россіи земскихъ бурмистровъ и подчинилъ имъ таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ, устранивъ совершенно вліяніе воеводъ на вѣрные сборы.

ГУБНЫЕ СТАРОСТЫ И ЦѢЛОВАЛЬНИКИ.

Таможенные и кабацкіе головы и цѣловальники, равно какъ и прочіе цѣловальники, были вѣрные сборщики и служители, избранные по служебной обязанности низшихъ сословій для управленія казенными дѣлами; напротивъ того, губные старосты и цѣловальники были земскою властью. Въ самомъ ихъ названіи видно уже различіе: тѣ были *головы*, главные сборщики; эти были *старосты*, старшіе надъ земскими

людьми; только земскіе начальники назывались старостами (1). Однакоже и въ губномъ управленіи, какъ было сказано въ предисловіи и какъ сказано будетъ ниже, въ значительной степени проглядываетъ характеръ повинности.

Губные старосты были земскою властью по своему происхожденію: въ XVI вѣкѣ общины чувствовали потребность въ истребленіи воровъ и разбойниковъ и просили царя позволить имъ самимъ преслѣдовать и казнить ихъ. Царь давалъ имъ губныя грамоты, которыми дозволялось имъ преслѣдовать и судить воровъ и разбойниковъ, «свѣстяся межъ самихъ себя»; казнь полагалась на ихъ души. Это было одно изъ началъ земскаго управленія, установленнаго Иваномъ IV-мъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ возникшее государство сознавало это, какъ собственную потребность и собственную обязанность: оно видѣло въ губномъ управленіи не общинное дѣло, а государственное, и только по недостатку собственныхъ средствъ, при маломъ развитіи государственнаго организма, возлагало это дѣло на общины. Поэтому правительство не могло довольствоваться пожалованіемъ губныхъ грамотъ отдѣльнымъ общинамъ, а сдѣлало губное управленіе повсемѣстнымъ учрежденіемъ для всей Россіи. Всюду поимка и казнь воровъ и разбойниковъ возложены были на общины, какъ обязанность; устроены были губныя повинности. Государство признало за собою право требовать отъ земскихъ людей строгаго исполненія этихъ обязанностей, возложило на нихъ тяжелую отвѣтственность, и по-

(1) Впрочемъ въ первыхъ губныхъ грамотахъ губные старосты назывались также и головами; видно, что эти названія еще не установились.

ставило губное управленіе подъ надзоръ центральной власти, подчинивъ его разбойному приказу. Мало того: въ губныхъ старостахъ правительство видѣло собственныхъ органовъ, называло ихъ приказными людьми и поручало имъ все областное управленіе, какъ и другимъ приказнымъ людямъ. Эта смѣсь приказнаго начала съ земскимъ, или скорѣе это превращеніе земской власти въ приказную, было причиною того, что губные старосты удержались до временъ Петра Великаго, тогда какъ другое чисто земское учрежденіе Ивана IV-го, именно судъ земскихъ старостъ и цѣловальниковъ, исчезло въ началѣ XVII-го вѣка. Государство вводило въ управленіе земское начало на столько, на сколько оно могло служить для него орудіемъ, и на сколько повинности земскихъ людей облегчали собственную его дѣятельность. Никогда оно на губное управленіе не смотрѣло, какъ на право земскихъ людей, и доказательствомъ этому служитъ то, что всякій разъ, какъ оно находило это болѣе удобнымъ, оно поручало губныя дѣла другимъ властямъ, назначаемымъ отъ правительства.

Выше, въ изложеніи судебнаго вѣдомства воеводъ, было показано, что учрежденіе губныхъ старостъ было далеко не повсемѣстнымъ; во многихъ городахъ губными дѣлами управляли воеводы, или посылаемые отъ правительства сыщики. Въ одномъ и томъ же городѣ губныя дѣла находились въ вѣдомствѣ то губныхъ старостъ, то сыщиковъ, то воеводъ. Въ 1627 году велѣно было всюду ввести губныхъ старостъ, а сыщиковъ не посылать (1); но этотъ указъ былъ

(1) А. А. Э. т. 3-й № 171.

болѣе временною мѣрою, нежели постояннымъ постановленіемъ, и въ Уложеніи (1) велѣно было губныя дѣла вѣдать воеводамъ, тамъ, гдѣ нѣтъ губныхъ старостъ. Въ 1669 году губныя дѣла всюду отданы были въ вѣдомство сыщиковъ, которымъ губные старосты были подчинены, а въ 1679 году и сыщики и губные старосты уничтожены, и всѣ дѣла ихъ возложены на воеводъ. Въ 1683 году опять стали посылать сыщиковъ, а въ —84-мъ возстановлены были губные старосты, которые окончательно уничтожены въ 1702 году.

Губа или округъ, которымъ управляли губные старосты обыкновенно совпадала съ уѣздомъ; сыщики же и воеводы управляли иногда губными дѣлами нѣсколькихъ уѣздовъ (2). Въ Новгородскомъ уѣздѣ, по обширности пространства, былъ губной староста въ каждой половинѣ пятины. Кромѣ того, нѣкоторыя волости и монастыри по прежнимъ жалованнымъ грамотамъ составляли отдѣльные губные округи и не входили въ составъ общаго губнаго управленія (3).

Совпаденіе губнаго округа съ уѣздомъ—явленіе чрезвычайно замѣчательное, показывающее превращеніе мѣстнаго, общиннаго учрежденія въ правительственное. Это было совершено уже Иваномъ Грознымъ: въ Каргопольской губной грамотѣ и въ первой Бѣлозерской грамотѣ, которыя даны были въ 1539 году и въ 40-мъ, велѣно было выбирать губныхъ старостъ въ каждой волости, точно также, какъ и въ другихъ

(1) Гл. XXI, ст. 3-я.

(2) Такъ напр. въ 1645 г. сыщикъ кн. Щетинскій посланъ былъ въ Суздаль, Шую и Лухy. Описаніе Шуи № 28. О воеводахъ см. выше.

(3) А. А. Э. т. 2-й № 19, т. 3-й № 126.

губныхъ грамотахъ право выбирать губныхъ старостъ жаловалось отдѣльнымъ посадамъ, селамъ и частнымъ лицамъ; но во второй Бѣлозерской грамотѣ 1571-го года назначены уже были губные старосты для всего Бѣлозерскаго уѣзда (1). Съ этимъ вмѣстѣ исчезло право земскихъ людей «ловить и судить воровъ и разбойниковъ сами промежъ себя, свѣстяся за одинъ:» казнь не была уже положена на ихъ души, но губное управленіе сдѣлалось государственнымъ постановніемъ, которое основывалось на государственныхъ законахъ и исправлялось повинностью земскихъ людей. Однако прежнія грамоты не были всѣ уничтожены, и въ новомъ порядкѣ проглядывалъ старый.

Губные старосты обыкновенно были выборные; рѣдко они назначались самимъ правительствомъ, хотя встрѣчаются этому примѣры (2). Выбирались они всѣми сословіями: дворянами, дѣтьми боярскими, всѣми духовными властями, священниками, дьяконами, посадскими людьми и крестьянами всѣхъ наименованій. (3) Однакоже встрѣчаются примѣры губныхъ старостъ, которые были за выборомъ однихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, или же однихъ служилыхъ людей и духовенства (4). Это единственный примѣръ выборовъ, въ которыхъ участвовали всѣ сословія вмѣстѣ. Остальные земскіе и казенные выборы, за весьма рѣдкими исключеніями, производились только посадскими и

(1) Доп. къ А. И. т. 1-й № 31; А. А. Э. т. 1-й № 187, 281.

(2) Описаніе Шуи № 5.

(3) Уложеніе гл. XXI, ст. 4; А. И. т. 3-й № 150; А. А. Э. т. 3-й № 171. Воронежскіе акты т. 1-й № 35.

(4) А. А. Э. т. 4-й № 72, Доп. къ А. И т. 1-й № 176. Воронежскіе акты т. 3-й № 112, 183, з.

уѣздными людьми, да и тѣ выбирали обыкновенно порознь, если даже къ одному дѣлу требовались выборные того и другаго сословія. Дворянство же и духовенство, за исключеніемъ губныхъ дѣлъ, никогда не участвовали въ выборахъ, потому что выборныя лица обыкновенно завѣдывали повинностями, которыхъ они не несли. Даже земскія дѣла, какъ увидимъ ниже, имѣли тотъ же казенный характеръ, вслѣдствіе чего высшія сословія не принимали въ нихъ участія. Въ земскую думу выбирались люди всѣхъ сословій, но здѣсь выборы производились въ каждомъ сословіи порознь; губныхъ же старостъ выбирали всѣ сословія вмѣстѣ. Это былъ единственный интересъ, общій всѣмъ жителямъ извѣстнаго округа. Но дворянство и духовенство принимали участіе только въ выборѣ губнаго старосты; выборъ же цѣловальниковъ и все, что̀ носило характеръ повинности, возложено было на посадскихъ людей и крестьянъ. Этотъ особенный характеръ губнаго управленія, это участіе всѣхъ сословій дѣлали его неумѣстнымъ явленіемъ въ кругу другихъ областныхъ учрежденій, и при болѣе систематическомъ государственномъ устройствѣ это должно было вести къ его уничтоженію. Такое учрежденіе возможно было въ Московскомъ государствѣ, гдѣ, при всемъ различіи сословій, службы ихъ и обязанности смѣшивались иногда вслѣдствіе господствовавшей въ законахъ юридической неопредѣленности; но какъ скоро повинности и обязанности сословій разграничены были болѣе строгимъ образомъ, губное управленіе должно было пасть, какъ противорѣчащее всей государственной системѣ. Во второй половинѣ XVIII вѣка, когда сословіямъ даны были права, и опредѣлены были частныя дѣла каж-

даго сословія и дѣла общія всѣмъ, тогда опять сдѣлалось возможнымъ на юридическомъ основаніи участіе всѣхъ сословій въ общихъ ихъ интересахъ. Но Московское государство смотрѣло на сословія не со стороны правъ, а со стороны обязанностей, и такъ какъ каждое имѣло свои отдѣльныя обязанности, совершенно отличныя отъ прочихъ, то процессъ государственной организаціи долженъ былъ состоять въ болѣе и болѣе точномъ ихъ отдѣленіи, что̀ неминуемо вело къ уничтоженію губнаго управленія.

Если губныхъ старостъ выбирали всѣ сословія, то съ другой стороны не всѣ могли занимать эту должность. Она имѣла не только земскій, но и государственный характеръ; она дѣлала выборнаго распорядителемъ и начальникомъ надъ всѣми уѣздными людьми, вслѣдствіе чего низшія сословія — посадскіе люди и крестьяне, не могли быть избираемы въ эту должность. Обыкновенно въ губные старосты предписывалось выбирать дворянъ изъ своего, а не чужаго города, людей, по списку отставленныхъ отъ службы за старость или за раны, или за которыхъ служили дѣти ихъ и племянники, а за недостаткомъ дворянъ, дѣтей боярскихъ съ тѣми же условіями. Если же земскіе люди избирали не лучшаго человѣка, а изъ среднихъ и меньшихъ статей, то правительство само назначало губнаго старосту, а выборы на него взыскивало съ избирателей, какъ обязательное поручительство, которое они должны были дать и въ этомъ случаѣ въ наказаніе за неправильное избраніе (1). Повелѣвалось выбирать людей честныхъ, «прямыхъ душею и живо-

(1) А. А. Э. т. 3-й, N 171. Воронежскіе акты т. 1-й N 35.

томъ прожиточныхъ, кого бы въ такое дѣло стало»; непремѣннымъ условіемъ была грамотность (1), которая не требовалась однакоже отъ воеводъ, занимавшихъ высшія должности, и имѣвшихъ болѣе обширный кругъ дѣятельности. Но воеводства жаловались въ награду за службу высшимъ сановникамъ, которые не всегда бывали грамотны, тогда какъ при выборѣ одного дворянина въ уѣздѣ можно было требовать грамотности. Кромѣ того, недостатокъ грамотности воеводъ восполнялся грамотностью дьяковъ и подъячихъ, ихъ товарищей, а гдѣ при воеводахъ не было ни дьяковъ, ни подъячихъ, тамъ этотъ недостатокъ восполнялся самими губными старостами; ибо акты, которые воевода не могъ совершать по незнанію грамоты, предоставлялось совершать губному старостѣ.

Выборы производились подъ руководствомъ правительственныхъ властей, и это также указываетъ на правительственный характеръ губнаго управленія. Обыкновенно воевода по предписанію царя созывалъ всѣ сословія на съѣздъ въ уѣздный городъ къ извѣстному сроку. Это было до такой степени обязательно, что воеводѣ предписывалось, если которые дворяне и дѣти боярскіе начнутъ ослушаться и тотчасъ къ нему не будутъ, то у знатнѣйшихъ (большихъ статей) брать людей и крестьянъ и сажать съ тюрьму, пока они не объявятся сами, менѣе же знатныхъ и монастырскихъ служекъ самихъ сажать въ тюрьму на день или на два (2). По съѣздѣ всѣхъ чиновъ людей въ общее собраніе, воевода отбиралъ у нихъ выборные списки

(1) Улож. гл. XXI, ст. 4; А. И. т. 3-й N 150; А. А. Э. т. 3-й, № 171.

(2) Воронежскіе акты т. 1-й № 33.

на губнаго старосту. Они подписывались всѣми избирателями или, за неумѣніемъ грамоты, духовными ихъ отцами. Воеводамъ предписывалось взять выборы у всѣхъ на одного губнаго старосту, а не врозь, « чтобы впредь въ губномъ старостѣ спору не было »; слѣдственно требовалось всеобщее согласіе (1). Въ случаѣ же разногласія дѣло не рѣшалось большинствомъ голосовъ, а предоставлялось рѣшенію центральной власти. Такъ напримѣръ въ 1627 году Новоторжскій воевода донесъ царю, что посадскіе люди на мѣсто прежняго губнаго старосты выбрали другихъ, дворяне же и дѣти боярскіе, духовенство и всѣ уѣздные люди выбираютъ прежняго, и выборы на него даютъ, а Борисоглѣбскій архимандритъ его не выбираетъ, и въ томъ у избирателей происходитъ споръ; царь предписалъ, если дворяне, дѣти боярскіе, посадскіе люди и крестьяне хотятъ избрать стараго губнаго старосту, то взять на него выборы, если даже архимандритъ на него выборовъ не дастъ (2). Здѣсь предполагалось, что посадскіе люди согласятся съ уѣздными, ибо выбранный посадскими оказался неспособнымъ къ исправленію должности. Странно при этомъ то, что онъ былъ уже посланъ на утвержденіе въ Москву, тогда какъ другіе избиратели еще не подавали голосовъ, и еще страннѣе то, что посадскіе люди выбрали двухъ старостъ, а уѣздные люди выбирали одного, тогда какъ всего требовалось выбрать одного; это свидетельствуетъ о характерѣ выборовъ того времени.

Такое отсутствіе постоянныхъ правилъ въ подачѣ голосовъ составляетъ характеристическую черту Москов-

(1) А. А. Э. т. 3-й N 171.
(2) А. И. т. 3-й, N 150.

скаго государства и указываетъ на туже юридическую неопредѣленность, которую мы замѣчали не разъ. Въ средніе вѣка обыкновеннымъ правиломъ подачи голосовъ было единогласіе; тамъ, гдѣ господствуютъ частное право и договоръ, гдѣ нѣтъ высшей принудительной власти, тамъ нельзя заставить меньшинство признать рѣшеніе большинства, потому что каждый участвуетъ въ дѣлѣ только по добровольному согласію. Такъ напримѣръ, въ Новгородѣ въ случаѣ разногласія всѣ дѣла рѣшались на вѣчѣ дракою. Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ сохранились начала средневѣковаго быта, остался этотъ порядокъ до позднѣйшаго времени: въ Польшѣ требовалось единогласіе въ постановленіяхъ сейма; въ Англіи доселѣ требуется единогласіе въ приговорѣ присяжныхъ. Развитіе общественнаго порядка требуетъ однако подчиненія меньшинства извѣстному большинству. Поэтому тамъ, гдѣ государство развивается путемъ сознательнымъ, или гдѣ мелкіе союзы собственною дѣятельностью даютъ себѣ прочную общественную организацію, тамъ устанавливается рѣшеніе большинствомъ голосовъ, и опредѣляется юридически порядокъ ихъ подачи. Ничего подобнаго не было въ Россіи: мелкіе союзы не образовались въ прочныя, юридически опредѣленныя общественныя единицы; государство не развилось еще до сознанія общественныхъ началъ, и не могло еще дать правильнаго устройства подачѣ голосовъ. Поэтому выборы предоставлялись самимъ земскимъ людямъ, которые соглашались и выбирали, какъ знали, а когда встрѣчалось затрудненіе, которое останавливало дѣло, оно представлялось на рѣшеніе высшей власти, которая принимала единовременныя мѣры,

также безъ всякихъ руководительныхъ началъ и безъ всякаго вліянія на другіе случаи.

Избранный отсылался съ выборными списками въ Москву, гдѣ онъ являлся въ разбойный приказъ. Тамъ осмотромъ и распросами удостовѣрялись въ томъ, что онъ можетъ исправно исполнять свою должность, и если онъ оказывался способнымъ, его утверждали, если же видѣли, «что съ него на губное дѣло не станетъ», предписывали произвести новые выборы. Такъ было напримѣръ въ 1627-мъ году, когда выбранный въ Торжкѣ губной староста оказался неспособнымъ къ должности отъ ранъ (1). Утвержденный приводился къ присягѣ въ разбойномъ приказѣ, получалъ грамоту на исправленіе должности и наказъ въ руководство. Съ грамоты взимались печатныя пошлины по рублю съ человѣка, наравнѣ съ городовыми прикащиками и казацкими атаманами, головами и сотниками, между тѣмъ какъ съ грамотъ, которыя давались воеводамъ, головамъ и прочимъ приказнымъ людямъ, не взималось никакихъ пошлинъ. О казачьихъ начальникахъ замѣчено, что съ нихъ берутся пошлины противъ губныхъ старостъ и городовыхъ прикащиковъ, потому что посылаютъ ихъ по ихъ челобитью, а не въ неволю (2); но и воеводы назначались по своему челобитью, тогда какъ губные старосты, напротивъ, были выборные. Понятно впрочемъ, что можно было взыскивать пошлины съ послѣднихъ, какъ съ земской власти, но трудно сказать, почему въ туже категорію ставились городовые прикащики.

---

(1) А. А. Э. т. 3-й N 171; А. И. т. 3-й N 150; Уложеніе, гл. XXI, ст. 4. Воронежскіе акты т. 1-й, № 35.

(2) Улож. г. XVIII, ст. 66, 68.

Въ новоуказныхъ статьяхъ 1669-го года велѣно было выборами руководствовать сыщикамъ, и имъ же приводить губныхъ старостъ къ присягѣ и брать съ нихъ пошлины; но наказы продолжали выдаваться имъ изъ разбойнаго приказа (1). Сыщики сдѣлались посредствующимъ лицемъ между центральною властью и губными старостами; они были высшею губною властью въ областяхъ, и губные старосты превратились въ ихъ подчиненныхъ.

Число губныхъ старостъ не всегда было одинаково: въ иныхъ мѣстахъ былъ только одинъ, въ другихъ же ихъ было по два; даже въ одномъ и томъ же городѣ ихъ было то одинъ, то двое (2). Также неопредѣленъ былъ и срокъ, на который они выбирались: нѣкоторые занимали должность впродолженіе одиннадцати и тринадцати лѣтъ, не смотря даже на жалобы жителей, тогда какъ другіе оставались не болѣе трехъ или четырехъ лѣтъ (3). По недостатку

---

(1) П. С. З. N 441, ст. 3.

(2) Въ Муромѣ напр. въ 1625 г. было ихъ два, въ 32-мъ одинъ, въ 40-мъ опять два. А. А. Э. т. 3-й, № 163, 210, 271, 272, 293.

(3) Шуйскій губной староста Фролъ Кишкинъ, на злоупотребленія котораго жаловались Шуяне, занималъ должность съ 1622 года до 1635-го. Опис. Шуи, № 12, 14, 16, 18. Муромскій губной староста Дружина Осорьинъ встрѣчается въ 1625 году, въ 32-мъ и 40-мъ, но въ 37-мъ его не было. См. предъидущія примѣчанія. Губной староста Нагорной половины Обонежской пятины Богданъ Палицынъ встрѣчается въ 24-мъ, въ 27-мъ и въ 35-мъ годахъ. А. А. Э. т. 3-й, № 154, 201, 257; А. Юрид. стр, 239. Въ Воронежѣ съ 1627 до 1633 г. былъ губнымъ старостою Неустрой Тарарыковъ, съ 33-го до 34-го правилъ дѣлами воевода; съ 34 до 38 губнымъ старостою былъ Богданъ Кречковъ, послѣ смерти котораго управленіе опять перешло къ воеводѣ; съ 38-го до 43-го былъ староста Ѳедоръ Бухоновъ, послѣ котораго назначенъ былъ Петръ Толмачевъ. Но послѣдній не успѣлъ еще при-

извѣстій невозможно сказать, на какомъ основаніи производились новые выборы; вѣроятно избранный оставался въ должности до тѣхъ поръ, пока правительство не предписывало выбрать другаго, а это оно могло сдѣлать по жалобамъ земскихъ людей, по просьбѣ самого губнаго старосты, по его неспособности или злоупотребленіямъ, вслѣдствіе его смерти и по другимъ обстоятельствамъ: въ 1627 году, напримѣръ, по уничтоженіи сыщиковъ, велѣно было всюду произвести новые выборы. Если притомъ губной староста не былъ отставленъ за вину или неспособность, то земскіе люди не лишались права выбрать его вновь, какъ мы видѣли уже выше. Во всякомъ случаѣ эта неопредѣленность срока указываетъ на преобладаніе правительственнаго начала въ губномъ управленіи: смѣна старосты зависѣла не отъ земскихъ людей, а отъ правительства, и безсрочные выборы не позволяли земскимъ людямъ лишить своего довѣрія того, кто разъ употребилъ его во зло. Такая безсрочная служба возможна была и потому, что дворяне и дѣти боярскіе обязаны были постоянною службою государству, тогда какъ другія сословія, занимаясь своими промыслами, несли только очередную службу.

Если было два губныхъ старосты, то они смѣнялись не вмѣстѣ; одинъ могъ оставаться въ должности, когда смѣнялся другой. Въ Шуѣ, напримѣръ, въ 1621 году губными старостами были Филатъ Сѣченый и Провоторхъ Волковъ, въ 22-мъ Фролъ Кишкинъ и

нять дѣлъ, какъ былъ взятъ въ плѣнъ Татарами. Освободившись изъ него въ слѣдующемъ году, онъ былъ снова назначенъ царемъ губнымъ старостою по прежнему выбору, за службу и за полонъ. См. Воронежскіе акты т. 1-й, № 19, т. 2-й, прибав. № 17, т. 3-й, № 183.

Провоторхъ Волковъ, въ 25-мъ Фролъ Кипкинъ и Мурза Ковалевъ (1).

Губные цѣловальники избирались исключительно низшими сословіями,—посадскими людьми и крестьянами (2). Для выбора цѣловальниковъ уѣздъ раздѣлялся обыкновенно на кости; нѣсколько селъ, волостей, вотчинъ, помѣстій, посадовъ списывались въ одну кость для выбора одного цѣловальника. Такъ какъ губное управленіе было общимъ земскимъ дѣломъ, то различія между посадомъ и уѣздомъ не дѣлалось, и посадъ иногда списывался въ одну кость съ уѣздными селами (3). Однако это не было общимъ правиломъ, и въ другихъ случаяхъ уѣздъ самъ по себѣ расписывался на кости, и не только посадъ, но даже и монастыри ставили отдѣльныхъ цѣловальниковъ (4). Впрочемъ и въ первомъ случаѣ, будучи въ одной коски, посадскіе люди ставили цѣловальниковъ поочередно съ уѣздными; вмѣсто того, чтобы выбирать ихъ вмѣстѣ, одни ставили цѣловальника, а другіе въ это время давали ему подмогу. При расписаніи костей имѣлись въ виду разныя соображенія; въ общемъ раздѣленіи наблюдался извѣстный порядокъ, именно: кости раздѣлялись на большія, среднія и малыя, состоявшія первыя изъ большихъ владѣній и земель, вторыя изъ среднихъ, третьи изъ малыхъ (5). Уложеніемъ (6) запрещено было брать цѣловальниковъ

(1) Описаніе Шуи, № 11, 12.

(2) Уложеніе, гл. XXI, ст. 4.

(3) Описаніе Шуи, № 14; Старинные Акты Шуи, № 62.

(4) А. А. Э. т. 3-й, № 163.

(5) А. А. Э. т. 2-й, № 69.

(6) Гл. XXI, ст. 98.

съ тѣхъ помѣстій и вотчинъ, въ которыхъ менѣе 20 душъ крестьянъ, а иногда предписывалось выбирать цѣловальниковъ изъ большихъ костей, а среднимъ и малымъ давать имъ подмогу (1). Но это не было общимъ правиломъ, и обыкновенно цѣловальники выбирались, какъ изъ большихъ, такъ и изъ среднихъ и малыхъ костей. Въ основаніи росписанія уѣзда на кости лежало не раздѣленіе его на отдѣльныя общины, а сошное письмо; обыкновенно нѣсколько сохъ или части сохъ списывались въ одну кость. Но если въ общемъ дѣленіи видна нѣкоторая система, то въ частностяхъ все опредѣлялось случайными соображеніями; вмѣсто общаго росписанія дѣлались частныя измѣненія и уравненія. Въ 1615 году, напримѣръ, выбирался въ Шуйскомъ уѣздѣ цѣловальникъ черными волостями—третью сохи Телешевской стороны, да четвертью сохи Борисоглѣбской стороны, да ему же по царскому указу былъ приданъ Шуйскій посадъ, составлявшій $^1/_2$ сохи. Но въ 1625 году Шуйскіе посадскіе люди жаловались, что уѣздные люди, списанные съ ними въ одной кости, не помогаютъ имъ въ выборѣ цѣловальника, и просили царя велѣть списать съ ними въ одну кость вотчину Шартомскаго монастыря, которая прежде уже была съ ними въ одной кости, а послѣ того была приписана къ другимъ костямъ; царь велѣлъ исполнить ихъ просьбу (2). Въ Новгородскихъ пятинахъ не было, кажется, раздѣленія на кости; цѣловальники выбирались просто сохами (3).

---

(1) А. А. Э. т. 3-й. № 163, т. 4-й, № 22.

(2) Описаніе Шуи, № 7, 14.

(3) А. Ю. № 352.

Выборы производились обыкновенно по приказанію губнаго старосты (1), который приводилъ выборныхъ къ присягѣ, а выборные списки отсылалъ въ разбойный приказъ. Но изъ Новгородскихъ пятинъ цѣловальники отсылались для приведенія къ присягѣ къ Новгородскому воеводѣ, а изъ нѣкоторыхъ городовъ они отправлялись даже въ Москву (2). Уложеніемъ (3) запрещено было посылать ихъ въ Москву, а велѣно было приводить ихъ къ присягѣ воеводамъ въ присутствіи губныхъ старостъ.

Выбирать въ цѣловальники предписывалось «людей добрыхъ и животомъ прожиточныхъ, которыхъ бы съ такое дѣло стало», но грамотности отъ нихъ не требовалось (4). Случалось однако, что по злоупотребленію выбирались 90-лѣтніе старики, которые не въ состояніи были исполнять своихъ обязанностей (5). Число цѣловальниковъ было различно; оно находилось въ связи съ раздѣленіемъ уѣзда на кости, ибо каждая кость выставляла большею частью одного цѣловальника. Въ Воронежѣ напр. ихъ было два; обыкновенно же въ указахъ предписывалось выбрать столько, сколько было прежде. Но иногда дѣлались измѣненія, вѣроятно по распоряженіямъ мѣстныхъ властей, ибо въ одной грамотѣ требуется отъ губнаго старосты извѣщеніе, сколько было прежде цѣловальниковъ и сколько теперь, «чтобъ про то было вѣдомо въ разбойномъ

---

(1) Стар. А. Шуи, № 62, 66.

(2) А. А. Э. т. 3-й, № 210, т. 4-й, № 22. Воронежскіе Акты т. 1-й, № 19, 34.

(3) Гл. XXI, ст. 4.

(4) А. А. Э. т. 3-й, № 210; Старинные Акты Шуи, № 62.

(5) Ворон. Акты т. 3-й, № 183, з.

приказу » (1). Срокъ, на который они выбирались, былъ обыкновенно годовой; однако законъ точно этого не опредѣлялъ, и нерѣдко цѣловальники оставлялись въ должности гораздо долѣе — лѣтъ по пяти, по шести, по десяти и больше. Это было чрезвычайно стѣснительно для жителей, которые несли очередную службу; но они могли только жаловаться, ибо перемѣнять ихъ безъ царскаго указа они не смѣли; впрочемъ на такія жалобы обыкновенно слѣдовало предписаніе выбирать цѣловальниковъ ежегодно (2).

Цѣловальники получали подмогу отъ избирателей. Выше было сказано, что въ 1625 году велѣно было въ Муромѣ выбирать цѣловальниковъ изъ большихъ костей, а среднимъ и малымъ давать имъ подмогу. Иногда въ самой кости соблюдалась извѣстная очередь: если, напримѣръ, посадъ былъ списанъ въ одну кость съ частью уѣзда, то посадскіе люди давали подмогу, когда цѣловальника ставили уѣздные жители, и наоборотъ (3). Количество подмоги опредѣлялось договоромъ избирателей; она простиралась иногда до пяти рублей (4).

Иногда, вмѣсто выбора, цѣловальники нанимались сошными людьми; составлялась рядная запись, въ которой нанимаемый обязывался не чинить никакой хитрости и не довести нанимателей до убытка, подъ страхомъ взысканія его вдвое. За тѣмъ подписывались свидѣтели, а, можетъ быть, иногда и поручители (5).

(1) А. А. Э. т. 3-й, № 210.
(2) Тамъ же. Воронежскіе акты т. 3-й, № 183, 2.
(3) Описаніе Шуи, № 14.
(4) А. А. Э. т. 3-й, № 163.
(5) Опис. Шуи, № 7.

Изъ прежнихъ губныхъ грамотъ, кажется, можно заключить, что цѣловальники судили и дѣлали всѣ дѣла вмѣстѣ съ губными старостами (1); но въ настоящій періодъ этого не видно. Напротивъ, можно сказать навѣрное, что цѣловальники не были товарищами губныхъ старостъ, ибо послѣдніе руководствовали ихъ выборомъ и приводили ихъ къ присягѣ, что никогда не дѣлалось съ товарищами; кромѣ того, царскія грамоты и воеводскія памяти всегда писались на имя одного губнаго старосты, а никогда на имя цѣловальниковъ. Послѣдніе были слѣдственно подчиненные служители, которыхъ губные старосты разсылали по разнымъ порученіямъ и употребляли для разныхъ дѣлъ (2). Можно полагать, что съ уничтоженіемъ судебной власти земскихъ старостъ и цѣловальниковъ была уничтожена и судебная власть губныхъ цѣловальниковъ. Это было ослабленіе земскаго начала, которое кончилось совершеннымъ уничтоженіемъ губныхъ цѣловальниковъ. Когда въ 1669 году всюду были установлены сыщики, имѣвшіе подъ распоряженіемъ команды изъ служилыхъ людей, губные цѣловальники, какъ ненужные, были уничтожены и послѣ того не были возстановляемы; по крайней мѣрѣ о нихъ не упоминается въ указѣ, которымъ возстановлены были губные старосты (3).

---

(1) А. А. Э. т. 1-й № 330: «И прикащикомъ и цѣловалникомъ лихихъ людей сыскивати и имати и съ истцы судити;» также № 281: и старостамъ и цѣловалникомъ разбойные дѣла и татиные дѣлати по сему наказу.»

(2) Старинные Акты Шуи, стр. 88, № 64, 66. Воронежскіе акты: т. 3-й N 183, ².

(3) Впослѣдствіи упоминаются иногда губные цѣловальники, но этимъ именемъ означались тюремные цѣловальники. См. Стар. А. Шуи, N 188.

Долѣе удержались тюремные цѣловальники, которые также выбирались сошными людьми, за исключеніемъ тѣхъ помѣстій и вотчинъ, въ которыхъ было менѣе 20 душъ крестьянъ. Въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ въ 1641 году выбирались тюремные цѣловальники отдѣльно съ посада и съ уѣзда, по два съ того и другаго; они чередовались между собою на караулахъ по собственному соглашенію (1). Они также приводились къ присягѣ губными старостами или воеводами, и выборы на нихъ отсылались въ Москву (2). Число ихъ не было опредѣлено; оно установлялось приговоромъ земскихъ людей или царскимъ указомъ, какъ случалось; подмога давалась имъ также обыкновенно по согласію земскихъ людей, а иногда они прибирались по найму (3). Тюремные цѣловальники не были однакоже повсемѣстнымъ учрежденіемъ; иногда при тюрьмахъ были одни сторожа, подъ надзоромъ губныхъ цѣловальниковъ; случалось даже, что не было ни цѣловальниковъ, ни сторожей, и заключенныхъ караулили сами губные цѣловальники (4). Когда же при тюрьмахъ были цѣловальники вмѣстѣ съ сторожами, тогда первые вѣроятно были начальниками, а вторые подчиненными. Сторожа не выбирались, а нанимались посадскими и уѣздными людьми, и получали отъ нихъ наемную плату; поручныя записи по нихъ отсылались въ Москву, куда они и сами иногда отправлялись для присяги. Число ихъ было не всегда

(1) А. Ю. N 280.

(2) Уложеніе, гл. XXI, ст. 4, 97, 98.

(3) Доп. къ А. И. т. 3-й N 115; А. А. Э. т. 3-й N 163; А. Ю. N 224 VI.

(4) А. А. Э. т. 3-й N 163.

опредѣлено: требовалось то болѣе, то менѣе, смотря по надобности (1). Въ 1669 году велѣно было караулить тюрьмы стрѣльцамъ, да кромѣ того быть у каждой тюрьмы по два наемныхъ сторожа за поруками: къ присягѣ приводить ихъ сыщикамъ, а деньги давать имъ по уговору изъ доходовъ губной избы (2). Но когда въ 1679 году губныя дѣла были отданы въ вѣдомство воеводъ, возстановлены были выборные тюремные цѣловальники и сторожа: они перемѣнялись ежегодно, караулили тюрьмы по очереди, но подмоги не получали (3).

Губные дьяки или подъячіе, по установленію Ивана Грознаго, выбирались всѣми сословіями; это продолжалось до половины XVII-го вѣка (4), и въ это время царскія грамоты писались иногда на ихъ имя, вмѣстѣ съ губными старостами (5). Однакоже не всѣ имѣли это значеніе, и случалось даже, что дьяки просто нанимались губными цѣловальниками (6). Въ Уложеніи (7) велѣно было выбирать ихъ однимъ сошнымъ людямъ, также какъ и цѣловальниковъ. Обыкновенно губной дьякъ былъ одинъ, но когда посылались въ города сыщики, требовалось иногда и болѣе. Такъ напримѣръ, въ В. Устюгѣ съ—53-го до 54 года было при сыщикѣ восемь выборныхъ подъячихъ, которые, по приказанію сыщика и по приговору посадскихъ лю-

---

(1) Доп. къ А. И. т. 3-й, № 113; Воронежскіе акты т. 1-й N 19 т. 3-й N 183.

(2) Новоуказн. статьи П. С. З. N 441 ст. 3.

(3) А. А. Э. т. 4-й N 237.

(4) А. И. т. 3-й N 167, ст. 87; Воронежскіе акты т. 1-й N 35

(5) А. А. Э. т. 3-й N 163.

(6) Тамъ же.

(7) Гл. XXI, ст. 4.

дей и волостныхъ крестьянъ, получали отъ нихъ по рублю въ мѣсяцъ (1). При повсемѣстномъ введеніи сыщиковъ въ 1669 году губные дьяки остались, но они приводились къ присягѣ сыщиками, а въ 1679 году они переведены были въ съѣзжія избы (2).

Палачи въ Москвѣ нанимались казною, но въ городахъ они были выборные отъ сошныхъ людей и получали подмогу. Иногда послѣдніе нанимали ихъ также, какъ цѣловальниковъ, съ рядною записью и за поручительствомъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ нанимали ихъ сами губные цѣловальники. Въ 1680 году велѣно было въ городахъ палачамъ давать жалованья по четыре рубля человѣку, изъ губныхъ неокладныхъ доходовъ; слѣдственно они были уже не выборные (3).

Наконецъ иногда сошные люди выбирали или нанимали бирючей и сторожей въ губную избу (4).

Всѣ эти лица ставились повинностью всего уѣзда, но кромѣ того были и мѣстные, общинные выборные для губныхъ дѣлъ: это были сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе. Они выбирались по посадамъ, станамъ и волостямъ, приводились къ присягѣ и получали наказныя памяти отъ губныхъ старостъ, сыщиковъ и воеводъ (5). Сотскіе завѣдывали полиціею надъ сотнею дворовъ, но въ волостяхъ было обыкновенно по одному

(1) Доп. къ А. И. т. 3-й N 115.

(2) А. А. Э. т. 4-й N 237.

(3) Улож. гл. XXI, ст. 96, 97; П. С. З. N 836; А. А. Э. т. 3-й N 163; Опис. Шуи, N 48; Воронеж. акты т. 1-й N 19, т. 3-й N 183, в.

(4) Улож. гл. XXI, ст. 4, 95; А. А. Э. т. 3-й N 163; Д. къ А. И. т. 3-й N 115; Ворон. акты т. 1-й N 19.

(5) А. А. Э. т. 4-й 237; А. И. т. 5-й N 111; Д. къ А. И. т. 4-й N 130.

сотскому, если даже въ волости было и болѣе ста дворовъ. Пятидесятскіе и десятскіе были имъ подчинены и завѣдывали первые 50-ю дворами, вторые 10-ю (1) Въ нѣкоторыхъ наказахъ, данныхъ сотскимъ, говорится о пятидесятскихъ и десятскихъ, въ другихъ же они вовсе не упоминаются, почему можно полагать, что они были не вездѣ. Казалось бы, что число ихъ должно было опредѣляться количествомъ дворовъ, но не такъ было на дѣлѣ; въ Шуѣ, напримѣръ, до 1665 года было всего четыре человѣка сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ, но въ этомъ году, по приказанію присланнаго въ городъ сыщика, выбрано ихъ было 20 человѣкъ, и такъ какъ послѣ отъѣзда сыщика воеводы и губные старосты не смѣли перемѣнить ихъ безъ царскаго указа, то они оставались въ должности до перемѣны, на что Шуяне жаловались, прося царя, чтобы имъ велѣно было перемѣнять ихъ ежегодно (2). Изъ этого видно, что срокъ исправленія должности не былъ опредѣленъ, и если не было на то особенной царской грамоты, они перемѣнялись не иначе, какъ по предписанію высшаго начальства. Приведенный фактъ не былъ даже исключеніемъ, ибо и въ другихъ случаяхъ мы видимъ сотскихъ, исправлявшихъ должность по нѣскольку лѣтъ сряду (3). Это опять показываетъ преобладаніе въ губномъ управленіи правительственнаго начала; приказный характеръ, который получили губные старосты, отразился и на низшихъ служителяхъ.

Губное управленіе составляло такимъ образомъ цѣ-

(1) А. А. Э. т. 1-й N 192.

(2) Описаніе Шуи, N 41, тоже N 11-

(3) Доп. къ А. И. т. 4-й N 130. — Въ другихъ мѣстахъ впрочемъ служба ихъ была годовая. Доп. къ А. И. т. 5-й N 1, стр. 13,

лую систему выборныхъ лицъ, но за исключеніемъ выбора губныхъ старостъ, всѣ прочіе носили на себѣ чистый характеръ повинности. Сошные люди ставили изъ среды себя или нанимали низшихъ служителей къ государственному дѣлу, и эта повинность не была принадлежностью земскаго управленія губныхъ старостъ, но существовала также при воеводахъ и сыщикахъ. Послѣдніе часто требовали даже больше низшихъ служителей, нежели другіе, и сошные люди должны были ставить ихъ по ихъ предписанію. Понятно, что эти выборы должны были чрезвычайно обременять жителей, и дѣйствительно они искали всѣхъ возможныхъ случаевъ, чтобъ *отбывать* отъ этой службы, а это разумѣется увеличивало бремя остальныхъ и возбуждало въ нихъ неудовольствіе. Выше была приведена жалоба Шуйскихъ посадскихъ людей на то, что волостные крестьяне не помогаютъ имъ въ выборѣ цѣловальника. Въ 1625 году Муромскіе мелкопомѣстные дворяне подали царю просьбу, «что выбрали съ нихъ съ середнихъ и съ малыхъ костей, съ уѣзду три цѣловалника, а монастыри де цѣловалниковъ своихъ свели, и потюремныхъ денегъ не даютъ, а сказываютъ у себя нашу грамоту изъ приказу Сыскныхъ дѣлъ; а посадскіе люди потюремныхъ денегъ не даютъ же отъ Московского разоренья и въ тюрьму ничѣмъ не тянутъ.... и отъ того де выбору ихъ крестьяне бѣгаютъ въ иные городы; а сторожей де наймуютъ дорогою цѣною, а болшія кости обходятъ, а хотя и выберутъ съ болшихъ костей четвертого цѣловалника, и тѣхъ цѣловалникъ стережетъ въ губѣ годъ, и подмогъ цѣловалникомъ и сторожамъ на всякіе избные росходы не даютъ же; а иные де отъ тюремъ сторожи, и па-

лачь, и бюрючь, и старой (сторожъ?) избной и дьячекъ пошли прочь, а только остались ихъ три цѣловалника и въ тюрмѣ избу стерегутъ они жъ...; и имъ тремъ цѣловалникомъ безъ сторожей и безъ палача, и безъ бирича и безъ подмоги и безъ посадскихъ и безъ монастырскихъ цѣловалниковъ быть не мочно; и намъ бы (то есть царю) ихъ Муромцовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ малопомѣстныхъ пожаловать, велѣти имъ, въ губныхъ цѣловалникахъ и въ подмогѣ съ болшими сохами и съ посадскими людми и съ монастыри дати счотъ» (1). Въ 1635 г. Воронежскій губной староста доносилъ, что онъ не имѣетъ средствъ исправлять губныя дѣла, потому что сошные люди не нанимаютъ палача и на дьяка не даютъ выборовъ; да имъ же велѣно было поставить губную избу и собрать денегъ на расходы, а они не сдѣлали ни того ни другаго (2). Нерѣдко случалось и насильственное сопротивленіе; въ 1647 году Суздальскіе губные старосты донесли царю, «что Покровского дѣвича монастыря игуменья Леонида чинится сильна, съ монастырьскихъ вотчинъ цѣловалниковъ къ губному дѣлу не даетъ; да сошные люди принесли выборъ за руками на нового губного цѣловалника, на Сергѣева крестьянина Горяинова, и Сергѣй де Горяиновъ того крестьянина не далъ, учинился силенъ.» Царь велѣлъ цѣловальниковъ доправить на ослушникахъ, взявши приставовъ у воеводы; для принужденія же игуменьи взять слугу Покровскаго монастыря, который ходилъ за дѣлами, и посадить его въ тюрьму до тѣхъ поръ, пока не выберутъ цѣловальника; а если Горяиновскій крестьянинъ будетъ скрываться, то

(1) А. А. Э. т. 3-й N 163.

(2) Воронежскія акты т. 3-й N 183, ч.

вмѣсто его взять другаго крестьянина того же помѣщика и посадить въ тюрьму, пока не сыщутъ выборнаго цѣловальника и не поставятъ его передъ губными старостами (1). Чтобъ избавиться отъ этихъ тяжкихъ повинностей, нѣкоторые монастыри испрашивали себѣ жалованныя грамоты, которыми они освобождались отъ обязанности ставить цѣловальниковъ къ губному дѣлу и къ тюрьмамъ, выбирать тюремныхъ сторожей и вообще чѣмъ бы то ни было тянуть къ губному дѣлу (2).

Губныя повинности были тѣмъ обременительнѣе, что, кромѣ личныхъ повинностей, было множество вещественныхъ — натуральныхъ и денежныхъ. Онѣ отправлялись всѣми посадскими и уѣздными сошными людьми безъ различія, и раскладывались по сохамъ безъ раздѣленія на кости; иногда предписывалось требовать ихъ и съ тарханщиковъ (3). Къ вещнымъ повинностямъ относились: 1) постройка и починка губнаго стана или губной избы. Губная изба находилась въ главномъ уѣздномъ городѣ, въ которомъ сосредоточивалось все губное управленіе; она строилась посадскими и уѣздными людьми. Послѣдніе ставили иногда и постоялый дворъ для губнаго старосты и сыщиковъ, но иногда эти строенія нанимались, также какъ и дворы для присылаемыхъ съ сыщиками служилыхъ людей (4). Губные станы находились въ деревняхъ въ Новгородскихъ пятинахъ, гдѣ не было городовъ; мѣсто избиралось губнымъ старостою или воеводою, а строились они по предписанію Новгородскаго воеводы подъ распоряженіемъ губныхъ старостъ.

(1) А. А. Э. т. 4-й № 22.
(4) А. И. т. 3-й N 60, 82, 123, 133, 142 и другія.
(3) А. А. Э. т. 3-й № 271.
(4) Доп. къ А. И. т. 3-й № 113.

Такъ какъ пребываніе губнаго стана въ селѣ или деревнѣ было тяжело для мѣстныхъ жителей, отъ которыхъ требовалось множество мелкихъ повинностей, какъ то: поставка подводъ для разсылокъ, преслѣдованіе воровъ и т. п., то каждый старался отклонить это отъ себя. Поэтому, если губной станъ переносился изъ одной деревни въ другую, то жители послѣдней жаловались на новую тягость, и по ихъ просьбѣ онъ возвращался обыкновенно на старое мѣсто (1). Вмѣсто справедливаго уравненія возстановлялось слѣдственно обычаемъ узаконенное неравенство. 2) Постройка и починка тюремъ, исключая Москвы, гдѣ тюрьмы строились на счетъ казны. Смѣта дѣлалась обыкновенно, по приказанію губныхъ старостъ, губными цѣловальниками и присылалась въ Москву на утвержденіе; но впослѣдствіи, когда губные старосты и цѣловальники были уничтожены, смѣта дѣлалась, по приказанію воеводъ, земскими старостами и сошными людьми (2). Тюрьмы были назначены исключительно для губныхъ преступниковъ; воеводамъ запрещалось сажать туда людей по долгамъ и другимъ гражданскимъ искамъ, какъ для того, чтобы не стѣснить колодниковъ, такъ и потому, что тюрьмы были на отвѣтственности земскихъ выборныхъ людей, для которыхъ было бы слишкомъ обременительно имѣть на рукахъ и постороннихъ лицъ. Однакоже это часто не исполнялось и воеводы правили даже на выборныхъ людяхъ долги убѣжавшихъ должниковъ (3). 3) Расходы на губную избу, какъ то: дрова,

(1) А. А. Э. т. 3-й, N 154. т. 4-й, N 72; А. Ю. N 352.

(2) Старинные акты Шуи, № 66, 161.

(3) Уложеніе гл. XXI. ст. 94, 97; А. А. Э. т. 3-й, N 163, 272;

свѣчи, бумага, чернила, перья, взыскивались также натурою или деньгами въ сошныхъ людей (1). 4) Они же давали подводы и проводниковъ для разъѣздовъ по губнымъ дѣламъ (2). Наконецъ они же 5) давали подмогу и наемныя деньги выборнымъ лицамъ. Все это взыскивалось губными старостами или воеводами, которые производили всѣ расходы. Въ этомъ опять видно преобладаніе правительственнаго начала; самая подмога не прямо давалась земскими людьми выборнымъ лицамъ, но поступала сначала къ приказному человѣку, который уже раздавалъ ее своимъ подчиненнымъ. Впрочемъ и это не было общимъ правиломъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наемныя деньги сторожамъ и подмога дьякамъ и палачамъ давались изъ земскихъ избъ (3). Въ 1679 году, когда уничтожены были многія должности для облегченія повинностей мѣстныхъ жителей, вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнены были губные поборы, «чтобы въ томъ градскимъ и уѣзднымъ людямъ лишнихъ убытковъ и тягостей не было». Такимъ образомъ уничтожились сборы на строеніе тюремъ, на свѣчи, на бумагу, на чернила; подъячимъ же, сторожамъ и тюремнымъ цѣловальникамъ велѣно было служить безъ подмоги. Вмѣсто вещныхъ повинностей осталась одна личная служба, которая однакоже сдѣлалась отъ этого тяжелѣе (4). Возстановленіе

т. 4-й, N 72; Д. къ А. И. т. 3-й N 115. Воронежскіе акты т. 3-й N 183, в.

(1) А. А. Э. т. 3-й, N 163, 271; Уложеніе, гл. XXI, ст. 97. Ворон. акты т. 3-й, N 183, г.

(2) Описаніе Шуи, № 59.

(3) Улож. гл. XXI, ст. 97; А. А. Э. т. 4-й, N 72; Д. къ А. И. т. 3-й, № 115; А. Ю. N 224 VII.

(4) А. А. Э. т. 4-й, № 237.

губныхъ старостъ должно было вести и къ возстановленію губныхъ повинностей; можетъ быть, одною изъ причинъ этой мѣры было то, что государство взяло на себя слишкомъ тяжелую обязанность, когда оно не успѣло еще устроить свои финансы.

Губные старосты получали дѣла, строеніе и прочее, принадлежавшее къ губному вѣдомству, либо отъ своихъ предшественниковъ, либо отъ воеводъ, если послѣдніе правили дѣлами въ отсутствіи или по смерти губнаго старосты, либо отъ сыщиковъ. При безпрерывной замѣнѣ одной власти другою, при всеобщемъ недостаткѣ точныхъ правилъ, неизбѣжны были, какъ затрудненія въ дѣлахъ, такъ и столкновенія между правителями. Дѣйствительно, при сдачѣ дѣлъ мы находимъ странныя недоразумѣнія и злоупотребленія. Такъ напр. въ 1628-мъ г. Воронежскому губному старостѣ Тарарыкову велѣно было принять старыя дѣла отъ предшественника своего Сумарокова, но послѣдній сказалъ, что у него ничего нѣтъ, потому что все взялъ кн. Шаховской, когда пріѣзжалъ для сыску. Настоящія дѣла Тарарыковъ долженъ былъ принять отъ сыщика Шепелева, и вмѣстѣ съ нимъ управлять губою, но сыщикъ вовсе и не пріѣзжалъ, такъ что Тарарыковъ долго не могъ ни принять дѣлъ, ни исполнить данныхъ ему указовъ по управленію (1). Въ 1638 г, послѣ смерти Воронежскаго губнаго старосты Кречкова, велѣно было новому старостѣ Бухонову принять дѣла отъ воеводы. Но послѣдній отвѣчалъ, что у него никакихъ дѣлъ нѣтъ, потому что предшественникъ ему ихъ не сдавалъ, но что находятся они въ губной избѣ, за печатью прежняго старосты,

(1) Воронежскіе акты т. 1-й прибав. № 6 т. 3-й № 183, 1.

и приказаны губнымъ цѣловальникамъ и сторожамъ. Бухоновъ не смѣлъ однако срѣзать печать безъ царскаго разрѣшенія и нужно было для этого новое предписаніе изъ Москвы (1). Въ 1643 г. на мѣсто Бухонова назначенъ былъ Петръ Толмачевъ. Ему велѣно было, обмѣнявшись съ предшественникомъ росписными списками, отдать его на поруки, съ предписаніемъ стать въ разбойный приказъ и представить туда приходныя и расходныя книги, росписные и статейные списки; поручныя записи велѣно было прислать съ цѣловальникомъ въ Москву. Но Бухоновъ сдалъ Толмачеву только дѣла бывшихъ до него губныхъ старостъ, а не далъ ни людей, ни настоящихъ дѣлъ, ни вещей, ни денегъ; на поруки онъ также не дался и въ Москву не поѣхалъ, *«учинился силенъ»*. Между тѣмъ Толмачева взяли въ плѣнъ Татары. На слѣдующій годъ онъ однакоже успѣлъ освободиться, и ему снова предписано было взять у Бухонова дѣла. Но оказалось, что Бухоновъ вовсе и не управлялъ дѣлами, а жилъ въ деревнѣ и въ городъ не ѣздилъ. Въ его отсутствіи управленіе принялъ на себя воевода Бабарыкинъ, къ которому Толмачевъ и обратился. Но Бабарыкинъ также не послушался указа, хотѣлъ самъ вѣдать губныя дѣла. Между обѣими властями произошла страшная ссора; оба писали другъ на друга доносы въ Москву. Толмачевъ жаловался, что воевода не разъ присылалъ людей, чтобы его убить, такъ что онъ долженъ былъ спасаться бѣгствомъ и не смѣлъ выходить изъ своего двора. Губнаго дьячка, посланнаго къ нему съ представленіемъ, воевода посадилъ въ кандалы. Самые

(1) Тамъ же т. 1-й N 34 т. 3-й № 183, 3.

жители города приняли участіе въ спорѣ: у Бабарыкина была своя сторона, свои клевреты, которые отъ имени города писали жалобы на Толмачева, а защитники послѣдняго съ своей стороны послали отъ имени города жалобу на Бабарыкина. Наконецъ воевода былъ смѣненъ, и на его мѣсто присланъ былъ Бутурлинъ, которому велѣно было произвести слѣдствіе; но и здѣсь Толмачевъ жаловался, что, повѣривъ клеветѣ Бабарыкина, новый воевода посадилъ его въ тюрьму и потомъ сослалъ на двѣ недѣли въ дальнее мѣсто (1). Къ этому разсказу не нужно прибавлять толкованій: онъ слишкомъ ярко живописуетъ состояніе тогдашняго управленія. И это было не рѣдкостью, ибо въ томъ же самомъ городѣ мы встрѣчаемъ и другіе примѣры того, что воеводы вступались въ губное управленіе и вѣдали губныя дѣла помимо закономъ установленной власти (2).

Вѣдомство губныхъ старостъ было, какъ мы видѣли, двоякое: губное и приказное. Къ первому относились дѣла полицейскія, судебныя и финансовыя: губные старосты преслѣдовали и ловили воровъ и разбойниковъ, судили преступниковъ, наказывали ихъ, отбирали имущество ихъ въ казну и продавали его, производили взысканія, сбирали пошлины, завѣдывали сборомъ губныхъ податей и отправленіемъ губныхъ повинностей, производили расходы на губное дѣло. Самыя разнообразныя дѣла сосредоточивались такимъ образомъ въ однѣхъ рукахъ. Московское государство не знало еще раздѣленія управленія по роду дѣлъ.

---

(1) Воронежскіе акты т. 3-й N 183, в.

(2) Тамъ же N 183 стр. 196.

Для этого требуются тонкій анализъ, систематическое воззрѣніе, развитыя юридическія понятія. Это—раздѣленіе труда въ области государственнаго управленія. Въ каждомъ общественномъ явленіи представляются различныя стороны, которыя анализируются при общемъ соображеніи и сравненіи съ другими. Возвышаясь къ общему, теоретическое воззрѣніе раздѣляетъ всѣ дѣла на извѣстныя категоріи, подъ которыя подводитъ частныя явленія, хотя бы они въ жизни и смѣшивались. Напротивъ того, чисто практическій взглядъ грубымъ образомъ беретъ каждый предметъ въ его частности, не подводя его подъ общія категоріи, и не анализируя разнородныхъ элементовъ, которые въ немъ перемѣшаны. Это послѣднее направленіе господствовало въ Московскомъ государствѣ, въ которомъ государственное сознаніе не развивалось еще до систематическаго воззрѣнія. Поэтому всѣ дѣла, прикосновенныя къ извѣстному предмету, или входившія въ извѣстный кругъ дѣятельности, соединялись въ однѣхъ рукахъ, и управленіе раздѣлялось не по роду дѣлъ, а потому, что извѣстные предметы требовали особеннаго способа управленія: было управленіе приказное, управленіе земское, управленіе казенное или вѣрное, наконецъ управленіе губное, которое составляло смѣсь всѣхъ этихъ началъ.

Однакоже въ основаніи губнаго управленія лежалъ полицейскій характеръ, а прочее присоединялось къ этому, какъ принадлежность. Оно возникло изъ потребности искоренить воровъ и разбойниковъ, вслѣдствіе чего отъ судебнаго вѣдомства намѣстниковъ, волостелей и воеводъ отдѣлены были нѣкоторые предметы, которые опредѣлены были довольно точнымъ образомъ. Характеръ

средневѣковаго процесса былъ чисто обвинительный; главнымъ доказательствомъ былъ судебный поединокъ, и судья вступался самъ собою только въ нѣкоторыя явныя преступленія, доходъ съ которыхъ составлялъ его собственность. Теперь, вмѣсто этого права судьи, явилась государственная потребность искоренять воровъ и разбойниковъ. Государство не могло уже довольствоваться частнымъ обвиненіемъ, но установило розыскъ; доказательствами служили уже не судебный поединокъ, а поличное, оговоръ, повальный обыскъ и наконецъ собственное признаніе. Поэтому все, что проистекало изъ частнаго обвиненія, исключено было изъ вѣдомства губныхъ начальниковъ; губныя дѣла были только тѣ, которыя возникали по поимкѣ вора съ поличнымъ, по язычной молвкѣ (оговору) и по лихованнымъ (обвинительнымъ) обыскамъ (1). Если обвинитель приводилъ вора или разбойника съ поличнымъ или требовалъ пристава для выемки поличнаго, тогда процессъ принадлежалъ къ вѣдомству губныхъ старостъ; но если онъ просто обвинялъ кого нибудь въ кражѣ или въ разбоѣ, тогда дѣло отсылалось къ приказнымъ судьямъ, которые судили его обыкновеннымъ порядкомъ и только тогда, когда нужно было употребить пытку, опять отсылали его въ разбойный приказъ (2). Вѣдомство губныхъ старостъ опредѣлялось слѣдственно не столько предметомъ управленія, сколько способомъ обвиненія и порядкомъ дѣлопроизводства. Въ Новоуказныхъ статьяхъ 1669-го года велѣно было въ городахъ судить тѣ и другія

---

(1) А. И. т. 3-й N 167, ст. 18.

(2) Между прочимъ Ворон. акты т. 3-й № 107.

дѣла сыщикамъ; точно также и воеводы судили оба рода дѣлъ, когда они завѣдывали губными дѣлами, но запрещено было смѣшивать ихъ вмѣстѣ и считать разбойными дѣлами тѣ, которыя возникали по простому обвиненію (1).

Первоначально одни только разбойныя дѣла предоставлены были губнымъ старостамъ; потомъ сюда присоединены были татиныя, въ началѣ XVII-го вѣка убійственныя, а въ Уложеніи и въ Новоуказныхъ статьяхъ къ этому разряду причислены и другія преступленія, какъ то: зажигательство, совращеніе съ вѣры, насиліе женщинъ, сводничество, непочтеніе къ родителямъ (2). Съ развитіемъ государства являлась мысль, что преступленія должны судиться иначе, нежели частныя дѣла, но эта мысль родилась не вдругъ, не по теоретическому понятію, а постепенно нѣкоторыя болѣе важныя преступленія отдѣлялись отъ обыкновеннаго суда и даже отъ суда церковнаго, и предоставлялись вѣдомству губныхъ старостъ. Иногда впрочемъ и воеводы судили нѣкоторыя преступленія уголовнымъ процессомъ; такъ напримѣръ въ 1663 году колдуновъ и колдуній велѣно было судить Нижегородскому воеводѣ, употребляя притомъ пытку и огонь (3). Это показываетъ, что и процессуальное раздѣленіе не проводилось во всей строгости. Но въ Новоуказныхъ статьяхъ эти преступленія отнесены были также къ вѣдомству сыщиковъ (4). Съ другой стороны, случаи нечаянной смерти, гдѣ не употреблялось пытки и дру-

(1) П. С. З. N 441, ст. 50, 72; А. А. Э. т. 4-й N 237.

(2) Уложеніе гл. XXI; П. С. З. N 441, ст. 90, 91, 92, 109, 110.

(3) Доп. къ А. И. т. 4-й N 134.

(4) П. С. З. N 441, ст. 128.

гихъ формъ губнаго дѣлопроизводства, оставлялись также въ вѣдомствѣ воеводъ. Иногда губные старосты вступались и въ это, но жители, для которыхъ порядокъ губнаго суда былъ гораздо тяжелѣе обыкновеннаго, жаловались на это, какъ на злоупотребленіе, и правительство давало имъ грамоты, которыми эти дѣла предоставлялось вѣдать воеводамъ (1). Видно, земскіе люди не слишкомъ желали попасться въ руки своего выборнаго человѣка.

Дѣйствительно, въ губныхъ старостахъ земскій характеръ затемнялся приказнымъ. Даже въ качествѣ губныхъ старостъ они назывались приказными людьми (2); въ отсутствіи же воеводъ они занимали ихъ должность и управляли всѣми приказными дѣлами. До повсемѣстнаго введенія воеводъ почти вездѣ губные старосты управляли городами; но послѣ междуцарствія имъ поручалось управленіе только тамъ, гдѣ не было воеводъ и городовыхъ прикащиковъ, или когда воеводы вызывались на военную службу (3). Впрочемъ иногда случалось, что въ одинъ и тотъ же городъ назначался по просьбѣ жителей то губной староста, то воевода (4). Иногда же губные старосты, какъ приказные люди, находились и въ округахъ, управляемыхъ воеводами: такъ въ половинахъ Новгородскихъ пятинъ они завѣдывали всѣми дѣлами подъ главнымъ начальствомъ Новгородскихъ воеводъ.

---

(1) Описаніе Шуи, N 12.

(2) Опис. Шуи, N 11. Грамоту губнымъ старостамъ по губнымъ дѣламъ велѣно отдать земскимъ людямъ *для иныхъ приказныхъ людей.* Есть и много другихъ подобныхъ.

(3) П. С. З. № 313.

(4) Временникъ 1849 г. кн. 4-я матеріалы, стр. 32 — 33, 50.

Какъ приказный человѣкъ, губной староста завѣдывалъ всѣми гражданскими, полицейскими, судебными и финансовыми дѣлами, отводилъ земли, производилъ переписи, сыскивалъ бѣглыхъ, завѣдывалъ выборами, сбиралъ подати. Неизвѣстно, имѣлъ ли онъ и военную власть; по аналогіи съ другими приказными людьми, можно думать, что нѣтъ; но городовая артиллерія находилась въ его вѣдомствѣ (1). Кромѣ того, даже и въ тѣхъ городахъ, гдѣ были воеводы, губнымъ старостамъ поручались иногда дѣла, выходившія изъ круга губнаго управленія: если воевода или приказный человѣкъ былъ безграмотный, то совершеніе кабалъ на холоповъ предоставлялось губнымъ старостамъ (2); иногда послѣдніе, по порученію воеводъ, сбирали подати, преслѣдовали корчемство; въ 1616 году Суздальскій губной староста присланъ былъ Суздальскимъ воеводою въ Шую, чтобы доправить на Шуянахъ стрѣлецкій кормъ и подмогу дьячкамъ (3).

Изъ этого видно, что губные старосты не только въ Новгородскихъ пятинахъ, но и въ другихъ городахъ были иногда подчинены воеводамъ. На это впрочемъ нужно было, кажется, особенное предписаніе царя. Такъ напр. въ 1644 г. Толмачевъ не поѣхалъ на посылку по приказанію воеводы, потому что у него въ наказѣ не было писано, чтобы ему ѣздить на посылки по воеводскимъ памятямъ; однако воевода на это жаловался, неизвѣстно съ какимъ результатомъ (4). Въ Новгородскихъ же пятинахъ губные

(1) А. А. Э. т. 3-й, N 47, 201, 291, 295, 311, т. 4 й, N 27, 70; А. И. т. 5-й, N 38.

(2) Уложеніе гл. XX, ст. 72, 73.

(3) А. Ю. N 313; А. А. Э. т. 3-й, N 146; Описаніе Шуи, N 10.

(4) Ворон. акты т 3-й, N 183, з.

старосты подчинялись воеводамъ, не только какъ приказные люди, но и въ губномъ управленіи (1); первое подчиненіе влекло за собою и второе, и наоборотъ, подчиненному губному старостѣ воевода могъ поручать и приказныя дѣла, потому что не было строгаго разграниченія вѣдомствъ. Встрѣчаются случаи, что губные старосты были товарищами воеводъ въ губномъ управленіи (2). Иногда воеводамъ предписывалось оберегать посадскихъ людей и уѣздныхъ крестьянъ отъ губнаго старосты, « чтобы напрасно на нихъ въ язычной молвкѣ губной староста клепать не велѣлъ, и для своей корысти тѣсноты и продажи и убытковъ не чинилъ; если же учинится язычная молвка на посадскихъ людей и на уѣздныхъ крестьянъ, и про ту молвку воеводѣ и дьяку велѣть сыскивать до пряма вправду, и указъ чинить по государеву указу и по Уложенію, а о большихъ дѣлахъ или о которыхъ въ Уложеніи не написано, писать къ государю въ Москву » (3). Обыкновенно же губные старосты были совершенно независимы отъ воеводъ; иногда имъ поручались даже слѣдствія о злоупотребленіяхъ воеводъ и взысканіе съ нихъ штрафовъ по царскому приказанію (4). То были двѣ самостоятельныя полицейскія власти, находившіяся въ одномъ городѣ, что, какъ мы уже видѣли, нерѣдко вело къ столкновеніямъ: какъ воеводы самовольно вступались въ губныя дѣла и дѣлали доносы на губныхъ старостъ, такъ и послѣдніе съ своей стороны жаловались на воеводъ и

(1) А. А. Э. т. 3-й, N 154, т. 4-й, N 72.

(2) Описаніе Шуи, N 56; Ворон. акты т. 3-й, N 169.

(3) Доп. къ А. И. т. 4-й, N 134.

(4) Описаніе Шуи, N 16; П. С. З. N 51.

притѣсняли людей ихъ и крестьянъ. Но губные старосты имѣли обыкновенно менѣе правительственныхъ средствъ, нежели воеводы, почему они находились отъ послѣднихъ въ нѣкоторой зависимости. Это даже мѣшало иногда управленію, ибо губнымъ старостамъ предписывалось въ случаѣ нужды брать у воеводъ служилыхъ людей на ослушниковъ, а воеводы отказывали, говоря, что у нихъ о томъ нѣтъ указа (1).

Къ сыщикамъ губные старосты находились также въ различныхъ отношеніяхъ: иногда сыщикамъ предписывалось «сыскивать про разбойныя и татиныя дѣла, свѣстяся съ губными старостами», слѣдственно послѣдніе ставились къ нимъ въ отношенія товарищей, и тогда грамоты писались на имя обоихъ вмѣстѣ (2); иногда же они просто подчинялись сыщикамъ, что̀ положено было общимъ правиломъ въ Новоуказныхъ статьяхъ 1669 года. Имъ велѣно было вѣдать губныя дѣла съ сыщиками безъ ослушанія; сыщики руководствовали ихъ выборомъ, приводили ихъ къ присягѣ, наконецъ судили губныхъ старостъ и цѣловальниковъ въ гражданскихъ дѣлахъ, тогда какъ прежде они судились въ разбойномъ приказѣ (3).

Вѣдомство губныхъ цѣловальниковъ состояло, какъ мы видѣли, въ исполненіи по губному управленію разныхъ порученій, возлагаемыхъ на нихъ губными старостами. Но иногда они являются какъ бы представителями земскаго начала въ противоположность

(1) Старинные акты Шуи, N 16, 19, 20, 66; Воронеж. акты т. 3-й, N 183, г.

(2) А. А. Э. т. 3 й, N 163; Описаніе Шуи, № 4.

(3) Улож. гл. XXI, ст. 6; П. С. З. N 441, ст. 4, 5; А. И. т. 3-й, N 167 ст. 60.

послѣднимъ, которые получили болѣе приказный характеръ. Въ 1625 году, напримѣръ, Муромскіе губные старосты и сыщики требовали съ цѣловальников бумаги, чернилъ и дровъ на губную избу и приказывали имъ нанимать дьячка, палача и бирюча, что все исправлялось повинностью земскихъ людей (1). Деньги на губное дѣло сбирались впрочемъ земскими начальниками, которые уже вручали ихъ губнымъ цѣловальникамъ (2). Но рядомъ съ этимъ воеводы посылали цѣловальниковъ ко всякимъ денежнымъ сборамъ, и въ этомъ видно опять, что, за отсутствіемъ строгаго разграниченія вѣдомства, на каждое должностное лице возлагались всякаго рода порученія. Точно также и тюремнымъ цѣловальникамъ поручалось иногда отворять и затворять городскія ворота (3).

Сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе завѣдывали полиціею въ посадѣ или волости, записывали имена всѣхъ отлучающихся отъ мѣста жительства, преслѣдовали воровъ и разбойниковъ и наказывали тѣхъ, которые не хотѣли идти съ ними на поискъ, равно какъ и тѣхъ жителей, которые отлучались безъ ихъ позволенія. При воеводахъ они завѣдывали не одною губною полиціею, но смотрѣли, чтобы въ ихъ округѣ не было корчемства, табаку, распутства и недозволенной игры (4); можетъ быть, это относилось къ ихъ вѣдомству и при губныхъ старостахъ, но по недостатку данныхъ невозможно сказать это достовѣрнымъ образомъ.

Въ дѣлопроизводствѣ слѣдуетъ отличать дѣла поли-

(1) А. А. Э. т. 3 й, N 163.

(3) Старинные акты Шуи, N 11.

(3) А. Ю. N 280.

(4) А. И. т. 5-й № 111; Д. къ А. И. т. 4-й, № 130

цейскія, судебныя и финансовыя. Изъ первыхъ преслѣдованіе воровъ и разбойниковъ было повинностью посадскихъ и уѣздныхъ людей; они ходили, какъ съ мѣстными начальниками—сотскими, пятидесятскими и десятскими, такъ и съ губными старостами и цѣловальниками, и всякій, кто не шелъ, не только по требованію начальниковъ, но и по просьбѣ о помощи частнаго человѣка, подвергался наказанію. Помощь уѣздныхъ людей была однакоже плохая; поэтому сыщикамъ обыкновенно давалось въ распоряженіе извѣстное число дворянъ и дѣтей боярскихъ. Но это дѣлалось не всегда, и сыщики, также какъ и губные старосты, обращались къ воеводамъ, требуя отъ нихъ помощи. Воеводы давали имъ ратныхъ людей, или сами ходили на воровъ и разбойниковъ съ служилыми и земскими людьми. Однакоже иногда всѣ эти средства не помогали; въ 1645 году Костромскіе губные старосты писали сыщику, посланному въ Суздаль, Шую и Луху, что у нихъ разбойники разбиваютъ днемъ и ночью, а ходить имъ па нихъ не съ кѣмъ, и у воеводы ратныхъ людей нѣтъ. Самъ сыщикъ писалъ царю, что ему тѣ разбойники извѣстны, но посылать ему не кого, и самому ходить не съ кѣмъ, потому что дворяне и дѣти боярскіе, которые были съ нимъ въ прошедшемъ году, отозваны на царскую службу, а монастырскіе служки, которымъ велѣно съ нимъ ходить «собою худы и безконны» (1). Изъ этого видно, что сыщики и старосты одного уѣзда могли посылать людей на разбойниковъ и въ другіе уѣзды; это предписывалось имъ нерѣдко, потому что, какъ не было строгаго раз-

(1) Описаніе Шуи, № 27, 28.

дѣленія вѣдомствъ, такъ не было и точнаго раздѣленія округовъ. Въ Новоуказныхъ статьяхъ (ст. 122) велѣно было сыщикамъ посылать губныхъ старостъ для поимки лихихъ людей, а для преслѣдованія большихъ шаекъ ѣздить самимъ, и брать съ собою тѣхъ городовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ меньшихъ статей, стрѣльцовъ, пушкарей, затинщиковъ, разсыльщиковъ, монастырскихъ служекъ и уѣздныхъ людей. Вообще средства, которыми располагали губные старосты, были изумительно малы. Въ Воронежѣ напр. мы встрѣчаемъ постоянныя жалобы на ихъ недостатокъ. Такъ въ 1655 г. губной староста пишетъ, что ему некого посылать съ порученіями и брать съ собою въ уѣздъ, потому что у тюрьмы всего два цѣловальника, да одинъ сторожъ, а другой боленъ; палача же и бирича вовсе нѣтъ. Другой въ 1658 г. доноситъ, что въ губѣ всего одинъ цѣловальникъ и тотъ 90-лѣтній и больной, а сторожъ умеръ; между тѣмъ тюрьма плоха и цѣпей нѣтъ (1).

Слѣдствіе начиналось по поимкѣ преступника съ поличнымъ, по оговору и по обвинительному обыску. Замѣчателенъ послѣдній способъ: губной староста по принятіи дѣлъ долженъ былъ созвать уѣздныхъ жителей (иногда по одному съ выти) на съѣздъ въ городъ. Жители, разумѣется, не всегда слушались, и староста принужденъ былъ прибѣгать къ содѣйствію воеводы для понужденія непокорныхъ. Когда же всѣ съѣзжались, жителей допрашивали, кто у нихъ лихіе люди; если они на кого нибудь указывали, даже не обвиняя его въ извѣстномъ какомъ нибудь преступле-

(1) Ворон. акты, т. 3-й, № 183, 2, л.

нія, его тотчасъ брали и подвергали пыткѣ (1). Здѣсь не было рѣчи объ огражденіи правъ обвиняемаго; нужно было истребить лихихъ людей, и для этого принимались полицейскія мѣры, въ которыхъ менѣе всего смотрѣли на личную неприкосновенность. Этотъ же государственный, слѣдственный характеръ губнаго дѣла не дозволялъ допускать и произволъ обвинителя въ началѣ дѣла: строго запрещено было мириться съ ворами, разбойниками и убійцами; за это взыскивалась пеня, а укрыватели подвергались жестокому наказанію (2). Однако и въ настоящій періодъ встрѣчаются мировыя записи объ убійствѣ (3), но онѣ имѣли уже предметомъ только убытки, которые родственники убитаго могли взыскать съ убійцы; первые обязывались не искать поголовныхъ денегъ за убитую голову и похоронныхъ денегъ, «а въ государевой пенѣ что государь укажетъ». Однакоже по самому существу губнаго дѣла, которое было мѣрою для истребленія воровъ и разбойниковъ, и не обнимало собою всѣхъ уголовныхъ преступленій, обвинитель сохранялъ еще значительное вліяніе на порядокъ дѣлопроизводства. Подлѣ губнаго порядка существовалъ порядокъ судебный, и отъ обвинителя зависѣло дать дѣлу то или другое направленіе: если онъ подавалъ явку о пограбленномъ имуществѣ и у преступника по его просьбѣ вынималось поличное, тогда дѣло шло губнымъ порядкомъ; если же онъ, напротивъ того, предпочиталъ простое обвиненіе, дѣло принимало совершенно другой оборотъ.

(1) Ворон. акты т. 3-й, № 183, з. А. И. т. 3-й, № 167 ст. 1.

(2) А. И. т. 3-й, N 167 ст. 41.

(3) Д. къ А. И. т. 2-й, N 70.

Истцу давалось право отводить губнаго старосту за недружбу или понорovку, и тогда назначался другой староста, который производилъ дѣло вмѣстѣ съ первымъ; но въ Новоуказныхъ статьяхъ велѣно было эти дѣла судить сыщикамъ (1). Обвиняемый же не имѣлъ права отводить судей, и это опять показываетъ, какъ мало обращали вниманія на огражденіе лица отъ злоупотребленій.

Самый ходъ дѣла имѣлъ чисто полицейскій характеръ. Существо суда состоитъ въ томъ, что судья взвѣшиваетъ доказательства и произноситъ приговоръ о невинности или виновности подсудимаго; слѣдствіе же или собраніе доказательствъ служитъ только полицейскимъ приготовленіемъ къ самому судебному дѣйствію, и потому поручается обыкновенно другимъ лицамъ. Но въ губномъ дѣлѣ все состояло въ слѣдствіи, изъ котораго прямо вытекало наказаніе, а приговоръ былъ вовсе не нуженъ. Такой порядокъ слѣдовалъ изъ самаго существа губныхъ доказательствъ: обвиненіе было вмѣстѣ съ тѣмъ и доказательство, и непремѣнно влекло за собою извѣстное, закономъ опредѣленное наказаніе, если только соблюдены были нужныя условія. Законъ опредѣлялъ, напримѣръ, что оговоръ въ извѣстныхъ случаяхъ не имѣетъ никакой силы, въ другихъ влечетъ за собою извѣстное наказаніе, въ третьихъ еще бо̀льшее наказаніе. Названный въ повальномъ обыскѣ лихимъ человѣкомъ уже по этому самому подвергался законному наказанію, если даже не было никакихъ другихъ доказательствъ преступле-

(1) Улож. гл. XXI, ст. 7; П. С. З. № 441 ст. 6; А. И. т. 3-й, N 167 ст. 61.

нія. Соединеніе нѣсколькихъ доказательствъ увеличивало наказаніе; если же доказательства были противорѣчащія, тогда, казалось бы, судья долженъ былъ рѣшить, которое имѣетъ бо́льшую силу, и на этомъ основаніи произнести приговоръ. Но ничего подобнаго не было; если преступникъ оговаривалъ посторонняго человѣка въ преступленіи, а въ обыскѣ называли послѣдняго добрымъ человѣкомъ, то онъ по обыску освобождался, а по оговору взыскивалась съ него пеня. Если, напротивъ, оговорившій признавался, что оговоръ былъ ложный, а въ обыскѣ называли оговореннаго лихимъ человѣкомъ, тогда послѣдній освобождался по оговору и подвергался наказанію по обыску (1). Такимъ образомъ слѣдователю оставалось только исполнять законъ безъ всякаго разсужденія, и не было рѣчи о признаніи подсудимаго виновнымъ или невиннымъ.

Доказательствъ могло быть только четыре: одно, исходившее отъ обвинителя — поличное, другое отъ соучастника въ преступленіи—оговоръ, третье отъ самаго подсудимаго—собственное признаніе, вызванное пыткою, при чемъ также не обращалось вниманія на то, дѣйствительно ли оно имѣло характеръ истины или только вызвано физическимъ страданіемъ, четвертое наконецъ—свидѣтельство постороннихъ лицъ. Но въ губномъ дѣлѣ постороннихъ свидѣтелей—послуховъ вовсе не было, а мѣсто ихъ занималъ повальный обыскъ; вмѣсто свидѣтельства нѣсколькихъ лицъ, знающихъ дѣло, принималось свидѣтельство всѣхъ о поведеніи подсудимаго. Это—характеристическая черта

---

(1) А. И. т. 3-й, № 167 ст. 1, 2, 3, 12, 32, 33.

губнаго дѣлопроизводства; при полученіи личныхъ свидѣтельствъ, часто объ фактахъ, только косвенными образомъ относящихся къ дѣлу, нужна ихъ оцѣнка, нуженъ слѣдовательно судебный порядокъ, а этого-то и не было въ губномъ управленіи. Главною потребностью было истребленіе лихихъ людей, и указаніе на нихъ было возложено на мѣстныхъ жителей, какъ повинность. Дѣйствительно, въ обыскѣ видны всѣ черты земской повинности: если большая часть обыскныхъ людей называла обвиняемаго добрымъ человѣкомъ, онъ отдавался на ихъ поруки, и если за ихъ поручительствомъ онъ оказывался виновнымъ въ какомъ нибудь преступленіи, они подвергались штрафу и наказанію. Точно также наказывались они и тогда, когда они не хотѣли дать обыскныхъ рѣчей; когда же обвиняемый, на основаніи другихъ доказательствъ, напримѣръ, по собственному сознанію, обличался въ преступленіи, а въ обыскѣ онъ названъ былъ добрымъ человѣкомъ, тогда съ обыскныхъ людей взыскивалась пеня, и кромѣ того, выбирались изъ нихъ лучшіе люди и десятаго били кнутомъ. Наконецъ, если обыскные люди въ обыскахъ показывали, что у нихъ нѣтъ воровъ и разбойниковъ, а послѣ того ихъ находили, то съ обыскныхъ людей взыскивались убытки истцовъ, и лучшихъ людей, человѣка по два или по три, били кнутомъ (1). Обыскъ входилъ въ рядъ губныхъ повинностей, и установленъ былъ губными грамотами; это была обязательная отвѣтственность общинъ за своихъ членовъ передъ государствомъ, которое требовало полицейскаго порядка.

---

(1) Улож. гл. XXI, ст. 36, 37; П. С. З. № 441, ст. 28; А. И. т. 3-й, № 167, ст. 2, 3, 7, 8, 27.

Весь ходъ дѣла записывался губнымъ дьякомъ, и губной староста прикладывалъ къ списку свою руку (1).

Взысканія производились губными старостами въ пользу истцовъ и въ пользу государства. Всѣ убытки, претерпѣнные истцомъ, взыскивались съ преступниковъ, съ ихъ поручителей, съ обыскныхъ людей, наконецъ съ оговоренныхъ лицъ. Здѣсь опять судьѣ не предоставлено было опредѣленіе количества убытковъ; законъ просто постановлялъ: взыскивать въ половину или въ четверть противъ показаній истца; разбирательство же здѣсь было совершенно лишнее (2). Въ пользу государства конфисковалось обыкновенно все имущество преступника; вещи продавались губнымъ старостою. и вырученныя деньги записывались въ приходныя книги (3). За найденныя мертвыя тѣла взискивались иногда съ общины поземельныя, поголовныя или подъемныя деньги; это былъ остатокъ древнихъ виръ, но многія общины были отъ этого освобождены жалованными грамотами, такъ что это встрѣчается только, какъ исключеніе (4).

Наказанія также совершались по распоряженію губныхъ старостъ, которые по Уложенію имѣли право наказывать преступниковъ и смертью, не донося о томъ въ разбойный приказъ. Но назначеніе мѣста ссылки предоставлено было высшему правительству; ему же губные старосты доносили и о людяхъ, пойманныхъ безъ отпускныхъ писемъ съ вырѣзанными

(1). А. А. Э. т. 1-й, N 187, 192, 330.

(2) А. И. т. 3-й, N 167, ст. 46; Уложеніе гл. XXI, ст. 83, 84.

(3) А. И. т. 3-й, N 167, ст. 54.

(4) Старинные акты Шуи N 198.

упами. Запрещено было также освобождать безъ царскаго указа преступниковъ, сидѣвшихъ въ тюрьмѣ болѣе полугода. Впрочемъ къ сыщикамъ эти ограниченія не относились: но послѣдніе должны были присылать въ Москву тѣхъ подсудимыхъ, которые съ пытки не признавались въ преступленіи, и объ которыхъ нельзя было сдѣлать обыска, потому что они были люди бродящіе (1). Вѣроятно, въ губныхъ наказахъ встрѣчались и другія разнообразныя ограниченія, также какъ и въ воеводскихъ наказахъ; къ несчастію, въ изданныхъ актахъ нѣтъ ни одного губнаго наказа. Однако изъ Воронежскихъ актовъ мы видимъ, что тамошніе губные старосты не только не смѣли выпускать заключенныхъ изъ тюрьмы безъ царскаго указа, но, кажется, должны были всѣ дѣла посылать на рѣшеніе въ разбойный приказъ (2).

Въ Новоуказныхъ статьяхъ (ст. 123,—6,—7) запрещено было держать колодниковъ въ тюрьмахъ болѣе мѣсяца; послѣ мѣсяца велѣно было ихъ вершить, исключая тѣхъ, которые сидѣли въ тюрьмахъ за недостаткомъ порукъ. Этотъ срокъ очевидно былъ слишкомъ коротокъ, и это постановленіе не могло быть исполнено. Въ другихъ указахъ просто предписывалось рѣшать дѣла въ скоромъ времени, безъ означенія сроковъ, что̀, разумѣется, не могло ни къ чему вести (3). Въ Уложеніи, какъ мы видѣли, говорится о преступникахъ, сидѣвшихъ въ тюрьмѣ болѣе полугода,

---

(1) Улож. гл. XXI, ст. 10, 12, 13, 14, 16, 17, 19, 83; П. С. З. N 441, ст. 8, 23, 30, 123.

(2) Ворон. акты т. 1-й прибав. N 6, т. 2-й N 74, 78, 81 87, приб. N 9, 10, 17. т. 3 й N 112, 178.

(3) А. А. Э. т. 3-й, № 159; А. И. т. 5-й, N 55.

но часто они сиживали и по нѣскольку лѣтъ. Изъ росписи заключеннымъ въ Воронежѣ въ 1666 г. видно что одинъ сидѣлъ 18 лѣтъ, двое 4 года, два—второй годъ, остальные меньше (1).

Въ финансовыхъ дѣлахъ, т. е. въ исправленіи повинностей, въ распоряженіи конфискованнымъ имуществомъ и денежными штрафами, дѣлопроизводство состояло въ томъ, что все записывалось въ приходныя и расходныя книги, которыя ежегодно отсылались въ разбойный приказъ, а изъ Новгородскихъ пятинъ въ Новгородъ (2). Въ этомъ состояла отчетность. Кромѣ того, посылались росписи заключеннымъ, находившимся въ тюрьмѣ при смѣнѣ должностныхъ лицъ. Воеводамъ предписывалось присылать также перечневыя росписи совершеннымъ наказаніямъ, съ означеніемъ вины преступниковъ и количества рѣшеныхъ дѣлъ (3); можетъ быть, тоже обязаны были дѣлать и губные старосты.

Независимые отъ воеводъ и сыщиковъ губные старосты посылали отписки свои на имя государя и получали предписанія въ формѣ царскихъ грамотъ и памятей изъ разбойнаго приказа. Губные старосты Новгородскихъ пятинъ, напротивъ того, получали предписанія отъ воеводъ, и имъ же посылали свои отписки; но случалось, что они прямо получали и царскія грамоты (4). Если при сыщикахъ губные старосты

---

(1) А. И. т. 3-й, N 167, стр. 304: «сидитъ на Костромѣ въ тюрмѣ разбойникъ Васка Щербакъ шестой годъ». Ворон. акты т. 1-й стр. 135.

(2) П. С. З. № 441 ст. 122, 125, 126, 127. А. А. Э. т. 4-й N 72.

(3) А. А. Э. т. 4-й, № 237.

(4) А. А. Э. т. 3-й, № 237.

были ихъ товарищами, тогда царскія грамоты писались на имя всѣхъ; иначе онѣ посылались на имя одного сыщика (1).

Въ первой половинѣ XVII-го вѣка губные старосты подчинялись областнымъ приказамъ (2), но въ Уложеніи (3) постановлено всѣ губныя дѣла по всему государству вѣдать въ разбойномъ приказѣ. Впрочемъ, какъ въ воеводскомъ управленіи этотъ законъ не исполнялся, такъ можетъ быть и губные старосты подчинялись иногда областнымъ приказамъ, но по недостатку данныхъ невозможно сказать это утвердительно.

Въ отвѣтственности должностныхъ лицъ и земскихъ людей выражается характеръ повинности, который лежалъ на губномъ управленіи. Вотъ случаи отвѣтственности, которые встрѣчаются въ памятникахъ: 1) Если губной цѣловальникъ отпуститъ разбойника или вора, или украдетъ ихъ имущество и сбѣжитъ, тогда имущество цѣловальника отдавать истцамъ въ вознагражденіе убытковъ, въ половину противъ иска, а если чего не достанетъ, то взять на избирателяхъ, да ихъ же отдать на поруки въ томъ, что они цѣловальника сыщутъ и поставятъ передъ начальниками; когда же онъ будетъ предъявленъ, тогда бить его кнутомъ и исключить изъ цѣловальниковъ. Точно также и недѣльщикъ, отпустившій вора или разбойника, подвергался взысканію убытковъ, наказанію кнутомъ и тюремному заключенію (4). 2.) За бѣгство заключен-

---

(1) Первое А. А. Э. т. 3-й, № 163; второе Описаніе Шуи, № 28.

(2) А. И. т. 2-й, № 355.

(3) гл. XXI, ст. 1.

(4) Тамъ же, ст 83, 84.

ныхъ изъ тюрьмы подвергались отвѣтственности прежде всего тюремные цѣловальники и сторожа; если они на пыткѣ говорили, что заключенные убѣжали не по ихъ умыслу тогда по просьбѣ истцовъ съ нихъ взыскивались всѣ убытки, а чего не доставало, то взыскивалось съ избирателей, съ губныхъ старостъ и цѣловальниковъ. Губные старосты подвергались въ этомъ случаѣ двойной отвѣтственности противъ цѣловальниковъ, потому что тюрьмы находились подъ ихъ вѣдомствомъ, и на нихъ лежала обязанность смотрѣть, чтобъ онѣ были крѣпки, почему и бѣгство заключенныхъ приписывалось ихъ небреженію (1). Иногда воеводы, сажая по злоупотребленію должниковъ въ губныя тюрьмы, въ случаѣ побѣга взыскивали долги ихъ на губныхъ цѣловальникахъ и на избирателяхъ (2). Но кромѣ заключенія въ тюрьму, подсудимые отдавались иногда «за пристава» разнымъ служилымъ и земскимъ людямъ, на которыхъ возлагалась и отвѣтственность за ихъ сбереженіе. Въ случаѣ побѣга, этихъ приставовъ, точно также, какъ и тюремныхъ цѣловальниковъ, пытали, сажали въ тюрьму до указа, взыскивали съ нихъ пени, наконецъ отдавали ихъ на поруки въ томъ, что они въ скоромъ времени отыщутъ бѣглаго и представятъ его въ избу (3). Такая отдача за пристава была тѣмъ болѣе необходима, что тюрьмы часто бывали въ весьма плохомъ положеніи: строеніе было скверное или полуразвалившееся, сторожей почти не было; не было даже иногда и цѣпей, такъ что колодниковъ не въ чемъ было посылать просить милостыню по міру или

---

(1) Уложеніе гл. XXI, ст. 103.

(2) А. А. Э. т. 3-й N 163.

(3) Ворон. акты т. 2-й прибав. N 17.

за водою (1). 3.) Земскіе люди, сотскіе и ихъ подчиненные отвѣчали и за то, что они воровъ и разбойниковъ не ловили и не приводили въ избу: «а будетъ они градскіе и уѣздные всякихъ чиновъ люди и соцкіе и пятидесяцкіе и десяцкіе, забывъ страхъ Божій и не помня душъ своихъ, учнутъ разбойниковъ и татей и убойцовъ и вѣдуновъ и всякихъ воровскихъ людей у себя держать и таить и поноровки имъ чинить, а къ сыщику отводить ихъ не учнутъ, а послѣ того тѣ воры и вѣдуны въ сыску будутъ мимо ихъ, и учнутъ на нихъ говорить, что они ихъ знали и воровство за ними вѣдали и, вѣдая то ихъ воровство таили и ихъ укрывали, а къ сыщику ихъ не отводили и про нихъ не объявливали, а изымать было ихъ и мочно, и тѣмъ людемъ, кто такихъ воровъ учнутъ укрывать, и у себя держать и воровство ихъ таить отъ насъ Великого Государя столникомъ и стряпчимъ и дворяномъ Московскимъ и жилцомъ и городовымъ дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ и всякихъ чиновъ служилымъ знатнымъ людемъ быть въ великой опалѣ и въ сылкѣ, и помѣстья ихъ и вотчины укажемъ мы Великій Государь отнимать на насъ и роздать въ раздачу безъ повороту; а градскимъ и уѣзднымъ и иныхъ всякихъ меншихъ чиновъ людемъ быть въ смертной казни безо всякого милосердія, а дворы ихъ и животы взяты будутъ на насъ же Великого Государя и розданы будутъ въ исцовы иски. А которые воры въ городахъ на посадѣхъ и въ уѣздѣхъ воруютъ, людей грабятъ, рѣжутъ и до смерти побиваютъ, а кто такихъ воровъ видя, не изымаютъ и въ приказъ не приведутъ, а изымать было ихъ имъ мочно, и на тѣхъ людехъ, кото-

(1) Ворон. акты т. 3-й № 183.

рые отъ смертного убивства не отняли и убойцу не поимали, имать заповѣди на чиновныхъ людехъ по 50, и по 30 и по 20 рублевъ; а на смертныхъ убивствахъ, на чиновныхъ людехъ имать заповѣди вполы. А которые люди, слыша крикъ розбитыхъ людей на пособъ къ нимъ не пойдутъ, и въ погоню за розбойники и на слѣдъ не пойдутъ же и на тѣхъ людехъ за выдачу и за ослушаніе имати выти (то есть гражданскіе иски истцовъ) (1). Въ 1665-мъ году на всѣхъ Шуянахъ доправлена была большая пеня за то, что у нихъ въ посадѣ произошло два смертоубійства, а земскіе старосты и посадскіе люди не подавали о томъ извѣщенія, «знатное дѣло, что хотѣли тѣхъ воровъ укрыть.» Съ земскихъ начальниковъ по царскому указу взыскано было по 5 рублей съ человѣка, а съ посадскихъ людей по рублю съ двора, да кромѣ того поголовныя деньги за убійство (2). Въ Псковѣ въ 1665-мъ году, по случаю постоя ратныхъ людей, велѣно было усилить полицейскій надзоръ и разлагать неотыскавшуюся покражу на жителей сотенъ «для того, чтобъ про воровскихъ людей сыскивали и провѣдывали неоплошно и поноровки ни по свойству, ни по дружбѣ въ воровствѣ никто никому не чинили» (3). Это была совершенно система XVI-го вѣка. Объ отвѣтственности обыскныхъ людей было уже сказано выше.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ отвѣтственность имѣла въ виду обезпеченіе государства въ поимкѣ и наказаніи воровъ и разбойниковъ. Съ этою же цѣлью сдѣланы были въ Уложеніи (4) нѣкоторыя запрещенія: именно запре-

(1) А. А. Э. т. 4-й № 159; А. И. т. 3-й N 167, ст. 25.
(2) Описаніе Шуи, № 37.
(3) Д. къ А. И. т. 5-й, № 1 стр. 4.
(4) Гл. XXI, ст. 104.

щено было воеводамъ и губнымъ старостамъ брать къ себѣ освобожденныхъ изъ тюрьмы въ холопы и крестьяне, и отдавать ихъ другимъ. Отвѣтственности же за злоупотребленія власти въ отношеніи къ земскимъ людямъ въ памятникахъ не встрѣчается. Между тѣмъ злоупотребленія были значительны; въ 1614-мъ году, напримѣръ, Шуяне жалуются на сыщика Кузминскаго и на губныхъ старостъ: «а они у насъ сиротъ твоихъ, себѣ и конямъ кормъ и питье изъ кабака и подводы и проводники и сторожи и понятые емлютъ ежедневно у одиихъ у насъ, да тѣ жъ, государь, губные старосты по язычной молкѣ приводятъ многихъ людей и съ пытокъ сажаютъ на дворѣхъ у насъ, посацкихъ людишекъ, а въ тюрьму въ сторожню не сажаютъ и намъ сиротамъ твоимъ государевымъ отъ тѣхъ губныхъ старостъ отъ насилства и отъ налога жити невозможно; многіе посацкіе людишки побрели розвь, да и достальные, государь, людишки хотятъ розбрестись.» Въ томъ же году подана была особая жалоба на одного изъ губныхъ старостъ Посника Калачева: «и учалъ, Государь, тотъ Посникъ на насъ посацкихъ людишекъ похвалятись поклепомъ и подметомъ и наученьемъ язычною молкою, и учалъ, Государь, намъ угрожати всякими похвалами, а велитъ намъ къ себѣ носити кормъ всегда, хлѣбъ, и мясо, и рыбу, и питье, медъ и вино, и учалъ, государь, у насъ заставаючи къ себѣ на дворъ животину всякую бити, и учалъ, государь, намъ посацкимъ людишкомъ чинити насильство и налоги великіе и многіе, государь, посацкіе люди отъ его Посника насильства розбрелися и посацкіе дворы отъ него Посника запустѣли, а мы, сироты твои государевы, того Посника въ губные старосты не выби-

рали и выбору нашего на немъ нѣтъ. Да въ нынѣшнемъ же году привели въ Шую по язычной молкѣ Михайлова крестьянина Соколова Осьбанку и тотъ, Государь, Посникъ учалъ того Осьбанку учити на насъ посацкихъ людишекъ язычною молкою велѣлъ насъ клепати напрасно, да того Осьбанку онъ послалъ въ губу въ Володимеръ, и изъ Володимера, Государь, губные старосты въ Шую прислали стрѣльцовъ къ Шуйскимъ губнымъ старостамъ къ тому Поснику Колачеву, да къ Петру Крюкову, и поимали, Государь, посацкихъ людишекъ Провьку да Ѳедьку Васильевыхъ дѣтей, да Матвѣйка Онкудинова Спибка; а сказываютъ, Государь, что тотъ Осьбанко въ Володимерѣ на пыткѣ на тѣхъ на посацкихъ людишекъ не говорилъ ничего; да съ пытки тотъ Осьбанко изумеръ; и нынѣ, государь, тѣ посацкіе людишки у Шуйскихъ губныхъ старостъ сидятъ за приставы, да и впередъ, Государь, тотъ Посникъ похвалился на насъ наученіемъ язычною молкою всякими лихими похвалами, и намъ сиротамъ твоимъ отъ того Посника прожити не возможно». Посникъ Калачевъ былъ присланъ еще въ 12 году въ смутное время, но въ 1635 году послѣдовала подобная жалоба на губнаго старосту Фрола Кишкина; «а насъ сиротъ твоихъ многихъ посацкихъ людей тотъ розбойникъ Ѳедоръ Замыцкой клеплетъ розбойничьими покупками у прошлыхъ кабацкихъ вѣрныхъ цѣловальниковъ, посацкихъ же людей винною продажею. И губной староста Фролъ Кишкинъ по ево Ѳедора поклепной молкѣ тѣхъ посацкихъ людейималъ, и домы ихъ печатаетъ. А того, государь, розбойника Ѳедора Замыцкаго съ тѣми посацкими оговорными людьми съ очей на очи не ставитъ; и на пытку ево Ѳедора тѣмъ лю-

дямъ не даетъ для своей бездѣльной корысти, хотя насъ, сиротъ твоихъ, продать и разогнать розно» (1). Вмѣстѣ съ тѣмъ они просятъ у царя грамоты, чтобы губные старосты и сыщики не вѣдали ихъ безъ воеводъ и безъ приказныхъ людей. Выше было уже упомянуто о просьбѣ Шуянъ, чтобы царь велѣлъ случаи нечаянной смерти вѣдать воеводамъ, а не губнымъ старостамъ, и о томъ, что въ наказахъ иногда предписывалось воеводамъ охранять земскихъ людей отъ притѣсненій губнаго старосты. Приказный характеръ сдѣлался въ послѣднихъ преобладающимъ, и средства притѣснять жителей были такъ велики, что избиратели должны были искать противъ нихъ защиты у воеводъ, которые однако не отличались безкорыстіемъ и справедливостью.

Земское по происхожденію, губное управленіе вмѣстѣ съ тѣмъ представляло въ себѣ смѣшеніе элементовъ приказнаго и вѣрнаго. Съ теченіемъ времени земскій элементъ совершенно даже ослабѣлъ, и слѣды его остались только въ томъ, что въ выборѣ губнаго старосты участвовали всѣ сословія. Начала вѣрное и приказное сдѣлались преобладающими. Первое выражалось во всемъ управленіи, за исключеніемъ самой должности губныхъ старостъ: общины отвѣчали государству за всѣхъ живущихъ въ нихъ людей; на нихъ возложена была обязанность указывать преступниковъ, объявлять объ нихъ, преслѣдовать и ловить ихъ, караулить ихъ съ отвѣтственностью за побѣгъ; они ставили низшихъ служителей къ губному дѣлу и отвѣчали за причиненные ими убытки; они наконецъ исправ-

(1) Описаніе Шуи, № 1, 3, 18.

ляли множество натуральныхъ и денежныхъ повинностей. Вся матеріальная часть лежала на нихъ; самое же управленіе поручалось или воеводамъ, или сыщикамъ, или губнымъ старостамъ, которые были тѣже приказные люди. Приказный ихъ характеръ выражался въ безсрочности ихъ должности, въ томъ, что на нихъ возлагались всякія приказныя дѣла, въ томъ наконецъ, что должность эту могли занимать только дворяне и дѣти боярскіе, которые всегда назначались въ приказные люди. Это преобладаніе началъ приказнаго и вѣрнаго въ губномъ управленіи приспособляло его къ новымъ потребностямъ, возникшимъ съ развитіемъ правительственнаго начала въ областныхъ учрежденіяхъ, и было причиною того, что оно сохранилось гораздо долѣе судебныхъ старостъ и цѣловальниковъ, не смотря на то, что по своему характеру оно принадлежало къ предъидущему періоду. Губное управленіе возникло въ то время, когда крестьяне и посадскіе люди не были еще укрѣплены къ мѣстамъ, когда еще не опредѣлялись обязанности сословій и особенные роды службы для каждаго изъ нихъ. Оно было смѣшеніемъ всѣхъ началъ управленія, и сдѣлалось аномаліею, когда стали разграничивать роды службы и способы управленія, и подводить учрежденія подъ тотъ или другой разрядъ. Въ Московскомъ государствѣ сдѣлалось уже яснымъ, что сошные люди должны нести повинности и вѣрную службу, а служилое сословіе — службу приказную. Поэтому выборъ губныхъ старостъ сдѣлался странностью, особенно при большемъ и большемъ преобладаніи въ немъ приказнаго характера. Не было ничего естественнѣе и сообразнѣе съ остальнымъ порядкомъ управленія, какъ поручить

эту должность приказному человѣку, назначенному, какъ и всѣ прочіе, правительствомъ. Но въ Московскомъ государствѣ не было систематическаго взгляда на управленіе, не было еще и точнаго разграниченія сословныхъ обязанностей. Поэтому все ограничивалось попытками и частными мѣрами; окончательное же уничтоженіе губныхъ старостъ послѣдовало уже въ царствованіе Петра Великаго.

ЗЕМСКІЕ СТАРОСТЫ И ЦѢЛОВАЛЬНИКИ.

Земскіе старосты и цѣловальники были мѣстными, мірскими властями. Они были выборные, также какъ и вѣрные головы и цѣловальники, но основаніе выбора было совершенно другое: послѣдніе ставились жителями къ государеву дѣлу; это была государственная повинность и служба, отправляемая по очереди; земскія власти, напротивъ того, выбирались для управленія земскими дѣлами, и выборъ ихъ составлялъ скорѣе право общинъ, нежели обязанность. Однако съ другой стороны, какъ увидимъ ниже, земскія дѣла существенно состояли въ сборѣ податей и въ отправленіи повинностей, т. е. въ тѣхъ дѣлахъ государственнаго управленія, которыя государство предоставляло самимъ общинамъ или возлагало на нихъ, какъ обязанности, а потому самое земское управленіе, если не по формѣ, то по предмету, носило казенный характеръ.

До преобразованій Ивана Грознаго земскими начальниками были сотскіе, десятскіе и старосты, которыхъ должность состояла въ сборѣ и уплатѣ податей и въ завѣдываніи повинностями, отправляемыми въ пользу

князя (1). Въ иныхъ мѣстахъ были сотскіе, въ другихъ старосты, но, кажется, различія между ними не было никакого. Иванъ IV-й, который хотѣлъ сдѣлать общины органами государственной власти, во многихъ мѣстахъ уничтожилъ намѣстниковъ и волостелей и предоставилъ судебную, финансовую и отчасти полицейскую власть выборнымъ земскимъ начальникамъ, которые получили названіе излюбленныхъ головъ или старостъ, данныхъ старостъ и цѣловальниковъ, наконецъ земскихъ судеекъ. Тамъ же, гдѣ оставались намѣстники и волостели, въ судѣ у нихъ сидѣли мѣстные старосты и цѣловальники. Въ XVII вѣкѣ учрежденія Ивана IV-го почти вездѣ были уничтожены; земскіе выборные были устранены отъ участія въ судѣ воеводъ и приказныхъ людей, а судейки оставались въ нѣкоторыхъ волостяхъ, какъ слѣды прежняго быта и какъ исключеніе изъ общаго порядка. Поэтому мы будемъ говорить объ нихъ впослѣдствіи. Но и въ обыкновенномъ земскомъ управленіи учрежденія Ивана Грознаго не остались безъ слѣда: къ прежнимъ сотскимъ и старостамъ почти вездѣ присоединились цѣловальники, хотя безъ участія въ судѣ, но съ большею опредѣленностью власти, нежели прежде. Имъ предоставлена была въ особенности раскладка податей, которая прежде производилась всѣмъ міромъ; они же раздавали пустыя земли, что прежде также совершалось мірскимъ приговоромъ (2). Государство,

---

(1) «Ни къ сотскому, ни къ дворскому, ни къ старостѣ волостному не тянутъ ни во что». А. А. Э. т. 1-й, № 53 и многія другія. Сотскіе же по нѣкоторымъ уставнымъ грамотамъ сбирали кормъ намѣстникамъ. А. А. Э. т. 1-й, № 123.

(2) А. А. Э. т. 3-й, № 37, 138; Доп. къ А. И. т. 1-й, № 167.

развивая свой организмъ, касалось и земскихъ дѣлъ, опредѣляло земскія отношенія, но разумѣется, эта сторона управленія менѣе всего подлежала его вліянію. Оно возлагало на общины извѣстныя обязанности, потому что собственной его дѣятельности не доставало для управленія, и мало вмѣшивалось въ способъ исполненія этихъ обязанностей, вслѣдствіе чего земское управленіе представляетъ менѣе всего законныхъ формъ, менѣе всего порядка и наиболѣе неопредѣленности и запутанности.

Не вездѣ земскими дѣлами управляли старосты и цѣловальники; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были одни только старосты или сотскіе, которыхъ не должно смѣшивать съ сотскими, установленными для губныхъ дѣлъ (1). Въ другихъ были сотскіе съ цѣловальниками, но это встрѣчается рѣдко, и только въ началѣ настоящаго періода; въ Шуѣ, гдѣ въ 1606 и въ 1615 годахъ былъ сотскій съ цѣловальниками, впослѣдствіи всегда встрѣчаются старосты и цѣловальники (2). Но и въ позднѣйшее время встрѣчаются въ станахъ одни цѣловальники безъ старостъ (3).

Также различно было и число ихъ: въ Новгородѣ было пять старостъ, которые назывались пятиконецкими, потому что выбирались пятью концами, составлявшими части города; въ Псковѣ было двое старостъ, которые назывались всегородными, въ отличіе отъ старостъ, управлявшихъ частями города или улица-

(1) Сотскіе, какъ земскія власти см. А. И. т. 3-й, № 70, т. 5-й, № 77, II.

(2) Описаніе Шуи, № 1, 2 и слѣд. Старинные акты, № 11.

(3) А. И. т. 5-й, № 264.

ми (1). Эти два города, бывшіе въ средніе вѣка вольными общинами, сохраняли нѣкоторые слѣды мелкихъ союзовъ, существовавшихъ внутри ихъ. Обыкновенно же въ посадахъ былъ одинъ староста, а иногда и два, да два или три цѣловальника, изъ которыхъ одинъ иногда назывался ларечнымъ (2). Въ Заонежскихъ погостахъ въ 1612 году выбиралось въ большихъ погостахъ по два старосты и по четыре цѣловальника, а въ малыхъ по одному старостѣ и по два цѣловальника (3). Также разнилось число старостъ и цѣловальниковъ и въ прочихъ волостяхъ.

Земскіе старосты и цѣловальники находились въ посадахъ или городахъ, въ станахъ, волостяхъ и погостахъ. Въ Москвѣ, гдѣ общее городовое управленіе сосредоточивалось въ рукахъ государственныхъ приказовъ, сотскіе и старосты были въ отдѣльныхъ сотняхъ и слободахъ (4). Въ нѣкоторыхъ другихъ слободахъ, особенно дворцовыхъ, по жалованнымъ ихъ грамотамъ, были свои особенные старосты (5); въ XVI вѣкѣ существовали въ окологородныхъ станахъ окологородные старосты, отличные отъ посадскихъ (6). Встрѣчаются также и всеуѣздные старосты, о которыхъ впрочемъ слишкомъ мало извѣстно, чтобы можно бы-

---

(1) Пятиконецкіе старосты Д. къ А. И. т. 2-й, № 47; А. А. Э. т. 2-й, № 24; всегородные А. А. Э. т. 3-й № 136, 158; уличные А. Ю. № 214, I.

(2) Описаніе Шуи, № 34; А. И. т. 5-й, № 228. Въ Шуѣ было то два цѣловальника (№ 27, 53), то три (№ 8, 9, 44, 45, 46, 56).

(3) Д. къ А. И. т. 1-й, № 167.

(4) Д. къ А. И. т. 3-й, № 47, 111.

(5) А. А. Э. т. 1-й, № 242.

(6) А. И. т. 1-й, № 202.

ло сказать что нибудь положительное (1). Наконецъ въ Новгородѣ и Псковѣ были, какъ сказано, и уличные старосты, о которыхъ впрочемъ нѣтъ извѣстій, относящихся къ XVII-му вѣку.

Въ городахъ и уѣздахъ земля раздѣлялась на бѣлую, черную и дворцовую. Бѣлая земля была собственностью вотчинниковъ, служилыхъ людей, духовенства, монастырей, гостей и иностранныхъ купцовъ; черная была собственностью государя (2), и находилась въ потомственномъ владѣніи посадскихъ людей и крестьянъ, которые несли съ нея подати и повинности, сохраняя впрочемъ право свободнаго распоряженія. Поэтому черная земля могла быть отчуждена и въ руки бѣломѣстцевъ, которые однако продолжали нести съ нея податныя обязанности, если только не освобождались отъ этого особенными жалованными грамотами. Дворцовая земля была также собственностью государя, но приписана была къ дворцу и управлялась обыкновенно хозяйственнымъ образомъ, какъ вотчина, хотя жалованныя грамоты могли предоставлять и дворцовымъ селамъ самостоятельное управленіе. Дворцовыя земли имѣли свое отдѣльное управленіе; ими завѣдывали дворцовые прикащики, которымъ въ посадахъ и волостяхъ подчинены были старосты и

---

(1) Д. къ А. И. т. 5-й, № 53, 93, I.

(2) Что черная волостная земля была собственностью государя, видно изъ слѣдующихъ мѣстъ: «та, господине, земля, на которой стоишъ, Божія да Государя В. Князя Есюнинские волости». А. Ю. N 20. «Ступился есмя земли В. Князя а своего владѣнья». А Ю. N 23. О посадской землѣ А. А. Э. т. 4-й, N 36: «слободы устроены въ городѣхъ на государевыхъ посадскихъ землѣхъ или на бѣлыхъ мѣстахъ»; также: «на государевѣ искони вѣчной на выгонной землѣ».

цѣловальники (1). Точно также и бѣлыя земли управлялись на вотчинномъ правѣ, не входя въ составъ земскихъ общинъ. Жалованныя грамоты, какъ увидимъ ниже, всегда давались однимъ черными или дворцовымъ посадамъ и волостямъ; бѣломѣстцы не были записаны въ тягло, не входили въ составъ общинъ, и часто возбуждали противъ себя жалобы черныхъ людей. Между тѣмъ бѣлыя земли были перемѣшаны съ черными; въ одномъ и томъ же посадѣ, въ одномъ стану или волости были и черныя и бѣлыя земли, но однѣ только черныя имѣли земскихъ старостъ и цѣловальниковъ. Таглый человѣкъ, покинувшій тягло и вступившій въ услуженіе къ частному человѣку или къ духовному лицу, тѣмъ самымъ дѣлался независимымъ отъ земскихъ властей, хотя бы онъ оставался въ томъ самомъ городѣ или въ томъ самомъ посадѣ, гдѣ онъ жилъ прежде (2). Изъ этого видно, что община въ древней Россіи была поземельная или владѣльческая и составлялась изъ людей, жившихъ на землѣ, принадлежавшей извѣстному землевладѣльцу. Различіе между черными землями и дворцовыми состояло въ томъ, что послѣднія находились въ непосредственномъ хозяйственномъ распоряженіи государя, тогда какъ съ первыхъ онъ получалъ только подати и повинности, что называлось царскимъ тягломъ. До укрѣпленія сословій, на дворцовыя земли садились крестьяне и посадскіе люди по добровольному соглашенію съ землевладѣльцемъ, тогда какъ черныя свободно отчуждались потомственными

(1) А. А. Э. т. 3-й, № 102, т. 4-й, № 101; П. С. З. N 317, 998, ст. 4, 43; N 1005.

(2) Старинные акты Шуи, N 40.

ихъ владѣльцами; но послѣ укрѣпленія различіе ихъ должно было сгладиться, и дѣйствительно, какъ увидимъ ниже, большая часть черныхъ земель мало по малу слилась съ дворцовыми. Кромѣ того, съ укрѣпленіемъ крестьянъ и посадскихъ людей, къ поземельному характеру общины присоединился и сословный; община состояла уже изъ извѣстныхъ тяглыхъ лицъ, прикрѣпленныхъ къ извѣстному мѣсту и владѣющихъ тяглыми землями. Но этими землями могли владѣть и посторонія лица, не прикрѣпленныя къ мѣсту, и принадлежавшія къ другимъ сословіямъ. Прежде этого они несли тягло, какъ всѣ свободныя лица, поселенныя на тяглыхъ земляхъ, теперь же долженъ былъ возникнуть вопросъ объ ихъ отношеніи къ тяглой общинѣ, и дѣйствительно этотъ вопросъ, возникшій въ особенности съ половины XVII-го вѣка, повелъ, какъ увидимъ, ко множеству узаконеній, часто противорѣчащихъ и безпрерывно нарушаемыхъ, что̀ продолжалось до временъ Петра Великаго, когда общины получили уже чисто сословный характеръ.

Если земскія общины состояли только изъ людей, жившихъ на черныхъ земляхъ, или, что̀ тоже самое, изъ тяглыхъ людей, то земскіе старосты и цѣловальники могли выбираться одними черными посадскими и уѣздными людьми. Въ 1612 году велѣно было въ Заонежскихъ погостахъ выбирать старостъ и цѣловальниковъ, «крестьяномъ всѣмъ лутчимъ и середнимъ и молодчимъ людемъ», но прикащикъ, которому данъ былъ этотъ указъ, посланъ былъ въ однѣ оброчныя волости, соотвѣтствовавшія чернымъ (1). Въ этомъ

---

(1) Доп. къ А. И. т. 1-й, N 167.

же наказѣ велѣно было выбирать «изъ лутчихъ людей, которые бы были душами прямы и животы прожиточны и прежъ сего въ старостахъ и въ цѣловальникѣхъ бывали;» прикащикъ долженъ былъ смотрѣть, чтобъ они «не ставились заговоромъ, а выбирали бъ старостъ и цѣловалниковъ всѣ крестьяне, не воровъ и не ябедниковъ, которые бъ государевыми денежными доходы не корыстовались, и съ крестьянъ лишнихъ денегъ не сбирали». Онъ долженъ былъ взять на нихъ выборные и излюбленные списки за руками священниковъ и волостныхъ людей, чтобы впредь не было о томъ спора у лучшихъ людей съ молодшими, и прислать тѣ списки въ Новгородъ, старостъ же и цѣловальниковъ привести къ присягѣ каждаго въ своемъ погостѣ передъ всѣми волостными людьми.

Здѣсь, какъ видно, выборы совершались подъ надзоромъ правительства; но, кажется, это дѣлалось только въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ были посланные отъ государства прикащики. Воеводамъ же ни въ грамотахъ, ни въ наказахъ не предписывалось наблюдать за земскими выборами, брать выборные списки и приводить избранныхъ къ присягѣ, тогда какъ въ отношеніи къ вѣрнымъ сборщикамъ эти предписанія встрѣчаются очень часто. Причина такого различія понятна; вѣрные сборщики выбирались, какъ сказано, къ государеву дѣлу, и для правительства было чрезвычайно важно, чтобъ они были люди надежные; до земскихъ же властей государству не было дѣла, потому что законодательная его дѣятельность не развилась еще въ систему, обнимающую собою весь государственный организмъ, но всегда возбуждалась потребностями центральной власти или просьбами жителей, а устройство

земскихъ властей подъ вліяніемъ правительства въ настоящее время не было въ интересахъ ни той, ни другой стороны. Въ XVII-мъ вѣкѣ онѣ снова заняли низшее мѣсто въ областномъ управленіи и получили опять значеніе чисто земское, тогда какъ по началамъ системы Ивана IV-го, земскіе судьи, старосты и цѣловальники управляли не только общинными, но и государственными дѣлами, а поэтому и утверждались правительствомъ. Въ приведенномъ выше наказѣ сохранился еще характеръ прежнихъ учрежденій: старосты и цѣловальники Заонежскихъ погостовъ сидѣли въ судѣ у прикащика и участвовали вмѣстѣ съ нимъ во всѣхъ дѣлахъ управленія; понятно, что государство для собственнаго обезпеченія ставило выборы подъ свой надзоръ.

Названіе цѣловальниковъ показываетъ, что они приводились къ присягѣ; это совершалось на мѣстѣ, въ присутствіи земскихъ людей (1). Срокъ, на который они выбирались, также какъ и старосты, былъ всегда годовой; въ приведенномъ выше наказѣ велѣно было прикащику смотрѣть, чтобъ они не оставались по два года, и впослѣдствіи всегда встрѣчаются старосты, исполнявшіе должность только одинъ годъ (2). И вѣрные сборщики оставались въ должности обыкновенно только годъ, но основаніе было совершенно другое: вѣрные выборные несли очередную службу, которая была для нихъ тягостна, и въ которой они искали облегченія частыми перемѣнами; въ земскомъ управленіи, напротивъ того, частыя перемѣны нужны

---

(1) А. А. Э. т. 3-й № 37.

(2) См. Описаніе Шуи, стр. 48—50

были для обезпеченія земскихъ людей, которыхъ довѣріе могло бы быть употреблено во зло, еслибы выборные оставались на мѣстѣ слишкомъ долго. Поэтому и предписаніе правительства, о которомъ сказано выше, сдѣлано было не для облегченія выборныхъ людей, а для предупрежденія злоупотребленій. Въ губномъ управленіи, напротивъ, гдѣ въ сильной степени развито было начало приказное, губные старосты выбирались на безсрочное время, а прочіе служители часто оставались по нѣскольку лѣтъ безъ перемѣны. Годовой срокъ земской службы былъ тѣмъ болѣе необходимъ, что прежде истеченія срока земскіе старосты не могли быть смѣняемы земскими людьми, какъ видно изъ того, что послѣдніе жаловались иногда на ихъ злоупотребленія.

Кромѣ старостъ и цѣловальниковъ, во многихъ мѣстахъ выбиралиль еще земскіе дьяки; но нельзя сказать, существовали ли они повсемѣстно. Иногда дьяки назначались въ земскую избу воеводами, но такъ какъ они въ этомъ случаѣ позволяли себѣ многія притѣсненія, то земскіе люди жаловались на это, и выпрашивали себѣ грамоты, по которымъ право выбирать дьячковъ предоставлялось имъ самимъ (1).

Новые старосты и цѣловальники принимали отъ прежнихъ всѣ земскія дѣла: царскія грамоты, выписки изъ писцовыхъ книгъ, списки съ таможенныхъ книгъ, разныя другія книги, относившіяся къ земскимъ дѣламъ, поручныя записи, платежныя росписки, наконецъ остающіяся деньги. Дѣлалась роспись, къ которой прежніе староста и цѣловальники прилагали

---

(1) А. И. т. 5-й, № 88.

руки, въ замѣнъ чего они получали росписку отъ преемниковъ (1).

Изъ этого видно, что всѣми дѣлами завѣдывали цѣловальники вмѣстѣ съ старостами; дѣйствительно, они почти всегда упоминаются вмѣстѣ, иногда прямо какъ товарищи. Грамоты всегда писались на имя всѣхъ (2). Здѣсь опять назначеніе было однородное, также какъ и въ воеводахъ; всѣ были мѣстные, земскіе, выборные люди, и поэтому завѣдывали дѣлами всѣ вмѣстѣ, точно также, какъ воеводы съ товарищами, которые были всѣ приказные люди. Таможенные же и кабацкіе головы, которые посылались въ города по царскому назначенію, не могли имѣть товарищами мѣстныхъ выборныхъ людей; точно также и губные старосты, получивши значеніе приказныхъ людей, не могли имѣть товарищами вѣрныхъ цѣловальниковъ, выбранныхъ одними сошными людьми.

Вѣдомство земскихъ старостъ и цѣловальниковъ составляетъ вопросъ чрезвычайно важный, ибо въ немъ выражается вся дѣятельность общинъ; изъ него мы увидимъ, какія дѣла назывались мірскими, и на сколько общины имѣли самостоятельности. Для того, чтобы болѣе уяснить это дѣло, нужно будетъ войдти въ нѣкоторыя подробности, обозначающія самое существо и характеръ общинной жизни того времени.

Предметы вѣдомства земскихъ старостъ и цѣловальниковъ до послѣдней четверти XVII-го вѣка были слѣдующіе: 1) владѣніе общинною землею, 2) записка въ тягло, 3) раскладка и сборъ податей, 4) отпра-

(1) Описаніе Шуи, № 34.

(2) А. А. Э. т. 4-й, № 101.

вленіе повинностей, 5) производство мірскихъ выборовъ, 6) мѣстная полиція. Присутственнымъ мѣстомъ ихъ была земская изба.

Посадская земля, какъ мы видѣли, была черная и бѣлая; но только черная находилась въ вѣдомствѣ посадскихъ старостъ и цѣловальниковъ, которые выбирались одними черными посадскими людьми. Часть этой земли находилась въ общественномъ владѣніи, какъ выгонъ для скота (животинный выпускъ); другая часть находилась во владѣніи отдѣльныхъ лицъ; третья наконецъ могла оставаться пустою, либо потому что вовсе еще не была заселена, либо потому что тяглые люди вымирали или, оставивъ свои участки, переселялись на другія мѣста.

Выгонная земля находилась въ общемъ пользованіи городскихъ жителей; дѣятельность земскихъ старостъ могла состоять только въ охраненіи ея отъ захватовъ со стороны частныхъ владѣльцевъ. Но этого-то они никогда не дѣлали, и въ половинѣ XVII-го вѣка выгонная земля находилась въ рукахъ частныхъ лицъ и монастырей, которые завладѣли ею такъ, что жителямъ не оставалось мѣста для пастбищъ. Къ царю поступило на это множество жалобъ, и Уложеніемъ велѣно было не только отобрать въ казну и приписать къ городамъ прежнія выгонныя мѣста, но обратить въ тяглыя земли и тѣ монастырскія и частныя вотчины, которыя лежали близъ городовъ, вознаградивъ владѣльцевъ изъ другихъ земель. Вмѣстѣ съ тѣмъ запрещено было частнымъ владѣльцамъ имѣть слободы въ городахъ (1). Этотъ замѣчательный указъ

---

(1) Улож. гл. XIX; А. А. Э. т. 4-й, № 36, 39.

показываетъ стремленіе государства устроить городовыя общины и дать имъ нѣкоторую самостоятельность; изъ поземельныхъ онѣ начинаютъ уже превращаться въ сословныя: община не составляется уже изъ людей, которые живутъ на земляхъ, принадлежащихъ извѣстному землевладѣльцу, но къ людямъ, живущимъ въ извѣстномъ мѣстѣ, и составляющимъ извѣстный разрядъ лицъ, приписываются земли. Это дѣлалось и прежде, потому что выгонъ нуженъ былъ для городовъ, но тѣ были мѣры частныя, хозяйственныя, этотъ же указъ распространялся на всѣ государевы города, и имѣлъ характеръ государственный. Этимъ однакоже не прекратились захваты общественной земли: даже въ концѣ XVII го вѣка встрѣчаются жалобы жителей на то, что вотчинники завладѣли выгонною землею (1). Земскіе старосты могли только жаловаться, власти же они не имѣли никакой. — Кромѣ выгоновъ, были и мірскіе лѣса (2), но относительно ихъ не было никакихъ законныхъ постановленій.

Точно тоже было и въ отношеніи къ участкамъ, принадлежавшимъ отдѣльнымъ лицамъ. Каждый владѣлъ своимъ участкомъ, какъ потомственною собственностью, распоряжался имъ, дѣлилъ его, отчуждалъ и дѣлалъ все это безъ всякаго вмѣшательства земскихъ властей (3). Но участокъ былъ тяглый, и это подвергало владѣльца различнымъ ограниченіямъ: 1) онъ не могъ оставить его пустымъ, потому что съ него должно было платиться тягло государю (4);

---

(1) А. И. т. 5-й, N 228.

(2) Старинные акты Шуи, № 132.

(3) Тамъ же, N 82.

(4) « Жити ему на посадѣ на тягломъ мѣстѣ и дворъ ему за на-

2) со времени изданія Уложенія онъ могъ продать его только тяглому человѣку. Прежде этого времени тяглые участки продавались и бѣломѣстцамъ, которые однакоже обязаны были платить съ нихъ тягло; при Михаилѣ Ѳедоровичѣ запрещена была продажа тяглыхъ участковъ бѣломѣстцамъ въ Москвѣ, а въ Уложеніи это сдѣлано было общимъ правиломъ для всѣхъ городовъ (1). Наконецъ, 3) владѣлецъ тяглаго участка не могъ отдать его въ монастырь, послѣ того какъ это запрещеніе издано было относительно всѣхъ земель вообще (2). Эти ограниченія были интересомъ казеннымъ, потому что казна получала доходы съ тяглыхъ участковъ, но болѣе всего это было интересомъ земскихъ людей, которые обложены были общимъ окладомъ, и обязаны были платить за всѣ участки, какъ опустѣвшіе, такъ и проданные въ чужія руки. Поэтому главный надзоръ за исполненіемъ этихъ постановленій, порученъ былъ воеводамъ, непосредственный же надзоръ принадлежалъ земскимъ старостамъ; послѣдніе однако не имѣли никакой власти, а могли только извѣщать воеводу о неисполненіи закона (3). Но и здѣсь надзора никакого не было; законъ безпрерывно нарушался, и посадскіе люди безпрестанно жаловались, что вслѣдствіе продажи тяглыхъ участковъ бѣломѣстцамъ они отягощены лишними податями (4). Правительство предписывало воеводамъ принимать про·

шею порукою на тягломъ мѣстѣ поставить и съ Углеча никуды на житье не съѣхать». А. Ю № 304 III; Д. къ А. И т. 4 й, N 101.

(1) А. И. т.3-й N 92 IX, XXV, XXXV; Уложеніе, гл. XIX, ст. 39.

(2) Прежде это дѣлалось см. А. А. Э. т. 1-й N 373.

(3) А. А. Э. т. 4 й. N 139.

(4) А. И. т. 3-й N 225, П. С. З. N 707, 887, 939.

тивъ этого мѣры, но не всегда оставалось вѣрнымъ своему постановленію, что тяглые участки должны находиться во владѣніи однихъ тяглыхъ людей. Въ отмѣну прежняго закона оно или освящало его нарушеніе за прошедшее время, или даже позволяло отдавать тяглыя земли на оброкъ бѣломѣстцамъ, вслѣдствіе чего посадскія земли раздѣлялись на тяглыя и оброчныя (1). Это безпрестанное нарушеніе закона, это колебаніе законодательства были неминуемымъ слѣдствіемъ того переходнаго состоянія, въ которомъ находились общины: по началамъ поземельнаго права тяглая земля составляла существенную часть и основу всей общины, лица же мѣнялись безпрестанно, вслѣдствіе чего участки свободно переходили изъ рукъ въ руки съ тѣмъ только условіемъ, что каждый новый владѣлецъ принималъ на себя всѣ тяглыя обязанности. Въ сословной общинѣ, напротивъ, существенную часть составляютъ лица; земля же есть только ихъ принадлежность. Для нѣкоторыхъ однако, именно для сельскихъ жителей, занимающихся преимущественно хлѣбопашествомъ, она составляетъ принадлежность существенную, безъ которой невозможно исполненіе обязанностей; напротивъ, для городскихъ жителей, большею частью промышленниковъ, она вовсе не заключаетъ въ себѣ необходимаго условія для уплаты податей и отправленія повинностей. Въ городѣ поэтому скорѣе можно было допустить отчужденіе тяглыхъ участковъ въ руки бѣломѣстцевъ, нежели въ селахъ. Но въ настоящее время законодательство еще до дошло до сознанія объ этомъ различіи; вслѣдствіе чего происходило въ немъ безпрестанное

(1) А. И. т. 5-й, № 226.

колебаніе. Только при Петрѣ В. окончательно дозволено было въ 1700 г. отчуждать тяглые участки бѣломѣстцамъ подъ условіемъ платежа оброка; въ селахъ же это совершенно запрещено.

Наконецъ, что касается до пустыхъ участковъ, то дѣятельность общинъ могла состоять только въ томъ, чтобы скорѣе отдать ихъ въ руки тяглыхъ людей; это былъ одинъ изъ важнѣйшихъ ихъ интересовъ, ибо каждое новое лице облегчало общую податную обязанность, и напротивъ того, запустѣніе участковъ увеличивало общее бремя. Казалось бы, это было существенно земское дѣло, и раздача участковъ должна была зависѣть отъ земскихъ властей. Безъ сомнѣнія, это было бы такъ, если бы тяглая земля находилась во владѣніи общинъ. Но земля была государева; не было никакого различія между государственною землею и общинною, и съ приписаніемъ земель къ посадамъ община не потеряла еще своего владѣльческаго характера; а потому и тяглые участки могли раздаваться, какъ земскими властями, такъ и воеводами. Дѣйствительно, пустыя земли большею частью смѣшивались съ казенными оброчными статьями и раздавались изъ приказныхъ избъ; если же новое лице записывалось въ тягло на посадъ, воевода назначалъ ему мѣсто, гдѣ поселиться, и отводилъ ему участокъ подъ дворъ (1). Но воеводы часто могли употреблять во зло свою власть; не имѣя никакого интереса въ увеличеніи доходовъ общины, они могли отдавать тяглыя земли постороннимъ лицамъ на малые оброки. Для посадскихъ людей это было весьма тягостно, и они выпрашивали себѣ иногда у правитель-

(1) А. А. Э. т. 3-й, N 138, 288; Д. къ А. И. т. 3-й N 20, т. 4-й N 134. Старинные акты Шуи, № 54, 59, 133.

ства грамоты, которыми предписывалось пустыя земли раздавать не изъ приказной, а изъ земской избы. Это была особенная царская милость, но и эти грамоты часто нарушались безъ всякой притомъ отвѣтственности воеводъ (1).

Также мало вліянія имѣли земскія власти и на тяглые участки, отходившіе отъ частныхъ владѣльцевъ. Если тяглый человѣкъ выходилъ изъ общины, то участокъ его не возвращался послѣдней, а поступалъ въ распоряженіе правительства, которое снова отчуждало его въ частныя руки. Такъ мы находимъ въ одной грамотѣ, что лавка отписана на государя, потому что владѣвшій ею посадскій человѣкъ поступилъ на службу въ Донскіе казаки. Воеводѣ велѣно было оцѣнить ее и продать; но оцѣнку онъ долженъ былъ производить вмѣстѣ съ земскими старостами, цѣловальниками и лучшими торговыми людьми, чѣмъ и ограничивалось ихъ участіе (2). Наконецъ даже наслѣдство членовъ общины, въ случаѣ несогласія, раздѣлялось не земскими властями, а воеводами (3).

Тотъ же порядокъ существовалъ и въ волостяхъ, съ тѣмъ различіемъ, что здѣсь вовсе не было закономъ опредѣленнаго общиннаго выгона. Каждый крестьянинъ жилъ на своемъ участкѣ, отдѣльно отъ прочихъ, владѣлъ имъ потомственно, дѣлилъ его между дѣтьми, продавалъ его, кому хотѣлъ, и до общаго запрещенія отдавалъ его по душѣ въ церковь (4). Во все это земскія власти не вмѣшивались; вѣдомство ихъ состояло единственно въ раздачѣ пустыхъ участковъ, что одна-

(1) А. И. т. 5 й, N 264.
(2) Воронежскіе акты т. 1-й N 14.
(3) Тамъ же т. 3-й N 104.
(4) См. А. Ю. N 9, 23, 26.

коже весьма часто производилось приказными властями. До повсемѣстнаго введенія воеводъ, когда приказное начало мало еще было развито въ областяхъ, призваніе новыхъ крестьянъ на пустыя земли конечно всегда производилось земскими людьми, и часто даже участки отдавались во владѣніе новому лицу общимъ мірскимъ приговоромъ, послѣ чего міръ уже не вмѣшивался болѣе въ поземельное владѣніе (1). Въ наказѣ 1612-го года прикащику Оштинскаго стана велѣно было раздавать пустые участки вмѣстѣ съ погостскими старостами и цѣловальниками, но въ послѣдующее время воеводы обыкновенно раздавали и уѣздныя земли, также какъ посадскія, и только особыя грамоты давали жителямъ право исключительно раздавать ихъ изъ земской избы. Что же касается до надзора за неотчужденіемъ тяглыхъ земель въ руки бѣломѣстцевъ, то это запрещеніе послѣдовало также, какъ и для посадовъ, въ половинѣ XVII-го вѣка, и также постоянно нарушалось (2). Нѣкоторыя земли постоянно дѣлились на тяглыя и оброчныя; въ Вятскомъ уѣздѣ, напримѣръ, каждый станъ раздѣлялся на тяглый станъ и оброчный, и не смотря на жалобы уѣздныхъ людей, которые просили, чтобы тяглыя земли отдавались на оброкъ однимъ тяглымъ людямъ, не смотря на жалованныя грамоты, которыми имъ предоставлялось право раздавать эти земли изъ земскихъ избъ, воеводы продолжали отдавать ихъ на оброкъ бѣломѣстцамъ (3).

И такъ участіе свободныхъ сельскихъ общинъ въ

---

(1) А. Ю. N 6, 175, 187.

(2) Доп. къ А. И. т. 3-й, № 88; А. И. т. 5-й № 174, 198.

(3) А. И. т. 5-й, № 264.

поземельномъ владѣніи ограничивалось раздачею пустыхъ казенныхъ земель, да и это часто производилось приказными властями. Общиннаго же владѣнія земель вовсе не было; ибо хотя крестьяне пользовались вѣроятно пустошами собща, но такъ какъ и воеводы раздавали пустые участки, то невозможно признать за общинами право на владѣніе этими землями. Въ то время не было даже большихъ селъ, но каждый жилъ особо на своемъ участкѣ, и деревни состояли изъ двухъ, трехъ, четырехъ, рѣдко изъ большаго числа дворовъ; въ селахъ же, особенно тамъ, гдѣ находились церкви, бывало, дворовъ до восми и больше (1). Иначе и не могло быть при огромномъ количествѣ пустыхъ земель, при малочисленности и необыкновенной подвижности народонаселенія, которое не смотря на указы, запрещавшіе тяглымъ людямъ оставлять свои тяглые участки, безпрерывно переходило съ мѣста на мѣсто, особенно въ вотчинныя имѣнія, гдѣ при большомъ количествѣ земель крестьянамъ предоставлялись значительныя льготы. Волости пустѣли и остающіеся жители безпрестанно жаловались на тяжесть податей (2).

---

(1) См. Новгородскую окладную книгу, Временникъ, 1851-го года, т 11-й; Доп. къ А. И. т. 1-й № 160; А. И. т. 3-й, № 149; А. Ю. № 228.

(2) Такъ напр. въ 1649 году г. крестьяне Заонежскихъ погостовъ жаловались, что многіе, покинувъ свои участки, вышли въ другіе города и уѣзды, и живутъ за дворянами, дѣтьми боярскими, за монастырями и за всякими людьми. По росписи, данной крестьянами, оказалось 580 семей, поселившихся въ другихъ уѣздахъ на извѣстныхъ мѣстахъ, кромѣ тѣхъ, которые ушли неизвѣстно куда. Въ тоже время вышедшихъ изъ Лопскихъ погостовъ было 110 семействъ. Д. къ А. И. т. 3-й N 67, 82, и.

Такимъ образомъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается несправедливымъ существующее мнѣніе, будто нынѣшній быть сельскихъ общинъ, общинное владѣніе земель и ихъ передѣлъ, суть древнія учрежденія, вытекшія изъ духа славянскаго племени. Передѣлъ земель былъ прямымъ послѣдствіемъ вотчиннаго права и подушной подати: въ древности, когда крестьяне переходили съ мѣста на мѣсто, каждый нанималъ у землевладѣльца извѣстный участокъ съ обязанностью платить извѣстный оброкъ и нести повинности вмѣстѣ съ прочими крестьянами (1). Когда же крестьяне были укрѣплены къ землѣ, и владѣльцы по вотчинному праву стали требовать отъ крестьянъ личной работы, одинакой для каждаго, тогда для исправленія этой личной повинности каждый крестьянинъ долженъ былъ получить извѣстный участокъ земли, равный всѣмъ прочимъ, и при всякомъ неравенствѣ, происшедшемъ отъ умноженія народонаселенія, долженъ былъ наступить передѣлъ. Тоже самое было и въ дворцовыхъ имѣніяхъ, которыя вмѣстѣ съ монастырскими и вотчинными составляли почти всю совокупность сельскихъ земель. У государственныхъ же крестьянъ, которые не находились въ частномъ владѣніи, передѣлъ былъ установленъ межевыми инструкціями 1754 и 66-го годовъ: такъ какъ каждый крестьянинъ платилъ равное количество подушной подати, то велѣно было ко всякому селенію отмежевать извѣстный участокъ земли, такъ чтобы по возможности приходилось по 15 десятинъ на душу, а внутри каждаго селенія велѣно было распредѣлять участки поровну меж-

(1) См. Порядныя записи въ А. Ю.

ду крестьянами, и при умноженіи народонаселенія дѣлить землю съизнова. Такой порядокъ установленъ былъ въ однодворческихъ селеніяхъ въ отношеніи къ тѣмъ землямъ, *съ которыхъ они положены были въ подушный окладъ*, но земли, составлявшія собственность крестьянъ, остались раздѣленными на отдѣльные участки. Межевыя инструкціи установили законнымъ образомъ этотъ порядокъ и въ имѣніяхъ, отобранныхъ у монастырей; онѣ въ первый разъ отличили казенныя земли отъ общинныхъ, которыя, будучи казенными, находятся однакоже въ вѣчномъ владѣніи общинъ.

За передѣломъ земель должно было слѣдовать и соединеніе разбросанныхъ деревень въ большія села: когда всякій имѣлъ свой участокъ, онъ могъ жить на немъ отдѣльно отъ прочихъ; но когда участки стали переходить изъ рукъ въ руки, всѣ должны были соединиться въ одно село, чтобы сохранить постоянное мѣстопребываніе.

Нынѣшній общинный бытъ есть слѣдственно государственное установленіе новаго времени: въ древней Россіи не было ничего подобнаго. Вся черная земля принадлежала государю; она находилась во владѣніи тяглыхъ людей, но не была приписана къ общинамъ, какъ неотъемлемое ихъ достояніе. Поэтому и не дѣлалось строгаго различія между землями общинными, казенными и черными; всѣ онѣ одинаково были собственностью государя, и это, какъ увидимъ ниже, повело къ совершенному слiянію черныхъ земель съ дворцовыми. Тяглые люди владѣли участками каждый въ отдѣльности, а общинная дѣятельность ограничивалась призваніемъ крестьянъ на пустые участки, для облегченія себѣ уплаты государственныхъ податей.

Поземельное владѣніе было для общинъ, какъ совокупности лицъ, дѣломъ второстепеннымъ, которое имѣло значеніе только въ отношеніи къ тяглу; существеннымъ же дѣломъ было тягло, которое составляло основу всей общинной жизни древней Россіи.

Записка въ тягло совершалась въ волостяхъ: или пріобрѣтеніемъ пустаго участка въ тягло, или покупкою тяглаго участка отъ тяглаго человѣка. Второй способъ совершался безъ всякаго вмѣшательства со стороны кого бы то ни было (1): въ первомъ же случаѣ обыкновенно брались по новомъ тяглецѣ поручныя записи, что онъ будетъ платить подати и не сойдетъ съ своего участка. Поручныя записи брались земскими старостами и цѣловальниками по собственному ихъ распоряженію или по предписанію воеводы, смотря по тому, кто раздавалъ тяглые участки; но воевода всегда могъ поручить собраніе поручныхъ записей всякому другому лицу,—стрѣльцу, пушкарю и т. п. (2). За тѣмъ земскіе старосты могли только смотрѣть, чтобы крестьяне не выходили самовольно изъ тягла, и извѣщать о томъ воеводу; но это никогда не дѣлалось. Обыкновенно же, если множество крестьянъ, оставивъ тягло, записывались на другія мѣста и въ другія службы, тогда остальные, на которыхъ падало все бремя податей, жаловались правительству, и царь предписывалъ воеводѣ или нарочно посылаемому сыщику отыскать ихъ и возвратить крестьянъ на прежніе участки. Если они отыскивались, воевода снова сажалъ ихъ на тяглыя земли и предписывалъ земскимъ

---

(1) См. купчія и отступныя въ А. Ю. N 23, 26, 175.

(2) Старинные акты Шуи, N 54.

старостамъ и цѣловальникамъ взять по нихъ новыя поручныя записи (1).

Тоже самое было и въ городахъ; но здѣсь записка въ тягло могла совершаться также производствомъ въ городѣ какого нибудь промысла или торговли. До половины XVII-го вѣка каждый могъ свободно заниматься промыслами въ городахъ, записываясь въ тягло или не записываясь, по произволу. Это было чрезвычайно тягостно для посадскихъ людей, которые несли тягло съ своихъ промысловъ, тогда какъ прочіе были отъ этого освобождены: они были, также какъ крестьяне, укрѣплены къ своимъ посадамъ и не могли уже выбирать выгоднѣйшаго мѣста для торговли. Не смотря однако на запрещенія, многіе, оставляя посады, записывались за вотчинниковъ и за монастыри или вступали въ разрядъ низшихъ служилыхъ людей. Этимъ увеличивались податныя обязанности остальныхъ, и въ 1648 году городскіе жители подали царю жалобу, по которой въ 1649 году изданъ былъ указъ, повторенный въ Уложеніи (2). Этимъ указомъ велѣно было возвратить въ тягло всѣхъ выбывшихъ посадскихъ людей, и кромѣ того, записать въ тягло всѣхъ занимающихся промыслами и торговлею въ городахъ, кому бы они ни принадлежали; пріѣзжающимъ же изъ деревень запрещено было торговать. Исключеніе составляли низшіе разряды служилыхъ людей — стрѣльцы, драгуны и казаки, которымъ это было разрѣшено. Тягла они не несли и службы не служили, но платили таможенныя пошлины и оброки съ лавокъ;

---

(1) Доп. къ А. И. т. 3-й, N 67, 82; А. А. Э. т. 3-й, N 279.

(2) А. А. Э. т. 4-й, N 36; Улож. гл. XIX, ст. 11, 12; А. И. т. 4-й, N 129.

пушкари же, затинщики, воротники и казенные плотники и кузнецы могли торговать въ лавкахъ не иначе, какъ записавшись въ тягло. Здѣсь опять видна разница между тягломъ и оброкомъ; оброкомъ называлась опредѣленная подать съ извѣстнаго промысла, которая не обязывала платящаго участвовать во всѣхъ общинныхъ раскладкахъ.

Этотъ указъ былъ тотъ же самый, о которомъ мы говорили выше въ отношеніи къ землямъ; приведеніе его въ дѣйствіе поручено было особеннымъ стройщикамъ, посылаемымъ изъ Москвы. Впредь же наблюденіе за его исполненіемъ возложено было на воеводъ и на земскихъ старостъ, но послѣдніе могли только извѣщать воеводу о происшедшихъ нарушеніяхъ (1). Но и въ этомъ случаѣ указъ не исполнялся, и городовые жители безпрестанно жаловались, что посторонніе люди торгуютъ у нихъ, не платя податей, а посадскіе люди оставляютъ свое тягло. Правительство предписывало воеводамъ принять мѣры для облегченія жителей; обыкновенно подтверждались прежнія положенія, но иногда повелѣвалось, вмѣсто записки въ тягло, наложить на торгующихъ оброкъ (2). Такимъ образомъ принудительное записаніе въ тягло было существенно дѣломъ воеводъ; добровольное же записаніе совершалось весьма часто писцами и переписчиками: при каждой новой переписи, лица, пріобрѣтшія участки на тяглой землѣ или желающія записаться въ тягло, приносили о томъ челобитныя и вступали въ разрядъ тяглыхъ людей (3).

(1) А. А. Э. т. 4-й, № 35.
(2) Тамъ же, № 158, 169; А. И. т. 5-й, № 226.
(3) Старинные акты Шуи, № 157.

Итакъ въ этихъ двухъ существенно общинныхъ дѣлахъ — въ поземельномъ владѣніи и въ записаніи новыхъ лицъ въ тягло, дѣятельность земскихъ властей ограничивалась отдачею иногда въ тягло или на оброкъ пустыхъ казенныхъ земель, сбираніемъ поручныхъ записей, большею частью по приказанію воеводъ, и низшимъ надзоромъ, который въ дѣйствительности никогда не существовалъ. Не было ни мірскаго приговора объ отдачѣ земель, не было рѣшенія общины о принятіи новаго члена, не было даже различія между казенною землею и общинною. Въ волостяхъ эти земли совершенно сливались между собою; посады же имѣли, правда, общинную выгонную землю, но только въ половинѣ XVII-го вѣка выгоны вездѣ были отмежеваны и приписаны къ посадамъ, и это, какъ увидимъ ниже,—явленіе новаго времени, возникшее изъ новыхъ сословныхъ началъ, и имѣвшее послѣдствіемъ совершенное отдѣленіе общинныхъ дѣлъ отъ государственныхъ.

Поземельное владѣніе и записка въ тягло были только приготовительными дѣйствіями, которыя имѣли цѣлью уплату государственныхъ податей и отправленіе повинностей. Чтобы яснѣе обозначить вѣдомство земскихъ старостъ и цѣловальниковъ въ этомъ отношеніи, нужно разрѣшить вопросы: кто платилъ подати, какъ совершалась раскладка и кѣмъ онѣ сбирались? Въ изложеніи вѣдомства воеводъ было уже говорено объ этомъ, но здѣсь мы должны вновь разсмотрѣть этотъ предметъ по отношенію къ земскому управленію.

Нѣкоторыя подати платились одними тяглыми людьми, другія всѣми посадскими людьми и уѣздными

крестьянами, кому бы они ни принадлежали. Въ средніе вѣка подати лежали на землѣ; служилые люди, купившіе черныя земли, должны были нести съ нихъ повинности наровнѣ съ другими (1), и только особенныя жалованныя грамоты могли даровать имъ право «не тянуть къ сотскимъ и старостамъ во всѣ проторы и разметы вмѣстѣ съ черными людьми» (2). Но когда все служилое сословіе обязано было нести службу съ своихъ помѣстій и вотчинъ, тогда служебная ихъ обязанность замѣнила другія; земли ихъ, за немногими, можетъ быть, исключеніями, всѣ сдѣлались бѣлыми, и подати стали сбираться съ помѣстныхъ и вотчинныхъ сохъ отдѣльно отъ другихъ (3). Не такъ было съ монастырскими землями, которыя могли быть и бѣлыми и черными, смотря по тому, отъ кого онѣ пріобрѣтались. Послѣднія обѣлялись особенными жалованными грамотами, освобождавшими ихъ отъ податей и повинностей (4).

Бѣлыя земли не были впрочемъ совершенно свободны отъ государственнаго тягла; вотчинные и помѣстные крестьяне платили стрѣлецкій хлѣбъ и деньги, ямскія и полоняничныя деньги, участвовали въ мѣстной ямской повинности, въ губныхъ повин-

---

(1) С. Г. Г. т. 1-й, N 33.

(2) А. А. Э. т. 1-й, N 46, 111, 120; А. И. т. 1-й, N 166; А. Ю. N 9.

(3) А. А. Э. т. 3-й, N 159, жалованная грамота кн. Черкасскому на село Павлово: «и нашихъ денежныхъ никакихъ доходовъ и посопнаго хлѣба съ того села Павлова и съ деревень на насъ сбирати есмя не велѣли, опричь того, что емлютъ съ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель съ помѣстными и вотчинными сохами». Бѣлыя сохи см. А. А. Э. т. 2-й, N 86.

(4) А. А. Э. т. 2-й, N 86, т. 3-й, 254.

ностяхъ, дѣлали городовое и засѣчное дѣло (1): встрѣчается даже извѣстіе, что они участвовали въ сборахъ на содержаніе съѣзжихъ избъ (2). Слѣдственно главное отличіе тяглыхъ людей отъ нетяглыхъ состояло въ томъ, что первые платили дань и оброки, а послѣдніе были отъ этого свободны (3). Надобно впрочемъ замѣтить, что оброкъ принимался въ двоякомъ значеніи: вообще этимъ именемъ назывался окладной постоянный доходъ; но иногда онъ означалъ подать съ отдѣльныхъ участковъ земли, платимую за право пользованія ими, иногда же оброкомъ называлась общая подать, которою окладывались всѣ жители извѣстнаго округа въ замѣнъ разныхъ другихъ податей, въ особенности въ замѣнъ доходовъ намѣстниковъ и волостелей, которые были отмѣнены съ уничтоженіемъ кормленій (4). Только оброки въ послѣднемъ смыслѣ причислялись къ тяглу, оброки же въ первомъ смыслѣ всегда отличались отъ тягла, ибо составляли особенную подать, платимую каждымъ лицемъ отдѣльно, тогда какъ тягло означало совокупность податей, платимыхъ всѣми вмѣстѣ, по общей раскладкѣ. Поэтому городовыя и уѣздныя земли раздѣлялись на тяглыя и оброчныя. На оброкъ земли могли отдаваться, какъ тяглымъ людямъ, такъ

---

(1) А. А. Э. т. 3-й, № 116, 158. А. И т. 3-й, № 132, т. 4-й, N 216, А. Ю. № 313, 334.

(2) Описаніе Шуи, стр. 303; Старинные акты Шуи, N 93.

(3) Нигдѣ не встрѣчается извѣстій о платежѣ дани и оброковъ съ бѣлыхъ земель; а напротивъ дань и оброки всегда выставляются, какъ особенность тяглыхъ земель. Между прочимъ въ А. А. Э. т. 3-й, № 138 царь предписываетъ воеводѣ, чтобы никто изъ бѣломѣстцевъ не владѣлъ посадскою землею безданно и безоброчно.

(4) См. жалованныя грамоты на выборъ земскихъ судей.

и нетяглымъ; когда владѣльцами были первые, тогда земли, съ которыхъ они платили оброкъ, отличались отъ тѣхъ, съ которыхъ они положены были въ тягло (1). Въ городахъ же со всѣхъ торговыхъ мѣстъ взимался оброкъ, кому бы они ни принадлежали (2).

Дань и оброкъ тѣмъ еще отличались отъ другихъ податей, что они всегда уплачивались въ постоянномъ количествѣ, тогда какъ количество другихъ государственныхъ податей не имѣло такого постояннаго характера, а опредѣлялось всегда особыми царскими предписаніями. Выше было уже указано на этотъ временный характеръ финансовыхъ учрежденій Московскаго государства. Количество дани опредѣлялось или самимъ правительствомъ, или же писцами, посылаемыми въ города для описанія земель и для установленія податныхъ обязанностей (3). Количество оброка въ смыслѣ общей подати всегда опредѣлялось высшимъ правительствомъ; но сумма, платимая за земли, всегда назначалась тѣми, которые отдавали ее на оброкъ — воеводами, писцами или земскими властями, и обыкновенно это происходило посредствомъ торговъ (4). Оброки же съ лавокъ, а также съ торговъ и съ промысловъ въ городахъ, опредѣлялись обыкновенно земскими старостами и цѣловальниками (5). Что же касается до опредѣленія количества сборовъ на мѣстныя повинности, то объ этомъ будетъ сказано послѣ.

---

(1) А. А. Э. т. 3-й, № 288.

(2) Д. къ А. И. т. 2-й, № 51.

(3) А. И. т. 5-й N 13, стр. 22.

(4) А. А. Э. т. 3-й № 288; А. Ю. N 168 — 174; П. С. З. N 835 ст. 2.

(5) А. А. Э. т. 4-й № 169.

Если оброкъ съ отдѣльныхъ участковъ, съ лавокъ, торговъ и промысловъ платился каждымъ лицемъ порознь, то и раскладка была не нужна; прочія же подати раскладывались земскими людьми по имуществу каждаго. Бѣлыя земли никогда не входили въ общій окладъ съ черными; нѣтъ примѣра, чтобы земскія власти раскладывали подати на вотчинныхъ и помѣстныхъ крестьянъ. Но въ отношеніи къ монастырскимъ и церковнымъ землямъ существовали различныя правила: если земля была бѣлая или обѣленная, то конечно земскіе старосты не имѣли на нее никакого вліянія, хотя иногда по злоупотребленію они накладывали подати и на обѣленныя земли, на что монастыри и духовенство приносили жалобы царю (1). Земли же, не обѣленныя царскими грамотами, иногда подвергались общему обложенію и раскладкѣ съ черными людьми, иногда же отдѣльнымъ монастырямъ предоставлялось право платить подати самимъ по себѣ въ Москвѣ или въ областяхъ воеводамъ (2); наконецъ иногда въ общихъ податяхъ, которыхъ количество назначалось правительствомъ, монастырскія сохи облагались отдѣльно отъ другихъ (3). Только въ первомъ случаѣ раскладка податей подлежала вѣдомству земскихъ старостъ, также какъ и раскладка въ черныхъ земляхъ.

Какъ производилась послѣдняя? Это вопросъ чрезвычайно важный, ибо въ этомъ преимущественно вы-

---

(1) А. А. Э. т. 3-й, № 254; А. И. т. 3-й N 202.

(2) Первое А. А. Э. т. 4-й N 146; второе А. И. т. 3-й N 123, т. 5-й N 37.

(3) «А иные доходы платятъ они съ монастырскими сохами». А. И. т. 3-й N 123.

ражалась самостоятельная дѣятельность общинъ. Податью облагалась цѣлая община, которая раскладывала ее на своихъ членовъ; въ этомъ состояло существенное значеніе общины, но основаніе этого значенія лежало не въ развитіи общиннаго союзнаго начала, а единственно въ недостаткѣ государственныхъ средствъ. Государство имѣло два окладныхъ предмета, которые подлежали его вліянію: земли и дворы. Пока посадскіе люди и крестьяне не были укрѣплены къ жилищамъ, и весь общественный бытъ носилъ поземельный характеръ, главнымъ окладнымъ предметомъ были земли, и тогда преобладала поземельная или посошная подать. Но послѣ укрѣпленія, когда на первый планъ стали лица, а земли по своему количеству сдѣлались элементомъ второстепеннымъ, должна была явиться подворная, а за тѣмъ и подушная подать. Для описанія земель и дворовъ посылались въ области писцы, которые опредѣляли количество и качество земли и количество дворовъ, и раздѣляли податные округи на сохи и выти, служившія податными единицами. Однакоже эта опись могла служить только для общаго обложенія, а отнюдь не для раскладки податей на каждое отдѣльное лице: писцы посылались въ области только изрѣдка, послѣ продолжительныхъ сроковъ, въ промежутки же всѣ измѣненія поземельнаго владѣнія оставались неизвѣстными правительству, а вслѣдствіе чрезвычайной подвижности народонаселенія эти измѣненія были весьма значительны. Многіе дворы и участки пустѣли, другіе вновь строились и обработывались, и все это совершалось безъ всякаго измѣненія въ окладныхъ книгахъ. Кромѣ того, земли и дворы отнюдь не могли служить признакомъ имущества вла-

дѣльца, и не могли обезпечивать казны въ уплатѣ податей: земель было много, и каждый безъ того былъ склоненъ оставить свои земли и идти прочь; правительству нужно было силою удерживать тяглыхъ людей на мѣстахъ, а не отнимать у нихъ за неуплату податей участки, съ которыми ему нечего было дѣлать. Поэтому оставалось только одно средство обезпечить уплату податей — возложить на всѣхъ отвѣтственность за каждаго, — какъ за настоящихъ жильцовъ, такъ и за выбывшихъ и за вновь поселяющихся, и для этого обложить всѣхъ общимъ окладомъ, предоставивъ распредѣленіе собственному ихъ усмотрѣнію. Эта обязательная отвѣтственность въ отсутствіи всякаго вліянія общины на своихъ членовъ и безъ права общины распоряжаться тяглыми землями, была одною изъ самыхъ тяжелыхъ повинностей, возложенныхъ на земскихъ людей; ни на что не было болѣе жалобъ, какъ на тяжесть податей, лежащихъ на остающихся людяхъ, которые должны оплачивать и выбывшихъ членовъ и тяглыя земли, вышедшія изъ рукъ тяглыхъ людей. А между тѣмъ въ этой обязательной отвѣтственности и состояла вся сущность общины и все ея значеніе для государства.

Здѣсь представляется еще замѣчательное явленіе, которое указываетъ на тотъ же характеръ общиннаго начала; если бы общины составляли самостоятельные союзы, единицы, лежащія въ основаніи всего земскаго устройства, тогда каждая облагалась бы податьми отдѣльно отъ другихъ, и раскладка производилась бы внутри ея самими жителями. Это и было установлено впослѣдствіи, когда общинный союзъ получилъ болѣе опредѣленности. Но въ настоящій періодъ такихъ по-

стоянныхъ, опредѣленныхъ единицъ не было; общины разрѣшались въ общемъ земскомъ или поземельномъ началѣ. Государство возлагало отвѣтственность за уплату податей на всѣхъ живущихъ на его землѣ; назначеніе же округа, на который полагался окладъ, было безразлично и опредѣлялось частными соображеніями, потому что общинные союзы не имѣли въ себѣ достаточно крѣпости, чтобы служить постоянными податными единицами.

Вообще способъ раскладки и обложенія былъ двоякій: 1) по данному окладу, 2) по сошной развыткѣ (1). По данному окладу облагались всѣ жители извѣстнаго округа *въ сваль* безъ всякаго различія, раскладку же они дѣлали сами, по животамъ и промысламъ. Этотъ способъ былъ установленъ во всѣхъ жалованныхъ уставныхъ грамотахъ, данныхъ Иваномъ Грознымъ и подтвержденныхъ послѣдующими государями. Округъ при этомъ опредѣлялся различно: иногда облагался цѣлый уѣздъ, иногда части уѣзда, нѣсколько волостей вмѣстѣ, иногда одна волость, одинъ посадъ или одна слобода (2). Весьма часто случалось, что одна или нѣсколько общинъ выпрашивали себѣ право платить подати отдѣльно отъ другихъ, или отписаться отъ одного округа къ другому (3). Вятчанамъ дана была Михаиломъ Ѳедоровичемъ грамота, подтвержденная Алексѣемъ Михайловичемъ, которою запрещалось платить подати городу за городъ, посадамъ за уѣзды, и уѣздамъ за посады (4). Наоборотъ, случалось,

(1) А. А. Э. т. 4-й N 6.
(2) А. А. Э. т. 1-й № 242, 324, т. 2-й № 69, т. 3-й № 36, 125; т. 4-й № 6; Доп. къ А. И. т. 1-й № 134.
(3) А. А. Э. т. 2-й N 69. т. 3-й N 293; Д. къ А. И. т. 1-й, N 134.
(4) Доп. къ А. И. т. 3-й, N 59.

что жители извѣстнаго округа просили позволеніе окладываться въ свалъ, а не по сошной развыткѣ, потому что послѣднимъ способомъ подать разлагалась на отдѣльные участки, и богатые приписывались къ небольшимъ участкамъ, что чрезмѣрно отягощало бѣдныхъ (1). Общаго правила слѣдственно не было: все опредѣлялось частными случаями, мѣстнымъ удобствомъ и мѣстными правами и привилегіями.

По сошному разводу подати раскладывались на основаніи сошнаго письма, то есть росписанія земель или дворовъ на отдѣльныя сохи, составлявшія податныя единицы. Росписаніе производилось писцами, воеводами, или выборными людьми (2); это было дѣло временное, и могло быть поручено тому или другому лицу. Если два уѣзда платили подати или несли извѣстную повинность собща, то случалось, что для предупрежденія споровъ, выборнымъ одного уѣзда поручалась перепись другаго, и наоборотъ (3). Отдѣльныя общины, то есть посады, станы и волости списывались въ одну соху, «кому съ кѣмъ ближе въ платежѣ быти» (4); такимъ образомъ цѣлый уѣздъ росписывался на сохи. Сохи вотчинныя и помѣстныя, монастырскія— бѣлыя и черныя вмѣстѣ или отдѣльно, дворцовыя и наконецъ черныя считались каждыя особо, и облагались податьми отдѣльно однѣ отъ другихъ (5). Здѣсь дѣло идетъ только о черныхъ сохахъ, на которыхъ

---

(1) А. А. Э. т. 4-й N 6.

(2) Тамъ же; А. И. т. 3-й. № 286; Доп. къ А. И. т. 2-й № 39.

(3) А. И. т. 5-й N 8, стр. 16.

(4) А. А. Э. т. 4-й № 6,

(5) А. А. Э. т. 2 й, N 86, т. 3-й N 159; т. 4-й, N 146; А. И. т. 3-й N 123, 202, т. 4-й N 43.

однѣхъ простиралось вѣдомство старостъ и цѣловальниковъ. Въ нихъ раскладка могла быть троякая: или податью облагалась цѣлая соха, и раскладка предоставлялась всѣмъ принадлежащимъ къ ней жителямъ (1); или же податью облагались отдѣльныя общины по расчету, какая часть сохи или сколько вытей приходилось на каждую, и тогда раскладка производилась уже между одними жителями этой общины (2); или наконецъ податью окладывались отдѣльныя выти, составлявшія части сохи (3). Кромѣ того, подать можно было сбирать съ четвертей пашни или съ отдѣльныхъ дворовъ, и тогда уже вовсе не было никакой раскладки (4). Чѣмъ меньше были участки, тѣмъ это было невыгоднѣе для бѣдныхъ, которые, какъ сказано выше, жаловались, что «послѣ сошныя росписки уѣздные многіе лутчіе крестьяне, заговоромъ, родомъ и племенемъ и семьями, по воеводскимъ подписнымъ челобитнымъ, отписывались отъ середнихъ и отъ молотчихъ людей сошнымъ писмомъ, по станомъ, въ мелкіе выти дворами жъ, а не по данному окладу, и передъ середними и молотчими людми въ тяглѣ живутъ въ великой лготѣ, а середнимъ де и молотчимъ людемъ передъ ними стало тяжело, не въ мочь, и оплачивая ихъ обнищали и одолжали великими долги» (5). Замѣчательно, что отписываться изъ одной сохи или выти въ другую, то есть переходить съ мѣста на мѣсто, можно было съ разрѣшенія воеводъ; однакоже

---

(1) А. И. т. 3-й, № 286.
(2) А. А. Э. т. 3-й, N 145 II.
(3) А. И. т. 5-й № 13.
(4) А. А. Э. т. 3-й № 268; А. Ю. N 351.
(5) А. А. Э, т. 4-й № 6.

царь запретилъ это дѣлать иначе, какъ по царскому указу.

Раскладка производилась всѣмъ міромъ, или земскими старостами и цѣловальниками, наконецъ нарочно для этого выбранными окладчиками. Первый способъ былъ, кажется, первоначальный: земскіе люди окладывались «сами промежъ себя» (1). Но со времени учрежденія цѣловальниковъ раскладка была возложена на нихъ (2), точно также какъ призваніе тяглыхъ людей на пустыя земли всѣмъ міромъ замѣнилось отдачею ихъ изъ земскихъ избъ; неопредѣленное земское начало уступало мѣсто болѣе правильному и организованному. Впрочемъ и въ позднѣйшее время раскладка производилась иногда мірскимъ приговоромъ; въ 1643 году, напримѣръ, велѣно было Чердынцамъ посадскимъ и уѣзднымъ людямъ облагаться даннымъ окладомъ, съѣзжаясь всѣмъ вмѣстѣ на посадъ (3). При такомъ общемъ обложеніи раскладка производилась на отдѣльныя общины, которыя въ свою очередь разлагали уже подать на своихъ членовъ. Поэтому раскладка должна была производиться съ участіемъ всѣхъ общинъ, но не всегда такъ бывало: въ 1621 году, напримѣръ, крестьяне Гаенской и Косинской сохи Чердынскаго уѣзда жаловались, что за десять лѣтъ до сошной переписи Чердынскіе земскіе люди, старосты и цѣловальники, окладывали ихъ не по силѣ, не по животамъ и промысламъ, и ихъ къ той росписке не призы-

---

(1) «А въ оброцѣхъ и во всякихъ податѣхъ тѣ христіяне посадскіе и волостные люди верстаются по животамъ и по промысламъ и по угодьямъ сами». А. А. Э. т. 1-й, N 250, также N 234.

(2) А. А. Э. т. 3 й, N 37, 138;

(3). А. А. Э. т. 4-й, N 6.

вали (1). Однакоже они жаловались только тогда, когда они положены были въ сошное письмо по прежнему окладу. Впрочемъ не мудрено, что случались такія злоупотребленія, ибо, какъ увидимъ ниже, встрѣчаются и другія жалобы на насилія въ сборахъ. Отдѣльныя же лица, обложенныя не въ мѣру, могли жаловаться царю, который предписывалъ воеводѣ велѣть произвести равную раскладку (2). Наконецъ особымъ окладчикамъ поручалась раскладка пятой и десятой деньги, потому что здѣсь нужно было не только сдѣлать раскладку, но опредѣлить и самые оклады, которые должны были составлять извѣстную часть имущества каждаго (3).

Самый сборъ податей въ черныхъ земляхъ производился: 1) приказными людьми, 2) вѣрными цѣловальниками, 3) окладчиками, 4) земскими старостами и цѣловальниками. Приказнымъ людямъ поручался сборъ обыкновенно въ томъ случаѣ, когда не нужна была раскладка; они сбирали иногда оброчную подать, которая платилась съ отдѣльныхъ участковъ и промысловъ, хотя въ другихъ мѣстахъ таже самая подать сбиралась въ земскую избу (4); они же сбирали иногда стрѣлецкій хлѣбъ и подать на крѣпостное строеніе, если сборъ производился съ отдѣльныхъ дворовъ и съ четвертей пашни (5). Окладчики, какъ

(1) А. И. т. 3-й, N 286.

(2) А. А. Э. т. 4-й, N 52.

(3) А. И. т. 4-й, № 93; А. А. Э. т. 4 й, N 137, 293; Д. къ А. И. т. 4-й, N 131.

(4) Первое Д. къ А. И. т. 2 й N 51. т. 4 й. N 23; второе А. А. Э. т. 4-й, N 169. Иногда даже сборъ дани поручался приказнымъ людямъ, если она сбиралась съ отдѣльныхъ вытей». А. И. т. 5-й, N 13.

(5) А. А. Э. т 3-й № 268; А. Ю. N 351.

сказано выше, сбирали пятую и десятую деньгу, которой особенность требовала особеннаго способа взиманія. Труднѣе сказать, въ какихъ случаяхъ сборъ поручался вѣрнымъ цѣловальникамъ; кажется, это дѣлалось тогда, когда податью окладывались не однѣ черныя, но и бѣлыя сохи. Такъ они встрѣчаются при сборѣ стрѣлецкаго хлѣба и денегъ, которыя впрочемъ сбирались иногда и земскими старостами и цѣловальниками (1), также при сборѣ ямскихъ денегъ и разныхъ другихъ податей, при чемъ одинъ цѣловальникъ сбиралъ иногда деньги со всего уѣзда и замѣнялъ собою приказныхъ людей (2). Земскіе старосты и цѣловальники также весьма часто завѣдывали сборомъ податей (3), хотя по множеству исключеній нельзя сказать, чтобъ этотъ способъ былъ обыкновенный и нормальный. Иногда предписаніе давалось имъ царскими грамотами, но обыкновенно это дѣлалось черезъ посредство воеводы, которому приказывалось земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ велѣть собрать деньги и принести ихъ къ себѣ. Воеводы были главными лицами при сборѣ податей; они дѣлали всѣ распоряженія, на нихъ возлагалась и отвѣтственность за сборы, а они въ свою очередь взыскивали деньги съ земскихъ старостъ и цѣловальниковъ и съ другихъ подчиненныхъ имъ сборщиковъ.

Земскіе старосты не всегда имѣли средства принудить ослушниковъ къ уплатѣ. Хотя и встрѣчаются извѣстія о насильственномъ взысканіи денегъ съ мо-

---

(1) Первое А. И. т. 3-й, N 132, т. 5-й № 11; второе А. А. Э. т. 3-й N 131.

(2) Д. къ А. И. т. 4-й, № 19; А. Ю. N 313.

(3) А. А. Э. т. 3-й N 121, 131, 275; А. И. т. 3-й, № 206.

настырей и тяглыхъ людей, но гораздо чаще жалобы земскихъ старостъ на ослушаніе не только бѣломѣстцевъ, но самихъ уѣздныхъ и посадскихъ людей, въ особенности богатыхъ, которые уклонялись отъ платежа и сваливали всю тяжесть на бѣдныхъ (1). Во всѣхъ этихъ случаяхъ воеводы давали помощь земскимъ старостамъ или сами принуждали ослушниковъ къ уплатѣ. Иногда земскіе люди выпрашивали себѣ даже у царя грамоты, которыми воеводамъ предписывалось посылать въ уѣзды приставовъ на ослушниковъ (2). Но кромѣ того, самые земскіе старосты и цѣловальники, которые выбирались изъ лучшихъ, то есть зажиточныхъ людей, могли употреблять во зло свою власть и притѣснять бѣдныхъ. Примѣръ подобныхъ злоупотребленій встрѣчается въ жалобѣ, поданной въ 1665 году бѣдными жителями Пскова на своихъ богатыхъ согражданъ. Они пишутъ, « что тѣ прожиточные люди накладываютъ въ ровностяхъ на насъ сиротъ твоихъ оклады болшіе не по прожиткамъ нашимъ, своимъ насилствомъ и мы въ конецъ погибли. И какъ мы сироты твои государевы, середніе и мелкіе людишка, о томъ ихъ насилствѣ и о болшихъ окладахъ бьемъ челомъ тебѣ великому государю, и по твоему великого государя указу велѣно обложить насъ сиротъ твоихъ въ Божію правду, съ крестного цѣлованья съ вѣры: и тѣ окладчики того твоего государева указу всегда ослушны, и ставятца силны и на насъ сиротъ насилуютъ помимо твоего государева указу; а какъ мы сироты твои собрався въ земскую

---

(1) А. А. Э. т. 4-й, N 6; Д. къ А. И. т. 3-й, N 59.
(2) А. И. т. 5-й, N 16.

избу, середніе и мелкіе людишка, и приговоримъ порубы роскладывать по два рубля съ копейки, и тѣ прожиточные люди послѣ насъ закладываютъ по 4 рубли съ копейки; а которые порубы мы сироты твои заложимъ міромъ по 4 рубля съ копейки, а онѣ послѣ насъ закладываютъ по 6 рублей съ копейки, своимъ изволомъ, для того, закладываютъ съ лишкомъ, чтобы тѣмъ прожиточнымъ людемъ отъ порубовъ и отъ податей въ избылыхъ быть» (1). Для предупрежденія подобныхъ злоупотребленій воеводамъ предписывалось смотрѣть, чтобы земскіе начальники никому обидъ и насилій не дѣлали, лишнихъ денегъ не взыскивали, а сбирали бы подати съ его вѣдома по правильной раскладкѣ (2). Но съ другой стороны, жалованными грамотами, которыя давались нѣкоторымъ округамъ, запрещалось воеводамъ вступаться въ денежные ихъ сборы и въ мірскія дѣла, отнимать у нихъ волю въ ихъ мірскомъ окладѣ и въ другихъ дѣлахъ, и складывать данные оклады съ посадскихъ и уѣздныхъ людей безъ сыска и безъ мірскаго приговора. Нѣкоторымъ общинамъ предоставлялось даже право платить подати прямо въ Москву (3).

Замѣчательно, что не всегда подати сбирались старостами тѣхъ становъ и волостей, на которыхъ онѣ были положены; иногда посадскіе старосты взыскивали деньги съ уѣздныхъ жителей, и старосты одной

(1) Д. къ А. И. т. 5-й, № 1 стр. 24. Копейка, съ которой бралась подать, была единицею оклада для каждаго посадскаго человѣка, такъ что окладъ бѣдныхъ писался въ книгахъ меньше копейки, богатые же окладывались въ копейку и больше.

(2) Д. къ А. И. т. 3-й, N 65, 67, т. 4-й, N 134.

(3) А. И. т. 5-й, N 16; Стар. акты Шуи, N 71.

волости съ жителей другой (1). Вѣроятно это случалось только тогда, когда сборъ съ цѣлаго уѣзда или съ части уѣзда находился въ исключительномъ вѣдомствѣ земскихъ людей: въ такомъ случаѣ правительство требовало денегъ съ городскихъ старостъ или съ старостъ главнаго уѣзднаго мѣста, которые въ свою очередь взыскивали ихъ съ остальныхъ.

Мірскимъ дѣломъ считалось, кромѣ сбора податей, отправленіе разныхъ повинностей и службъ въ пользу государства. Повинности можно раздѣлить на государственныя и земскія или мѣстныя: первыя были тѣ, которыя отправлялись по распоряженію воеводъ и приказныхъ людей и подъ ихъ непосредственнымъ вѣдомствомъ, такъ что одна только раскладка и наряженіе принадлежали земскимъ старостамъ; вторыя тѣ, которыхъ исправленіе предоставлялось собственной дѣятельности земскихъ людей, и которыя потому состояли въ полномъ вѣдомствѣ земскихъ старостъ и цѣловальниковъ. Къ первымъ принадлежали городовое и засѣчное дѣло, разныя постройки, устройство мостовъ и дорогъ, поставленіе подводъ и проводниковъ, отысканіе и разработка рудъ, выварка селитры и соли, губныя повинности, которыя состояли въ вѣдомствѣ губныхъ старостъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ямская повинность. Послѣдняя въ другихъ случаяхъ принадлежала къ земскимъ повинностямъ, къ которымъ относилось иногда и отправленіе хлѣба въ Сибирь изъ сѣверо-восточныхъ городовъ и уѣздовъ. Слѣдственно большая часть повинностей находилась въ прямомъ завѣдываніи приказныхъ людей, и только немногія

(1) А. А. Э. т. 2-й, № 68, 69, т. 3-й, № 293.

отдавались въ распоряженіе земскимъ людямъ. Почти всѣ исправлялись, какъ тяглыми людьми, такъ и нетяглыми.

Раскладка между ними производилась по сошному разводу. Обыкновенно воевода собиралъ въ городъ помѣщиковъ и духовныхъ особъ, владѣющихъ вотчинами, посадскихъ людей, дворцовыхъ и черныхъ крестьянъ, и вмѣстѣ съ ними производилъ раскладку на отдѣльныя имѣнія, волости и посады. Дѣлалась роспись, въ которой означалось, сколько съ каждой общины слѣдовало денегъ или натуральныхъ повинностей, или какая на каждую возлагалась работа (1); внутри же самыхъ общинъ раскладка производилась—въ владѣльческихъ по распоряженію самихъ владѣльцевъ, а въ тяглыхъ земскими старостами и цѣловальниками. Въ земскихъ повинностяхъ раскладка между бѣлыми и черными землями производилась обыкновенно по сошному письму, вѣроятно безъ участія воеводъ, которые вступались только тогда, когда по царскому повелѣнію они должны были рѣшать споры и счеты земскихъ людей (2). По сошному же письму производилась раскладка между черными землями. Иногда въ одной повинности участвовали нѣсколько городовъ и уѣздовъ, и въ такомъ случаѣ раскладка предоставлялась иногда приказнымъ людямъ для предупрежденія споровъ (3). Дѣйствительно, жалобамъ не было конца: безпрестанно жители одного округа жаловались на другихъ, что они имъ въ повинностяхъ не помогаютъ, или несутъ ихъ менѣе, нежели слѣдуетъ, и правитель-

(1) А. И. т. 4-й N 216 I, т. 5-й N 52; А. А. Э. т. 3-й N 145, 158.
(2) А. А. Э. т. 3-й N 158, стр. 224.
(3) А. А. Э. т. 3-й N 129, Д. къ А. И. т. 4-й № 87.

ство предоставляло споры рѣшенію воеводъ или само разрѣшало ихъ въ Москвѣ.

Сборъ денегъ и наряженіе сошныхъ людей для государственныхъ повинностей производились обыкновенно приказными людьми, которые завѣдывали и самымъ исполненіемъ; но въ черныхъ земляхъ это дѣлалось и земскими властями. Деньги на губное дѣло сбирались въ черныхъ земляхъ земскими начальниками и вручались губнымъ цѣловальникамъ (1). Въ земскихъ же повинностяхъ все это дѣлалось тѣми выборными людьми, въ вѣдомствѣ которыхъ онѣ находились. Сборъ и отправленіе хлѣбныхъ запасовъ въ Сибирь возлагались на земскихъ старостъ и цѣловальниковъ, но иногда эта повинность находилась въ распоряженіи воеводъ, которые только получали хлѣбъ отъ земскихъ старостъ и потомъ сами отправляли его въ Сибирь на земскихъ же подводахъ (2). Ямская повинность, тамъ, гдѣ гоньба производилась всѣмъ міромъ, находилась въ вѣдомствѣ земскихъ старостъ и цѣловальниковъ, которые сбирали деньги, наряжали подводы и завѣдывали отпусками; но если были постоянные ямщики, тогда сборами и отпусками завѣдывали выборные ямскіе старосты и цѣловальники, которые подчинялись иногда воеводамъ, а иногда таможеннымъ головамъ (3). При этомъ количество сборовъ опредѣлялось не правительствомъ, которое возлагало повинность на земскихъ людей, и не земскими

(1) А. И. т. 4-й, N 216; А. А. Э. т. 3-й N 145; Старинные акты Шуи, N 11.

(2) Первое А. И. т. 3-й № 93; второе А. И. т. 3-й, № 115, 219.

(3) А. А. Э. т. т. 3-й № 129, 144; Д. къ А. И. т. 3-й № 55, 116, 117.

людьми, а самыми выборными властями, что часто подавало поводъ къ злоупотребленіямъ. Единственнымъ средствомъ противъ этого были отчеты, которые они обязаны были давать различнымъ лицамъ: иногда отчеты давались таможеннымъ головамъ, которые въ свою очередь представляли ихъ въ Москву; иногда же они давались въ земской избѣ, въ присутствіи воеводы и лучшихъ людей, а иногда для этого выбирались особые счетчики. Но такъ какъ случалось, что выборные уклонялись отъ отчета, то воеводамъ предписывалось заставить ихъ дать его и самимъ наблюдать за этимъ (1).

Кромѣ податей и повинностей, къ обязанностямъ земскихъ людей относилось и отправленіе разныхъ службъ въ пользу государства. Выборъ вѣрныхъ головъ и цѣловальниковъ производился подъ руководствомъ земскихъ старостъ и цѣловальниковъ, которымъ воеводы предъявляли свои требованія (2); они же по приказанію воеводъ давали людей для разныхъ посылокъ и, въ случаѣ неповиновенія, подвергались наказанію (3). Они же наконецъ завѣдывали выборомъ или наймомъ даточныхъ людей на военную службу. При наймѣ они съ даточнаго человѣка требовали порукъ, для того, чтобъ избиратели, которые отвѣчали за всѣ убытки, причиняемые имъ казнѣ, могли съ своей стороны взыскать эти убытки съ поручителей (4).

Наконецъ къ вѣдомству земскихъ старостъ относи-

(1) Д. къ А. И. т. 3-й, N 117; А. А. Э. т. 3 й N 129, 144.

(2) А. И. т. 3-й, N 183 и много другихъ.

(3) А. И. т. 4-й, N 177, т. 5-й, N 228.

(4) Стариныя акты Шуи, № 86.

лись нѣкоторыя полицейскія дѣла: въ земскія избы, какъ было уже сказано, предъявлялись иногда явки о разбояхъ и другихъ происшествіяхъ; сюда же подавались иногда жалобы и прошенія волостныхъ людей для отправленія въ городъ къ воеводамъ (1). Земскіе старосты, вмѣстѣ съ земскими людьми, обязаны были доносить о всѣхъ случившихся у нихъ смертоубійствахъ; иногда воеводы посылали ихъ для выемки корчемныхъ питей и поручали имъ разныя другія полицейскія дѣла (2). Но всѣ распоряженія по городу дѣлались воеводами: они устроивали лавки и торговые ряды, переносили ихъ, когда было нужно, на другія мѣста, пролагали улицы, назначали площади и т. д. (3). Вообще земскіе старосты и цѣловальники дѣйствовали здѣсь, какъ низшіе служители, которыхъ воеводы могли употреблять по усмотрѣнію, но которые всегда могли быть замѣнены другими. Собственно же полицейскія дѣла не относились къ ихъ вѣдомству, равно какъ и судебныя, въ которыхъ они съ рѣдкими исключеніями не принимали участія со времени повсемѣстнаго введенія воеводъ.

Главнымъ, можно сказать почти единственнымъ предметомъ ихъ вѣдомства были слѣдственно финансовыя дѣла, то есть уплата податей и отправленіе повинностей и службъ въ пользу государства. Другихъ мірскихъ дѣлъ вовсе не было, и самая раздача земель и записаніе въ тягло имѣли значеніе только въ отношеніи къ государственнымъ обязанностямъ земскихъ людей. Изъ этого ясно, что общины не были само-

(1) А. И. т. 5-й, № 228.

(2) А. И. т. 4-й N 12, т. 5 й, N 157, I.

(3) Воронежскіе акты т 1-й, N 20.

стоятельными союзами, имѣвшими собственныя дѣла, а имѣли чисто государственное значеніе: государство возлагало на мѣстныхъ жителей извѣстныя обязанности, и такъ какъ для ихъ исполненія нужны были мѣстныя земскія власти, то оно возлагало свои требованія на отдѣльные посады, волости, станы, погосты и частныя имѣнія, въ которыхъ существовали эти власти. Но всякая другая податная единица могла одинакимъ образомъ служить для государственныхъ цѣлей, такъ что вмѣсто общинъ податями окладывались иногда отдѣльныя сохи, части уѣзда и даже цѣлые уѣзды. Все это зависѣло отъ удобства и не было рѣчи о самостоятельности общинъ и объ ихъ правахъ.

Этотъ государственный характеръ общинъ выражался и въ совершенномъ безразличіи государственныхъ дѣлъ и общинныхъ. Общинная земля была вмѣстѣ и государственная или скорѣе государева, и нисколько не отличалась отъ прочихъ государевыхъ земель. Поэтому и раздача ея только случайнымъ образомъ могла быть дѣломъ общиннымъ и также часто была дѣломъ правительственнымъ. Вообще, всѣ общинныя дѣла равнымъ образомъ могли находиться въ вѣдомствѣ земскимъ властей и въ вѣдомствѣ приказныхъ людей; каждая повинность могла или возлагаться на земскихъ людей, или находиться въ распоряженіи воеводъ. Вслѣдствіе этого смѣшенія дѣлъ, не было точнаго разграниченія между приказною властью и земскою; воеводы вступались во всѣ земскія дѣла, роспоряжались всѣмъ, употребляли земскихъ старостъ и цѣловальниковъ, какъ подчиненныхъ имъ служителеій, и уничтожали всякую самостоятельность земскаго управленія. Если они иногда и устранялись отъ уча-

стія въ мірскихъ дѣлахъ, то это было слѣдствіемъ или особенныхъ частныхъ соображеній правительства, или грамотъ и льготъ, предоставленныхъ земскимъ людямъ отдѣльныхъ общинъ и округовъ. Общія же разграниченія вѣдомства послѣдовали уже въ послѣдней четверти XVII-го вѣка, и мы увидимъ далѣе, изъ чего они произошли.

Дѣлопроизводство земскихъ избъ вовсе не опредѣлялось закономъ. Сношенія земскихъ старостъ и цѣловальниковъ были также безпорядочны, какъ и сношенія прочихъ правителей: предписанія они получали то черезъ воеводъ, то прямо посредствомъ царскихъ грамотъ, то въ видѣ памятей изъ приказовъ. Точно также и отписки свои они посылали то къ воеводамъ, то прямо въ Москву. Отчетность ихъ оставалась совершенно неопредѣленною, равно какъ и отвѣтственность передъ земскими людьми; по государству они отвѣчали за сбираемыя подати и нерѣдко ставились на правежъ въ случаѣ недоимокъ (1). Они, какъ мы уже видѣли, подвергались пенѣ и за то, что не доносили о случившихся смертоубійствахъ. Но что отчеты, которые они давали земскимъ людямъ, и отвѣтственность ихъ передъ послѣдними были весьма недостаточны, видно изъ жалобъ земскихъ людей на злоупотребленія земскихъ старостъ. Въ 1665 году Шуяне писали въ поданной царю жалобѣ: « и будучи онъ Иванъ у насъ, сиротъ твоихъ, въ старостахъ, забывъ страхъ Божій и крестное цѣлованіе, въ нашихъ мірскихъ дѣлахъ учинилъ многое большое дурно; а въ денежныхъ приходахъ и расходахъ чинилъ большую хитрость, а себѣ корысть. Да

(1) А. А. Э. т. 3-й, № 129; А. И. т. 3-й, № 209.

онъ же староста подговаривался къ воеводѣ и къ таможенному откупщику. Пьетъ и ѣстъ съ ними безпрестанно, и ночи просиживаетъ, и на насъ, сиротъ твоихъ, воеводѣ и откупщику наговариваетъ, и воевода, стакався с'откупщикомъ и имъ земскимъ старостою, насъ сиротъ твоихъ продаютъ и убытчатъ. Да онъ же староста, будучи у нашихъ мірскихъ дѣлъ, стакався съ воеводою, порядился у уѣздныхъ людей въ цѣловалники къ денежному сбору, и отъ тѣхъ зборныхъ денегъималъ себѣ большую подмогу, а насъ сиротъ твоихъ ввелъ въ смуту съ уѣздомъ и в'остуду большую ». Они просили вывести его изъ Шуи, чтобы « имъ отъ его смуты и подговору и досталь въ конецъ не погибнуть и въ рознь не разбрестися » (1). Къ этому надобно прибавить то, что воеводамъ иногда предписывалось оберегать земскихъ людей отъ насилій и притѣсненій земскихъ старостъ.

Таково было земское управленіе Московскаго государства; исключеніе составляли общины, сохранившія учрежденія Ивана Грознаго. Здѣсь также было совершенное безразличіе государственныхъ дѣлъ и общинныхъ, но между тѣмъ, какъ въ первыхъ это вело ко вмѣшательству приказной власти во всѣ дѣла, здѣсь напротивъ приказныя власти были устранены отъ всякаго въ нихъ участія, и всѣ государственныя дѣла были предоставлены вѣдомству земскихъ властей (2). Учрежденія Ивана Грознаго возникли въ то время, когда приказная власть не распространялась еще по всей землѣ, а ограничивалась дворцовыми имѣніями и

---

(1) Описаніе Шуи, N 38.

(2) Излюбленные старосты вѣдали « царское и земское дѣло ». А. А. Э. т. 1-й, N 242.

нѣкоторыми городами. Общимъ учрежденіемъ были намѣстники и волостели,—кормленщики, которые завѣдывали судомъ въ свою пользу, а не въ пользу государства или общества. Государство не имѣло собственныхъ представителей въ областяхъ, и, уничтожая кормленія, должно было возлагать всѣ дѣла на земскія власти. Но послѣднія не могли служить удобными органами для государства: онѣ были слишкомъ самостоятельны, слишкомъ мало подлежали вліянію центральной власти и притомъ ограничивались однѣми черными землями. Этого послѣдняго неудобства не имѣли губные старосты, которые потому получили значеніе приказныхъ людей, и на которыхъ возложены были всѣ областныя дѣла. Съ развитіемъ государства болѣе и болѣе распространялась приказная власть; съ повсемѣстнымъ введеніемъ воеводъ самостоятельныя земскія власти сдѣлались исключеніемъ. Нѣкоторыя дворцовыя и черныя общины выпрашивали себѣ подтвержденіе прежнихъ жалованныхъ грамотъ и получали право самостоятельнаго управленія въ видѣ особенной царской милости; другія же, можетъ быть, и безъ утвердительныхъ грамотъ сохраняли прежнія учрежденія, которыя оставлялись безъ отмѣны, потому что Московскіе государи не искали единообразія и общности государственныхъ установленій (1).

(1) Котошихинъ гл. XI, ст. 1-я: «А въ иныхъ царскихъ черныхъ волостяхъ, гдѣ прикащиковъ не бываетъ, учинены судейки, человѣкъ съ 10, выборные люди, тѣхъ волостей крестьяне: и судятся межъ себя по царскимъ грамотамъ и безъ грамотъ, кромѣ уголовныхъ же и разбойныхъ дѣлъ». Многія жалованныя грамоты прежнихъ государей не были подтверждены въ настоящій періодъ. Въ грамотѣ 1622 г., данной Устьянскимъ волостямъ (А. А. Э. т. 3-й, N 126), сказано, что царь отставилъ прикащиковъ отъ городовъ и волостей и велѣлъ вездѣ учи-

Жалованныя грамоты давались цѣлымъ уѣздамъ, нѣсколькимъ волостямъ вмѣстѣ, наконецъ отдѣльнымъ посадамъ, волостямъ и слободамъ (1); то были отдѣльныя, частныя привилегіи, которыя даровались безъ всякой общей системы, что сохранилось и при подтвержденіи ихъ въ послѣдующее время. Грамоты давались только жителямъ черныхъ земель; въ нѣкоторыхъ это ясно высказано (2), въ другихъ же всегда отличаются *опричные* или *сторонніе люди*, подъ которыми разумѣлись служилые люди и ихъ крестьяне, духовенство, монастыри, ихъ слуги и крестьяне, а когда грамота давалась посаду, также черные волостные люди (3); жители же другихъ городовъ и уѣздовъ всегда назывались иногородными или пріѣзжими людьми. Такимъ образомъ черныя земли совершенно отдѣлены были отъ бѣлыхъ, которыя прежде вмѣстѣ съ ними платили кормы намѣстниковъ и волостелей и другія пошлины, теперь же освобождены были отъ наложенныхъ на черныя земли оброковъ, вѣроятно вслѣдствіе того, что служилые люди всѣ обязаны были государственною службою.

Сущность жалованныхъ грамотъ состояла въ позволеніи выбирать судей, которые назывались сначала

нить излюбленныхъ старостъ. Но эта грамота явно списана съ прежней (А. А. Э. т. 1-й, N 243) и если въ послѣдней общность выраженій не можетъ служить указаніемъ повсемѣстности учрежденій, тѣмъ менѣе можно основываться на первой, которая была только передѣлка прежней.

(1) А. А. Э. т. 1-й, N 234, 242, т. 2-й, N 52, 69, т. 3-й, N 36, 126.

(2) А. А. Э. т. 3-й, N 36.

(3) А. А. Э. т. 2-й, N 52. «А изъ становъ и волостей хрестіяне розошлись въ монастыри». А. А. Э. т. 1-й, N 234; здѣсь же «опричные люди», равно какъ и въ N 230.

излюбленными головами или старостами, данными старостами, а впослѣдствіи обыкновенно земскими судейками. Выбирались они на годъ (1) въ различномъ числѣ: въ Устьянскихъ волостяхъ выбирались по два человѣка съ волости, что составляло вмѣстѣ десять человѣкъ; въ Тавренской волости было ихъ въ началѣ XVII-го вѣка два, а потомъ одинъ; въ Зюздинской волости одинъ, въ Переяславской рыбной слободѣ три; въ Шуйской же грамотѣ и въ Устюжской число ихъ вовсе не было опредѣлено, а Котошихинъ говоритъ, что въ его время въ волостяхъ выбирали обыкновенно человѣкъ съ десять (2). Они большею частью утверждались царемъ и приводились къ присягѣ въ Москвѣ, иногда же это предоставлялось воеводамъ и приказнымъ людямъ (3). Кромѣ судеекъ, выбирались еще цѣловальники, которые сидѣли у нихъ въ судѣ, или даже судили вмѣстѣ съ ними; наконецъ были выборные земскіе дьяки и приставы. Всѣ они приводились къ присягѣ на мѣстѣ старостами и земскими людьми (4).

Земскихъ судей не должно смѣшивать съ земскими старостами, сотскими и цѣловальниками, которые находились въ отдѣльныхъ посадахъ, станахъ и волостяхъ; это были совершенно различныя должности, не только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ первые находились въ большемъ округѣ, нежели послѣдніе, но даже тамъ, гдѣ и тѣ и другіе находились въ одномъ посадѣ, станѣ

(1) А. А. Э. т. 2-й № 52.

(2) А. А. Э. т. 3-й № 126; А. Ю. № 337, 283; А. А. Э. т. 2-й № 69, т. 1-й № 242., т. 2-й № 52, т. 3-й № 36: Котошихинъ гл. XI, ст. I.

(3) А. А. Э. т. 1-й № 242, т. 2-й N 52, 69.

(4) А. А Э. т. 1-й N 242, т. 3-й N 126.

или волости (1) Хотя старосты и цѣловальники до настоящаго времени сидѣли въ судѣ у намѣстниковъ, волостелей и приказныхъ людей, но существеннымъ предметомъ ихъ вѣдомства были всегда финансовыя дѣла, тогда какъ главное вѣдомство первыхъ состояло въ судѣ.

Они судили гражданскіе иски крестьянъ и посадскихъ людей между собою, но тяжбы ихъ съ посторонними людьми обыкновенно переносились въ Москву: иногда впрочемъ постороннимъ лицамъ предоставлялось право предъявлять свои иски земскимъ судьямъ, однако безъ обязанности отвѣчать передъ ними во встрѣчныхъ искахъ (2). Этотъ переносъ дѣлъ въ Москву составлялъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ недостатковъ этихъ учрежденій; черезъ это служилые люди, монастыри, ихъ слуги и крестьяне лишены были областныхъ судей, въ особенности по тяжбамъ съ посторонними; ѣздить же въ Москву по всякому дѣлу было и трудно и разорительно. Губныя дѣла обыкновенно судились губными старостами, но иногда вмѣстѣ съ ними судили земскіе судьи (3); въ XVI вѣкѣ вѣдомство губныхъ дѣлъ иногда предоставлялось даже исключительно послѣднимъ, но въ настоящій періодъ это не встрѣчается, вѣроятно потому что губные старосты сдѣлались почти повсемѣстнымъ учрежденіемъ, а гдѣ ихъ не было, тамъ они замѣнялись воеводами.

Земскіе судьи завѣдывали также полицейскими и финансовыми дѣлами. Сотскіе, пятидесятскіе и десят-

---

(1) А. А. Э. т. 1-й N 242, т. 2-й N 52; А. И. т. 1-й N 202, 211, т. 2-й N 67; Доп. къ А. И. т. 3-й, N 25.

(2) А. А. Э. т. 2-й N 52, т. 3-й N 36.

(3) А. А. Э. т. 3-й, № 36.

скіе находились подъ ихъ вѣдомствомъ (1) также, какъ и подъ вѣдомствомъ губныхъ старостъ; они преслѣдовали корчемство, раздавали земли и призывали крестьянъ на пустые участки; сбирали подати и привозили ихъ въ Москву (2); завѣдывали иногда вѣрными сборами (3); наконецъ имъ поручался надзоръ за мѣрами и вѣсами, равно какъ и введеніе новыхъ мѣръ (4). Въ финансовыхъ дѣлахъ вѣдомство ихъ совпадало съ вѣдомствомъ земскимъ старостъ и цѣловальниковъ, но по недостатку данныхъ трудно рѣшить, какимъ образомъ разграничивались ихъ обязанности. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ послѣдніе были вѣроятно подчинены первымъ: въ другихъ же, особенно въ позднѣйшее время, вѣдомство земскихъ судей ограничивалось, кажется, судомъ, а финансовыя дѣла находились въ рукахъ однихъ земскихъ старостъ и цѣловальниковъ.

Всѣ дѣла записывались земскимъ дьякомъ въ присутствіи земскихъ судей и цѣловальниковъ, которые прилагали къ нимъ руки и потомъ сохраняли ихъ у себя подъ печатью. Дьяки подвергались строгому наказанію, если они дѣла записывали одни, безъ судей и цѣловальниковъ (5).

Отвѣтственность земскихъ судей была необыкновенно строга: за неправый судъ, за притѣсненія они подвергались смертной казни (6). Это было неминуемымъ

---

(1) А. А. Э. т. 2-й N 52.
(2) А. А. Э. т. 1-й N 234, 242, т. 2-й N 52.
(3) А. А. Э. т. 1-й, № 367.
(4) Д. къ А. И. т. 1-й, № 43
(5) А. А. Э. т. 2-й № 52, т. 3-й № 33.
(6) А. А. Э. т. 1-й № 242, т. 3-й № 36, 123.

слѣдствіемъ самой системы; на нихъ были возложены всѣ дѣла, но правительство не имѣло на нихъ никакого вліянія и должно было искать обезпеченія въ жестокихъ наказаніяхъ.

Таковы были учрежденія, которыя сохранялись въ XVII-мъ вѣкѣ, какъ слѣды прежняго времени, когда государство не успѣло еще устроиться и учредить въ областяхъ собственныхъ своихъ органовъ. Уничтожая кормленія, оно возлагало всѣ дѣла на земскихъ людей, но это происходило безпорядочно и случайно: мѣстный союзъ состоялъ то изъ цѣлаго уѣзда, то изъ нѣсколькихъ волостей, то изъ одного посада или одной волости. Изъ двухъ учрежденій, возникшихъ въ XVI-мъ вѣкѣ изъ потребности устроить областное управленіе, земскіе судьи были поземельнымъ учрежденіемъ, которое распространялось только на государевы земли— черныя или дворцовыя; губные же старосты, напротивъ того, были общимъ земскимъ учрежденіемъ, и потому лучше могли служить органами государства. Дѣйствительно, правительство вскорѣ облекло ихъ приказною властью и устроило ихъ систематически въ каждомъ уѣздѣ. Съ этимъ вмѣстѣ земскіе судьи должны были стать на второй планъ, и мы видимъ, что губные старосты, какъ приказные люди, вмѣшивались въ земскія дѣла, сбирали поручныя записи по новыхъ тяглецовъ (1) и т. п. Съ большимъ и большимъ распространеніемъ приказной власти земскіе судьи должны были терять свое значеніе, и наконецъ, со времени повсемѣстнаго введенія воеводъ, они сдѣлались исключеніемъ въ общемъ управленіи. Немногія общины (2)

(1) А. Юр. № 304 III.

(2) А И. т. 5 й, стр. 499.

остались изъятыми изъ власти воеводъ и приказныхъ людей: многія же, не смотря на жалованныя грамоты, подчинены были воеводамъ. Въ 1614-мъ году, напримѣръ, Михаилъ Ѳедоровичъ подтвердилъ данную Шуянамъ грамоту, по которой судить ихъ предоставлялось выборнымъ судьямъ, а въ томъ же году судебная власть вручена была назначенному въ Шую воеводѣ, и жители жаловались, что онъ, нарушая грамоту, взыскиваетъ съ нихъ судебныя пошлины (1). Воеводы были въ 1623-мъ году и въ Устюжнѣ Желѣзопольской, которой жалованная грамота была подтверждена Михаиломъ Ѳедоровичемъ; также въ Устюгѣ, гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ были земскіе судейки. Наконецъ, нѣкоторыя волости управляемыхъ воеводами уѣздовъ сохраняли своихъ земскихъ судеекъ (2). Трудно сказать, какое было отношеніе послѣднихъ къ воеводамъ; нигдѣ въ воеводскихъ наказахъ не упоминается объ нихъ, какъ объ обязательной для черныхъ людей судебной инстанціи, а напротивъ того, служилые, посадскіе и волостные люди подчинялись воеводамъ на одинакомъ основаніи, почему должно полагать, что тамъ, гдѣ были земскіе судейки, они составляли родъ добровольнаго третейскаго суда для распрей черныхъ крестьянъ между собою, но что всякій могъ всегда жаловаться на противника воеводѣ, который въ такомъ случаѣ судилъ тяжущихся въ первой инстанціи.

Такимъ образомъ приказныя власти получали больше и больше значенія въ управленіи; какъ прежде смѣшеніе государственныхъ дѣлъ съ земскими выража-

(1) Описаніе Шуи, № 2. 3,

(2) А. А. Э. т. 3-й № 138; Д. къ А. И. т. 3-й, № 25; А. И. т. 3-й, стр. 499.

лось въ томъ, что всѣ дѣла возлагались на земскія власти, такъ теперь, когда главными органами правительства сдѣлались приказные люди, они начали вступаться во всѣ дѣла, и земскія власти превратились въ подчиненныхъ имъ служителей. Самостоятельность общинъ, возникшая вслѣдствіе государственныхъ потребностей и недостатка административныхъ средствъ, уничтожилась сама собою съ бо̀льшимъ развитіемъ государственнаго организма, однакоже не на долго. Съ половины и особенно съ послѣдней четверти XVII-го вѣка мы видимъ новое стремленіе государства дать нѣкоторую самостоятельность земскимъ властямъ, но оно возникло уже изъ совершенно новыхъ основаній, именно изъ сословнаго различія.

Но прежде, нежели мы покажемъ развитіе этихъ новыхъ элементовъ, надобно упомянуть объ одномъ любопытномъ явленіи, стоящемъ отдѣльно отъ другихъ, именно о попыткѣ дать нѣкоторую самостоятельность Псковскому общинному управленію. Поводомъ къ этому послужило постоянное уменьшеніе казенныхъ доходовъ: въ 1665-мъ году, во время войны съ Польшею и Швецію, велѣно было по всему государству собрать пятую деньгу, но съ Пскова и съ Псковскаго уѣзда невозможно было собрать этой подати. Въ таможенныхъ и другихъ пошлинахъ также оказывались постоянные недоборы, и жители безпрестанно жаловались на то, что они разорены, и не могутъ платить. « И то чинитца опричь воинского оскорбленія и ратныхъ полковыхъ подъемовъ, знатно отъ несогласія межло посадцкими людми , въ крѣпости гражданского постановленія не держатъ, и отъ лутчихъ людей надъ маломошными въ сотняхъ во

всякомъ нестроеніи въ торговыхъ дѣлахъ, за нероправою, убытки чинятца, а изъ того междо посадцкими людми вражды другъ съ другомъ и обиды бываютъ, и въ тяжбахъ передъ воеводы мимо гражданскихъ законовъ и правъ въ торговляхъ убытки и продажи болшіе, и тѣ свои убытки посадцкіе люди причитаютъ къ сборамъ въ недостатки, и за то многой недоборъ великого государя казнѣ чинитца.» Дѣйствительно, въ Псковѣ происходили безпрестанныя ссоры между старыми и новыми посадскими людьми, между богатыми и бѣдными. Тамъ было на половину записанныхъ вновь въ посадъ Иваногородцевъ, которые находились во враждѣ съ старыми Псковичами. Средніе и молодшіе люди постоянно ссорились съ лучшими, и въ Іюнѣ 1665-го года они подали на послѣднихъ просьбу, въ которой писали: «что тѣ прожиточные люди всякіе дѣла городовые и мирскіе и челобитчиковъ выбираютъ и посылаютъ къ тебѣ великому государю къ Москвѣ, а безъ градцкого и мірского вѣдома середнихъ и мелкихъ людишокъ и безъ заручныхъ приговоровъ и безъ вѣдома.... и намъ бѣднымъ сиротамъ твоимъ государевымъ отъ тѣхъ прожиточныхъ людей, которые съ нами не совѣтуютъ, никакіе помощи ни заступленія нѣту, и во всемъ на насъ насилютъ и намъ отъ того ихъ насильства прожить невозможно и разорились до основанья.... И вели, государь, насъ бѣдныхъ отъ нихъ во всемъ свободить особь, чтобы намъ сиротамъ во всемъ вѣдатца опрочно ихъ прожиточныхъ людей въ ровностяхъ и въ окладахъ и во всякихъ твоихъ государевыхъ и отъѣзжихъ службахъ.»

Между тѣмъ царь велѣлъ «земскимъ старостамъ

сойтися съ лутчими людми въ земской избѣ для общего всенароднаго совѣту,» и рѣшить, какія можно принять мѣры противъ постоянныхъ недоборовъ казны. Собравшаяся мѣстная дума рѣшила, что главная причина недоборовъ — скудость жителей; нужно дать посадскимъ людямъ средства обогатиться, и для этого установить новыя правила городскаго управленія. Въ постановленныхъ тогда статьяхъ дума полагала выбирать черезъ три года 15 человѣкъ земскихъ старостъ, которые, перемѣняясь ежегодно, управляли бы по 5-ти человѣкъ въ годъ. Они должны были завѣдывать всѣми гражданскими исками между посадскими людьми и церковными крестьянами и участвовать съ губными старостами въ дѣлахъ о воровствѣ; разбой же и душегубство, равно какъ и измѣну, предоставлялось судить воеводамъ. Дѣла между посадскими людьми и церковными крестьянами съ одной стороны, и дворянами съ другой, должны были судиться съ воеводскаго вѣдома поставленнымъ воеводою дворяниномъ и выборными посадскими людьми. Тоже самое предполагалось установить и въ пригородахъ. Торговля съ иностранцами предоставлялась однимъ лучшимъ торговымъ людямъ, но за то къ каждому изъ нихъ должно было приписываться извѣстное количество бѣдныхъ торговцевъ, которые бы по мѣрѣ надобности получали отъ нихъ ссуду, покупали на это товары, и опять продавали бы ихъ съ барышемъ значительнымъ торговцамъ. Кружечные дворы предполагалось уничтожить, и сборъ разложить на посадскихъ людей; преслѣдованіе корчемства возлагалось на земскихъ старостъ.

Таковы были главныя статьи о городовомъ управ-

ленія; этимъ Псковъ становился совершенно въ особое положеніе. Судъ и большая часть казеннаго управленія предоставлялись выборнымъ людямъ; сословія рѣзко раздѣлялись, и установлялся между ними общій судъ, чего прежде не было. Однако на это изъ Москвы не было прислано положительнаго отвѣта; царь былъ занятъ принятіемъ Польскихъ пословъ и отложилъ совѣщаніе о статьяхъ до болѣе удобнаго времени. А между тѣмъ эти статьи были приведены въ дѣйствіе. Псковскимъ воеводою былъ въ это время Аѳанасій Лаврентьевичъ Ордынъ-Нащокинъ; убѣжденный въ благихъ послѣдствіяхъ новыхъ установленій, онъ собственною властью, не дожидаясь царскаго разрѣшенія, велѣлъ жителямъ присягнуть постановленнымъ статьямъ, выбрать старостъ и начать управленіе по новому порядку. Дѣйствительно,всѣ присягнули, кромѣ нѣкоторыхъ зажиточныхъ купцовъ, которые были недовольны новымъ устройствомъ; но этотъ порядокъ установился не на долго. Ордынъ-Нащокинъ, который поддерживалъ его своимъ вліяніемъ, въ тотъ же годъ былъ назначенъ начальникомъ Новгородской четверти, а Псковскимъ воеводою посланъ былъ на его мѣсто Князь Хованскій. Послѣдній, пріѣхавъ на мѣсто, писалъ къ царю, что въ Псковѣ установлены выборные люди, которые судятъ посадскихъ людей, а въ съѣзжую избу не только не ходятъ, но и дворянъ берутъ съ приставами въ земскую избу, отчего дворяне плачутъ; они же выборные отпускаютъ людей съ товарами за границу и даютъ имъ проѣзжія грамоты за своею печатью, тогда какъ прежде это дѣлалось воеводами. Все это, писалъ Хованскій, «было заведено не дѣломъ, безъ твоего государева указу, отъ своихъ

вымысловъ », прибавляя, что « нынѣшнее своевольство немного до прежняго дурна не дошло, есть ли бы попродлилось». Царь велѣлъ уничтожить всѣ новыя постановленія и возвратиться къ прежнему, потому что « такому уставу быть въ одномъ Псковѣ не умѣть, и оттого будетъ смута большая ». Тѣмъ и кончилась эта попытка, въ которой сказалась прежняя вольная община. Любопытно здѣсь участіе воеводы, который собственною властью вводитъ совершенно новыя учрежденія, и между тѣмъ это не считалось превышеніемъ власти; такъ все зависѣло отъ личнаго вліянія сановника (1).

Однакоже это было явленіе совершенно особенное, которое не повторилось въ другихъ общинахъ Московскаго государства. Тамъ съ половины XVII-го вѣка общинный бытъ подвергается измѣненіямъ, которыя вытекаютъ изъ новыхъ государственныхъ началъ, устанавливающихъ различіе сословій, ихъ правъ и обязанностей. Когда крестьяне и посадскіе люди были укрѣплены къ мѣстамъ своего пребыванія и тѣмъ получили сословное значеніе, тогда начало обозначаться различіе между ними. Занятія городскихъ жителей состоятъ въ промышленности и торговлѣ, которыя зависятъ единственно отъ личной дѣятельности каждаго лица, и непремѣнно требуютъ большей или меньшей свободы въ дѣйствіяхъ. Напротивъ того, занятія сельскихъ жителей состоятъ въ обработкѣ земли и главнымъ лицемъ является здѣсь землевладѣлецъ, если крестьяне не обработываютъ землю, составляющую ихъ собственность. Это различіе обусловливало и различіе обязан-

---

(1) Д. къ А. И. т. 5-й № 1.

ностей того и другаго сословія : главныя обязанности сельскихъ жителей относились къ землевладѣльцу, котораго землю они обработывали, тогда какъ для городскихъ жителей владѣніе землею было дѣломъ второстепеннымъ; существенныя ихъ обязанности относились къ государству, которое потому особенно покровительствовало промышленности и торговлѣ, а это невозможно безъ предоставленія городскимъ жителямъ нѣкоторой свободы. Отсюда произошелъ и различный характеръ города и селъ. Вообще городъ преимущественно способенъ къ образованію свободной общины, тогда какъ сельская община, живущая не на собственной землѣ, стремится перейдти въ владѣльческую. Потому въ Россіи XVII-го вѣка, гдѣ не было различія между государственною землею, государевою и общинною, черныя волости, послѣ укрѣпленія крестьянъ, неминуемо должны были слиться съ дворцовыми, а дворцовые города и слободы, вслѣдствіе государственнаго значенія городовъ, должны были выдти изъ дворцоваго вѣдомства. Прежній чисто поземельный характеръ общинъ, оставшійся отъ средне-вѣковой жизни, вслѣдствіе новаго развитія государства, превратился въ сословный.

Это стремленіе къ обособленію сословій подвергалось однако исключенію. Въ Московскомъ государствѣ не было систематическаго воззрѣнія на управленіе и сословія; все вытекало изъ мѣстныхъ и случайныхъ потребностей, а потому не могло быть и систематическаго отдѣленія городскихъ общинъ отъ сельскихъ. Въ средней Россіи, гдѣ владѣльческіе элементы были чрезвычайно развиты, и гдѣ сельскія общины находились подъ близкимъ вліяніемъ государства, само собою

произошло сліяніе черныхъ волостей съ дворцовыми. Но не такъ было на сѣверѣ, гдѣ владѣльческихъ элементовъ было мало, гдѣ поэтому древнія волости удержались въ своемъ первоначальномъ объемѣ, и отдаленность центральной власти способствовала сохраненію прежней ихъ самостоятельности. Въ сѣверные уѣзды, которые назывались уѣздами поморскихъ городовъ (1), не проникли даже законы объ укрѣпленіи крестьянъ, и доселѣ половники Вологодской губерніи сохранились, какъ остатки древнихъ крестьянъ, переходившихъ съ мѣста на мѣсто. Эта отдаленность сѣверныхъ уѣздовъ, препятствовавшая вліянію центральной власти и вторженію владѣльческихъ элементовъ, не допустила и смѣшеніе черныхъ волостей съ дворцовыми имѣніями, а сохранила самостоятельность общинъ. Уѣзды поморскихъ городовъ составили поэтому особенное явленіе въ Московскомъ государствѣ, и общины ихъ, какъ свободныя, уравнивались въ учрежденіяхъ не съ прочими селами, а съ городами.

Стремленіе къ устройству и обособленію городскихъ общинъ выразилось въ первый разъ въ указѣ 1648-го года, подтвержденномъ въ Уложеніи. Этимъ указомъ частныя имѣнія, лежавшія около городовъ, были отобраны и присоединены къ тяглымъ землямъ, а владѣльцы вознаграждены изъ другихъ земель. Кромѣ того, владѣніе тяглыми участками и производство городовыхъ промысловъ предоставлены были исключительно тяглымъ посадскимъ людямъ. Этимъ городская земля

(1) Поморскими городами считались: Вятка, Великій Устюгъ, Сольвычегодскъ, Устьянскія волости, Каргополь, Яренскъ, Кайгородокъ, Тотьма, Соликамскъ, Пермь, Двинская область, Кевроль, Мезенская область, Пустоозеро, Кола и Чарапда. А. А. Э. т. 4-й, N 250.

была округлена и отдѣлена отъ другихъ; жители же получили опредѣленныя сословныя права. Далѣе Новоторговымъ уставомъ 1667-го года купцы во всемъ, что относилось до ихъ поѣздокъ, изъяты были изъ вѣдомства воеводъ и подчинены таможеннымъ головамъ, которые были выборные посадскіе люди. Эта мѣра была принята для поощренія торговли и для огражденія торгующихъ отъ притѣсненій. Съ этою же цѣлью была высказана мысль о подчиненіи торговыхъ людей единому приказу, мысль, которая однакоже осталась пока безъ осуществленія. Но важнѣйшимъ шагомъ для отдѣленія городовъ отъ селъ и для устройства самостоятельныхъ городскихъ общинъ былъ указъ 1681-го года о введеніи новой стрѣлецкой подати. Она была наложена на тяглые города, на дворцовые города и слободы, на уѣзды поморскихъ городовъ и на Олонецкій уѣздъ (1); всѣ же владѣльческіе крестьяне—помѣщичьи, церковные, дворцовые и бывшіе черные, были въ замѣнъ этого обложены ямскими и полоняничными деньгами. Сборъ новой стрѣлецкой подати предоставленъ былъ исключительно земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ, а для раскладки выбирались въ посадахъ и въ каждой волости особые выборные люди. Даже отсылка денегъ въ Москву предоставлена была земскимъ властямъ, а воеводамъ запрещено было вступаться въ эти дѣла. Обязанности ихъ ограничивались тѣмъ, что они должны были давать земскимъ старостамъ служилыхъ людей на ослушниковъ. Однакоже и здѣсь бывали исключенія: иногда царскія грамоты о сборѣ денегъ посы-

---

(1) А. А. Э. т. 4-й N 230; А. И. т. 5-й N 77.

лались къ воеводамъ, которые давали предписанія земскимъ властямъ, получали собранныя деньги и отсылали ихъ въ Москву. Но это подавало поводъ къ злоупотребленіямъ, вслѣдствіе чего въ 89, 95, 97 и 98-мъ годахъ воеводы были совершенно устранены отъ участія въ сборѣ подати: запрещено было посылать къ нимъ о томъ грамоты, а велѣно было посылать памяти прямо къ земскимъ старостамъ, которые должны были сами править деньги на ослушникахъ, безъ всякаго вмѣшательста воеводъ, и собранныя деньги отсылать прямо отъ себя въ Москву (1).

Это былъ важный шагъ для разграниченія вѣдомства земскихъ властей и приказныхъ, ибо эта подать замѣнила собою многія другія и сдѣлалась важнѣйшимъ налогомъ тяглыхъ земскихъ людей. Въ связи съ этимъ находились и указы, предоставившіе земскимъ властямъ и всѣмъ посадскимъ людямъ надзоръ за таможенными и кабацкими головами. Самые выборы въ таможенные и кабацкіе головы и цѣловальники указомъ 1681 года возложены были на посадскихъ людей, и только за недостаткомъ ихъ велѣно было выбирать изъ служилыхъ людей, а за недостаткомъ послѣднихъ—изъ дворцовыхъ и монастырскихъ крестьянъ. Это былъ второй шагъ къ разграниченію вѣдомства земскихъ властей и воеводъ и къ предоставленію бо́льшей самостоятельности городскимъ общинамъ, а вмѣстѣ съ ними и сельскимъ общинамъ сѣверныхъ уѣздовъ. Но полное и систематическое устройство земскаго управленія принадлежитъ уже Петру Великому, который въ 1699 году всѣ города съ поморскими

---

(1) А. И. т. 5-й, N 274; А. А. Э. т. 4-й, N 243.

уѣздами отдалъ въ вѣдомство земскихъ бурмистровъ. Имъ предоставлены были общинный судъ и вѣдомство всѣхъ дѣлъ, безъ всякаго вмѣшательства воеводъ, а они въ свою очередь подчинены были выборнымъ бурмистрамъ, составлявшимъ Московскую Ратушу. Уѣзды поморскихъ городовъ были еще сравнены съ городами; это былъ остатокъ прежняго порядка. Но съ учрежденіемъ магистратовъ города были совершенно отдѣлены отъ уѣздовъ и составили сословныя общины, управлявшія дѣлами, предоставленными вѣдомству ихъ сословія. Это былъ окончательный результатъ того развитія земскихъ учрежденій, которому начало было положено Иваномъ Грознымъ,— результатъ, естественно вытекавшій изъ постепеннаго водворенія гражданскаго строенія въ Московской Россіи.

Съ другой стороны, еще до Петра Великаго, черныя волости, за исключеніемъ поморскихъ уѣздовъ, совершенно слились съ дворцовыми имѣніями. Когда съ развитіемъ государства образовалась обширная помѣстная система, черныя волости безпрестанно раздавались въ помѣстья, такъ что въ половинѣ XVII-го вѣка онѣ заключали въ себѣ уже не болѣе 20,000 дворовъ. Въ тоже время, по исчисленію Котошихина, въ дворцовыхъ имѣніяхъ было 30,000 дворовъ, въ церковныхъ 117,000, а помѣщичьихъ нельзя было счесть (1). Государство въ своемъ развитіи опиралось преимущественно на владѣльческіе элементы, съ расширеніемъ которыхъ черныя волости болѣе и болѣе стѣснялись и теряли всякую самостоятельность, пока не смѣшались совершенно съ дворцовыми селами.

(1) Котошихинъ, гл. XI.

Первымъ шагомъ къ этому слiянiю было назначенiе въ черныя волости прикащиковъ; это дѣлалось уже до Михаила Өедоровича (1), который жалованными грамотами отмѣнилъ прикащиковъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Но съ половины XVII-го вѣка въ черныхъ волостяхъ, равно какъ и въ дворцовыхъ, постоянно являются прикащики (2). Вторымъ шагомъ было подчиненiе черныхъ волостей приказу Большаго дворца (3), разумѣется, исключая поморскихъ уѣздовъ, которые подчинялись Новгородскому приказу. Въ Уложенiи черные крестьяне уже совершенно смѣшиваются съ дворцовыми; такъ напримѣръ предписывается въ посадахъ, въ дворцовыхъ селахъ и черныхъ волостяхъ отдавать сборы на откупъ и на вѣру посадскимъ людямъ и дворцовымъ крестьянамъ (4). Названiе черныхъ волостей еще сохраняется, но крестьяне называются уже дворцовыми. Разумѣется, и здѣсь исключаются жители поморскихъ уѣздовъ, которые никогда не назывались дворцовыми. Указъ 1679 года о новой стрѣлецкой подати совершенно сравнилъ черныя волости съ дворцовыми имѣнiями и отдѣлилъ отъ нихъ поморскiе уѣзды, сохранившiе прежнiй бытъ. Петръ Великiй нашелъ слiянiе уже совершеннымъ; учрежденiе земскихъ бурмистровъ и указъ о подушной

---

(1) А. А. Э. т. 2-й, N 30, т. 3-й, N 126; Д. къ А. И. т. 1-й, N 167.

(2) П. С. З. № 317, 998, ст. 4, 31, 43, № 1005.

(3) Котошихинъ, гл. VII, ст. 4.

(4) Уложенiе гл. IX, ст. 6. Котошихинъ тоже смѣшиваетъ черныя волости съ дворцовыми. Въ гл. XI, ст. 1 онъ говоритъ: «царскихъ дворцовыхъ селъ и волостей крестьянъ судятъ.... во дворцѣ, и въ селахъ, и въ волостяхъ приказщики.... А въ иныхъ царскихъ черныхъ волостяхъ, гдѣ приказщиковъ не бываетъ....»

подати, которыми прежніе черные крестьяне, за исключеніемъ поморскихъ, сравнены были съ дворцовыми, только узаконили существовавшій уже порядокъ вещей.

Это сліяніе черныхъ волостей съ дворцовыми можно прослѣдить въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ явленіяхъ. Оно началось весьма рано, ибо тѣ и другія земли равно принадлежали государю, и черныя волости, остававшіяся свободными единственно вслѣдствіе многочисленности земель, служили постояннымъ источникомъ для раздачи помѣстій служилымъ людямъ и для умноженія дворцовыхъ доходовъ. Такъ напримѣръ, въ жалованной грамотѣ, данной въ 1555 году Переяславскимъ рыболовамъ, они названы черными сохами и подчинены не дворецкому, а дьяку; но въ 1562 году они были уже подчинены приказу Большаго дворца, и въ подтвержденіи жалованной грамоты Өедоромъ Алексѣевичемъ слобода названа дворцовою (1). Въ 1617 году жители Старой Русы жаловались, что розданы были въ помѣстья уѣздныя дворцовыя села и черныя волости; въ 1681-мъ они говорятъ о тѣхъ же раздачахъ, но всѣ земли называютъ уже безразлично дворцовыми; объ черныхъ нѣтъ и рѣчи (2). Въ Новгородскихъ областяхъ въ XVI-мъ вѣкѣ всѣ государственныя земли раздѣлены были на дворцовыя и оброчныя, соотвѣтствовавшія чернымъ; въ 1679 году до введенія новой стрѣлецкой подати велѣно было въ Новгородскомъ уѣздѣ собрать хлѣбъ съ монастырскихъ, помѣщичьихъ и дворцовыхъ крестьянъ (3).

(1) А. А. Э. т. 1-й, № 242, 261.

(2) А. А. Э. т. 3-й, № 91; А. И. т. 5-й, № 228.

(3) А. И. т. 5-й, № 38.

Объ оброчныхъ нѣтъ уже рѣчи, хотя они стрѣлецкій хлѣбъ платили наравнѣ съ другими; слѣдственно они всѣ разумѣлись подъ именемъ дворцовыхъ.

Такимъ образомъ въ концѣ XVII-го вѣка и въ началѣ XVIII-го въ средней Россіи остались только владѣльческіе крестьяне—дворцовые, церковные и помѣщичьи. Это было необходимымъ слѣдствіемъ развитія государства, которое, наложивъ на всѣ классы сословныя обязанности, установило обязанностью крестьянъ обработку земли въ пользу землевладѣльца. Свободными крестьянами остались только нѣкоторые разряды, поселенные на окраинахъ земли, и поэтому не подлежавшіе непосредственному вліянію государственной власти. Сюда относились поселенные на югѣ однодворцы, на востокѣ ясашные и на сѣверѣ черносошные крестьяне, которые всѣ вмѣстѣ образовали съ 1722-го года сословіе государственныхъ крестьянъ. Однодворцы не вошли въ общую категорію, какъ происшедшіе изъ дворянъ, ясашные, какъ инородцы, черносошные же были остатками древнихъ черныхъ волостей. До межевыхъ инструкцій у нихъ сохранилось личное, а не общинное владѣніе земель и право свободнаго отчужденія своихъ участковъ; на земляхъ ихъ поселялись половники, переходившіе съ мѣста на мѣсто и вступавшіе въ добровольные договоры съ землевладѣльцами.

Путемъ историческаго развитія сельскія общины сдѣлались слѣдственно владѣльческими, тогда какъ города образовали изъ себя свободныя общины. Этотъ историческій ходъ находился въ связи съ развитіемъ основныхъ началъ общественной жизни. Гражданскій бытъ Среднихъ Вѣковъ основанъ былъ весь на част-

номъ правѣ, на которомъ утверждалась и общинная жизнь того времени. Какъ частное право заключаетъ въ себѣ двѣ формы — собственность и свободный договоръ, такъ и общины были однѣ владѣльческія, другія договорныя. Хотя и владѣльческія основаны были на договорѣ между землевладѣльцемъ и поселенцами, однако здѣсь центромъ служило самое лице землевладѣльца, и договоръ былъ договоръ о владѣніи землею. Города преимущественно были способны къ образованію договорныхъ общинъ: здѣсь владѣніе землею было дѣломъ второстепеннымъ, да къ тому же одинъ городъ могъ дать общинѣ защиту противъ натиска владѣльческихъ элементовъ, чего не могло сдѣлать село. Поэтому средневѣковыя сельскія общины только по особенному своему положенію могли быть основаны на взаимномъ договорѣ поселенцевъ. Въ Россіи свободными договорными общинами были только Новгородъ и Псковъ; остальные города и села всѣ были владѣльческія общины, заселенныя свободными посадскими людьми и крестьянами. Но и послѣднія имѣли двоякій характеръ: земля была обширна, а владѣльческихъ элементовъ было немного; поэтому не всѣ общины находились въ непосредственномъ управленіи владѣльцевъ. Многія, которыхъ земля принадлежала князю—вотчиннику, обязаны были только податями и повинностями, съ правомъ полнаго распоряженія тѣми землями, которыми онѣ владѣли: таковы были тяглыя черныя общины. Сюда принадлежала и большая часть городовъ, въ которыхъ не могло быть обработки земли въ пользу землевладѣльца или даже ея найма; сюда же принадлежали и черныя волости, которыя оставались тяглыми по недостатку владѣль-

цевъ. Центромъ общественной жизни были однакоже князь и его слуги, которые всѣ были землевладѣльцы; церковь, игравшая такую важную роль, была также вотчинницею. Поэтому, съ бóльшимъ развитіемъ этихъ основныхъ элементовъ общественной жизни, черныя земли должны были мало по малу превращаться въ чисто владѣльческія.

Въ особенности это стремленіе усилилось съ постепеннымъ развитіемъ государственныхъ понятій. Возникшее государство не уничтожило прежнихъ элементовъ, но заставило ихъ служить своимъ цѣлямъ и организовало ихъ сообразно съ этими цѣлями. Первымъ дѣломъ было умноженіе государственныхъ силъ, которыхъ основою было служилое сословіе, а для этого нужно было умножить помѣстья на счетъ черныхъ земель. Съ другой стороны, расширилось и хозяйственное управленіе, умножились потребности двора, и это повело къ распространенію дворцовыхъ имѣній на счетъ черныхъ волостей. Наконецъ, укрѣпленіе посадскихъ людей и крестьянъ образовало замкнутыя сословія , и тогда обозначилось различіе между городомъ и селомъ. Какъ въ Средніе Вѣка городъ былъ преимущественно способенъ къ образованію свободной договорной общины , такъ теперь онъ былъ преимущественно способенъ къ образованію свободной тяглой и сословной общины. Но въ Средніе Вѣка возникновеніе свободныхъ городовъ зависѣло отъ случайныхъ, временныхъ и мѣстныхъ обстоятельствъ, теперь же это сдѣлалось слѣдствіемъ систематическаго государственнаго воззрѣнія; всѣмъ городамъ дано было одинакое устройство. Напротивъ того, села, которыя въ Средніе Вѣка преимущественно

были способны къ образованію владѣльческихъ общинъ, и теперь большею частью превратились въ владѣльческія имѣнія, но уже на основаніи государственныхъ постановленій, и какъ слѣдствіе сословныхъ обязанностей. Только на сѣверѣ осталась частичка прежнихъ тяглыхъ сельскихъ общинъ, какъ будто бы для того, чтобы указать на роль, которую играли черныя волости въ нашей исторіи. Слѣдя за постепеннымъ процессомъ ихъ уничтоженія, мы невольно приходимъ къ заключенію, что черными были у насъ тѣ сельскія общины, которыя въ Средніе Вѣка по обилію земель оставались внѣ сферы владѣльческой дѣятельности князей-вотчинниковъ, ихъ слугъ, монастырей и другихъ владѣльцевъ, и которыя впослѣдствіи, по отдаленности, мало подлежали вліянію государственнаго быта. Ихъ менѣе всего касалось развитіе общественной жизни, которая, при незначительномъ населеніи, разыгрывалась на небольшомъ пространствѣ; но чѣмъ болѣе развивался общественный организмъ, тѣмъ болѣе черныя земли должны были входить въ общую сферу и слѣдовать общему порядку (1).

(1) Эти послѣднія страницы вошли въ составъ статьи, помѣщенной мною въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1-е и 15 Февраля нынѣшняго года, въ которой съ бо̀льшею подробностью развиты измѣненія въ поземельномъ владѣніи сельскихъ общинъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Земскіе старосты и цѣловальники были послѣднимъ звеномъ въ областныхъ учрежденіяхъ Московскаго государства. Начала приказное, вѣрное и земское лежали въ основаніи трехъ господствующихъ системъ управленія. Губныя учрежденія были смѣшеніемъ всѣхъ трехъ; они возникли по недостатку сознанія въ ихъ различіи и должны были пасть съ болѣе точнымъ разграниченіемъ правительственныхъ началъ. Такое разграниченіе является уже въ концѣ XVII-го вѣка и служитъ признакомъ развитія государственнаго порядка. До того времени всѣ три системы смѣшивались и перепутывались между собою; различныя начала существовали, но безсознательнымъ образомъ, безъ возведенія ихъ къ общимъ государственнымъ соображеніямъ, такъ что каждая правительственная власть неправильнымъ образомъ вступалась въ область другихъ, и не было строгаго опредѣленія ихъ взаимныхъ отношеній. Приказныя власти имѣли самое разнообразное вліяніе на вѣрные сборы и вступались во всѣ земскія дѣла; вѣрные сборщики находились къ тѣмъ и другимъ въ различныхъ отношеніяхъ и завѣдывали иногда, какъ приказными, такъ и земскими дѣлами; земскія власти наконецъ, на которыхъ лежала наибольшая отвѣтственность, лишены были почти всякой власти и всюду стѣснены были въ своихъ дѣйствіяхъ. Необходимо было точнѣе опредѣлить кругъ дѣятельности каждой и дать имъ болѣе правильную организацію. Начало этому положено было Ѳедоромъ Алексѣевичемъ, но систематическое устройство учрежденій

было введено уже Петромъ Великимъ. Губное управленіе было уничтожено, какъ несогласное съ новымъ порядкомъ; вѣрные сборщики подчинены были земскимъ властямъ, такъ что выборныя власти образовали самостоятельное управленіе, совершенно отдѣльное отъ приказнаго. Земское начало получило такимъ образомъ большее значеніе, нежели прежде, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно облеклось въ сословный характеръ, который, вслѣдствіе новаго устройства элементовъ государственной жизни, замѣнилъ собою прежній поземельный.

Все это совершилось уже въ концѣ XVII-го вѣка; преобразованія Өедора Алексѣевича были первымъ шагомъ къ преобразованіямъ Петра Великаго. До того времени приказныя власти завѣдывали судомъ, полиціею, военными дѣлами и большею частью финансоваго управленія. Вѣрные сборщики завѣдывали казенными сборами, а земскія власти мѣстными повинностями и службами, отправляемыми въ пользу государства. Всѣ эти предметы вѣдомства имѣли характеръ чисто государственный; собственно мѣстныхъ, земскихъ дѣлъ вовсе не было. Устройство мѣстныхъ союзовъ, съ ихъ правами, съ мѣстными дѣлами и учрежденіями, относится уже ко временамъ Екатерины II-й. Тогда существеннымъ началомъ управленія сдѣлалось народное благо, тогда какъ прежде главною цѣлью была государственная польза. Государство было исходною точкою всего общественнаго развитія Россіи съ XV-го вѣка. Возникшее на развалинахъ средневѣковыхъ учрежденій, оно нашло вокругъ себя чистое поле; не было мелкихъ союзовъ, крѣпкихъ и замкнутыхъ; отдѣльныя личности, бродящія съ мѣста на

мѣсто и занятыя исключительно своими частными интересами, однѣ противостояли новому общественному союзу. Главною задачею сдѣлалось устройство государства, которое организовалось сверху, а не снизу: нужно было устроить общій союзъ, а частные должны были служить ему орудіемъ. Поэтому на всѣхъ учрежденіяхъ лежалъ государственный характеръ, и такъ какъ прежде всего нужны были государству матеріальныя средства, то и задача управленія была преимущественно финансовая. Этимъ XVII-й вѣкъ отличается отъ XVIII-го, въ которомъ цѣлью управленія сдѣлались также промышленность и образованіе, хотя и эти отрасли дѣятельности первоначально развивались въ видахъ государственной пользы.

Средства новаго государства были однакоже ничтожны: ему недоставало людей, и оно сдѣлало государственную службу повинностью сословій. Ему недоставало денегъ, и оно учредило множество мѣстныхъ повинностей въ пользу государства. Ему недоставало наконецъ и административныхъ средствъ, и оно восполняло ихъ отвѣтственностью подданныхъ. Такимъ образомъ надзоръ за мѣстными правителями былъ почти невозможенъ; поэтому отвѣтственность за сборы возложена была, какъ на мѣстныхъ жителей, которые обязаны были выбирать вѣрныхъ сборщиковъ, такъ и на самихъ сборщиковъ и правителей, которые отвѣчали за успѣхъ своимъ лицемъ и имуществомъ. Точно также и богатство отдѣльныхъ лицъ мало подлежало вліянію государства, которое не имѣло средствъ ни узнать количества имущества подданныхъ, ни удержать ихъ на мѣстахъ, ни даже принудить ихъ къ уплатѣ податей; поэтому уплата была возложена на

цѣлыя общины, которыя отвѣчали за всѣхъ членовъ и сами уже взыскивали съ нихъ деньги. Эта система повинностей проникала такимъ образомъ во всѣ отношенія: земскіе люди несли службы, отправляли повинности, отвѣчали за сборы, отвѣчали даже за поведеніе всѣхъ живущихъ среди нихъ подозрительныхъ людей, хотя не имѣли на нихъ никакого вліянія.

Ничтожность государственныхъ средствъ, незначительное вліяніе центральной власти на областное управленіе дѣлали необходимымъ усиленіе власти воеводъ. Поэтому всякаго рода дѣла сосредоточивались въ ихъ рукахъ, къ чему съ другой стороны вели младенческое состояніе правительственныхъ учрежденій и самая запутанность администраціи.

Эти три черты областнаго управленія—государственный характеръ учрежденій, система повинностей и соединеніе всѣхъ дѣлъ въ рукахъ воеводъ — характеризуютъ всю эпоху, простирающуюся отъ возникновенія государства въ XV-мъ вѣкѣ до временъ Екатерины II-й; только начальство надъ постоянными войсками отнято было у воеводъ при Петрѣ. Но Московское государство имѣло свои особенности, которыя рѣзко отличаютъ его отъ Петровскихъ временъ. Въ основаніи всѣхъ этихъ особенностей лежитъ самый способъ законодательной дѣятельности: въ Московскомъ государствѣ почти все совершалось не на основаніи общихъ соображеній, а частными мѣрами; *оно управлялось не законами, а распоряженіями*. Главнымъ руководствомъ въ областномъ управленіи служили наказы, которые давались должностнымъ лицамъ. Но эти наказы вручались отдѣльно каждому лицу; содержаніе ихъ было чрезвычайно разнообразно; изложенныя въ нихъ пра-

вила далеко не обнимали собою всѣхъ случаевъ, и обыкновенно даже они не были совершенно обязательны для правителей. Общаго же наказа не было до временъ Петра Великаго. Этотъ ходъ законодательства опредѣлилъ весь характеръ областнаго управленія того времени.

Первымъ слѣдствіемъ было то, что административныя учрежденія не были повсемѣстными; однимъ округомъ управляли воеводы, другимъ городовые прикащики, третьимъ губные старосты, въ четвертомъ были однѣ земскія власти. Губныя дѣла завѣдывались гдѣ воеводами, гдѣ губными старостами, гдѣ сыщиками; въ однихъ мѣстахъ были земскіе судейки, въ другихъ ихъ вовсе не было. Тоже можно сказать и о множествѣ другихъ учрежденій.

Самыя мѣры были отрывочны; законодательство не составляло системы, исходящей изъ общаго начала и проникающей во всѣ частности. По мѣрѣ появленія случайной практической потребности дѣлалось въ одномъ мѣстѣ одно распоряженіе, въ другомъ иное; прежнія учрежденія оставались подлѣ новыхъ, которыя часто имъ противорѣчили, и все это вмѣстѣ составляло безпорядочную массу самыхъ разнородныхъ и отрывочныхъ распоряженій. Такимъ образомъ въ учрежденіяхъ XVII-го вѣка можно видѣть слѣды всѣхъ прежнихъ системъ управленія: жалованныя грамоты и привилегіи, кормы, частное поручительство, родственныя отношенія въ службѣ напоминали средневѣковую жизнь; отъ системы XVI-го вѣка остались земскіе судейки, губные старосты и городовые прикащики, самостоятельно управлявшіе отдѣльными окру-

гами. Все это перемѣшивалось безъ всякаго порядка, безъ всякой системы.

Правительственныя мѣры были кромѣ того чрезвычайно разнообразны. Способовъ управленія было много, и каждый избирался по мѣстному удобству и по случайнымъ соображеніямъ. Не было для каждаго дѣла единаго, общаго, законнаго способа, опредѣленнаго государственными потребностями; частные виды рѣшали все, и если отъ этого выигрывало иногда мѣстное удобство, то цѣлое управленіе дѣлалось отъ этого необыкновенно сложнымъ и запутаннымъ. Одно и тоже дѣло поручалось иногда одному лицу, иногда другому; вѣдомство, права и взаимныя отношенія должностныхъ лицъ опредѣлялись самыми разнообразными постановленіями, безъ руководствующихъ нормъ; различныя системы управленія—коллегіальная, бюрократическая, приказная, вѣрная, земская, замѣнялись одна другою безъ всякаго установленнаго правила. Способы дѣйствія были также различны, и весьма часто опредѣлялись, иногда въ очень важныхъ случаяхъ, не общимъ закономъ, а усмотрѣніемъ мѣстныхъ властей. Наконецъ и самое подчиненіе было весьма разнообразно: одни и тѣже дѣла завѣдывались то однимъ приказомъ, то другимъ.

Отсюда проистекало неравенство во всѣхъ сферахъ областнаго управленія. Развитое государство, установляя общественный порядокъ, уравниваетъ всѣ явленія общественной жизни и подводитъ ихъ подъ общія категоріи, опредѣляемыя государственными потребностями. Но такихъ общихъ категорій или разрядовъ не было въ Московскомъ государствѣ; всѣ явленія оставались въ томъ случайномъ видѣ, какой они полу-

чали, возникая каждое отдѣльно отъ другихъ. Если въ какомъ нибудь мѣстѣ неравенство было слишкомъ ощутительно и слишкомъ затрудняло управленіе, происходило частное уравненіе. Иногда же всѣ неравныя явленія располагались по извѣстной лѣствицѣ, которая, сохраняя неравенство, придавало ему однакоже нѣкоторую правильность. Такъ произошли: лѣствица городовъ, лѣствица воеводской чести, которая выражалась въ нѣкоторыхъ преимуществахъ однихъ воеводъ передъ другими, лѣствица подъячихъ въ приказной избѣ. Но обыкновенно даже и этого не было: неравенство оставалось въ случайномъ безпорядкѣ, безъ всякаго опредѣляющаго правила. Такимъ образомъ областное дѣленіе осталось въ томъ хаотическомъ видѣ, въ какомъ оно было при постепенномъ образованіи Московскаго государства; происходили только частныя уравненія, которыя еще болѣе увеличивали пестроту. Тоже самое можно сказать и о степени власти правителей; она опредѣлялась не общими категоріями, а случайными соображеніями, различными не только по мѣстности, но и по времени. Одному давалось болѣе правъ, другому менѣе; получившій больше правъ въ одномъ разрядѣ дѣлъ, получалъ ихъ меньше въ другихъ; воевода значительнаго города въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имѣлъ менѣе власти, нежели воевода ничтожнаго города. Тоже должно сказать и о подчиненіи воеводъ однихъ другимъ, равно какъ и о подчиненіи другихъ мѣстныхъ правителей и сборщиковъ. Самые штаты были различны, какъ по мѣстности, такъ и по времени, или лучше сказать, правильныхъ штатовъ вовсе не было: въ одинъ городъ посылалось то больше правителей, то меньше, на основа-

нія случайныхъ соображеній. Также неравны были наконецъ и права отдѣльныхъ союзовъ и лицъ; права даровались имъ жалованными грамотами, по особенной царской милости, или за деньги, такъ что одни имѣли болѣе правъ, другіе менѣе, нѣкоторые же ихъ вовсе не имѣли, и все это не на основаніи какихъ либо государственныхъ видовъ, но единственно потому, что одни съумѣли ихъ выпросить, а другіе нѣтъ. Это былъ остатокъ средневѣковой системы частныхъ привилегій.

Такое неравенство установлялось самими указами, которые имѣли въ виду только частныя цѣли. Но во многихъ случаяхъ законъ вовсе не опредѣлялъ отношеній, и тогда все рѣшалось уже собственнымъ усмотрѣніемъ правителей и случайными мѣстными обстоятельствами. Въ Московскомъ государствѣ не было общихъ юридическихъ началъ, строго опредѣляющихъ и разграничивающихъ права и обязанности лицъ; отсюда происходила юридическая неопредѣленность, которая господствовала въ администраціи. Вообще, точность юридическихъ правилъ можетъ происходить изъ двоякаго источника: изъ частныхъ правъ и изъ государственнаго начала. Но въ администраціи Московскаго государства было весьма слабое развитіе частнаго права; оно предполагаетъ самостоятельную жизнь частныхъ союзовъ, а въ древней Россіи частные союзы, вслѣдствіе отсутствія союзнаго духа, были очень непрочны и получили нѣкоторую крѣпость уже отъ государства. Поэтому они не имѣли въ самихъ себѣ твердыхъ юридическихъ началъ, которыя могли бы опредѣлить всѣ ихъ права и отношенія. Только тамъ, гдѣ дѣло касалось до личныхъ правъ отдѣльныхъ людей, напримѣръ въ мѣстничествѣ, бы-

ли и строгія юридическія правила и развитая юри-
ческая казуистика. Въ мелкихъ же союзахъ юридиче-
ской жизни почти не было, и даже тѣ права, кото-
рыя они пріобрѣтали жалованными грамотами, безна-
казанно нарушались воеводами, а нерѣдко даже самимъ
центральнымъ правительствомъ, которое между тѣмъ
подтверждало прежнія грамоты. Съ другой стороны
и государственное начало не могло еще установить
точныхъ юридическихъ правилъ. Оно было слишкомъ
мало развито; все рѣшалось частнымъ удобствомъ,
все дѣлалось частными мѣрами, распорядительнымъ
образомъ. Личное усмотрѣніе имѣло гораздо болѣе
значенія, нежели законное правило; общихъ сообра-
женій, общей системы вовсе не было. Поэтому весь-
ма много отношеній оставались совершенно неопредѣ-
ленными. Установлялась, напримѣръ, коллегіальная
форма управленія, но отношенія лицъ и способъ рѣ-
шенія дѣлъ не опредѣлялись закономъ; производились
выборы, но правила выборовъ, способъ подачи голо-
совъ, предоставлялось опредѣлить самимъ избирате-
лямъ; не было даже законнаго большинства, и всѣ
несогласія рѣшались не установленными правилами, а
частными распоряженіями.

Также неопредѣленно было и разграниченіе вѣ-
домствъ, правъ и обязанностей правителей. Не было
сознательнаго различія между центральною властью и
мѣстною; одни и тѣже дѣла, на совершенно одинакомъ
основаніи, производились то тѣми, то другими, и это
рѣшалось не только случайными соображеніями, част-
ными правами, но и просто прихотью просителя, ко-
торый могъ подавать просьбу и въ Московскій при-
казъ и мѣстному правителю. Самое подчиненіе было

часто очень неопредѣленно; въ нѣкоторыхъ дѣлахъ, особенно въ финансовыхъ, довольно точно опредѣлялась степень власти мѣстныхъ правителей, но во многихъ случаяхъ ихъ отношенія къ приказамъ оставались совершенно неопредѣленными, и они дѣйствовали по собственному усмотрѣнію. Имъ предписывалось отсылать въ приказы тѣ дѣла, «которыхъ за чѣмъ вершить не мочно», и писать «по часту о всякихъ дѣлахъ», а вслѣдствіе этого они дѣлали донесенія, какъ имъ вздумывалось. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ именно приказывалось доносить въ Москву о какомъ нибудь дѣлѣ, они нерѣдко пренебрегали этою обязанностью и впродолженіе цѣлыхъ годовъ не посылали ни донесеній, ни отчетовъ. Это отсутствіе іерархическаго порядка выражалось и въ отношеніяхъ подчиненныхъ правителей къ своимъ мѣстнымъ начальникамъ. Къ первымъ посылались изъ Москвы грамоты иногда черезъ начальниковъ, иногда помимо ихъ; сами подчиненные дѣлали донесенія иногда своимъ начальникамъ, иногда мимо ихъ Московскимъ приказамъ, иногда тѣмъ и другимъ вмѣстѣ.

Не болѣе порядка было и въ разграниченіи отдѣльныхъ системъ управленія и вѣдомствъ различныхъ должностныхъ лицъ. Одни и тѣже дѣла находились въ вѣдомствѣ различныхъ правителей, которыхъ взаимныя отношенія не были точно опредѣлены закономъ. Въ особенности это проявлялось въ отношеніяхъ воеводъ къ земскимъ властямъ. Объ отношеніяхъ ихъ къ вѣрнымъ сборщикамъ были еще нѣкоторыя постановленія въ наказахъ таможеннымъ и кабацкимъ головамъ, хотя и здѣсь многое оставалось неразрѣшеннымъ, и самыя постановленія были разнообразны. Но отноше-

нія воеводъ къ земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ и къ земскимъ судейкамъ до послѣдней четверти XVII-го вѣка оставались безъ всякихъ законныхъ опредѣленій. Они завѣдывали одними и тѣми же дѣлами, но права ихъ и обязанности вовсе не были разграничены. Иногда только отдѣльнымъ общинамъ давались жалованныя грамоты, опредѣлявшія нѣкоторыя ихъ права, но и тѣ часто нарушались воеводами.

Съ другой стороны не было юридическаго опредѣленія самыхъ должностей. Извѣстная должность не установлялась для извѣстнаго разряда дѣлъ, но одно и тоже дѣло поручалось, по усмотрѣнію, то одному, то другому, то третьему лицу, и наоборотъ, въ однѣхъ рукахъ соединялись дѣла самыя разнородныя, часто неимѣвшія никакой связи между собою. Не было юридическаго анализа, раздѣляющаго дѣла на извѣстные разряды, и каждая должность носила болѣе характеръ порученія, нежели постояннаго государственнаго учрежденія.

Наконецъ и самые округи, на которые простиралось вѣдомство правителей, не были точно разграничены; одинъ воевода посылалъ въ округъ другаго своихъ подчиненныхъ, которые сами дѣлали нужныя распоряженія. Земскіе округи, установляемые для платежа податей и для отправленія повинностей, измѣнялись безпрерывно, безъ всякаго твердаго основанія. Не было юридически опредѣленныхъ, прочныхъ мѣстныхъ союзовъ, которые бы служили постоянными единицами для сбора податей и отправленія повинностей, но частное удобство опредѣляло, съ какого округа должны быть взимаемы сборы.

Понятно, что при такой юридической неопредѣленности личному произволу было обширное поприще. Къ этому присоединялись: отсутствіе законныхъ формъ дѣлопроизводства, запутанность управленія и недостатокъ административныхъ средствъ, которые не дозволяли правительству имѣть точныя свѣденія о состояніи мѣстнаго управленія; наконецъ дальность разстоянія и трудность сношеній. Послѣдствіемъ всего этого было то, что злоупотребленіямъ не было конца; не только тайное лихоимство, но явное нарушеніе законовъ, открытый и явный грабежъ и насилія были явленіемъ очень обыкновеннымъ. Для предупрежденія этихъ золъ правительство должно было прибѣгать къ самымъ стѣснительнымъ мѣрамъ, къ частымъ перемѣнамъ правителей, что съ другой стороны не было выгодно для управленія и собственно даже приносило мало пользы. Поэтому подчиненные должны были иногда прибѣгать къ самовольнымъ поступкамъ, которые правительство дозволяло, потому что невозможно было вынести злоупотребленій.

Изъ всего этого можно вывести, что въ областномъ управленіи Московскаго государства видно отсутствіе единообразнаго, повсемѣстнаго, систематическаго законодательства, отсутствіе общихъ разрядовъ и категорій, отсутствіе юридическихъ началъ, словомъ отсутствіе государственной системы. Все совершалось распоряженіями, частными мѣрами, на основаніи частныхъ соображеній. Но такой порядокъ возможенъ только въ частномъ хозяйствѣ, гдѣ личный надзоръ хозяина служитъ лучшимъ руководствомъ въ управленіи; въ обширномъ же государствѣ такой надзоръ невозможенъ, и необходимы твердыя, постоянныя правила, вытека-

ющія изъ государственныхъ потребностей и стѣсняющія личный произволъ.

Вообще, при развитіи государственнаго организма ходъ законодательства можетъ быть двоякій: практическій и теоретическій. Практическое законодательство отправляется отъ частныхъ потребностей и соображеній, и медленно, незамѣтно измѣняетъ старый порядокъ вещей; теоретическое же, напротивъ того, отправляется отъ общей системы и прилагаетъ ее къ жизни, разрушая старый порядокъ и замѣняя его новымъ. Практическій ходъ имѣетъ ту выгоду, что онъ не вдругъ измѣняетъ привычки, не нарушаетъ обычныхъ формъ, въ которыя люди уже вжились вѣками, не сбиваетъ съ толку и правителей и управляемыхъ. Но за то, съ другой стороны, изъ чисто практическаго хода можетъ выдти самая безобразная, безпорядочная и запутанная система законодательства. Всѣ прежнія постановленія держатся, пока могутъ, потерявши смыслъ, противорѣча новымъ, безъ всякой связи съ другими; то, что прежде было разумнымъ, дѣлается безсмысленнымъ, прежнее благодѣяніе обращается въ гнетъ, и внуки страдаютъ отъ остатковъ отцовскихъ учрежденій. Новыя постановленія дѣлаются безъ всякихъ общихъ соображеній, безъ всякой системы; общій порядокъ приносится въ жертву частному удобству, управленіе осложняется и запутывается до безконечности, произволъ является всюду, и злоупотребленіямъ нѣтъ конца. Поэтому, если при измѣненіи стараго порядка вещей сначала преобладаетъ практическій ходъ законодательства, то самая безвыходность положенія ведетъ къ необходимости теоретическаго преобразованія. Послѣднее отправляется также отъ практической потребности установить порядокъ и строй-

ность въ государственномъ организмѣ; оно временно нарушаетъ привычки, производитъ смятеніе, иногда даже, при недостаткѣ практическаго взгляда, вводитъ учрежденія несвоевременныя или противныя народному духу; но эти частныя неудобства выкупаются водвореніемъ общественнаго порядка, установленіемъ единства, и правильности въ управленіи, умноженіемъ государственныхъ средствъ и развитіемъ народнаго благосостоянія.

Изъ всѣхъ историческихъ народовъ одни Римляне умѣли удивительнымъ образомъ сочетать теоретическій ходъ съ практическимъ; на основаніи теоретическихъ воззрѣній они медленно, незамѣтно измѣняли одну законодательную систему въ другую. Поэтому ихъ законодательство служитъ образцомъ для всѣхъ народовъ. Но Римляне измѣняли свои національныя учрежденія, составлявшія стройную систему, въ учрежденія общечеловѣческія, составлявшія также стройную систему разумныхъ юридическихъ началъ. Новые же народы должны были вывести систему государственнаго организма изъ хаотическаго безпорядка средневѣковой жизни. Это были двѣ противоположныя крайности: средневѣковая жизнь съ своими частными правами, съ мелкими союзами, съ обособленіемъ каждый частной сферы, съ безконечнымъ раздробленіемъ частей и неисчерпаемымъ разнообразіемъ общественныхъ явленій; новое государство съ началомъ общественнаго блага и порядка, съ подчиненіемъ всѣхъ частностей общему праву, съ нераздѣльностію частей, съ единообразнымъ, систематическимъ законодательствомъ, съ правильнымъ устройствомъ государственнаго организма. При такомъ измѣненіи общественной жизни новые народы шли

различными путями: одни, находясь подъ вліяніемъ средневѣковыхъ учрежденій, разнообразныхъ и частныхъ, пошли путемъ практическимъ, другіе, основываясь на новомъ началѣ, дали законодательству направленіе теоретическое. Образцомъ первыхъ служитъ Англія, гдѣ государство сложилось, какъ связь мѣстныхъ и частныхъ союзовъ, какъ сдѣлка различныхъ элементовъ общественной жизни Среднихъ Вѣковъ. Потому Англійское законодательство, основанное на частныхъ правахъ и привилегіяхъ, на мѣстныхъ постановленіяхъ, на древнихъ законахъ, которые измѣняются только вслѣдствіе настоятельной практической необходимости, представляетъ такой безпорядокъ, такое отсутствіе всякой стройности и системы, такое множество безобразныхъ явленій, какъ никакое другое Европейское законодательство. Но въ Англіи это искупается развитіемъ личныхъ правъ и основаннаго на нихъ чувства законности. Каждый сознаетъ право какъ свое, и подчиняется ему съ любовью. Этого развитія личныхъ правъ нѣтъ въ другихъ западныхъ Европейскихъ законодательствахъ, которыя развивались теоретически. Тамъ измѣненія совершались на основаніи общихъ государственныхъ потребностей, которыя сознавались теоретически и вводились въ жизнь вслѣдствіе этого сознанія; нерѣдко это дѣлалось систематическими преобразованіями и даже насильственными переворотами. Это въ особенности можно сказать о Франціи, гдѣ законодательство получило вслѣдствіе того необыкновенную стройность, такъ что ея административныя учрежденія послужили образцомъ для всей Европы.

Московское государство по существу своему принадлежало къ тому разряду, гдѣ законодательство

должно было развиваться путемъ теоретическимъ. Оно возникло не изъ условнаго соединенія мелкихъ союзовъ, не изъ сдѣлки различныхъ общественныхъ элементовъ, но образовалось вслѣдствіе новыхъ понятій объ общественной жизни, объ общественномъ порядкѣ и о верховной власти. Менѣе, нежели гдѣ нибудь, было въ немъ прочныхъ мелкихъ союзовъ; поэтому болѣе, нежели гдѣ нибудь, было въ немъ потребности въ государственной системѣ. Оно развилось не на основаніи частныхъ правъ, а на основаніи государственныхъ нуждъ и пользъ; все совершалось правительствомъ, все установлялось сверху; поэтому все должно было дѣлаться на основаніи систематическихъ воззрѣній. Общія юридическія нормы должны были замѣнить недостатокъ юридическаго сознанія въ народѣ.

Однакоже этого не было: въ законодательствѣ Ивана IV-го видна попытка установить государственную систему; въ Судебникахъ, въ Уложеніи, въ Новоторговомъ уставѣ видна государственная мысль, но вообще все управленіе основано было на частныхъ распоряженіяхъ; общихъ соображеній не было, и все дѣлалось практическимъ, безсознательнымъ образомъ. Это происходило отъ того, что Московскому государству недоставало теоретическаго образованія. Только сознательная теорія, только разумныя юридическія положенія могутъ дать ключъ къ систематическому устройству государственнаго организма; чисто практическій ходъ можетъ привести къ этому развѣ въпродолженіи многихъ вѣковъ. Объяснимъ это примѣромъ: при безконечномъ разнообразіи предметовъ управленія нужно раздѣлить ихъ на извѣстныя отрасли, чтобы

дать управленію правильное устройство. Но частныя измѣненія никогда не приведутъ къ такому раздѣленію: разнородныя явленія, смѣшанныя въ жизни, будутъ смѣшаны и въ управленіи; общій порядокъ, о которомъ нѣтъ яснаго сознанія, будетъ всегда принесенъ въ жертву частному удобству. Систематическое раздѣленіе можно слѣдственно сдѣлать только теоретически, отправляясь не отъ того, *что есть*, а отъ того, что̀ *должно быть*; потомъ уже слѣдуетъ приложить его къ жизни, примѣняясь къ практическимъ потребностямъ народа. Тоже должно сказать и объ устройствѣ арміи; нужно теоретическое знаніе военнаго искусства для того, чтобы привести ее въ желанное состояніе. При всякомъ систематическомъ устройствѣ государственныхъ учрежденій необходимо слѣдственно теоретическое образованіе, и когда является потребность одного, является потребность и другаго. Западные народы получили свое теоретическое образованіе изъ Римскаго права, на почвѣ котораго они возникли; Россія должа была получить его отъ западныхъ народовъ. Поэтому, когда Петръ Великій дошелъ до сознанія о необходимости государственной системы, къ которому привела его современная ему жизнь, онъ прежде всего поѣхалъ на Западъ, перенялъ западное образованіе и существенною цѣлью поставилъ себѣ сближеніе Россіи съ западными государствами.

Петръ Великій не ввелъ никакихъ новыхъ началъ въ областное управленіе; онъ только привелъ въ порядокъ существующее. Попытка его установить правильное раздѣленіе областнаго управленія, которое прежде того все сосредоточивалось въ рукахъ воеводъ,

была преждевременна и потому не удалась. Послѣ его смерти воеводы по прежнему соединили всю власть въ своихъ рукахъ, но управленіе получило уже правильную организацію. Результатомъ преобразованія было слѣдственно систематическое устройство управленія. Этимъ опредѣляется его значеніе, которое прямо вытекало изъ потребностей того времени и изъ характера государственныхъ учрежденій XVII-го вѣка. Преобразованія Петра Великаго составляютъ третью эпоху въ развитіи областныхъ учрежденій Московскаго государства: въ XVI вѣкѣ установлены были общественныя повинности и устроено основанное на нихъ земское начало; въ XVII вѣкѣ развито было правительственное начало; въ XVIII вѣкѣ весь государственный организмъ получилъ правильное, систематическое устройство.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

